

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2023. № 495. Октябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 495. October

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Резанова З.И., Степаненко А.А.** Фреймирование кризисной ситуации в институциональных и персональных медиа (на материале текстов о Covid-19) 5
- Волошина С.В.** «Язык» как ключевой концепт культурно-языкового ландшафта Сибири (на материале устных рассказов сельских жителей Томской области) 14
- Козiorova Ю.И.** Комитативная конструкция в современном кетском языке 28
- Крюкова Л.Б., Скирневская В.Ю.** Текстобразующий потенциал перцептивных языковых единиц в интернет-журнале (на материале культурологического проекта «Arzamas») 39
- Поплавская И.А., Генина Н.Е.** Библиотека Г.Н. Потанина в Томске: история формирования, состав, инскрипты 49

ФИЛОСОФИЯ

- Головашина О.В.** Репрезентация идентичности: почему не каждую традицию можно изобрести? 62
- Пантыкина М.И.** Экспликация внутреннего убеждения судьи в контексте трансцендентальной философии (А. Райнах, К.-О. Апель, Дж. Серл) 71

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Труфанов Д.О., Сакаев В.Т.** Факторы и механизмы радикализации мусульманских сообществ (на примере мусульманских сообществ России) 79

ИСТОРИЯ

- Колева Г.Ю.** Геологические исследования на территории Ямало-Ненецкого национального округа в период реализации проектов железнодорожного строительства (1943–1953 гг.) 92
- Коньков Д.С., Шевцова О.П.** Губка монастыря: роль календарной и люстрационной обрядности в формировании образа юродивой в «Лавсаике» Палладия 106
- Моисеева Л.А., Сулейманова М.Н.** К проблеме изучения казахов Оренбургской области 117
- Павленко О.К.** Мобилизационная модель развития угольной отрасли Дальнего Востока (1928–1941 гг.) 131

ПЕДАГОГИКА

- Аликина Е.В., Починок Т.В.** Организация профессионально ориентированной практической подготовки специалистов по межкультурной коммуникации и переводу: опыт идейного сотрудничества белорусского и российского вузов 140
- Касаткин П.И., Гулов А.П.** Университет как значимый актор реализации предметных олимпиад: опыт МГИМО 148
- Леушина И.В., Леушина Л.И.** Профессиональная креативность преподавателя иностранного языка и результативность иноязычной подготовки студентов технического вуза 160

CONTENTS

PHILOLOGY

- Rezanova Z.I., Stepanenko A.A.** Framing a crisis situation in institutional and personal media (based on COVID-19 texts) 5
- Voloshina S.V.** “Language” as a key concept of the cultural and linguistic landscape of Siberia (based on oral stories of rural residents of Tomsk Oblast) 14
- Koziorova Yu.I.** The comitative construction in the modern Ket language 28
- Kryukova L.B., Skirnevskaya V.Yu.** The text-forming potential of perceptual language units in the Internet journal (based on the material of the cultural project Arzamas) 39
- Poplavskaya I.A., Genina N.E.** Georgy Potanin’s library in Tomsk: History of formation, composition, inscripts 49

PHILOSOPHY

- Golovashina O.V.** Representation of identity: Why cannot every tradition be invented? 62
- Pantykina M.I.** Explication of the judge’s inner conviction in the context of transcendental philosophy (Adolf Reinach, Karl-Otto Apel and John Searle) 71

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Trufanov D.O., Sakaev V.T.** Factors and mechanisms of Muslim communities’ radicalization (on the example of Muslim communities in Russia) 79

HISTORY

- Koleva G.Yu.** Geological research on the territory of Yamalo-Nenets National Okrug during the implementation of railway construction projects (1943–1953) 92
- Konkov D.S., Shevtsova O.P.** Sponge of the monastery: Calendar and lustration rites in shaping the holy fool image in Palladius’ *Lausiac History* 106
- Moiseeva L.A., Suleymanova M.N.** To the problem of studying the Kazakhs of Orenburg Oblast 117
- Pavlenko O.K.** Mobilization model the Far East coal industry development (1928–1941) 131

PEDAGOGICS

- Alikina E.V., Pochinok T.V.** Organization of professionally oriented practical training of specialists for intercultural communication and translation: Experience of ideological cooperation between Belarusian and Russian universities 140
- Kasatkin P.I., Gulov A.P.** University as a significant actor in the implementation of subject olympiads: MGIMO experience 148
- Leushina I.V., Leushina L.I.** Professional creativity of a foreign language teacher and the effectiveness of foreign language training for students of a technical university 160

Мутьев А.В. Организационно-педагогические условия допризывной подготовки в городе Симферополе в период Первой мировой войны	171
Савченко И.А. Развитие иноязычной научно-коммуникативной компетенции как функция городского университета	179

ПРАВО

Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Корректировка типовых поисковых профилей российских и зарубежных серийных убийц	189
Заславская Н.М. Требования в области охраны окружающей среды при цифровизации	196
Карпов С.Ю., Понимаскин А.Я. Особенности организации судебно-экспертной профилактической деятельности пожарно-технического эксперта	205
Россинский С.Б. Приоритетность избрания меры пресечения в отношении обвиняемого как деструктивный пережиток прошлого	215
Терентьева В.А. Общие виды освобождения от уголовного наказания: сравнительно-правовой анализ	222
Филиппова О.В. Состояние рецидивной преступности и социально-экономическое положение региона	228

Mutiyev A.V. Organizational and pedagogical conditions of pre-conscription training in Simferopol during World War I	171
Savchenko I.A. Development of foreign language scientific and communicative competence as a function of a city university	179

LAW

Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Correction of typical search profiles of Russian and foreign serial killers	189
Zaslavskaya N.M. Requirements in the field of environmental protection during digitalization	196
Karpov S.Yu., Ponimaskin A.Ya. Features of the organization of forensic preventive activities of a fire-technical expert	205
Rossinskiy S.B. The priority of applying a measure of restraint against the accused as a destructive relic of the past	215
Terentieva V.A. General types of exemption from criminal punishment: A comparative legal analysis	222
Filippova O.V. The state of recidivism and the socio-economic situation of the region	228

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'33
doi: 10.17223/15617793/495/1

Фреймирование кризисной ситуации в институциональных и персональных медиа (на материале текстов о COVID-19)

Зоя Ивановна Резанова¹, Андрей Александрович Степаненко²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ rezanovazi@mail.ru

² stepanenkone@mail.ru

Аннотация. Выявляются варианты фреймового моделирования ситуации пандемии COVID-19, реализованные в условиях инфодемии в текстах новостных агентств и социальной сети Твиттер. Анализ проведен с использованием методик дискурс-анализа, автоматического тематического моделирования и фреймового анализа. Представлены дискурсивные варианты инвариантного фрейма «пандемия COVID-19», которые являются моделями «среднего уровня», конкретизирующими общий фрейм в текстовых реализациях новостей и твитов. **Ключевые слова:** инфодемия, COVID-19, фрейм, фреймирование, Твиттер, новости, дискурс, тематическое моделирование, дискурс-анализ

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01001).

Для цитирования: Резанова З.И., Степаненко А.А. Фреймирование кризисной ситуации в институциональных и персональных медиа (на материале текстов о COVID-19) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/495/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/1

Framing a crisis situation in institutional and personal media (based on COVID-19 texts)

Zoya I. Rezanova¹, Andrey A. Stepanenko²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ rezanovazi@mail.ru

² stepanenkone@mail.ru

Abstract. The article presents variability in the frame modeling of the COVID-19 disease in the conditions of infodemic in news texts (RIA, TASS, Lenta) and the social network Twitter. The analysis was based on the methods of discourse analysis, automatic topic modeling and frame analysis. Different versions of discursive framing of the pandemic situation in news texts and Twitter are determined by the structure of the base frame *new coronavirus infection (COVID-19)*. This frame is interpreted as a variant of the implementation of a more general frame – “disease”. Its structure is formed by a set of subframes (nodes of the base frame in graphical models) represented at two levels of specification. The first-level subframes reflect specific social interactions caused by the specifics of the disease (types of treatment, quarantine measures, the global scale of the spread, the study of the virus). The second-level subframes represent various aspects of the social consequences of the pandemic. Such methods as automatic topic modeling and vector analysis are used to identify the directions of framing in the news texts and personal Internet discourse (Twitter). The research results demonstrate both commonalities and expected differences in the media representation of the pandemic due to the target orientation of the discourses and their actors' role positions. The first-level node, representing the disease as a physical condition experienced by the subject, is actualized in a single middle-level node of Twitter, as well as at lower-level nodes in news and tweets as a part of other subframes associated with different social aspects of the pandemic. The analysis revealed the commonality of the discursive actualization of the first- and second-level nodes of the base frame in the news texts and tweets, which is manifested in the allocation of the subframes of the same name. At the first level, the commonality of framing is manifested in the actualization of frames reflecting hospitalization and treatment, introduction of quarantine measures, return of citizens to their homeland, and the course of the pandemic in other countries. The commonality in the node concretization of the second-level base frame is manifested in the allocation of the same or related frames reflecting the development of the economy during the pandemic period in Russia and in the world as well as crisis phenomena in general. However, in common subframes, framing differences at lower

levels of concretization were revealed, which is reflected in the difference of their lexical representation. The main differences in the directions of framing in the studied institutional and personal media are the following. The tweets focus more on discussing the course of the disease, its diagnosis, daily statistics and treatment, while the news texts are more focused on the social consequences of the pandemic.

Keywords: infodemic, COVID-19, frame, framing, Twitter, news, discourse, topic modeling, discourse analysis

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01001.

For citation: Rezanova, Z.I. & Stepanenko, A.A. (2023) Framing a crisis situation in institutional and personal media (based on COVID-19 texts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/1

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции оказала огромное влияние практически на все аспекты жизни человека, предопределив необходимость принятия экстренных решений, изменений привычного образа жизни, ее личных и институциональных аспектов. Это вызвало необходимость исследования поведенческого, когнитивного, эмоционального ответа человека на ситуацию острого риска как в сфере здоровья, так и в других областях социального и личного развития.

Одним из социальных следствий пандемии, значимых в общемировом масштабе, является феномен инфодемии, характеризующейся переизбытком онлайн-вой и офлайн-вой информации, наличием противоположных мнений, оценок, слухов. Определение этого феномена было дано в документах ВОЗ, содержащих также призыв к научному сообществу исследовать данное социальное явление [1].

Изучение природы инфодемии как кризисного варианта коммуникативных практик должно основываться, на наш взгляд, на данных из разных информационных источников, отражающих варианты фокусировки одних и тех же событий, их интерпретации и оценки. При этом наиболее значимым считаем сравнение личностных и институционально мотивированных позиций, репрезентируемых в текстах.

Т. ван Дейк, один из крупнейших аналитиков новостного дискурса, актуализировал ангажированность новости, ее интерпретационный характер: новость не отражает ситуацию, но моделирует ее [2. С. 125, 137]. Прагматический аспект новости, включающий фокус эмпатии, тип масштабирования, призму представления ситуации, не менее важен, нежели ее информативный план.

Современные социальные сети являются площадкой для трансляции субъективных позиций «среднего» человека [3]. Анализ работ, представленных на сайте (<https://arxiv.org>) [4] и посвященных анализу медийной интерпретации коронавирусной инфекции, показал, что абсолютное большинство исследований в мире выстраивается на материале социальной сети (СС) Твиттер. Однако работы, обращенные к русскоязычному сегменту Твиттер и сравнительному анализу текстов СС и официальных СМИ, единичны.

Обзор тематик русскоязычных работ, посвященных медийному представлению ситуации пандемии COVID-19, выявил преобладание исследований, выполненных на методологической основе социологии и журналистики (см. материалы [5]). В сфере внимания

лингвистов находятся либо тексты ведущих информационных агентств и социальных сетей без внутрижанровой дифференциации, либо отдельные жанры. В фокусе исследовательского внимания в таких работах находятся: общая тематическая направленность медийных текстов; распространение фейковых новостей, концептуальное моделирование ситуации пандемии COVID-19, эмоциональный фон распространения информации. Основные используемые методы – текстологический анализ, частные приемы дискурс-анализа и концептуального моделирования (см., например, [6, 7]).

В данной статье мы ставим задачу сравнить варианты интерпретации ситуации COVID-19, реализованные в системе ситуационных фреймов в текстах новостных агентств и СС Твиттер, на основе объединения качественных и количественных методов анализа: дискурс-анализа, методологии фреймового моделирования, автоматического анализа текста. Сочетание междисциплинарных методов позволило впервые представить лингвокогнитивные модели ситуации пандемии, реализованные в текстах, противопоставленных по параметру личностных и институциональных позиций их авторов, выявить дискурсивно обусловленную вариативность фреймирования одного и того же событийного ряда.

Методы и материал исследования

На этапе формирования программы исследования был применен комплексный метод современного дискурс-анализа, предполагающий социолингвистическую и когнитивную рефлексию информационных потоков. Мы используем термин «дискурс» для обозначения типовой модели коммуникативной деятельности, актуализируя значимость противопоставления институциональных и личностных, персональных дискурсов в логике, выстроенной в работах В.И. Карасика [8. С. 5–20]. Одним из компонентов дискурсивной деятельности является текст – ее результат, объективированный в знаковой форме. Жанр, в соответствии с традицией, берущей начало от работ М. Бахтина, интерпретируется нами как типовая модель построения текста, характеризующаяся единством тематического содержания, стиля и композиционного построения [9. С. 237]. При выборе материала исследования мы опирались на работы, посвященные анализу дискурсивных и жанровых особенностей новости [2, 10] и твита [3], своеобразию коммуникативного пространства современных медиа

[3, 11, 12], выделяя аспекты, значимые для выявления способов фреймового моделирования.

В качестве основного был использован метод фреймового моделирования. В применении метода мы опирались на концепцию М. Минского, разработанную в рамках общей теории искусственного интеллекта и языковой семантики [13], теорию Р. Шенка и Р. Абельсона, объединяющую семантический и прагматический анализ [14], лингвистическую концепцию фреймового моделирования и представления знаний в языковых и текстовых единицах Ч. Филлмора [15], дискурсивную интерпретацию теории фреймов в варианте Т.А. ван Дейка и В. Кинча [16].

В данных работах при всей разнонаправленности решаемых авторами конкретных задач мы выделяем несколько моментов, значимых для ее применения в нашем исследовании.

Во-первых, фреймы интерпретируются как обобщенные модели, инварианты ситуаций, зрительных образов, действий, в том числе речевых (семантические фреймы), выводимые на основе обобщения опыта, включающего и зрительные образы (фреймы визуальных образов), и действия (фреймы-сценарии). Фреймовые модели структурируют опыт, выделяя в нем элементы, или понятия (узлы в графических схемах), и их связи. Как обобщенные модели ситуаций фреймы в полной мере не реализованы ни в одном сознании, ни в одном речевом действии.

Во-вторых, ситуационные фреймы имеют иерархическую структуру. На верхних уровнях иерархии находятся понятия, «которые всегда справедливы в отношении представляемой данным фреймом ситуации», вследствие чего составляют основу ее понимания. Нижние уровни иерархической структуры фрейма – терминалы – связывают обобщенные понятия с конкретной ситуацией, в результате чего осуществляется «приспособление фреймов к конкретным ситуациям». По Минскому, этот процесс осуществляется на основе объединения знания о ситуации, об обобщенной когнитивной модели и языковых способах их поверхностной репрезентации.

В работах Ч. Филлмора и его последователей разрабатываются вопросы способов языковой, прежде всего лексической, репрезентации фреймовых структур. Ч. Филлмор переосмысливает структуралистскую по истокам теорию семантических полей: лексические связи в структуре семантического поля предстают как отражение отношений между элементами фреймовой структуры – когнитивной основы языковой семантики. Лексико-семантические поля – это языковые репрезентанты систем фреймов, элементы поля, лексико-семантические варианты представляют слоты (узлы) фрейма.

В дискурсивной деятельности, в интерпретации Т.А. ван Дейка и В. Кинча, происходит координация обобщенной фреймовой структуры и знания о конкретной ситуации. На среднем уровне обобщения в дискурсе находится ситуационная модель. Авторы подчеркивают, с одной стороны, обобщенный характер ситуационной модели, с другой – ее «гораздо более личный характер» по отношению к инвариантному

фрейму. Построение ситуационной модели – это способ преодоления строгой алгоритмичности фреймового моделирования, его абсолютной предзаданности. В дискурсивной деятельности «системы фреймов не заданы в качестве алгоритмов восприятия, а всегда находятся в процессе своего формирования». В этих идеях мы наблюдаем пересечение с концепцией И. Гофмана о фреймировании реальности в дискурсивной деятельности [17].

В настоящее время широкое распространение теория фреймов нашла в исследованиях информационных потоков современных медиа (см., например, обзор работ в [18]). При этом фреймирование также интерпретируется, во-первых, как индивидуальный процесс, во-вторых, подчеркивается его мировоззренческая направленность [18. С. 49].

В нашей работе на основе анализа текстов двух дискурсов мы выявляем модель фреймирования «среднего уровня» – жанровую модель. Она является обобщенной по отношению к ситуационным речевым моделям, но конкретизированной по отношению к абстрактной языковой модели. В конкретном варианте дискурсивной деятельности мы наблюдаем неполную реализацию фрейма.

В совокупности текстов мы можем определить то, как общность коммуникативных установок субъектов новостного дискурса или дискурса социальной сети обуславливают спецификацию фреймового моделирования. В статье представлена лингвистическая интерпретация процессов фреймирования на основе анализа лексических репрезентантов в поверхностной структуре текстов. Лексические репрезентанты выявляются, как было отмечено, с применением методов автоматического тематического моделирования.

При этом первоначально мы моделируем базовый фрейм, выделяя узлы (по Минскому – инварианты, которые справедливы по отношению к любой ситуации) на основе семантического анализа лексем, репрезентантов фрейма, и соотносимых с ними пропозитивных структур: *болезнь – инфекция – новый тип инфекции – эпидемия – пандемия*.

Ядерной пропозицией считаем «болезненное состояние организма человека», организованное предикатом «состояние (находиться в состоянии)» и ядерным актантом «субъект состояния». Данная пропозиция репрезентируется лексемой *болезнь*. Далее пропозиция связывается с другими событийными через логические пропозиции: «болезненное состояние» > «причина состояния» > «инфекция»; «характер инфекции» > «массовое распространение», «мировой масштаб»; причина инфекции > «неизвестный возбудитель». Таким образом, лексемой *пандемия* обозначается пропозитивная композиция, объединяющая предикативные центры: «болезнь» > «заражение» > «распространение (массовое)» > «неизвестное, новое». Эти пропозиции отражают личный аспект пандемии.

Второй уровень пропозитивной структуры фрейма «пандемия» составляют пропозиции, отражающие системы социальных реакций на заболевание и его специфические черты, организуемых предикатами: «болезнь» > «лечить»; «предотвращать»; «инфекционный» >

«изолировать»; «защищать»; «новый тип инфекции» > изучать, создавать. В данном случае меняются субъектно-объектные отношения: субъект состояния «болезнь» является объектом действий «лечить», «изолировать». Субъектами соответствующих действий являются представители государственных органов, учреждений. К основной связи «болезнь» > «лечить» > «медучреждение» подключаются связи «инфекция» > «меры профилактики», в составе которых главное – «изоляция», осуществляемая не только медицинскими, но и другими государственными субъектами, учреждениями.

Следующие варианты приспособления фрейма к конкретной ситуации связаны системой конкретизаций основных предикатов: 1) «состояние» > «особо тяжелое, с массовым отрицательным результатом, смертностью»; 2) «распространение инфекции» > «экстремально массовое мирового масштаба»; 3) «новый тип инфекции» > «неизвестный вирус» > «исследования».

Первое направление конкретизации отражает наряду с лечением активизацию системы государственных и межгосударственных регулирующих мероприятий, направленных на профилактику заболевания – изоляцию людей и обеспечение их защитными средствами. Частный человек при этом включается в систему отношений не только как субъект заболевания (как следствие – объект лечения), но и как объект мер профилактики, что означает многократное увеличение интеракций разнотипных акторов, вовлечение в ситуацию практически всего населения.

Второе направление конкретизации вводит в фокус интерпретации пандемии страны всего мира. Частные субфреймы этого уровня характеризуются единством предикатов, отражающих течение заболевания и правительственные меры, направленные на преодоление пандемии, и различаются конкретными локусами и субъектами государственных акций.

Третье направление конкретизации, «новый, неизвестный вирус», вводит субфреймы, организуемые предикатами «изучение (штамма)», «создание вакцин», субъектами которых являются научные организации и их представители, локусами – Россия и ее регионы, другие страны.

Особые характеристики пандемии новой коронавирусной инфекции – мировой характер распространения – обусловили наличие в структуре фрейма субфреймов, отражающих социальные последствия пандемии. Совокупность этих субфреймов организуется предикатами, представляющими интеракции субъектов действия – государственных органов и лиц, действующих от их имени.

Выделенные субфреймы первого и второго уровней (в графических структурах – узлы верхних уровней) отражают компоненты ситуации, верные для всех контекстов актуализации фрейма «пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19», субфреймфы (узлы) третьего уровня определяют общие направления конкретизации фрейма.

Обобщенно структура фрейма представлена на рис. 1.

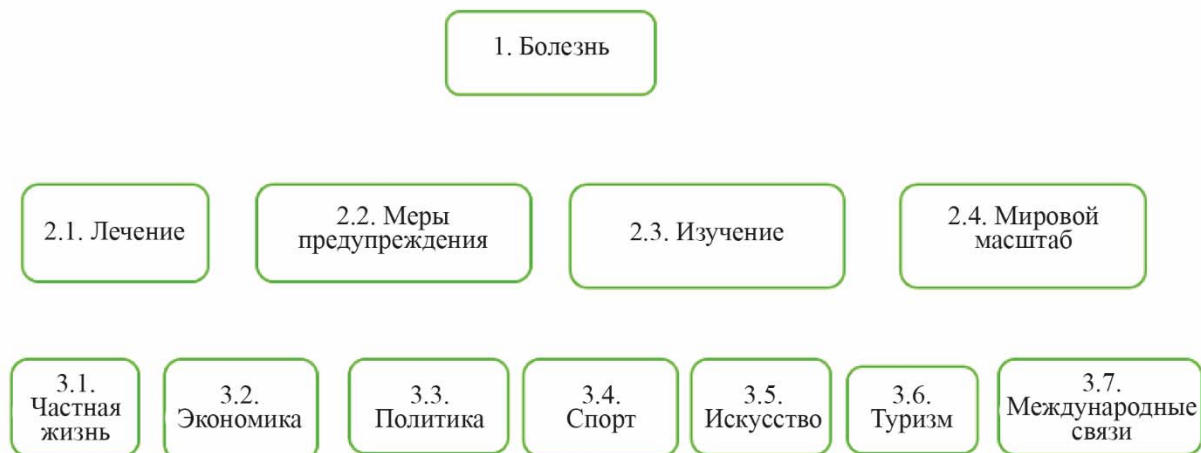

Рис. 1. Базовые узлы фрейма «пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19»

Далее выявленная на основе семантического анализа обобщенная фреймовая модель была соотнесена с ситуативными моделями, реализованными в текстовых реализациях новостей и твитов.

В качестве материала, на котором проводилось исследование, были использованы корпуса текстов новостных агентств РИА, ТАСС, Лента (10 499 390 токенов) и твитов СС Твиттер (1 163 511 токенов) за период с 01.01.2020 по 31.12.2020.

Корпусы были собраны на основании алгоритмов, разработанных на языках программирования R 4.0.2 и Python 3. Корпусы прошли предобработку, которая включала токенизацию, лемматизацию, приведение

всех слов в единый (нижний) регистр, удаление малоинформативных лексических единиц, удаление «стоп-слов».

Этапы анализа и их результаты

На первом этапе был проведен тематический анализ, т.е. была выявлена тематическая фокусировка ситуации пандемии, определяющая направления конкретизации узлов фрейма. Выявление уникальных тем в текстах двух дискурсов было проведено на основе применения алгоритма Латентного размещения Дирихле (LDA, Latent Dirichlet allocation) [19. С. 56].

Данный тип автоматического семантического анализа позволил извлечь вероятные сочетания лексем и объединить их по группам (темам). Далее было проведено ранжирование тем на основе определения «удельного веса» TF-IDF. В результате были получены группы тематически связанных слов, из которых для дальнейшего анализа были взяты по 20 групп слов, характеризующиеся наибольшим уровнем совокупной частотности составляющих слов (с развернутым списком лексем и тем

можно ознакомиться по ссылке: URL: https://docs.google.com/document/d/1OU56LZ867XQqAn5i0_8mazCumyf-hyJ9wluBHOSIJU/edit?usp=sharing).

Результат автоматического тематического анализа представлен на рис. 2, где topic – группировка лексем, тематически связанных, ida_top – числовое выражение «веса» лексемы, выявленного по формуле TF-IDF.

Topic	Ida_top
случай новый выявить заражение инфекция сутки коронавирусный заболевание крым зафиксировать подтвердить общество зарегистриров	0.0253094254662885
дом хотеть просто сидеть говорить рука температура думать болеть ходить мама вообще идти пойти выходить бог каждый очень смотреть в	0.0252926955109976
украина число статистика заболеть киев количество заразить жертва выздороветь общий инфицировать превысить больной умерший вырос	0.0252090685702612
мир борьба трансляция угроза продолжаться праздник вызов израиль снова победа сила каждый глобальный близкий штамм здравоохран	0.0251411427391565
тест результат положительный анализ провести сдать тестирование пройти лаборатория отрицательный получить рязань сделать показать с	0.0250626129004364
выявить сутки умереть подтвердить житель подтвердиться район скончаться заболеть край пациент диагностировать выздороветь	0.0250609030276732
почему знать большой нужно друг читать делать очень проблема тема писать имя момент стоить решить давать объяснить народ сделать ду	0.0250279512188379
москва самоизоляция путин режим мера собраний власть политика изоляция владимир ввести сергей столица мэр портал правительство суд	0.0249797845905141
мир трансляция опасный волна сми важный общество европа идти актуальный прогноз реалья воронеж самый этап новостиворонеж отст	0.0249380464289611
эпидемия учёный медицина новый болезн найти создать назвать исследование иммунитет наука передаваться антитело признак распрот	0.02491740723358675
китай вирус италия китайский ухань турист турция кнр европа аэропорт рейс вспышка самолёт ес россиянин мид индия въезд аэрофлот ав	0.0249077792890678
врач больница маска пациент медик пневмония больной медицинский состояние рассказать волгоград тяжёлый лечить защита средство ин	0.0248895385227146
помощь коронавирус видео доктор ответ кыргызстан правда выпуск реальный факт тюмень эфир мнение менный фонд песня срочно миф	0.0248885848517308
подозрение обнаружить госпитализировать россиянин находиться вернуться женщина подмосковье найти мужчина житель япония диагно	0.02487740466769994
covid19 coronavirius казахстан лучшемод русский стопкоронавирус конституция короновирус оставайтесьдом иркутск служба поправка го	0.0248728200922545
сша русскаявесный воз заявить трамп президент здравоохранение сообщить глава министр военный американский считать эксперт органи	0.0248654420747651
коронавирус последний собрать утро убить заразить заболеть ситуация планет накрыть красноярск дагестан челябинский исход мурманск	0.0248358894031418
коронавирус отменить лукашенко перенести футбол спорт игра несмотря мероприятие дезинфекция игрок российский матч запретить сезон	0.0248252036632857
коронавирус вакцина вакцинация ожидание против население массовый депутат российский начать госдума испытание близиться прие	0.0248163523698264
самый неделя большой коронавирус дело несколько конец пока смертность остаться выйти часть первое страшный история высокий уровне	0.0248157432895643
экономика кризис мировой бизнес рынок нефть гражданин цена бесплатный война городской проект повлиять страх открытый российский	0.0248069046930476
коронавирус ситуация школа страна кузбасс иран великобритания лекарство вирусолог продукт атаковать азербайджан корея студент трет	0.0248063296873668

Рис. 2. Ключевые темы в корпусе текстов СС «Твиттер»

Объединения лексем были поименованы на основе экспертной оценки темы членами лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета. Две группировки лексем не обнаруживали явно выраженных семантических связей, что было отмечено экспертами, и исключены из дальнейшего анализа. Темы были пронумерованы в соответствии с рангами частотности по данным автоматического анализа:

Новости – 1. COVID-19 в мире; 2. Госпитализация и лечение COVID-19; 3. Карантинные мероприятия в период COVID-19; 4. Поддержка бизнеса в период COVID-19; 5. Вспышка COVID-19 в Китае; 6. Мировой экономический кризис в период COVID-19; 7. Жизнь в период COVID-19; 8. Политическая ситуация в США в период COVID-19; 9. Возвращение россиян в период COVID-19; 10. Региональная экономика в период COVID-19; 11. Рекомендации по индивидуальной защите в период COVID-19; 12. Информированность населения о COVID-19; 13. Создание вакцины от COVID-19; 14. День Победы; 15. Протесты политическая ситуация в Белоруссии и Украине в период COVID-19; 16. Искусство в период COVID-19; 17. Туризм в период COVID-19; 18. Спорт в период COVID-19;

Твиттер: 1. COVID-19 в мире; 2. Суточная статистика COVID-19; 3. Самоизоляция в период COVID-19; 4. Тестирование COVID-19; 5. Экономика в период COVID-19; 6. Ограничения передвижений; возвращение граждан в период COVID-19; 7. Распространение COVID-19 на Украине; 8. Госпитализация и

лечение в период COVID-19; 9. COVID-19 в Беларуси; 10. Карантинные меры в Москве в период COVID-19; 11. Цикл переживания COVID-19; 12. Спорт в период COVID-19; 13. Правительственные решения в период COVID-19; 14. Ситуация в мире в период COVID-19; 15. Личные реакции на ситуацию с COVID-19; 16. Медицина в COVID-19; 17. Исследование и прививки от COVID-19; 18. COVID-19 в семье.

Данные автоматического тематического моделирования послужили основой выявления направлений интерпретации пандемии в текстах новостей и твитах, затем – их сравнения.

На рис. 3 схематически представлены направления фреймирования в новостях и твитах. Узлы верхних уровней фрейма обозначены в соответствии с представленными на рис. 1 направлениями конкретизации базовых узлов фрейма. Узлы обозначаются заглавными буквами Т – темы Твиттера, Н – темы новости, цифра обозначает порядковый номер темы, ее ранг по результатам автоматического анализа (см. список тем), например, Т1 – первая тема Твиттера, т.е. «COVID-19 в мире».

Как показал анализ и как можно видеть в схемах на рис. 3, тематические фокусы моделирования пандемии в двух дискурсах обнаруживают значительную степень совпадения. В качестве наиболее частотной в новостях и твитах представлена тема мирового масштаба пандемии, развитие пандемии в отдельных странах. Другие тематические актуализации верхних узлов фрейма, объединяющие два дискурса, – лечение короновируса,

меры предупреждения заболевания, карантинные мероприятия, в том числе ограничения передвижений в

мире, разработка и создание вакцины, что соответствует второму уровню конкретизации фрейма.

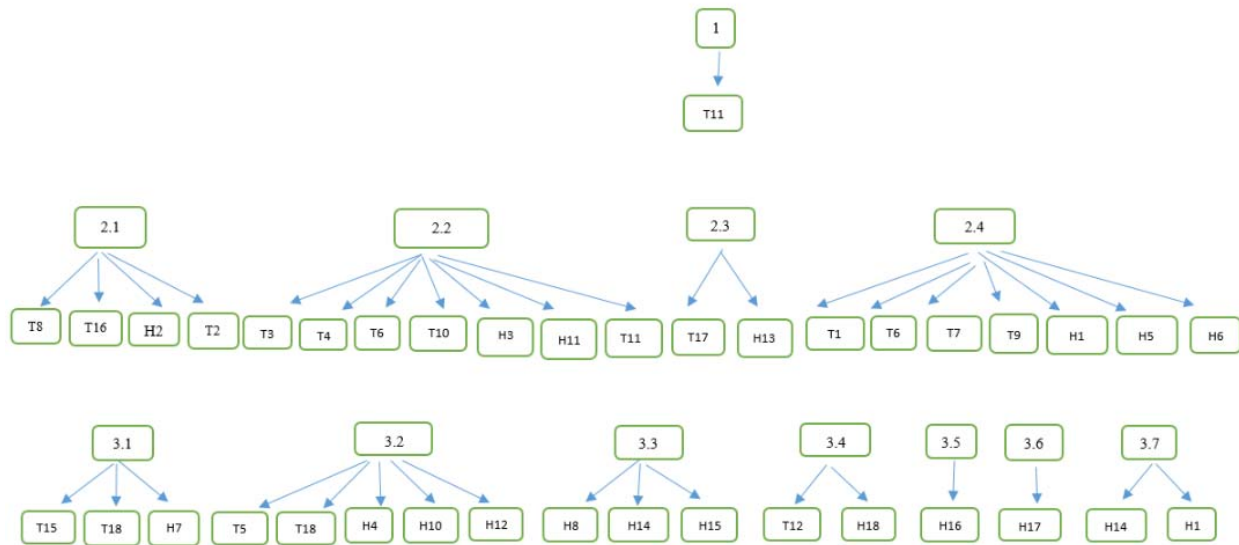

Рис. 3. Направления конкретизации фрейма в новостях и твитах

Тематическая актуализация узлов третьего уровня базовой фреймной структуры – экономика в период пандемии, а также некоторые аспекты социальной, политической жизни страны, испытавшей непосредственное влияние пандемии. Отметим, что при этом темы могут занимать более или менее близкое положение в рейтингах частотности в двух сравниваемых дискурсах.

Уже на этом уровне тематического моделирования можно видеть и различия в направлениях фреймирования ситуации пандемии. Основное различие проявилось в том, что в твитах представлена в качестве частотной тема, конкретизирующая аспекты развития самой инфекционной болезни (T11 «Цикл переживания болезни»), а также аспекты личного переживания ситуаций лечения, персональных реакций на пандемию, связанных с ожиданием ухудшения экономического положения. Данная тема конкретизирует узел фреймной структуры первого уровня. В текстах новости преобладает тематическая фокусировка на последствиях пандемии в разных областях государственной жизни (на втором и третьем уровнях субфреймовых связей), институциональная фокусировка государственного реагирования на COVID-19.

Данное своеобразие выявляется в случае, когда мы обращаемся к анализу семантики лексических единиц, объединенных в тему. Для того чтобы получить больший объем «входной» информации для выявления конкретных направлений фреймирования на более низких уровнях фреймной структуры, нами был применен еще один метод автоматического анализа текстов. Список слов каждой из 18 тем на основе применения метода векторного представления слов Word2vec [20] был дополнен лексическими единицами, наиболее близкими к результирующему вектору проведенного тематического анализа (полные результаты данного типа анализа также можно увидеть, пройдя по ссылке: URL:

<https://drive.google.com/drive/folders/1EM86Hu8r4hz9hIzoDzObktNUePuluyAg?usp=sharing>).

Привлечение результатов данного варианта автоматического анализа позволило выявить варианты дальнейших конкретизаций фреймирования ситуаций пандемии в двух типах дискурсах на все уровнях фреймной структуры. Анализ показал, что и при наличии одноименных тем фреймирование ситуации может различаться в текстах Твиттера и новостей на более низких уровнях фреймной структуры. Так, в Твиттере субфрейм T1 «COVID-19 в мире» конкретизируется в трех узлах (субфреймах): (T1a) «распространение пандемии в мире» (*мир, планета, глобально, непрерывный*); (T1b) «эмоциональная реакция на пандемию» (*опасный, угроза, надежда и улучшаться, расслабляться*) и (T1v) «динамика развития, волны COVID-19» (*волна, этап, замедление, нарастать, близиться, отступить, расползаться*). Одноименный узел данного уровня в новостных текстах имеет общий конкретизирующий узел (H1a) «распространение пандемии в мире», репрезентированный лексемами *мир, всемирный, ВОЗ*, однако более репрезентативно представлен субфрейм (H1b) «данные о развитии болезни» (*данные, портал, число, ситуация, ежедневно, наибольший, заболеваемость, максимум, рост, скончатся*).

Одноименные узлы (субфреймы) в сравниваемых медийных текстах могут отличаться разной частотностью: например, субфрейм «госпитализация и лечение COVID-19» является вторым по совокупной частотности лексем в новостях и восьмым в Твиттере. Данный тип вариаций может дополняться наличием разных конкретизирующих субфреймов. Так, в новостях этот субфрейм конкретизируется в основном субфрейме, общем с Твиттером, который представляет ситуацию лечения через призму субъекта заболевания (субфрейм

Н2а: *умирать, выздоравливать, заражаться*). Но лексически гораздо более репрезентативно в данной теме в новостях представлен субфрейм (Н2б), актуализирующий действия медицинского персонала с обозначением локусов, субъектов, процессов: *больница, медицинский, врач, госпиталь, лечение, больной, пациент, выписать*, а также субфрейм (Н2в), фиксирующий динамику распространения болезни в разные временные периоды (*штаб, зарегистрировать, максимум, опуститься, октябрь, ноябрь, декабрь*). В Твиттере, в свою очередь, дополнительно выделяется субфрейм «переживание болезни на разных ее этапах» (*состояние, тяжелый, умереть, скончаться, заболеть, выздороветь, вылечиться, заразиться*), объединяя этот узел с узлом верхнего уровня фреймовой структуры.

Другой вариант различий фреймирования обнаруживается при сравнении близких по тематике узлов Н3 «Карантинные мероприятия в период COVID-19» и Т10 «Карантинные меры в Москве в период COVID-19». Ожидаемо субфрейм имеет более разветвленный спектр конкретизаций в новостях: включает субфреймы (Н3а) «ограничительные действия со стороны государственных органов» (*ограничение, вводить, разрешать, мера, мероприятия, продлить, проведение, рекомендовать*), (Н3б) «действия граждан в ситуации самоизоляции» (*самоизоляция, соблюдение*), а также (Н3в) «номинации локусов, связанных с ограничением посещения» (*магазин, ресторан, кафе, транспорт*), и отдельный субфрейм (Н3г) «образование в пандемию» (*колледж, очный, школа, школьник, обучение, класс, ученик, учащийся*). В Твиттере соответствующий фрейм конкретизируется в обозначении (Т10а) локуса и субъектов власти (*Москва, столица, Собянин, мэр, московский*); (Т10б) ограничительных мер (*режим, мера, изоляция, ввести, отменить штраф, тестирование*).

Таким образом, вовлечение дополнительных данных автоматического векторного анализа позволяет выявлять более сложные, нелинейные отношения в направлениях фреймирования в разных дискурсах общего фрейма «COVID-19».

Обсуждение

Рассмотренные в работе варианты дискурсивного фреймирования в текстах новостей и СС «Твиттер» ситуации пандемии определяются структурой базового фрейма «новая коронавирусная инфекция COVID-19». Данный фрейм интерпретируется как вариант реализации более общего фрейма – «болезнь». Его структура формируется совокупностью субфреймов (узлов базового фрейма в графических моделях), выделяемых на

двух уровнях конкретизации. Субфреймы первого уровня отражают специфические социальные интеракции, обусловленные спецификой болезни, – типы лечения, карантинные мероприятия, мировой масштаб распространения, изучение вируса. На втором уровне выделяются субфреймы, связанные с разными аспектами социальных последствий пандемии.

Использование методов автоматического тематического моделирования и векторного анализа позволило выявить направления фреймирования, т.е. направления конкретизации базовых узлов (субфреймов) в текстах двух типов дискурсов: в институциональном новостном и личностном интернет-дискурсе (в варианте СС «Твиттер»). Результаты проведенного анализа свидетельствуют как об их значительной общности в представлении пандемии, так и ожидаемых различиях, обусловленных целевой направленностью дискурсов, ролевыми позициями их акторов. Узел первого уровня – болезнь, физическое состояние, переживаемое субъектом – актуализируется в одном узле среднего уровня Твиттера и на низших уровнях в новостях и твитах в составе других субфреймов, связанных с разными вариантами социальных аспектов пандемии.

В новостях и твитах отмечена общность дискурсивной актуализации узлов второго и третьего уровней базового фрейма, проявляющаяся в выделении одноименных субфреймов. На втором уровне общность фреймирования проявляется в актуализации фреймов, отражающих ситуации госпитализации и лечения, введения карантинных мероприятий, возвращения граждан на родину, протекания пандемии в других странах. Общность конкретизации узлов базового фрейма третьего уровня проявилась в выделении одноименных или связанных фреймов, отражающих развитие экономики в пандемию как в России, так и в мире в целом с актуализацией развития кризисных явлений. Однако при этом в выделяемых общих субфреймах различия фреймирования могут обнаруживаться на более низких уровнях конкретизации, что проявляется в различии их лексического представления.

Варианты фреймирования в самом общем виде проявляются в том, что авторы твитов в большей мере сосредоточены на обсуждении протекания болезни, ее диагностики, суточной статистики, лечении, авторы новостей – на социальных последствиях пандемии. Отметим также значимость выделения фреймов более низкого уровня конкретизации, на которых также наблюдаются различия фреймирования. Выделение данного уровня конкретизации с опорой на результаты векторного анализа позволяет выявить и наличие нелинейных связей субфреймов в общей структуре.

Список источников

1. Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации / Совместное заявление ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНЭЙДС, МСЭ, инициативы ООН «Глобальный пульс» и МФКК. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 20.05.2023).
2. Дейк ван Т. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 111–160.
3. Горошко Е.И. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер, или что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3. С. 11–21.

4. arXiv. URL: <https://arxiv.org> (дата обращения: 26.06.2023).
5. Инфодемия: существующие подходы к анализу паник, фобий, слухов, фейков во время эпидемий и предложения по борьбе с ними // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. URL: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (дата обращения: 26.06.2023).
6. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34. doi: 10.26170/pl20-02-02
7. Ерофеева И.В., Толстокулакова Ю.В., Муравьев А.В. Пандемия коронавируса в концептуальной сфере медиадискурса России и Китая: стратегия выживания // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 1. С. 78–93. doi: 10.17150/2308-6203.2021.10(1)
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 385 с.
9. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
10. Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 13–22.
11. Шмелева Т.В. Медиалингвистика: терминологический аспект // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 87, ч. 1. С. 32–35.
12. Щипицина Л.Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестник Башкирского университета. 2015. № 2. С. 528–532.
13. Минский М. Фреймы для представления знаний / под ред. Ф.М. Кулакова. М., 1979. 151 с.
14. Schank R., Abelson R. Scripts Plans and Knowledge // Advance Papers of the Fourth International Joint Conference on Artificial Intelligence. 1975. № 2. Р. 151–157.
15. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
16. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
17. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с.
18. Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В., Бабына Д.А. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях «цифровой молодежи» // Вестник Московского университета. Серия: Журналистика. 2022. № 4. С. 47–78.
19. Aggarwal C.C. Machine learning for text. 2018. 490 p.
20. Church K. Word2Vec // Natural Language Engineering. 2017. № 23 (1). Р. 155–162. doi: 10.1017/S1351324916000334

References

1. WHO. (2020) *Managing the COVID-19 infodemic: promoting healthy behaviours and mitigating the harm from misinformation and disinformation*. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (Accessed: 20.05.2023).
2. van Dijk, T. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. BGK im. I.A. Boduena de Kurtene. pp. 111–160.
3. Goroshko, E.I. (2011) “Chirikayushchiy” zhanr 2.0 Twitter ili chto novogo poyavilos’ v virtual’nom zhanrovedenii [“Tweeting” genre 2.0 Twitter or what’s new in virtual genre studies]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 11–21.
4. arXiv. [Online] Available from: <https://arxiv.org> (Accessed 26.06.2023).
5. RANEPa. (2023) *Infodemiya: sushchestvuyushchie podkhody k analizu panik, fobiy, slukhov, feykov vo vremya epidemiy i predlozheniya po bor’be s nimi* [Infodemic: existing approaches to the analysis of panics, phobias, rumors, fakes during epidemics and proposals for combating them]. [Online] Available from: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (Accessed: 26.06.2023).
6. Karasik, V.I. (2020) Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [The epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (80). pp. 25–34. doi: 10.26170/pl20-02-02
7. Erofeeva, I.V., Tolstokulakova, Yu.V. & Murav’ev, A.V. (2021) Pandemiya koronavirusa v kontseptual’noy sfere mediadiskursa Rossii i Kitaya: strategiya vyzhivaniya [The coronavirus pandemic in the conceptual sphere of media discourse in Russia and China: a survival strategy]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 10 (1). pp. 78–93. doi: 10.17150/2308-6203.2021.10(1)
8. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd.
9. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskustvo.
10. Dobrosklonskaya, T.G. (2016) Novostnoy diskurs kak ob’ekt medialingvisticheskogo analiza [News discourse as an object of mediallynguistic analysis]. In: *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial’noy praktiki i obrazovaniya* [Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education]. Belgorod: ID “Belgorod” NIU “BelGU”. pp. 13–22.
11. Shmeleva, T.V. (2015) Medialingvistika: terminologicheskii aspekt [Medial linguistics: terminological aspect]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 87 (1). pp. 32–35.
12. Shchipitsina, L.Yu. (2015) Zhanrovyy status setevogo kommentariya [Genre status of network comment]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2. pp. 528–532.
13. Minsky, R. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frameцщкл for kypresenting knowledge]. Moscow.
14. Schank, R. & Abelson, R. (1975) Scripts Plans and Knowledge. *Advance Papers of the Fourth International Joint Conference on Artificial Intelligence*. 2. pp. 151–157.
15. Fillmore, Ch. (1988) Freymy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 23. Moscow: Progress. pp. 52–92.
16. van Dijk, T.A. & Kintsch, W. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding connected text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 23. Moscow: Progress. pp. 153–211.
17. Goffman, E. (2003) *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednennogo opyta* [Frame analysis: an essay on the organization of everyday experienc]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
18. Dunas, D.V. et al. (2022) Ustanovlenie povestki dnya i effekt freyminga: o neobkhodimosti kontseptual’nogo edinstva v mediaissledovaniyakh “tsifrovoy molodezhi” [Agenda setting and the framing effect: on the need for conceptual unity in media studies of “digital youth”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Zhurnalistika*. 4. pp. 47–78.
19. Aggarwal, C.C. (2018) *Machine learning for text*. Springer.
20. Church, K. (2017) Word2Vec. *Natural Language Engineering*. 23(1). pp. 155–162. doi: 10.1017/S1351324916000334

Информация об авторах:

Резанова З.И. – д-р филол наук, зав. кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, зам. зав. лабораторией лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Степаненко А.А. – зав. научно-исследовательской лабораторией «Когнитивные исследования языка» Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: stepanenkone@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Z.I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General, Computational and Cognitive Linguistics; deputy head of the Linguistic Anthropology Laboratory, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

A.A. Stepanenko, head of the Laboratory for Cognitive Studies of Language, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stepanenkone@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2023;
одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 01.07.2023;
approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 81'27; 81'42
doi: 10.17223/15617793/495/2

«Язык» как ключевой концепт культурно-языкового ландшафта Сибири (на материале устных рассказов сельских жителей Томской области)

Светлана Владимировна Волошина¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
vsv1304@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования культурно-языкового ландшафта Сибири на примере анализа одного из его ключевых концептов – концепта «Язык». Материал – устные рассказы сельских жителей Томской области. Выявляются языковые средства, вербализующие концепт, его понятийный слой, а также образные и ценностные интерпретации. Определены аспекты актуализации его содержания: этнический, сравнительно-сопоставительный, административно-политический, анатомический. Концепт репрезентирует полиязычность региона, хозяйственную, промысловую деятельность.

Ключевые слова: концепт, Томская область, культурно-языковой ландшафт, язык

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Волошина С.В. «Язык» как ключевой концепт культурно-языкового ландшафта Сибири (на материале устных рассказов сельских жителей Томской области) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 14–27. doi: 10.17223/15617793/495/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/2

“Yazyk” as a key concept of the cultural and linguistic landscape of Siberia (based on oral stories of rural residents of Tomsk Oblast)

Svetlana V. Voloshina¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vsv1304@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to analyze the concept “yazyk” [language, tongue] that functions in the oral stories of villagers in Tomsk Oblast. The research material is oral stories (memoirs, autobiographical, everyday stories, etc.) of residents of Tomsk Oblast born in the late 19th–20th centuries. The stories were recorded during dialectological expeditions from 1946 to 2023. The concept is a unit of consciousness, which is represented by means of language and reflects the peculiarities of culture. The methodology of the analysis of the concept “yazyk” is based on the revealing of conceptual, figurative and axiological layers in the structure of the concept. Also, when describing the figurative layer, the methodology of the conceptual metaphor theory is used. The lexemes *language, speech, conversation, dialect* are the representatives of the concept. The concept “yazyk” is also verbalized with the help of units naming languages and dialects: *In the fifth grade, they already started learning German; Everything is in Estonian, she answers in Russian*. In the conceptual layer of the concept “yazyk”, the understanding of the language is actualized: 1) as a means of communication and as one of the criteria of local, regional, ethnic self-identification, which is represented by words nominating the language in a general sense, specifying names of languages; 2) as a kind of speech with certain characteristic features; 3) as an organ in the oral cavity. The aspects significant for the actualization of the concept are identified: ethnic, comparative, administrative-political, anatomical. The figurative layer of the concept “yazyk” is represented by a number of metaphorical and metonymic meanings, a large number of phraseological units that include the lexeme *language* in the anatomical understanding and are primarily related to human speech activity, rules of communication, as well as phraseological units denoting the physical and emotional state of a person, e.g., *a tongue without bones, a tongue like a mill, keep your mouth shut*, etc. *Yazyk* mainly acts as a source sphere for creating a number of figurative nominations of everyday crafts, realities. *Yazyk* is conceptualized through the images of a shovel, a mill, a broom, indicating its ability to distinguish tastes of food, to be in motion, to participate in communication. The axiological layer, representing *yazyk* as a value-driven concept, actualizes all the meanings of this word and its aspects. In the conceptual, figurative and axiological layers of the concept, its discursive specificity is manifested: the functioning of the concept in rural communication is reflected in its metaphorical meanings and in the anatomical understanding of

yazyk, which represent the villagers' economic, fishing activities. Regional specificity is manifested in ethnic, comparative, administrative and political aspects. Tomsk Oblast is represented in rural residents' oral stories as a polyethnic, multilingual region.

Keywords: concept, Tomsk Oblast, cultural and language landscape, language, tongue

Financial support: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Voloshina, S.V. (2023) "Yazyk" as a key concept of the cultural and linguistic landscape of Siberia (based on oral stories of rural residents of Tomsk Oblast). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 14–27. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/2

Язык как средство общения и трансляции культуры, традиций является неотъемлемой частью культурно-языкового ландшафта Сибири – огромной полиэтнической территории, на которой сформировалась сложная «языковая палитра».

Цель статьи – анализ концепта «Язык», функционирующего в устных рассказах жителей сел и деревень Томской области.

Материал исследования – устные рассказы сельских жителей Томской области, рожденных в конце XIX–XX вв. Основным источником материала являются аудиозаписи речи, сделанные сотрудниками и студентами филологического факультета Томского государственного университета на территории Томской области в диалектологических экспедициях со второй половины 1940-х гг. по 2022 г., расшифрованные и размещенные в Томском диалектном корпусе [1]. Лексема «язык» встречается более 330 раз в 254 текстах Томского диалектного корпуса. Кроме того, как показывает тематическая разметка корпуса, 1 839 текстов, включающих единицы, репрезентирующие изучаемый концепт, имеют фрагменты темы «Язык и речь». В исследовании используются данные диалектных словарей [2–9] и материалы аудиозаписей речи более 20 сельских жителей, осуществленные автором исследования в 2008–2023 гг. в селах Томской области: с. Первомайское Первомайского района в 2008 г., с. Мельниково Шегарского района Томской области, 2018–2022 гг., д. Берёзовка Первомайского района, 2021 г., с. Кожевниково, 2022–2023 г., с. Тека Кожевниковского района, 2023 г. К анализу также привлекаются устные рассказы очевидцев и свидетелей раскулачивания и ссылки в Нарымский край, опубликованные в книге «Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян» [10]. В исследуемом материале отражаются события XX в., среди которых миграционные процессы: добровольное и насильственное переселение и ссылка в Сибирь русских, чувашей, эстонцев, латышей, немцев, белорусов, украинцев, поляков и др., которые кроме расселения в уже существующих деревнях и селах образовывали свои национальные поселения. «В течение всего XX в. на томскую землю прибывали представители разных народов в составе разновременных миграционных потоков – беженцев и военнопленных Первой мировой войны, репрессированных и депортированных в 1930–50-х, т.н. трудовых мигрантов 1970–80-х и т.д.» [11. С. 935]. Таким образом, современная Томская область представляет довольно пестрый культурно-языковой ландшафт, в котором сосуществуют русские старожильческие говоры Сибири, языки коренных народов (татар,

чулымцев, хантов, селькупов, эвенков), русских сибиряков и переселившихся народов, проживающих здесь в том числе компактными группами. Большинство изучаемых рассказов принадлежит носителям русских старожильских говоров Среднего Приобья, но изучаются также устные рассказы носителей русского литературного языка и билингов, владеющих русским и родным языками (селькупским, татарским, чувашским, марийским, немецким, эстонским, белорусским и др.). В жанровом отношении исследуемые тексты преимущественно относятся к речевым жанрам автобиографического рассказа, воспоминания и бытового рассказа.

Актуальность такого исследования обусловлена его включенностью в контекст междисциплинарного изучения Сибири как трансграничного региона [12], уникальной в географическом, климатическом, этнокультурном, историческом, языковом отношении территории. По мнению З.Д. Поповой, И.А. Стернина, «лингвокогнитивная концептология использует понятие концепт как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы» [13. С. 10]. Описание концепта «Язык» на материале, собираемом более 75 лет, позволяет проследить степень сохранности языков разных народов, динамику представлений о своем и чужом языках спустя десятилетия после переселения представителей многих национальностей в Томскую область. Изучение ключевых концептов сибирской лингвокультуры позволяет выявить ее специфику, а также особенности культурно-языкового ландшафта данной территории. Новизна исследования определяется, с одной стороны, анализируемым материалом, поскольку рассматривается не только диалектная речь, но и речь сельских жителей-билингов, носителей литературного языка, собранная в последние 15 лет и не изучавшаяся ранее в данном аспекте. Кроме того, к настоящему времени отсутствует системное описание концепта «Язык» как одного из фрагментов культурно-языкового ландшафта Томской области и одного из инструментов мониторинга современной речевой ситуации в томских селах и деревнях. Элемент новизны прослеживается и в синтезе методик его исследования, а также в выявлении региональной и сельской специфики его актуализации.

В рамках исследования культурно-языкового ландшафта Томской области уже сделаны наблюдения относительно языковой ситуации в отдельных селах и деревнях Томской области [14, 15], осуществлено описание ключевых концептов, в том числе концептов природного и социального мира

[16–22], типов языковых личностей [23–25], речевых жанров сельского общения [25, 26]. При изучении особенностей устной сельской коммуникации исследователи обратили внимание на правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющую языкового ландшафта сибирского старожильского села, анализируют суждения говорящего о языке [27]. Особенности текстового воплощения концепта «Язык» исследованы на материале частушек, собранных в результате фольклорных экспедиций на территории Томской области [28], на материале метатекстов изучен концепт «говорить», «сказать» в русских говорах Сибири [29], описана лексико-семантическая группа глаголов говорения в говорах Среднего Приобья [30].

Концепт «Язык» не изучался на материале исследуемых в данной статье практик, однако его функционирование рассматривалось на материале паремий карачаево-балкарского [31], казахского [32], русского и английского [33], русского языков [34]; исследовалось его функционирование и репрезентация в китайском [35, 36], русском [37], якутском и английском [38], башкирском [39] и других языках. Широко представлены исследования составляющих концепта «Язык»: так, рассматривались концепты «Русский язык» [40], «Финский язык» [41], «Польский язык» [42], «Родной язык» [43, 44], «Иностранный язык» [45], «Национальный язык» [46].

Концепт в данной работе рассматривается как ментальная единица, репрезентируемая языковыми средствами. По мнению Ю.С. Степанова, концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [47. С. 43].

Методика анализа концепта «Язык» базируется на выделении в его структуре понятийного, образного и аксиологического слоев и их описании [48]. В исследуемом материале отбирались контексты, включающие лексему *язык*, единицы, в дефиниции которых включается слово *язык*, а также единицы, связанные с понятием «язык» семантическими, мотивационными, функциональными отношениями, анализировались сочетаемость обозначенных лексем, мотивационные связи, их системные отношения (синонимия, полисемия, антонимия), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний. Содержательная сторона концепта моделировалась с использованием контекстуального анализа. При описании образного слоя концепта используется методология теории концептуальной метафоры и термины в соответствии со сложившейся в этой теории традицией. Единицами анализа выступают лексемы, фразеологизмы, высказывания, фрагменты текстов.

Понятийный слой концепта «Язык»

Понятийный слой концепта выявляется через варианты его обозначения, признаковую структуру, дефиниции, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [48. С. 107].

Основным репрезентантом концепта «Язык» выступает лексема *язык*, которая в Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой представлена следующими значениями и определяется:

1. Как орган в полости рта в виде мышечного выроста у позвоночных животных и человека, способствующий пережевыванию и глотанию пищи, определяющий ее вкусовые свойства. || Этот орган некоторых животных, используемый как пища, кушанье.

2. Этот орган человека, участвующий в образовании звуков речи и тем самым в словесном воспроизведении мыслей; орган речи. || Способность говорить, выражать словесно свои мысли.

3. Система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей.

4. Разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками; стиль, слог.

5. Средство бессловесного общения [49].

В исследуемом материале реализуются все указанные значения, кроме 5-го. Переносные значения будут рассмотрены при описании образного слоя изучаемого концепта.

В Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби к слову *язык* приводится словарная статья, согласно которой лексема толкуется так:

ЯЗЫК, а', м. 1. Разговор, беседа. – *Ничё не говорел, неразговористый был, а коды язык доспет – заговорит.* 2. Слово. – *Тридцать лет она с нами жила. Впоследствии её парализовало. Сын пришёл, не мог у ней языка добиться: кровоизлияние в мозг произошло, заговорит – у неё язык прилипал* [2].

К репрезентантам концепта также относятся лексемы *разговор*, *речь*, имеющие значение «звучащий язык»: *У нас тут всё по-простому говорят. Это в Россее там всяки слова, у них там разговор другой, всё навыворот... Даже в Томском вон сколь народу, и нерусские всякие. Вот их-то разговор не такой, как наши; Село большое было, разговор разный; Была я в Москве, у хозяйки дочь была, говорит, что у меня чисто московский разговор, а я и в Москве не была; Речь у их подходя'иша к тата'рским. <...> Язык свой, как у чувашо'в; Родители мамы были из Казанской губернии. Речь их немного различалась. Мамины родители говорили на чистом казанском языке, а папины – чуть по-другому, у них больше общего было с русским языком, видно, они жили рядом с русскими.* Как отмечает Ю.А. Эмер, «в “наивной” картине языка» (Н.Д. Арутюнова) концепт «язык» отражает спонтанные представления человека, владеющего разными формами языка, но не имеющего о языке системного представления. В центре внимания «наивного» человека, как правило, чаще всего оказывается речевая деятельность, речь как продукт деятельности, потом уже язык как средство для производства речи [28. С. 34].

Исследуемый концепт вербализуют слова *говор*, *наречие*, которые используются информантами при общении с диалектологами в метаязыковых высказываниях: *Это она: «Чтоб тебя пранцы взяли!».* <...> *мы уже сразу притихали, что мама сказала: «Да*

чтоб тебя пранцы взяли!». Вот что такое, я не знаю. Но это **говор** вознесенский. Мама, бабушка вознесенская, и **говор** это вознесенский и перелюбский; У их своя **наречия**. Это с детства. Ну а у нас так не говорили. Совсем чисто говорили. Наш разговор везде отменный (=иной, отличающийся). А здесь нет. Вот я работаю сколько, кода у меня муж в райпотребсоюзе работал, нас много было сотрудников. А жёны их, а уж стали говорить, **наречие** уже не такое; Сам я из Тюменской области, потом сюда приехали. В Александровском районе жили, давно уже. Там **наречие**, так все близко к литературному. И **говор** такой, как у Максима Горького.

К ключевым репрезентантам концепта «Язык» относятся как общерусские, так и диалектные глагольные единицы:

– **Говорить** и производные от него, обозначающие владение каким-либо языком, говором: *говоря, говорящий* и др.; *знать, уметь, горготать* (=говорить непонятно), *каля'кать, буро'вить, шлёпать, лопотать* и др.: *Я не знаю. Чувашский язык не знаю; Я ж по-марийски умею все. По-русски сопливыми; Я щас все говорю по-эстонски; Я мало говорю по-остяцки, понимать – понимаю; Мы сича'с, можно сказать, по-русски говоря, никому не нужны. Вот так; Мать-то горгочет по-своему; Он калякал по-остяцки... Что-то калякнул по-своему; Село Кузнецко там, буровят всяк.*

– **Говорить** и синонимичные слова и выражения *побормотать, гуторить, сообщать, передавать, болтать, беседовать, точить балясы* и т.д., со значением «пользоваться речью», «выражать мысли» и др.: *Маленечко побормотал с нем и говорит: «Орефья женить надо», Балясники – на вся'ку тему языком болтают, уж балясы то'чут. Может людям и не интересно, а он балясы точит; Цё попало гуторит, ума-то ницё нету.* С.М. Антонова отмечает в диалектах русского языка развитую номинативную и семантическую системы, представляющие речевое событие и разнообразные нюансы речевого поведения. При этом указывает, что только в говорах Среднего Приобья морфологическая доминанта обозначения говорения – глаголы одноименной лексико-семантической группы – образуется 699 номемами-лексемами. «Однако диалектоносители как будто пренебрегают этим лексическим богатством, отдавая предпочтение лексико-семантическому ядру глаголов говорения – *говорить/говореть* и *сказать*, моделирующим речевое событие как синкретичное, многогранное (не разъятое на его аспекты) всеми гранями своего функционирования» [30. С. 138]. Применительно к исследуемым рассказам сельских жителей можно также отметить предпочтение глагола «говорить» в контекстах, связанных с передачей информации от кого-л., фактами говорения, рассуждениями о языке, однако в текстах, в которых информанты сообщают о владении другим языком, отличном от языка самого информанта, оценкой языка или манеры говорения на другом языке или родном для информанта языке, особенно в случае непонимания чьей-то речи или нарушения

языковых норм, используются различные синонимичные единицы: *Это старики только еще шлёпали по-своему. А молодежь-то откуда она будет? [Ну вы понимаете немножко?] Ну, а сейчас ни хрена. Вот у меня жена немка, а мы не разговариваем; Отец остяк, мать – русская, вот она говорит, да так лопочет, ничё не поймёшь, все кове'ркат, смех один.*

Концепт «Язык» вербализуется также при помощи прилагательных, называющих языки, и наречий, обозначающих говорение на том или ином языке: *В нятом классе уже немецкий начали учить; Чувашский похож на татарский, у меня мама татарка; Мы вот песни эти, по-немецки поём все; Каки-то раз приезжали. По-остяцки считать спрашивали; Все по-эстонски, она по-русски отвечает; Учились по-марийски, по-русски-то не учились-то; По-сибирски – батя – дед. По-украински – дида, дидуся; Она им по-польски какие-то цястушки, захожу – они вот там сидят поют.*

При характеристике жизни в Сибири в устных рассказах актуализируется оппозиция «свой/чужой», имеющая свою специфику в этом контексте: функционирует система бинарности, включающая оппозиции «Сибирь/Россия (Россея)», «коренной/ссылный», «старожилы/новоселы» и т.п. [50]. Применительно к языку и говорам встречаются такие оппозиции, как *язык свой, родной, наш и иной, их, ихний, чужой, иностранный, яса'чный (=чужой); российский (россейский) и сибирский; по-нашему / не по-нашему: У каждого же свое. У Рассе'и, у их совсем по-другому. А у нас, у сибиряков, така' наша речь; У нас суслонами называли сибиряки, а у расейских бабки. <...> У нас язык худой, в Расе'е; Мнука вырастила, красивенькой, взял хоро'шу жону', институт закончила, иностранны языки знает; Сидит на койке, отец ее, ноги калачом, спрашивают: че сидишь, ноги устали, а он говорит: «Йе», по-ихнему: «Да»; Вот у нас сослал, они все не по-нашему говорили, так речь-то разная.* Отмечая отличия языков и говоров, информанты используют оценочные прилагательные *трудный, тяжёлый, легкий*, а также прилагательные *правильный, худой, интересный, политический*, реализующие в определенной степени значение языка как разновидности речи, обладающей теми или иными признаками: *Ну, в нашей Покровке был язык тяжёлый, вот он такой... И то мучило, этот язык такой трудный у нас был; Вот они чежельый, русский язык-то; Неправильный вот такой. Некоторые уж так прямо хорошо уговорили. Даже вот у нас, вот Галя Родикова, моя подрууа, она щас в Томске там живет. И вот она с детства вот, в школу пошла уже. Мы ж как, в Покровке учились четыре класса. А потом сюда уже ходили. И вот она уже выбиралась в правильную речь, а мы как уговорили «уговорили», вот, вот, а надо «говорили», а мы «уговорили», «у»; и в самодеятельности обязаны были участвовать, и всяко там, и на десятидворки должны были идти раз'яснять политику партии, правительства, политическая власть, языком политическим говорю, но это так было, девочки, и никаких обрядов не было; местоимения и прилагательные со значением*

«иной/другой»: *отдельный язык, разговор отменный* (=отличающийся), *разговор другой*, у их *свое наречие, другое наречие и т.п.*

В диалектной речи широко представлены лексемы, мотивированные словом *язык* в разных значениях (см. образный слой концепта): *язычица* – болезнь языка: *И язы'чица бывает, вот и у меня была. Соскочут таки' на языке, и болеют, болеют, даже кушать больно; Врачо'в-то не было. Язы'иница была. В роту языки болят.*

В представленных выше примерах прежде всего актуализируются значения слова *язык* как средства общения, разновидности речи, обладающей теми или иными признаками, и как органа в полости рта. Контекстуальный анализ позволил выявить нюансы значений репрезентантов концепта и сгруппировать их на основании их семантической однородности в отдельные аспекты значений. Так, использование лексем, репрезентирующих концепт «Язык», в устной речи сельских жителей актуализирует этнический, административно-политический, сравнительно-сопоставительный, анатомический аспекты в содержании концепта.

Этнический аспект

Анализ сочетаемости слов *язык, говор, разговор, наречие* показал, что они используются в речи прежде всего с названиями, актуализирующими этническую или территориальную принадлежность: русский, немецкий, белорусский, украинский, латгальский языки и др.: *Немецкого языка там не было, латгальский язык, я немецкий язык не изучала, латгальский; Я же учила язык русский, белорусский и немецкий; говор вознесенский, перелюбский; московский разговор, покровский говор и др.: А у его здеиный кожевненский, мы сюда кода приехали, они говорили по-чудному, не так далеко, а говорили не так.* Обозначая название говора и отмечая его специфику, информанты могут использовать деминутив *говорок*, выражая свое субъективное отношение к нему: *Я по разговору слышу, что новопокровские. <...> У их своя наречия. <...> У них интересный, как прям говорок такой. <...> Покровский говорок.*

Названия языков и говоров тесным образом связаны с национальной, территориальной (локальной, региональной) идентичностью человека. По мнению, Г.А. Морзавченкова, «важнейшим механизмом конструирования социальной, культурно-коммуникативной реальности и формирования этнической картины мира является язык, который, как знаковая память этносов, фиксирует и систематизирует накопленный в ходе истории социокультурный опыт поколений и способствует процессу его воспроизводства в конструировании оснований этнокультурной идентичности» [51. С. 16]. Т.А. Демешкина и М.А. Толстова отмечают, что владение локальным вариантом языка выступает также одним из критериев конструирования локальной самоидентификации человека [52]. Так, обозначая особенности своего языка/говора, человек причисляет себя или другого человека на этом основании к представителям того или иного социума (деревни, села, региона, страны, этноса и т.п.): *Меня, кода я приехала в город, меня звали Соня. [Почему?] Ну, а мы же там*

говорили, не «по'сле», а «посля'»: «Да опосля'...» посля'. <...> *И вот в этой Леля'шке такой говор интересный: там рядом чувашки живут. Вот там звали: «Минья-а'», «Каткья-а'»; Ну, так и называли, только говор был не такой. А так все этими же русскими, мы же русские люди; ... и говорит... ну как-то вот ее по-деревенски, по-вознесенски, там говор пели, а Любка, она «Ма-аруська», у нее такой говор. Она по-другому: «Ма-аруська, тебе носки, Сонька, тебе носки!».*

Миграционные процессы, ссылка в Сибирь обусловили проблемы языковой адаптации представителей иной культуры и носителей других языков, что репрезентируется в речи как ссыльных, переселенцев, так и коренных жителей. В устных воспоминаниях и автобиографических рассказах информантов, переселившихся в Томскую область, отражается изучение ими нового языка как значимое событие в жизни, важный факт автобиографии: *За это время мне пришлось выучить русский язык, так как я даже про воду спросить не могла. Ведь когда муж был рядом, можно сказать, он был моим переводчиком, так как он изучал русский еще в школе; В школу я пошла, ни одного русского языка не знала. Ни одного! А учительница была эстонка, тоже раньше значит, были учителя, эстонка. Да, и словарь был, такой желтый книжка большой, таких букв не было, теперь буквы, все. Да не было, но все помаленьку. Курица – кана, кана – курица, кук – петух, коду – домой, туба – дом, вот так научились. А перешла, 4 класса у нас в деревне было, а перешла в пятый класс в Берёзовку, а детдом тут был, они же по-русски, все по-русски разговаривают, а я, я два года сидела в пятом классе.*

Поднимается при этом в рассказах переселенцев проблема сохранения родного языка в семье при наличии доминирующего, вопросы взаимодействия народов и языков: *Щас вот, гыт, спроси молодежь немецкая национальность, они, гыт, свой язык не знают; Сын женился, сама она эстонка и он эстонец, вырастили детей русских, по-эстонски не умеют. Тут живут, они не умеют. Карлины дети. Эндла кормила по-русски. И между собой они по эстонский язык не знают. Я говорю: «Вы русские дети, не мои внучата». Ну, смеюсь иногда; Все на русском языке разговаривают. Ну с кем я буду говорить на белорусском, если я привыкла к русскому? Я из молодости в город уехала. Ешино девчонкой была, я уже в город уехала; А в Ласкиной жила, я по-остяцки говорила, суда' в Иванкино привезла, стала по-русски говорить. А там по-остяцки я. <...> Но другой раз сплю, думаю: «господи, почто' же я свой язык совсем забросила», начну вспоминать – вспоминать. Уже есть наблюдения исследователей, подтверждающие, что в ряде районов и сел/деревень Томской области многие языки утрачивают сферы своего использования и их реже используют в семьях. Так, в д. Берёзовка, месте компактного проживания эстонцев с 1902 г., в настоящее время еще проявляется эстонско-русское двуязычие, однако с каждым новым поколением носителей языка происходит утрата билингвизма. «Представители более старшего поколения (80-летние)*

владеют как русским, так и эстонским языками и используют преимущественно эстонский язык, их дети (60-летние) – билингвы, однако активным для них стал русский язык, более молодое поколение реже говорит на эстонском языке и понимает его, большинство из них уже являются монолингвальными языковыми личностями. Факторами утраты эстонского языка выступает отсутствие языковой среды, обучение в школе и общение в семье на русском языке» [15. С. 33].

Социолингвистический анализ языковой ситуации на территории Колпашевского района Томской области – одного из мест компактного проживания потомков немецких переселенцев, подвергнутых насильственному перемещению в первой половине XX в., показал, что немецкий язык утрачивает сферы своего использования [53]. «Количественные подсчеты свидетельствуют о том, что лишь 9% опрошенных респондентов используют в повседневном общении немецкий язык. Главенствующую же роль играет русский язык (99%), служащий основным средством общения среди рассматриваемых информантов» [53. С. 7]. По данным переписи населения 2010 г., из четырех миноритарных этносов, проживающих на территории Томской области, у двух (эвенки и чулымские тюрки) зафиксировано снижение количества владеющих родным языком и у двух (ханты, селькупы) – увеличение количества говорящих [54]. Научные же исследования, «посвященные анализу социолингвистической ситуации в местах проживания представителей селькупского и хантыйского этноса, констатируют стремительное снижение количества информантов, владеющих родным языком» [54. С. 83].

Местные, коренные жители также оценивают ссыльных, переселенцев, мигрантов. Т.А. Демешкина, анализируя концепт «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры, отмечает, что «в коммуникации, прежде всего, вербализуются восприятие и оценка переселенцев как чужих по отношению к своей сформированной системе ценностей в данном локальном социуме» [16. С. 40]. Среди критериев такого восприятия и оценки выделяется язык. Местные жители отмечают несколько адаптационных стратегий переселенцев: сохранение коммуникации на родном языке или овладение русским языком: *Приходили и из Белору'си искать земли. С семьями шли. У нас ить старожилы-то и нет совсем, все поуе'хали да попо'мерли, осталось человек пять. А люди у нас сеча'с ра'зны: белорусы, немцы, латыши. Говорят они не по-нашему, хоть и живут тутыка годами; Это другие нации уже под наш, под русский язык подстраивались, а русские как говорили, так и все; Таперь сперва-то приехали туземцы, они русский язык понимали мало. Женски коля'-коля', а мы-то уж стали понимать.*

В рассказах переселенцев и коренных жителей представлено изучение языков и обучение языкам в школе, что выражается словосочетаниями: *вести занятия по какому-л. языку; преподавать какой-л. язык; учить язык, изучать язык, язык дается: В средней школе немецкий язык преподавала Анна Ивановна Веселовская – на высоком уровне, чего не было в педучилище; почему-то, когда я учился в школе, нам совсем*

не преподавали селькупский язык; Мне сейчас 71 год, но я еще работаю по мере сил, веду занятия по родному языку в Томском центре татарской культуры; Марина Флегонтовна вела русский язык; а сестре тяжело давался русский язык, папа часто говорил в шутку: эта будет учительницей, а эта – на сестру – колхозницей; я в школе-то учила немецкий язык; Вот у школе кода учились, мы хоть немецкий изучали, а мы же на немецком не разговаривали.

Административно-политический аспект

Этнический аспект содержания концепта связан с административно-политическим аспектом, актуализирующим региональную специфику. Выше уже были обозначены проблемы языковой адаптации ссыльных в Сибири. Однако язык (=речь) мог стать причиной ссылки в Сибирь или другие регионы: *Они не пошли, и их сослали. Его сослали за язык за какой-то, болтали чё попало, и вот они сослали.*

Сравнительно-сопоставительный аспект

Размышляя о языке, информанты, как правило, имеют в виду какой-то конкретный язык и его особенности. Этнический аспект в этом смысле тесным образом связан со сравнительно-сопоставительным.

В исследуемых рассказах отмечается разнообразие языков и диалектных групп на территории Томской области: *У каждый разный. У нас наций идет семь: татары, марийцы, казахи, узбеки, чуваша, татары... я сказала? [Угу.] Марийцы сказала. [Марийцы сказали.] Ну, семь, в общем языков они подходят; Тут по-разному все говорят. Послу'шайшь, совсем разговоры не так, названия-то не те. Каждый по-разному. У нас от там в деревне и рядом пошли друг от дружки не так далёко, а там совсем другой уже разговор. А у нас такой. В каждой деревне своё наречие; Но все по-разному говорят. Здесь нации – сброд, поэтому разная речь; Я как пришла в деревню – не понимала, о чем они говорят, был свой говор, все языки слились воедино!*

Обозначая владение тем или иным языком, информанты сравнивают между собой варианты одного языка или сопоставляют разные языки.

Так, сравниваются:

– Язык жителей одного села/деревни и другого поселения: *В Богословке по-своему говорят, как белорусы; «Ну чаю, тетка Анна, за яудой – «у» говорили, не «г», а «у», – за яудой пойдёшь?» И интересно разговаривали, допустим: не дядя Иван, а дядька Иван, тетка Анна, вот как-то так разговаривали. Так вот чё спросят там, ну интересный говор у них, конечно, был, интересный; В каждой деревне свой говор. Дак я-то ведь [не] здесь родила'сь-то вот, у меня говор-то это с детства; [Вы где родились?] В Крыму и там, везде по-разному говорят. В этой деревне и в Сосновке по-разному. А в Берлинке еще не так. В Богословке речь на каку-то другую букву; Деревни будут от рядом, а разговор разный. Кое-как привыкла чё говорить. Вершинински же выйдут туда замуж, год пройдет, они так говорят.*

– Язык деревни и города: *Мы ж старались речь свою-то... Избавиться от этого деревенского говора; Это городские нашего брата, как осердятся,*

чалдонами зовут. Говорили: «Вы деревенские чалдоны»; «Селок», ли «брусок» – по-городскому; мы же неправильно говорим, а вы правильно. Шиворот-навыворот получа'тся у нас. Потому что вы больше читаете и правила эти знаете, а мы-то где, как заскорузли, так и есть; Откуда взялись чалдо'ны, рассказывают так, е'та же Сибирь была пустая, ссылали сюда, в Сибирь, а в Россее есь река Дон, приток у нее Чал, первыми туда заслали, кто меж Чалом и Доном жили, вот их и назвали чалдоны, говор у них не такой был, они все «ча» говорили, а «чѐ» – е'то уже по-городскому, в деревне чакали, чѐкат девка, как городская, говорили.

– Язык сибиряков, старожилов и переселенцев: Мужуки новую верѐвку растягивают и смолят ее. «Воцат» у нас не говорили, когда уж в тридцатых годах спецпереселенцев переселяли, дак они свой язык привезли, а мы-то чалдоны, старики наши так не говорили; Сусек по-россейски, а по-сибирски анбар; Она вятска'я. Говор ее с нашим несхожий. Мы говорим «чѐ», а они «цо»; У них совсем другой язык, а мы не так говорим, эт может, на Волге так скажут, а по-нашему не знаю.

– Язык детей и родителей: Ну, так и называли, только говор был не такой. А так все этими же русскими, мы же русские люди. <...> Мама была неграмотна, как я уже сказала, но она мне всегда, со мной станет говорить (меня звать Валентина), она меня всегда называла «Валектинэ'». Я скажу: «Мама, ты вот неправильно-то слово говоришь». Она мне говорит: Валектинэ', Ну, она, она много говорила не так. Они соберутся все бабушки, дедушки разговаривают, и я у ней научилась говорить.

– Современный язык и язык информантов в детстве/молодости; молодежи и представителей старшего поколения: Раньше звали туфайка, а теперь телогрейка. Мой деревянный язык щас не перестройте. Куфайчишка кака' рвана. Щас-то фундамент. Обкладка – это как дом строить, са'мы пе'рвы брѐвна; Щас как, ворачиваются все к старинному, к ранешному. Некоторые у нас чисто разговаривают, уосподи, как же, ну, а мы уж как язык ломать. Мы кода сюда переехали жить, у нас не так, не так не получалось, уосподи, зачем это язык ломать, мы так и уоворим теперь. И внуки тоже по-нашему начинают разговаривать; Отличается. Свой язык. Молодежь разговаривают по-своему; И она оттуда привезла селькупский язык и начала преподавать в школе. А потом в Тогуре преподавала, собирает людей и преподает... То есь щас молодежь больше понимает, наэ'рно, чем пожилые, разговаривает лучше.

– Язык одного этноса и другого: Морду'ха была, а говорит как русская. Гово'рка вовсе будто не мордовская; Белорусский, он же не отличается <...>, только, что вот некоторые эти... А так-то, это же не Украина, на Украине, там как-то по-другому. Белорусский, ну... что это, ну «бульбочки», да разные эти, там «хава'й» и всё такое, а так-то это... похожи, похожи; Чѐмы по-остяцки,

по-русски «белый мох»; В обиходе украинский и белорусский похожи. Только, видишь, как сказать, русские говорят «карова», а пишут «корова». Украинцы как говорят «корова», так и пишут «корова». А в Белоруссии как говорит «карова», так и пишет «карова». Самый лёгкий – белорусский язык; Истяки' жили – е'то они и назвали все деревни. Они тут жировали, назвали речку Кольджа, это по-и'хному речка. Бастры'к – чем сено пригибают, у нас называют «гнѐт». «Тяпать» – это по-остяцки, по-нашему – подбивать картошки.

– Язык одного этноса, но в сибирской деревне и в стране, где этот язык является государственным: [про эстонский язык в д. Берёзовка и в Эстонии] Вот, например, мы называем ведро «ämbər», а там – «rang», электрическая лампа у них – «pīrn», а мы говорим «lamp». Лодка «raat», а у нас тут тоже «лодка». У нас половина на русский лад.

– Язык человека и животных, птиц: Глухари тут тоже есть. Я слышал и'хний говор; Нет, их только определить по разговору. Уточка говорит: «А-а-а», а селезень: «И-и-и». Голосок у него такой тоненький, только по разговору и можно понять; Наскучаются, наверно, без хозяина, а потом столько хочется сказать на своём собачьем языке.

Анатомический аспект содержания концепта представлен контекстами, в которых язык рассматривается как орган в полости рта у животных и человека. В исследуемом материале он представлен немногочисленными высказываниями, в которых обозначается способность языка определять вкусовые свойства пищи и др.: Полынь на телегах заготавливали, мешками сдавали, на язык попробуешь го'рька, описываются анатомические особенности, внешний вид языка: Когда я последний зуб выдергивал, врач десну зацепил и с десной. Теперечи я ишшупаю, оишшупаю языком; Узмеи язык на конце как шило, как иголочка, жалом зовут. Упоминаются также различные заболевания, при которых нарушается чувствительность языка и которые влияют на способность говорить: Тринадцать лет работала техничкой, школа прикрывалась, чуть здоровье всё угробила, чуть оты'мется язык, никто не скажет; Сын пришѐл, не мог у ней языка добиться. Заговорит – у ней язык прилипа'т.

В исследуемом материале представлены также высказывания о языке животных, что связано с содержанием скота или охотой: А у нас это коров много подошло. Ну это знаем, кода' подошли. Это помню, у нас болела. Я забыла: с языка вся шкура слезила – я забыла, как эту болесь называли; На языке был ящур. Тяжелу' корову закололи, не знаю, почто она; А он не обробел, за язык его [зверя] схватил, он зачал руку чавкать.

Таким образом, в понятийном слое изучаемого концепта актуализируется понимание языка: 1) как средства общения и как одного из критериев локальной, региональной, этнической самоидентификации, что репрезентируется словами разных частей речи, номинирующих язык в общем смысле, конкретизирующих наименования языков; 2) как разновидности речи, обладающей теми или иными характерными

признаками; 3) как органа в полости рта. Этнический, сравнительно-сопоставительный, административно-политический аспекты содержания концепта связаны с интерпретацией языка как средства общения, системы словесного выражения мысли, разновидности речи, одного из фактов автобиографии. Анатомический аспект актуализирует понимание языка как органа в полости рта.

Описание **образного слоя концепта** подразумевает выявление образного употребления лексической единицы *язык* и ее дериватов, а также метафорических моделей, которые репрезентируют концепт и включают два компонента: единицу, называющую сферу-источник, и единицу, называющую сферу-мишень.

Образный слой концепта «Язык» выражается многообразными метафорическими и метонимическими единицами, зафиксированными в словарях и устных рассказах.

В Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой зафиксированы метафорические значения слова *язык*, реализуемые в исследуемом материале:

1. Пленный, от которого можно узнать нужные сведения.

2. Металлический стержень в колоколе или колокольчике, который, ударяясь о стенку, производит звон [49].

В исследуемых рассказах встречаются единичные актуализации лексемы *язык* в указанных втором и третьем значениях: *На завтра старушки замечали и ба'ушку не итпуска'ли. Ибнузда'ют. Днём-то она, бывало, кричит: «Омойте колокол!» Мы омыли колокол, **язык**. Метонимическая единица *язык*, используемая для обозначения пленного, зафиксирована в устных воспоминаниях о войне, т.е. обусловлена тематической, жанровой спецификой материала: *Одного **языка** взял. Тот стоит у орудия, бормочет. Мы к нему подошли, зажали и **языка** привели; Кода у Польше были, я у разведку ходил, привели два **языка**, они попа'дали, не подымаются, не понимают, привели, сидять в хуражках. После шессот человек узяли, нас три роты были; В пехоте всех хуже. «**Язык**» ловил. Поймал – и приведи живого немца. Каждый день водили «**языка**».**

В диалектных словарях представлены следующие метафорические значения слова «язык»:

1) что-л., имеющее удлинённую, вытянутую, как язык в полости рта, форму: *Бархатником её зовут. Листья длинные, тонкие, языками* [7. С. 216];

2) деталь ручной льномялки, подвижная, как язык в полости рта [2, 7]: *На мялке мяли. Вот, значит, така' доска. Тут палочки, язык, провернут дыру, он ходит вот так вот; Язык [у мялки], а как же его ещё назвать? Вот снопик кладут, и мнёт он. Как у нас языки мнут всё, так и тут; Де в Росее может быть ткали. А это чтобы зимой тепле было. Так две щеки, а тут язык ходит. Вот он и ломает эту костру'. Вот эта штука «костра'» называются. Это ко'мель и головка у льна. У нас-то по-другому называются, по-сибирячки. У нас «трепа'ло» называются;*

3) воронкообразная часть рыболовецких снарядов [2, 7]: *У фитили есть заход – язык. Есть ма'диш – второй язык. Захо'дный язык. Самоловами рыбащу; Фитиль озёрный одноязыкий и двуязыкий. От первого и третьего круга языки. Спереди плоско крыло, рыба по ему ходит;*

4) комнатное растение зигокактус: *Есть язык, бабий язык, тёщин язык его зовут. Весь листочек как перехваченный, язычками, закруглённый* [7. С. 216];

5) подвижная, закруглённая одним концом деталь различных приспособлений, ловушек и под.: *Ботинки были с резинкой, с язычками* [2. С. 217]; *Давка у капкана нет, а есть язычок. Надавишь на язычок, и капкан сразу же захлопнется.*

Метафорические номинации в диалектных рассказах так же, как и репрезентанты понятийного слоя, выступают производящими для ряда мотивированных лексем, среди которых можно отметить уменьшительно-ласкательное *язычок* к *язык* в значении «воронкообразная часть рыболовецких снарядов, через которую в них входит рыба»; *одноязы'кий* (= с одним языком (о рыболовных снарядах)); *двуязы'кий*, *двухязы'кий* (= имеющий два языка (о рыболовецких снарядах)); *трёхязы'кий* (= имеющий три языка (воронкообразные части в рыболовецких снарядах)); *язы'чный* – «прил. к язык – деталь рыболовных снастей. У первой бочки язык, у второй. Здесь язычные верёвочки» [2].

Все обозначенные переносные значения представляют язык как сферу-источник: на основании подобия по внешнему виду и функциям сравниваются с языком (органом в полости рта) различные бытовые реалии.

Широко представлены также оценочные, образные прилагательные, существительные и глаголы: *долгоязы'кий* (= неодобр. – о том, кто не умеет промолчать, когда следует), *картаязы'кий* (= картавый), *кривоязыкий* (= косноязычный), *худоязы'кий* (= косноязычный), *языка'стый* (много говорящий), *язы'чица* (= о женщине, которая много говорит), *язы'чить* (= доносить на кого-л., оговаривать), образованные от слова *язык* в значении «разговор, беседа»: *Ну и «языка'стая» чё-то близко к этому. **Языка'стая** – вруша такая, язык без костей, наврёт... Сто вёрс до небес; Тогда многие **язы'чили**: кто на кого злой, так наговаривали.*

Отметим большое количество фразеологических единиц, включающих в свой состав лексему *язык* в анатомическом понимании и отражающих систему ценностей в обществе, связанных с речевой, коммуникативной деятельностью человека. Данные фразеологизмы репрезентируют ряд качеств человека, которые подвергаются оценке.

Так, получает номинацию в языке излишняя болтливость, разговорчивость, что эксплицируется:

– в таких фразеологических выражениях, как *язык без костей*, *язык подвязанный*, *болтать языком*, *брыкать языком*, *трепать языком*, *чесать языком*, *молоть языком*, *язык развязался*: *У нас чё, деревня, всё видно. Как кого увидют, дак бабы **языками** чешут* [9.

С. 295]; *Не трещишь' уж, только и мелешь языком как помелом*;

– в сравнительных оборотах *язык, как мельница; язык, как помело; язык как ботало*: *От баба и девка така же у их, язык, как мельница* [9. С. 306]; *Хорошо языком-то брякать, как помелом* [9. С. 47]; *у него язык, как ботало* (= колокольчик, привязанный на шею коровы, лошади [9. С. 46]), *значит, много болтат* [9. С. 44];

– в ироническом высказывании *языком хороший*: *Делать ничё не будет, а языком он хороший* [9. С. 306].

Отрицательно при этом оценивается выполнение чего-л. на словах, а не на деле, что фиксируется также в выражениях *на языке; брать языком; языком работать*: *На языке чего не сде'лашь, а до дела коснись, так не шибко; Некоторые языком только берут. Хитрый и подмыливается – это одинаково; Молодец, здорово языком работает*.

Не одобряется в обществе необдуманно говорящий что-либо, говорящий лишнее человек, и это репрезентируется при помощи таких высказываний и слов, как *чё на уме, то и на языке; брякнуть (языком)*: *Аксинья мылась, мылась у меня в бане зимой, а потом и говорит: «Ты знать чё, дорога' това'рка, я у тебя в бане заразилась. Сыть изде'лалась». Беда прямо с ей. Чё на уме, то и на языке* [8. С. 101]; *Не знаю, как вырвалось, не подумала, вот и брякнула*. Вступающий в разговор некстати, не к месту также получает свою оценку в устной речи и номинируется высказываниями: *с языком высунуться, как за язык кто выпихал (вытащил; вытянул); тянуть за язык*: «Дак ведь она сама **с языком-то высунулась**: «Я уйду отсюда, уйду!» [3]; *А я говорю: «Я бы тебе, Маруся, дала [взаймы], у меня денёги есь мале'нько, я бы тебе дала...» – от за язык она меня тянула!*

Значение «обращаться к кому-л. с просьбой и т.п., повторять много раз и не получить результат, ответ» воплощается в образном выражении *мозолить язык*: *Три сына и хлеба не дают. Повыли-повыли, на улицах посидели. Чего ж я буду говорить, язык мозолить; Я уж весь язык смозолил. Говорю, чтобы памятник поставили или хоть бы оградку сделали. Никто не хоти'т делать*.

Высказанная кем-то мысль, которую не одобряет адресат и боится, что это воплотится в реальности, может вызвать ответную реакцию в виде фразеологизма *типун тебе на язык*: «Жабина вам в рот», – это как **«типун тебе на язык»**.

Интересным представляется, что оценивается и противоположное рассмотренному качеству – излишняя молчаливость, сокрытие информации, что репрезентируется во фразеологических оборотах *язык за щёку завалился* (о молчаливом человеке), *держат язык за зубами, язык прикусить, языка' нет (не было), язык далёко запрятать*: *Евдокея, чё сидишь? Язык за щёку завалился у тебя сёдни?; Мой брат всё сде'лат правильно, а молчун, язык за щёку у него завалился* [9. С. 306]; *Тоды' языка-то не было, щас-то я смелая с людьми-то*. Некоторые примеры представляют административно-политический аспект в содержании концепта, связанный с молчанием во избежание

последствий, ссылки и др.: *Е'то тода у нас кулаки были, дак от им приходилось скрывать своё добро, да и язык держать за зубами; Репрессированных у нас нет. Но «умели и язык за зубами держать»*.

Оппозиция «говорить громко, разборчиво» и «говорить тихо, непонятно» также репрезентируется в речи сельских жителей такими антонимичными выражениями: *гремить языком и мяукать под нос, бормотать под нос, говорить под нос: Язык у меня гремит, а руки не работают* [9. С. 84]; *бормочет – это под нос себе говорит, не разберёшь*.

Наделяются оценкой и номинациями такие качества, как лживость: *Ну и «языка'стая» чё-то близко к этому. Языка'стая – вруша такая; злость, зависть, что выражается при помощи метонимического употребления слова язык во множественном числе: злые языки*.

Выражения с лексемой «язык» используются также для называния косноязычных и неграмотных людей. Так, косноязычие обозначается словосочетаниями *неклёпанный язык, толстый язык*: *И стал этот неклёпанный язык лекцию говорить – со смеху окочуриться, язык-то у меня неклёпанный; Прислали агроному, называ'тся. У ей язык-то толстый; говорить неграмотно, неправильно – язык ломать: Некоторые у нас чисто разговаривают, господи, как же, ну а мы уж. Как язык ломать* [9. С. 306].

Важным в обыденном общении является понимание при коммуникации, ясность, доброжелательные отношения, что также получает специальные номинации *найти общий язык, найти язык с кем-л., русским языком (сказать)* (= «совершенно ясно, так, что понятно каждому» [4]): *Ну я хоть с кем, я с любым человеком найду общий язык; «Я же ей русским языком сказала: «Тебе отдам»* [4].

Не связанные с коммуникативной деятельностью человека качества также могут номинироваться выражениями, включающими лексему *язык*, в частности привередливость: *гу'ба (у кого) не дура, язык не лопата: Губа у него не дура, язык не лопата* [8. С. 62].

Ряд физических состояний человека может обозначаться выражениями со словом *язык* или включающими лексему *язык* в толкование:

– состояние чрезмерной усталости: *язык на плечо (повесить)* [9. С. 305];

– измученность: *язы'к вы'садить: Чтоб работу выполнить – язык высадишь* [2];

– опьянение: *лыка не вязать* (= говорить заплетающимся языком (о пьяном): *Жена моя лыка не вяжет*;

– забывчивость *отрубило язык: Отрубило язык, не помню, всю войну вместе – и не могу дилектора назвать* [2].

Говоря об очень вкусной еде, человек может использовать выражение *язык проглотить*: *И пироги стряпали такие сдобные. Корочки там. Да ели это, с остеригиной или со стерлядками настряпают. Так и язык проглотишь* [9. С. 306].

Эмоциональные состояния также могут передаваться с помощью фразеологизмов, включающих в свой состав лексему *язык*:

– удивление, огорчение и т.п.: *язык потерялся* (о состоянии человека, потерявшего дар речи от удивления,

огорчения и т.п.): *И вдруг узнаёт, значит, что он в городе жанился, у ей язык потерялся, а потом три дня ревмя ревела* [9. С. 306];

– возмущение: *язык поворачивается: И как только у некоторых язык поворачивается говорить, что она плохо работает;*

– спокойствие: *хоть на язык наступи* (= никого не трогая, смирно): *Да вы заходите, не бойтесь. Пёс лежит, хоть на язык наступи* [2].

Как и в понятийном слое, в образном слое концепта эксплицируется анатомическое понимание языка не только человека, но и животных, мифологических существ: в устной коммуникации встречается фразеологизм, обозначающий полное и внезапное исчезновение чего-л.: *как корова языком слизнула (слизала)* и его синоним *как чёрт языком слизнул: И все [дрова] истаскали, искололи, истаскали, склали, и, как корова языком (часа полтора [работали]), корова языком слизнула всё [о дровах]* [4]; *Все утро с ног бьюсь, иишишу' [ищу], а её как чёрт языком слизнул [слизнул]*.

Итак, образный слой концепта «Язык» представлен рядом метафор, метонимий, а также большим количеством фразеологизмов, включающих в свой состав лексему *язык* в анатомическом понимании и связанных прежде всего с речевой деятельностью человека, правилами общения, а также фразеологизмов, обозначающих физическое и эмоциональное состояние человека. Преимущественно язык выступает сферой-источником для создания ряда образных номинаций бытовых, промысловых реалий. Язык концептуализируется через образы лопаты, мельницы, ботала, помела, указывающих на способность языка отличать вкусовые качества пищи, а также быть в движении, участвовать в коммуникации.

Описание аксиологического слоя концепта предполагает рассмотрение изучаемого концепта как ценностно обусловленного, обладающего как индивидуальной, так и коллективной значимостью [48]. Наличие большого количества репрезентантов концепта «Язык» показывает высокий уровень разработанности данного фрагмента картины мира и его значимости, ценности в народной культуре. Аксиологический слой, репрезентирующий язык как ценностно обусловленный концепт, актуализирует все значения данного слова и аспекты его содержания.

Фразеологизмы, сравнения, репрезентирующие образный слой концепта, позволяют вывести определенные правила речевого поведения в обществе, являющиеся частью ценностной картины мира: не говорить тихо, не говорить громко, говорить обдуманно, не говорить лишнего, не молчать и т.д.: *Ну, меньше болтать языком – это лучше*. Язык рассматривается как средство общения, достижения каких-л. целей, при этом отмечается важность владения одним языковым кодом, эффективности коммуникации, понимания собеседника.

В случае если используются разные языковые коды, это непременно получает оценку, эксплицируется в речи, сопоставляются языки и т.п.: *Сибиряк на Украине не понял бы ничё; Я мало говорю по-*

остяцки, понимать – понимаю; У меня костромской муж был, вот он здесь кода, у его уже говор-то другой был. Я стану ему говорить: «Ну», – говорю, – «ты вот говоришь, я не понимаю». Ну потом он уже стал говорить также; Забормотали на своём слове: «Gut». <...> Недельки две пожил, язык стал понимать; У остяков один язык, а обские остяки охотских не понимают; Вот латыши, мы не понима'м. По-нашему картошка, а вы бу'льба; Ну она тоже умеет, но она уже, она всё по-русски. Как-то она грубее, но все понимает.

Этнический аспект в аксиологическом слое проявляется в рассуждениях информантов о необходимости сохранения родного языка, общения на нем в семье, т.е. актуализируется лингвоэкологический аспект, язык рассматривается как ценность и средство сохранения своей культуры и традиций: *А мы же изучали свой язык. У нас свой язык просто родной язык был, а так у нас и все предметы по-чувашски были. А вот родной язык ты должна знать; Сын, который в Томском живёт жалеет, что свой язык не знает; Знаешь язык когда? Когда в семье разговаривают. Поэтому как-то оно впитывается уже.*

Язык как часть мялки и как часть рыболовных снарядов имеют утилитарное значение, участвует в обработке льна, отделении волокон, а также в ловле рыбы: *Язык [у мялки], а как же его ещё назвать? Вот снопик кладут, и мнёт он. Как у нас языки мнут всё, так и тут; Вот это, сперва широкий такой ход, а потом узкий, узкий... И всё-таки он. Туда пройдёшь, оттуда не выходишь, а там язык вот такой стоит. Вот, вот такой вот язык. И вот он от языка кругом бежит рыба. А в эту дырочку попадает обратно.*

Язык как орган животных (коров, свиней) используется в пищу: *это тако кушанье с языками; язык чистится элементарно, после варки, всё обмыла, поскоблила, а потом он, как чулок, и остается язык, то есть верхушка слезит, как чулок, держали же мы скотину всегда, и, естественно, всё это варили, заготавливали.*

Таким образом, в ценностном слое концепта представлены разные значения лексемы «язык», соответственно, актуализированы различные аспекты его содержания – этнический, сравнительно-сопоставительный, лингвоэкологический, анатомический. В условиях сельской культуры репрезентируются признаки, прагматически обусловленные, представляющие практическую значимость для человека и его жизни, имеющие ценность в практической деятельности.

В изучаемом материале также можно отметить гендерный аспект, связанный с коммуникацией, что проявляется во всех слоях концепта. Болтливость преимущественно рассматривается как женское качество, что вербализуется в языке при помощи лексем, номинирующих женщин: *говоруха, язычица: Она така'говоруха*. Сельские жители выделяют и оценивают, обозначают признаки с точки зрения своего восприятия мира и своего окружения. Именно женщинам приписываются такие номинации, как *долгоязыкая, длиннаяязыкая*, а комнатное растение зигокактус также получило название, связанное с наименованием женских статусов: *тёщин язык, бабий язык*.

Отметим также жанровую и дискурсивную обусловленность реализации концепта «Язык». Например, в белорусских новостных сообщениях концепт «Национальный язык» предстает в двух ценностно ориентированных образных вариантах: белорусский язык как значимая составляющая национальной идентичности и белорусский язык как оплот белорусской государственности [46. С. 288]; при реализации концепта «Язык» в массмедиа современных государств бывшего СССР в основном эксплуатируется компонент этнической идентичности [55. С. 274]; в частушках концепт «Язык» выполняет вспомогательную роль при актуализации других, сюжетообразующих концептов («Семья», «Любовь», «Коллектив») и представлен фреймами, актуализирующими многообразие человеческого «общения»: «уговаривание», «предложение», «заявление», «угроза», «спор», «ссора» и др. [27]. В исследуемом материале, представленном в основном речевыми жанрами автобиографического, бытового рассказа, воспоминания в сельском дискурсе, реализуется компонент этнической идентичности при рассуждениях о языке и проживании в одном селе с представителями других национальностей, в речи билингов при воспоминаниях о переселении, ссылке в Томскую область и возможности сохранения родного языка и культуры.

Концепт «Язык» можно назвать одним из ключевых концептов культурно-языкового ландшафта Сибири. В устных рассказах жителей Томской области реализуются **этнический, сравнительно-сопоставительный, административно-политический, лингво-экологический аспекты** в содержании концепта: язык представлен как средство общения, один из критериев этнической идентичности человека, факт его автобиографии, инструмент сохранения культуры; **анатомический аспект**, рассматривающий язык как орган в полости рта человека и животных. Концепт «Язык» обладает хорошо разработанным образным слоем: образной интерпретации подвергается внешний вид языка, способность двигаться. Лексема *язык* включается в многочисленные фразеологические единицы, сравнения, актуализирующие правила речевого общения. В понятийном, образном и ценностном слоях концепта проявляется его дискурсивная обусловленность: функционирование концепта в сельской коммуникации отражается в его метафорических значениях (язык как часть мялки и деталь рыболовных снастей) и в анатомическом понимании языка, которые репрезентируют хозяйственную, промысловую деятельность деревенских жителей. Региональная специфика проявляется в этническом, сравнительно-сопоставительном, административно-политическом аспектах, выделяемых в содержании концепта.

Список источников

1. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. Томск, [б. г.]. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 19.06.2023).
2. Словарь русских старожилов сибирских говоров средней части бассейна реки Оби. 1964–1983. URL: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (дата обращения: 01.07.2023).
3. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
4. Полный словарь диалектной языковой личности. Т. 1. А–З. / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 358 с.
5. Словарь синонимов сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 456 с.
6. Блинова О.И. Словарь антонимов сибирского говора. Томск, 2003. 242 с.
7. Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.
8. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 132 с.
9. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 312 с.
10. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипилиной; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.
11. Гончарова Т.А. Этнический состав населения // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 935–936.
12. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7–10.
14. Иванцова Е.В. Языковое и ментальное пространство трансграничья в локусе сибирского села // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 152–157.
15. Волошина С.В. Культурно-языковой ландшафт современной сибирской деревни как результат взаимодействия культур (на примере д. Берёзовка Первомайского района Томской области) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 21–39.
16. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.
17. Волошина С.В., Толстова М.А. Языковая репрезентация концепта «Зима» (на материале устной речи жителей сибирских сёл) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 13–26.
18. Гынгазова Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакуарности // Лакуарность в языке, картине мира, словаре и тексте : межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск : НГПУ, 2009. С. 115–122.
19. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Лес» (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 60–76.
20. Демешкина Т.А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «Болото») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.
21. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Медведь» в диалектном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 30–46.
22. Земичева С.С., Васильченко А.А. Концепт «Дружба» в диалектной речи Среднего Приобья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 2. С. 19–34.

23. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие) // Русин. 2021. № 63. С. 241–268.
24. Волошина С.В., Толстова М.А. Культурно-языковой ландшафт современного сибирского села: постановка вопроса и перспективы // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : сб. науч. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф., Орел, 20–21 октября 2022 года. Орел : Изд-во Картуш, 2022. С. 298–302.
25. Иванцова Е.В. Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 40–58.
26. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 192 с.
27. Иванцова Е.В. Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильского села Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 61–80.
28. Эмер Ю.А. Фреймвая организация концепта «Язык» в частушке // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 34–39.
29. Ростова А.Н. Концепт «говорить», «сказать» в русских говорах Сибири // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 105–111.
30. Антонова С.М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. Гродно : ГрГУ, 2003. 519 с.
31. Кучмезова Д.Т. Концепт «Язык» на материале идиом и паремий карачаево-балкарского языка // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 1 (30). С. 99–101.
32. Құрманалі А.А., Құрманалиев К.А. «Тіл /Сөз» концептісінің қазақ паремиялогиялық қорындағы вербалдану ерекшеліктері // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Филология. 2020. № 4 (133). С. 93–102.
33. Полинченко Д.Ю. Оценочные коннотации в паремиялогическом представлении концепта «Язык» в русском и английском языках // Образование. Наука. Творчество. 2004. № 1. С. 89–93.
34. Аллахвердиева М.Ф. Отражение концепта «Язык» в русских паремиях // Русское слово в международном образовательном пространстве: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пятигорск : ПГУ, 2021. С. 30–34
35. Дай И. Метафорическая интерпретация концепта «Язык» : на материале метафорических номинаций речевой деятельности в русском и китайском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 26 с.
36. Мустафаева С.Т. Лексическая репрезентация концепта «ЯЗЫК» в китайском языке // Paradigmata Poznani. 2017. № 1. С. 66–69.
37. Степанов Ю.С. Язык // Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический проспект, 2004. С. 249–294.
38. Копырина Д.Ф. Концепт «Язык» в языковом сознании носителей якутского и английского языков // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 года. Новосибирск : НГУ, 2016. С. 17–18
39. Сулейманова Л.Р. Концепт «Тел» 'язык' в башкирском языке // Роль литературы в духовно-нравственном и патриотическом воспитании подрастающего поколения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием), посвященной Году литературы в Республике Башкортостан и Российской Федерации, 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Сибай, 16–17 апреля 2015 года. Сибай : ГУП РБ «Сибайская городская типография», 2015. С. 231–233.
40. Тавдгиридзе Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 23 с.
41. Стернин И.А. Концепт «финский язык» в русском сознании // Русское и финское коммуникативное поведение : сб. ст. Воронеж : Истоки, 2006. С. 147–154.
42. Стернин И.А. Концепт польский язык в языковом сознании польских филологов-русистов // Коммуникативное поведение славянских народов: Русские, украинцы, словаки, поляки, сербы. Воронеж : Истоки, 2010. С. 91–93.
43. Симанова Т.А. Развитие концептов «Русский язык» и «Родной язык» в языковом сознании иностранных студентов (экспериментальное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.
44. Акатъева И.С., Русанова И.Ю. Содержание концепта «Родной язык» у студентов-носителей удмуртского языка (на материале ассоциативного эксперимента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 1. С. 110–115.
45. Дубинина М.Н. Метафоризация концепта «Иностранный язык» (на примере китайского языка) // Актуальные проблемы германо-романской филологии и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. Коломна, 2021. С. 22–28.
46. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Концепт «национальный язык» в зеркале белорусских СМИ // Русин, 2016. № 4 (46). С. 276–293.
47. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
48. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
49. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
50. Волошина С.В. Концепт «Сибирь» в речевом жанре автобиографического рассказа (на материале речи жителей сибирских сел) // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : сб. науч. трудов V Междунар. науч.-практ. конф., Орел, 14–15 октября 2021 года. Орел : Картуш, 2021. С. 354–360.
51. Морзавченков Г.А. Язык как фактор этнокультурной идентичности : дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2015. 163 с.
52. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Локальная самоидентификация жителей сибирского села (на материале автобиографических рассказов) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 16–22.
53. Костомаров П.И., Кобенко Ю.В. Социолингвистическая характеристика речи представителей немецкого этноса Колпашевского района Томской области // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (208). С. 7–13.
54. Полякова Н.В. Индигенные этносы Томской области: социолингвистическая ситуация и языковая витальность // Язык. Общество. Образование : сб. науч. трудов III Междунар. науч.-практ. конф., Томск, 10–12 ноября 2022 г. / под ред. Ю.В. Кобенко. Томск : ТПУ, 2022. С. 81–85.
55. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Ценностная составляющая концепта «украинский язык» в дискурсе украинских СМИ (на материале текстов аналитических статей) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 273–284.

References

1. Laboratory of General and Siberian Lexicography of the National Research Tomsk State University. (2023) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk dialect corpus]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/corpus> (Accessed: 19.06.2023).
2. Laboratory of General and Siberian Lexicography of the National Research Tomsk State University. (2023) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi. 1964–1983* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob River basin. 1964–1983]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (Accessed: 01.07.2023).
3. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershino dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University,
4. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete dictionary of dialectal language person]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
5. Blinova, O.I. (ed.) (2016) *Slovar' sinonimov sibirskogo govora* [Dictionary of synonyms of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Blinova, O.I. (2003) *Slovar' antonimov sibirskogo govora* [Dictionary of antonyms of the Siberian dialect]. Tomsk.
7. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinit sibirskogo govora* [Dictionary of figurative units of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

8. Ivantsova, E.V. (2016) *Idiolektnyy slovar' pretsedentnykh tekstov sibirskogo starozhila* [Idiolect dictionary of precedent texts of a Siberian old-timer]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of figurative words and expressions of the folk dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Chernyak, E.I. (ed.) (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomskikh krest'yan* [How we lived: memories and oral testimonies of Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Goncharova, T.A. (2009) Etnicheskiy sostav naseleniya [Ethnic composition of the population]. In: *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Oblast]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 935–936.
12. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2
13. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2005) Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku [Main features of the semantic-cognitive approach to language]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 7–10.
14. Ivantsova, E.V. (2022) Yazykovoe i mental'noe prostranstvo transgranič'ya v lokuse sibirskogo sela [Linguistic and mental space of the trans-border region in the locus of the Siberian village]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. 7. pp. 152–157.
15. Voloshina, S.V. (2022) The Cultural and Linguistic Landscape of a Modern Siberian Village as a Result of Cultural Interaction (On the Material of Beryozovka, a Village in Pervomaysky District, Tomsk Oblast). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 21–39. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/2
16. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/56/3
17. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2022) On Linguistic Representation of the Concept “Winter” (Based on the Spoken Language of Inhabitants of Siberian Villages). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal* 484. pp. 13–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/484/2
18. Gyngazova, L.G. (2009) Tsennostnaya kartina mira dialektonositelya: k probleme lakunarnosti [The value picture of the world of a dialect speaker: to the problem of lacunarity]. In: *Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste* [Lacunarity in language, picture of the world, dictionary and text]. Novosibirsk: NSPU. pp. 115–122.
19. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2020) Representation of the Concept “Forest” (On the Material of Dialect Speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 60–76. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/65/4
20. Demeshkina, T.A. (2019) The World of Nature in the Mirror of the Dialect (A Case Study of the Concept “Swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. pp. 85–103. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/62/6
21. Voloshina, S.V. (2020) Representation of the concept “Bear” in dialect discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 30–46. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/65/2
22. Zemicheva, S.S. & Vasil'chenko, A.A. (2022) Kontsept “Druzhba” v dialektnoy rechi Srednego Priob'ya [The concept of “Friendship” in the dialect speech of the Middle Ob region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 21 (2). pp. 19–34.
23. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction). *Rusin*. 63. pp. 241–268. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/63/13
24. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2022) [Cultural and linguistic landscape of a modern Siberian village: formulation of the question and prospects]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: izucheniye i obuchenie* [Language. Culture. Communication: learning and teaching]. Proceedings of the International Conference. Oryol. 20–21 October 2022. Orel: Izd-vo Kartush. pp. 298–302. (In Russian).
25. Ivantsova, E.V. (2022) Functioning of the Speech Genre of Request in the Discourse of the Dialect Language Personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 40–58. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/3
26. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [Speech genre of autobiographical story in dialect communication]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
27. Ivantsova, E.V. (2021) The Rules of a Dialect Language Personality's Speech Behavior as a Component of The. Siberian Old-Resident Village Languagescape. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 61–80. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/74/4
28. Emer, Yu.A. (2009) Freymovaya organizatsiya kontsepta “Yazyk” v chastushke [Frame organization of the concept “Language” in a chastooshka]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 327. pp. 34–39.
29. Rostova, A.N. (2002) Kontsept “govorit’”, “skazat’” v russkikh govorakh Sibiri [The concept “govorit’”, “skazat’” in Russian dialects of Siberia]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 105–111.
30. Antonova, S.M. (2003) *Glagoly govoreniya – dinamicheskaya model' yazykovoy kartiny mira: opyt kognitivnoy interpretatsii* [Verbs of speaking – a dynamic model of the linguistic picture of the world: experience of cognitive interpretation]. Grodno: GrSU.
31. Kuchmezova, D.T. (2009) Kontsept “Yazyk” na materiale idiom i paremiy karachaevsko-balkarskogo yazyka [The concept “Language” based on the idioms and paremiyas of the Karachay-Balkar language]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 1 (30). pp. 99–101.
32. Kyrmanali, A.A. & Kyrmanaliyev K.A. (2020) “Til /Soz” kontseptsinii kazak paremiologiyalyk koryndary verbaldanu erekshelekteri [Features of verbalization of the concept “Language/Word” in the Kazakh paremiological fund]. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya: Filologiya*. 4 (133). pp. 93–102. (In Kazakh).
33. Polinichenko, D.Yu. (2004) Otsenochnye konnotatsii v paremiologicheskom predstavlenii kontsepta “Yazyk” v russkom i angliyskom yazykakh [Evaluative connotations in the paremiological representation of the concept “Language” in Russian and English]. *Obrazovanie. Nauka. Tvorchestvo*. 1. pp. 89–93.
34. Allakhverdieva, M.F. (2021) [Reflection of the concept “Language” in Russian paremiyas]. *Russkoe slovo v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: istoriya i sovremennost'* [Russian word in the international educational space: history and modernity]. Proceedings of the International Conference. Pyatigorsk: PSU. pp. 30–34
35. Day, I. (2011) *Metaforicheskaya interpretatsiya kontsepta “Yazyk”: na materiale metaforicheskikh nominatsiy rechevoy deyatel'nosti v russkom i kitayskom yazykakh* [Metaphorical interpretation of the concept “Language”: on the material of metaphorical nominations of speech activity in the Russian and Chinese languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
36. Mustafaeva, S.T. (2017) Leksicheskaya reprezentatsiya kontsepta “YaZYK” v kitayskom yazyke [Lexical representation of the concept “LANGUAGE” in the Chinese language]. *Paradigmata Poznani*. 1. pp. 66–69.
37. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: a dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskii prospekt. pp. 249–294.
38. Kopyrina, D.F. (2016) [The concept “Language” in the linguistic consciousness of speakers of the Yakut and English languages]. *MNSK-2016: Inostrannyye yazyki: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [MNSK-2016: Foreign languages: linguistics and intercultural communication]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk. 16–20 April 2016. Novosibirsk: NSU. pp. 17–18

39. Suleymanova, L.R. (2015) [Concept “Tel” ‘language’ in the Bashkir language]. *Rol' literatury v dukhovno-nravstvennom i patrioticheskom vospitanii podrastayushchego pokoleniya* [The role of literature in the spiritual, moral and patriotic education of the younger generation]. Conference Proceedings. Sibay: GUP RB “Sibayskaya gorodskaya tipografiya”. pp. 231–233. (In Russian).
40. Tavdgiridze, L.A. (2005) *Kontsept “Russkiy yazyk” v russkom yazykovom soznanii* [The concept “Russian language” in Russian linguistic consciousness]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
41. Sternin, I.A. (2006) Kontsept “finskiy yazyk” v russkom soznanii [The concept “Finnish language” in Russian consciousness]. In: *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior]. Voronezh: Istoki. pp. 147–154.
42. Sternin, I.A. (2010) Kontsept pol'skiy yazyk v yazykovom soznanii pol'skikh filologov-rusistov [The concept of the Polish language in the linguistic consciousness of Polish philologists in Russian studies]. In: *Kommunikativnoe povedenie slavyanskikh narodov: Russkie, ukraintsy, slovaki, pol'yaki, serby* [Communicative behavior of Slavic peoples: Russians, Ukrainians, Slovaks, Poles, Serbs]. Voronezh: Istoki. pp. 91–93.
43. Simanova, T.A. (2010) *Razvitie kontseptov “Russkiy yazyk” i “Rodnoy yazyk” v yazykovom soznanii inostrannykh studentov (eksperimental'noe issledovanie)* [Development of the concepts “Russian language” and “Native language” in the linguistic consciousness of foreign students (experimental study)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
44. Akat'eva, I.S. & Rusanova, I.Yu. (2022) Soderzhanie kontsepta “Rodnoy yazyk” u studentov-nositeley udmurtskogo yazyka (na materiale asotsiativnogo eksperimenta) [The content of the concept “Native language” among native students of the Udmurt language (based on the material of an associative experiment)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 15 (1). pp. 110–115.
45. Dubinina, M.N. (2021) [Metaphorization of the concept “Foreign language” (using the example of the Chinese language)]. In: *Aktual'nye problemy germano-romanskoy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Current problems of German-Romance philology and methods of teaching foreign languages]. Kolonna. pp. 22–28. (In Russian).
46. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2016) The concept “national language” in Belarusian mass media. *Rusin*, 4 (46). pp. 276–293. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/46/18
47. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
48. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
49. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
50. Voloshina, S.V. (2021) [The concept “Siberia” in the speech genre of an autobiographical story (based on the speech of residents of Siberian villages)]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: izuchenie i obuchenie* [Language. Culture. Communication: learning and teaching]. Proceedings of the International Conference. Oryol. 14–15 October 2021. Oryol: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu poligraficheskaya firma “Kartush”. pp. 354–360. (In Russian).
51. Morzavchenkov, G.A. (2015) *Yazyk kak faktor etnokul'turnoy identichnosti* [Language as a factor of ethnocultural identity]. Philology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
52. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) On Local Self-Identification of Siberian Village Residents (Based on Autobiographical Short Stories). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 470. pp. 16–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/470/2
53. Kostomarov, P.I. & Kobenko, Yu.V. (2020) Sotsiolingvisticheskaya kharakteristika rechi predstaviteley nemetskogo etnosa Kolpashevskogo rayona Tomskoy oblasti [Sociolinguistic characteristics of the speech of representatives of the German ethnic group of Kolpashevo District of Tomsk Oblast]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (208). pp. 7–13.
54. Polyakova, N.V. (2022) [Indigenous ethnic groups of Tomsk Oblast: sociolinguistic situation and linguistic vitality]. *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovanie* [Language. Society. Education]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 10–12 November 2022. Tomsk: TPU. pp. 81–85. (In Russian).
55. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2018) Tsennostnaya sostavlyayushchaya kontsepta “ukrainskiy yazyk” v diskurse ukrainskikh SMI (na materiale tekstov analiticheskikh statey) [The value component of the concept “Ukrainian language” in the discourse of Ukrainian media (based on the texts of analytical articles)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 4. pp. 273–284.

Информация об авторе:

Волошина С.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Voloshina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023;
одобрена после рецензирования 08.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 15.08.2023;
approved after reviewing 08.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Научная статья
УДК 81
doi: 10.17223/15617793/495/3

Комитативная конструкция в современном кетском языке

Юлия Игоревна Козиорова¹

¹ Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
julya_koziorova@mail.ru

Аннотация. На основе анализа полевого материала представлено описание кетской комитативной конструкции. Доказано, что необходимо различать комитативный и инструментальный маркеры (хотя они и омонимичны). Выявлена приименная природа комитативного маркера и описана его степень включенности в падежную систему кетского языка. Помимо этого, рассмотрена ситуация языкового сдвига и показано, что он, перейдя на следующую стадию, теперь проявляется не только социолингвистически, но и на языковом уровне.

Ключевые слова: кетский язык, комитативная конструкция, комитатив, языковой сдвиг, социолингвистика

Для цитирования: Козиорова Ю.И. Комитативная конструкция в современном кетском языке // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 28–38. doi: 10.17223/15617793/495/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/3

The comitative construction in the modern Ket language

Yuliya I. Koziorova¹

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
julya_koziorova@mail.ru

Abstract. This article aims to identify the differences between the comitative and instrumental constructions in the modern Ket language, as well as to demonstrate the linguistic trends that arise in the Ket case system in the context of language shift. The novelty of the approach lies in the fact that it is not a grammatical marker (as part of the nominal paradigm) that is considered, but a comitative construction as a morphosyntactic means of language used to express a comitative meaning. The research methodology included experimental methods. Conclusions were based on the results of the analysis of two types of field material: texts and tests. Grammar tests were conducted by the author in a linguistic expedition in 2015 with native speakers in the village of Kellog. The method of elicitation was used, which means both the translation of Russian stimuli into the Ket language by a native speaker and an assessment of the grammatical correctness of sentences in Ket compiled by a linguist. The same tests were given to several native speakers in order to rely on statistically more relevant data and avoid the influence of subjective factors. The texts were recorded in 2005, 2009 and 2015 from native speakers of the Ket language living in the village of Kellog. Linguists deciphered these texts in 2015; the documentation method was used. Next, a comparative parametric analysis was used to synthesize data from both sources and then to establish the level of involvement of the comitative case in the Ket nominal paradigm. Along with empirical data, descriptions given in grammars were used. Thus, the language material can be divided into two parts – modern and ten-year-old, which allows considering the comitative not only point-by-point, as of today, but also in comparison with 2005, i.e. to analyze both the statics of the state and the dynamics of development. As a result of the study, conclusions were drawn about the need for distinguishing between the comitative and instrumental markers (although they are homonymous). The article describes the Ket comitative construction, reveals the nominal nature of the comitative marker and the degree of its inclusion in the Ket case system. In addition, the situation of the language shift is considered, and it is shown that, having moved to the next stage, it now manifests itself not only sociolinguistically, but also at the linguistic level.

Keywords: Ket language, comitative construction, comitative case, language shift, sociolinguistics

For citation: Koziorova, Yu.I. (2023) The comitative construction in the modern Ket language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 28–38. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/3

Кетский язык относится к енисейской языковой семье, являясь ее последним живым представителем; имеет статус языка коренного малочисленного народа

Сибири – кетов, которые расселены на широкой территории по берегам р. Енисей и ее притоков, в населенных пунктах, территориально относящихся к Туруханскому

району Красноярского края, за исключением п. Суломай, который находится в Эвенкийском районе Красноярского края.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., кетов осталось всего 1 096 человек, и их число продолжает сокращаться. Соответственно, уменьшается и количество носителей кетского языка: если в 2010 г. владение кетским языком отметило 213 человек, то, согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., кетским языком владеет 55 человек, а используют его 32 человека – это 5 и 2,9% представителей народа соответственно. Отметим, что цифры 2010 г. исследователями считались завышенными, не соответствующими эмпирическим данным [1. С. 156; 2. С. 210], в связи с чем перепись 2020 г. можно рассматривать как более достоверный источник, так как она показывает картину, близкую к реальности. Около 18% этнической группы и соответственно большинство говорящих на кетском языке проживает в п. Келлог¹.

В соответствии с оценкой ЮНЕСКО, кетский язык находится под существенной угрозой исчезновения (*severely endangered*) и включен в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения».

Между тем кетский язык привлекает исследователей своей изолированностью и типологически необычной грамматической структурой. Кетский язык синтетический. Грамматические значения выражаются в основном аффиксами, реже – внутренней флексией. Аффиксы могут быть как суффиксами (в основном в именном словоизменении и словообразовании), так и префиксами и инфиксами (что в большей мере характерно для глагола). Присутствует и инкорпорация, что позволяет некоторым исследователям относить кетский к полисинтетическим языкам [3. С. 9; 4. С. 26–28]. Однако, поскольку сейчас механизмы инкорпорации практически не используются, поэтому говорят о полисинтетизме в диахроническом аспекте [4. С. 29; 5. С. 51]. Современный кетский язык – язык номинативно-аккузативного строя, однако исследователи считают, что в прошлом язык был активного строя, реликты которого находят и поныне [4. С. 28; 6. С. 34–39; 7. С. 253; 8. С. 178–195; 10. С. 54]. Порядок слов – SOV, язык с левым ветвлением (определение стоит перед определяемым, на уровне словоформы – порядок показателей на глаголе). Сильно развита структурно-диахроническая конвергенция: как фонетическая (редукция системы тонов), так и грамматическая (редукция падежной системы).

В кетском выделяют традиционные части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие, послелог, числительное и местоимение. Наиболее архаична, сложна и ареально уникальна система глагольной словоизменения. «Глагол кетского языка составляет центр предложения и его минимальную форму, включая в себя основную грамматическую информацию о членах предложения; в то же время имя выступает часто как конкретизирующее приложение к глагольной форме» [3. С. 10]. В связи с этим исследователи М.Н. Валл, И.А. Канакин [9. С. 43], а позже Ю.Е. Галямина [5. С. 51] говорят о вербоцентрической

системе кетского предложения, где вершиной является глагол, внутри которого сосредоточено выражение главных актантов. Именные группы для главных актантов выражают только референтные и коммуникативные свойства или полные характеристики, включая синтаксические для неглавных актантов и сирконстантов. Ядерные актанты индексируются в глаголе с помощью нескольких серий показателей и имеют одинаковый ранг (субъект не выделяется как превалирующий элемент). Неядерные актанты маркируются с помощью косвенных падежей. Сирконстанты факультативны и выражаются существительными в косвенных падежах или послеложными группами.

В глагольной словоформе одновременно могут присутствовать показатели спряжения, времени, субъектно-объектного лично-числового согласования, преверба (сюда входят дативные и каузативные детерминативы, а также архаичные морфемы, уже утратившие свою семантику и идиоматизированные в рамках общей модели того или иного глагола) и модификатора. Модификатором может стать инкорпорированные в глагол имя или другой глагол.

Система именного словоизменения не настолько самобытна и сложна, как глагольная, имеет много параллелей в языках-соседах. По этим причинам считается, что она могла быть подвергнута серьезным изменениям в результате языковых контактов. Разные исследователи выделяют от 4 [9. С. 26] до 12 [11. Р. 21] формантов, которые описываются в терминах падежной системы. Падежи делятся на два класса: образованные от основы генитива и образованные от основы номинатива. Таким образом, есть две производные основы, от которых образуется два типа именных парадигм. Первый тип – пространственные падежи, кумулятивно выражающие число, класс и одушевленность. Эти форманты омонимичны местоимениям 3-го лица с соответствующим падежным оформлением. Второй тип – падежи, не различающие класс и одушевленность, способные присоединяться не ко всем именам, из-за чего некоторые исследователи причисляют их к послелогам [9. С. 27]. Такая расщепленность падежной системы характерна также для других языков обско-енисейского бассейна [12. С. 3–66], в частности финно-угорских [3. С. 11; 13. С. 78]. Абсолютив, или основной падеж, соответствующий субъекту и объекту, эксплицитно не выражается: можно считать это значимым нулем [13. С. 60–61], а можно – отсутствием падежа [5. С. 50–51]. В отдельное склонение принято выделять систему посессивных показателей, что также находит параллели в языках-соседах [3. С. 11]. Наряду с падежами пространственные и временные значения могут выражаться послелогам, часто их семантика повторяется.

В данной статье представлено подробное описание комитативной конструкции в современном кетском языке. Рассматривалась как конструкция в целом, так и отдельно комитативный показатель: его статус и функционирование.

Новизна подхода состоит в том, что рассматривается не грамматический маркер (как часть именной парадигмы), а комитативная конструкция (далее КК) как

морфосинтаксическое средство языка, использующееся для выражения комитативного значения. В каноническом своем варианте она включает комитативную именную группу (далее ИГ), центральную ИГ и вершину-предикат [14. С. 64–66]. На сегодняшний день наиболее полное функционально-типологическое описание комитатива дано в монографии А.В. Архипова «Типология комитативных конструкций», мы будем опираться на его теоретическую базу [14].

Выводы делались по результатам анализа полевого материала двух типов: текстов и тестов. Грамматические тесты для определения статуса показателя комитатива были проведены автором в лингвистической экспедиции 2015 г.² с носителями языка в поселке Келлог³. Тесты использовались для проверки сочетаемости КК с падежными формантами и с послелогоми. Использовался метод эликации, предполагающий перевод носителем русских стимулов на кетский язык либо оценку грамматической правильности предложений на кетском, составленных лингвистом. Затем задавались уточняющие вопросы, имеющие целью выяснить, существуют ли другие возможности перевода и останется ли высказывание грамматически правильным, если заменить в нем одну морфему другой. Суждение о грамматической правильности высказывания давалось информантами на основе собственных ощущений, поэтому для более достоверной картины одни и те же тесты давались нескольким информантам. Ввиду специфической социолингвистической ситуации мы сочли возможным провести наши тесты с четырьмя информантами. Первым из них был Ю.М. Сутлин (1949 г.р.), представитель так называемого старшего поколения, опытный информант, отлично знающий язык и уже не первый год сотрудничающий с лингвистами. С.М. Коротких (1962 г.р.), А.П. Коротких (1964 г.р.) и И.В. Ириков (1969 г.р.) – «молодые» информанты, ранее не сотрудничающие с исследователями кетского языка, владеющие языком уже в гораздо меньшей степени, чем Ю.М. Сутлин. Различия между идиолектами разных поколений будут описаны ниже.

Тексты были записаны в 2009⁴ и 2015 гг. от носителей кетского языка, проживающих в поселке Келлог, и расшифрованы во время экспедиции 2015 г. (11 текстов от 5 информантов общей продолжительностью 2 часа 50 минут). Кроме того, анализировались тексты с сайта «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»⁵, записанные от носителей кетского языка в период с 2004 по 2009 г. в разных поселках и уже рас-

шифрованные (12 текстов от 10 носителей общей продолжительностью 40 минут + 3 текста из Архивная тетрадь Г.М. Корсакова, Санкт-Петербургский архив РАН). Записи проводились в принятой в кетском языкознании транскрипции. Анализируемые тексты были бытового характера – в основном это рассказы о жизни, прошлой и настоящей, записанные от поселковых жителей. Основой существования многих из них до сих пор остается промысел – летом сбор ягод и рыбалка, осенью – охота. Это традиционный уклад жизни, а потому данный лексический пласт сохранился лучше остальных и сохранился именно в поселке, в месте компактного проживания народа, а не в районном центре, где связь с традицией ослабла. Расшифровка текста проходила следующим образом: информант слушал отрывок аудиозаписи на кетском языке (отрывок часто составлял предложение либо его часть, если оно слишком большое) и давал перевод этого отрывка целиком, а затем перевод каждого слова. Исследователь записывал услышанное на кетском языке (часто при помощи информанта, который еще раз озвучивал сказанное) и потом на русском. Принимая во внимание фактически бесписьменный статус кетского языка, мы не могли рассчитывать на помощь информантов в записи текстов, все записывалось исключительно с устной речи и затем выверялось по словарю [15].

В грамматических описаниях кетского языка такое явление, как комитатив, отдельно не рассматривается, упоминается лишь показатель, называемый падежом или падежным формантом. Между тем М.Н. Валл и И.А. Канакин утверждают, что маркер комитатива – это послелог [9. С. 15; 16. С. 64]. Исследователи причисляют к классу послелогов все падежи второго типа, так как они не различают число, класс и одушевленность и способны сочетаться с другими падежными показателями. Особенно важно, по мнению исследователей, то, что они могут присоединять показатели в том числе своей группы, т.е. сами между собой не связаны парадигматическими отношениями, в отличие от падежей, образованных от основы генитива. Наши тесты показали, что это не так (примеры 27, 28). При этом в примерах авторов в случае присоединения послелога к послелогу в качестве таких послелогов приводятся с одной стороны канонические послелоги, а с другой стороны – падежные форманты [16. С. 66]. Наконец, пример (1), приведенный авторами в доказательство этого тезиса, неубедителен, так как в нем на инструменталис навешивается генитив.

(1) *Da:m diyedast hib da kasanem.*

Da:m diyed-as-t hib da kas-a-n-em-Ø.

который юрак-COM-GEN сын S1.3M MOD-EP-PST-LV-S1.SG

‘Она взяла сына, которого прижила с юраком’ [9. С. 27].

В этом вопросе с ними спорят остальные исследователи. Г.К. Вернер [13. С. 78–80] считает падежи второй группы более древними относительно остальных. Е.Г. Которова и А.В. Нефёдов [10. С. 44–45] полагают точку зрения М.Н. Валл и И.А. Канакина [16.

С. 69] неубедительной, так как принцип прямой маркировки семантических ролей наличествует в таких ролевых языках с традиционно выделяемой падежной системой, как арчинский, шумерский, а иные спорные моменты, в частности дистанционное расположение

падежных формантов и омонимия между показателями генитива и посессивности, возможно вслед за Г. Вернером [17. С. 108–111, 118] рассматривать в рамках точки зрения, признающей наличие падежной системы в кетском языке [10. С. 44–47].

Кроме того, кетские послелогов обладают рядом свойств, отсутствие которых у падежных формантов никак не комментируется в работе [16. С. 63–66]. Во-первых, многие исследователи кетского языка утверждают, что послелогов управляют именем в генитиве [10. С. 48; 11. С. 23; 13. С. 79–80; 16. С. 65; 18. Р. 212], непосредственно за которым они в обязательном порядке и стоят [18. Р. 224]. Во-вторых, послелогов сохраняют генетическую память, что означает выводимость слово-знаменательной части речи, от которой произошел послелог [13. С. 78; 16. С. 65; 18. Р. 212–217], в то время как падежные форманты «не этимологизируются с уверенностью» [16. С. 65].

Показатель комитатива *-as* обнаруживает регулярность как в употреблении с любыми лексемами языка, так и в наличии лексических и грамматических сдвигов, а также обнаруживает отсутствие нерегулярных семантических сдвигов, поэтому он может быть отнесен к словоизменительным аффиксам. В пользу этого говорит и встроенность в парадигму кетского именного словоизменения и наличие собственного фиксированного значения, на что указывается у многих авторов [11. С. 28; 13. С. 81⁶; 18. Р. 160;], которые причисляют комитатив к падежам второго типа, а комитативный маркер считают падежным аффиксом.

Автор придерживается широкой трактовки понятия падежа, как в работе [19. С. 16–17], в силу чего форманты, в том числе комитатив, могут считаться по меньшей мере семантически падежными и будут называться в данной работе падежами в соответствии с лингвистической традицией.

Однако показатель *-as* может использоваться не только в комитативной, но и в инструментальной позиции. Мы хотим показать, что маркер *-as* стоит рассматривать как показатель, который используется в двух различных конструкциях, которые имеют различные свойства. При таком подходе мы можем считать комитатив и инструменталис разными падежами.

Доказательства этого утверждения лежат как в области семантики, так и в области морфологии и синтаксиса. Прежде всего, надо упомянуть тривиальный факт: комитатив и инструменталис выражают разные значения, которые, впрочем, типологически довольно часто сочетаются в рамках одной грамматической категории.

Как было отмечено исследователями [11. С. 29; 18. Р. 160], комитативное значение кетский показатель *-as* приобретает при присоединении к одушевленным именам, а инструментальное – как правило, к неодушевленным, что говорит о том, что оба значения находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и четко разграничены по сочетаемости. Однако наши примеры показывают, что никакой дополнительной дистрибуции нет: комитативный показатель может присоединяться к неодушевленным именам (примеры 6, 7, 9–11, 15, 16, 24, 29). Тем не менее, хотя и обнаруживается, что этот аргумент в современном кетском языке не работает в отношении показателя комитатива, он работает в отношении дистрибуции комитативной и инструментальной конструкций: набор синтаксических позиций у комитативной конструкции больше, нежели у инструментальной.

В кетском языке комитативное значение может быть выражено комитативной конструкцией (наиболее употребительная стратегия) (пример 2), или сочинительной конструкцией (пример 3). Помимо этого, в кетском языке есть послелог *qonbes* ‘вместе с’, который вводит периферийного участника комитативной конструкции в генитиве [11. Р. 43] (пример 4).

(2) *At di:mes' (ob amas'diŋal) / (ob amas'daŋal') / (ob amas'naŋal').*
ād di-ik-i-n-bes-Ø (ōb ām-as'-di-ŋal) / (ōb ām-as'-da-ŋal')
 я S1.1-сюда-EP-PST-LV-S1.SGотец мать-COM-GEN.SG.NM-ABL отец мать-COM-GEN.SG.M-ABL
 / *(ōb ām-as'-na-ŋal')* отец мать-COM-GEN.PL.NTH-ABL
 ‘Я пришёл от отца с матерью’ [ПМ 2015: тесты].

(3) *At di:mes' (obdaŋal haj amdiŋal) / (ob haj amdiŋal).*
ād di-ik-i-n-bes-Ø (ōb-da-ŋal haj ām-di-ŋal) / (ōb haj ām-di-ŋal)
 я S1.1-сюда-EP-PST-LV-S1.SGотец-GEN.SG.M-ABL и мать-GEN.SG.NM-ABL отец и мать-GEN.SG.NM-ABL
 ‘Я пришёл от отца с матерью’ [ПМ 2015: тесты].

(4) *Bik dənŋa qonbes bilə quwət.*
bik dən-ŋa qon-bes bila ku-w-a-Ø-tn.
 Чужой люди-GEN.PL.NTH до-PROS как S3.2SG-DET-T.PRES-PRES-идти
 ‘С чужими людьми как пойдешь?’ [Архив ЛАЛС, ПМ 2009: текст Тыганова_УП].

Иначе говоря, перевести русский стимул на кетский можно тремя разными способами. Последние два остаются за рамками данной работы и не рассматриваются здесь, хотя в ходе проведения тестов информантами также приводились варианты с сочинительной конструкцией, однако поскольку это не предмет данного исследования для простоты восприятия

они в данной статье не приводятся, т.е. автором далее рассматриваются только варианты перевода русского стимула на кетский язык посредством комитативной конструкции.

Комитативная конструкция может иметь своей вершиной как предикат (примеры 5, 19–22), так и другое существительное (пример 6) или послелог

(примеры 7–12). При этом при присоединении к послелогу или существительному комитативная конструкция не получает показателя генитива⁷. Если же комитативная конструкция подчиняется предикату,

то индексироваться на нем по общим правилам кетского языка она будет только в том случае, если занимает актантную позицию: агенса или прямого дополнения (примеры 5, 19–22).

(5) *Həmgan ostəʔənnas' duʔin.*

həmk-a-n ostəʔ-an-as' du-ʔ-a-Ø-dəq-i-n

эвенк-PL кет-PL-COM S1.3-EP-T.PRS-PRS-жить-EP-S1.PL

‘Эвенки с кетами живут’ [Архив ЛАЛС, ПМ 2009: текст_Тыганова_УП].

(6) *Bu toʔtat oʔon ses' leses' kare qon'.*

Bu toʔtat o-k-o-n-tn ses' les-as' kare qon.

он бегом S3.3M-DET-T.PST-PST-идти река лес-COM край до

‘Он добежал до края леса с рекой’ [ПМ 2015: тесты].

(7) *Hīʔdīl' oʔon kuus' iŋŋus'as' baləbes'.*

hīʔdīl o-k-o-n-tn kuus' iŋŋus'-as' bal-ə-bes'.

мальчик S3.3M-DET-T.PST-PST-идти чум дом-COM между-EP-PROS

‘Мальчик прошёл между чумом и домом’ [ПМ 2015: тесты]

(8) *At dibet as'len ob (haj) amas' doʔot.*

āʔ di-Ø-Ø-bet-Ø as'-l-iŋ ōb (haj) ām-as' doqot.

я S1.1-T.PRS-PRES-делать-S1.SG лыжа-PL отец (и) мать-COM для

‘Я делаю лыжи для отца и матери’ [ПМ 2015: тесты].

(9) *Bu toʔtat oʔon ses' leses' qon'.*

Bu toʔtat o-k-o-n-tn ses' les-as' qon.

он бегом S3.3M-DET-T.PST-PST-идти река лес-COM до

‘Он добежал до леса с рекой’ [ПМ 2015: тесты].

(10) *Ket sesilta kuus' iŋŋus'as' hīʔa.*

keʔd d-ses-i-l-ta-Ø kuus' iŋŋus'-as' hīʔa

человек S1.3M-сесть-T.PST-PST-LV-S1.SG чум дом-COM внутри

‘Человек сидел в чуме и доме’ [ПМ 2015: тесты].

(11) *Tinən tovildan uŋoks' l'amas' təʔtka.*

tin-ən t-o-b-i-l-dam uŋoks' l'am-as' t-əʔtka

ведро-PL DET-T.PST-O2.3SG.TN-EP-PST-лежать стул стол-COM GEN- на

‘Ведро лежали на стуле со столом’ [ПМ 2015: тесты]

(12) *Bu ses'ta ob amas' dīlgə.*

bu d-ses-Ø-ta-Ø ōb ām-as' d-ilka

он S1.1-сесть-PRS-LV-S1.SG отец мать-COM GEN-возле

‘Он сидит рядом с отцом и матерью’ [ПМ 2015: тесты].

Конструкция, оформленная показателем комитатива, в отличие от инструменталиса, который используется только для маркирования косвенного актанта, может занимать в предложении любые синтаксические ниши, характерные для стандартной ИГ.

В позиции косвенного дополнения КК всегда представляет собой единую ИГ, согласование с которой остальных падежей может происходить произвольным образом: со спутником, с ориентиром или же с их совокупностью, поэтому возможны варианты с падежным показателем как мн.ч., так и ед.ч. обоих родов. Таким

образом, центральная ИГ в КК и в любом случае остается немаркированной, а комитативная ИГ получает маркер комитатива и другого падежа, который относится ко всей КК. Такую ситуацию можно наблюдать со всеми пространственными падежами (датив, адессив, аблатив) (примеры 2, 13–16). Бенефактивных контекстов нет, так как информанты используют вместо бенефактива датив (пример 17). Ориентируясь на падежное маркирование, можно установить, что в позиции косвенного дополнения мы имеем дело с сочинительной формально комитативной конструкцией (ФКК в терминах А.В. Архипова) [14. С. 45].

(13) *Bu dol'dəq (bat baamas'diŋt) / (bat baamas'daŋt) / (bat baamas'naŋt).*

bū d-o-l-dəʔq-Ø (bāʔd bāʔm-as'-di-ŋt)/

3SG S1.1-T.PST-PST-жить-S1.SG старик старуха-COM-GEN.SG.NM-ADESS

(báàd báàm-as'-da-ŋt) / (báàd báàm-as'-na-ŋt).
 старик старуха-COM-GEN.SG.M-ADESS старик старуха-COM-GEN.PL.NTH-ADESS
 'Он жил у старика со старухой' [ПМ 2015: тесты]

(14) Kəj ket di:mes' (bat baamas'diŋa) / (bat baamas'daŋa) / (bat baamas'naŋa).
 kəʃj keʔd di-ik-i-n-bes-ø (báàd báàm-as'-di-ŋa)/
 охота человек S1.1-сюда-EP-PST-LV-S1.SG старик старуха-COM-GEN.SG.NM-DAT
 (báàd báàm-as'-da-ŋa) / (báàd báàm-as'-na-ŋa)
 старик старуха-COM-GEN.SG.M-DAT старик старуха-COM-GEN.PL.NTH-DAT
 'Охотник пришёл к старику со старухой' [ПМ 2015, тесты].

(15) Is' tolowet taz (aj) tinas'diŋt.
 is' t-o-l-o-qut taz (haj) tin-as'-di-ŋt
 рыба DET-T.PST-PST-O2.3SG.M.CORF-лежать таз и котел-COM-GEN.SG.NM-ADESS
 'Рыба лежала в тазу с котлом' [ПМ 2015: тесты].

(16) S'aj datpijarən čaška qəktes'diŋa.
 s'aj d-at-b-i-j-aq-ə-n čaška qəkt-es'-di-ŋa
 чай S1.3-лить-O2.3SG.TH-EP-PST-LV-EP-S1.PL чашка ложка-COM-GEN.SG.NM-DAT
 'Чай налили в чашку с ложкой' [ПМ 2015: тесты].

(17) At bilbet loktaq (ob amas'diŋal) / (ob amas'daŋal) / (ob amas'naŋal').
 ād d-b-i-l-bet-ø loktaq (ōb ām-as'-di-ŋa) /
 я S1.3M-O2.3SG.TH-EP-PST-делать-S1.SG лыжи-голицы(PL) отец мать-COM-GEN.SG.NM-DAT
 (ōb ām-as'-da-ŋa) / (ōb ām-as'-na-ŋa) отец мать-COM-GEN.SG.M-DAT отец мать-COM-GEN.PL.NTH-ABL
 'Я сделал лыжи-голицы для отца с матерью' [ПМ 2015: тесты].

В актантной позиции агенса или прямого дополнения КК обязательно связана отношением сочинения с прономинальными актантами в глаголе, при этом согласование происходит двумя путями. Первый вариант – согласование только с ориентиром.

Тогда спутник стоит считать косвенным дополнением, которое, в свою очередь, тоже является ИГ со своими зависимыми (как в примерах 18 и 29). Этот вариант характерен для собственно комитативной конструкции (СКК в терминах А.В. Архипова [14. С. 8]⁸).

(18) Oyon tu hana olas'as'.
 o-k-o-n-tn tu hana olas'-as'.
 S3.3M.SG-DET-T.PST-PST-идти этот маленький теленок-COM
 'Он пришёл со своим маленьким телёнком' [Архив ЛАЛС, ПМ 2009: текст_Тыганова_УП].

Второй вариант – согласование по множественному участнику (примеры 19–22), и тогда считаем спутник и ориентир одной ИГ (сочинительной ФКК в терминах А.В. Архипова [14. С. 45]. Если такая ИГ выражается в глаголе, то она, очевидно, является ядерным актантом.

В то же время комитатив как падеж, маркируя ИГ, обозначает ее сирконстантный статус (так как все эксплицитно выражаемые падежи в кетском языке маркируют лишь косвенные дополнения). Получается, что ИГ в косвенном падеже занимает позицию агенса.

(19) Ket tibas' tolayanin qoj.
 keʔd tip-as' d-t-o-l-o-γ-aq-i-n qoj.
 человек собака-COM S1.3-DET-T.PST-PST-O2.3SG.M.CORF-EP-гонять/преследовать-EP-S1.PL медведь
 'Человек с собакой гоняли медведя' [16. С. 64].

(20) Am obas' oŋgon tyŋa.
 ām ōb-as' oŋ-k-o-n-tn tyŋa.
 мать отец-COM S3.3.PL-DET-T.PST-PST-идти вниз (по реке)
 'Мать с отцом вниз ушли' [16. С. 91].

(21) Ture amas' oŋoŋ tambiltan.
 tūl ām-as' oŋ-k-o-n-tn tām-biltan
 потом мать-COM S3.3.PL-DET-T.PST-PST-идти mod-куда-то
 'Потом он с матерью пошли куда-то' [ПМ 2005: текст_Котусов_АМ_qolbesam].

(22) Kajə tip kylbaamas' oŋgon.
 qaja tip kyl-báàm-as' oŋ-k-o-n-tn.

потом собака ворона-старуха-COM S3.3.PL-DET-T.PST-PST-идти
 ‘Потом собака с вороной ушли’ [ПМ 2015: текст_Сутлин_ЮМ].

Отсюда можно было бы сделать вывод, что на эту ИГ, маркированную комитативом, сверху навешен еще один падеж – абсолютив, выраженный нулем. В таком случае комитатив – это средство связи двух ИГ в одну, на которой должен быть еще один падеж, чтобы ввести ее как участника в предложение. Однако более логичным было бы решение в рамках теории, которая предполагает отсутствие в кетском языке абсолютивного падежа [9. С. 42]. В рамках этой вербоцентрической модели предложения предполагается, что синтаксические роли ядерных актантов выражаются только в глаголе, а полнозначные именные группы появляются в предложении для обозначения референтности и коммуникативных свойств актанта.

В этой связи кетские сочинительные ФКК, индексируемые в глаголе как ядерные актанты и одновременно имеющие показатель косвенного падежа, обнаруживают явное противоречие, если только мы опять же не признаем, что комитативный показатель – это средство связи двух ИГ в одну. В таком случае получившаяся ИГ не имеет падежа и хорошо встраивается в теорию: она выражает коммуникативный и референт-

ный статус ядерного прономинального актанта, синтаксический статус которого, соответственно, маркируется в глаголе.

Следовательно, следует признать, что комитатив – это приименной падеж (по синтаксическому критерию). До сих пор генитив считался единственным таковым в кетском языке. Признание комитатива приименным падежом объясняет, почему КК, подчиненная послелогу или другому существительному, не приобретает маркер генитива: приименной падеж не может навешиваться на приименной (примеры 6, 7, 9–11, 15, 16, 24, 29). Здесь действует та же система, основанная на кластеризации падежей, что и в случае употребления КК в косвенных падежах: падежи одной группы не могут навешиваться друг на друга, но могут употребляться совместно в рамках одной ИГ с падежами из других групп. При этом инструменталис остается приглагольным падежом, следовательно, это два разных падежа с омонимичным показателем.

Теперь о контекстах с инструменталисом, который может навешиваться на комитатив: раз это падежи разных групп, то ничего удивительного в этом нет. В то же время кетский язык допускает пример (23).

(23) *At diŷiroq bat hibas 'as'.*

ād di-k-a-Ø-daŷ-Ø

я S1.1-DET-T.PRES-PRES-жить-S1.SG

‘Я живу с мужем и сыном’ [ПМ 2015: тесты].

báād

старик

hib-as'-as'.

сын-COM-COM

Можно предположить, что это не рекурсия, так как в первый раз маркер комитатива употребляется как связка двух ИГ в одну, т.е. как приименной падеж, а во второй раз как показатель, вводящий сирконстантную группу в предложение, т.е. в сферу действия глагола. Таким образом, мы видим, что значения двух падежей с одинаковым показателем не могут быть четко разнесены. Видимо, истинным представляется следующее положение вещей: прототипическим употреблением приглагольного показателя является инструментальный контекст, а приимен-

ного – сочинительная ФКК. Далее, как и во многих языках, как отмечено в монографии [14. С. 38], происходит сближение значений инструменталиса и комитатива, и в примере (23) первый показатель выражает классическое сочинительное значение, а второй – более удаленное от прототипа значение совместности. Пример (24) дает более наглядное представление о том, что это два разных падежа, выполняющие разные функции, навешанные друг на друга, так как в нем значения обоих падежей прототипичны.

(24) *Bu lowerol'bet tosla toqas 'as'.*

Bu d-lobed-o-l'-bet-Ø

он S1.3М-работа-T.PST-PST-делать-S1.SG

‘Он работал теслом с топором’ [ПМ 2015: тесты].

tosla

тесло

toq-as'-as'.

топор-COM-INSTR

Остается дать объяснение тому факту, что у старшего поколения конструкции типа (23) и (24) были под запретом. Запрещая такие примеры, в которых на КК

навешивается инструментальный падеж, информант старшего поколения вместо КК использовал сочинительную конструкцию, как в примере (25):

(25) *Bu lowerol'bet toqas' haj huulas' / toq haj huulas' / *toq huulas' as'.*

Bu d-lobed-o-l'-bet-Ø

он S1.3М-работа-T.PST-PST-делать-S1.SG

*toq haj huul-as' / *toq huul-as'-as'.*

топор и молоток-INSTR топор молоток-COM-INSTR

‘Он работал топором с молотком’ [ПМ 2015: тесты].

toq-as'

топор

haj

и

huul-as' /

молоток-INSTR

Хотя по проанализированным нами текстам мы не можем говорить о невозможности КК с инструменталисом, но отсутствие таких примеров, и наоборот, наличие сочинительных конструкций (пример 26) может подтверждать выводы, сделанные на ос-

нове тестов, о том, что у старшего поколения инструменталис еще не выработал свойства маркировать целиком комитативную группу, а вместо нее маркирует каждый из членов сочинительной конструкции.

(26) *At boʻyot iyytas' haj qoŋas'.*

āḍ bo-k-o-n-tñ ikot-as' haj qo-ŋ-as'.
я S3.1SG-DET-T.PST-PST-идти солнце-COM и звезда-PL-COM
'Я хожу по солнцу и по звездам' [ПМ 2015: тесты].

Возможно, раньше только группа пространственных падежей отличалась свойством сочетаться с падежами других групп в рамках одной ИГ. С учетом того, что каритив молодое поколение (рожденные в 1960-е гг.) уже забыло [20. С. 29; 21. С. 13], а инструменталис сейчас может навешиваться на КК (т.е. находится в состоянии

дрейфа в сторону пространственных падежей), остался только один падеж – локатив, который не может стоять в этой позиции (пример 27).

Впрочем, и в пору употребления каритива его поведение было таким же. Это ясно по тому, что старшее поколение запрещает контексты типа примера (28).

(27) *Ket aəntal (iŋŋus' haj qu's'ka) / iŋŋus'ka haj qu's'ka / (*iŋŋus' qu's'es'ka).*

ke'd a-y-i-n'-sa:l (iŋŋus' haj qu's'-ka)/
человек S3.3M.SG-DET-T.PST-PST-ночевать дом и чум-LOC
*(iŋŋus'-ka haj qu's'-ka) / (*iŋŋus' qu's'-es'-ka).*
дом-LOC и чум-LOC дом чум-COM-LOC
'Он ночевал в доме и в чуме' [ПМ 2015: тесты].

(28) *At həl'sibet inən' haj kilanən / *in kilanas'ən.*

āḍ d-həlsej-Ø-bed-Ø i'n-ən' haj kilan-ən /
я s1.1-шитьё-PRES-делать-s1.SG иголка-CAR и нитка-CAR
**i'n kilan-as'-ən.*
иголка нитка-COM-CAR
'Я шью без иголки с ниткой' [ПМ 2015: тесты].

Все это говорит о том, что все падежи стремятся к поведению пространственных, происходит выравнивание всей падежной парадигмы по аналогии, и сейчас уже и группа собственно падежей проявляет ту же тенденцию навешиваться на падежи другой группы в рамках ИГ.

Что касается просекутива, то, несмотря на его формальную отнесенность ко второй группе падежей и, вследствие этого, предполагаемую неспособность присо-

единять и присоединяться к падежам своей группы, контексты с ним и локативом обнаруживались и ранее: s'es'-ka-bes' (река-LOC-PROS) 'вдоль по реке' [22. Р. 93]. Г.К. Вернер считает, что причиной этому была локативная природа этого падежного маркера [13. С. 93].

В случае с КК просекутиву также позволяется присоединяться к комитативной ИГ вслед за маркером комитатива:

(29) *At boʻyot kul'ta lesas'bes'.*

āḍ bo-k-o-n-tñ kul'ta les'-as'-bes'
я S3.1SG-DET-T.PST-PST-идти дорога лес-COM-PROS
'Я иду по дороге с лесом' [ПМ 2015: тесты].

Таким образом, можно утверждать, что комитатив и инструменталис – это разные падежи. В родственном кетскому, ныне уже вымершем коттском языке выделяется два отдельных показателя для комитатива и инструменталиса [13. С. 61–63], однако подчеркивается, что исторически они восходят к одному падежу с широкой семантикой, включающей комитатив, инструменталис и инстректив. Это значит, что наши выводы

подтверждаются диахроническими данными. Наряду со стандартно оформленными комитативным маркером встречаются комитативные конструкции с двойным оформлением, где значение комитативного показателя дублируется союзом. Сочинительная конструкция с союзом *haj* 'и', помимо простой замены КК, может выступать совместно с маркером комитатива (примеры 8, 24, 29, 30).

(30) *Op haj am-as' aqta dooldaḡ.*

ōb haj ām-as' aqta du-o-l-daḡ-Ø.
отец и мать-COM хорошо s1.3M-T.PST-PST-жить-s1.sg
'Отец с матерью хорошо жил' [ПМ 2015: текст_Коганов_ВМ].

Грамматически разные конструкции смешались, что говорит об их неразличении молодым поколением информантов. Помимо приведенного примера информанты часто заменяют КК на сочинительные конструкции в переводах на кетский с русского стимула, и наоборот, могут перевести на русский конструкцию с союзом как комитативную.

Возможны варианты с кодовыми переключениями: заменой кетского союза на русский эквивалент, заменой глагола на русский. Ввиду маргинальности таких контекстов поведение глагола в них непредсказуемо: он может согласовываться как с ориентиром, так и со всей конструкцией как с множественным участником. В такой ситуации, как в примере (30), мы наблюдаем, что союз разбивает КК на две ИГ и что образованная сочинительная ИГ все же не имеет согласования с глаголом как единое целое. Видимо, союз здесь не образует сочинения, так как спутник продолжает занимать позицию сирконстанта, не выражаясь в глаголе.

Частая замена комитативных конструкций сочинительными и комбинации разных способов, в том числе с кодовыми переключениями, вкупе с замеченной по результатам экспедиции утратой каритива и появлением новых свойств у инструменталиса⁹ доказывают не только то, что ситуация языкового сдвига действительно наличествует в кетском языковом сообществе, но и то, что языковые изменения наблюдаются уже не

только на уровне социолингвистики, но и на собственно языковом уровне. Что упрощение структуры действительно вызвано языковым сдвигом, а не чем-либо иным, доказывается тем, что в сфере функционирования языка так же наблюдаются необратимые изменения: уменьшение количества носителей и увеличение возраста младших из них [21. С. 14; 23. С. 201–206]. Структурные упрощения, сопровождающиеся снижением функционирования языка, могут быть доказательством того, что кетский язык находится на иной стадии языкового сдвига, нежели предполагалось ранее, в той ситуации, когда начинаются уже непосредственно лингвистические изменения.

Наконец, определим место кетского комитатива в классификациях, используемых А.В. Архиповым. По локусу маркирования он относится к лагерю зависимостного маркирования (как и все падежи в кетском языке). Уровень плюрализации – в основном ИГ, но присутствует и на уровне предикации – только сочинительные ФКК в актантной позиции, – скорее, как побочное явление согласования. Участники могут быть выражены как самостоятельной ИГ, так и местоимением (примеры 31, 32). Типы конструкций: как собственно комитативные конструкции (пример 18), так и сочинительные (примеры 19–22), копредикативные (пример 33), определительные ФКК (пример 34) и ФКК с поглощением референта (пример 35). Однако мы не ручаемся за исчерпывающую полноту этого списка.

(31) *Qo hita bet bet dobaldat tamaks'as'.*

qo hita bat bat d-doo-b-i-l-bed-Ø tam-aks'-as'.
лёд вниз бывало бывало S1.3M-долбление-O2.3SG.TH-T.PST-PST-делать- S1.SG mod-что-INSTR
'Лед вниз долбил чем-то' [Архив ЛАЛС, ПМ 2009: текст_Тыганова_УП_17].

(32) *Palatkadiŋa qaniŋa bat boŋon buas'.*

palatka-di-ŋa qaniŋa bat bo-k-o-n-tŋ bu-as'.
палатка-GEN.SG.TH-DAT туда бывало S3.1SG-DET-T.PST-PST-идти он-COM
'Я туда в палатку с ним пошла' [ПМ 2015: текст_Бурова_TX_2].

(33) *Abə pensijas' us'ka bat dilaq.*

ab pensija-as' us'ka bat d-i-l-aq-Ø
1SG.GEN пенсия-COM обратно бывало S1.1-T.PST-PST-LV-S1.SG
'Со своей пенсией домой я поехала' [Архив ЛАЛС, ПМ 2009: текст_Тыганова_УП].

(34) *Tin ālas'diŋa tə' esanŋaq.*

ti'n āl-as'-di-ŋa tə' es-a-ŋ-da-q-Ø
котёл суп-COM-GEN.SG.TH-DAT соль MOD-T.PST-PST-класть-SG
'Положи соль в кастрюлю с супом' [ПМ 2015: тесты].

(35) *Slavas' qālas' usyastokdiŋa doŋon kajtiŋə.*

Slava-as' qāl-as' usyastok-di-ŋa daŋ-k-o-n-tŋ kaj-di-ŋə
Слава-COM племянник-COM участок- GEN.SG.TH-DAT S3.1SG-DET-T.PST-PST-идти охота-GEN.SG.TH-DAT
'Мы со Славой, с моим племянником, на участок пошли на охоту' [ПМ 2015: текст_Ириков_АП_5].

Тем не менее основным положением А.В. Архипова остается коммуникативный фактор [14. С. 8, 66]. Раз единственная функция комитатива – передавать неравенство коммуникативных рангов участников КК, то в таком случае кетский комитатив не только встраивается

в типологию А.В. Архипова по параметрам классификации, но и подтверждает ключевое положение его теории. Как приименной падеж, кетский комитатив основной своей функцией как раз и являет различение коммуникативных рангов участников той ИГ, которую он образует.

Полевые материалы

ПМ 2005 – полевые материалы экспедиции 2005 г. к кетам Келлога и Сургутихи, грант РГНФ 05-04-18012е, рук. О.А. Казакевич.
ПМ 2009 – полевые материалы экспедиции 2009 г. к сымским эвенкам и южным кетам, РГНФ 09-04-18036е, рук. О.А. Казакевич.
ПМ 2015 – полевые материалы экспедиции 2015г. к туруханским селькупам и елогуйским кетам, грант РФФИ 14-06-00449, рук. О.А. Казакевич.
Архив ЛАЛС – Мультимедийный компьютерный архив лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова

Примечания

- ¹ Данные Всероссийской переписи населения 2010 г.
- ² Экспедиция проводилась в рамках проекта «Корпусное исследование синтаксических структур в устной и письменной речи носителей исчезающих языков (на материале селькупских, эвенкийских и кетских говоров бассейнов Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант РФФИ 14-06-00449, рук. О.А. Казакевич. В рамках экспедиции проходили лингвистическую практику студенты РГГУ и НИУ ВШЭ (рук. О.А. Казакевич и Ю.Е. Галямина). Экспедиция работала в пос. Туруханск и с. Келлог Туруханского района Красноярского края.
- ³ Мы работали с материалом елогуйского говора южного диалекта кетского языка, на котором говорят в пос. Келлог.
- ⁴ Экспедиции 2005 и 2009 гг., в ходе которых были записаны кетские тексты, проводились на базе лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова при поддержке грантов РГНФ (рук. О.А. Казакевич), в них участвовали студенты РГГУ.
- ⁵ Проект реализуется под руководством О.А. Казакевич на базе НИВЦ МГУ. Данные, представленные на сайте, также были получены в ходе лингвистических экспедиций. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/en/textspage>
- ⁶ Для родственного кетскому коттского языка.
- ⁷ В примерах (11) и (12) показатель генитива в современном кетском языке неотделим от послелога, информанты считают это застывшей формой и фонетически это единое слово, поэтому в соответствии с остальными примерами можно считать, что генитив в данном случае не относится к КК, а является семантически не выделяемой частью послелога.
- ⁸ Члены таких КК часто могут быть разорваны предикатом или союзом *haj* 'и'. Спутник в таких КК является отдельной ИГ, подчиненной предикату. Мы не можем в этом случае говорить об одной ИГ.
- ⁹ Появление возможности у инструментального маркера сочетаться с КК.

Список источников

1. Кривоногов В.П. Этнические процессы у кетов в начале XXI в. (опыт интервальных исследований) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 152–161.
2. Казакевич О.А. Кетский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М. : Азбуковник, 2016. С. 208–213.
3. Иванов В.В., Топоров В.Н., Успенский Б.А. Предисловие // Кетский сборник. Лингвистика. М. : Наука, 1968. С. 5–14.
4. Краснощёков Е.В. Эргативная конструкция в енисейских языках // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 14 (305). С. 25–29.
5. Галямина Ю.Е. Возможны ли падежи в языке с вершинным маркированием // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 4, ч. 2. СПб. : Наука, 2008. С. 50–54.
6. Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // Вопросы языкознания. 1974. № 1. С. 34–45.
7. Шаббаев В.Г. Проявление черт эргативности в использовании личных показателей кетского глагола // Палеоазиатские языки. Л., 1986. С. 251–261.
8. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков) : дис. ... д-ра филол. наук. Таганрог, 2003. 278 с.
9. Валл М.Н., Канакин И.А. Категории имени в кетском языке. Новосибирск : Наука, 1985. 56 с.
10. Которова Е.Г., Нефёдов А.В. Типологические характеристики кетского языка: вершинное или зависимостное маркирование? // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 43–56.
11. Vajda E.J. Ket. München : Lincom Europa, 2004. 99 p.
12. Топоров В.Н. Заметки по лингвистической географии Енисея // Лингвотипологические исследования. Вып. 1, ч. 1. М., 1973. С. 3–66.
13. Вернер Г.К. Коттский язык. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1990. 409 с.
14. Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. М. : Знак, 2009. 293 с.
15. Kotorova E., Nefedov A. (eds.). Comprehensive Dictionary of Ket. Under the general supervision of E. Kotorova. Vol. 1 & 2. München : Lincom Europa, 2015. 1242 p.
16. Валл М.Н., Канакин И.А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск : Наука, 1990. 101 с.
17. Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997. 405 p.
18. Georg S.A. Descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). Vol. 1: Introduction, phonology and morphology. Folkestone, Kent : Global Oriental, 2007. 328 p.
19. Буренко Л.В. Наиболее спорные вопросы кетского склонения // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 10 (111). С. 12–18.
20. Галямина Ю.Е. Каритив и комитатив в современном кетском языке // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 11 (32). С. 24–32.
21. Козиорова Ю.И. Современное состояние послеложной и падежной систем кетского языка. Сравнительный параметрический анализ : выпускная квалификационная работа студента 4-го курса бакалавриата. М., 2016. 40 с.
22. Castren M.A. Versuch einer jenessej-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. St. Petersburg : Buchdr. der Kaiserlichen Akad. der Wiss., 1858. 264 s.
23. Крюкова Е.А. Языковая ситуация в местах проживания кетского населения // Приенисейская Сибирь как лингворегион. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2010. С. 201–206.

References

1. Krivonogov, V.P. (2016) Ethnic processes among the Kets at the beginning of the 21st century (experience of interval research)ю *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (44). pp. 152–161. (In Russian).
2. Kazakevich, O.A. (2016) Ketskiy yazyk [The Ket language]. In: *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow: Azbukovnik. pp. 208–213.
3. Ivanov, V.V., Toporov, V.N. & Uspenskiy, B.A. (1968) Predislovie [Preface]. In: *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [Ket collection. Linguistics]. Moscow: Nauka. pp. 5–14.
4. Krasnoshchekov, E.V. (2013) Ergativnaya konstruktsiya v eniseyskikh yazykakh [Ergative construction in the Yenisei languages]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie*. 14 (305). pp. 25–29.
5. Galyamina, Yu.E. (2008) Vozmozhny li padezhi v yazyke s vershinnyim markirovaniem [Are cases possible in a language with vertex marking?]. In: Kazanskiy, N.N. (ed.) *Acta linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN* [Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of ILS RAS]. Vol. 4. Part 2. St. Petersburg: Nauka. pp. 50–54.
6. Verner, G.K. (1974) Reliktovye priznaki aktivnogo stroya v ketskom yazyke [Relict signs of active structure in the Ket language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1. pp. 34–45.
7. Shabaev, V.G. (1986) Proyavlenie chert ergativnosti v ispol'zovanii lichnykh pokazateley ketskogo glagola [Manifestation of ergativity features in the use of personal indicators of the Ket verb]. In: *Paleoaziatskie yazyki* [Paleo-Asian languages]. Leningrad. pp. 251–261.
8. Polenova, G.T. (2003) *Proiskhozhdenie grammaticheskikh kategoriy glagola (na materiale eniseyskikh yazykov)* [The origin of grammatical categories of the verb (on the material of the Yenisei languages)]. Philology Dr. Diss. Taganrog.
9. Vall, M.N. & Kanakin, I.A. (1985) *Kategorii imeni v ketskom yazyke* [Categories of names in the Ket language]. Novosibirsk: Nauka.
10. Kotorova, E.G. & Nefedov, A.V. (2006) Tipologicheskie kharakteristiki ketskogo yazyka: vershinnoe ili zavisimostnoe markirovanie? [Typological characteristics of the Ket language: vertex or dependent marking?]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 5. pp. 43–56.
11. Vajda, E.J. (2004) *Ket*. München: Lincom Europa.
12. Toporov, V.N. (1973) Zametki po lingvisticheskoy geografii Eniseya [Notes on the linguistic geography of the Yenisei]. In: *Lingvotipologicheskie issledovaniya* [Linguistic typological studies]. Vol. 1. Part 1. Moscow. pp. 3–66.
13. Verner, G.K. (1990) *Kottskiy yazyk* [The Kott language]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
14. Arkhipov, A.V. (2009) *Tipologiya komitativnykh konstruktsiy* [Typology of comitative constructions]. Moscow: Znack.
15. Kotorova, E. & Nefedov, A. (eds) (2015) *Comprehensive Dictionary of Ket*. Under the general supervision of E. Kotorova. Vols 1 & 2. München: Lincom Europa.
16. Vall, M.N. & Kanakin, I.A. (1990) *Ocherk fonologii i grammatiki ketskogo yazyka* [Essay on the phonology and grammar of the Ket language]. Novosibirsk: Nauka.
17. Werner, H. (1997) *Die ketische Sprache*. Wiesbaden.
18. Georg, S.A. (2007) *Descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak)*. Vol. 1: Introduction, phonology and morphology. Folkestone, Kent: Global Oriental.
19. Burenko, L.V. (2010) Naibolee spornye voprosy ketskogo skloneniya [The most controversial issues of the Ket declension]. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*. 10 (111). pp. 12–18.
20. Galyamina, Yu.E. (2017) Karitiv i komitativ v sovremennom ketskom yazyke [Caritative and comitative cases in the modern Ket language]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 11 (32). pp. 24–32.
21. Koziorova, Yu.I. (2016) *Sovremennoe sostoyanie poslelozhnoy i padezhnoy sistem ketskogo yazyka. Sravnitel'nyy parametricheskii analiz* [The current state of the postpositional and case systems of the Ket language. Comparative parametric analysis]. Bachelor's thesis. Moscow.
22. Castren, M.A. (1858) *Versuch einer jenseit-ostjakischen und kottischen Sprachlehre*. St. Petersburg: Buchdr. der Kaiserlichen Akad. der Wiss.
23. Kryukova, E.A. (2010) Yazykovaya situatsiya v mestakh prozhivaniya ketskogo naseleniya [Language situation in the places of residence of the Ket population]. In: *Prienseyskaya Sibir' kak lingvoregion* [Yenisei Siberia as a linguistic region]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 201–206.

Информация об авторе:

Козiorова Ю.И. – аспирант Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: julya_koziorova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.I. Koziorova, postgraduate student, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: julya_koziorova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022;
одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 01.03.2022;
approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/495/4

Текстообразующий потенциал перцептивных языковых единиц в интернет-журнале (на материале культурологического проекта «Arzamas»)

Лариса Борисовна Крюкова^{1, 2}, Валерия Юрьевна Скирневская^{1, 3}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² lar-kryukova@yandex.ru

³ skivaleriya@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ языковых единиц с перцептивной семантикой в интернет-журнале в аспекте текстообразования. Интернет-журнал определен как гипержанр, позволяющий объединить тексты различных жанров в единое макрообразование и актуализировать связь между участниками коммуникации в интернет-дискурсе. Выявлено, что текстообразующий потенциал перцептивных единиц обусловлен их соотносительностью с основными жанровыми характеристиками: коммуникативной целью, образом автора, образом адресата, диктумным содержанием высказывания.

Ключевые слова: интернет-журнал, перцептивная семантика, речевой жанр, текстообразующий потенциал, культурологический проект

Для цитирования: Крюкова Л.Б., Скирневская В.Ю. Текстообразующий потенциал перцептивных языковых единиц в интернет-журнале (на материале культурологического проекта «Arzamas») // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 39–48. doi: 10.17223/15617793/495/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/4

The text-forming potential of perceptual language units in the Internet journal (based on the material of the cultural project Arzamas)

Larisa B. Kryukova^{1, 2}, Valeriya Yu. Skirnevskaya^{1, 3}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² lar-kryukova@yandex.ru

³ skivaleriya@mail.ru

Abstract. The article aims to analyze the text-forming potential of perceptual units in Internet discourse based on the material of the cultural project Arzamas and to consider the phenomenon of perceptivity in the context of a speech genre model. The relevance of the work is due to the main properties of Internet discourse, which implies active genre formation and dialogicity. Publications whose genre affiliation is limited to an online magazine were selected as the research object. The material is the written texts of the block “Literature” published on the official website of the Arzamas project in the period from 2015 to 2022. More than 1000 statements with the semantics of sensory perception were analyzed. The main research methods were descriptive, linguistic-stylistic (with elements of discursive) text analysis, structural-semantic analysis of linguistic units of different levels. The systematization of the material in the main part of the article corresponds to the logic of discursive research: from the description of the specifics of Internet discourse and virtual genres to the characteristics of the specific educational project Arzamas and the structural and semantic analysis of statements with perceptual semantics. This makes it possible to demonstrate the text-forming potential of perceptual units in relation to the main constitutive features of the speech genre. The online magazine as a virtual genre and a special form of Internet communication has not been the subject of a separate linguistic study until now. In the context of this article, it is characterized as a hypergenre that combines various forms of electronic content. The Arzamas project presents the following speech genres within the framework of the Internet journal: literary commentary, letter, instruction, essay, review, lecture, diary, memoirs, interview. The study shows that the Internet journal is dominated by statements with the semantics of visual and auditory perception, as well as language units that actualize the interdependence of sensory perception and memory. Special attention should be paid to the author’s comments, in which the specifics of the implementation of perceptual semantics is due to the genre nature of the text, initially focused on the linguistic representation of the category of dialogicity (the image of the author and the image of the addressee). The results of the study allow concluding that statements and text fragments with perceptual semantics: 1) clearly represent the position of the subject of perception, which in most cases coincides with the narrator (verbalization of the author’s image); 2) are focused on establishing a dialogue (verbalization of the addressee’s image); 3) reflect the dictum content of the text fragment (the perception proposition is considered in the context of other event propositions); 4) verbalize modus meanings (communicative intention, evaluativeness, persistence, etc.). Thus, perceptual units play an

important role in text formation and are directly related to the main features that make it possible to determine whether a text belongs to a particular speech genre.

Keywords: Internet journal, perceptual semantics, speech genre, text-forming potential, cultural project

For citation: Kryukova, L.B. & Skirnevskaya, V.Yu. (2023) The text-forming potential of perceptual language units in the Internet journal (based on the material of the cultural project Arzamas). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 39–48. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/4

Введение

В современной лингвистике восприятие рассматривается как важный фактор познания, формирующий универсальные принципы языковых явлений. Такие категории, как пространство, время, реальность, состояние души и др., осмыслены и репрезентированы благодаря перцепции, которая включается во взаимосвязь явлений реального мира, порождая и преобразуя чувственные образы, что находит свое отражение в языке.

Подробный анализ актуальных направлений перцептивной лингвистики и описание ее базовых понятий представлены в работах О.Ю. Авдеевниной [1], С.Ю. Лавровой [2] и др. На современном этапе наиболее перспективным видится анализ функциональной нагрузки языковых единиц с семантикой восприятия в различных типах дискурсивных практик. Textoобразующие возможности перцептивных единиц не раз попадали в фокус внимания лингвистов, и в первую очередь это касалось художественного дискурса (обзор работ см.: [2. С. 40–42; 3. С. 29–33 и др.], о проблемах художественной перцептивности см.: [4 и др.]).

В.К. Харченко в монографии 2012 г. «Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты» [5] определяет место лингвосенсорики в кругу смежных дисциплин и последовательно рассматривает реализацию перцептивной семантики в разговорном, художественном, мемуарном, религиозном дискурсах. Отдельная глава посвящена анализу перцептивных единиц в текстах малых жанров: пословицах, загадках, поговорках, приметах, афоризмах, и, возможно, это становится точкой отсчета «жанрового направления» в перцептивной лингвистике. Например, особенности репрезентации ситуации восприятия в современном публицистическом дискурсе на примере жанра feature рассматриваются в статье Л.Б. Крюковой, С.И. Ефимовой [6], о модальностях восприятия в русском верлибре XX – нач. XXI в. пишет в своей монографии С.Ю. Лаврова [2. С. 217–221]. В конце 2022 г. в журнале «Жанры речи» опубликована статья Ю.Н. Мухиной, посвященная сенсорному своеобразием некоторых речевых жанров (стихотворение, научная статья, туристический путеводитель) [7]. Исследователь отмечает, что «соотношение и сравнение сенсорного оформления текстов разных жанров видится как путь к изучению функциональности сенсорной лексики, ее жанрообразующих свойств, а в широком смысле – участие в осмыслении окружающей действительности и внутреннего мира», «сенсорное оформление определенных жанров усиливает их эмоциональность и степень воздействия на адресата», при этом могут быть дополнены «традиционные характеристики жанров, в том числе связанные с их языковым оформлением, пересмотрены ключевые семантические акценты» [7. С. 169].

Развитие современных технологий свидетельствует о необходимости изучения способов вербализации перцептивной семантики в интернет-дискурсе, который отражает все активные процессы, происходящие в языке в последние десятилетия. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена основными свойствами интернет-дискурса, подразумевающего активное жанрообразование и диалогичность. Большая часть жанров в Сети обслуживает межличностное общение. В данной группе прослеживается четкая дифференцированность (чаты, форумы, блоги, социальные сети и др.). Другие жанры, ранее существовавшие в различных сферах коммуникации, в процессе попадания в интернет-сферу приобретают новые характеристики (например, заметка, аннотация, рецензия, анонс, комментарий и др.). Непрерывное обновление контента неизменно влечет за собой различные трансформации внутри системы интернет-жанров, что усиливает научный интерес к данному типу дискурса, в том числе и в перцептивном аспекте.

Целью предлагаемой статьи является выявление текстообразующего потенциала перцептивных единиц в интернет-журнале на материале культурологического проекта «Arzamas» [8]. Основные задачи: 1) рассмотреть феномен интернет-журнала в современном интернет-дискурсе и выявить его жанровые признаки; 2) описать роль интернет-журнала в культурологическом проекте «Arzamas»; 3) проанализировать семантику перцептивности в интернет-журнале в контексте «модели речевого жанра». Таким образом, решение поставленных задач определяет новизну работы, которая, с одной стороны, обусловлена выбором материала, с другой – связана с развитием жанрового направления перцептивной лингвистики.

Материалом для исследования выступают письменные тексты раздела «Литература», опубликованные на официальном сайте проекта «Arzamas» в период с 2015 по 2022 г. Основные методы, используемые в статье: описательный, лингвостилистический анализ текста (с элементами дискурсивного), структурно-семантический анализ языковых единиц разных уровней.

Интернет-дискурс и виртуальные жанры в контексте современной лингвистической парадигмы

Рассмотрение специфики интернет-дискурса и конкретных виртуальных жанров видится целесообразным с опорой на определение дискурса, предложенное в работах В.И. Карасика и других исследователей: «дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе

или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [9. С. 194]. Комплексное понимание дискурса включает коммуникативный (вербальное общение), структурно-семантический (фрагмент текста выше уровня предложения), структурно-стилистический (нетекстовая организация разговорной речи), социально-прагматический (текст, погруженный в ситуацию общения) аспекты. Согласно типологии В.И. Карасика, в зависимости от статусно-ролевых характеристик участников общения можно выделить личностный и институциональный тип дискурса [9. С. 200–208]. Исходя из этой парадигмы, интернет-дискурс, являющийся объектом рассмотрения в данной статье, может быть персональным и институциональным [10].

Существует ряд параллельных терминов: *интернет-дискурс*, *виртуальный дискурс*, *сетевой дискурс* и др., которые в большинстве исследований рассматриваются как понятия, находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях [11–13]. Обобщая существующие определения, можно говорить об интернет-дискурсе как о форме вербальной и невербальной коммуникации, опосредованной цифровыми технологиями, в результате которой формируется новая система жанров и создаются тексты, обладающие особыми характеристиками.

Как уже было отмечено, постоянное обновление контента обуславливает «подвижность» и разнообразие интернет-жанров. Виртуальное жанроведение рассматривается как новая отрасль теории речевых жанров [14]. Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина уточняют термин виртуального жанра (интернет-жанра), выделяя его из ряда смежных понятий: «вербально-знаковое оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей посредством сети Интернет» [14. С. 107]. Актуальным является рассмотрение проблемы эволюции, типологии и функционирования интернет-жанров, с опорой на классическое представление о речевом жанре как относительно устойчивом типе высказывания, обладающем определенными характеристиками [15].

С опорой на уже имеющиеся классификации жанров и их признаков [9, 15 и др.] Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина предлагают систему критериев для характеристики виртуальных жанров: коммуникативная цель, концепция адресанта, концепция адресата, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого, фактор коммуникативного будущего, формальная структура, лингвистический дизайн. На основании этого выделяются гипержанры (сайт, блог, социальная сеть, электронная библиотека) и интернет-жанры (электронное письмо, форум, чат, доски объявлений, рекламные баннеры, коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями, виртуальная конференция, пост, или заметка автора, комментариев). Гипержанр определяется как «жанровое макрообразование, сопровождающее социально-коммуникативные ситуации в сети Интернет и объединяющее в своем составе несколько жанров» [14. С. 114–115].

Представив интернет-журнал как некое жанровое единство, можно, с одной стороны, вписать его в систему виртуальных жанров, выделив его конститутивные признаки согласно приведенной выше системе

критериев. С другой стороны, необходимо учитывать наличие ряда жанров внутри интернет-журнала, что позволяет охарактеризовать его как гипержанр.

Развитие интернет-дискурса и виртуальных жанров тесно связано с эволюцией конвергентных медиа. В современной медиакommunikации обозначился переход от однонаправленного распространения информации (СМИ-модель) к разнонаправленному сетевому распространению информации посредством средств массовой коммуникации (СМК). Это обусловлено конститутивными признаками виртуальной коммуникации – возможностью сменять роль «адресанта» и «адресата», т.е. вести диалог [16. С. 54].

Интернет-журнал как виртуальное периодическое издание заимствован из медиакommunikации. М.А. Уланова, сопоставляя существующие классификации периодических изданий с учетом их реализации в виртуальном пространстве, выделяет следующие типологические характеристики интернет-журнала: мультимедийность (результат особого вида материальной конструкции и технологии создания); гипертекстуальность; интерактивность, нивелирующая границы, принятые при традиционном делении участников коммуникации на отправителей и получателей; непрерывность разнопоточного процесса пополнения актуальной информации [17. С. 6].

Интернет-журнал как особая форма интернет-коммуникации до настоящего момента не являлся предметом отдельного лингвистического исследования. В контексте данной статьи он рассматривается как гипержанр, объединяющий в себе различные речевые жанры. Среди основных характеристик (коммуникативной цели, концепции адресанта/адресата, диктунного содержания, факторов прошлого/будущего, формальной структуры, лингвистического дизайна) ключевой является информативная коммуникативная цель. Она позволяет объединить тексты различных речевых жанров в единое макрообразование, служащее оформлению широкого событийного культурного контекста. Адресантом анализируемого гипержанра является автор-эксперт, адресатом – читатель – пользователь просветительского ресурса. При этом особенности интернет-пространства (мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность) оказывают влияние в первую очередь на коммуникативную и формальную структуру гипержанра.

Просветительский интернет-проект «Arzamas» как разновидность интернет-дискурса

В первые десятилетия XXI в. наблюдается активное развитие просветительских медиа как источников популяризации искусства, науки и культуры, целью которых является формирование и распространение национальных ценностей и научного потенциала страны [18]. В этот период появляется множество научно-популярных и образовательных виртуальных проектов («Arzamas», «Гёфтер», «ПостНаука», «Антропогенез» и др.), что свидетельствует о возросшем интересе общества к научным открытиям и различным явлениям культуры. Наибольшую устойчивость среди

них имеет просветительский проект «Arzamas», технический доступ к которому осуществляется через веб-сайт (около 1,3 млн просмотров в январе 2023 г.) и приложение (более 100 тыс. скачиваний в Play Market). Официальные страницы проекта доступны во всех известных социальных сетях (данные на 1.02.2023): ВКонтакте (546,8 тыс.), Одноклассники (173 тыс.), Telegram (45,6 тыс.) и YouTube (1,52 млн подписчиков).

Актуализация просветительских проектов и их реализация в виртуальном пространстве привлекают внимание исследователей, однако на данный момент отсутствует единая типология подобных интернет-ресурсов. Е.Е. Макарова проанализировала научно-популярные сайты с точки зрения специфики аудитории, тематики, жанровых особенностей [19]. Описывая жанровую модель, исследователь исходит из традиционного деления жанров периодики на три группы: информационные, аналитические и художественно-публицистические. Е.Е. Макарова приходит к выводу, что «какая именно модель по преимуществу реализуется или стратегии создателей будет реализована на сайтах, зависит от информационной интернет-ресурсов, точности их представления о том, каким должен быть сайт, чтобы он в максимальной мере мог быть востребован конкретной аудиторией глобальной Сети» [19]. Понятие «просветительские» по отношению к предложенным форматам использует А.С. Колоев. Рассматривая просветительские ресурсы, автор выделяет их типологические признаки: аудиторию, предметную область, целевое назначение (в том числе жанрово-форматные характеристики) [20].

Целевое направление подобных проектов – реализация просветительской функции журналистики, основой которой является духовное творчество, включающее науку, искусство и культуру, а необходимым инструментом – популяризация [18, 21]. Принципу популяризации соответствует также рекреативная функция, отвечающая за доступность восприятия сложной проблемы. Доминируя в просветительском дискурсе, названные функции требуют определенного выбора форм представления контента.

Интернет-ресурс «Arzamas» был запущен в 2015 г. и посвящен истории, культуре, литературе, антропологии. Создатели проекта (Филипп Дзяджко, Данил Перушев и др.) позиционировали его как просветительский с высокой долей академической достоверности: «Хотим предложить посетителям качественный и ценный продукт. Мы несем знания и у нас нет права на ошибку, академическая достоверность – главный приоритет» [22].

С опорой на появившиеся в последние годы исследования [23, 24] можно выделить ключевые характеристики проекта:

1. Широкий перечень форматов. Для реализации просветительской и рекреационной функции используются традиционные журналистские жанры (интервью, научно-популярная статья, справочная заметка, путеводитель), новые виртуальные форматы, характерные и для других мультимедийных ресурсов (лонгриды, таймлайны, тесты, игры), собственные форматы, используемые в «Arzamas» (ликбез, шпаргалка и др.).

2. Проницаемость создается за счет модульной структуры, разной степени охвата тематики и погружения в предмет.

4. Формирование единого гуманитарного контекста осуществляется посредством системы гиперссылок, тегов и мини-форматов, устанавливающих новые связи между разными семиотическими системами.

5. Возможность обратной связи за счет широкого охвата в социальных сетях.

Постоянная обновляемость материалов на различных интернет-платформах способствует развитию виртуального жанроведения. «Взаимопритяжение и взаимоотталкивание чистых журналистских жанров, их “сцепление” во многом и происходит в результате их размещения на конкретном веб-ресурсе, определяемом сегодня в филологической науке как интернет-жанр. И это взаимодействие зависит от навигации по сайту, от количества ссылок, от того, какие задачи и какими средствами рассказчик излагает свои мысли по той или иной тематике» [25].

Гипотезу о возникновении и развитии «сетевого просветительского жанра» выдвигают О.В. Трофимова и Е.А. Набиева. Они отмечают гармоничное сочетание авторских просветительских интенций и принципов текстопорождающей практики [26]. Важным видится выделение двух групп жанровых форм: 1) «разновидности традиционных журналистских жанров»; 2) «жанры, появление которых обусловлено цифровой основой функционирования новых медиа» [27. С. 59]. Интернет-журнал как гипержанр, существующий в интернет-дискурсе, относится ко второй группе. В рамках просветительского проекта «Arzamas» он занимает ведущее место, являясь ключевой составляющей наряду с курсами и подкастами, не только дополняя их, но и выступая самостоятельным ресурсом [8].

Текстообразующие возможности перцептивных единиц в интернет-журнале проекта «Arzamas»

Как уже было отмечено, интернет-журнал до настоящего момента не являлся предметом отдельного лингвистического исследования, в связи с чем сложно говорить о том, что он имеет какую-либо специфику в рамках проекта «Arzamas». Интернет-журнал, представленный на платформе названного просветительского проекта, рассматривается как пример реализации гипержанра.

Интернет-журнал, являясь сложным жанровым образованием интернет-дискурса, обладает такими характеристиками, как мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность и непрерывная обновляемость. Среди перечисленных характеристик интерактивность и гипертекстуальность имеют непосредственное отношение к реализации в анализируемых текстах семантической категории перцептивности. «Категориальный характер перцептивности формируется благодаря наличию в языке некоего целостного плана содержания, организованного вокруг и относительно субъекта восприятия <...> эта семантика отличается спецификой, регулярностью, закономерностью и системностью выражения» [1.

С. 64]). В контексте изучения интернет-журнала как гипержанра в фокусе внимания оказывается позиция субъекта восприятия, которую может «занимать» как автор публикации (адресант), так и читатель (адресат).

Структурно-семантический анализ перцептивных единиц (уровень высказывания и межфразового единства) в текстах интернет-журнала позволяет продемонстрировать их потенциал в процессе текстобразования в соотношении с такими основными конститутивными признаками речевого жанра (далее РЖ), как образ автора – образ адресата и диктумное содержание высказывания [15]. Нельзя обойти вниманием признак языкового воплощения РЖ, при этом сложно утверждать, что языковые маркеры, выявленные в интернет-журнале, не могут быть реализованы в текстах иной природы. Текстобразующий потенциал перцептивных единиц также обусловлен их способностью являться средством выражения модусных смыслов [28. С. 23], которые тесно связаны с реализацией уже названных базовых характеристик РЖ (например, о категории модуса в языковой картине мира субъекта восприятия см. [2. С. 23]).

В интернет-журнале просветительского проекта «Arzamas» (раздел «Литература»¹) из 295 публикаций с 2015 по 2022 г. релевантными для анализа оказались 220 письменных текстов (видеоряд, тесты, игры не рассматриваются), представленных воспоминаниями (рубрика «Ученый совет»), литературоведческими и историческими комментариями, фрагментами научно-публицистических произведений (рубрика «Чтение на 15 минут»), путеводителями, книжными обзорами (рубрика «Книжная полка») и др. Выявлено более 1 000 высказываний с семантикой чувственного восприятия.

Все высказывания были классифицированы по типам восприятия. В процессе систематизации материала обязательно фиксировался жанр, что позволит в дальнейших исследованиях феномена гипержанра проводить сопоставительный анализ перцептивных единиц сразу по нескольким основаниям. Традиционно наибольшее количество примеров репрезентирует ситуацию зрительного и слухового восприятия (см.: [1–3]). Среди проанализированных высказываний в интернет-журнале выявлено более 850 контекстов с визуальной и аудиальной семантикой: *Потом мы отправились в Оружейную палату, где осматривали троны, короны и драгоценности до тех пор, пока в глазах у нас не зарябило от них, словно от ежовики* (Дневник Льюиса Кэрролла; дневник, 4.12.2017); *Плакать от радости, что я увидела человека прекрасным, я тоже не раз хотела* (О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич; лекция, 7.12.2015); *Кое-кто из соседей говорит, что слышал странный звук – будто бы удары чего-то металлического о камень* (Письма читателей Лью Толстому; письмо, 27.06.2016); *В то же самое время какой-то жуужжащий, свистящий звук, сопровождающийся невнятным бормотанием, заполнил мой слух* (Письма и дневники Эдварда Лира; дневник, 14.11.2017). Стоит обратить внимание на то, что в ряде случаев указание на жанр входит в название публикации (например,

«Воспоминания Владимира Паперного о Зиновии Паперном»), при этом жанровая принадлежность других текстов может быть определена только после соответствующего лингвистического анализа (например, «Как читать Честертона», «7 секретов «Бесов» – комментарий).

Во всех жанрах интернет-журнала представлено большое количество синтаксических конструкций, отражающих комплексное восприятие в его различных проявлениях:

– зрительное – тактильное: *Благодаря ее иллюстрациям книгу можно долго рассматривать, ее приятно держать в руке и хочется обязательно иметь у себя в библиотеке* (Лучшие детские книги на non/fiction: выбор Arzamas; обзор, 27.11.2015); *Вцепились в этого старшину, так и так, мол, хотим потолкаться и на ялтинцев посмотреть* (Как Маяковского не пустили в крымский клуб; воспоминания, 16.09.2015);

– зрительное – слуховое: *В этот момент сестры Епанчины начинают смеяться, поясняя, что они сами и видели, и слышали осла* (7 секретов «Идиота»; комментарий, 18.12.2017); *Его воображение и мистическое чувство постоянно балансировали между признанием и непризнанием увиденных и услышанных им «явлений»* (7 историй о русских писателях и приведениях; история, 20.03.2019);

– зрительное – слуховое – тактильное – обонятельное: *Радиацию нельзя было увидеть, потрогать, услышать ее запах...* (О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич; лекция, 7.12.2015) и др.

Среди проанализированных контекстов не встретилось примеров синестетических сочетаний, характерных для художественного дискурса [3. С. 77–94]. Можно предположить, что вербализация интермодальности (синестезии) затрудняет читательское восприятие и предполагает различные варианты интерпретации, что не характерно для просветительского проекта.

Регулярно встречаются высказывания и межфразовые единства, актуализирующие взаимообусловленность чувственного восприятия и памяти: *Минимальный талант поэта состоит в памяти: в удержании в одном сознании видений, звуков, смыслов прошлого и настоящего, а также в особой памяти человека, не полностью присутствующего в мире, улавливающего нечто за пределами видимого, – памяти, близкой предвидению* (5 новых книг о литературе; обзор, 5.04.2016). В текстах воспоминаний эта взаимообусловленность на языковом уровне может быть представлена различными способами, например с помощью темпоративов: *Даже теперь, непонятно, по какой логике, некоторые строчки вдруг начинают звучать в ушах* (Воспоминания Владимира Паперного о Зиновии Паперном; воспоминание, 28.01.2019). Как и в художественном дискурсе [3. С. 45], с помощью высказываний с перцептивной семантикой репрезентируется тема творчества: *Воздух жизни наполняет мои легкие, свет победы озаряет все вокруг, и я верю, я вижу, я творю* (Дневник Генри Джеймса; дневник, 22.01.2018).

Выявленные в интернет-журнале языковые единицы свидетельствуют о том, что чувственное восприятие становится точкой отчета для дальнейшего развития событий: *...ибо столь счастлив был бы я видеть Ваше сиятельство благоденствующим в Испании, что это могло бы вдохнуть в меня жизнь* (Предсмертное письмо Сервантеса; письмо, 11.04.2018); *Толстой спокойно выслушал меня, и слова мои, похоже, затронули что-то важное и чувствительное в его духовной жизни, он спросил меня живо, весело, почти шутливо* (80-летний Лев Толстой – о Боге, Анне Карениной и здоровье; воспоминания, 4.05.2018); *<...> он ничего не сказал, а только молча пристально смотрел мне в глаза на протяжении, наверное, минут пяти, и за это время что-то во мне переменялось, и я уже смог с этим справиться* (Михаил Мейлах: «Я специалист по микрооткрытиям»; воспоминания, 10.06.2022).

Чувственное восприятие неразрывно связано с процессом мыслительной деятельности: *Могу заниматься Пушкиным, могу заниматься Фишкиным. Потому что линии – важнее всего. Там для меня сходятся и чувства, и мысли, и ощущения, и осязание, и обоняние* (Борис Равдин: «Что же, черт возьми, содержится в этом тексте?»; интервью, 2.04.2019). «Взаимообусловленность» перцептивных и ментальных процессов регулярно представлена в жанре комментария, который преобладает в разделе «Литература» исследуемого интернет-журнала: *Однако, если все-таки прочитать серию в хронологическом порядке, можно заметить довольно важный мотив: как взрослеет Муми-тролль, как меняется его взгляд на мир* (История муми-троллей; комментарий, 21.05.2018); *Интерпретации классических текстов <...> заставляют по-новому взглянуть и на текст-оригинал* (Премьера альбома! Федоров и Крутоголов поют стихи Пушкина; комментарий, 7.01.2019).

В текстах литературных комментариев специфика реализации чувственного восприятия обусловлена жанровой природой текста (ориентацией на диалогичность), что наглядно демонстрирует необходимость дальнейшей разработки жанрового аспекта реализации перцептивной семантики: *Краска стекает по карте – очертания материка на наших глазах меняются и расширяются, разрушая и размывая, казалось бы, навеки застывшие контуры обыденности; В начале автор ясно дает понять читателю, что он смотрит на звезды как на плевочки, а жемчужину в них видит кто-то другой* (Для кого писал Маяковский; комментарий, 12.09.2016).

Диалогичность как текстовая категория, реализуемая в субкатегориях субъектности и адресованности (образ автора и образ адресата), является ключевым фактором текстообразования. «Автор и адресат как ключевые компоненты единой модели коммуникации, связанные с порождением и восприятием текста, не только диалектически сопрягаются, но и “взаимопроникаемы” в функциональном и коммуникативном отношении» [29. С. 240–241]. Перцептивные высказывания являются одним из ключевых средств репрезентации диалогичности в интернет-журнале: *В прошлом*

году я вгляделся в черновик – а там написано не «священный сладостный», а «мятежный сладостный обман». *Я увидел, что букву «м» Пушкин пишет с нижним хвостиком, который похож на начало «в».* *Поэтому можно прочесть «священный» вместо «мятежный».* *Вы можете себе представить, какая разница?* (Николай Перцов: «Настоящее свое призвание я ощутил в пятьдесят с лишним лет»: воспоминания, 2.09.2022).

С опорой на исследования Н.С. Болотновой, посвященные анализу возможностей языковых единиц разных уровней в процессе текстового развертывания [29. С. 264–273], можно утверждать, что рассматриваемые высказывания с семантикой восприятия, выявленные в текстах интернет-журнала, выполняют текстообразующую функцию. «Текстообразующие возможности высказывания определяются его способностью актуализировать определенную ситуацию, связанную с последующим или предыдущим развертыванием текста. Роль высказываний в текстообразовании зависит от характера синтаксической конструкции и ее семантико-синтаксических связей с ближайшим и дальнейшим окружением» [29. С. 267]. Приведем в качестве наглядного примера развернутый текстовый фрагмент (межфразовое единство) с перцептивной семантикой в РЖ инструкции: *Ни в коем случае не нужно углубляться в пучину мелких обстоятельств. Нужно выбирать самое главное, то, что интересно. Нужно всякую секунду следить, не устал ли читатель, не слишком ли вы его загрузили <...>. Если же ты не видишь свою аудиторию, надо все время мысленно представлять этих людей и их реакцию и следить за тем, чтобы они не устали. В нужных местах расставлять какие-то приманки, награждать читателей вкусной историей* (Как написать научно-популярную книгу – рассказывает Сергей Иванов; инструкция, 28.11.2016). На уровне предикатов очевидна правосторонняя и левосторонняя связь, демонстрирующая принципы текстового развертывания: *не нужно углубляться, нужно следить – надо представлять и следить – расставлять, награждать.*

В исследованиях, посвященных изучению категории перцептивности в различных типах дискурса [1, 2, 4, 5 и др.], авторы в первую очередь анализировали диктумное содержание высказывания [28. С. 7]. Проведенный анализ свидетельствует о том, что тексты, опубликованные в интернет-журнале, не являются исключением и в них реализуется базовая пропозиция восприятия – субъект, предикат, объект (подробное описание событийной пропозиции восприятия и вариативности ее репрезентации см.: [3, 4 и др.]): *...я просмотрела в индексе знакомые мне имена; <...> и как высокомерно взглянул на меня юный миллионер* (Корней Чуковский о набоковской лжи; письмо, 22.02.2016); *<...> тот внимательно слушает друга* (7 секретов романа «Обломов»; 18.01.2017); *<...> а зрители услышат ее голос* (История Питера Пэна; комментарий, 9.11.2017); *<...> я окунулась в собственное детство* (Лучшие детские книги на non/fiction: выбор Arzamas; обзор, 27.11.2015); *я замечаю сначала только черный роаль* (80-летний Лев Толстой

– о Боге, Анне Карениной, здоровье; воспоминание, 4.05.2018) и др.

Рассмотрение перцептивной семантики в жанровом аспекте видится продуктивным с учетом анализа модусных категорий (само понятие речевого жанра в семантическом синтаксисе относится к метакатегориям модуса [28. С. 26]). Среди модусных категорий в исследованиях по перцептивной лингвистике чаще всего в фокус внимания попадает оценочность. Например, в монографии С.Ю. Лавровой оценочность рассматривается как один из модусных смыслов субъекта восприятия [2. С. 45–48]. Как отмечает Т.В. Шмелева, оценочность, отражая авторское позитивное или негативное отношение к диктумному содержанию в целом или к какому-то из его элементов, располагает различными средствами выражения [28. С. 31]. В проанализированных перцептивных высказываниях для выражения семантики оценки регулярно используются следующие языковые показатели:

1) включение в высказывание определений (квалификаторов) и их актуализация (например, через повтор): *Мне вспомнилось детство в Хрущеве, когда на Пасхе меня вынесли из церкви на волю и тут, оживая, я увидел возле церкви зеленеющие березки, а женщины обо мне говорили: «Порченный!» Долго мне казалось потом, что эта радость встречи на Пасхе с зеленеющими березками была как бы моим грехом, чем-то вроде язычества* (Пришвин: «Путь веры в миссию своей войны закончится войной»; дневник, 8.12.2015). Повтор определения *зеленеющие (березки)* в совокупности со словосочетанием *радость встречи* свидетельствует о значимости перцептивного признака, отражающего оценку происходящего субъектом восприятия не только в контексте отдельного высказывания, но и всего текстового фрагмента;

2) «нанизывание» перцептивных предикатов, демонстрирующих усиление/интенсификацию [28. С. 8] действия или состояния: а) повтор – *Я почувствовал себя такой мелочью, ничтожеством, мальчишкой! Мне хотелось его слушать и слушать без конца* (9 цитат из писем Ильи Репина; письмо, 13.03.2019); б) включение в глагольный ряд стилистически окрашенных единиц – *Я следил за ним в маленькое заднее окошко и видел, как он отпустил наконец ручку и отшвырнул зонтик ногой в сточную канаву. Тот валялся там, дымясь, и толпа с любопытством плялилась на него, прежде чем разойтись* (Ивлин Во – о ночном загуле в Париже; воспоминания, 28.05.2018); в) использование в функции предиката фразеологических сочетаний – *Видимо, на черном рынке, где меня все знали, я уже намозолил глаза не только друзьям, но и стукачам, и казэбэшникам* (Лев Турчинский: «Коллекционируйте тех, кто неизвестен и недооценен»; воспоминания, 13.06.2018).

В рамках статьи нет возможности проанализировать все выявленные высказывания. Хаотичный набор примеров разных типов восприятия не позволит актуализировать жанровые характеристики, так как семантические модели разных типов восприятия имеют свои

особенности (например, для выражения восприятия запаха нормой является импликация субъекта восприятия и т.д.). Авторы статьи считают возможным остановиться на высказываниях, включающих в свой состав перцептивные лексические единицы *глаза, взгляд, взор*. Во-первых, зрительное восприятие является ведущим каналом восприятия, во-вторых, данные лексические единицы могут входить в состав любого компонента семантической модели – предиката, субъекта, объекта, квалификатора. В процессе изучения художественного дискурса соответствующие словосочетания не раз попадали в фокус внимания в том числе и в аспекте текстобразования (например, о текстобразующей функции лексики *глаза* в художественном дискурсе см.: [3. С. 46–48]).

Проведенный анализ выявленных перцептивных единиц в контексте модели речевого жанра Т.В. Шмелевой [15] позволяет говорить о том, что они являются иллюстративными, так как репрезентируют основные жанровые признаки: 1) наглядно представляют позицию субъекта восприятия, который в большинстве случаев совпадает с рассказчиком (вербализация **образа автора**); 2) ориентированы на установление диалога (вербализация **образа адресата**); 3) отражают **диктумное содержание** текстового фрагмента (пропозиция восприятия рассматривается в контексте других событийных пропозиций). Так как все модусные категории передают субъективное отношение автора к диктумному содержанию высказывания [28], то описанные выше средства выражения оценочности в рассматриваемых ниже примерах квалифицируются в первую очередь как средства репрезентации авторской позиции (образа адресата).

1. Если Вы не против, то я попросил бы Вас закрыть глаза, нарисовать свинью – и открыть их, уже чтобы поставить подпись (Письма Шерлоку Холмсу; письмо, 13.07.2016); Неужели никогда, никогда в жизни я не смогу посмотреть в его глаза (с Вашим любимым косым разрезом), взять его за руку, уже такую мужественную, и поговорить с ним обо всем (Чтение на 15 минут: письма Екатерины Лившиц Ольге Арбениной из лагеря; письмо, 10.05.2019). Среди славянских гостей, приехавших на гоголевский юбилей, я увидел и вашу фамилию, так что был уверен, что вы заглянете к нам (80-летний Лев Толстой – о Боге, Анне Карениной; воспоминания, 4.05.2018). В примерах такого типа (в большинстве случаев жанр *письма*) ярко выражена ориентация на адресата (Вы, Вас, Вашу). Диктумное содержание высказывания включает пропозицию зрительного восприятия.

2. Гордон Карлайл был джентльменом и выругаться не мог, но все, что нужно, выразил взглядом, противоречащим предположению о дружбе <...>; Оглядевшись вокруг, я поймал на себе пристальный взгляд скотчтерьера Бартоломью, недвусмысленно свидетельствующий о дурных намерениях, столь характерных для тварей этой породы (Как статья джентльменом; фрагмент худ. текста, 17.06.2016); Из тех лиц, которые оставались доступны взору – большая их часть была закутана мусульманскими по-

крывалами, – несколько показались мне симпатичными, но остальные были измождены трудом и заботами (Письма и дневники Эдварда Лира; дневник, 14.11.2017). В подобных высказываниях актуализируется **диктумное содержание** высказывания: в первом примере *взгляд* как способ выражения внутреннего состояния субъекта и его отношения к окружающей действительности, во втором – *взгляд* как средство воздействия на субъекта перцепции, в третьем – *взор* как инструмент восприятия (*доступный взору* – «видимый»). Позиция **автора** (рассказчика) представлена опосредованно.

3. **Куда важнее обратить внимание на глаза с портрета:** «живущие» вне временного «протяжения», они превращаются у Хлебникова в **протяженные во времени «взоры»** (Как читать Хлебникова; комментарий, 28.09.2016); <...> в подробностях описанная, казалось бы очень конкретная реальность **начинает расплываться перед глазами читателя, распадается на кусочки, которые никак не удается собрать в устойчивую последовательную картинку** (5 вопросов о «Мертвых душах», комментарий, 6.06.2018). В подобных примерах (жанр *комментария*) ярко выражена **диалогичность**, при этом в отличие от высказываний первой группы **и автор, и адресат (читатель)** являются активными равноправными субъектами восприятия. **Диктумное содержание** представлено разными типами описания, включающего перцептивную семантику.

4. *Месяц до свадьбы прошел, понятно, в миловании, страстных ласках, и (бросаю опытный взгляд назад), и если бы не благоразумие жениха, я могла бы «пасть», и (прибавляя теперь) это было бы вполне естественно и нравственно <...>* (Письма читателей Льву Толстому; письмо, 27.06.2016); *Озарение, дай-то бог, придет, надо только дать ему хоть какой-то шанс. Ведь оно здесь, оно живо, оно ждет; картина вновь заиграет красками, стоит мне обратить на нее свой взор* (Дневник Генри Джеймса; дневник, 22.01.2018). В подобных высказываниях представлена **диалогичность** иного типа – рефлексия субъекта восприятия, стремление рассмотреть ситуацию (**диктумное содержание**) с разных сторон (*бросаю опытный взгляд, стоит мне обратить свой взор*).

5. *Как же сладостно было вновь узреть его! Сидит, опустив голову, а глаза сверкают от радости! Сколь же выразительны наши глаза!* (Вирджиния Вулф: фрагменты биографии; биография, 6.07.2018); *Невообразимый, чистейший восторг: лежать, слушать волну, видеть свет, знать про себя, что это почти невероятно – быть здесь* (Вирджиния Вулф: фрагменты биографии; биография, 6.07.2018). **Диктумное содержание** (ситуация зрительной деятельности) осложнено ярко выраженной **авторской оценкой** (*узреть, выразительны, невероятно*).

В большинстве проанализированных примеров, представленных в разделе «Литература», перцептивные единицы либо самостоятельно, либо в совокупности с другими языковыми средствами актуализируют указанные выше жанровые признаки, при этом их сочетаемость и степень значимости в контексте может

быть абсолютно различной (**образ адресата** / диктумное содержание, **образ автора** / диктумное содержание, **образ автора** / **образ адресата** / **диктумное содержание** и др.). Только внимательное контекстное прочтение позволяет выявить все смысловые оттенки и определить текстообразующий потенциал перцептивных высказываний в рамках целого текста.

Проанализированные в статье примеры не позволяют охарактеризовать все типы транспозиционных и внутрипропозиционных переносов [3. С. 208], представленных в текстах интернет-журнала (раздел «Литература»), но их актуализация является очевидной даже на примере высказываний с лексемами *глаза, взгляд, взор*: моделирование ситуации зрительной деятельности – *рыбить в глазах*, внутреннего состояния – *выразить взглядом*, действия – *бросить взгляд*, изменения признака – *протяженные во времени взоры* и т.д..

Заключение

Проведенный анализ материала позволяет говорить о том, что в контексте изучения современного интернет-дискурса интернет-журнал может быть определен как гипержанр, включающий различные формы контента. Он функционирует как самостоятельный ресурс, который постоянно обновляется и характеризуется мультимедийностью, интерактивностью и гипертекстуальностью. Основной жанрообразующей характеристикой интернет-журнала является коммуникативная цель, которая, с одной стороны, позволяет объединить тексты различных речевых жанров в единое макрообразование, с другой – актуализировать связь между адресантом (автором-экспертом) и адресатом (читателем-пользователем).

В культурологическом просветительском проекте «Arzamas» в рамках интернет-журнала представлены следующие речевые жанры: литературоведческий комментарий, письмо, инструкция, эссе, обзор, лекция, дневник, воспоминания, интервью. В разделе «Литература» преобладают тексты, относящиеся к жанрам комментария и воспоминания, что наглядно демонстрирует актуализацию перцептивной семантики как в аспекте авторизации (воспоминание), так и в аспекте адресованности (комментарий).

Текстообразующий потенциал перцептивных единиц в интернет-журнале обусловлен их непосредственной соотнесенностью с моделью речевого жанра, т.е. признаками, позволяющими определить жанровую принадлежность текста. В первую очередь это касается образа автора и образа адресата (реализация текстовой категории диалогичности – субъектности и адресованности). Не менее значима функция перцептивных высказываний в семантической организации текстового пространства. Особенности рассматриваемых единиц заключается в том, что они способны вербализовать как диктумные, так и модусные смыслы, что видится принципиально значимым для интернет-журнала, включающего различные жанровые образования.

Примечание

¹Далее в тексте статьи приведены примеры с указанием названия, жанра и даты публикации.

Список источников

1. Авдеевнина О.Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 340 с.
2. Лаврова С.Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. Череповец : ЧГУ, 2017. 240 с.
3. Корячанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Врно, 2016. 236 с.
4. Крюкова Л.Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 47–54.
5. Харченко В.К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. М. : Книжный дом «Либроком», 2012. 216 с.
6. Крюкова Л.Б., Ефимова С.И. Ситуация восприятия и языковые особенности ее репрезентации в современном публицистическом тексте (жанр feature, на материале журналов «GEO» и «GEO Traveller») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. № 1 (3). С. 30–37.
7. Мухина Ю.Н. Сенсорное своеобразие жанров // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 168–175.
8. Arzamas. Журнал. URL: <https://arzamas.academy/mag>
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
10. Грибовод Е.Г. Интернет-дискурс // Дискурс-Пи. 2013. № 3. С. 118–119.
11. Галичкина Е.Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 10. С. 55–59.
12. Щипицина Л.Ю. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функциям // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 171–178.
13. Дементьев В.В. Онлайн-тесты в новостном браузере: лингвистические и речевые характеристики // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 62–78.
14. Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
15. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88–98.
16. Тавакин Е.П. Массовая коммуникация: сущность и состояние в современной России. М. : Либроком, 2012. 200 с.
17. Уланова М.А. Интернет-журнал. Типология, принципы создания, методика редактирования : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 239 с.
18. Гордиенко Н.Н. Просветительская деятельность современных СМИ // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 123–128.
19. Макарова Е.Е. Типологические модели научно-популярных сайтов // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1216> (дата обращения: 22.11.2022).
20. Колоев А.С. Научно-просветительские издания как типологическая ниша // Медиаскоп. 2012. Вып. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/en/node/1089> (дата обращения: 22.11.2022).
21. Суворова С.П. Реализация просветительской функции журналистики на страницах современных общероссийских газет // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 6. С. 11–15.
22. Arzamas: про бизнес, а не про просвещение // Roem.ru. 2015. 29 янв. URL: <https://roem.ru/29-01-2015/181908/arzamas-pro-biznes/> (дата обращения: 25.11.2022).
23. Чередниченко Л.В., Лапко А.В. Формы представления контента в просветительских медиа (на примере просветительского медиапроекта Arzamas) // Litera. 2021. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35663 (дата обращения: 27.11.2022).
24. Павлова Е.Д., Гривина А.А. Особенности популяризации гуманитарного знания (на примере проекта Arzamas) // Научно-популярная журналистика: опыт системного анализа : сб. материалов каф. журналистики. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2018. С. 88–95.
25. Коханов Е.Ф., Кравцов В.В., Шкондин М.В. Жанровая структура новых медиа в условиях трансформации медиасистемы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-struktura-novykh-media-v-usloviyah-transformatsii-mediastemy> (дата обращения: 24.11.2022).
26. Трофимова О.В., Набиева Е.А. Исследование сетевого просветительского жанра на примере медиапроекта Newtonew // Медиалингвистика. 2018. № 5 (3). С. 314–329. URL: <https://medialing.ru/issledovaniyesetevogo-prosvetitel'skogo-zhanra-na-primere-mediaproekta-newtonew/> (дата обращения: 24.11.2021).
27. Воловецкий Д.С., Белковский С.В. Вклад новых медиа в отечественную научно-популярную журналистику // Научно-популярная журналистика: опыт системного анализа : сб. материалов каф. журналистики. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2018. С. 52–63. URL: <http://fil.msite.unn.ru/wp-content/uploads/sites/4/Nauchno-populyarnaya-zhurnalistika-opyt-sistemnogo-analiza.-Sb.-materialov-kaf.-zhurnalistiki.-Nizhnij-Novgorod-Izd-vo-NNGU-2018.-104-s.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).
28. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994. 43 с.
29. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.

References

1. Avdevnina, O.Yu. (2013) *Pertseptivnaya semantika: zakonomernosti formirovaniya i potentsial khudozhestvennoy realizatsii* [Perceptual semantics: patterns of formation and potential for artistic realization]. Saratov: Saratov State University.
2. Lavrova, S.Yu. (2017) *Govoryashchiy kak nablyudatel': lingvoaksiologicheskii aspekt* [Speaker as an observer: linguoaxiological aspect]. Cherepovets: Cherepovets State University.
3. Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. (2016) *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [Poetic picture of the world through the prism of the category of perceptivity]. Brno.
4. Kryukova, L.B. (2019) The Perceptual Structure of the Poetic Text: On the Terms of the Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 47–54. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/447/6
5. Kharchenko, V.K. (2012) *Lingvosensorika. Fundamental'nye i prikladnye aspekty* [Linguosensorics. Fundamental and applied aspects]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".
6. Kryukova, L.B. & Efimova, S.I. (2013) Situation of Perception and Language Features of Its Representation in Modern Journalistic Text ("Feature" Genre, on the Material of GEO and GEO Traveller Magazines). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1 (3). pp. 30–37. (In Russian).
7. Mukhina, Yu.N. (2022) Sensorное svoeobrazie zhanrov [Sensory originality of genres]. *Zhanry rechi*. 17:3 (35). pp. 168–175.
8. Arzamas. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/mag>
9. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
10. Gribovod, E.G. (2013) Internet-diskurs [Internet discourse]. *Diskurs-Pi*. 3. pp. 118–119.
11. Galichkina, E.N. (2004) *Kharakteristiki komp'yuternogo diskursa* [Characteristics of computer discourse]. *Vestnik OGU*. 10. pp. 55–59.

12. Shchipsitsina, L.Yu. (2009) Klassifikatsiya zhanrov komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii po ikh funktsii [Classification of genres of computer-mediated communication by their function]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 114. pp. 171–178.
13. Dement'ev, V.V. (2020) Onlayn-testy v novostnom brauzere: lingvisticheskie i rechezhanovye kharakteristiki [Online tests in a news browser: linguistic and speech genre characteristics]. *Zhany rechii*. 1 (25). pp. 62–78.
14. Goroshko, E.I. & Zhigalina, E.A. (2010) Virtual'noe zhanrovedenie: ustoyavsheesya i spornoe [Virtual genre studies: established and controversial]. *Voprosy psikholingvistiki*. 12. pp. 105–123.
15. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhany rechii*. 1. pp. 88–98.
16. Tavokin, E.P. (2012) *Massovaya kommunikatsiya: sushchnost' i sostoyanie v sovremennoy Rossii* [Mass communication: essence and state in modern Russia]. Moscow: Librokom.
17. Ulanova, M.A. (2005) *Internet-zhurnal. Tipologiya, printsipy sozdaniya, metodika redaktirovaniya* [Internet magazine. Typology, principles of creation, editing techniques]. Philology Cand. Diss. Moscow.
18. Gordienko, N.N. (2022) Prosvetitel'skaya deyatel'nost' sovremennykh SMI [Educational activities of modern media]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 28 (1). pp. 123–128.
19. Makarova, E.E. (2012) Tipologicheskie modeli nauchno-populyarnykh saytov [Typological models of popular science sites]. *Mediascope*. 4. [Online] Available from: http://www.mediascope.ru/node/1216 (Accessed: 22.11.2022).
20. Koloiev, A.S. (2012) Nauchno-prosvetitel'skie izdaniya kak tipologicheskaya nisha [Scientific and educational publications as a typological niche]. *Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/en/node/1089> (Accessed: 22.11.2022).
21. Suvorova, S.P. (2006) Realizatsiya prosvetitel'noy funktsii zhurnalistiki na stranitsakh sovremennykh obshcherossiiskikh gazet [Implementation of the educational function of journalism on the pages of modern all-Russian newspapers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 11–15.
22. Roem.ru. (2015) *Arzamas: pro biznes, a ne pro prosveshchenie* [Arzamas: about business, not about education]. 29 January. [Online] Available from: <https://roem.ru/29-01-2015/181908/arzamas-pro-biznes/> (Accessed: 25.11.2022).
23. Cherednichenko, L.V. & Lapko, A.V. (2021) Formy predstavleniya kontenta v prosvetitel'skikh media (na primere prosvetitel'skogo mediaproekta Arzamas) [Forms of content presentation in educational media (using the example of the educational media project Arzamas)]. *Litera*. 5. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35663 (Accessed: 27.11.2022).
24. Pavlova, E.D. & Gridchina, A.A. (2018) Osobennosti populyarizatsii gumanitarnogo znaniya (na primere projekta Arzamas) [Features of popularization of humanitarian knowledge (on the example of the Arzamas project)]. In: *Nauchno-populyarnaya zhurnalistika: opyt sistemnogo analiza* [Popular science journalism: experience of system analysis]. Nizhny Novgorod: NNSU. pp. 88–95.
25. Kokhanov, E.F., Kravtsov, V.V. & Shkondin, M.V. (2015) Zhanrovaya struktura novykh media v usloviyakh transformatsii mediasistemy [Genre structure of new media in the conditions of the media system transformation]. *Vestnik VUit*. 2 (18). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-struktura-novykh-media-v-usloviyakh-transformatsii-mediasistemy> (Accessed: 24.11.2022).
26. Trofimova, O.V. & Nabieva, E.A. Issledovanie setevogo prosvetitel'skogo zhanra na primere mediaproekta Newtonew [Study of the network educational genre using the example of the Newtonew media project]. *Medialingvistika*. 5 (3). pp. 314–329. [Online] Available from: <https://medialing.ru/issledovaniyesetevogo-prosvetitel'skogo-zhanra-na-primere-mediaproekta-newtonew/> (Accessed: 24.11.2021).
27. Volovetskii, D.S. & Belkovskii, S.V. (2018) Vklad novykh media v otechestvennyuyu nauchno-populyarnuyu zhurnalistiku [The contribution of new media to domestic popular science journalism]. In: *Nauchno-populyarnaya zhurnalistika: opyt sistemnogo analiza* [Popular science journalism: experience of system analysis]. Nizhny Novgorod: NNSU. pp. 52–63. [Online] Available from: <http://fil.msite.unn.ru/wp-content/uploads/sites/4/Nauchno-populyarnaya-zhurnalistika-opyt-sistemnogo-analiza.-Sb.-materialov-kaf.-zhurnalistiki.-Nizhnij-Novgorod-Izd-vo-NNGU-2018.-104-s.pdf> (Accessed: 25.11.2022).
28. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskii sintaksis. Tekst lektsiy* [Semantic syntax. Text of lectures]. Krasnoyarsk.
29. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: Thesaurus dictionary]. Tomsk: TSPU.

Информация об авторах:

Крюкова Л.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Скирневская В.Ю. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: skivaleriya@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.B. Kryukova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

V.Yu. Skirnevskaya, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: skivaleriya@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 02.03.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Научная статья
УДК 930.85:130.2
doi: 10.17223/15617793/495/5

Библиотека Г.Н. Потанина в Томске: история формирования, состав, инскрипты

Ирина Анатольевна^{1, 2} Поплавская, Нинель Евгеньевна Генина^{1, 3}

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

²poplavskaj@rambler.ru

³ninel_genina@list.ru

Аннотация. Библиотека Потанина рассматривается как составная часть его жизнестроительного проекта и как «открытое» метакультурное образование. Выделяются три этапа в ее формировании, дается описание ее состава. Анализируются издания Русского географического общества, публикации в журнале «Этнографическое обозрение», труды ученых Томского университета и Томского технологического института, произведения художественной литературы. Особое внимание уделяется книгам с дарственными надписями, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Потанин, библиотека, Томский университет, Русское географическое общество, этнография, художественная литература

Источник финансирования: результаты исследования были получены в рамках выполнения задания гранта РНФ № 23-28-00447 «Творческое наследие Г.Н. Потанина: диалог Востока и Запада».

Для цитирования: Поплавская И.А., Генина Н.Е. Библиотека Г.Н. Потанина в Томске: история формирования, состав, инскрипты // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 49–61. doi: 10.17223/15617793/495/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/5

Grigory Potanin's library in Tomsk: History of formation, composition, inscripts

Irina A. Poplavskaya^{1, 2}, Ninel E. Genina^{1, 3}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

²poplavskaj@rambler.ru

³ninel_genina@list.ru

Abstract. The article considers the library of Grigory Potanin (1835–1920), a traveler, ethnographer, folklorist, writer, ideologist of *Oblastnichestvo* (Siberian regionalism), which is stored in the Research Library of Tomsk State University. The authors study the library as an integral part of Potanin's life-building project aimed at constructing his personal behavioral strategies, at establishing intercultural and transcultural relations between West and East, at forming a new idea of Siberia in the regional, all-Russian and Eurasian space. The authors analyze Potanin's library as an "open" metacultural entity possessing an integral form and a detailed internal structure that "strive" for self-description and self-presentation, and influencing the development of its owner's scientific and cultural self-awareness, the formation of regional ideology at the turn of the 20th century, and the understanding of the features historical and cultural process in the dialogue between the regions and the center. The aim of the study is to present Potanin's library as an "open" metacultural entity and as part of his life-building program. The objectives of the study are to understand Potanin's book collection as universal by type, correlating with the encyclopedism of his personality and his cultural interests; to reveal the history of how the Research Library of Tomsk University acquired Potanin's library; to identify the main stages of the library's formation; to describe the most important internal collections; to find books with dedicatory inscriptions (inscripts), many of which become the subject of scientific description for the first time. The study employs biographical, historical and cultural, book science, library science, bibliographic, and sociological methods of research. The authors outlined the history of Potanin's book collection coming to the Siberian Research Institute in 1920, and from there to the University's Research Library. They identified three stages in the formation of Potanin's library and described its composition. They also examined publications of the Imperial Russian Geographical Society, publications in the journal *Etnograficheskoye obozreniye*, separate works by the ethnographer and folklorist V.F. Miller and by the literary historian A.N. Veselovsky. The authors particularly focused on works by scientists from Tomsk University and Tomsk Technological Institute (P.N. Krylov, V.V. Sapozhnikov, V.A. Obruchev, and others), and also analyzed works by Potanin and his correspondence with the famous orientalist S.F. Oldenburg. The authors identified works of fiction by L.N. Tolstoy, V.G. Korolenko, G.D. Grebenshchikov, V.Ya. Shishkov, as well as works on the history of literature, in Potanin's library. At the end of the article, the authors give conclusions and prospects for further studies of the

material from Potanin's library related to the consideration of books on the ethnography of the peoples of Siberia and East Asia, works on Siberian studies, periodicals, and numerous dictionaries.

Keywords: Potanin, library, Tomsk University, Russian Geographical Society, ethnography, fiction

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00447.

For citation: Poplavskaya, I.A. & Genina, N.E. (2023) Grigory Potanin's library in Tomsk: History of formation, composition, inscripts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 49–61. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/5

В статье деятельность известного путешественника, этнографа, фольклориста, писателя, идеолога сибирского областничества Г.Н. Потанина (1835–1920) рассматривается как жизнестроительный проект второй половины XIX – начала XX в., направленный на внутреннее конструирование личности, установление межкультурных и транскультурных связей между Западом и Востоком, формирование нового представления о Сибири в региональном, общероссийском и евразийском пространстве. Его библиотека воспринимается как значимая часть этой авторской стратегии. В целом же библиотека (национальная, специализированная, частная, электронная) рассматривается нами как метакультурное образование, обладающее целостностью формы с детально разработанной внутренней структурой, стремящейся к самоописанию и самопрезентации. Библиотека (общественная и частная) состоит из многослойных сегментов книг, посвященных разным отраслям знания и художественного творчества и представленных на разных национальных языках. Отсюда библиотека воспринимается как особое пространство, в котором взаимодействуют различные семантические и языковые поля, преломляющиеся в многообразии дискурсивных практик [1. С. 5]. Цель статьи видится в презентации библиотеки Потанина как «открытого» метакультурного образования и как части его жизнестроительной программы. Задачи исследования связаны с осмыслением книжного собрания Потанина как универсального по своему типу, соотносимого с энциклопедизмом его личности и его культурных интересов. Также они направлены на раскрытие истории поступления библиотеки Потанина в Научную библиотеку Томского университета, на выделение основных этапов ее формирования, описание ее важнейших составных частей (книги по географии, истории путешествий, этнографии, фольклору, сибиреведению, истории литературы, произведения художественной литературы, словари, альманахи, журналы, газеты, иллюстрированные альбомы и др.), на выявление книг с дарственными надписями (инскриптами), многие из которых впервые становятся предметом научного рассмотрения. В работе используются биографический, историко-культурный, книговедческий, библиотечный, библиографический, социологический методы исследования.

В Научной библиотеке Томского университета в отделе рукописей и книжных памятников хранится личная библиотека Потанина. Его книжное собрание и архив поступили в библиотеку университета из Института исследования Сибири, который был открыт в Томске в январе 1919 г. Первым директором института

стал профессор Томского университета В.В. Сапожников (1861–1924), близкий знакомый Потанина, бывший в то время министром народного просвещения в российском правительстве А.В. Колчака (1874–1920). На просьбу руководства института к известным ученым и общественным организациям присылать разнообразные материалы, касающиеся Сибири, откликнулся и Потанин. Он приветствовал открытие института «как зарю новой жизни Сибири», видя главную его пользу в том, что «между тружениками науки и местным населением будет поддерживаться постоянное общение, и местная среда не будет относиться безучастно к научному исследованию своего родного края» [2. С. 17–18]. Стараниями его друзей было принято решение передать рукописные материалы и книжное собрание первого гражданина Сибири в библиотеку института. Вслед за этим на заседании библиотечной комиссии института 17 февраля 1920 г. было заслушано сообщение старшего ассистента историко-филологического факультета Томского университета М.К. Азадовского (1888–1954) о книжном собрании Потанина, которое было решено приобрести за 40 тысяч рублей. Предположительно в марте-апреле 1920 г. книжная коллекция Потанина была передана в библиотеку института, а в мае-июне были составлены инвентарные книги и списки на весь потанинский фонд, который хранился как единое целое отдельно от других материалов [3. С. 30]. На всех книгах и журналах из собрания Потанина ставилась прямоугольная печать с надписью «Институт исследования Сибири. Библиотека», а около шифра с правой стороны имелись литеры «Пт».

После восстановления советской власти в Сибири Сибревкомом было принято решение о закрытии института с 1 июля 1920 г., а рукописи, книги и имущество, находящиеся в нем, необходимо было передать в Фундаментальную (Научную) библиотеку Томского университета. Одновременно с этим в начале июля 1920 г. известному историку-архивисту и ученому секретарю института Н.Н. Бакаю (1862–1927) было поручено ознакомиться с хранившимися в библиотеке рукописями Потанина, о чем вскоре сделано сообщение на заседании совета института [4. С. 81]. 21 декабря 1920 г. завершилась передача архива и библиотеки Потанина в библиотеку Томского университета [3. С. 30]. Книжное собрание Потанина при поступлении в библиотеку университета насчитывало 3 200 книг и периодических изданий [3. С. 32], которые были помещены в основном и резервно-дублетном фондах, что не позволило сохранить его библиотеку как единое целое. Позднее, в конце 1922 г., потанинский фонд пополнился материалами из Сибирского научного кружка

имени Г.Н. Потанина с пожеланием от его членов организовать при библиотеке комнату его имени. Из научного кружка в библиотеку поступили 1 273 книги по сибиреведению, а также рукописи, портреты, картины, письма и личные вещи, принадлежавшие Потанину [5. С. 98]. В 1991 г. началась целенаправленная работа по восстановлению библиотеки Потанина как целостного собрания. К этому времени удалось выявить и сконцентрировать в отделе рукописей и книжных памятников 783 книги [6. С. 146]. К настоящему моменту она внесена в электронный каталог Научной библиотеки Томского университета и насчитывает 1 028 единиц хранения.

Изучению книжного собрания Потанина были посвящены отдельные статьи сотрудников Научной библиотеки Томского университета и ученых-филологов, исследователей его творчества. Так, в статьях Г.И. Колосовой раскрывается история поступления архива и библиотеки Потанина в Научную библиотеку Томского университета, описывается процесс работы над восстановлением его личной библиотеки через обращение к рукописному каталогу его книг, а также через выявление отдельных произведений из его личной библиотеки, хранящихся в резервно-дублетном фонде Научной библиотеки, с последующей передачей их в основной фонд [3. С. 29–33; 5. С. 95–99]. В публикации Н.В. Васенькина дается общая характеристика библиотеки Потанина, которая, как он отмечает, «представляет собой классическую рабочую библиотеку ученого и общественного деятеля, вышедшего из разночинцев» [6. С. 146]. Здесь же автор намечает три этапа в формировании книжного собрания Потанина и описывает его общий состав, специально выделяя издания Императорского Русского географического общества, труды самого владельца библиотеки, а также научную и справочную литературу по этнографии, географии, статистике, истории Сибири [6. С. 147]. Специальные статьи посвящены изучению художественной литературы в библиотеке Потанина. В них, в частности, описываются отдельные сочинения Л.Н. Толстого, сохранившиеся в книжной коллекции «патриарха Сибири», акцентируется внимание на полемике Потанина с социальными проектами Толстого [7. С. 66], раскрывается роль Потанина в переводе нескольких произведений писателя на монголо-бурятский язык, анализируются художественные произведения из его библиотеки на немецком языке [8. С. 69, 66].

По составу библиотека Потанина представляет собой энциклопедическое книжное собрание путешественника, ученого, этнографа, фольклориста, сибироведа, писателя, журналиста, общественного деятеля второй половины XIX – начала XX в., принадлежащего к разночинной интеллигенции. Книги из его библиотеки имеют издательскую обложку, коленкорный, картонный и бумажный переплеты, в ней содержится много оттисков статей из различных периодических изданий. Некоторые книги имеют инскрипты: дарственные и владельческие надписи, пометы, записи, отчеркивания. В частности, книги с дарственными надписями, которых особенно много в библиотеке Потанина, позволяют рассматривать их и как особый

жанр письменного литературного творчества, и как явление книжного этикета и повседневности, и как паратекст, и как источник изучения науки и культуры, и как эго-документы [9. С. 72]. Дарственные надписи являются своеобразными репрезентантами книжной культуры определенной эпохи, которые через «вторичную авторизацию» раскрывают историю личных и творческих отношений адресата и адресанта, выявляют новые факты писательской и научной биографии, затрагивают сферу социологии творчества и психологии человеческих отношений [10. С. 103]. Книги с дарственными надписями в библиотеке Потанина свидетельствуют об его дружеских и научных контактах, о многогранности его интересов, особенностях бытовой жизни русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в., становлении региональной культуры и регионального самосознания на рубеже двух столетий.

В формировании библиотеки Потанина можно выделить три этапа. Начальный этап относится ко времени его ссылки в города Тотьму и Никольск Вологодской губернии в 1871–1874 гг. В это время он публикует статьи и рецензии на книги в петербургской газете «Неделя» и в казанской «Камско-Волжской газете». Книг, изданных в этот период, в его собрании немного. Среди них «Кирилл и Мефодий» (1871) историка и публициста В.А. Бильбасова (1837–1904), «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872) А.Н. Веселовского (1838–1906), «Святочные песни, игры, гадания и очерки Казанской губернии» (1873) этнографа и писателя А.Ф. Можаровского (1846–1907) и др.

Второй этап приходится на вторую половину 1870-х – 1890-е гг. В это время по ходатайству П.П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914) Потанин получает амнистию и впоследствии совершает пять научных экспедиций в Монголию, Китай и Тибет. В этот период его библиотека формируется особенно активно и включает в себя многочисленные издания Русского географического общества, сочинения по этнографии, истории литературы, фольклору, разнообразные словари. В книжном собрании Потанина в числе выходящих в это время сочинений встречаются брошюра «О задачах русской этнографии» (1885) историка литературы и этнографа А.Н. Пыпина (1833–1904), карело-финский эпос «Калевала» (1888), «Житие преподобного Стефана Комельского» (1892) ученого-медиевиста, краеведа Х.М. Лопарева (1862–1918), «Александрия русских хронографов» литературоведа В.М. Истрина (1865–1937) и др.

Основная же часть библиотеки Потанина формировалась в 1900–1910-х гг., когда «эпоха экспедиционного универсализма уже миновала» [11. С. 63]. Осенью 1902 г. он поселяется в Томске и работает вначале в Музее прикладных знаний, а затем в Археологическом музее Томского университета [12. С. 15]. В это время в его книжном собрании появляются многочисленные труды, посвященные Сибири и Томску: сочинения ученых Томского университета и Томского технологического института, отчеты региональных обществ и организаций, произведения художественной литературы

русских классиков и писателей-сибиряков, региональная периодика, художественные альбомы с видами сибирских городов и др.

Хронологически самым ранним по времени произведением в его библиотеке является «Der Nibelungen Lied» («Песнь о Нибелунгах») в переложении Фридриха Гагена, изданная на немецком языке в 1816 г. В книге пронумерованы строфы с первой по триста сорок девятую и имеются подчеркивания отдельных стихов [8. С. 66], что свидетельствует об интересе владельца библиотеки к средневековому германскому эпосу и в целом к эпической поэзии народов Европы и Азии, к их сравнительно-историческому изучению. Наиболее поздними считаются книги, вышедшие в 1918 г.: «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 12», в которых напечатан исторический очерк о ссыльных поляках в Семипалатинской области, и «Отчет о деятельности по проведению земской реформы в Тобольской губернии (2-го июля 1917 – 1 февраля 1918)», затрагивающий вопросы региональной политики накануне установления советской власти в Сибири. Как видим, книжное собрание Потанина, хранящееся в Томске, включает в себя отечественные и зарубежные труды, издававшиеся в течение столетия.

Обратимся к составу его книжной коллекции. В ней преобладают книги на русском языке, вместе с тем встречаются сочинения и на немецком языке, которым он хорошо владел, а также на английском и французском языках. Рассмотрим важнейшие подборки изданий в его библиотеке. Большую часть в ней (около 120 наименований) составляют труды Императорского Русского географического общества (ИРГО), его отделов и подотделов. К ним относятся «Записки», «Известия», «Труды», «Отчеты», списки членов. Известно, что Потанин стал членом ИРГО в 1862 г., а в 1886 г. был удостоен высшей награды общества – золотой Константиновской медали – за участие в трех больших экспедициях в страны Восточной Азии. Как пишет Семенов-Тянь-Шанский, с момента основания общества в 1845 г. «было положено иметь постоянным его печатным органом “Записки географического общества”, в которых должны были печататься все географические труды членов его, а вместе с тем и текущие известия о его деятельности» [13. С. 48]. Потанин опубликовал в изданиях и издательстве ИРГО около 60 работ, среди них «Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 г. Карла Струве и Григория Потанина» (1867), «Очерки Северо-Западной Монголии» (1881–1883), «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие 1884–1886 годов» (1893), «Коллекция буддийских храмовых предметов в Пекине» (1893), «Очерк путешествия в Сычуань и на восточную окраину Тибета в 1892–1893 годах» (1899), «Поездка в среднюю часть Большого Хингана 1899 года» (1901), «Биографические сведения о Чокане Валиханове» (1904) и др. Его первая

публикация, напечатанная в «Вестнике Русского географического общества» за 1859 г., называлась «Привоз и вывоз товаров из г. Томска в половине XVII столетия» и была основана на архивных материалах Томской городской думы. В ней рассматриваются состояние торговли в Томске и суммы от таможенных пошлин, поступившие в городскую казну в 1652 и 1653 гг. Так, например, описывая основную продукцию и торговые связи сибирского города в 1652 г., Потанин отмечал: «Отпуск из города Томска состоял из пушнины, которая отправлялась в Москву, и из русских товаров, которые отсылались в сибирские города, лежавшие в стороне от торгового тракта, в Кузнецк, Нарымский острог и Енисейск» [14. С. 133].

В изданиях Русского географического общества и его подотделов регулярно выходили специальные сборники, посвященные изучению фольклора и этнографии. Эти сборники широко представлены в библиотеке Потанина. Отмечая его труды в этой области, М.К. Азадовский назвал один из периодов в развитии этнографических исследований, предпринятых Восточно-Сибирским отделом общества, потанинским, подчеркивая, что, в понимании Потанина, «фольклор и вообще этнографические исследования являлись наилучшими моментами в организации целостного изучения страны и народа» [15. С. 49–50]. И не случайно последние заметки, опубликованные Потаниным в трудах ИРГО в 1915 г., были связаны с фольклором. Это его послесловие и примечания к «Аноскому сборнику» алтайских сказок, записанных фольклористом Н.Я. Никифоровым (1874–1922) в селе Анос на Алтае, комментарии к «Сказаниям и сказкам киргиз» краеведа и этнографа из Семипалатинска А.Н. Белослюдова (1887–1939), который занимался изучением устной казахской поэзии, творческого наследия Абая Кунанбаева и внес большой вклад в этнографическое изучение казахского народа [16. С. 5931–5932]. Так, например, говоря об алтайских сказках, собранных Никифоровым, Потанин выделяет две традиции в культуре алтайских народов: культовую шаманскую и светскую традицию сказочников-рапсодов. Он отмечает, что обе эти традиции оказывают влияние друг на друга, однако вначале возникла культовая, а потом из нее вышла светская [17. С. 257]. Общим же для той и другой традиции является использование мотива спуска шамана или богатыря в подземное царство, чтобы возвратить оттуда живую человеческую душу.

Другую по значимости подборку в библиотеке Потанина (около 70 наименований) составляют отдельные номера журнала «Этнографическое обозрение», издававшегося этнографическим отделом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Общество было основано в 1863 г., с 1889 г. при нем начинает выходить журнал «Этнографическое обозрение», периодичность которого составляла четыре номера в год. В журнале Потанин опубликовал около 30 статей, в их числе «Пилигрим в былинах и сказках» (1891), «Бодо-Гэсэр и славянская повесть о Вавилонском царстве» (1891), «Дочь моря в степном эпосе» (1892), «Ма-

рия Лебедь Белая в былинах и сказках» (1892), «Греческий эпос и ордынский фольклор» (1894), «Восточно-ордынские параллели к кельтскому роману о чаше святого Грааля» (1896) и др. Связующим началом этих публикаций являются поиск матричного мифа народов Востока и утверждение о радикальном влиянии культуры кочевников на западноевропейскую культуру. Его научный подход представляет собой сочетание приемов сравнительной мифологии с теорией заимствования [18. С. 20–21]. Так, например, в статье «Дочь моря в степном эпосе» через сравнение западноевропейской, татарской, башкирской, монгольской сказок и сказок других народов мира рассматривается объединяющий их общий сюжетный мотив о браке земного мужчины с морской (водной) девой [19. С. 38–69], что свидетельствует, по его мнению, о «культурной однородности» тюрко-монгольских этносов с европейцами [18. С. 20]. В другой статье под названием «Греческий эпос и ордынский фольклор» анализируются общие мотивы и образы, встречающиеся в «Илиаде», «Одиссее», русском былинном эпосе и монгольско-тибетском эпосе о Гэсэре (Гэсэриаде). В связи с этой статьей важным кажется замечание автора в письме к этнографу и фольклористу Н.М. Мендельсону (1872–1934) от 10 ноября 1891 г., в котором он пишет: «Любопытно будет сравнить Гэсэра с Илиадой и Одиссеей. <...> Нет ли отражений восточных представлений и сюжетов уже в самых древнейших греческих мифах?» [20. С. 200]. Подобное сходство объясняется автором двумя гипотезами. Одна из них основана на существовавшей некогда общей территории, на которой жили вместе арийские (западные) и неарийские (восточные) племена, имевшие общий праисточник, черты которого присутствуют в «Илиаде», «Одиссее» и «Гэсэриаде». Другая исходит из того, что эпос о Гэсэре возник ранее, и заимствования из него в «Илиаде» и «Одиссее» связаны с массовым движением в отдаленную историческую эпоху восточных племен на запад. По мнению Потанина, и восточный, и западный эпосы возникают на основе культа бога Авалокитешвары, в монгольском эпосе известного под именем Арья-Бало, а в греческом под именем Аполлона. С культом этого божества связана общая индоевропейская легенда «об очищении земли от злого чудовища и в водворении на земле мира и истинного учения» [21. С. 66].

Президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1889–1890 гг. был известный фольклорист и этнограф В.Ф. Миллер (1848–1913), который с 1881 г. возглавлял этнографический отдел общества. В библиотеке Потанина сохранилось свыше двадцати его книг, в их числе «Осетинские этюды» (1881–1887), «Экскурсы в область народного стиха» (1892), «Илья Муромец и Алеша Попович» (1908) и др. Некоторые из них имеют дарственную надпись. Так, например, на титульном листе книги «Очерки русской народной словесности. Былины», изданной в 1897 г., имеется надпись: «Многоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину от автора. 10.X.1897» [22]. В этом сочинении Миллера излагаются основные принципы историче-

ской школы в изучении фольклора, что не могло не вызывать интерес у Потанина-фольклориста. Кроме того, Потанин был лично знаком с Миллером, состоял в переписке с ним, через него он получал отдельные экземпляры «Этнографического обозрения». Так, в частности, в письме от 2 апреля 1901 г., обращаясь к Миллеру, Потанин пишет: «Я получил две книжечки «Этнографического» обозрения» за 1899 год, но дальнейших за 1900 год <...> не получал <...> не сделает ли распоряжение, чтобы они были мне высланы?» [23. С. 31]. Можно сказать, что инскрипты на книгах Миллера в библиотеке Потанина свидетельствуют об их личных и научных контактах, также они раскрывают интерес обоих исследователей к современным проблемам и методологии изучения фольклора.

Среди других авторов, представленных в собрании Потанина большим количеством сочинений (около 60), является известный историк литературы А.Н. Веселовский. В библиотеке сохранились такие его труды, как уже упоминавшиеся «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине», «Разыскания в области русского духовного стиха» (1879–1891), «Заметки по литературе и народной словесности» (1883), «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» (1898) и др., а также многочисленные оттиски статей и рецензий. Владелец книжного собрания был лично знаком с Веселовским, внимательно изучал его труды. Так, например, в одном из выпусков «Разысканий», сохранившимся в библиотеке Потанина, говоря о сходстве мифов, сказок, эпических сюжетов у разных народов, Веселовский объясняет это как «общими основами», к которым «возводятся сходные сказания», так и заимствованиями, предполагающими в воспринимателе «встречные течения». Таким образом, отмечает исследователь, теория «заимствования» вызывает теорию «основ», и наоборот [24. С. 115]. Сформулированная Веселовским теория «встречных течений» оказала влияние и на Потанина-фольклориста, что нашло отражение в его известных работах «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (1899), «Сага о Соломоне: Восточные материалы к вопросу о происхождении саги» (1912), «Ерке. Культ Сына Неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии» (1916), которые имеются в его библиотеке. Проблема «Восток и Запад», «Азия и Европа» становится основным внутренним смыслом этих произведений сибирского исследователя, раскрывая принципиальные преимущества первого перед вторым [25. С. 30]. В этом Потанин во многом выступал как оппонент Веселовского, отсюда не случайно в письме к Миллеру от 19 марта 1894 г. он отмечает: «Был у А.Н. Веселовского. Он продолжает недоверчиво относиться к восточной экзегезе» [20. С. 245]. В другом письме к этнографу и географу Д.А. Клеменцу (1848–1914) от 7 октября 1901 г. Потанин полусутоливо пишет: «...мы ориентальные люди, родились на ориенте и работаем на ориенте» [23. С. 44].

На обложке одной из книг Веселовского «Италия и Возрождение» (1908) имеется полустертая надпись

чернилами: «Г.Н. Потанину» [26]. О поступлении отдельных книг и статей Веселовского в библиотеку свидетельствует, в частности, письмо Потанина исследователю русской литературы и этнографу Л.Н. Майкову (1839–1900) от 8 февраля 1888 г. В нем сибирский ученый просит адресата письма передать Веселовскому просьбу переслать ему свои книги «Из истории романа и повести», «Южно-русские былины», оттиски двух статей о Садко, напечатанных в венском журнале «Archiv...» в 1886–1887 гг., и рецензию на «Лорренские сказки» французского фольклориста Эммануэля Кокена (1841–1919), опубликованную в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1887 г. [20. С. 86–87]. Как видим, творческие взаимоотношения обоих авторов, идеи исторической поэтики Веселовского, его теория «встречных течений» получили отражение и полемическое преломление как в исследованиях Потанина о восточной мифологии, так и в его эпистолярной литературе. Также важно отметить, что посредником в диалоге Веселовского с Потаниным часто выступал Л.Н. Майков, книги которого имеются в библиотеке сибирского просветителя, в частности его «Материалы и исследования по старинной русской литературе» (1891). В целом же труды этих ученых позволяют глубже осмыслить особенности отечественного историко-литературного и историко-культурного процесса 1880–1910-х гг.

С момента открытия в Томске университета в 1888 г., а затем и Технологического института в 1900 г. Потанин поддерживал дружеские и творческие контакты со многими преподавателями: познакомился с их научными трудами, писал рецензии, посещал публичные лекции и журфиксы, состоял в переписке с ними, принимал участие в юбилейных торжествах. В частности, в его книжном собрании хранится большое количество работ ботаника, флориста П.Н. Крылова (1850–1931), в их числе книга под названием «Ботанический материал, собранный Г.Н. Потаниным в восточной части Семипалатинской области в 1863 и 1864 годах, и свод предыдущих исследований» (1891). В ней раскрывается еще одна грань личности Потанина как исследователя флоры Западной Сибири, а собранная им во время путешествия по горному хребту Тарбагатаю в Семипалатинской области коллекция растений до сих пор хранится в гербарии Томского университета [27. С. 69]. Также в библиотеке Потанина имеются отдельные тома наиболее известного научного труда Крылова «Флора Алтая и Томской губернии» (1903–1914).

Исследованиям Крылова было посвящено сибирским просветителем несколько статей. В одной из них, опубликованной под псевдонимом «Старый сибиряк», сообщается о поездке ученого на Алтай, которая длилась с середины апреля до конца августа 1901 г. Собранные там редкие растения должны были, как сообщал Потанин, составить основу его капитального труда «Флора Алтая» [28. С. 3]. Всего же с научной целью Крылов совершил пять путешествий на Алтай, пройдя его от западных предгорий до Телецкого озера и Чуйской степи [29. С. 71]. В другой статье под названием «Первый сибирский флорист» Потанин рассматривает книгу «Флора Алтая» с точки зрения ее влияния

на культуру Сибири и на формирование в ней областнических идей, неотделимых от «местного чувства», от «колыбельного патриотизма». Автор пишет: «На образование привязанности к родине главное влияние оказывают картины природы и человеческой жизни, которые человек видит в детстве» [30. С. 2]. В этом смысле практическая ботаника, тесно связанная с территориями, на которых произрастают те или иные виды растений, есть, по мнению патриарха сибиреведения, «самая областническая наука» [30. С. 2]. В статье, посвященной отъезду Крылова в Петербург в 1914 г., Потанин говорит о сложившейся в Томском университете за более чем два десятилетия научной школе ботаники во главе с Крыловым; его самого считает истинным ученым, служащим прежде всего чистой науке [31. С. 3]. На отдельных книгах имеются автографы Крылова. Так, например, на титульном листе части III книги «Флора Алтая и Томской губернии» (1904) сохранилась надпись: «Глубокоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину автор» [32]. На первой странице оттиска статьи Крылова «К вопросу о колебании границы между лесной и степной областями» (1915) присутствует следующая дарственная надпись: «Искренне уважаемому и дорогому Григорию Николаевичу Потанину от автора» [33]. Также в библиотеке имеются и сочинения учеников Крылова: «Очерки Урянхайского края» (1914) Б.К. Шишкина (1886–1963) с дарственной надписью на титульном листе «От автора» [34] и «Наблюдения, произведенные летом 1912 г. в низовьях р. Енисея, и список растений, собранных там» (1914) В.В. Ревердатто (1891–1969).

Из трудов ботаника и путешественника В.В. Сапожникова в библиотеке Потанина сохранились «Очерки Семиречья» (1904–1906) с надписью на титульном листе выпуска I: «Старшему товарищу Григорию Николаевичу Потанину в знак глубокого уважения от автора», с записью на полях и отчеркиваниями карандашом [35], «Вторая поездка в Монгольский Алтай в 1906 году» (1907), «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо: путешествия 1905–1909 гг.» (1911) с дарственной надписью на титульном листе «Дорогому земляку Григорию Николаевичу Потанину автор» [36], «Пути по русскому Алтаю» (1912) и др. В сибирской периодике Потанин опубликовал несколько статей, посвященных исследовательской деятельности Сапожникова. В одной из них он сообщает, что во время путешествия по Алтаю в 1895–1909 гг. ученый открыл новые ледники, до того времени неизвестные науке. Все это «увлекло путешественника-ботаника в новую для него область изучения вечных льдов», и ботаник-физиолог становится географом-гляциологом и пока «единственным сибирским ученым-альпинистом» [37. С. 2]. Говоря о Сапожникове как о популяризаторе науки, Потанин отмечает, что ни один профессор не был знаком населению нашей области в такой мере, как он [37. С. 2]. В речи, посвященной двадцатипятилетию научной и педагогической деятельности Сапожникова, Потанин, высоко оценивая его личные качества и научные исследования, признает, что в лице юбиляра вся Россия демонстрирует свои чувства к сибирской высшей школе в целом [38. С. 2]. Потанин,

Крылов и Сапожников относились к особому типу учебного-путешественника, их сближали научные интересы – сибиреведение, ботаника, география, также они принимали участие в таких жизнестроительных проектах, как создание ботанического сада и гербария в Томском университете, учреждение в Томске Общества изучения Сибири, открытие Сибирских высших женских курсов, основание университета в Иркутске [39. С. 60, 62].

Также в библиотеке имеются книги «Война, финансы и народное хозяйство» (1914) экономиста М.И. Боголепова (1879–1945) с надписью на титульном листе «Глубокоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину любящий автор» [40], «Красный Крест в развитии международного права» (1906) юриста и этнографа П.М. Богаевского (1866–1929), «Будущее Горного Алтая» (1911) физика Б.П. Вейнберга (1871–1942) с надписью на первой странице «Дорогим Марии Георгиевне и Григорию Николаевичу Потанину от автора» [41], «Томская природа в 1911 г.» (1912) зоолога и орнитолога Г.Э. Иоганзена (1866–1930), «Сибирские высшие женские курсы, их положение, нужды и надежды» (1912) зоолога Н.Ф. Кащенко (1855–1935), «Черты врачебной практики в Московской Руси» (1904) историка права Н.Я. Новомбергского (1871–1949), «Минералогия Западного Алтая» (1915) геолога, минералога П.П. Пилипенко (1877–1940) с надписью на титульном листе «Многоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину от автора» [42], «Общественное благо и абсолютное государство» (1902) юриста М.А. Рейснера (1868–1928) с многочисленными отчеркиваниями на полях карандашом и крестом и записями, «Таможенная политика России во второй половине XIX века» (1911) экономиста М.Н. Соболева (1869–1945) с надписью на обложке «Глубокоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину от преданного автора» [43] и др.

Как уже отмечалось, Потанин активно участвовал в научной и культурной жизни Томского университета и Томского технологического института, публикуя на страницах «Сибирской жизни» статьи, заметки, рецензии, библиографические обзоры на труды томских ученых. Так, одна из его заметок была посвящена публичной лекции Рейснера, прочитанной в Томске 26 октября 1902 г. В ней речь шла об административном произволе, творившемся в Сибири в XVII веке, и формах общественного противодействия ему, когда «сибирское население <...> свергало царского воеводу и воеводское управление заменяло народным», создавая в регионе маленькие «Новгороды» [44. С. 2]. Автор заметки пытается ответить на вопрос, почему впоследствии из этой деятельности «сибирских новгородцев» «ничего прочного и значительного не выросло» [44. С. 2]. Также в газете «Сибирская жизнь» Потаниным было представлено обозрение книги Н.Я. Новомбергского «По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству» (1903). Анализируя положение современного сибирского крестьянина, рецензент вслед за автором говорит о необходимости введения земства

в Сибири, деятельность которого должна быть направлена прежде всего на «улучшение земледельческого хозяйства», на распространение сельскохозяйственных знаний. Также в статье рассматриваются переселенческий вопрос и вопрос о сибирских инородцах, раскрывающие общее видение этих проблем и автором, и рецензентом [45. С. 3]. Кроме трудов томских ученых, в книжном собрании Потанина имеются отдельные номера «Записок Императорской Академии наук», «Известий Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада», «Ученых записок Казанского университета» и др. Активное сотрудничество Потанина с профессорами университета и технологического института, взаимный обмен научными трудами, дарственные надписи на книгах, рецензии и переписка по поводу прочитанного свидетельствуют о том, что его библиотека функционирует как «открытое» метакультурное образование, оказывающее непосредственное влияние на научную и общественную жизнь Томска и Сибири, становление региональной периодики и процесса культурной коммуникации, на формирование особенностей регионального и общероссийского самосознания на рубеже XIX–XX вв.

Совершенное особое место в библиотеке Потанина занимают труды В.А. Обручева (1863–1956), геолога, путешественника, ученого, автора научно-фантастических романов «Плутония» и «Земля Санникова». Обручев принимал участие во второй Китайско-Тибетской экспедиции Потанина в 1892–1893 гг., а в период с 1901 по 1912 г. жил в Томске и работал на кафедре геологии Томского технологического института [46. С. 153–154]. Обручев известен как автор двух биографических книг о Потанине. Одна из них под заглавием «Григорий Николаевич Потанин: краткий очерк жизни и творчества» была издана в 1916 г. в связи с празднованием восьмидесятилетия со дня его рождения. В ней Обручев, в частности, писал: «21 сентября прошлого года Сибирь праздновала 80-летие путешественника, ученого и общественного деятеля, сибиряка Г.Н. Потанина. <...> В приветствиях и адресах, наряду с учеными заслугами Г.Н. Потанина по исследованию стран и народов внутренней Азии, с редким единодушием отмечалось его выдающееся значение в деле культурного развития Сибири» [47. С. 5]. Труды Обручева заложили основы изучения деятельности Потанина как энциклопедической личности, как исследователя, путешественника и писателя, внутренне близкого ему самому [48. С. 58]. В библиотеке Потанина имеется около 20 книг Обручева. Самые известные из них: «К вопросу о происхождении лёсса» (1911), «Эоловый город» (1912), «Ворота в Китай» (1915), «Обзор путешествий Д.А. Клеменца» (1915) и др. На некоторых из них имеются дарственные надписи. Так, на отчете о путешествии 1892–1894 гг. под названием «Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань» на верхней крышке переплета имеется надпись: «Многоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину на добрую память от автора» [49].

Как известно, Потанин длительное время поддерживал отношения и состоял в переписке со знамени-

тым востоковедом, изучавшим историю, языки, культуру и верования Индии, академиком С.Ф. Ольденбургом (1863–1934). В его библиотеке хранится шесть книг Ольденбурга, в их числе «Буддийские легенды» (1894), «Буддийское искусство в Индии, Тибете и Монголии» (1902) и др. В письмах Потанин просит содействия Ольденбурга в издании собранных им «Тибетских сказок и преданий», которые «записывались через переводчика на русском языке» [23. С. 85] и впоследствии были напечатаны в журнале «Живая старина» за 1912 г., высылает ему свою «Сагу о Соломоне» с просьбой высказать критические замечания, сообщает о сборе алтайских сказок и о выходе «Аносского сборника», пишет о сдаче в печать сочинения «Ерке. Культ Сына Неба в Северной Азии». В письме от сентября 1915 г. Потанин благодарит адресата за получение пенсии, которая была выделена ему благодаря ходатайству Ольденбурга. Он пишет: «Я теперь получаю аккуратно пенсию от Академии наук. Я приписываю происхождение ее вашим стараниям. <...> Эта пенсия – великое благодеяние для меня» [23. С. 132]. Оценивая роль Потанина как путешественника и собирателя фольклора народов Азии, Ольденбург писал, что, будучи в своей жизни кочевником, сибирский исследователь через кочевника «научился понимать Восток как одно из необходимых звеньев мировой, общечеловеческой культуры» [50. С. 2]. Собирая памятники народной словесности, он впервые ввел в научный оборот «степное предание» с целью «приобщения Востока к мировой культуре» и для «единения людей Запада и Востока в одно великое человечество» [50. С. 2, 11]. В целом же в деятельности и Потанина, и Ольденбурга отразилось характерное для русского сознания эпохи Серебряного века «стремление сродниться с Востоком, понять его, найти в нем свои духовные корни» [51. С. 24].

Из произведений художественной литературы на русском языке в библиотеке Потанина следует выделить сочинения Л.Н. Толстого «Война и мир» (т. 2 и т. 3, 1912), «Детство, отрочество, юность» (1914), «Анна Каренина» (1914). Все они были изданы товариществом И.Д. Сытина (1851–1934), под редакцией и с комментариями биографа и друга писателя П.И. Бирукова (1860–1931). Книги представляют собой подарочное издание, имеют переплет с металлическим тиснением и цветные иллюстрации, выполненные М.М. Щегловым (1885–1955), преподавателем Первого коммерческого Сибирского училища в Томске, А.В. Моравовым (1878–1951), автором известного портрета Толстого, А.П. Апситом (1880–1943), создателем серии открыток, выпущенных к столетию Отечественной войны 1812 г., и А.М. Кориным (1880–1943). Также в книжном собрании Потанина имеются переводы на монголо-бурятский язык сказки Толстого «Ассирийский царь Ассархадон» и его буддийской легенды «Карма», которая представляет собой переложение произведения американского писателя Поля Каруса (1852–1919). Данные произведения были переведены ученым-востоковедом Б. Барадийном (1878–1937), Ц. Цычжиповым и одним из создателей современного бурятского алфавита Э.Д. Ринчино (1888–

1938) и изданы в 1914 г. и 1916 г. на средства Фонда имени Л.Н. Толстого при литературно-артистическом кружке г. Томска [8. С. 69]. Как отмечают современные исследователи, Толстой интересовал Потанина не столько как писатель, сколько как общественный деятель и как человек, ищущий истину [7. С. 65].

Также в книжном собрании Потанина имелось сочинение «Жизнепонимание Льва Николаевича Толстого: в письмах его секретаря В.Ф. Булгакова» (1911). Потанин хорошо знал уроженца Кузнецка Булгакова (1886–1966) и состоял с ним в переписке. Знакомство Булгакова с великим сибиряком в 1902 г. оказалось знаковым: от Потанина он получил путевку в жизнь, приведшую его к встрече с Толстым, которая и определила всю его дальнейшую судьбу [52. С. 402]. Из близкого окружения Потанина П.И. Макушин (1844–1926), Г.Д. Гребенщиков (1882 или 1883–1964), профессор Томского технологического института В.Н. Джонс (1865–1931) лично знали Толстого и оставили свои воспоминания о встрече с писателем [53. С. 251–252; 54. С. 191–197; 55. С. 1–3]. Состоял в переписке с Толстым и профессор Томского университета, правовед, один из редакторов газеты «Сибирская жизнь» И.А. Малиновский (1868–1932) [56. С. 259].

В книжном собрании Потанина сохранились произведения и других русских писателей и критиков. В нем есть книга воспоминаний «Отошедшие. Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове» (1910) В.Г. Короленко с дарственной надписью на титульном листе: «Григорию Николаевичу Потанину от искренне и глубоко уважающего Вл.<адимира> Короленко» [57]. О поступлении этой книги в дар от писателя и о своем знакомстве с Короленко мы узнаем из письма Потанина к нему. В письме к писателю от 5 марта 1910 г. Потанин благодарит его за подарок и шутливо обыгрывает ее название: «Очень Вам благодарен за книжку. При выборе подарка Вашей рукой, видимо, водил Промысел, так как и я скоро зачисляюсь в «Отошедшие» [23. С. 103]. В письме к Короленко от 10 ноября 1915 г. Потанин вспоминает: «Я познакомился с Вами в Нижнем Новгороде по совету В.В. Лесевича и до сей поры благодарен ему за то, что он меня завербовал в число Ваших почитателей и друзей» [23. С. 136]. В.В. Лесевич (1837–1905) – русский философ, знакомый Потанина. В библиотеке имеется собрание сочинений Лесевича с дарственной надписью на титульном листе от его дочери Ю.В. Леонтович (1875–1959): «Дорогому другу Григорию Николаевичу с чувством глубокого почтения и любви Юлия Леонтович. 1916. 22/1» [58]. Своеобразным откликом на книгу воспоминаний Короленко может служить статья Потанина «Чествование памяти Н.Г. Чернышевского» (1917), в которой русская литература и публицистика рассматриваются как «новая цементирующая сила» общества, а также говорится о внутренней целостности Чернышевского, воздействующего на общественное самосознание «не одним своим словом», но «всем своим существом» [59. С. 2]. Здесь же автор упоминает и о сибирском сепаратизме, который «есть не более как отрицательное отношение Сибири к царской политике относительно Сибири» [59. С. 2].

Ранее творчеству Короленко Потанин посвятил специальную критико-публицистическую статью, вышедшую в 1903 г. В ней рассматриваются рассказы и очерки писателя о Сибири, для которых характерно мастерское описание сибирской природы и изображение сибирских типов. Говоря о произведении Короленко «Сон Макара», Потанин отмечает, что это «такой же многозначительный рассказ для крестьянской Сибири, как гончаровский «Сон Обломова» для дворянской России» [60. С. 1]. Анализ рассказов писателя связывается Потаниным с развитием областнических тенденций в Сибири, с пониманием невозможности «навязывать всем частям такой обширной империи одинаковые учреждения, одинаковый обряд, одинаковый обычай» [60. С. 1]. Можно сказать, что инскрипт Короленко на книге, подаренной Потанину, носит сюжето-образующий характер и включает в себя автобиографический комментарий к ее названию, реконструкцию истории знакомства автора и адресата, получившую отражение в их переписке, критико-публицистические статьи сибирского просветителя о творчестве Короленко и Чернышевского. Также в библиотеке первого гражданина Сибири хранятся «Собрание сочинений» (1911) Н.А. Добролюбова, «Проза. Дневники. Письма» (1912) С.Я. Надсона. Из зарубежных авторов встречается пьеса «Натан Мудрый» (1897) Г.Э. Лессинга в переводе с немецкого В. Крылова.

Сибирские писатели представлены сочинениями Г.Д. Гребенщикова «В просторах Сибири. Рассказы» (1913–1915). В первом томе книги рассказов на странице 1 имеется дарственная надпись «Дорогому учителю, славному сибирскому Писателю и Гражданину, милому и доброму Григорию Николаевичу Потанину с горячей любовью от автора. 29 декабря 1912 г. г. Томск» [61]. Во втором томе на верхнем форзаце имеется печатное посвящение: «Григорию Николаевичу Потанину с чувством беззаветной преданности и любви посвящаю эту книгу. Автор» [62]. В данных надписях ярко отражается характер взаимоотношений между автором и адресатом. В них раскрывается роль Потанина как писателя и общественного деятеля, как наставника и объединителя сибирской интеллигенции, здесь же содержится его личностная характеристика, отражающая живое чувство Гребенщикова к нему. В переписке с Потаниным Гребенщиков также говорит о своем сборнике «В просторах Сибири». В письме от 31 октября 1913 г. он пишет: «Теперь предполагаю приступить к изданию второй книжки сборника “В просторах Сибири” <...> Первая книжка почти вся разошлась» [63]. Отметим, что Гребенщиков, который, как уже упоминалось, встречался с Толстым в марте 1909 г. и оставил свои воспоминания о нем, принадлежит известное сравнение Потанина с Толстым, которое может рассматриваться в контексте жизне-строительной программы и самого Потанина, и автора «Чураевых». Гребенщиков пишет: «...преклоняясь перед величавою фигурой Толстого, я не находил в нем той цельности и неподдельной простоты, какими обладает скромный, по сравнению с Толстым, сибирский дедушка. <...> Немудрено поэтому, что для сибиряков Потанин то же, что Толстой для всех обремененных

духовною жаждою и скорбью людей мира». Добрым и авторитетным другом для Сибири «являлся всегда Григорий Николаевич, как Толстой был другом всего мира» [64. С. 267–268].

В собрании Потанина сохранилась книга «Сибирский сказ» В.Я. Шишкова с дарственной надписью: «Дорогой Григорий Николаевич. С чувством глубокой радости посвящаю Вам эту книгу. Горячо Вас любящий Вяч. Шишков. 25.XI.16 г. Петроград» [65]. Также в библиотеке Потанина имеются сочинения по истории русской литературы: «Памятники отреченной русской литературы» (1863), собранные и изданные Н.С. Тихомировым (1832–1893), «Взгляд на “Слово о полку Игореве”» (1877) Миллера и рецензия на эту работу А.Н. Веселовского, «Сказание об Индейском царстве» (1893), принадлежащее В.М. Истрину (1865–1937), «Легенды и апокрифы в древней русской письменности» (1894) А.Н. Пыпина, два тома в нескольких выпусках «Истории русской литературы» (1912) под редакцией Е.В. Аничкова, А.К. Бороздина и Д.Н. Овсяннико-Куликовского, сборник статей «Михаил Юрьевич Лермонтов: его жизнь и сочинения» (1916), составленный В.И. Покровским, и др.

Подводя итог, следует сказать, что библиотека Потанина в Томске представляет собой часть жизне-строительной программы ее владельца, направленной на расширение культурного диалога между Западом и Востоком, на выстраивание взаимовыгодных отношений между столицей и провинцией, на создание региональной сибирской культуры, литературы, периодики, на развитие системы высшего образования в Сибири и научных школ в ней. Одновременно библиотека Потанина рассматривается как «открытое» метакультурное образование, свидетельствующее не только об энциклопедичности личности ее владельца и энциклопедизме ее состава, но и об его живой рефлексии по поводу прочитанного, выражающейся в отчеркиваниях и пометах на полях, в переписке, в его «Воспоминаниях», а также в откликах и рецензиях на книги, помещенных в центральной и региональной периодической печати. Личность Потанина как ученого-энциклопедиста и как путешественника-исследователя определили и состав его библиотеки, насчитывающей к настоящему времени свыше тысячи наименований. Самые большие подборки в собрании Потанина образуют многочисленные издания Русского географического общества и сочинения по этнографии, выпускавшиеся Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а также этнографические труды Миллера, Ольденбурга, известного монголоведа А.Д. Руднева (1978–1958) и др. Интерес к фольклору и сравнительно-историческому изучению литературы обусловили обращение Потанина к трудам А.Н. Веселовского, широко представленным в его библиотеке, и научную полемику с ним о роли восточного эпоса в мировой культуре.

Совершенно особое место в библиотеке Потанина занимают книги профессоров Томского университета и Технологического института: Крылова, Сапожникова, Новомбергского, Соболева, Обручева и др. Многие из них имеют дарственные надписи. Контакты владельца

библиотеки с ними рассматриваются в контексте его жизнестроительного проекта, включающего его собственное творчество: научное, литературное, публицистическое, дальнейшее развитие идеологии областничества, формирование регионального общественного и культурного самосознания на рубеже XIX–XX вв. Произведения русских писателей Короленко, Гребенщикова, Шишкова с их дарственными надписями объективируют существующие личные отношения между ними и Потаниным, очерчивают границы своего круга, той

литературной и культурной среды, к которой они принадлежат [66]. Одновременно инскрипты на книгах из библиотеки Потанина обладают сюжетно- и текстообразующими стратегиями, что позволяет рассматривать их и как особый жанр литературы, и как паратекст.

В дальнейшем авторы статьи предполагают рассмотреть имеющиеся в библиотеке Потанина книги по этнографии народов Сибири, Центральной и Восточной Азии, труды по сибиреведению, периодические издания, словари.

Список источников

1. Поплавская И.А. Библиотека графа Г.А. Строганова в Томске: история формирования и изучения. Томск, 2020. 254 с.
2. Потанин Г.Н. Приветствие съезду // Труды съезда по организации института исследования Сибири. Ч. V. Приложение I. Томск, 1919. С. 17–18.
3. Колосова Г.И. Фонд Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 29–33.
4. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А., Литвинов А.В. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77–81.
5. Колосова Г.И. История поступления научного наследия Г.Н. Потанина в библиотеку Томского университета // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со рождения выдающегося ученого-естествоиспытателя, путешественника, общественного деятеля и писателя Григория Николаевича Потанина 4 октября 1995 года. Томск, 1995. С. 95–99.
6. Васенькин Н.В. К вопросу о восстановлении библиотеки Григория Николаевича Потанина // Восьмые Макушинские чтения : материалы науч. конф. 13–15 мая 2009 г., г. Красноярск. Новосибирск, 2009. С. 145–149.
7. Серебренников Н.В. Г.Н. Потанин и Л.Н. Толстой // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 65–66.
8. Никонова Н.Е., Масяйкина Е.В. Художественная литература в личной библиотеке Г.Н. Потанина: на материале сочинений Л.Н. Толстого // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 63–72.
9. Ильина О.Н. Дарственные надписи на книгах в современных российских исследованиях // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. Т. 226: Наука о книге: прошлое, настоящее, будущее : материалы всерос. науч. конф. с международным участием «XXII Смирдинские чтения». С. 72–83.
10. Янушкевич А.С. Инскрипт в творческой системе В.А. Жуковского и в книгах из его библиотеки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 102–120.
11. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. 231 с.
12. Дмитриенко Н.М., Голев И.А. Томск. Потанин : экскурсионный маршрут. Томск, 2020. 128 с.
13. Семенов (Тян-Шанский) П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895: в 3 ч. СПб., 1896. Ч. 1. 468 с.
14. Потанин Г.Н. Привоз и вывоз товаров из г. Томска в половине XVII столетия // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. 27. Отд. II. Исследования и материалы. С. 125–144.
15. Азадовский М.К. Пути этнографических изысканий Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // Сибирская живая старина. 1926. Вып. II. С. 35–62.
16. Березовиков Н.Н. Алексей Николаевич Белослюдов (1887–1939) – семипалатинский учитель, краевед, этнограф и орнитолог-любитель // Русский орнитологический журнал. 2020. Т. 29. Экспресс-выпуск 2012. С. 5927–5938.
17. Потанин Г.Н. Примечания // Никифоров Н.Я. Аноосский сборник. Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1915. Т. 37. С. 255–293.
18. Казаркин А.П. Потанин-фольклорист // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 19–21.
19. Потанин Г.Н. Дочь моря в степном эпосе // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. XII. № 1. Отд. I. С. 38–69.
20. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т. 4. 428 с.
21. Потанин Г.Н. Греческий эпос и ордынский фольклор // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. XXI. № 2. Отд. I. С. 1–67.
22. Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. I–XVI. М., 1897. 464 с.
23. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1991. Т. 5. 272 с.
24. Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889. Вып. 5. С. 115–116.
25. Новикова Е.Г. Г.Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство // Вестник Томского государственного университета. 1998. № 266. С. 27–33.
26. Веселовский А.Н. Италия и Возрождение. Т. 1 (1859–1870). СПб., 1908. 586 с.
27. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 67–76.
28. Потанин Г.Н. Ботаническая экскурсия на Алтай // Восточное обозрение. 1901. № 228. 17 октября. С. 3.
29. Ромашова Т.В., Калужная Ю.Ю., Ковалевский Е.А. Путешественники и исследователи Сибири : учеб.-методич. пособие. Томск, 2018. 139 с.
30. Потанин Г.Н. Первый сибирский флорист // Сибирская жизнь. 1912. № 148. 4 июля. С. 2.
31. Потанин Г.Н. К отъезду профессора П.Н. Крылова // Сибирская жизнь. 1914. № 48. 6 марта. С. 3.
32. Крылов П.Н. Флора Алтая и Томской губернии. Руководство к определению растений Западной Сибири. Ч. III. Томск, 1904. 317 с.
33. Крылов П.Н. К вопросу о колебании границы между лесной и степной областями. Петроград, 1915. 130 с.
34. Шишкин Б.К. Очерки Урянхайского края. Томск, 1914. 327 с.
35. Сапожников В.В. Очерки Семиречья. Вып. 1. Томск, 1904. 144 с.
36. Сапожников В.В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Путешествия 1905–1909 гг. Томск, 1911. 422 с.
37. Потанин Г.Н. Сибирский альпинист (К двадцатипятилетию педагогической деятельности Василия Васильевича Сапожникова) // Сибирская жизнь. 1910. № 51. 6 марта. С. 2.
38. Потанин Г.Н. Речь на чествовании 25-тилетнего юбилея В.В. Сапожникова // Сибирская жизнь. 1910. № 66. 24 марта. С. 2.
39. Грибовский М.В., Меркулов С.А. Профессиональные контакты Г.Н. Потанина и В.В. Сапожникова в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 60–64.
40. Боголепов М.И. Война, финансы и народное хозяйство. Петроград, 1914. 58 с.

41. Вейнберг Б.П. Будущее Горного Алтая // Жизнь Алтая. 1911. № 211. 25 сентября. С. 2–3; № 214. 29 сентября. С. 3.
42. Пилипенко П.П. Минералогия Западного Алтая. Томск, 1915. 763 с.
43. Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. 850 с.
44. Потанин Г.Н. Загадка сибирской истории // Сибирская жизнь. 1903. № 3. 4 января. С. 2.
45. Потанин Г.Н. Н. Новомбергский. По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903. Рецензия // Сибирская жизнь. 1903. № 92. 30 апреля. С. 3.
46. Поплавская И.А., Демидова Л.В. Сибирь в биографии и литературном творчестве В.А. Обручева // Имагология и компаративистика. 2018. № 10. С. 149–171.
47. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин: краткий очерк его жизни и научной деятельности. М., 1916. 23 с.
48. Поплавская И.А. Г.Н. Потанин в воспоминаниях и переписке современников // Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа : материалы XXXI Духовно-ист. чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск, 2022. С. 53–61.
49. Обручев В.А. Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии, совершенном по поручению Императорского Русского географического общества в 1892–94 годах. Т. 1. СПб., 1900. 631 с.
50. Ольденбург С.Ф. «Не довольно». К восьмидесятилетию Григория Николаевича Потанина 21 сентября 1915 года // Русская мысль. 1915. Кн. XI. Вторая пагинация. С. 1–11.
51. Чач Е.А. Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 26 с.
52. Колосова Г.И. Г.Н. Потанин и молодежь: на примере взаимоотношений Г.Н. Потанина и В.Ф. Булгакова // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 2010. С. 339–403.
53. Колосова Г.И. «Свидание с Л.Н. Толстым»: из воспоминаний П.И. Макушина // Лев Толстой и время : сб. ст. Томск, 2010. С. 249–252.
54. Гребенщиков Г.Д. У Льва Толстого // Вопросы литературы. 1984. № 2. С. 191–197.
55. Крутовский В.М. Л.Н. Толстой по воспоминаниям одного из знавших его (беседа с В.Н. Джонсом) // Сибирская жизнь. 1910. № 251. 11 ноября. Иллюстр. прилож. С. 1–3.
56. Жилакова Н.В. «Толстовские дни» в России и Томске в октябре – декабре 1910 года (по материалам томской периодической печати) // Лев Толстой и время : сб. ст. Томск, 2010. С. 258–268.
57. Короленко В.Г. Отошедшие. Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове. СПб., 1910. 122 с.
58. Лесевич В.В. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. М., 1915. 647 с.
59. Потанин Г.Н. Чествование памяти Н.Г. Чернышевского // Сибирская жизнь. 1917. № 102. 16 мая. С. 2.
60. Потанин Г.Н. Владимир Галактионович Короленко // Сибирская жизнь. 1903. № 151. 13 июля. Иллюстр. прилож. С. 1–2.
61. Гребенщиков Г.Д. В просторах Сибири. Рассказы. СПб., 1913. Т. 1. 283 с.
62. Гребенщиков Г.Д. В просторах Сибири: повести и рассказы. Петроград, 1915. Т. 2. 293 с.
63. Гребенщиков Г.Д. Письма к Г.Н. Потанину // Lib.ru: «Классика». URL: http://az.lib.ru/g/grebenshirow_g_d/text_1911_pisma_k_potaninu.shtml
64. Гребенщиков Г.Д. Большой сибирский дедушка (Из личных встреч с Г.Н. Потаниным) // Ежемесячный журнал. 1915. № 9–10. Сентябрь–октябрь. С. 261–280.
65. Шишков В.Я. Сибирский сказ. Огни: повести, рассказы. Кн. 4. Петроград, 1916. 179 с.
66. Рейтблат А.И. К социологии инскрипта // Рейтблат А.И. Писать поперек. Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М., 2014. 415 с. URL: <https://klex.ru/rn6>

References

1. Poplavskaya, I.A. (2020) *Biblioteka grafa G.A. Stroganov v Tomske: istoriya formirovaniya i izucheniya* [Library of Count G.A. Stroganov in Tomsk: history of formation and study]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Potanin, G.N. (1919) Privetstvie s"ezdu [Greetings to the congress]. In: *Trudy s"ezda po organizatsii instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the Organization of the Institute for Research of Siberia]. Part V. Appendix I. Tomsk. pp. 17–18.
3. Kolosova, G.I. (2011) Fond G.N. Potanina v Nauchnoy biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [G.N. Potanin Fund in the Research Library of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 29–33. (In Russian).
4. Nekrylov, S.A. et al. (2012) Siberia Research Institute and Study of History, Archeology and Ethnography of Region (1919–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 365. pp. 77–81. (In Russian).
5. Kolosova, G.I. (1995) [History of receipt of scientific heritage of G.N. Potanin to the library of Tomsk University]. *Doklady regional'nykh mezhvuzovskikh "Potaninskikh chteniy", posvyashchennykh 160-letiyu so rozhdeniya vydayushchegosya uchenogo-estestvoispytatelya, puteshchestvennika, obshchestvennogo deyatelya i pisatelya Grigoriya Nikolaevicha Potanina 4 oktyabrya 1995 goda* [Reports of the regional interuniversity "Potanin Readings" dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding natural scientist, traveler, public figure and writer Grigory Nikolaevich Potanin on October 4, 1995]. Tomsk. pp. 95–99. (In Russian).
6. Vasen'kin, N.V. (2009) [On restoring the library of Grigory Nikolaevich Potanin]. *Vos'mye Makushinskie chteniya* [Eighth Makushin readings]. Conference Proceedings. 13–15 May 2009. Krasnoyarsk; Novosibirsk. pp. 145–149. (In Russian).
7. Serebrennikov, N.V. (2011) G.N. Potanin and L.N. Tolstoy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 65–66. (In Russian).
8. Nikonova, N.E. & Masyaykina, E.V. (2018) General Fiction in the Personal Library of G.N. Potanin: On the Material of Leo Tolstoy's Works. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 17. pp. 63–72. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/17/5
9. Il'ina, O.N. (2022) Darstvennye nadpisi na knigakh v sovremennykh rossiyskikh issledovaniyakh [Dedicatory inscriptions on books in modern Russian studies]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 226. pp. 72–83.
10. Yanushkevich, A.S. (2011) Inscript in the creative system of V.A. Zhukovsky and in books from his library. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 102–120. (In Russian).
11. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (1991) G.N. Potanin: *Opyt osmysleniya lichnosti* [G.N. Potanin: Experience in understanding the personality]. Novosibirsk.
12. Dmitrienko, N.M. & Golev, I.A. (2020) *Tomsk. Potanin: ekskursionnyy marshrut* [Tomsk Potanin: excursion route]. Tomsk.
13. Semenov (Tyann-Shanskiy), P.P. (1896) *Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1845–1895: v 3 ch.* [History of half a century of activity of the Imperial Russian Geographical Society. 1845–1895: in 3 parts]. Part 1. St. Petersburg.
14. Potanin, G.N. (1859) Privoz i vyvoz tovarov iz g. Tomska v polovine XVII stoletiya [Import and export of goods from Tomsk in the mid-17th century]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 27 (II). pp. 125–144.
15. Azadovskiy, M.K. (1926) Puti etnograficheskikh izucheniy Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Ways of ethnographic studies of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society]. *Sibirskaya zhivaya starina*. II. pp. 35–62.
16. Berezovikov, N.N. (2012) Aleksey Nikolaevich Beloslyudov (1887–1939) – semipalatinskiy uchitel', kraeved, etnograf i ornitolog-lyubitel' [Alexey Nikolaevich Beloslyudov (1887–1939) – a teacher, local historian, ethnographer and amateur ornithologist from Semipalatinsk]. *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal*. 29. pp. 5927–5938.

17. Potanin, G.N. (1915) Primechaniya [Notes]. In: Nikiforov, N.Ya. Anoskiy sbornik. Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Anos collection. Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 37. Omsk. pp. 255–293.
18. Kazarkin, A.P. (2011) Potanin-fol'klorist [Potanin the folklorist]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 19–21.
19. Potanin, G.N. (1892) Doch' morya v stepnom epose [Daughter of the sea in the steppe epic]. *Etnograficheskoe obozrenie*. XII (1):I. pp. 38–69.
20. Potanin, G.N. (1990) Pis'ma G.N. Potanina [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 4. Irkutsk.
21. Potanin, G.N. (1894) Grecheskiy epos i ordynskiy fol'klor [Greek epic and Horde folklore]. *Etnograficheskoe obozrenie*. XXI (2):I. pp. 1–67.
22. Miller, V.F. (1897) *Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti. Byliny. I–XVI* [Essays on Russian folk literature. Bylinas. I–XVI]. Moscow.
23. Potanin, G.N. (1991) Pis'ma G.N. Potanina [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 5. Irkutsk.
24. Veselovskiy, A.N. (1889) *Razyskaniya v oblasti russkogo dukhovnogo stikha* [Research in the field of Russian spiritual verse]. Vol. 5. St. Petersburg. pp. 115–116.
25. Novikova, E.G. (1998) G.N. Potanin v Tomske: filologiya, Sibir', Vostok i khristianstvo [G.N. Potanin in Tomsk: philology, Siberia, the East and Christianity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 266. pp. 27–33.
26. Veselovskiy, A.N. (1908) *Italiya i Vozrozhdenie* [Italy and the Renaissance]. Vol. 1. (1859–1870). St. Petersburg.
27. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2016) G.N. Potanin's contribution to Siberian museum science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 67–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/404/10
28. Potanin, G.N. (1901) Botanicheskaya ekskursiya na Altay [Botanical excursion to the Altai]. *Vostochnoe obozrenie*. 228. 17 October. p. 3.
29. Romashova, T.V., Kalyuzhnaya, Yu.Yu. & Kovalevskiy, E.A. (2018) *Puteshestvenniki i issledovateli Sibiri: uchebno-metodicheskoe posobie* [Travelers and researchers of Siberia: educational and methodological manual]. Tomsk.
30. Potanin, G.N. Pervyy sibirskiy floris [The first Siberian florist]. *Sibirskaya zhizn'*. 148. 4 July. p. 2.
31. Potanin, G.N. (1914) K ot'ezdu professora P.N. Krylova [On the occasion of the departure of Professor P.N. Krylov]. *Sibirskaya zhizn'*. 48. 6 March. p. 3.
32. Krylov, P.N. (1904) *Flora Altaya i Tomskoy gubernii. Rukovodstvo k opredeleniyu rasteniy Zapadnoy Sibiri* [Flora of Altai and Tomsk province. Guide to identifying plants of Western Siberia]. Part III. Tomsk.
33. Krylov, P.N. (1915) *K voprosu o kolebaniy granitsy mezhdu lesnoy i stepnoy oblastyami* [On fluctuating boundaries between forest and steppe regions]. Petrograd.
34. Shishkin, B.K. (1914) *Ocherki Uryankhayskogo kraya* [Essays on the Uriankhai region]. Tomsk.
35. Sapozhnikov, V.V. (1904) *Ocherki Semirech'ya* [Essays on Semirechye]. Vol. 1. Tomsk.
36. Sapozhnikov, V.V. (1911) *Mongol'skiy Altay v istokakh Irtysha i Kobdo. Puteshestviya 1905–1909 gg.* [Mongolian Altai at the sources of the Irtysh and the Kobdo. Travels of 1905–1909]. Tomsk.
37. Potanin, G.N. (1910) Sibirskiy al'pinist (K dvadtsatipatiletiyu pedagogicheskoy deyatel'nosti Vasiliya Vasil'evicha Sapozhnikova) [Siberian climber (To the twenty-fifth anniversary of the teaching activity of Vasily Vasilyevich Sapozhnikov)]. *Sibirskaya zhizn'*. 51. 6 March. p. 2.
38. Potanin, G.N. (1910) Rech' na chествovanii 25-tiletnego yubileya V.V. Sapozhnikova [Speech at the celebration of the 25th anniversary of V.V. Sapozhnikov]. *Sibirskaya zhizn'*. 66. 24 March. p. 2.
39. Gribovskiy, M.V. & Merkulov, S.A. (2011) Professional contacts of G.N. Potanin and V.V. Sapozhnikov at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 60–64. (In Russian).
40. Bogolepov, M.I. (1914) *Voyna, finansy i narodnoe khozyaystvo* [War, finance and national economy]. Petrograd.
41. Veynberg, B.P. (1911) Budushcheye Gornogo Altaya [The future of Gorny Altai]. *Zhizn' Altaya*. 211. 25 September. pp. 2–3; 214. 29 September. p. 3.
42. Pilipenko, P.P. (1915) *Mineralogiya Zapadnogo Altaya* [Mineralogy of Western Altai]. Tomsk.
43. Sobolev, M.N. (1911) *Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Customs policy of Russia in the second half of the 19th century]. Tomsk.
44. Potanin, G.N. (1903) Zagadka sibirskoy istorii [The mystery of Siberian history]. *Sibirskaya zhizn'*. 3. 4 January. p. 2.
45. Potanin, G.N. (1903) N. Novombergskiy. Po Sibiri. Sbornik statey po krest'yanskomu pravu, narodnomu obrazovaniyu, ekonomike i sel'skomu khozyaystvu. St. Petersburg, 1903. Retseziya [N. Novombergsky. Across Siberia. Collection of articles on peasant law, public education, economics and agriculture. St. Petersburg, 1903. Review]. *Sibirskaya zhizn'*. 92. 30 April. p. 3.
46. Poplavskaya, I.A. & Demidova, L.V. (2018) Siberia in the biography and literary works of V.A. Obruchev. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 10. pp. 149–171. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/10/8
47. Obruchev, V.A. (1916) *Grigoriy Nikolaevich Potanin: kratkiy ocherk ego zhizni i nauchnoy deyatel'nosti* [Grigory Nikolaevich Potanin: a brief essay of his life and scientific activities]. Moscow.
48. Poplavskaya, I.A. (2022) G.N. Potanin v vospominaniyakh i perepiske sovremennikov [G.N. Potanin in memoirs and correspondence of contemporaries]. *Aleksandr Nevskiy: Zapad i Vostok, istoricheskaya pamyat' naroda* [Alexander Nevsky: West and East, historical memory of the people]. Proceedings of the XXXI Spiritual and Historical Readings in Memory of Saints Cyril and Methodius. Tomsk. pp. 53–61. (In Russian).
49. Obruchev, V.A. (1900) *Tsentral'naya Aziya, Severnyy Kitay i Nan'-Shan'. Otchet o puteshestvii, sovershennom po porucheniyu imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1892–94 godakh* [Central Asia, Northern China and Nan Shan. Report on a journey made on behalf of the Imperial Russian Geographical Society in 1892–94]. Vol. 1. St. Petersburg.
50. Ol'denburg, S.F. (1915) “Ne dovol'no”. K vos'midesyatiletiiyu Grigoriya Nikolaevicha Potanina 21 sentyabrya 1915 goda [“Not enough.” On the eightieth birthday of Grigory Nikolaevich Potanin on September 21, 1915]. *Russkaya mysl'*. XI. pp. 1–11.
51. Chach, E.A. (2012) *Orientalizm v obshchestvennom i khudozhestvennom soznanii Serebryanogo veka* [“Not enough.” On the eightieth birthday of Grigory Nikolaevich Potanin on September 21, 1915]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
52. Kolosova, G.I. (2010) G.N. Potanin i molodezh': na primere vzaimootnosheniy G.N. Potanina i V.F. Bulgakova [G.N. Potanin and youth: the example of relationships between G.N. Potanin and V.F. Bulgakov]. *Dokument kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Document as a sociocultural phenomenon]. Conference Proceedings. Tomsk. pp. 339–403. (In Russian).
53. Kolosova, G.I. (2010) “Svidanie s L.N. Tolstym”: iz vospominaniy P.I. Makushina [“Date with L.N. Tolstoy”: from the memoirs of P.I. Makushin]. In: *Lev Tolstoy i vremya* [Leo Tolstoy and time]. Tomsk: TSU. pp. 249–252.
54. Grebenshchikov, G.D. (1984) U L'va Tolstogo [At Leo Tolstoy's]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 191–197.
55. Krutovskiy, Vs.M. (1910) L.N. Tolstoy po vospominaniyam odnogo iz znayshikh ego (Beseda s V.N. Dzgonsom) [L.N. Tolstoy according to the memoirs of one of those who knew him (Conversation with V.N. Jones)]. *Sibirskaya zhizn'*. 251. 11 November. pp. 1–3.
56. Zhilyakova, N.V. (2010) “Tolstovskie dni” v Rossii i Tomske v oktyabre – dekabre 1910 goda (po materialam tomskoy periodicheskoy pechati) [“Tolstoy's days” in Russia and Tomsk in October – December 1910 (based on materials from the Tomsk periodical press)]. In: *Lev Tolstoy i vremya* [Leo Tolstoy and time]. Tomsk: TSU. pp. 258–268.
57. Korolenko, V.G. (1910) *Otoshedshie. Ob Uspenskom. O Chernyshevskom. O Chekhove* [Departed. About Uspensky. About Chernyshevsky. About Chekhov]. St. Petersburg.
58. Lesevich, V.V. (1915) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow.

59. Potanin, G.N. (1917) Chestvovanie pamyati N.G. Chernyshevskogo [Honoring the memory of N.G. Chernyshevsky]. *Sibirskaya zhizn* ' 102. 16 May. p. 2.
60. Potanin, G.N. (1903) Vladimir Galaktionovich Korolenko. *Sibirskaya zhizn* ' 151. 13 July. pp. 1–2.
61. Grebenshchikov, G.D. (1913) *V prostorakh Sibiri. Rasskazy* [In the vastness of Siberia. Short stories]. Vol. 1. St. Petersburg.
62. Grebenshchikov, G.D. (1915) *V prostorakh Sibiri: povesti i rasskazy* [In the vastness of Siberia: stories and short stories]. Vol. 2. Petrograd.
63. Grebenshchikov, G.D. (n.d.) *Pis'ma k G.N. Potaninu* [Letters to G.N. Potanin]. Lib.ru: "Klassika". [Online] Available from: http://az.lib.ru/g/grebenshikow_g_d/text_1911_pisma_k_potaninu.shtml
64. Grebenshchikov, G.D. (1915) Bol'shoy sibirskiy dedushka (Iz lichnykh vstrech s G.N. Potaninym) [Great Siberian Grandfather (From personal meetings with G.N. Potanin)]. *Ezhemesyachnyy zhurnal*. 9–10. pp. 261–280.
65. Shishkov, V.Ya. (1916) *Sibirskiy skaz. Ogni: povesti, rasskazy* [Siberian tale. Lights: stories, short stories]. Book 4. Petrograd.
66. Reytblat, A.I. (2014) *K sotsiologii inskripta* [On the sociology of inscript]. [Online] Available from: <https://klex.ru/rn6>

Информация об авторах:

Поплавская И.А. – д-р филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

Генина Н.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ninel_genina@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Poplavskaya, Dr. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

N.E. Genina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ninel_genina@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.08.2023;
одобрена после рецензирования 02.09.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 08.08.2023;
approved after reviewing 02.09.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 111/140
doi: 10.17223/15617793/495/6

Репрезентация идентичности: почему не каждую традицию можно изобрести?

Оксана Владимировна Головашина^{1, 2}

¹Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

²Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

^{1, 2}ovgolovashina@mail.ru

Аннотация. Автор исходит из того, что существует противоречие между сторонниками инструментального отношения к прошлому и многочисленными кейсами, показывающими, что представления сообщества о себе могут сохранять стабильность. Для разрешения этого противоречия автор обращается к поискам оснований исторической идентичности. Автор опирается на концепцию возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита и показывает ее возможности для осмысления оснований исторической идентичности.

Ключевые слова: историческая идентичность, Анкерсмит, историческая репрезентация, коллективная память, политика памяти

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Для цитирования: Головашина О.В. Репрезентация идентичности: почему не каждую традицию можно изобрести? // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 62–70. doi: 10.17223/15617793/495/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/6

Representation of identity: Why cannot every tradition be invented?

Oksana V. Golovashina^{1, 2}

¹Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

²National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2}ovgolovashina@mail.ru

Abstract. The author proceeds from the fact that there is a contradiction between the proponents of an instrumental attitude to the past and, consequently, the definition of historical identity as a construct and the numerous cases that show that not every tradition can be invented, and the community's perceptions of itself can remain stable. To resolve this contradiction, the author turns to the search for the foundations of historical identity and comprehends the possibilities of understanding the connection between communities' past and their identity without the extremes of constructivist and essentialist approaches. In order to reach this aim, in the first part of the article, the author analyses the existing theories of historical identity and substantiates the necessity of studying its foundations. Then the author proposes to turn to Ankersmit's concept of sublime historical experience and shows its possibilities for comprehending the foundations of historical identity. The final part substantiates the heuristic potential of Ankersmit's ideas for the study of historical identity. The study of texts by Ankersmit and by other theorists dealing with the problems of collective representations, memory politics, national and civic identity allowed drawing the following conclusions. 1. Depending on the interpretation of historical identity, the methodology of its research implies attention either to collective representations, archetypes that define a community or to practices and discursive strategies that construct identity. Establishing identity as a function of collective memory seems simplistic, as it does not take into account its relationship to place, space, images of the future and the potential of counter-memory, and it is difficult to study the dynamic aspects of historical identity. If identity is conceptualised as a consequence of the work of actors, it is identified with identity practices; the difficulties in this approach are related to the conceptualisation of actors themselves, as well as the statement of the variability and situationality of identity, which calls into question the relevance of the use of this category. 2. The category of sublime historical experience opposes narrativism and the linguistic turn, i.e. Ankersmit insists on the possibility of direct contact with the past and declares this contact as a condition for the possibility of historical knowledge; the author interprets sublime historical experience in Ankersmit's terminology as the basis of historical identity. 3. Agreeing with Ankersmit's thesis that without representation there is no past, the author emphasises that

historical experience cannot be expressed in language; respectively, it is beyond the discursive strategies of the actors of the politics of memory.

Keywords: historical identity, Ankersmit, historical representation, collective memory, memory policy

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

For citation: Golovashina, O.V. (2023) Representation of identity: Why cannot every tradition be invented? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 62–70. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/6

Введение

Начиная от суждений Дж. Локка идентичность связывалась с прошлым. Несмотря на то, что Локк имел ввиду прошлое отдельного субъекта, тезис «мы – это то, что мы помним» [1] переносится теоретиками на различные сообщества, а история трактуется как их автобиография [2]. Энтони Д. Смит настаивает: «Нет памяти – нет идентичности; нет идентичности – нет нации» [3. Р. 383], а формирование национальной (или транснациональной) идентичности через инструментальное отношение к прошлому стало конвенциональным выводом в исследованиях теоретиков. Идентичность представляется конструктом, т.е. традиции объявляются изобретенными (Э. Хобсбаум), и если мы хотим постичь идентичность сообществ, нам следует, прежде всего, написать их истории [4–8].

Конечно, можно согласиться с тем, что исследование прошлого какой-либо группы позволяет сформировать определенные суждения о ее настоящем, однако однозначный вывод о том, что конструирование прошлого («переписывание истории») приведет к новому представлению группы о себе, был бы поспешным. Общая идентичность коррелирует с общими воспоминаниями, однако вопрос, выступает ли идентичность следствием коллективной памяти или ее причиной, остается дискуссионным [9, 10]. Не каждую традицию можно изобрести, «память... славится умением тихо, но искренне сопротивляться тогда, когда политические власти грубо обращаются с историей и манипулируют прошлым» [11. С. 233], а люди отвергают видение прошлого, противоречащее их воспоминаниям [12]. Однако трактовки идентичности как своеобразной константы, выступающей в качестве той оптики, через которую переосмысливается собственная история, противоречат многочисленным примерам конструирования традиций и формирования необходимого акторов образа прошлого, определяющего идентичность сообщества. Но если так, то какие основания есть у самой идентичности?

В предлагаемой статье мы, соглашаясь с обоснованной исследователями связью прошлого сообществ с их идентичностью, рассмотрим возможности осмысления этой связи, избегая крайностей конструктивистского и эссенциалистского подходов. Для решения поставленной цели мы на первом шаге кратко рассмотрим распространенные подходы к изучению идентичности сообществ и обоснуем необходимость осмысления оснований идентичности. Далее, признавая динамичность исторической идентичности современных

сообществ, мы покажем эвристичность концептуализированной Ф. Анкермитом категории возвышенного исторического опыта для понимания оснований исторической идентичности и обоснуем возможности изучения идентичности через репрезентацию.

В работе мы используем термин «историческая идентичность», так как целью исследования является идентичность сообществ, которая в сложившемся гуманитарном дискурсе зачастую связывается с историей этих сообществ. Как мы уже упоминали выше, тезис о линейной детерминации идентичности прошлым нам кажется спорным, однако далее мы будем использовать этот термин, чтобы различить идентичность сообществ и личную идентичность.

Подходы к исследованию идентичности

«Слово “идентичность” <...> обыкновенно означает слишком много (когда понимается в сильном смысле), или слишком мало (когда понимается в слабом смысле), или вообще ничего не означает (из-за его полнейшей неопределенности)» [13. С. 61].

В зависимости от трактовки исторической идентичности методология ее исследования предполагает внимание или к коллективным представлениям, архетипам, определяющим сообщество, или к практикам и дискурсивным стратегиям, конструирующим идентичность.

Далее мы сознательно оставляем за скобками нашего внимания теории, связывающие идентичность, прежде всего, с личным самоощущением человека, так как это смещает акценты в нашем исследовании в сторону психологии; признавая важность самоопределения, мы, тем не менее, считаем, что осмысление исторической идентичности не может строиться только на этом. Также мы не нашли среди авторитетных современных концепций теорий, настаивающих на эссенциалистском подходе к исторической идентичности, что, вероятно, связано с констатацией сконструированности представлений о прошлом и деонтологии прошлого вообще.

Большинство современных исследователей придерживается конструктивистской трактовки идентичности, т.е. исходят из того, что идентичность выступает следствием соответствующей исторической политики и активности акторов. Дискурс идентичности получил распространение в середине прошлого века, что позволяет некоторым исследователям сделать вывод, что «идентичности не существовало до политики идентичности», а распространение этого дискурса связано

с коммерциализацией и политизацией темы [14]. Подходы теоретиков-конструктивистов к исследованию идентичности можно разделить на два больших направления: одни авторы идут в своих рассуждениях от сообщества и обращают внимания на изучение коллективной памяти и ее проявлений, другие исследуют активность акторов, направленную на формирование определенных аспектов исторической идентичности. Рассмотрим их подробнее.

Связь коллективной памяти и исторической идентичности не относится к числу распространенных в *memory studies* предметных полей, так как, скорее, выступает в качестве аксиоматического суждения. Исходя из этой связи ученые рассматривают различные кейсы [15, 16], а также роль памяти в формировании гражданской идентичности [8, 10, 17], место контрпамяти или конкретных практик конструирования представлений сообщества о самом себе [18, 19]. В основе исследований находится признаваемая теоретиками связь между памятью и идентичностью. Вне зависимости от того, настаивают ли исследователи на онтологическом статусе коллективных представлений или считают память конструктом, анализируя коллективные представления о прошлом, теоретики рассматривают определенный результат, т.е. идентичность сообщества признается следствием того, что группа помнит о себе, следовательно, изучая память (например, через образы прошлого), исследователь делает выводы об идентичности, соответственно, практики политики памяти могут отождествляться с практиками конструирования исторической идентичности.

Соглашаясь с тем, что этот подход имеет основания, отметим, что такая связь идентичности и коллективной памяти представляется несколько упрощенной. Она вполне может использоваться (и используется), например, для формирования корпоративной культуры или как источник по интеллектуальной истории, но идентичность крупных сообществ (государство, нация) представляется нам более сложной, и сведение ее к набору иногда противоречащих друг другу образов прошлого приводит как к схематизации теоретических представлений об идентичности, так и к низкой эффективности мероприятий политики памяти. Помимо образов прошлого, коллективная идентичность связана местом и пространствами, событиями настоящего и конструированием будущего (например, мировая революция в 1920-е гг. в Советской России), требует регулярных ритуалов солидаризации, а доминирующим представлениям о прошлом также противостоит контрпамять. Соответственно, рассматривая идентичность как функцию от прошлого группы, мы имеем дело, скорее, с сообществами памяти, инструментальное отношение к прошлому которых может иметь какой-либо результат, связанный с повышением уровня сплоченности или формированием необходимой акторам картины прошлого (успешным оказалось, например, конструирование первого постсоветского десятилетия как «лихих девяностых» [20, 21]), но оставляет за пределами анализа другие аспекты идентичности.

Также в этом контексте довольно проблематичным представляется исследование динамических аспектов идентичности. Если для личной идентичности тема ее динамичности, изменений, как правило, связана с переосмыслением индивидом происходящих с ним событий и реакций на него окружающих, то концептуация динамичности исторической идентичности нуждается в других инструментах и моделях, потому что представление о коллективном разуме (сознании), переосмысляющем события прошлого сообщества, довольно затруднено.

Признание динамичности исторической идентичности связано с отказом от онтологического статуса прошлого и конструирования истории в качестве набора инструментов и «автобиографии сообщества» [2]. В случае идентичности прошлое становится практическим, в том смысле, который имел ввиду Х. Уайт, т.е. представляет собой не столько знание о произошедшем, сколько оказывается ресурсом для решения повседневных проблем или этических коллизий. Соответственно, сами образы прошлого могут меняться. Дж. Олик интерпретирует коллективную память в качестве набора практик и форм, как социальную деятельность, направленную на конструирование своего прошлого [22]. А. Эрл и А. Ригни, признавая сам факт динамичности образов прошлого, обращают внимание на условия их изменения, т.е. ««медиальные» рамки воспоминания и специфические медиальные процессы, через которые воспоминания входят в публичную сферу и становятся коллективными» [23. Р. 2]. Восприятие и представление прошлого опосредованы различными медиа, через анализ их оптики возможно исследование изменений как в самой коллективной памяти, так и идентичности сообществ.

Однако представление о том, что прошлое постоянно пересобирается с позиции настоящего – уже определенная аксиома в философии истории и социальной философии, – учитывается исследователями или даже становится предметом их анализа, но оставляется за скобками на уровне здравого смысла, т.е. понимание прошлого как изменяющегося конструкта уступает место кажущейся стабильности прошлого, если это прошлое оказывается основной исторической идентичности. Это вполне объяснимо с точки зрения теории познания – если основание ставится под сомнение, оно уже не может быть основанием, однако говорит о том, что необходимо искать новые основания для идентичности.

Таким образом, осмысление идентичности как функции от коллективной памяти несет на себе следы встречающегося ранее и критикуемого исследователями прямого перенесения идей психологов о личной памяти и идентичности на сообщества. Помимо неоправданного использования языка одной дисциплины для анализа явлений, процессов, являющихся объектами внимания другой, недостатком такого подхода является сведение идентичности к эмоциональным аспектам переживания прошлого, что увеличивает проблемы с дефиницией понятия. Причем зачастую вопрос о статусе и природе самой коллективной

памяти, следовательно, и связанной с ней идентичности авторами не ставится. В отличие от этих исследователей, ученые, занимающиеся изучением различных акторов, отвечающих за формирование идентичности, не сомневаются в ее конструктивистской природе.

Если личная идентичность в значительной степени определяется субъектом, то историческая связана с социальными факторами. «Особые исторические социальные структуры порождают типы идентичности, которые опознаются в индивидуальных случаях» [24. С. 280]. И. Гофман, признавая эго-идентичность (трактовка которой у него совпадает с интерпретацией идентичности Эриксоном), предложил обращать внимание не на нее, а на социальное перформативное, т.е. приписывание определенных качеств индивиду со стороны социальных акторов [25. Р. 127–130]; личное самоопределение человека, таким образом, остается за пределами внимания [26. Р. 54]. Р. Брубейкер отметил, что идентичность в современном обществе одновременно является категорией научного анализа и категорией практики – частью политической и социальной риторики. Это создает проблему смешения эмпирического и теоретического начал [13. С. 69].

Рассматривая прошлое как ресурс, акторы используют его для формирования необходимых представлений сообщества. Даже распространенная сейчас периодизация (в том числе концептуализация современности как особого периода) связана, как настаивают некоторые теоретики, с представлением о политическом [27]. То есть политическое определяет настоящее, а динамичная природа истории позволяет ей стать дискурсивным актом – семиотическим артефактом, который приобретает смысл только в рамках социальной коммуникации.

Проведенный исследователями анализ памятных дискурсов выявил связь между общими чувствами, проявляемыми отдельными людьми, и исторической идентичностью сообщества [28]. Дискурс играет решающую роль в определении того, как отдельные люди и сообщества формируют социальную реальность и придают смысл опыту [29], а дискурсивное управление коллективом имеет тенденцию порождать интерпретации, которые, в свою очередь, могут формировать личную и социальную идентичность; повествовательные особенности исторического текста оправдывают его полезность в качестве ресурса идентичности для личного и коллективного «я».

В соответствии с конструктивистской моделью, идентичность представляет собой не какую-либо константу, а практику идентификации. Соответственно, действия акторов, мероприятия, ритуалы и прочее позволяют управлять этой практикой. Однако из этого тезиса следуют некоторые сложности.

Во-первых, по мнению исследователей, национальные государства играют центральную роль в формировании того, что следует помнить, а что лучше забыть, благодаря их могуществу и количеству ресурсов, выделяемых на решение этой проблемы [8], а сами нации могут быть поняты как «мнемонические сообщества» [17]. Однако сводить все аспекты исторической политики к

деятельности национальных государств будет неправильно. Также прояснения требует тезис о государстве как акторе. Кто конкретно действует от лица государства? Если суждения о государственных СМИ, системе образования, политиках как выражении государства могут не вызывать дискуссий (хотя однозначное их принятие кажется упрощенным), то какое место в этом занимает роль религиозных акторов или общественных организаций? Динамичность исторической идентичности обычно выступает следствием признания идентичности как социального конструкта и результата работы акторов.

Во-вторых, текучесть, изменения выступают ведущими характеристиками идентичности. Принцип конструирования идентичности делает эти характеристики вариабельными, ситуативными, индивидуализированными. Описываемый психиатром Р.Дж. Лифтоном «протеанизм» [30] характерен не только для современного субъекта, но и сообществ. Однако, признавая это, сама концепция идентичности оказывается спорной, так как постоянная изменчивость ставит под сомнение возможность любых обобщающих выводов [13. С. 61–63]. Как прошлое становится инструментом, если мы осознаем прошлое как действительно прошедшее, т.е. наделяем его онтологическим статусом, так и идентичность работает, если кажется стабильной.

Таким образом, конструктивистские в целом теории нивелируют онтологические проблемы осмысления идентичности до гносеологических, но возврат к эссенциалистской модели идентичности и перенос ее на историческую идентичность как способ избежать заявленных противоречий вряд ли возможен в силу отсутствия внятной концептуализации оснований подобной модели идентичности. Мы считаем, что избежать крайностей конструктивистского и эссенциалистского подходов нам позволяет концепция возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита. Далее мы рассмотрим, как представленные Анкерсмитом идеи могут быть применены для концептуализации исторической идентичности и исследования ее динамических аспектов.

Возвышенный исторический опыт как основания идентичности

В данном пункте мы оставим за скобками довольно многочисленную критику поздних идей Анкерсмита [31, 32], предлагая сосредоточиться на том, чем его идеи могут быть полезны для решения поставленной выше задачи.

«Пути философии истории были обозначены и исследованы. Все это было основано на принесении в жертву исторического опыта, который казался “потерянным раем”, ошибочным направлением. Анкерсмит хочет показать нам другой путь» [33. Р. 85], – заметил Х. Келнер. В отличие от инструментального отношения к прошлому, распространенному среди акторов исторической политики, Анкерсмит обращает внимание на то, что не все можно сконструировать: «Исторический опыт или историческое ощущение (как выразился

голландский историк Хёйзинга) восстанавливает непосредственный контакт с прошлым» [34. Р. 352]. Иными словами, Анкерсмит стремится вернуть какой-то части прошлого его онтологический статус, заявляя о возможности прямого контакта с ним и объявляя этот контакт условием возможности исторического познания.

Понятие опыта оказывается ключевым в этой системе. Отказываясь от представлений о том, что язык предшествует не только опыту, но и всему, Анкерсмит предлагает обратить внимание на опыт не конкретного человека, а сам по себе, причем исторический опыт в его интерпретации представлял собой момент диссоциации нашей идентичности – как если бы мы были вне самих себя, таким образом, являясь опытом без субъекта. В каком-то смысле необходимо потерять себя, чтобы прикоснуться к подлинному прошлому, поэтому исторический опыт оказывается связан с переживанием утраты. Речь, таким образом, идет не о триумфе «я», личного опыта, а о пассивном подчинении и полной восприимчивости к возвышенному [35. Р. 132]. Человек может осознать потерю прежней идентичности, которая будет определять его в терминах того, кем он больше быть не может [36. Р. 190]. Изложение опыта Анкерсмитом, таким образом, противоречит нарративизму и лингвистическому повороту, но, возможно, именно в этом и была его цель – «с самого начала было поднять волну в спокойных водах нарративизма» [37].

Определенным аналогом историческому опыту выступает религиозный опыт, который также несводим к языку и не может быть как-то эмпирически верифицирован. «Другими словами, либо это переживание безмолвно, либо это вообще не возвышенное переживание» [37. Р. 57]; подобный опыт может вдохновить или преобразовать человека, но его выражение в языке затруднено. Итак, для Анкерсмита исторический опыт самодостаточен в том смысле, что он лежит в области «после или за пределами всякой исторической литературы», не имеющей «никакого отношения к истокам, основаниям, первым принципам и так далее», и историки теперь могут рассмотреть возможность иногда вырваться из «тюрьмы языковой репрезентации» для того, чтобы быть в контакте с утраченным прошлым [35. Р. 277]. Речь идет не о том, чтобы выражать прошлое в языке, а об определенном виде исторического ощущения, которое предполагает видение, чувствование, контакт с прошлым. Это «мгновенная вспышка в умах историков, обладающих необычайно острым чувством истории» [38. Р. 188].

Таким образом, в контексте нашего исследования мы интерпретируем возвышенный исторический опыт в терминологии Анкерсмита как основание идентичности, а не только в качестве отправной точки исторического исследования.

Вторым аспектом выступает онтологичность прошлого. Вместо разговоров о прошлом, распространенных в конструктивистском дискурсе об истории, Анкерсмит предлагает «спасти само прошлое из того, что мы о нем говорим» [35. Р. 4]: «Итак, давайте распахнем

окна этой узкой и душной комнаты, в которой мы живем последние пятьдесят лет, – и дадим нам снова вдохнуть свежий воздух внешнего мира!» [35. Р. 106]. Мир – это не текст, а исторический опыт – это не только собрание слов и дискурсивных практик. В какой-то момент длящееся вечное было разделено на настоящее, прошлое и будущее. Анкерсмит сравнивает этот раскол с потерянным раем; прошлое таким образом стало объектом исследования, но утратило свою реальность именно благодаря этому разрыву между жизнью и историей. Существует определенная асимметрия между воспоминаниями и тем, что субъект считает своей историей, и история оказывается более сильным и важным партнером. Этот вывод может заставить с некоторым подозрением отнестись к культу памяти, который в конце концов может привести к культу несущественного [39. Р. 558].

Прошлое, обладающее онтологическим статусом, таким образом, само становится у Анкерсмита актором; он призывает «вещи и могущественные силы прошлого сами заговорить» (цит. по: [35. Р. 165]). Хотя можно возразить, что это противоречит собственному суждению Анкерсмита о подобном восклицании Ранке как о «патетическом» [40. Р. 273].

Итак, связанная с таким прошлым историческая идентичность становится не только конструктом, наполнение которого зависит от действий акторов политики памяти, но и может быть работающей категорией; выступая следствием не коллективных представлений, а возвышенного исторического опыта, историческая идентичность оказывается менее зависимой от политической и социальной риторики.

Репрезентация и историческая идентичность

Язык и повествования сами по себе не могут помочь понять исторический опыт и таким образом концептуализированное прошлое. Поэтому Анкерсмит предлагает обратиться к понятию исторической репрезентации.

Признавая онтологичность прошлого, он связывает реальность с репрезентацией, заявляя, что именно «репрезентация определяет реальность» [41. Р. 320] и «нет репрезентации, нет прошлого» [42. Р. 328]. В работе «Историческая репрезентация» (2001) Анкерсмита интересовал вопрос о соотношении исторического текста с аспектами реальности, а также связь между репрезентацией и репрезентируемым. Уже к тому времени он был убежден, что теория литературы никогда не сможет дать должного ответа на этот вопрос, поскольку «ни один раздел теории литературы не рассматривает проблему эпистемологического разрыва между языком и миром» [43. Р. 74]. Его вывод состоял в том, что литературная теория «бесполезна» как историческая теория, поскольку «она не сказала и, возможно, не могла бы сказать ничего интересного по вопросу о том, как историку удастся представлять прошлое» [43. Р. 74]. Применительно к нашей теме важным представляется тезис Анкерсмита о том, что исторический опыт не может быть выражен в языке, соответственно, выходит за

рамки дискурсивных стратегий акторов политики памяти. «Описание и репрезентация – разные вещи, и <...> каждая попытка смоделировать одно на основе другого обречена на провал» [44–47], хотя это утверждение критикуется теоретиками [48–50]. В описании мы можем провести различие между подлежащим и сказуемым, в то время как в повествовании это невозможно. Представление имеет тенденцию принимать место представляемого. Репрезентация, по мысли Анкерсмита, является «господином и повелительницей», тогда как язык (будь то повествование или нет) должен быть послушным слугой; во многом таким же образом, как отношение между языком и опытом, в котором «язык бежит за опытом в вечно тщетной попытке угнаться за ним» [38. Р. 208]. Поэтому историческая репрезентация стала для него чем-то большим, чем просто «предложением» (в основном в форме повествования) о том, как смотреть на прошлое (также в форме текста); теперь это также означает – благодаря взгляду Данто на «теорию замещения» – снова сделать отсутствующее прошлое настоящим. «Присутствие» в этом контексте является «частью смысла» репрезентации [42. Р. 328] и способом оставить эпистемологию (и лингвистический трансцендентализм) позади в пользу эстетики как изучения форм репрезентации.

Язык, таким образом, представляет собой только один из вариантов репрезентации реальности (в том числе исторической реальности) [43. Р. 88], а историческое сочинение не может быть сведено только к повествованию. То есть речь идет не только о дискуссионной в философии истории проблеме доступа к прошлому; нам интересно то, что в интерпретации Анкерсмита эта проблема оказывается проблемой доступа к реальности. Объявив репрезентации безосновными, Анкерсмит понимает, что вступает в противоречие с современными философскими традициями.

Обращение к эстетическим коннотациям репрезентации позволяет прояснить это понятие и наметить возможные теоретико-методологические следствия. Анкерсмит исходит из того, что исторические репрезентации не определяются ничем внешним по отношению к ним самим. Это идея связана, по утверждению самого Анкерсмита, с философией Лейбница [44]. Репрезентация не имеет никаких оснований, кроме самой репрезентации, т.е. в трактовке Лейбница является монадой. Следовательно, связанная с возвышенным историческим опытом, идентичность может быть выражена через репрезентации.

Однако сложность заключается в том, что непонятен алгоритм, по которому можно высказывать тезисы, касающиеся репрезентации. Реляционные высказывания, характерные для научного дискурса, как признает Лейбниц в письме Кларку, не имеют формы подлежащих/сказуемых, соответственно, они не могут представлять собой высказывания о сущностях (монадах). Суждения об истории являются реляционными в том смысле, что зависят от утверждений, выражающих отношения, но значит ли это, что они не могут быть суждениями о реальности? Анкерсмит считает, что существует достаточно места для признания реляционных

утверждений между принятием их достоверности, с одной стороны, и доктриной Лейбница, утверждающей, что любая истина о монаде допускает формулировку в терминах утверждений, имеющих форму подлежащего/сказуемого – с другой. То есть «тогда монадические факты просто определяют реляционные» [45. Р. 82]. Иными словами, субстанции, или монады и внешний материальный мир, – это две стороны одной и той же медали; и мы должны избегать искушения отдавать предпочтение одной стороне медали перед другой. Анкерсмит считает, что, как философы, мы должны поставить себя в то же положение, что и Бог, когда Он сотворил мир, в котором мы живем, а именно занять Его позицию во взаимоотношениях между двумя сторонами медали. Бог – реляционист по преимуществу, и, размышляя о природе Его творения, у нас нет иного выбора, кроме как самим стать реляционистами [44]. В качестве методологии анализа прошлого может быть использован только логический анализ в том его виде, который предложил сам Лейбниц, т.е. необходимо рассматривать отношения между частью прошлого и тем, как оно представлено историком через модели реляционных утверждений о репрезентативных монадах или субстанциях.

Как и в случае с религиозным опытом, описание возвышенного исторического опыта сталкивается с невозможностью найти правильные слова для описания содержания этого опыта. Поэтому значение приобретает фигура посредника – священника в случае религиозного опыта и историка, в ситуации, описываемой Анкерсмитом. Опыт выражается в языке; следовательно, задачей историка-теоретика оказывается освобождение исторического опыта от груза языка [35. Р. 14]. То есть можно сказать, что Анкерсмит ищет язык, который мог бы отменить язык.

Таким образом, Анкерсмит отстаивает трехуровневую модель взаимосвязи между прошлой реальностью и текстом. Его составляющими являются: (1) прошлое само по себе (онтология), (2) уровень описания (эпистемология), (3) уровень репрезентации (эстетика). Историческая идентичность в соответствии с этой моделью наделяется основаниями, выходящими за пределы дискурсивных практик акторов политики памяти.

Заключение

Антон Фройман заметил, что разговор об исторической репрезентации подразумевает историческую реальность в том виде, в каком мы ее конституируем, но «когда вы говорите об историческом опыте, вы имеете в виду прошлое в том виде, в каком оно конституирует нас» [51. Р. 397].

Таким образом, концепция возвышенного исторического опыта позволяет подвести основания под историческую идентичность, т.е. исходить из того, что идентификация определяется не только усилиями акторов политики памяти, но и историческим опытом сообщества. Представление о возвышенном историческом опыте как условии прямого контакта с прошлым противостоит сведению идентичности к дискурсивным стратегиям и

объясняет возможности сопротивления тем интерпретациям прошлого, которые противоречат опыту сообщества. Так как возвышенный исторический опыт не может быть выражен в языке, мы обращаемся к понятию

репрезентации: репрезентация сама по себе является бесосновной и противостоит языковым практикам, поэтому продуктивным способом изучения исторической идентичности может стать эстетика.

Список источников

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения. М. : Мысль, 1985. Т. 1. С. 387–388.
2. Leone G., Curigliano G. Coping with collective responsibilities: An explorative study on Italian historical identity through three generations // *Journal of Language and Politics*. 2009. Vol. 8, № 2. P. 305–326.
3. Smith A.D. Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism // *Nations and Nationalism*. 1996. № 2 (3). P. 371–388.
4. Müller J.W. (ed.). *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*. New York : Cambridge University Press, 2002.
5. Olick J. (ed.). *States of Memory : Continuities, Conflicts, and Transformations in National Perspective*. Durham, NC: Duke University Press, 2003.
6. Lebow R., Kansteiner W., Fogu C. *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham, NC : Duke University Press, 2006.
7. Berger T. *War, Guilt, and World Politics after World War II*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
8. Bell D. (ed.). *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present*. Houndmills; Basingstoke; Hampshire : Palgrave Macmillan, 2006.
9. Baljinder S., Ross M. Group Identification and Historical Memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33, № 3. P. 384–395.
10. Wang M. Historical Facts, Historical Memory and Historical Mentality // *Historical Research*. 2001. № 5. P. 136–147.
11. Лавабр М.К. Память и политика: о социологии коллективной памяти // *Психоанализ и науки о человеке* / ред. Н.С. Автономова, В.С. Степин. М. : Прогресс-Культура, 1995. С. 233–244.
12. Osiel M. *Mass Atrocity, Collective Memory and the Law*. New Brunswick : Transaction Publishers, 1997.
13. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
14. Моран М. Идентичность и политика идентичности: культурно-материалистическая история // *Новое литературное обозрение*. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/135_nz_1_2021/article/23386/ (дата обращения: 11.09.2023).
15. Hewer C.J., Kut M. Historical legacy, social memory and representations of the past within a Polish community // *Memory Studies*. 2010. Vol. 3, № 1. P. 18–32.
16. Silva Catela da L. Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites // *Memory Studies*. 2015. Vol. 8, № 1. P. 9–21.
17. Rowlinson M., Booth Ch., Clark P., Delahaye A., Procter S. Social Remembering and Organizational Memory // *Organization Studies*. 2010. Vol. 31, № 1. P. 69–87.
18. Sheftel A. 'Monument to the international community, from the grateful citizens of Sarajevo': Dark humour as counter-memory in post-conflict Bosnia-Herzegovina // *Memory Studies*. Vol. 5, № 2. P. 145–164.
19. David L. Impression management of a contested past: Serbia's evolving national calendar // *Memory Studies*. 2014. Vol. 7, № 4. P. 472–483.
20. Миллер А.И. Политика памяти в России 1990-х // *Tempus et Memoria*. 2021. № 2 (3). С. 13–16.
21. Малинова О.Ю. Августовский путч 1991 г. и распад СССР в политической памяти современной России: эволюция соперничающих нарративов // *Tempus et Memoria*. 2021. № 2 (3). С. 19–26.
22. Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74.
23. Erll A., Rigney A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // *Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory* / ed. by Astrid Erll, Ann Rigney. Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2009. P. 1–14.
24. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995.
25. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London : Pelican, 1968.
26. Manning P. *Erving Goffman and Modern Sociology*. London : Polity Press, 1992.
27. Chakrabarty D. Where is the Now // *Critical Inquiry*. 2004. Vol 30, № 2. P. 458–462.
28. Curigliano G. *Dal presente al passato: le dinamiche dell'identità storica*. Unpublished doctoral dissertation. Department of Psychology, University of Bari, Italy, 2006.
29. Edwards D. *Discourse and Cognition*. London, UK : Sage, 1997.
30. Lifton R.J. *The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation*. New York, 1993.
31. Icke P. Frank Ankersmit's Lost Historical Cause: A Journey from Language to Experience. London : Routledge, 2012.
32. Icke P. Author's Response to Eugen Zelenak's Review of Frank Ankersmit's Lost Historical Cause // *Organon F*. 2014. Vol. 21 (4). P. 531–533.
33. Kellner H. Ankersmit's Proposal: Let's Keep in Touch // *Clio*. 2006. Vol. 36, № (1). P. 85–86.
34. Ankersmit F. *A Escrita da História: A Natureza da Representação Histórica [The Writing of History: The Nature of Historical Representation]*. Londrina : Edue, 2016.
35. Ankersmit F. *Sublime Historical Experience*. Stanford, CA : Stanford University Press, 2005.
36. Ankersmit F. Danto and the Tragedy of Human Existence // D. Herwitz, M. Kelly (eds.) *Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto*. New York : Columbia University Press, 2007. P. 175–197.
37. Menezes J. Aftermaths of the dawn of experience: on the impact of Ankersmit's sublime historical experience // *Rethinking History*. 2018. Vol. 22, № 1. P. 44–64.
38. Ankersmit F. *Meaning, Truth and Reference in Historical Representation*. New York : Cornell University Press, 2012.
39. Moskalewicz M. The Old Nietzschean Question Raised Again: How Much Past do We Need for Having a Healthy Life? // *Rethinking History*. 2014. Vol. 18, № 4. P. 556–568.
40. Ankersmit F., Menezes J. Historical Experience Interrogated: A Conversation // *Journal of the Philosophy of History*. 2017. Vol. 11, № 2. P. 247–273.
41. Ankersmit F. Pygmalion: Rousseau and Diderot on the theatre and on Representation // *Rethinking History*. 2003. Vol. 7, № 3. P. 315–339.
42. Ankersmit F. "Presence" and Myth // *History and Theory*. 2006. Vol. 45, № 3. P. 328–336.
43. Ankersmit F. *Historical Representation*. Stanford, CA : Stanford University Press, 2001.
44. Ankersmit F., Tamm M. Leibnizian philosophy of history: a conversation // *Rethinking History*. 2016. Vol. 20, № 4. P. 491–511.
45. Cover J.A., O'Leary-Hawthorne J. *Substance and Individuation in Leibniz*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
46. Ankersmit F. Invitation to historians // *Rethinking History*. 2003. Vol. 7, № 3. P. 413–437.
47. Ankersmit F. Representation and Reference // *Journal of the Philosophy of History*. 2010. Vol. 4, № 3. P. 375–409.
48. Lorenz C. Can Histories Be True? Narrativism, Positivism and the 'Metaphorical Turn' // *History and Theory*. 1998. Vol. 37, № 3. P. 309–329.
49. Lorenz C., Tamm M. Who knows Where the Time Goes? // *Rethinking History*. 2014. Vol. 18, № 4. P. 499–521.
50. Zelenak E. Exploring Holism in Frank Ankersmit's Historical Representation // *Rethinking History*. 2009. Vol. 13, № 3. P. 357–369.
51. Froeyman A. Frank Ankersmit and Eelco Runia: The Presence and the Otherness of the Past // *Rethinking History*. 2012. Vol. 16, № 3. P. 393–415.

References

1. Locke, J. (1985) *Sochineniya* [Writings]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 387–388.
2. Leone, G. & Curigliano, G. (2009) Coping with collective responsibilities: An explorative study on Italian historical identity through three generations. *Journal of Language and Politics*. 8 (2). pp. 305–326.
3. Smith, A.D. (1996) Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism. *Nations and Nationalism*. 2 (3). pp. 371–388.
4. Müller, J.W. (ed.) (2002) *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*. New York: Cambridge University Press.
5. Olick, J. (ed.) (2003) *States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Perspective*. Durham, NC: Duke University Press.
6. Lebow, R., Kansteiner, W. & Fogu, C. (2006) *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham, NC: Duke University Press.
7. Berger, T. (2012) *War, Guilt, and World Politics after World War II*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Bell, D. (ed.) (2006) *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present*. Palgrave Macmillan: Houndmills, Basingstoke, Hampshire.
9. Baljinder, S. & Ross, M. (2007) Group Identification and Historical Memory. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 33 (3). pp. 384–395.
10. Wang, M. (2001) Historical Facts, Historical Memory and Historical Mentality. *Historical Research*. 5. pp. 136–147.
11. Lavabr, M.K. (1995) Pamyat' i politika: o sotsiologii kollektivnoy pamyati [Memory and politics: on the sociology of collective memory]. In: Avtonomova, N.S. & Stepin, V.S. (eds) *Psikhoanaliz i nauki o cheloveke* [Psychoanalysis and human sciences]. Moscow: Progress-Kul'tura. pp. 233–244.
12. Osiel, M. (1997) *Mass Atrocity, Collective Memory and the Law*. New Brunswick: Transaction Publishers.
13. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: HSE.
14. Moran, M. (2021) Identichnost' i politika identichnosti: kul'turno-materialisticheskaya istoriya [Identity and identity politics: cultural-materialist history]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [Online] Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/135_nz_1_2021/article/23386/ (Accessed: 11.09.2023).
15. Hewer, C.J. & Kut, M. (2010) Historical legacy, social memory and representations of the past within a Polish community. *Memory Studies*. 3 (1). pp. 18–32.
16. Silva Catela da L. (2015) Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites. *Memory Studies*. 8 (1). pp. 9–21.
17. Rowlinson, M. et al. (2010) Social Remembering and Organizational Memory. *Organization Studies*. 31 (1). pp. 69–87.
18. Sheftel, A. (2012) 'Monument to the international community, from the grateful citizens of Sarajevo': Dark humour as counter-memory in post-conflict Bosnia-Herzegovina. *Memory Studies*. 5 (2). pp. 145–164.
19. David, L. (2014) Impression management of a contested past: Serbia's evolving national calendar. *Memory Studies*. 7 (4). pp. 472–483.
20. Miller, A.I. (2021) Politika pamyati v Rossii 1990-kh [The politics of memory in Russia in the 1990s]. *Tempus et Memoria*. 2 (3). pp. 13–16.
21. Malinova, O.Yu. (2021) Avgustovskiy putch 1991 g. i raspad SSSR v politicheskoy pamyati sovremennoy Rossii: evolyutsiya sopernichayushchikh narrativov [The August 1991 coup and the collapse of the USSR in the political memory of modern Russia: the evolution of rival narratives]. *Tempus et Memoria*. 2 (3). pp. 19–26.
22. Olik, D. (2012) Figuratsii pamyati: protsessno-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of memory: process-relational methodology, illustrated by the example of Germany]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 11 (1). pp. 40–74.
23. Erll, A. & Rigney, A. (2009) Introduction: Cultural Memory and its Dynamics. In: *Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory*. Berlin–New York: Walter de Gruyter. pp. 1–14.
24. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Social construction of reality*. Moscow: Medium. (In Russian).
25. Goffman, E. (1968) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London: Pelican.
26. Manning, P. (1992) *Erving Goffman and Modern Sociology*. London: Polity Press.
27. Chakrabarty, D. (2004) Where is the Now. *Critical Inquiry*. 30 (2). pp. 458–462.
28. Curigliano, G. (2006) *Dal presente al passato: le dinamiche dell'identità storica*. Unpublished doctoral dissertation. Department of Psychology, University of Bari, Italy.
29. Edwards, D. (1997) *Discourse and Cognition*. London, UK: Sage.
30. Lifton, R.J. (1993) *The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation*. N.Y.
31. Icke, P. (2012) *Frank Ankersmit's Lost Historical Cause: A Journey from Language to Experience*. London: Routledge.
32. Icke, P. (2014) Author's Response to Eugen Zelenak's Review of Frank Ankersmit's Lost Historical Cause. *Organon, F*. 21 (4). pp. 531–533.
33. Kellner, H. (2006) Ankersmit's Proposal: Let's Keep in Touch. *Clio*. 36 (1). pp. 85–86.
34. Ankersmit, F. (2016) *A Escrita da História: A Natureza da Representação Histórica* [The Writing of History: The Nature of Historical Representation]. Londrina: Eduel.
35. Ankersmit, F. (2005) *Sublime Historical Experience*. Stanford, CA: Stanford University Press.
36. Ankersmit, F. (2007) Danto and the Tragedy of Human Existence. In: Herwitz, D. & Kelly, M. (eds) *Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto*. New York: Columbia University Press. pp. 175–197.
37. Menezes, J. (2018) Aftermaths of the dawn of experience: on the impact of Ankersmit's sublime historical experience. *Rethinking History*. 22 (1). pp. 44–64.
38. Ankersmit, F. (2012) *Meaning, Truth and Reference in Historical Representation*. New York: Cornell University Press.
39. Moskalowicz, M. (2014) The Old Nietzschean Question Raised Again: How Much Past do We Need for Having a Healthy Life? *Rethinking History*. 18 (4). pp. 556–568.
40. Ankersmit, F. & Menezes, J. (2017) Historical Experience Interrogated: A Conversation. *Journal of the Philosophy of History*. 11 (2). pp. 247–273.
41. Ankersmit, F. (2003) Pygmalion: Rousseau and Diderot on the theatre and on Representation. *Rethinking History*. 7 (3). pp. 315–339.
42. Ankersmit, F. (2006) "Presence" and Myth. *History and Theory*. 45 (3). pp. 328–336.
43. Ankersmit, F. (2001) *Historical Representation*. Stanford, CA: Stanford University Press.
44. Ankersmit, F. & Tamm, M. (2016) Leibnizian philosophy of history: a conversation. *Rethinking History*. 20 (4). pp. 491–511.
45. Cover, J.A. & O'Leary-Hawthorne, J. (1999) *Substance and Individuation in Leibniz*. Cambridge: Cambridge University Press.
46. Ankersmit, F. (2003) Invitation to historians. *Rethinking History*. 7 (3). pp. 413–437.
47. Ankersmit, F. (2010) Representation and Reference. *Journal of the Philosophy of History*. 4 (3). pp. 375–409.
48. Lorenz, C. (1998) Can Histories Be True? Narrativism, Positivism and the 'Metaphorical Turn'. *History and Theory*. 37 (3). pp. 309–329.
49. Lorenz, C. & Tamm, M. (2014) Who knows Where the Time Goes? *Rethinking History*. 18 (4). pp. 499–521.
50. Zelenak, E. (2009) Exploring Holism in Frank Ankersmit's Historical Representation. *Rethinking History*. 13 (3). pp. 357–369.
51. Froeyman, A. (2012) Frank Ankersmit and Eelco Runia: The Presence and the Otherness of the Past. *Rethinking History*. 16 (3). pp. 393–415.

Информация об авторе:

Головашина О.В. – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Golovashina, Dr. Sci. (Philosophy), leading research fellow, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); leading research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.09.2023;
одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 29.09.2023;
approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 111.8+659.441.85+343.150
doi: 10.17223/15617793/495/7

Экспликация внутреннего убеждения судьи в контексте трансцендентальной философии (А. Райнах, К.-О. Апель, Дж. Серл)

Марина Ивановна Пантыкина¹

¹ Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия
pantikina@tltu.ru

Аннотация. Целью исследования является философско-правовая экспликация внутреннего убеждения судьи в контексте трансцендентальной философии А. Райнаха, К.-О. Апеля и Дж. Серля. Делаются выводы, что конфигурация структур сознания и языка обуславливает единство его содержания; внутреннее убеждение судьи служит основанием для истинных или ложных утверждений, но не может быть подвергнуто логической оценке; нормативные критерии должны быть дополнены требованием совпадения репрезентируемого положения дел в убеждении и в утверждении, а также признанием значимости аксиологического измерения.

Ключевые слова: убеждения, утверждения, интенциональное состояние, условия выполнимости, внутреннее убеждение судьи, оценка доказательств

Для цитирования: Пантыкина М.И. Экспликация внутреннего убеждения судьи в контексте трансцендентальной философии (А. Райнах, К.-О. Апель, Дж. Серл) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 71–78. doi: 10.17223/15617793/495/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/7

Explication of the judge's inner conviction in the context of transcendental philosophy (Adolf Reinach, Karl-Otto Apel and John Searle)

Marina I. Pantykina¹

¹ Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
pantikina@tltu.ru

Abstract. The proposed study represents a philosophical and legal explication of the judge's inner conviction as his discretionary power in evaluating evidence. The need to address this topic is due to the lack of understanding of the nature of the judge's inner conviction, the uncertainty of the criteria for the freedom to evaluate evidence in the context of codified law, the risks of abuse and errors in assessing the factual circumstances of the case as manifestations of contradictions between the objective and subjective grounds of the judge's inner conviction. To solve these problems, the article uses the explanatory potential of the transcendental philosophy of Adolf Reinach, Karl-Otto Apel and John Searle. This made it possible to present the structures of consciousness and language as onto-epistemological foundations of convictions, to show that, on the one hand, conviction arises as an intentional state of consciousness and is included in statements as intention and justification. On the other hand, being relatively independent of the rules and forms of linguistic expression, it is represented in the propositional content of a meaningful utterance. As a result, it is concluded that the configuration of the initially independent structures of consciousness and language determines the unity of the content of conviction. Based on the established differences between convictions and statements, it is proven that the judge's inner conviction can serve as the basis for true or false statements. In the same case, if it is not presented in the form of statements, then it remains in the status of an intentional state and, therefore, cannot be subjected to logical evaluation. The revealed similarity between the constitution of conviction and the process of cognition made it possible to show that internal conviction is included in goal-setting, which provides a content-genetic connection between all stages of proof and also establishes the importance of inner conviction as a criterion for evaluating evidence. Next, the question is raised about the conditions for the feasibility of inner convictions. As a result of their philosophical research, the legally established criteria of relevance, admissibility and reliability are supplemented by the requirements for the coincidence of the represented state of affairs in conviction and statement, attributing the fallacy of convictions to the convictions themselves, and not to external circumstances. As a condition for the feasibility of inner convictions, their axiological dimension is determined, represented by such identifying characteristics of the subjectivity of judges as conscience, duty, and responsibility.

Keywords: convictions, assertions, intentional state, feasibility conditions, judge's inner conviction, evaluation of evidence

For citation: Pantykina, M.I. (2023) Explication of the judge's inner conviction in the context of transcendental philosophy (Adolf Reinach, Karl-Otto Apel and John Searle). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 71–78. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/7

Современное право развивается по пути гуманизации и упрощения процедур правоприменения. Для российского права одним из следствий этих процессов явилось формирование «судейского права», которое придает особую значимость деятельности судьи. В частности, в случае пробела в законодательстве судьи наделяются дискреционным полномочием оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению. В настоящее время это право закреплено в ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ [1], ст. 84 Кодекса административного судопроизводства РФ¹ и ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ². При этом свобода оценки доказательств признается не в полном объеме, а с ограничениями в виде утвержденных законодателем правовых актов и процедур правоприменения. Это обстоятельство служит причиной многолетней дискуссии о целесообразности рецепции кодифицированным правом феномена, возникшего в условиях прецедентного права. В качестве аргументов противники и сомневающиеся указывают на следующие проблемы: неопределенность понятия внутреннего убеждения, нерешенность процедурных вопросов доказательств и оценки доказательств, риски злоупотреблений и «перекосов» при оценке фактических обстоятельств дела на основании внутреннего убеждения³. Как следствие, нормативно установленное право судей на оценку доказательств по своему внутреннему убеждению остается не только предметом теоретической дискуссии, но и не используется должным образом в судебной практике.

Думается, что дополнением к юридическим подходам к решению данной проблемы может служить объяснительный потенциал трансцендентальной философии. Так, теоретико-методологические положения феноменологии А. Райнаха, трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля и трансцендентальной семантики Дж. Серля позволяют выявить онто-гносеологические основания убеждений и показать значимость субъективной стороны деятельности судьи. Несмотря на то что в работах исследователей судейского внутреннего убеждения не содержатся отсылки к этим теориям, многие из них понимают необходимость изучения условий правового познания и практики. В частности, именно эти условия отражены в следующем определении внутреннего убеждения судьи: «термин “внутреннее” подчеркивает самостоятельность субъекта познания, защиту его представлений от постороннего воздействия. Убеждение отражает состояние человеческого сознания после исследования доказательств по делу, поскольку в норме указано, что оценка доказательств основывается на внутреннем убеждении судьи, опирающемся на всестороннее исследование обстоятельств дела» [8. С. 78].

Сознание и язык как онто-гносеологические основания внутреннего убеждения судьи

Сложность исследования внутренних убеждений обусловлена многомерностью феномена убеждения. Это познавательное затруднение отражено, в частности,

в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки», в которой представлены три независимые друг от друга трактовки понятия убеждения: «1) мировоззренческий принцип индивида, в правильность которого он верит и на основе которого действует; 2) коммуникативный процесс, в ходе которого убеждающий передает информацию оппоненту и стремится сформировать у него веру в ее правильность; 3) понятие “убеждение” отождествляется с понятием “знание” для того, чтобы снять вопрос об оценке его правильности» [9. С. 1007]. Такая же многозначность обнаруживается в имеющихся исследованиях понятия внутреннего убеждения судьи⁴.

Для уточнения семантических границ понятия судейского внутреннего убеждения и установления условий его выполнимости следует, прежде всего, выяснить их онто-гносеологические основания. Необходимость поиска «общих и необходимых субъективно-интерсубъективных нормативных условий взаимопонимания о смысле (Sinn-Verständigung) и образования консенсуса (Konsens-Bildung) – в идеальном случае – в неограниченном сообществе интерпретаторов» наиболее обосновано была заявлена в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля [10. С. 46]. По его мнению, трансформация современной философии требует признания первичной функции языка. Однако в ходе дискуссии с Дж. Серлем Апель корректирует свою точку зрения и соглашается с тем, что убеждения, наряду с желаниями, страхами, надеждами, представляют собой интенциональные условия сознания (или интенциональные состояния сознания)⁵. В результате он делает вывод о том, что убеждениям присуща функциональная связь между интенциональными условиями сознания и речевыми актами. Основываясь на этом выводе, можно утверждать, что убеждение представляет собой конфигурацию нескольких семантических пространств и, следовательно, нескольких трансцендентальных оснований – сознания и языка. Последние предстают в качестве независимых и взаимодополняющих трансцендентальных структур, обеспечивающих единство содержания убеждений с помощью определенных процессов.

Действительно, убеждение реализуется таким образом, что посредством звуков и письма интенциональные состояния навязывают различным результирующим «выражениям» условия выполнимости речевых актов, а также осуществляют «подгонку» этих условий с помощью скрытых убеждений говорящего. Например, «высказыванию навязываются условия принятия факта, в чьем существовании уверен говорящий; или на команду, которая адресована кому-то, говорящий накладывает условия желаемой ситуации; или на обещание говорящего условия накладывает слушающий, желающий получить определенный результат» [12. С. 213].

Кроме того, единство сознания и языка в убеждении обусловлено самим процессом познания. Как писал А. Райнах, «убеждение... фундировано в познании; оно является моей позицией по отношению к нему, –

так сказать, моей распиской *в том*, что предъявляет мне познание» [13. С. 127] и представляет собой познаваемое положение дел таким образом, что в него верят. В том случае, если в познавательную ситуацию включается собеседник, то она становится реляционной, предполагающей, что носитель убеждения в некоем положении дел обращается к другому человеку и произносит слова, как следствие, «произнося слова, я нечто подразумеваю [meine], я подразумеваю то предметное, что они обозначают, а именно я подразумеваю его полагающим, утверждающим образом» [13. С. 98]. Поскольку это полагание или утверждение «не «возникает» в нас, но «выносится» нами, то оно уже является не состоянием сознания, а высказанным суждением. При этом Райнах отвергал безусловную необходимость связи между убеждениями и речевыми актами даже в формате опосредования через утверждения.

В качестве основания единства структур сознания и языка в убеждении Дж. Серл указывает на их пропозициональное содержание. В частности, он утверждает, что убеждения, благодаря своему пропозициональному содержанию, репрезентируют объекты и положения дел аналогично тому, как последние репрезентируются речевыми актами. Именно поэтому им присуща общая структура – S (p), где «буква S в данной формуле обозначает тип психологического состояния, а “p” – пропозициональное содержание этого состояния» [14. С. 52]. Кроме того, пропозициональное содержание позволяет установить соответствие или несоответствие убеждений сложившемуся положению дел в мире, а также, будучи выраженным в языке в виде высказываний, пропозициональное содержание дополняется логической и аксиологической валидностью, определяющей следующие условия выполнимости убеждений:

– «убеждение выполняется, если оно истинно, и не выполняется, если ложно» [14. С. 54];

– субъект сам «накладывает условия выполнения на сами условия выполнения путем утверждения, он берет на себя ответственность за то, чтобы эти условия были выполнены» [14. С. 201].

Что касается юридических исследований, то в них доминирует акцентирование нелингвистической природы внутреннего убеждения, которая обнаруживается в правосознании судьи (т.е. в профессиональных знаниях, адекватности понимания обстоятельств дела), в его нравственных принципах, уверенности в правильности выбранного решения, готовности нести ответственность за принятое судебное решение. Эти основания формирования убеждений указывают на общее для них смысловое пространство – область интенциональных состояний мыслительной деятельности судьи, направленной на объекты, фиксирующей положения дел и оценивающей их определенным образом.

Поскольку данная сторона деятельности судьи не подлежит внешнему контролю, то эта, по мнению оппонентов, оценка доказательств на основании внутренних убеждений создает условия для злоупотреблений, предвзятости, произвольных и непроизвольных судебных ошибок. Любопытно, что имеющиеся в распоря-

жении правоприменителей средства, предупреждающие возможность подобных нарушений, имеют лингвистическое происхождение и представлены в виде текстов. К таковым, например, относится судебская презумпция, выраженная в известных юридических максимах: «*legislator non praesumitur sibi ipsi contrarius*» («законодатель мыслит последовательно и впадает в противоречие сам с собой»), «*de fide et officio iudicis non recipitur quaestio sed de scientia, sive sit error juris, sive facti*» («добросовестность и честность судьи не подвергаются сомнению, но его знание права или фактов может оспариваться») и т.п. Кроме того, законодатель предписывает суду право производить определенные процессуальные действия «по усмотрению», «внутреннему убеждению» и «в случае необходимости» [7. С. 103], исходя из того, что имеется достаточное количество норм, закрепленных в правовых текстах. Их легитимность также основана на убеждении. В этом случае на убеждении в том, что у судьи не может быть собственного интереса, так как он выступает в суде исключительно как должностное лицо в пределах предоставленных государством полномочий, ограниченных требованиями, содержащимися в текстах нормативно-правовых актов.

Однако текстовые источники права сами по себе не могут служить надежными средствами защиты от недопустимых последствий реализации права судей на внутреннее убеждение. Их исходной предпосылкой является интенциональная позиция по отношению к познаваемому предмету, которая предшествует вербализации материатуры доказывания. То есть убеждение судьи включается в структуру целеполагания, а затем только «запускает» все стадии процедуры доказывания. При этом оценка обоснованности сформированного внутреннего убеждения, т.е. верификация этого процесса, возможна только постфактум, после того как судья представил доказательство в виде логически и нормативно выверенной системы высказываний. Поэтому так важно для понимания сущности внутренних убеждений судьи осмыслить содержание убеждений и намерений как таковых до и независимо от разного рода «историй» их использования в лингвистических выражениях [15. Р. 147]. Более того, стремление исключить негативные проявления внутренних убеждений с помощью нормативно-правовых текстов не только не продуктивны, но и чреваты подменой принципов свободной оценки и непредустановленности доказательств формальной их оценкой на основе норм права и искажения достоверности обстоятельств дела, устанавливаемых судом [8. С. 39].

Убеждения и утверждения. Условия выполнимости/допустимости внутреннего убеждения судьи

Различие между убеждениями и утверждениями состоит в том, что первые присутствуют в структуре утверждений как условие (намерение), процесс (обоснование) и результат (осмысленное высказывание). При этом убеждения относительно независимы от пра-

вил, регулирующих значения утверждений как речевых актов. Действительно, сформированная в процессе познания интенция гарантирует освоение одной или нескольких сторон предмета. А поскольку, как писал А. Райнах, «в связанной речи обсуждается сколь угодно много предметов любой степени сложности» [13. С. 108], то подразумевание фундирует утверждения, облаченные в языковое одеяние. В то время как убеждения, обусловленные представлениями, могут обходиться и без обозначения словами.

Следующее различие между убеждениями и утверждениями определяется тем, что они представляют собой взаимосвязанные⁶, но автономные стороны суждения. Специфика убеждений, по мнению А. Райнаха, состоит в том, что они сопряжены с предположениями, состояниями уверенности или сомнениями. Поэтому, в отличие от утверждений, убеждения не могут быть логически истинными или логически ложными, но могут оцениваться с точки зрения качества представляемого ими положения дел как позитивные и негативные. Экстраполируя это положение на проблему логической релевантности судебных доказательств, можно констатировать, что внутренние убеждения судьи могут быть основаниями для формирования истинных/ложных утверждений, но сами по себе, непосредственно не могут быть подвергнуты логической оценке.

Отсюда возникает вопрос: в какой мере внутреннее убеждение судьи соответствует законодательно утвержденным правилам оценки доказательств. Например, в ч. 1 ст. 88 УПК РФ указано, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела» [16]. Однако сомнение в безусловности этих предписаний вызывает тот факт, что в кодексах РФ отсутствуют критерии выполнимости внутренних убеждений. В частности, в ст. 75 УПК РФ в перечне недопустимых доказательств внутренние убеждения не упоминаются, но излагаются формальные и процедурные условия [17], при которых полученные доказательства признаются несоответствующими нормам процессуального права.

Поскольку при изложении процедурных норм внутренние убеждения не утверждаются и не отрицаются, то это подтверждает предположение о том, что, будучи интенциональными состояниями, они как таковые не подлежат логической и нормативно-правовой верификации. Однако они могут применяться в качестве критерия оценки доказательства, поскольку имманентно сопровождают процесс доказывания, а условия их выполнимости сопоставимы с условиями допустимости доказательства.

В том случае, если правоприменителем устанавливается несоответствие полученного доказательства требованиям закона, то это еще не означает, что доказательством будет автоматически признано недопустимым. Как поясняет Г.М. Резник, «смысл выражения «оценка по внутреннему убеждению» состоит в производстве оценки при отсутствии предустановленных правовых критериев. Не случайно закон употребляет термин «внутреннее убеждение» применительно к

оценке доказательств, но не содержит выражения «квалификация преступления по внутреннему убеждению» [18. С. 19]. Подчеркнем, что, принимая решение относительно допустимости выдвинутых судьей доказательств, правоприменитель также руководствуется внутренним убеждением, но не ставит под сомнение исходное судебское внутреннее убеждение.

Данное обстоятельство позволяет внести уточнения в представления об условиях выполнимости убеждений. Первое из них касается признания того, что ошибочные убеждения относятся к самим убеждениям, а не к внешним обстоятельствам. Как писал Дж. Серл, «соответствовать миру – это, так сказать, лежит на совести убеждения, и там, где соответствие утрачивается, я исправляю ситуацию, изменяя убеждение» [11. С. 187]. Другими словами, в отличие от речевых актов (утверждений) относительно убеждений не утверждается, что они «соответствуют независимо существующей реальности, скорее, предполагается, что они влекут за собой изменения в мире таким образом, что мир соответствует речевому акту; и в той степени, в которой они это делают, мы не говорим, что они являются истинными или ложными, но, скорее, говорим, что они выполнены или не выполнены, исполнены, согласованы, поддержаны или отвергнуты» [11. С. 186–187].

Второе уточнение содержится в тезисе К.-О. Апеля о том, что, если условия выполнимости не интерпретируются и не ставятся под сомнение, имеет место зависимость пропозиционального значения утверждения от интенционального содержания убеждения. В тех же случаях, когда требуется intersubjective обоснованность интенционального содержания убеждения, а условия выполнимости предполагают интерпретацию, проявляется зависимость интенциональности сознания от априорности языка [12. С. 215–216]. Другими словами, если обуславливающие коммуникацию логические, грамматические, семантические структуры языка и правила их использования выполняют функции репрезентации и интерпретации сложившихся положений дел, то эти структуры являются факторами, обеспечивающими условия выполнимости убеждений и истинности утверждений. Как следствие, «...истинное утверждение как общезначимое утверждение не только определяет условия “направления соответствия от слова к миру”, но, помимо этого, условие социального признания, которое не ограничено в принципе. Основываясь на этом утверждении и по потребности мобилизуя его причины, приобретает социальное одобрение высказывания убеждения как приемлемой информации» [12. С. 220–221].

Следующее уточнение связано с позицией субъекта, обеспечивающего комплементарную конфигурацию убеждений и условий их выполнения посредством публичных высказываний. Такая позиция обеспечивает сопряжение убеждений, речевых актов и ответственности, а также создает предпосылки для закрепления за убеждениями положительных коннотаций (истинные, справедливые и др.)⁷. Если следовать логике Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля, то в самой структуре речевых актов содержатся предпосылки этих коннотаций в виде основных измерений «речевой значимости»

убеждений: 1) истинность, 2) субъективно-экспрессивная правдивость, 3) моральная правдивость, 4) претензия на осмысленность или запрет бессмыслицы [19. С. 15–16]. Поскольку эти измерения выполняют функцию универсальных ценностных ориентиров, то создают основания для консенсуса в актуальном аргументационном сообществе. Как утверждал К.-О. Апель, логическая аргументация девальвируется без взаимного признания личностей как субъектов логической аргументации, что, в свою очередь, предполагает дополнение монологического следования нормам диалогической экспликации их смысла и проверку их значимости [20. С. 303–304].

Четвертое уточнение условий выполнимости убеждений связано с «невозможностью мышления в одиночестве». Это объясняется тем, что «тот, кто “только один”, не может ни следовать правилу, ни в рамках некоего “приватного языка” наделять свое мышление значимостью; более того, все эти процессы принципиально публичны» [20. С. 301]. Поэтому в индивидуальном интенциональном состоянии всегда обнаружатся элементы коллективной интенциональности. Что касается публичности убеждений, то она обеспечивается присущей им репрезентативностью. Последняя проявляется в том, что представляемое в убеждении положение дел переносится на пропозициональное содержание утверждений. Если репрезентируемое положение дел в убеждении и утверждении совпадает, то реализуется условие выполнимости первого, а утверждение признается обоснованным. То есть убеждения как «интенциональные состояния репрезентируют свои различные условия выполнимости в том же самом смысле, в котором свои условия выполнимости репрезентируют речевые акты» [11. С. 190–191].

Пятое уточнение условий выполнимости убеждений связано с реализацией коллективных убеждений, формируемых в результате конституирования коллективной интенциональности. Как отмечает Дж. Серл [21. Р. 139], «коллективная интенциональность проявляется в совместных формах поведения, которые мы категориально описываем не как случаи, когда я делаю что-либо или вы делаете что-либо, а когда мы делаем что-либо вместе» (цит. по: [22. С. 19]). Она позволяет группам людей создавать общие институциональные факты и приписывать объектам «такие функции, которых эти объекты не могли бы выполнять сами по себе в силу одной своей структуры, но выполняют благодаря коллективному признанию их определенного статуса, а с этим статусом и специфических функций» [14. С. 75].

Данное утверждение Дж. Серла справедливо и в отношении судейского внутреннего убеждения. Действительно, в его основании лежит конфигурация индивидуальной и коллективной интенциональностей, которая и обеспечивает включение конвенционально понимаемых фактов и объектов в содержание доказательства по своему внутреннему убеждению. На ментальном уровне она выполняет функцию «иммунитета» против конфликтов интересов и идеологических преград, которые присущи даже тем, «кто достиг пол-

ного понимания морального принципа, именно поэтому “просто так” не могут стать членами неограниченного общества равноправных партнеров по коммуникации, а остаются привязанными к собственной реальной общественной позиции и ситуации» [20. С. 327].

Шестое уточнение касается аксиологического измерения внутренних убеждений. Как писал Л.Е. Владимиров, «внутреннее убеждение как мерило уголовно-судебной достоверности означает, что последняя обыкновенно есть только нравственная очевидность, то есть та высокая степень вероятности, при которой благоразумный человек считает уже возможным действовать в случаях, когда судьба собственных и самых высших его интересов зависит от решения вопроса о достоверности фактов, обуславливающих самый акт решимости» [23. С. 47]. Такая же трактовка внутренних убеждений содержится во всех действующих кодексах РФ, в которых совесть, в равной степени с законом, признается основанием оценки доказательств.

Совесть, в свою очередь, имплицитно ответственность и долг в качестве их аксиологических оснований, что позволяет определить ее как необходимое условие, обеспечивающее независимость и свободу выражения внутреннего убеждения и обуславливающее справедливость судебного решения. В этой связи значимым представляется предложение К.-О. Апеля об актуализации этики аргументации, которая должна стать условием оправдания отдельных мнений и обрести статус свода требований для всех членов аргументационного сообщества. Для этого, с точки зрения Апеля, необходимо, «во-первых, разработать метод моральной дискуссии (и вообще практического “обсуждения”), а во-вторых, институционализировать этот метод в конечных, политико-юридических условиях» [20. С. 327]. А так как институционализация метода моральной дискуссии будет проходить в конкретно-исторических условиях, чреватых конфликтами интересов, то всем участникам аргументационного сообщества следует принять «два основополагающих регулятивных принципа для долгосрочной моральной стратегии поведения каждого человека. Во-первых, во всем его поведении речь должна идти о том, чтобы обеспечить выживание рода человеческого как реального коммуникативного сообщества, во-вторых, – о том, чтобы воплотить в реальном коммуникативном сообществе идеальное» [20. С. 327].

Предложения К.-О. Апеля задают аксиологическое направление поиска ответов на вопросы, касающиеся условий выполнимости внутренних убеждений, а также условий недопущения произвола и предвзятости при оценке доказательств. Кроме того, их значение становится более очевидным, если учитывать тот факт, что в современном мире процессы гуманизации права происходят в условиях глобальных трансформаций и угроз. В этой ситуации как никогда становится актуальным тезис Апеля о том, что «релевантным является не тот кантовский аргумент, что даже дьяволы, которые в состоянии поль-

зоваться своим рассудком, могут вести себя принципиально “сообразно долгу”, но тот аргумент, что даже дьяволы должны вести себя сообразно долгу, если они хотят стать причастными истине» [20. С. 306].

Подводя итоги исследования внутренних убеждений судьи, можно утверждать, что концептуальные идеи феноменологического учения о негативном суждении А. Райнаха, трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля и трансцендентальной семантики Дж. Серля имеют как теоретическое, так и практическое значение. В частности, во-первых, они позволили доказать, что внутренние убеждения имеют онто-гносеологические основания в изначально независимых структурах сознания и языка и представляют собой результат их конфигурации. Во-вторых, исходя из того, что убеждения фундированы и сопровождают процесс познания, необходимо выявлять и исследовать меняющееся состояние этой конфигурации на каждом его этапе. В-третьих, изначально внутреннее убеждение представляет собой интенциональное состояние, которое на следующем этапе включается в целеполагание процесса доказывания.

Затем на основе образовавшейся между ними содержательно-генетической связи конституируется значимость внутренних убеждений, позволяющая определить их в качестве критерия оценки доказательств. Таким образом, внутренние убеждения предшествуют процедурам доказывания и включены в них в качестве интенционального условия и критерия его оценки. Однако выполнимость убеждений может быть оценена только после того, как они оказываются выраженными в виде утверждений. В-четвертых, выявленное Дж. Серлем и К.-О. Апелем аксиологическое измерение убеждений открывает новое направление изучения судейского права – исследование субъектности судей, понимаемой как система идентифицирующих характеристик (дескрипторов) субъектов права [24]. Кроме того, основываясь на тезисе представителей трансцендентальной философии о том, что убеждения меняют мир, можно полагать, что дальнейшее изучение внутренних убеждений внесет существенный вклад в совершенствование судебной системы в части концепции процессуального права.

Примечания

¹ Содержание ст. 84 КАС РФ совпадает с содержанием ст. 67 ГПК РФ [2].

² «УПК РФ. Статья 17. Свобода оценки доказательств. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [3].

³ См. примеры правовых коллизий и анализ различных точек зрения на решение проблемы злоупотребления правом свободной оценки доказательств в следующих работах: [4. С. 119–122; 5. С. 8–14; 6. С. 107–116; 7. С. 111–118].

⁴ См. обзор истории конституирования понятия внутреннего убеждения судьи и анализ имеющихся его определений [5; 7. С. 101–108].

⁵ Под интенциональными состояниями Дж. Серл понимал ментальные состояния, направленные на объекты и положения дел в мире. В этом смысле, если убеждение является интенциональным состоянием, «оно должно быть убеждением в том, что то-то и то-то имеет место» [11. С. 184].

⁶ «Невозможно утверждение, не сопровождающееся лежащим в его основании убеждением, причем и убеждение, и утверждение относятся к чему-то строго тождественному. Напротив, вовсе не необходимо, чтобы *каждое* убеждение фундировало некоторое утверждение, и вовсе исключено, чтобы в основании убеждения лежало утверждение» [13. С. 101].

⁷ Вероятно, по этой причине в английском языке вера и убеждения обозначаются одним термином – «belief».

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ. Статья 67. Оценка доказательств // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.08.2023).
2. Кодекс административного судопроизводства РФ. Статья 84. Оценка доказательств // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 15.08.2023).
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Статья 17. Свобода оценки доказательств // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.08.2023).
4. Белоковильский М.С. Распространяется ли принцип внутреннего убеждения на оценку допустимости доказательств в российском уголовном судопроизводстве? // Современное право. 2009. № 3. С. 119–122.
5. Косых А.А. Интеллектуальная составляющая внутреннего убеждения правоприменителя: вопросы теории и практики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 8–14.
6. Корнакова С.В. Усмотрение как результат формирования внутреннего убеждения судьи // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 5. С. 107–116.
7. Машинникова Н.О. Усмотрение суда при рассмотрении уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск : Ульянов. гос. ун-т, 2021. 301 с.
8. Телятников В.И. Убеждение судьи. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 329 с.
9. Левин Г.Д. Убеждение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. Касавин И.Т. М. : «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1007–1008.
10. Ситникова Е.И. К.-О. Апель об онтологических проблемах языка // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4. С. 45–49.
11. Серл Дж. Что такое интенциональное состояние / пер. с англ. В.А. Ладова // Язык, истина, существование / сост. В.А. Суровцев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 184–203.
12. Апель К.-О. Лингвистическое значение и интенциональность: соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики // Язык, истина, существование / сост. В.А. Суровцев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 204–224.

13. Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Райнах А. Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 95–152.
14. Серль Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
15. Brandom R. Making it explicit: reasoning, representing, and discursive commitment. Harvard : First Harvard University Press paperback edition, 1998. 772 p.
16. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Статья 88. Правила оценки доказательств // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.08.2023).
17. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Статья 75. Недопустимые доказательства // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.08.2023).
18. Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М. : Юридическая литература, 1997. 118 с.
19. Apel K.-O. Transzendente Reflexion und Geschichte Herausgegeben und mit einem Nachwort von Smail Rapic. Berlin : Suhrkamp Verlag, 2017. 369 s.
20. Апел К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001. 344 с.
21. Searle J.R. Consciousness and Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 269 p.
22. Никоненко С.В. Интенциональность: американская точка зрения // HORIZON. 2017. № 6 (1). С. 9–44.
23. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. 464 с.
24. Пантыкина М.И. Понятие «субъект права»: опыт феноменологического переосмысления // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 81–91. doi: 10.17223/15617793/453/10

References

1. Consultant Plus. (2023) *Civil Procedure Code of the Russian Federation. Article 67. Evaluation of evidence*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Accessed: 15.08.2023). (In Russian).
2. Consultant Plus. (2023) *Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. Article 84. Evaluation of evidence*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (Accessed: 15.08.2023). (In Russian).
3. Consultant Plus. (2023) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Article 17. Freedom to evaluate evidence*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Accessed: 15.08.2023). (In Russian).
4. Belokovyl'skiy, M.S. (2009) Rasprostranyaetsya li printsip vnutrennego ubezhdeniya na otsenku dopustimosti dokazatel'stv v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve? [Does the principle of internal conviction apply to assessing the admissibility of evidence in Russian criminal proceedings?]. *Sovremennoe pravo*. 3. pp. 119–122.
5. Kosykh, A.A. (2022) Intellektual'naya sostavlyayushchaya vnutrennego ubezhdeniya pravoprimenatelya: voprosy teorii i praktiki [The intellectual component of the internal conviction of the law enforcement officer: issues of theory and practice]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 4 (64). pp. 8–14.
6. Kornakova, S.V. (2022) Usmotrenie kak rezul'tat formirovaniya vnutrennego ubezhdeniya sud'i [Discretion as a result of the formation of a judge's inner conviction]. *Lex Russica*. 75 (5). pp. 107–116.
7. Mashinnikova, N.O. (2021) *Usmotrenie suda pri rassmotrenii ugolovnykh del pri soglasii obvinяемого s pred'yavlennym emu obvineniem* [The discretion of the court when considering criminal cases when the accused agrees with the charge brought against him]. Law Cand. Diss. Ulyanovsk.
8. Telyatnikov, V.I. (2004) *Ubezhdenie sud'i* [The judge's conviction]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
9. Levin, G.D. (2009) Ubezhdenie [Conviction]. In: Kasavin, I.T. (ed.) *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: "Kanon+"; ROOI "Reabilitatsiya". pp. 1007–1008.
10. Sitnikova, E.I. (2008) K.-O. Apel' ob ontologicheskikh problemakh yazyka [K.-O. Apel about ontological problems of language]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 45–49.
11. Searle, J. (2002) Chto takoe intentsional'noe sostoyanie [What is an intentional state]. Translated from English by V.A. Ladov. In: Surovtsev, V.A. *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, truth, existence]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 184–203.
12. Apel, K.-O. (2002) Linguistic Meaning and Intentionality: The Relationship of the a Priori of Language and the a Priori of Consciousness in Light of a Transcendental Semiotic or a Linguistic Pragmatic. In: Surovtsev, V.A. *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, truth, existence]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 204–224. (In Russian).
13. Raynakh, A. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 95–152.
14. Searle, J. (2004) *Ratsional'nost' v deystvii* [Rationality in action]. Translated from English by A. Kolodiy, E. Rumiyanseva. Moscow: Progress-Traditsiya.
15. Brandom, R. (1998) *Making it explicit: reasoning, representing, and discursive commitment*. Harvard: First Harvard University Press.
16. Consultant Plus. (2023) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Article 88. Rules for assessing evidence*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Accessed: 15.08.2023). (In Russian).
17. Consultant Plus. (2023) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Article 75. Inadmissible evidence*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Accessed: 15.08.2023). (In Russian).
18. Reznik, G.M. (1997) *Vnutrennee ubezhdenie pri otsenke dokazatel'stv* [Inner conviction when evaluating evidence]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
19. Apel, K.-O. (2017) *Transzendente Reflexion und Geschichte Herausgegeben und mit einem Nachwort von Smail Rapic*. Berlin: Suhrkamp Verlag.
20. Apel, K.-O. (2001) *Transformatsiya filosofii* [Transformation of philosophy]. Moscow: Logos.
21. Searle, J.R. (2002) *Consciousness and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Nikonenko, S.V. (2017) Intentsional'nost': amerikanskaya tochka zreniya [Intentionality: an American point of view]. *HORIZON*. 6 (1). pp. 9–44.
23. Vladimirov, L.E. (2000) *Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh* [The doctrine of criminal evidence]. Tula: Avtograf.
24. Pantykina, M.I. (2020) The Concept "Subject of Law": An Attempt of a Phenomenological Rethinking. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 453. pp. 81–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/453/10

Информация об авторе:

Пантыкина М.И. – д-р филос. наук, руководитель по научно-образовательной деятельности гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия). E-mail: pantykina@tltu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.I. Pantykina, Dr. Sci. (Philosophy), head for research and education, Humanitarian and Pedagogical Institute, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: pantikina@tltsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.09.2023;
одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 23.09.2023;
approved after reviewing 28.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316
doi: 10.17223/15617793/495/8

Факторы и механизмы радикализации мусульманских сообществ (на примере мусульманских сообществ России)

Дмитрий Олегович Труфанов¹, Василь Тимерьянович Сакаев²

¹*Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, dtrufanov@sfu-kras.ru*

²*Российский государственный аграрный университет-МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия
sakaev2003@mail.ru*

Аннотация. Представлен опыт анализа и обобщения факторов и механизмов радикализации тюрко-мусульманских сообществ в современной России. Авторами представлены основные результаты масштабного социологического исследования, проведенного в 2020–2021 гг. в восьми регионах Приволжского, Уральского и Южного федеральных округов. Полученные данные опираются на материалы количественных и качественных методов исследования (анкетирование, экспертные опросы, глубинные интервью) и расширяют существующие в научной литературе представления о факторах и механизмах радикализации мусульман.

Ключевые слова: радикализм, социология радикализации, мусульманские сообщества, факторы радикализации, механизмы радикализации, модель факторов радикализации

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31642.

Для цитирования: Труфанов Д.О., Сакаев В.Т. Факторы и механизмы радикализации мусульманских сообществ (на примере мусульманских сообществ России) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 79–91. doi: 10.17223/15617793/495/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/8

Factors and mechanisms of Muslim communities' radicalization (on the example of Muslim communities in Russia)

Dmitry O. Trufanov¹, Vasil T. Sakaev²

¹*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, dtrufanov@sfu-kras.ru*

²*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation, sakaev2003@mail.ru*

Abstract. The article presents the experience of analyzing and summarizing factors and approaches to determining the mechanisms of radicalization of Turkic-Muslim communities in modern Russia. The article aims to identify and describe the most significant factors of radicalization, as well as to present the authors' vision of the studied communities' radicalization mechanisms based on the materials of the research. Muslim communities of the indigenous Turkic peoples of Russia (Tatars, Bashkirs, Kazakhs, Nogais, Crimean Tatars, et al.) were identified as the subject of the study. The work is based on the materials of a large-scale sociological study conducted in 2020–2021 in eight regions of the Volga, Ural, and Southern federal districts (except for the republics of the North Caucasus). The study included both qualitative and quantitative methods (questionnaire, expert survey, in-depth interview, content analysis of thematic groups in social networks and messengers). The respondents were: representatives of public organizations, employees of state bodies responsible for policy in the field of interethnic and interfaith relations, Islamic scholars, imams, employees of regional muftiyats, teachers of Islamic religious educational institutions, believers and secular Muslims. The first phase of the study analyzed the existing approaches in the literature to determine different groups of radicalization factors to determine the theoretical framework of the study. Further, the existing theoretical framework was correlated with the results obtained by the authors during the field phase of the study. At the final stage, conclusions were drawn on the most significant factors of radicalization of Muslim communities and the trends in the development of these processes at the current stage, in relation to the regions studied. In addition, the authors' approach to understanding the mechanisms of radicalization was formulated, which is based on three stages. As the basis of the mechanism of radicalization are identity conflicts that run along two main lines – the conflict between ethno-religious and national

(civil) identities and conflicts between different ethno-confessional identities within the Muslim community. Although the main risks of radicalization are, according to the authors' vision, related to religious and ethnic factors, nevertheless, political factors that can act as triggers of radicalization are also important. The findings broaden the literature's understanding of the factors and mechanisms of Muslim radicalization in the Russian Federation.

Keywords: radicalism, sociology of radicalization, Muslim communities, factors of radicalization, mechanisms of radicalization, model of radicalization factors

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Sociological Research, Project No. 20-011-31642.

For citation: Trufanov, D.O. & Sakaev, V.T. (2023) Factors and mechanisms of Muslim communities' radicalization (on the example of Muslim communities in Russia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 79–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/8

Введение

Радикализация мусульманских сообществ – неизменно актуальная тема исследований в России и за рубежом. Особую актуальность она приобретает для полиэтнических и многоконфессиональных социумов, необходимым условием нормального функционирования которых выступает высокий уровень гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений. Радикализация мусульман в таких социумах может стать серьезной дисфункцией, порождающей масштабные социальные деформации.

Содержание понятий «радикализм» и «радикализация» широко дискутируется в научной литературе. Под радикализмом понимают идеологию, нацеленную на коренное преобразование существующего социального порядка, а также тип деятельности, использующий решительные, крайние, в том числе насильственные действия для достижения индивидуальных или групповых интересов [1]. Выделяют конструктивную и деструктивную формы радикализма, первая из которых ассоциируется с прогрессивной деятельностью, нацеленной на развитие существующих социальных конструкций, вторая связывается с попытками утверждения прежних социальных норм и отношений, выражающих традиционные, зачастую архаичные идентичности социальных групп [2]. В ряде зарубежных исследований описанную вторую форму радикализма, предложенную М.Я. Яхьяевым, обозначают термином «экстремизм» [3]. При этом, «радикализм» и «экстремизм» имеют четко выраженные различия как в идеологическом отношении, так и в вопросе отношения к насилию как средству борьбы [4]. Религиозно-политический радикализм, к которому следует относить радикализм мусульманских сообществ, в основном рассматривается отечественными исследователями как репрезентация деструктивной формы радикализма [5], среди зарубежных исследователей нередко используют термин «насильственная радикализация» [6] или «радикализация в насильственный экстремизм» [7]. Такой акцент обусловлен тем обстоятельством, что религиозно-политический радикализм, как правило, нацелен на утверждение традиционных религиозных и этнических идентичностей мусульман, а его проявления во многих случаях способствуют углублению социальных противоречий и формированию рисков для развития современных обществ.

Некоторые концепции рассматривают радикализацию как процесс, в ходе которого индивиды становятся приверженцами экстремистских и фундаменталистских идеологий и приобретают мотивацию к совершению насильственных действий [8, 9], сторонники другого подхода связывают радикализацию с распространением идей, отличных от существующих в обществе мейнстрима, подчеркивая принципиальные отличия радикализма и экстремизма [3]. Причем далеко не всегда процесс радикализации завершается «радикализацией в насильственный экстремизм» [4]. Содержание же этого процесса подвергается изучению с детерминистских позиций, предполагающих наличие определенных причинно-следственных связей, которые формируют приверженность индивидов радикальным взглядам и действиям. В контексте такого подхода осуществляется постановка вопроса о факторах и механизмах радикализации, их связи и взаимной обусловленности.

В научной литературе представлены различные точки зрения в отношении факторов радикализации мусульманских сообществ. Выделяется точка зрения, что существуют общие факторы радикализации мусульман, влияние которых прослеживается в различных кейсах. Факторы могут быть классифицированы на политические, экономические, социальные, идеологические, психологические, демографические и ряд других. Наряду с этим есть точка зрения, что универсальной суммы факторов, раскрывающей общие закономерности процесса радикализации мусульманских сообществ, не существует и в каждом случае этот процесс могут обуславливать разные факторы, «которые могут сочетаться самым непредсказуемым образом» [13]. Мы не ставим перед собой цель выяснения истинности одной или другой из этих позиций, существует достаточно аргументов в защиту каждой из них. Но мы исходим из методологического требования, что эмпирическому исследованию должны предшествовать детальный теоретический анализ предмета исследования и выделение основных характеристик, раскрывающих его свойства. В связи с этим в начале исследования мы должны на уровне гипотезы задать определенную теоретическую модель изучаемого явления, на основе которой будет построено его эмпирическое изучение.

Наша исследовательская позиция состоит в допущении, что существуют общие закономерности процесса радикализации мусульманских сообществ. Их

существование выражается в виде действия ряда универсальных факторов, способствующих данному процессу и проявляющихся в различных случаях и локациях. Вместе с тем следует ожидать, что в каждом кейсе радикализации может иметь место уникальная конфигурация факторов радикализации, обусловленная его особенностями. Таким образом, эмпирический этап исследования предвзят серией гипотез об общих факторах радикализации мусульманских сообществ, объединенных в исходную теоретическую модель предмета исследования. В то же время теоретическая модель содержит гипотезу об особенностях факторов радикализации мусульманских сообществ в различных регионах и открыта для их анализа.

Далее кратко представлены основные факторы радикализации мусульманских сообществ, включенные в предварительную теоретическую модель предмета исследования. Каждый тип факторов выделен на основании гипотезы о его влиянии на процесс радикализации. Ясно, что различные факторы зачастую имеют тесную связь друг с другом и оказывают взаимное влияние. Это диктует необходимость их системного рассмотрения как определенной целостности. Тем не менее, на этапе определения и анализа данных факторов, целесообразно отдельно выделить каждый фактор и дать его характеристику.

Политические факторы. В отношении влияния данного типа факторов на процесс радикализации мусульманских сообществ среди исследователей нет единства мнений. Тем не менее большинство авторов обсуждают политические факторы как одну из детерминант процесса радикализации мусульман, а исламский радикализм рассматривается как способ воздействия на социально-политические процессы [5, 10–12]. Общим местом в различных обсуждениях выступает точка зрения, что в регионах, где мусульмане составляют значительную часть жителей, их сообщества приобретают влияние и встраиваются в процесс политической коммуникации на различных уровнях регионального социума. Общая цель политического поведения мусульман и их сообществ – достижение возможностей доступа к экономическим и социальным благам, реализация своей культуры, образа реальности и соответствующих им моделей поведения. Радикализация, как правило, становится следствием естественной или сконструированной фрустрации, вызванной политическими установлениями и практиками, препятствующими осуществлению значимых интересов мусульманских сообществ.

Как свидетельствуют выводы исследователей, такими препятствиями могут выступать низкое качество государственного управления (коррупция, резкие и непродуманные политические решения) и дефицит демократических процедур [13], конфликтное отношение мусульман к политическим нормам и практике светского государственного устройства [2], диспропорция в полномочиях национальных республик и федерального центра [14], неприятие либеральной идеологии политических элит. Наряду с этим политическими факторами радикализации мусульманских сообществ мо-

гут служить принимаемые властью решения, ограничивающие возможности реализации религиозно-этнической, культурной идентичности мусульман, а также отсутствие или ограниченность доступа крупных мусульманских сообществ к процессу принятия политических решений в регионах.

Социально-экономические факторы радикализации связаны с проблемой доступа представителей мусульманских сообществ к материальным благам, экономической депривацией и неравенством возможностей для достижения материального благополучия. Так, распространению радикальных идей и настроений среди мусульман могут способствовать бедность, нищета, неустроенность, безработица среди молодежи, отсутствие перспектив для молодого поколения [15], негативная социально-экономическая ситуация в регионе и отсутствие институциональных социальных лифтов для самореализации молодежи [16], социальное неравенство в широком контексте [14]. При этом существует достаточно фактов, когда членами радикальных групп становились экономически благополучные мусульмане, что ставит под сомнение гипотезу о влиянии низкого уровня доходов на склонность индивида поддерживать насильственный экстремизм [13]. «Тем не менее, социальное неравенство, которое видится сквозь призму несправедливого распределения благ, результат поддерживаемых государством хищнических практик и коррупции, может сильно способствовать радикализации» [13]. На наш взгляд, то обстоятельство, что членами радикальных групп становятся в том числе материально обеспеченные мусульмане, не отменяет связи между экономической депривацией и склонностью индивида поддерживать радикальные идеи и практики. Но оно показывает, что такая связь не является абсолютной и позволяет объяснить только часть наблюдаемых случаев радикализации.

Миграционные факторы радикализации обусловлены прибытием в региональный социум мигрантов-мусульман. В обществах, для которых прибывшие мигранты из мусульманских стран выступают инокультурными элементами, формируется миграционное пространство – особое поле в социальном пространстве региона [17]. В нем актуализируются риски, способные оказывать влияние на склонность мусульман к радикальным идеям и действиям: повышение уровня конкурентных отношений по поводу дефицитных ресурсов между мигрантами и группами принимающего общества, появление мест компактного проживания прибывающих на территорию мигрантов, низкий уровень профессиональной квалификации, социальных и личностных компетенций части мигрантов, увеличение социальной дистанции и конфликтный характер отношений иностранных мигрантов с принимающим социумом [18]. Наряду с этим исследователи отмечают, что миграционные потоки из мусульманских стран могут служить каналом трафика преступности и радикальных идеологий [19], «формируют “анклавную” среду обитания», следствием чего становится криминализация и религиозно-политическая радика-

лизация некоторой части мигрантов [12], способствуют росту террористической активности [20], усиливают этническую конкуренцию за ресурсы [21].

Этнические и религиозные факторы. Фактор этнической принадлежности мусульман зачастую проявляется в контексте отношений мусульманских сообществ с другими группами населения в регионах России с большой долей немусульманского населения. Как показывают исследования, в массовом сознании взрослого населения таких регионов мусульмане зачастую ассоциированы с представителями стран Закавказья и Средней Азии, которые нередко подвергаются стигматизации как приверженцы радикальных идей и действий, носители иных ценностей и моделей поведения. Существенную роль в этом играет контент средств массовой информации и интернет-источников, способствующий увеличению социальной дистанции по отношению к ним путем явного или латентного формирования негативного их образа. В такой стигматизации тесно связаны этнический и религиозный факторы, что способствует распространению исламофобии среди населения. Исследования свидетельствуют, что признаки исламофобии проявляются на уровне повседневных социальных контактов [22].

Другой аспект, связанный с этническим фактором, – тенденция этнизации ислама и формирования противоречий между различными этническими группами в связи с их восприятием норм и практик исламской религии [23].

Религиозная принадлежность мусульман как фактор радикализации способствует своего рода «удвоению» реальности – появлению различий образа мира и места в нем человека, заданных исламской религией и нормами современного светского общества. Обобщая выводы исследователей, можно сказать, что приверженность мусульман радикальным идеям и практикам формируется как ответ на препятствия для осуществления образа жизни, социального поведения, отвечающего установлениям исламской религии [15]. Наряду с этим отмечается существование комплекса внутренних богословских предпосылок возникновения исламского радикализма, связанных с различными версиями и трактовками религиозных текстов мусульманами [24].

Социально-психологические факторы радикализации мусульман связаны с процессом формирования мотивации к позитивному восприятию радикальных идей и действий в персональной реальности индивидов. Этот процесс осуществляется в ходе коммуникации в малых группах, где культивируется радикальная идеология [13]. В процессе такой коммуникации мусульманин присваивает радикальные взгляды и ориентации, приобретает идентичность с группой и групповыми нормами поведения. Исследователи приходят к выводу, что причиной присоединения индивида к радикальным группам выступает неудовлетворенная потребность в социальной идентичности [25, 26]. Присоединенный к нормам и ценностям группы индивид демонстрирует высокий уровень готовности воплощать их в своем поведении [27]. Поиск альтернативной

групповой идентичности также может быть обусловлен конфликтом идентичностей, который выглядит как ситуация аномии для индивида. Так, аномическую ситуацию для мусульманской молодежи может создавать конфликт с родительским поколением, более придерживающимся традиционных норм исламской религии и культуры, а также конфликт с образами идентичности современной городской молодежи с ее доступом к развлечениям, более свободными ценностями и поведением [28].

Наряду с этим среди социально-психологических факторов радикализации исследователи называют деформирующее воздействие на индивида в родительской семье, переживание кризисных ситуаций в сферах межличностных отношений, профессиональной и личностной самореализации, в сфере здоровья [29], личностные кризисы и психологическую предрасположенность к радикальным действиям [9].

Идеологические факторы выражены в существовании религиозных и социально-политических версий и конструкций, сформированных вокруг исламского вероучения. Таковы идеологии «чистого ислама» [30], радикального салафизма [12], «исламского государства», «возрождения ислама», фундаменталистская концепция джихада [23], другие фундаменталистские идеологии, в основе которых лежат различные трактовки установлений исламской религии. Как правило, подобные идеологические конструкции содержат выраженный радикальный компонент и предусматривают жесткие действия в отношении своих идеологических оппонентов. Вовлечение мусульман в число сторонников таких идеологий расширяет круг приверженцев радикальных идей и действий.

Информационные факторы. К ним относятся актуальные каналы трансляции негативных сообщений, связанных с мусульманскими сообществами и исламской религией, а также распространение фундаменталистских радикальных идеологий. К этой группе факторов, прежде всего, относится сеть Интернет – «бесплатная площадка для радикализации» [25]. Различные интернет-каналы (сайты, социальные сети, форумы и т.д.) могут использоваться для распространения радикальных идеологий, соответствующих им образов реальности и рекрутинга их приверженцев [12, 31–33]. Также к этой группе факторов следует отнести средства массовой информации, которые явно или косвенно используют «язык вражды», способствующий формированию негативного образа исламской религии, мусульманских сообществ и мигрантов из мусульманских стран.

Социально-демографические факторы связаны с незавершенностью процесса демографического перехода, в результате чего демографические процессы в мусульманской среде в России приобретают специфические характеристики (растущая численность населения, относительно высокая доля молодежи, миграционный потенциал, специфика урбанизационных процессов и т.д.) [34, 35]. Это приводит к росту демографического давления за счет увеличения численности молодых возрастных когорт и повышению конкурен-

ции за экономические, социальные и политические ресурсы и возможности. Следствием данного процесса становится рост уровня социальной и экономической депривации в молодежной среде, что сопровождается ростом активности миграционных процессов. В результате наблюдается рост численности маргинализированной части исламской молодежи, пополняющей социальную базу радикального исламизма [12].

Чрезмерный и необоснованный прессинг со стороны правоохранительных органов в ходе борьбы с экстремистским подпольем, в некоторых случаях осуществляемый с грубым нарушением прав человека и применением жестких мер, также выделяется как один из значимых факторов радикализации применительно к ситуации на Северном Кавказе [14].

Таковы основные группы факторов радикализации мусульманских сообществ, представленные в исследованиях современных авторов. Каждая группа может вмещать более широкую разновидность проявления данных факторов, для экспликации которых требуется более свободный формат, не ограниченный объемом статьи.

На основании анализа указанных групп факторов нами сформулированы эмпирические индикаторы для изучения основных детерминант радикализации мусульманских сообществ в регионах России. В основе каждого индикатора лежит рабочая гипотеза о влиянии представляемого индикатором фактора на процесс радикализации мусульманских сообществ. В ходе проведенного исследования индикаторы, включенные в предварительную модель, подвергались верификации на основе собранного эмпирического материала. Сбор данных осуществлен в октябре 2020 – феврале 2021 г. при поддержке гранта РФФИ и ЭИСИ «Риски радикализации коренных мусульманских сообществ в поликонфессиональном регионе России: факторы, закономерности, механизмы». В число реперных регионов для сбора эмпирической информации вошли Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Республика Крым, Астраханская область, Челябинская область, Нижегородская область, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ.

Методы

В указанных регионах реализованы следующие методы сбора данных:

– Экспертный опрос трех целевых выборок: 1) представителей общественных организаций и государственных структур, занимающихся вопросами межнациональных отношений; 2) ученых, специализирующихся на изучении различных процессов в мусульманских общинах региона; 3) имамов и сотрудников региональных муфтиятов и преподавателей религиозных учебных заведений. Общее число опрошенных экспертов – 59.

– Серия глубинных интервью с представителями мусульманских общин из числа тюрко-мусульман (коренные этнические группы, проживающие в регионе). Половина опрошенных респондентов представляют

практикующих мусульман, половина – светских мусульман, имеющих определенный вес или авторитет в региональном социуме. Общее число опрошенных – 41 респондент.

– Анкетирование государственных и муниципальных служащих, ответственных за профилактику экстремизма и терроризма в трех регионах. Общее число опрошенных – 151 респондент.

Наряду с этим использован метод дискурс-анализа социальных сетей, проанализирован контент сетей и мессенджеров Telegram, «ВКонтакте», Instagram, Facebook, YouTube за период с 1 октября по 31 декабря 2020 г. Всего подвергнуто анализу 13 виртуальных групп, каналов, сообществ, 8 личных страниц лидеров общественного мнения, представляющих мусульманские сообщества, более 1 200 публикаций. В ходе анализа выявлено 498 сюжетов, отвечающих критериям отбора единиц анализа. Полученные данные обработаны методами количественного и качественного контент-анализа.

Результаты и обсуждение

В результате обобщения полученных данных определены основные факторы, оказывающие влияние на процесс радикализации мусульманских сообществ в изучаемых регионах России в настоящее время.

Наиболее активными во всех изученных регионах выступают религиозные и этнические факторы, способствующие радикализации мусульманских сообществ. В регионах отмечается рост религиозной идентичности мусульман и уровня их приверженности религиозным и религиозно-культурным практикам. Это выражается в увеличении числа прихожан в мечетях, расширении «халяльной» индустрии (рост спроса на соответствующие товары и услуги), финансовой и инфраструктурной обеспеченности приходов. Эксперты отмечают, что этот рост во многом обусловлен конфликтом между религиозно-этнической и гражданской идентичностью представителей мусульманских сообществ: государственная политика укрепления гражданской идентичности обнаруживает своего рода латентную функцию – актуализацию альтернативных идентичностей в некоторых мусульманских общностях. Одним из медиаторов такого конфликта выступают групповые мнения мусульман об ассоциированности деятельности официальных мусульманских лидеров с интересами светской власти, а не с интересами мусульман и уммы. Также отмечается, что рост религиозной идентичности имеет протестный характер и стимулируется политикой государственных органов, содержащей ограничения на проявления религиозно-этнической идентичности мусульман (ограничения на изучение национальных языков представителей мусульманских сообществ, на строительство культовых зданий по вероисповеданию для мусульман, на демонстрацию религиозной атрибутики и одежды в образовательных учреждениях, повышенное внимание и не всегда корректное поведение представителей правоохранительных органов в отношении мусульман и т.д.).

С другой стороны, рост религиозной идентичности связывается с ослаблением авторитета государства и тенденцией снижения уровня легитимности власти, преимущественно в молодежной среде.

Другим фактором выступают вопросы организации религиозной жизни мусульманских сообществ. В регионах наблюдаются две противопоставленные организационные модели, каждая из которых порождает определенные дисфункции. Одна из них выражена в одновременном существовании целого ряда централизованных мусульманских организаций, отношения между которыми не всегда носят комплементарный характер. Так, в Свердловской области функционируют порядка 90 мусульманских организаций, относящихся к 6 духовным управлениям и 2 муфтиятам. К этому добавляется деятельность неформальных религиозных лидеров, которые оказывают серьезное влияние на низовые структуры сообществ мигрантов-мусульман. Эксперты характеризуют данную ситуацию как «организационный раскол», способствующий росту конфликтного потенциала в отношениях между разными группами мусульман. Другая модель, напротив, предполагает централизацию духовной жизни мусульман и минимизацию организационного многообразия религиозной жизни мусульманских сообществ. Примером может служить Республика Татарстан, где доминирует одна организационная форма – Духовное управление мусульман Республики Татарстан. Однако в то же время можно отметить, что такая организационная модель становится препятствием для самовыражения различных религиозных групп мусульман, а официальное духовенство зачастую не проявляет гибкости в отношении конфессиональных различий прихожан. Это, в свою очередь, способно создавать трудности внутрирелигиозного взаимодействия и становится фактором напряжения в отношении отдельных групп мусульман к данной организации и ее лидерам. В результате в группах мусульман формируется мотивация к созданию альтернативных религиозных объединений с собственной локальной (этноконфессиональной) идентичностью, в которых могут складываться условия для распространения радикальных установок в отношении представителей других групп и трансляции фундаменталистских идеологий.

Следующий фактор, который обращает на себя внимание, – тенденция этнизации ислама в российских регионах. Эта тенденция интегрирует религиозный, этнический и миграционный факторы радикализации мусульманских сообществ. В сообществах существуют группы мусульман, выделенные по признаку этнической принадлежности, – татары, казахи, ногайцы, башкиры и др. Между представителями этих групп возникают противоречия по поводу различных аспектов религиозной деятельности, среди которых вопросы посещения общих мест отправления религиозного культа и языка, осуществления религиозной практики. К этим противоречиям добавляются конфликты местных групп мусульман с приезжими (мусульманами-мигрантами из других государств), также сгруппированными по этническому признаку. В некоторых

случаях можно наблюдать достаточно жесткую негативную реакцию представителей местных групп мусульман на посещение мечетей мусульманами-мигрантами, которое определяется как «оккупация иностранцами наших мечетей». Такие противоречия стимулируют формирование альтернативных религиозных структур в мигрантских сообществах, где образуются некие аналоги мечетей (молельных домов), во главе которых находятся духовные лидеры общин мигрантов. Деятельность подобных неформальных структур зачастую слабо подвержена регулированию со стороны официальных религиозных или государственных органов, что создает условия для распространения девиаций, в том числе связанных с активностью радикально настроенных проповедников и трансляцией фундаменталистской идеологии. При этом среди мигрантов, как правило, отмечается более высокий уровень практикующих мусульман по сравнению с членами местных мусульманских сообществ. Еще одной точкой напряжения, связанной с этническим фактором, выступает национальная принадлежность религиозных лидеров мусульманских общин: не все представители мусульманских сообществ готовы принять имамов-инонационалов. С другой стороны, рост этнизации ислама связан и с попытками ряда имамов усилить интерес к исламу у молодежи через обращение к национальной культуре и этнической истории, тем самым усиливается «связка» религиозной и этнической традиций.

Результаты исследования указывают также на активное присутствие идеологического фактора радикализации мусульманских сообществ в российских регионах. Отмечаются признаки распространения фундаменталистских идеологий, создающих серьезные риски радикализации мусульман. Такие идеологии, как правило, транслируются извне публичного пространства региона. Основными каналами их распространения выступают виртуальные социальные сети, иностранные мигранты из мусульманских стран и регионов, деятельность проповедников-носителей фундаменталистских идей, распространение экстремистской литературы. Наряду с этим отмечаются признаки распространения радикальной идеологии в местах лишения свободы [25]. Эксперты указывают на присутствие в регионах сторонников радикального салафизма, приверженцев запрещенных в Российской Федерации организаций «Хизб ут-Тахрир», «Братья-мусульмане», движения «Джамаат Таблиги», ИГИЛ.

В результатах исследования, полученных в разных регионах России, отмечается недостаточный уровень религиозного образования и религиозной грамотности членов мусульманских сообществ. Это обстоятельство также следует отнести к группе идеологических факторов, так как религиозное образование выступает одним из основных каналов трансляции установлений традиционной исламской религии. Низкий уровень религиозного образования способствует некритическому восприятию мусульманами фундаменталистских версий, сформированных вокруг ислама, открывает до-

полнительные возможности для манипуляции их религиозным сознанием (в том числе вовлечение в экстремистские группы) и облегчает формирование и распространение радикальных религиозных установок. Фрагментарные познания исламского вероучения среди мусульман создают почву для различного рода этнических версий вероучения, приводят к появлению не соответствующих нормам традиционного ислама религиозных практик. В то же время следует признать, что значение этого фактора несколько снизилось по сравнению с периодом исламского религиозного возрождения 1990-х гг., а уровень религиозной грамотности населения все-таки стал несколько выше. В ряде случаев отмечается также слабость кадров официального мусульманского духовенства в регионах, что стимулирует повышение авторитета альтернативных неформальных духовных лидеров и проповедников.

Не теряют актуальности информационные факторы формирования рисков радикализации мусульманских сообществ в российских регионах. Анализ контента социальных сетей, проведенный в рамках данного проекта, показал, что в сетях активно обсуждаются острые темы, касающиеся вопросов этнической и религиозной идентичности мусульман [36]. Так, в октябре-декабре 2020 г. наиболее обсуждаемыми темами среди них стали: 1) проблемы вокруг строительства мечетей в разных городах России; 2) запрет ДУМ РФ на браки с немусульманами; 3) конфликт в Нагорном Карабахе; 4) вопросы статуса, языка и социального самочувствия крымских татар; 5) статус татарского языка и вопросы развития культуры татарского народа в Татарстане; 6) «Charlie Hebdo», карикатурный скандал во Франции и убийства в Европе, ультиматум президента Франции Э. Макрона французским мусульманам; 7) особенности исламской религиозной практики в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что в обсуждении этих и подобных тем представители мусульманских сообществ особенно остро воспринимают вопросы статуса мусульман на территории России, межконфессиональных отношений, деятельности духовных управлений мусульман, традиционных ценностей мусульман, строительства мечетей в российских городах, сохранения национальных языков этнических групп мусульман. Факторами риска, связанными с обсуждением подобных тем в социальных сетях и мессенджерах, выступают 1) нарастание социальной напряженности, обусловленной распространением дискриминационных настроений среди мусульман относительно статуса мусульман в России; 2) уважение языка, традиций и возможностей сохранения своей культуры и религии; 3) формирование конфликтного восприятия отдельных событий, связанных с вопросами реализации традиционных религиозных и религиозно-культурных практик мусульман.

Подчеркнем, что подобные обсуждения в социальных сетях создают возможности для манипуляции мнениями пользователей с целью распространения радикальных взглядов и настроений среди мусульман, что выступает актуальным риском радикализации му-

сульманских сообществ. Эксперты в российских регионах отмечают, что интернет, виртуальные социальные сети и мессенджеры выступают каналами трансляции альтернативных религиозных идей, нетрадиционного ислама, в том числе фундаменталистского характера.

Указанные риски в 2020–2021 гг. существовали на фоне общего снижения уровня экономического благополучия в регионах. Ухудшение экономической ситуации эксперты рассматривают как негативный контекст, который способствует более резкому проявлению различных рисков радикализации мусульманских сообществ.

Обобщая приведенные данные, на наш взгляд, необходимо обратить внимание, что на сегодняшний день наиболее существенные риски радикализации мусульманских сообществ укоренены в этнической и религиозной идентичности мусульман. При этом религиозная идентичность для представителей мусульманских сообществ часто ассоциирована с этнической и выступает как ее элемент. В научной литературе достаточно полно раскрыта концепция социальной идентичности, поэтому мы здесь не будем останавливаться на ее характеристике. Отметим, что этнорелигиозная идентичность – одна из ключевых составляющих идентичности практикующих мусульман, формирующая их мировоззрение, ценностные ориентации, модели социального поведения. Для «светских мусульман» более существенное значение имеет национальная (гражданская) идентичность, выражающая их ориентацию на государственные и общепринятые в обществе нормы и модели поведения. Религиозная идентичность для «светских мусульман» выступает скорее как этнокультурная, связанная с традициями и историей своего народа.

Наше исследование подтверждает известную в этносоциологии и этнопсихологии закономерность, состоящую в том, что для позитивного социального самочувствия практикующие мусульмане должны иметь достаточно возможностей для реализации своей этнорелигиозной идентичности в обществе, осуществления соответствующего ей образа жизни. Препятствия, сужающие возможности для этого, как правило, порождают фрустрацию, следствием которой становится социальное напряжение. Оно, в свою очередь, имеет тенденцию конвертироваться в явные или латентные социальные конфликты, создающие почву для радикализации взглядов и действий мусульман.

Результаты исследования позволяют отметить, что основными осями напряженности, способствующими радикализации мусульманских сообществ в регионах России, выступают противоречия и конфликты социальных идентичностей. Одна из таких осей – противоречие между этнорелигиозной и гражданской идентичностями. Общегражданская идентичность населения – важное условие установления и реализации социального порядка как общего блага для любого регионального социума. В связи с этим власть предпринимает усилия для продвижения государственных норм и ценностей, что, как было отмечено выше, может вступать

в противоречие с корпоративными интересами отдельных мусульманских групп. Другая ось – противоречия между различными этноконфессиональными идентичностями внутри мусульманского сообщества. Напряженность возникает как между группами местных и приезжих мусульман, так и между группами, культивирующими различные этнорегиональные версии ислама, исповедующими фундаменталистские религиозные идеологии и приверженцами так называемого традиционного ислама. Эти оси напряженности проявляют себя в разных полях социального пространства региона – в политическом, экономическом, информационном, миграционном, этническом, религиозном.

Относительно механизмов радикализации следует отметить, что в научной литературе разработано несколько объяснительных моделей, касающихся так называемой насильственной радикализации, которая представлялась как процесс, состоящий из отдельных этапов, через которые проходят отдельные лица до момента совершения насилия. Например, Департамент полиции Нью-Йорка выделял четыре отдельные и последовательные фазы в нем: предрадикализация, самоидентификация, индоктринация и джихадизация [6].

Р. Борум предложил четырехэтапную концептуальную модель формирования «террористического мышления» на основе анализа нескольких насильственных экстремистских групп. Концептуальная попытка модели заключалась в том, чтобы объяснить, как обиды и неудовлетворенность преобразуются в ненависть к определенной группе, как ненависть трансформируется – для некоторых – в оправдание или даже в стимул к насилию. Четырехэтапный процесс начинается с появления какого-либо события, условия или жалобы, воспринимаемого как несправедливое действие, которые затем начинают трактоваться как целенаправленная несправедливость; далее следует обвинение определенной политики, отдельного человека, группы или даже нации в этом, которые на следующем этапе очерняются и часто демонизируются, чтобы облегчить оправдание насилия или стимулировать агрессию [7. Р. 39]. Фатхали Могаддам использовал метафору «лестницы» из шести ступеней, где каждый шаг представляет собой необходимое психологическое условие для следующего. Так, мобилизация (на базе этой лестницы) начинается, когда люди испытывают чувство лишения и воспринимают несправедливость; затем они переходят к следующему шагу, когда начинают искать варианты борьбы с этой несправедливостью; на более поздних этапах, человек «отключается» от общепринятых основных ценностей [26].

А. Глейс и К. Попе пришли к выводу о существовании процесса «конвейерной ленты» от исламизма до терроризма, в частности они увидели взаимосвязь между деятельностью экстремистской исламистской группировки «Хизб ут-Тахрир» и исламских студенческих сообществ в университетских кампусах Лондона (и в других местах в Великобритании) и вербовкой британских студентов-мусульман в террористические организации [6].

Наконец, как известно, К. Маккали и С. Москаленко выделяют 12 механизмов политической радикализации, происходящей на индивидуальном, групповом и массовом уровнях:

1. Радикализация, возникающая в результате индивидуальной виктимизации, появления чувства несправедливости в результате ущемления или принижения самого индивида или членов его группы, с помощью которой часто пытаются объяснить феномен «живых бомб».

2. Радикализация в результате того, что индивид отождествляет себя с некоей группой, по отношению к которой, по его мнению, часто субъективному, происходят государственные притеснения.

3. Индивидуальная радикализация, связанная со вступлением в террористическую группу, когда индивид идет на более радикальные действия для оправдания уже совершенных ранее.

4. Индивидуальная радикализация через эмоциональные связи и отношения (семья, друзья, партнеры), что способствует решению о присоединении к террористической группе.

5. Групповая радикализация в среде единомышленников через феномен групповой динамики, связанный со сдвигом индивидуальных взглядов в направлении более экстремальной групповой позиции, сторонники которой изначально преобладали в данной группе.

6. Групповая радикализация в условиях изоляции и под угрозой таковой, что усиливает сплоченность группы.

7. Радикализация группы в процессе борьбы с другими конкурирующими группами за социальную базу, поскольку часто в такой конкуренции победу одерживает более радикально настроенная группа.

8. Групповая радикализация в конкуренции с государственной властью, когда под репрессивным давлением государства изначально мирное протестное движение своего рода «конденсируется», отбрасывая умеренные элементы и концентрируя радикально настроенных индивидов.

9. Радикализация группы в результате ее внутренней конкуренции связана с вытеснением более радикальных групп на периферию, их дальнейшая маргинализация и усиление тяги к насилию.

10. Массовая радикализация в конфликте с внешней группой, когда чрезмерная жестокость внешней среды, спровоцированная насилием по отношению к ней со стороны группы, в свою очередь, порождает ответное насилие в гипертрофированной форме и способствует присоединению к радикальной группе новых членов.

11. Массовая радикализация в конфликте с внешней группой (через механизм дегуманизации врага) в результате высокого уровня враждебности.

12. Массовая радикализация в конфликте с внешней группой через ориентацию на примеры жертвы ради группы, ради ее интересов [37].

Авторы утверждают, что из двенадцати механизмов лишь два относительно автономны, остальные являются реакцией на сложившиеся условия. Примерно

половина из них в той или иной мере имеют своей базой так называемый замкнутый круг насилия [38]. Еще одной особенностью является игнорирование авторами фактора идеологии, возможно, они «считают идеологию константой для “основания” и “вершины” пирамиды, и тем самым не рассматривают ее как значимый фактор принятия именно террора как инструмента реализации своих целей» [38].

Еще одним интересным подходом для объяснения процессов радикализации является динамическая модель политической радикализации поведения сторонников исламской идеологии Марка Сейджмана [39]. Автор анализирует путь к политическому насилию как двухэтапный процесс: 1) присоединение к политическому протестному сообществу; 2) поворот к политическому насилию. Первый этап является вполне легитимным, а вот второй предполагает уже переход к незаконной деятельности. На первом этапе политическое протестное сообщество определяет стиль жизни его членов, характеризуемый особыми символами, ритуалами, сленгом (например, специфический дресс-код, озабоченность халяльностью пищи и правильностью молитвы), которые формируют особую контркультуру, которая даже не обязательно связана с глубокой религиозностью. При этом они остро воспринимают реальные и вымышленные несправедливости, с которыми сталкиваются. Чтобы противостоять им, для членов группы важно быть политически активными, поэтому политический активизм в различных формах является отличительной чертой протестного сообщества. При этом значительная часть членов контркультурного сообщества принимают в нем участие лишь время от времени, когда это провоцируется определенными событиями, чаще всего, международного характера. Нередко вовлечение в подобные сообщества происходит через родственные и дружеские связи, что обеспечивает постоянное расширение сети протестного сообщества. По утверждению М. Сейджмана, чаще всего это сообщество людей не имеет единого контролирующего его центра, а его границы «размыты», при этом многие стремятся говорить от его имени, а за право руководства им идет интенсивная внутренняя конкуренция различных исламистских и салафитских организаций. В результате это протестное сообщество становится полицентричным, в нем отсутствует организация, которая может контролировать и дисциплинировать, и, по мнению М. Сейджмана, оно напоминает «социальный сгусток» (social blob), который образуется в результате усилий политических деятелей, организующих политический протест и превращающих толпу в «сгусток». Однако «сгустки» являются текучими, их состав меняется, они могут пережить своих основателей, новые лидеры общественного мнения способны привнести собственную повестку. Отдельные группы в рамках «сгустка» достаточно однородны, однако в целом они образуют достаточно разнородную структуру, взаимно влияя друг на друга, формируя общую идентичность и взаимную лояльность.

Переход ко второму этапу обычно происходит в результате какого-то события, которое рассматривается как морально недопустимое, экстраординарное и возмутительное, что порождает разочарование в способности контркультурного сообщества предотвращать

подобные явления. Это приводит к отходу части членов «сгустка» от политического активизма в рамках сообщества. Однако часть членов «сгустка» покидают сообщество полностью, начинают активно критиковать и отрицать его, уходят из мечетей и организаций, с ним ассоциирующихся. Они не готовы больше ограничиваться бесконечными разговорами и начинают воспринимать себя войнами, моджахедами, считая защитой воображаемого сообщества – глобальной исламской уммы – своей прямой обязанностью.

Подобная самоидентификация важна, поскольку эта идентичность солдата, сражающегося за свое сообщество, легитимизирует любое насилие. Если на этом этапе члены радикализирующейся группы смогут пройти военное обучение в специальных лагерях, то с высокой долей вероятности они присоединятся к какой-либо джихадистской организации. Таким образом, по мнению М. Сейджмана, здесь речь скорее о саморекрутинге, нежели целенаправленном вовлечении со стороны джихадистских организаций. Однако далеко не все члены радикализирующейся группы оказываются способны достичь этой цели и примкнуть к насильственным джихадистам за границей или вернуться на родину и стать ядром новой джихадистской группы.

Как указывает М. Сейджман, террористические организации часто не имеют явного лидера, во многих случаях это небольшая группа, которая в случае необходимости может привлечь новых членов. Таким резервом могут становиться бывшие члены протестного сообщества, разочарованные в его деятельности. К насилию могут прибегать и наиболее активные приверженцы протестного сообщества, оказавшиеся в ситуации фрустрации в результате его распада. Но далеко не всегда подготовка террористической операции завершается террористическим актом, поскольку часто они сталкиваются с непреодолимыми трудностями и барьерами при подготовке и отказываются от своих планов. По мнению М. Сейджмана, наиболее подвержены подобной трансформации те члены «сгустка», которые принимали активное участие в жизни протестного сообщества, но при этом не принадлежали к исламистским организациям, предъявляющим к своим членам высокие требования и поддерживающим внутреннюю дисциплину (например, «Хизб-ут-Тахрир»).

В результате М. Сейджман приходит к выводу, что будущие террористы не являются пассивными жертвами «промывания мозгов», а осмысленно выбирают свой путь, опираясь на приоритетные для них культурные модели. Однако при этом нельзя смешивать политическое протестное сообщество исключительно с насилием и терроризмом, поскольку такие сообщества могут стимулировать поворот к насилию, но только если они обречены на неэффективность с точки зрения достижения политических целей. Поэтому усилия правоохранителей и политиков должны быть направлены не на подавление таких протестных сообществ (что может подтолкнуть их к насилию), а на то, чтобы вовремя выявить переход от легального политического протеста к нелегальному политическому насилию и предупредить его [39].

Скотт Атран в своей книге «Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком» также указывает, что ключ к пониманию радикализации заключается в динамике малых групп, которые могут объединяться вокруг различных идей, но сплачивают разных людей в единое сообщество, которое оказывается чрезвычайно ценным для его членов. И если в группе начинают доминировать джихадистские идеи, то это определяет ее дальнейшую постепенную радикализацию, а ее члены осознанно становятся террористами [40]. «Ведь они почти никогда не убивают и не умирают ради одной только цели, они делают это ради друг друга: ради своей группы, чья цель объединяет генетически чуждых друг другу людей в воображаемую семью – братство, отечество, родину, дом, тотем или племя». Что это взаимодействие возникает на тему джихада – не более чем случайность, «кого-то почему-то кусает муха джихада» [40. С. 51].

На наш взгляд, приведенные механизмы радикализации представляют собой различные репрезентации общего механизма, относящегося к типу социально-психологических процессов. Он представляет собой процесс интернализации индивидом социальной идентичности, которая содержит нормы и ценности, задающие конфликтное отношение к носителям других идентичностей. Такие «агрессивные» идентичности, как правило, санкционируют жесткие модели поведения в отношении других групп, в том числе действия экстремистского характера. Составляющие данного механизма могут быть представлены следующим образом.

1. Восприятие образа идентичности, основанной на радикальных идеях и ценностях, как привлекательного для индивида. Обобщение полученных нами данных, а также выводов других исследователей дает основание полагать, что привлекательность данного образа в основном обусловлена двумя обстоятельствами: 1) ситуацией аномии, вызванной конфликтом идентичностей индивида; 2) ситуацией фрустрации социальных потребностей индивида при отсутствии или неэффективности иных способов ее преодоления.

2. Интернализация норм, ценностей, образа реальности, связанных с новой «агрессивной» идентичностью. Как правило, такая интернализация осуществляется в ходе различных форм коммуникации с представителями социальных групп, обладающих данной идентичностью, и предполагает формирование социальных связей индивида с этими группами.

3. Формирование и апробация индивидом моделей радикального поведения, обусловленных нормами и ценностями приобретенной идентичности. Такие поведенческие модели могут быть апробированы на уровне как вербального поведения (например, в обсуждениях острой проблематики в виртуальных социальных сетях), так и физических действий экстремистского характера. На этом этапе индивид готов к тому, чтобы активно транслировать образ «агрессивной» идентичности за пределы своей группы и участвовать в привлечении новых ее членов.

Заключение

Анализ и обобщение полученных нами данных позволяют сделать вывод, что в настоящее время в российских регионах наиболее активными остаются этнические и религиозные факторы радикализации мусульманских сообществ. Радикализация является следствием конфликта идентичностей, основными формами которого выступают конфликт этнорелигиозной и национальной (гражданской) идентичности и конфликты между различными этноконфессиональными идентичностями внутри мусульманского сообщества. Такие конфликты приводят к формированию аномических состояний среди мусульман и способствуют росту уровня фрустрации в связи с препятствиями для осуществления соответствующего их нормам и ценностям образа жизни. Другие актуальные факторы, способствующие радикализации мусульманских сообществ, – идеологические (присутствие и трансляция фундаменталистских идеологий, слабость религиозного образования и низкий уровень религиозной грамотности среди мусульман), информационные (распространение радикальных идей посредством виртуальных социальных сетей), экономические (рост уровня экономической деривации в связи с кризисными явлениями 2020–2021 гг.).

Однако необходимо отметить, что немаловажное значение имеют также политические факторы, которые связаны с деятельностью федеральных и региональных органов власти, реже – органов власти местного самоуправления. Зачастую триггерами процессов радикализации выступают действия или решения органов власти, которые могут быть истолкованы как несправедливые или ущемляющие интересы мусульман или мусульманского сообщества в целом.

Общий механизм радикализации может быть представлен в виде социально-психологического процесса, включающего три основных этапа: 1) восприятие образа идентичности, основанной на радикальных идеях и ценностях, как привлекательного для индивида; 2) интернализация норм, ценностей, образа реальности, связанных с новой «агрессивной» идентичностью; 3) формирование и апробация индивидом моделей радикального поведения, обусловленного нормами и ценностями приобретенной идентичности. При этом эти модели поведения не обязательно связаны с насилием, подобная траектория является лишь одной из альтернатив радикализации. Поэтому мы разделяем мнение И.В. Стародубровской, которая подчеркивает, что «люди радикальных взглядов, в том числе исламские фундаменталисты – это не какие-то пришедшие извне завоеватели, это наши с вами сограждане. И представляется, что задача государства по отношению к ним – не “победа”, а интеграция, минимизация общественной угрозы, направление динамики фундаменталистских движений в приемлемом для общества направлении» [41. С. 107]. Поэтому задача государства представляется в том, чтобы минимизировать воздействие потенциальных факторов, ответственность за которые находится в

его руках, причем не только и не столько путем репрессивных действий, а путем грамотно выстроенной, целесообразной и, главное, справедливой политики по отношению к согражданам-мусульманам.

Это, в свою очередь, должно будет ослабить и механизмы радикализации мусульманских сообществ России, тем более не допустить их радикализации в насильственный терроризм.

Список источников

1. Бороздин А.Н. Радикализм как социально-политический феномен // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 12–17.
2. Яхьяев М.Я. Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. 2012. № 2. С. 4–14.
3. Böttcher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // Perspectives on Terrorism. 2017. Vol. 11, № 4. P. 73–77. URL: <https://www.jstor.org/stable/26297896> (дата обращения: 15.12.2021).
4. Сакаев В.Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе // Антиномии. 2021. Т. 21, № 2. С. 45–72.
5. Семедов С.А. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Социология власти. 2009. № 7. С. 77–86.
6. Bartlett J., Miller C. The Edge of Violence: Towards Telling the Difference Between Violent and Non-Violent Radicalization // Terrorism and Political Violence. 2012. Vol. 24 (1). P. 1–21. doi: 10.1080/09546553.2011.594923
7. Borum R. Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research // Journal of Strategic Security. 2012. № 4 (2). P. 37–62. doi: 10.5038/1944-0472.4.4.2
8. Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization // Global Change, Peace & Security. 2010. Vol. 22, № 1. P. 33–51.
9. Внукова Л.Б. Радикализация как персональный процесс и социальный феномен: зарубежные теории и российские реалии // Вопросы безопасности. 2017. № 4. С. 60–69.
10. Лепехин В.А. Радикализация как способ воздействия на политические процессы и противодействие ей // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 27–30.
11. Гаджибеков Р.Г. Внутренние факторы влияния на процессы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации : дис. канд. ... полит. наук. Ростов н/Д, 2013. 177 с.
12. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Москва ; Ростов н/Д : Социально-гуманитарные знания, 2014. 332 с.
13. Сокирянская Е. Радикализация и ее профилактика в Чечне, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии : доклад. 30.01.2019. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalizazii/ (дата обращения: 27.12.2021).
14. Поляков С.И., Епанова Ю.В. Радикализация и неравенство в нарративах второго городского поколения мусульманской северокавказской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 269–294.
15. Курбанов Р.В. Ислам и радикализм. «Узловая» причина радикализации мусульман в современном мире // Религия и политика. 07.06.2007. URL: <http://www.rodon.org/relig-070607095945> (дата обращения: 27.12.2021).
16. Сериков А.В., Венцель С.В., Сальников А.В. Специфика радикального исламизма в России и Турции на современном этапе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. № 4. С. 218–222.
17. Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // Siberian Socium. 2018. Т. 2, № 1. С. 97–114.
18. Труфанов Д.О., Феньвеш Т.А. Миграционные риски как объект исследования // Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения / под ред. Р.Р. Фахрутдинов, В.Т. Сакаев, Р.И. Измайлов. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 28–48.
19. Сулейманов Р.Р. Мигранты и их роль в распространении радикальных течений ислама в России: причины, проявления и последствия // Мусульманский мир. 2014. № 2. С. 40–55.
20. Нетесова Ю. Политика стран Европы и радикализация мусульманских общин // Космополис. 2008. № 3 (22). С. 104–124.
21. Сакаев В.Т. Риски высокой иммиграции для политического и экономического развития России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 159–174.
22. Гараева А.М. Жизнь мусульман и исламофобия в столице Татарстана: опыт эмпирического исследования // Современные концепции научных исследований : сб. науч. работ II Междунар. науч. конф. Евразийского науч. объединения. М. : ЕНО, 2015. С. 236–239.
23. Вояковский Д.С., Юнусова А.Б. Интервенция радикальных идеологий в российское исламское пространство. Уфа : БГПУ; ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 76 с.
24. Мухаметшин Р.М., Королев В.В. Радикализация мусульманского сообщества и формы проявления религиозного экстремизма: постановка проблемы // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5 (124). С. 190–193.
25. Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (ч. I) // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 120–142.
26. Мохаддам Ф.М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию / пер. В.А. Соснина. М. : Форум, 2011. 288 с.
27. Swann W.B.Jr., Seyle C., Gómez Á., Morales J.F., Huici C. Identity Fusion: The Interplay of Personal and Social Identities in Extreme Group Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96, № 5. P. 995–1011.
28. Стародубовская И.В. Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 92–113.
29. Касимова А.В. Социально-психологические факторы радикализации религиозного сознания: исследование методом нарративного интервью // Ислам и исламоведение в современной России : сб. докладов Всерос. исламоведческого форума. Махачкала, 27–28 сентября 2019 г. Махачкала : АЛЕФ, 2019. С. 302–308.
30. Добаев И.П. Этническое и конфессиональное в исламе: так ли религиозно чист «истинный ислам»? // Россия и мусульманский мир. 2020. № 4 (318). С. 10–23.
31. Сикорская И. Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана. Аналитический отчет по полемическому исследованию. Search for Common Ground. Бишкек, 2017. URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2017/03/Action-Research_Outcomes_FINAL_RUS.pdf (дата обращения: 08.12.2021).
32. Жидков А.В., Чикальдина В.С. Активность террористической организации «Исламское государство» в сети Интернет: методы вербовки молодежи и способы противодействия // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 6.
33. Alava S., Frau-Meigs D., Hassan G. Youth and violent extremism on social media: mapping the research. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. 2017. URL: <https://psy.su/content/files/ИсследованиеЮНЕСКО.pdf> (дата обращения: 08.12.2021).
34. Стародубовская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М. : Дело, 2013. 277 с.
35. Sakaev V.T., Zannoni F. Political aspects of demographic processes in Muslim community in Russia // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25, Is. Extra 12. P. 22–28.
36. Попова О.В., Дивеева К.А. Факторы радикализации представителей мусульманского сообщества России в социальных сетях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 250–254.

37. McCauley C., Moskaleiko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20, Is. 3. P. 415–433. doi: 10.1080/09546550802073367
38. Стародубовская И.В. Анализ механизмов религиозной радикализации молодежи и сопоставление вариантов противодействия ее проявлениям (на примере Северного Кавказа). М. : РАНХиГС, 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3619117> (дата обращения: 15.12.2021).
39. Sageman M. The Turn to Political Violence in the West // *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences* / Ed. by Rik Coolsaet. 2nd edition. London ; New York : Routledge, 2016. P. 117–130.
40. Атран С. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком. М. : Карьера Пресс, 2016. 608 с.
41. Стародубовская И.В. Двудесятилетний Янус радикализации. Еретические мысли. По мотивам работы д-ра Арне Зайферта // *Восточный курьер. Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 95–108.

References

1. Borozdin, A.N. (2015) Radikalizm kak sotsial'no-politicheskiy fenomen [Radicalism as a socio-political phenomenon]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 6. pp. 12–17.
2. Yakh'yayev, M.Ya. (2012) Prichiny radikalizatsii islama v sovremennom mire [Reasons for the radicalization of Islam in the modern world]. *Islamovedenie*. 2. pp. 4–14.
3. Böttcher, A. (2017) Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism. *Perspectives on Terrorism*. 11 (4). pp. 73–77. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/26297896> (Accessed: 15.12.2021).
4. Sakaev, V.T. (2021) Ponyatie radikalizatsii: obzor nauchnykh podkhodov v sovremennoy zarubezhnoy literature [The concept of radicalization: a review of scientific approaches in modern foreign literature]. *Antinomii*. 21 (2). pp. 45–72.
5. Semedov, S.A. (2009) Islamskiy radikalizm v sovremennom mire: sushchnost' i prichiny vozniknoveniya [Islamic radicalism in the modern world: essence and causes of its emergence]. *Sotsiologiya vlasti*. 7. pp. 77–86.
6. Bartlett, J. & Miller, C. (2012) The Edge of Violence: Towards Telling the Difference Between Violent and Non-Violent Radicalization. *Terrorism and Political Violence*. 24:1. pp. 1–21. doi: 10.1080/09546553.2011.594923
7. Borum, R. (2012) Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research. *Journal of Strategic Security*. 4 (2). pp. 37–62. doi: 10.5038/1944-0472.4.4.2
8. Wilner, A.S. & Dubouloz, C.-J. (2010) Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization. *Global Change, Peace & Security*. 22 (1). pp. 33–51.
9. Vnukova, L.B. (2017) Radikalizatsiya kak personal'nyy protsess i sotsial'nyy fenomen: zarubezhnye teorii i rossiyskie realii [Radicalization as a personal process and social phenomenon: foreign theories and Russian realities]. *Voprosy bezopasnosti*. 4. pp. 60–69.
10. Lepekhin, V.A. (2015) Radikalizatsiya kak sposob vozdeystviya na politicheskie protsessy i protivodeystviye [Radicalization as a way to influence political processes and counteraction to it]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 6. pp. 27–30.
11. Gadzhibekov, R.G. (2013) *Vnutrennie faktory vliyaniya na protsessy politizatsii i radikalizatsii islama v Rossiyskoy Federatsii* [Internal factors of influence on politicization and radicalization of Islam in the Russian Federation]. Political Science Cand. Diss. Rostov-on-Don.
12. Dobaev, I.P. (2014) *Radikalizatsiya islama v sovremennoy Rossii* [Radicalization of Islam in modern Russia]. Moscow; Rostov-on-Don: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.
13. Sokiryanskaya, E. (2019) *Radikalizatsiya i ee profilaktika v Chechne, Ingushetii, Dagestane i Kabardino-Balkarii: doklad* [Radicalization and its prevention in Chechnya, Ingushetia, Dagestan and Kabardino-Balkaria: report]. 30 January. [Online] Available from: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novye_radikalizatsii/ (Accessed: 27.12.2021).
14. Polyakov, S.I. & Epanova, Yu.V. (2020) Radikalizatsiya i neravenstvo v narrativakh vtorogo gorodskogo pokoleniya musul'manskoy severokavkazskoy molodezhi [Radicalization and inequality in the narratives of the second urban generation of Muslim North Caucasian youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 269–294.
15. Kurbanov, R.V. (2007) *Islam i radikalizm. "Uzlovaya" prichina radikalizatsii musul'man v sovremennom mire* [Islam and radicalism. "Key" reason for the radicalization of Muslims in the modern world]. 07 June. [Online] Available from: <http://www.rodon.org/relig-070607095945> (Accessed: 27.12.2021).
16. Serikov, A.V., Ventsel', S.V. & Sal'nikov, A.V. (2018) Spetsifika radikal'nogo islamizma v Rossii i Turtsii na sovremennom etape [Specifics of radical Islamism in Russia and Turkey at the present stage]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie: uchenye zapiski SKAGS*. 4. pp. 218–222.
17. Trufanov, D.O. & Rafikov, R.G. (2018) Migratsionnoe prostranstvo regiona i ego deformatsii [Migration space of the region and its deformations]. *Siberian Socium*. 2 (1). pp. 97–114.
18. Trufanov, D.O. & Fen'vesh, T.A. (2020) Migratsionnye riski kak ob'ekt issledovaniya [Migration risks as an object of research]. In: Fakhruddinov, R.R., Sakaev, V.T. & Izmaylov, R.I. (eds) *Migratsionnye riski kak faktor vozniknoveniya konfliktov: evraziyskiy i evropeyskiy opyt resheniya* [Migration risks as a factor in the emergence of conflicts: Eurasian and European experience in solving them]. Kazan: Kazan State University. pp. 28–48.
19. Suleymanov, R.R. (2014) Migranty i ikh rol' v rasprostraneniі radikal'nykh techeniy islama v Rossii: prichiny, proyavleniya i posledstviya [Migrants and their role in the spread of radical movements of Islam in Russia: causes, manifestations and consequences]. *Musul'manskiy mir*. 2. pp. 40–55.
20. Netesova, Yu. (2008) Politika stran Evropy i radikalizatsiya musul'manskikh obshchin [European politics and radicalization of Muslim communities]. *Kosmopolis*. 3 (22). pp. 104–124.
21. Sakaev, V.T. (2015) Riski vysokoy immigratsii dlya politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Risks of high immigration for the political and economic development of Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 4. pp. 159–174.
22. Garaeva, A.M. (2015) Zhizn' musul'man i islamofobiya v stolitse Tatarstana: opyt empiricheskogo issledovaniya [Life of Muslims and Islamophobia in the capital of Tatarstan: experience of empirical research]. *Sovremennye kontseptsii nauchnykh issledovaniy* [Modern concepts of scientific research]. Proceedings of the International Conference. Moscow: ENO. pp. 236–239.
23. Voyakovskiy, D.S. & Yunusova, A.B. (2011) *Interventsiya radikal'nykh ideologiy v rossiyskoe islamskoe prostranstvo* [Intervention of radical ideologies in the Russian Islamic space]. Ufa: BSPU, IEI UNTs RAN.
24. Mukhametshin, R.M. & Korolev, V.V. (2017) Radikalizatsiya musul'manskogo soobshchestva i formy proyavleniya religioznogo ekstremizma: postanovka problemy [Radicalization of the Muslim community and forms of manifestation of religious extremism: statement of the problem]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 5 (124). pp. 190–193.
25. Bovina, I.B., Bovin, B.G. & Tikhonova, A.D. (2020) Radikalizatsiya: sotsial'no-psikhologicheskii vzglyad (chast' I) [Radicalization: a socio-psychological view (part I)]. *Psikhologiya i pravo*. 10 (3). pp. 120–142.
26. Mokhammad, F.M. (2011) *Terrorizm s tochki zreniya terroristov: chto oni perezhivayut i dumayut i pochemu obrashchayutsya k nasiliyu* [Terrorism from the point of view of terrorists: what they experience and think and why they turn to violence]. Translated by V.A. Sosnin. Moscow: Forum.
27. Swann, W.B. Jr. et al. (2009) Identity Fusion: The Interplay of Personal and Social Identities in Extreme Group Behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 96 (5). pp. 995–1011.

28. Starodubrovskaya, I.V. (2019) Mezhpokolencheskie otnosheniya i sotsial'nye transformatsii na primere Severnogo Kavkaza [Intergenerational relations and social transformations on the example of the North Caucasus]. *Sotsiologiya vlasti*. 31 (1), pp. 92–113.
29. Kasimova, A.V. (2019) [Socio-psychological factors of radicalization of religious consciousness: a study using the method of narrative interview]. *Islam i islamovedenie v sovremennoy Rossii* [Islam and Islamic Studies in Modern Russia]. Proceedings of the All-Russian Islamic Studies Forum. Makhachkala, 27–28 September 2019. Makhachkala: ALEF. pp. 302–308. (In Russian).
30. Dobaev, I.P. (2020) Etnicheskoe i konfessional'noe v islame: tak li religiozno chist "istinnyy islam"? [Ethnic and confessional in Islam: is "true Islam" so religiously pure?]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 4 (318). pp. 10–23.
31. Sikorskaya, I. (2017) *Smysly, obrazy i mediakanaly, sposobstvuyushchie radikalizatsii molodezhi Kyrgyzstana. Analiticheskiy otchet po polevomu issledovaniyu* [Meanings, images and media channels that contribute to the radicalization of youth in Kyrgyzstan. Analytical report on field research]. [Online] Available from: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2017/03/Action-Research_Outcomes_FINAL_RUS.pdf (Accessed: 08.12.2021).
32. Zhidkov, A.V. & Chikal'dina, V.S. (2017) Aktivnost' terroricheskoy organizatsii "Islamskoe gosudarstvo" v seti Internet: metody verbovki molodezhi i sposoby protivodeystviya [Activity of the terrorist organization "Islamic State" on the Internet: methods of youth recruitment and methods of counteraction]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 6.
33. Alava, S., Frau-Meigs, D. & Hassan, G. (2017) *Youth and violent extremism on social media: mapping the research*. [Online] Available from: <https://psy.su/content/files/IssledovanieYuNESKO.pdf> (Accessed: 08.12.2021).
34. Starodubrovskaya, I.V. & Sokolov, D.V. (2013) *Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze* [The origins of conflicts in the North Caucasus]. Moscow: Delo.
35. Sakaev, V.T. & Zannoni, F. (2020) Political aspects of demographic processes in Muslim community in Russia. *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 25: Extra 12. pp. 22–28.
36. Popova, O.V. & Diveeva, K.A. (2021) Faktory radikalizatsii predstaviteley musul'manskogo soobshchestva Rossii v sotsial'nykh setyakh [Factors of radicalization of representatives of the Muslim community of Russia in social networks]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 2. pp. 250–254.
37. McCauley, C. & Moskalenko, S. (2008) Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*. 20 (3). pp. 415–433. doi: 10.1080/09546550802073367
38. Starodubrovskaya, I.V. (2020) *Analiz mekhanizmov religioznoy radikalizatsii molodezhi i sopostavlenie variantov protivodeystviya ee proyavleniyam (na primere Severnogo Kavkaza)* [Analysis of the mechanisms of religious radicalization of youth and comparison of options for countering its manifestations (using the example of the North Caucasus)]. Moscow: RANKhiGS, [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=3619117> (Accessed: 15.12.2021).
39. Sageman, M. (2016) The Turn to Political Violence in the West. In: Coolsaet, R. (ed.) *Jihadi Terrorism the Radicalization Challenge: European and American Experiences*. 2nd edition. London; New York: Routledge. pp. 117–130.
40. Atran, S. (2016) *Razgovarivaya s vragom. Religioznyy ekstremizm, svyashchennyye tsennosti i chto znachit byt' chelovekom* [Talking with the enemy. Religious extremism, sacred values and what it means to be human]. Moscow: Kar'era Press.
41. Starodubrovskaya, I.V. (2021) Dvulikiy Yanus radikalizatsii. Ereticheskie mysli. Po motivam raboty d-ra Arne Zayferta [The two-faced Janus of radicalization. Heretical thoughts. Based on the work of Dr. Arne Seifert]. *Vostochnyy kur'er. Oriental Courier*. 3–4. pp. 95–108.

Информация об авторах:

Труфанов Д.О. – канд. социол. наук, зав. кафедрой социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: dtrufanov@sfu-kras.ru

Сакаев В.Т. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Российского государственного аграрного университета-МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва, Россия). E-mail: sakaev2003@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.O. Trufanov, Cand. Sci. (Sociology), head of the Sociology Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dtrufanov@sfu-kras.ru

V.T. Sakaev, Cand. Sci. (History), associate professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: sakaev2003@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022;
одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 13.01.2022;
approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 06.11.2023.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 656.2(571.1)(091)
doi: 10.17223/15617793/495/9

Геологические исследования на территории Ямало-Ненецкого национального округа в период реализации проектов железнодорожного строительства (1943–1953 гг.)

Галина Юрьевна Колева¹

¹ Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия, gukoleva@gmail.com

Аннотация. На основании выявленных новых документов, среди которых документы Тюменского обкома, Ямало-Ненецкого окружкома, Тазовского, Пуровского, Березовского райкомов партии, Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции ЯНАО, реализуется намерение показать тесную взаимозависимость строительства вариантов Трансполярной магистрали с начавшимся широким геологическим изучением территории. Через инициативы Н.А. Сирина, А.Я. Малиновского показан личностно-организационный фактор рассматриваемого процесса. Автор пришел к выводу об особой роли главы правительства страны в старте геологического поиска и поддержке инициатив Сирина, Малиновского.

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область, Полярный и Приполярный Урал, Надым-Пур-Тазовское междуречье, история, геология, экспедиции, минерально-сырьевые, топливно-энергетические ресурсы

Для цитирования: Колева Г.Ю. Геологические исследования на территории Ямало-Ненецкого национального округа в период реализации проектов железнодорожного строительства (1943–1953 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 92–105. doi: 10.17223/15617793/495/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/9

Geological research on the territory of Yamalo-Nenets National Okrug during the implementation of railway construction projects (1943–1953)

Galina Yu. Koleva¹

¹ Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, gukoleva@gmail.com

Abstract. The article is based on documents identified during the frontal viewing of the funds of the party's Tyumen Regional Committee, Yamalo-Nenets Okrug Committee, Tazovsky, Purovsky, Berezhovsky District Committees, the Polar-Ural Geological Exploration Expedition of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the Northern Design and Survey Expedition within the framework of the period under study. The documents found made it possible to set an aim – to show the close interdependence of the construction of the Transpolar Highway options with the beginning of a broad geological exploration of the territory. The author assigns a special place for uniqueness among the newly identified documents to documents from File 53 of Fund 1481 and File 1 of Fund 717. These documents made it possible to portray the following historical facts: the Vorkuta–Salekhard railway was already oriented to the Pur-Taz district in 1943, and M.F. Danilov's expedition had tasks broader than only searching for oil. Among the methods of historical research used in the article is the method of spatial detection of a phenomenon, correlating it with the existence of other phenomena in this historical time and in this space, synchronizing the spatial consideration of objects (phenomena) in the same time, establishing a connection between them and their interdependence. The methods of systemic and causal analysis are also applied when considering elements of a single temporal reality. The author came to the conclusion that the construction of various options of the Transpolar Highway, carried out in 1943–1953, was interconnected with the launching of geological exploration on the territory of Yamalo-Nenets National Okrug. The construction of the railway and geological exploration proceeded from the military-strategic conditionality of the question, which was clearly manifested during the Great Patriotic War; in the postwar period, it was supplemented by the need to develop transport communications in the north of Tyumen Oblast and the development of the Northern Sea Route. The author highlights the importance of a personal factor in the development of the geological exploration: initiative in setting tasks by N.A. Sirin, a scientist and geologist; determination in the actions of Ya.A. Malinovsky, the first secretary of the Yamalo-Nenets Okrug Party Committee; efficiency in decision-making by the head of government I.V. Stalin. The author assigns an important role in the activation of the

geological exploration to the natural phenomena of the Nadym–Pur-Taz interfluvium, which created an obstacle to the construction of the railway.

Keywords: Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Tyumen Oblast, Polar and Circumpolar Urals, Nadym–Pur-Taz interfluvium, history, geology, expeditions, mineral resources, fuel and energy resources

For citation: Koleva, G.Yu. (2023) Geological research on the territory of Yamalo-Nenets National Okrug during the implementation of railway construction projects (1943–1953). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 92–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/9

На территории Ямало-Ненецкого автономного округа сосредоточены исключительные запасы минерально-сырьевых, топливно-энергетических и иных природных ресурсов [1]. Путь к ресурсам лежал через геологоразведочные работы. Особо значимым в истории геологического поиска в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) представляется период реализации проектов железнодорожного строительства, когда в целом формировался интерес к освоению территории. На протяжении 1943–1953 гг. разрабатывались три варианта строительства железнодорожной магистрали на территории Ямало-Ненецкого национального округа (ЯННО). Проектирование трех, строительство двух из них повлекло активизацию поисковых и геологоразведочных работ, которые можно разделить на инженерно-геологические изыскания, разведку минеральных ресурсов в зоне Приполярного и Полярного Урала и поиски нефти в Надым-Пур-Тазовском междуречье.

Однако история геологических исследований на территории ЯНАО менее популярна среди историков, чем изучение истории геологоразведочных работ на территориях юга Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа. В историографии проблемы следует выделить подходы «Истории Ямала» (Т. 2, кн. 1), где в разделе II, посвященном периоду первой половины 1940-х гг., в параграфе 4.1 «Изучение природных ресурсов Ямало-Ненецкого Севера» [2. С. 295–296], с объемом чуть более одной страницы, отмечены работы Горно-геологического управления ГУСМП (Главное управление Северного морского пути) под руководством М.Ф. Данилова на «территории Тазовского и Пуровского районов», Геологоразведочного управления комбината «Воркутауголь» НКВД СССР под руководством К.Г. Войновского-Кригера, геолога Г.П. Софронова на Полярном и Приполярном Урале по поиску железных, марганцевых, молибденовых руд и открытию ряда месторождений [2. С. 296], по выявлению экспедицией Наркомзема РСФСР в междуречье Оби и Полюя семи торфяных месторождений [2. С. 295]. По периоду 1946–1950 гг. [3. Кн. 1. С. 303–349] материал о разведочных работах на территории ЯННО отсутствует. Проблемы геологии рассматриваются в параграфе «Накануне великих открытий», охватывающем 1930–1960-е гг. [3. Кн. 2. С. 16–35]. Основная идея изложения: в Западной Сибири поиски месторождений нефти исходили из теории продолжения на запад Нордвик-Хатангской впадины и учета нефтепроявлений в районе Усть-Порта [3. Кн. 2. С. 18–19]. В этом контексте рассматривается экспедиция М.Ф. Данилова 1943 г., показано расширение геологоразведочных и поисковых работ в целом на территории Тюменской области, отмечено открытие Березовского газового месторождения в 1953 г. Не отставлены без внимания экспедиция В.А. Николаева [3. Кн. 2. С. 31], Салехардская экспедиция

ВНИГРИ [3. Кн. 2. С. 30], продолжение поисков с 1958 г. Ямало-Ненецкой комплексной геологоразведочной экспедицией Тюменского геологического управления. В работе авторов В.С. Вовка, Ю.К. Евдошенко «Энергия высоких широт» [4], в параграфе 2.6 «На север Западной Сибири!» [4. С. 132–179], в основу изложения положена идея «движения геологов-нефтяников Главсевморпути от Нордвика и устья Енисея на запад, в сторону Гыданского полуострова, Тазовской губы, низовьев Оби», связываемая с двумя учеными НИИ Геологии Арктики Н.А. Гедройцем и В.Н. Саксом. Акцент сделан на экспедициях 1943 г. и 1951–1952 гг. [4. С. 135, 143], как это имело место в «Истории Ямала».

В целом в историографии данной проблемы исходный момент рассмотрения поисковых работ в ЯННО основывался на теоретических подходах исследователей Таймырского, Нордвик-Хатангского, Енисейского районов, практическая обусловленность геологоразведочных работ по Западной Сибири освещалась слабо. В предлагаемой статье ставится цель показать значение периода 1943–1953 гг. в расширении геологических поисков, развертывание которых обуславливалось потребностями того или иного конкретного периода времени. Архивная база по данной теме скудна. Однако фронтальный просмотр в рамках исследуемого периода фондов Тюменского обкома, Ямало-Ненецкого окружкома, Тазовского, Пуровского, Березовского райкомов партии, Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции ЯНАО, Северной проектно-изыскательской экспедиции позволил найти комплекс документов для реализации поставленной цели – показать тесную взаимозависимость строительства вариантов Трансполярной магистрали с начавшимся широким геологическим изучением территории. Особое место по уникальности среди вновь выявленных документов автор отводит документам фонда 1481, Д. 53 и фонда 717, Д. 1, которые дали возможность обнаружить следующие исторические факты: железная дорога «Воркута–Салехард» 1943–1944 гг. была ориентирована на Пур-Тазовский район, а экспедиция М.Ф. Данилова не только искала нефть, ее задачи были шире. Среди методов исторического исследования, использованных в статье, – метод пространственного обнаружения явления, соотнесение его с пространственным существованием в этом историческом времени других явлений, синхронизация пространственного рассмотрения объектов (явлений) в одном и том же времени, установление связи между ними и взаимозависимости. Также применены методы системного и причинно-следственного анализа при рассмотрении элементов единой временной реальности.

Отметим, что образованный в 1930 г. Ямало-Ненецкий округ опирался на традиционные отрасли хозяйства – оленеводство, пушной промысел, с последующей возрастающей ролью лесозаготовок и лесопереработки, рыбодобычи и рыбопереработки, выхода двух последних на ведущие позиции в структуре экономики. В первой половине 1940-х гг. в жизнь округа вторглись проекты строительства железной дороги. В 1943–1953 гг. предпринимались попытки реализовать несколько разных вариантов сооружения железнодорожной линии как продолжение магистрали «Котлас–Воркута» (в первом варианте дорогу называли «Воркута – Салехард» (1943–1944 гг.), во втором – «Воркута (Чум) – морской порт (Мыс Каменный)» (1947–1949 гг.), в третьем – «Чум–Салехард–Игарка» (1949–1953 гг.) [5. С. 136–137]. Наряду с этими в документах присутствуют названия «Заполярная», «Обь-Печорская магистраль», «Трансполярная» и др. По каждому варианту дороги проводились проектно-изыскательские работы, по второму и третьему – велись строительные работы. Ни один из начинаемых проектов не был завершен. В то же время железнодорожное строительство в ЯННО, сопровождавшееся деятельностью проектно-изыскательских экспедиций с участием геологов, повлекло получение новой информации о территории, благодаря которой руководители округа и области, осознавая возможности изменений в социально-экономическом развитии севера области, стимулировали выдвижение инициатив, касавшихся перспектив территории.

Влияние железнодорожного строительства на развитие ЯННО отразили документы, исходившие от первых руководителей региона. В письме секретаря Тюменского обкома партии И.И. Афонова от 15 ноября 1950 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову находим оценку значимости железной дороги в развитии национального округа, названной в документе «Заполярной», прорезавшей «на 1 000 км по Полярному кругу весь ЯННО от его западных границ до восточных» [6. Д. 515. Л. 26]. Первый секретарь окружного комитета партии ЯННО А.Я. Малиновский неоднократно подчеркивал значение строительства железной дороги, в том числе «в геологических исследованиях в округе», в росте числа «различных экспедиций – геологических, проектно-изыскательских», которые «выполняют важнейшее задание правительства по изучению производительных сил края» [6. Д. 515. Л. 29]. Из докладной записки 1952 г. на имя секретаря Тюменского обкома партии Ф.С. Горячева, исходившей от руководителей ряда геологических организаций, работавших в ЯННО, в том числе начальника Полярно-Уральской экспедиции Н.А. Сирина, «главного геолога Полярно-Уральского управления Сафронова», «главного геолога 7-й экспедиции Галицкого», «начальника Сосьской экспедиции» и др., можно извлечь перечень «экспедиций разных ведомств, проводивших геологические исследования на территории ЯННО», среди них: Полярно-Уральская экспедиция АН СССР, Собинская (Соськая) экспедиция Уральского геологического управления, Седьмая экспедиция Всесоюзного аэрогеологического треста,

Полярно-Уральское управление комбината «Воркута-уголь» МВД СССР, экспедиция Ленгипротранса Министерства путей сообщения СССР, экспедиция Союзно-Уральского Геофизического треста Мингео и др. [6. Д. 645. Л. 59–66]. На севере Западной Сибири с начала 1950-х гг. поисковые работы проводились ВАГТ (Всесоюзный аэрогеологический трест), ВСЕГЕИ (Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт), ВНИИГА (НИИ геологии Арктики), ВНИГРИ (Всесоюзный научно-исследовательский геологоразведочный институт) [7. С. 311]. С 1953 г. начинают работать геологические экспедиции института «Гидропроект»: № 7, 30, 31, 33 [6. Д. 884. Л. 26–29].

Геологические изыскания 1943–1953 гг. на территории ЯННО можно разделить на *инженерно-геологические, разведочные* по поиску ресурсов: *минеральных* – в зоне Полярного и Приполярного Урала; и *топливных* – торфа, нефти в Пур-Тазовском районе. Все эти работы прослеживались в рамках проектирования дорог первого, второго и третьего вариантов строительства, во многом этим строительством обуславливались.

Проектно-изыскательские работы по дороге «Воркута–Салехард» были возложены на Уральскую экспедицию Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД СССР, под руководством Н.Д. Михеева; по дороге от Северо-Печорской железной дороги до предполагаемого порта Мыс Каменный – на «Северную проектно-изыскательскую экспедицию МВД СССР и ГУСМП», возглавляемую П.К. Татаринцевым. В 1949 г. организована «Объединенная Северная экспедиция», руководителем которой был П.К. Татаринцев. В ее составе созданы три экспедиции: Обская (участок Салехард–Надым), Надымская (участок река Надым – река Таз), Енисейская. Экспедиции имели сложный состав, включали гидрографические, топогеодезические, поисковые, инженерно-геологические партии, сотрудниками экспедиции были геодезисты, геофизики, гидрологи, геологи, картографы, топографы, буровые мастера [5. С. 137–139]. У двух проектно-изыскательских экспедиций – первой и третьей, наряду с Салехардом, база была в фактории Уренгой.

С учетом более частого упоминания в документах, на первый план ставим *поисковые работы на Приполярном и Полярном Урале*. Они касались Ханты-Мансийского (ХМНО) и Ямало-Ненецкого национальных округов. На территории ХМНО, конечно, вне железнодорожного строительства, они начались в 1930-е гг. Велись Полярно-Уральской экспедицией, созданной в 1935 г. в составе треста «Русские самоцветы», со специализацией на поиске и добыче кварцевого сырья. В 1937 г. приказом Наркомата Оборонной промышленности СССР от 28 июля за № 259 экспедиция была подчинена Государственному тресту № 13 5-го Главного управления наркомата. В 1939 г. трест был передан 7-му Главному управлению Наркомата авиационной промышленности, а с 1940 по 1946 г. трест № 13, а вместе с ним и Полярно-Уральская экспедиция относились к Министерству электропромышленности СССР [8. С. 10, 62, 63, 78, 90]. Документы Березовского районного комитета

КПСС [9. Д. 14. Л. 19] отразили, что в годы Великой Отечественной войны трест № 13 действовал по специальным постановлениям Государственного комитета обороны, да и после войны военно-оборонная составляющая деятельности была сохранена [8. С. 133]. База экспедиции первоначально была у горы Неройка, со второй половины 1940-х – в селе Саранпауль ХМНО [9. Д. 20. Л. 63]. Численность экспедиции зимой составляла 200 человек, летом – 488–500 человек [9. Д. 19. Л. 93]. Проводилась разведка пьезокварца, выявлялись хрустальные жилы, предпочтение отдавалось поиску и добыче «уникального хрусталя» в «моноблоках». Продукция добычи в отчетах обозначена как «оптика», продукция «А», «Б», «С» [9. Д. 5. Л. 66; Д. 6. Л. 166–169; Д. 13. Л. 35; Д. 14. Л. 19; Д. 19. Л. 3, 93; Д. 20. Л. 69].

На территории Полярного Урала ЯННО, площадь которого составляла 2 517 кв. км, также действовала Полярно-Уральская экспедиция. Ее деятельность проявилась со второй половины 1940-х гг., отличалась по направленности от деятельности экспедиции с аналогичным названием в ХМНО. Разобраться с подчиненностью Полярно-Уральской экспедиции ЯННО достаточно сложно. А.Н. Сирин называл себя начальником Полярно-Уральской комплексной экспедиции АН СССР. Из документов фонда первичной партийной организации Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции (ПУГРЭ) следует, что базировалась она в г. Салехарде, относилась к комбинату «Воркутауголь» [10. Д. 21. Л. 15], подчинялась Главному геологическому управлению.

Сведения о поисковых структурах, работавших в зоне Приполярного и Полярного Урала ЯННО, встречаются в обращениях в вышестоящие инстанции руководителей Тюменской области, окружкома партии. По данным, приводимым в письме от 5 ноября 1950 г. первого секретаря ЯННО А.Я. Малиновского на имя И.В. Сталина, в округе на 1949 г. на Приполярном и Полярном Урале работали 12 партий *Полярно-Уральской экспедиции Академии наук СССР* с общим числом 60 человек; Сосьская экспедиция Уральского геологического управления Министерства геологии РСФСР; геофизическая группа Уральского геофизического треста; несколько геологических партий Воркутинского угольного комбината МВД СССР [6. Д. 515, Л. 18]. Все экспедиции, по оценке Малиновского, являлись малочисленными, масштабы и размеры геологических исследований их были крайне малы и не отвечали требованиям времени [6. Д. 515. Л. 18 об.]. В обращении секретаря окружкома партии Г.Я. Кузнецова, сменившего на этом посту Малиновского, на имя первого секретаря Тюменского обкома Ф.С. Горячева можно найти результаты работ в округе: «получены новые данные по геологии и полезным ископаемым Полярного Урала; выявлен новый редкометальный район и разведано Харбейское месторождение; продолжалась разведка Ханмейского и Немур-юганского месторождений; обнаружены свинцово-цинковое оруденения, месторождения слюды, асбеста, мрамора» [6. Д. 645. Л. 65]. Перечисленные результаты относились к деятельности ПУГРЭ Главного геологического управления [10. Д. 2. Л. 5].

При чем тут железнодорожное строительство в округе, находим в воспоминаниях ветерана геологии Игоря Перминова. Он писал, что «базой Полярно-Уральской экспедиции в ЯННО стал пос. Полярный, находившийся на 110 км Трансполярной магистрали между Воркутой и Лабытнангами, вблизи поста № 106. В этом месте началась добыча гравия и песка для строительства дороги [11]. И. Перминов подчеркивал, что «прокладка железнодорожных путей послужила практической предпосылкой к исследованию и освоению горной территории округа», да и место для поселка было выбрано при участии геолога Г.П. Софронова во время изыскания трассы на Лабытнанги [12]. С 1950-х гг. начались поиски молибденовых руд. И. Перминов, как бывший сотрудник экспедиции, утверждал, что в Харбейское месторождение молибдена было открыто еще в 1944 г., оно дало начало Полярно-Уральскому управлению Воркутлага Главного управления лагерей и Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции. Была организована добыча молибдена, создан Харбейский рудник с обогащательной фабрикой. В Марункеу в 1947–1948 гг. началась добыча радиотехнической слюды. В воспоминаниях И. Перминова говорится, что «Полярно-Уральская экспедиция в ЯННО действовала от восточного склона Полярного Урала до Байдарацкой губы на севере 69°с.ш., и до верховьев рек Хулга и Лемва на юге 65°с.ш.» [12]. То, что Перминов говорит о Полярно-Уральской экспедиции, в документах партийной организации ПУГРЭ относится к Харбейской геологоразведочной партии. Снабжалась экспедиция «Уральским управлением», находилась под руководством «комбината Воркутауголь». В составе экспедиции имелось 4 партии: Харбейская, Ханмейская, Немур-юганская, Нижне-Ханмейская [10. Д. 21. Л. 5, 15]. В экспедиции работали 12 «полярно-разведочных и геолого-съёмочных экспедиций», из них 10 – сезонных, 2 – стационарные [10. Д. 22. Л. 50 об.].

Доктор геолого-минералогических наук Н.А. Сирин, который активно отстаивал перспективы Полярного Урала, в том числе в обращениях в Тюменский обком, Ямало-Ненецкий окружком партии, подписывался как начальник Полярно-Уральской экспедиции АН СССР. В 1951–1952 гг. он указывал, что Геологической экспедицией Академии наук СССР по восточному склону Полярного Урала обнаружены месторождения железных руд (Рудные горки № 1), в северной части Полярного Урала (бассейн реки Щучьей) выявлена битуминозность пород, зафиксированы признаки бурых углей, колчеданного и редкометального оруденения. Седьмой экспедицией Всесоюзного аэрологического треста в ряде мест констатирована битуминозность пород, признаки марганцевого оруденения. По словам Н.А. Сирина, «есть основания полагать, что на Полярном Урале, при более детальных геолого-поисковых работах, будут обнаружены промышленные месторождения полезных ископаемых» [6. Д. 645. С. 59–66]. На его взгляд, «большая часть Полярного Урала оставалась слабо изученной, работа экспедиций разобщена, координация действий отсутствовала» [6. Д. 645. С. 59–66].

Николай Андреевич Сирин (1901–1964) являлся активным сторонником расширения геологоразведочных работ в округе. Родился в д. Лузгино Иркутской области. В 1931 г. окончил геологоразведочный факультет Уральского горного института, в 1939–1940 гг., 1943–1964 гг. являлся старшим научным сотрудником Института геологических наук Академии наук СССР. С 1940 по 1943 г. был директором Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья. В открытых источниках указывается, что с 1936 по 1940-е гг. возглавлял работы Полярно-Уральской экспедиции Всесоюзного арктического института, а с 1943 по 1953 г. руководил комплексной Полярно-Уральской экспедицией Академии наук СССР [13]. Согласно документам ГАСПИТО, Н.А. Сирин, проживая в Москве, направлял обращения по расширению геологоразведочных работ в ЯННО секретарям Тюменского обкома партии Ф.С. Чубарову, И.И. Афанову, первому секретарю Ямало-ненецкого окружкома партии А.Я. Малиновскому, отстаивал идеи изучения геологического строения Тюменской области, создания геологических и топографических карт, утверждал, что территория Тюменской области является одной из наименее изученных областей СССР. Н.А. Сирин обращал внимание на то, что съемкой покрыта только территория Полярного и Приполярного Урала, территория к востоку от Урала, по существу, оставалась «белым пятном». Его активность опиралась на открытиях на Приполярном и Полярном Урале ЯННО «промышленного значения запасов горного хрусталя», выявлении «признаков марганцевого оруденения», открытии месторождений хромита, «рассыпных месторождений золота и платины». Одновременно Н.А. Сирин считал, что Западно-Сибирская низменность является «не безинтересной в смысле нефтеносности» [14. Д. 2544. Л. 90, 90 об., 91]. В числе первоочередных задач выделял охват аэрофотосъемкой всей территории области; составление топографических карт; создание геологической карты области; завершение геологической съемки Приполярного и Полярного Урала; проведение геолого-поисковых и разведочных работ по поискам бурых углей; геофизических работ с целью обнаружения нефтеносных структур Западно-сибирской низменности [14. Д. 2544. Л. 91 об., 92].

Многие положения обращений, докладных записок Н.А. Сирина на имя секретарей Тюменского обкома партии Ф.С. Чубарова, И.И. Афанова, первого секретаря окружкома партии ЯННО А.Я. Малиновского вошли в основу обращений уже самих руководителей Тюменской области и ЯННО в ЦК партии: на имя секретаря ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова (15 ноября 1950 г. – секретарь Тюменского обкома партии И.И. Афанов; 15 декабря 1950 г. – А.Я. Малиновский) [6. Д. 51. Л. 26–30]. 5 ноября 1950 г. А.Я. Малиновский в письме на имя главы правительства СССР И.В. Сталина представил «Справку» под названием «Вопросы промышленного и транспортного строительства в Ямало-Ненецком национальном округе», ее основу составила докладная записка Сирина. В письме Малиновского говорилось: «Огромная территория Ямало-Ненецкого национального округа, составляющая 787 тыс. кв. км,

простирающаяся с запада на восток на 1 180 км, и с севера на юг – на 1 250 км, в геологическом отношении остается почти не изученной». И все последующее изложение сконцентрировалось на одной идее: «Строительство Обь-Печорской железной дороги ставит в качестве неотложной задачи всестороннее и широкое изучение и промышленное освоение районов Предполярного и Полярного Урала [6. Д. 515. Л. 2]. А.Я. Малиновский поддерживал вопрос о геологическом изучении Приполярного и Полярного Урала, опираясь на материалы Н.А. Сирина приводил данные об открытии «ряда железнорудных точек на Приполярном и Полярном Урале, выявлении признаков бурых углей и гранитных интрузий, признаков редкометального оруденения в Березовском районе Приполярного Урала, а на Полярном Урале (ЯННО) обнаружении ряда месторождений молибдена и слюды». Подчеркивал, что «Приполярный и Полярный Урал являются в высшей степени перспективными по целому ряду полезных ископаемых – железу, редким металлам, углям, марганцу, флюоритам, хромитам, благородным металлам». Высказывал мнение, что требуется «постановка более широких и интенсивных геологических исследований, геолого-поисковых и разведочных работ и их промышленного освоения» [6. Д. 515. Л. 21 об.]. Просил «поручить Академии наук значительно расширить изучение ископаемых богатств Полярного Урала, провести научные геологические исследования». В п. 3 обращения ставился вопрос о расширении поисковых работ на редкие металлы, и передаче в промышленную эксплуатацию месторождений Урал-1 (Харбей), Урал-2 (Немур-Юган), Урал-3 (Лонгорт-Юган) [6. Д. 515. Л. 24]. В п. 5 обращения предлагал «для обобщения и обсуждения результатов геологических и геолого-разведочных работ, проведенных в предыдущие годы различными организациями на Приполярном и Полярном Урале, а также для определения более широких планов и перспектив на ближайшие 2–3 года, дальнейшего изучения производительных сил огромного северного региона, поручить Академии наук провести в г. Салехарде осенью 1951 г. широкое совещание или конференцию научных и практических работников геологии, работающих на севере, с участием представителей АН СССР и Мингео СССР» [6. Д. 515. Л. 24, 25].

Следует сказать и об Александре Яковлевиче Малиновском, первом секретаре Ямало-Ненецкого окружкома партии в 1948–1951 гг., выступавшем в качестве активного сторонника геологоразведочных работ в регионе. Родился Александр Яковлевич 1 ноября 1913 г. в селе Ципино Топкинского района Кемеровской области (Томской губернии). В его жизни было обучение в сельскохозяйственной школе в Новосибирске, продвижение по комсомольской линии, вступление в 1939 г. в партию и переход с этого времени на стезю партийно-карьерного роста. Он принимал участие в Великой Отечественной войне: в 1941–1942 гг. служил старшим инструктором политотдела 374-й стрелковой дивизии на Волховском, затем Ленинградском фронтах, после демобилизации работал инструктором отдела кадров Новосибирского обкома партии, заведующим сельхозотдела окружкома партии в

г. Колпашево, заместителем заведующего сельхозотделом Томского обкома партии. В 1944–1946 г. являлся слушателем курсов при ЦК ВКП(б) в Москве, после чего был направлен на работу в Тюменский обком партии заместителем заведующего оргинструкторским отделом. В 1948 г. стал первым секретарем Ямало-ненецкого окружкома партии. Было ему на момент назначения 35 лет. Занимал должность первого секретаря окружкома до начала 1951 г. Он проявил себя как энергичный, инициативный руководитель, выступавший за более интенсивное социально-экономическое, транспортное, культурное развитие Ямало-Ненецкого округа и города Салехарда. Активно поддерживал развитие геологоразведочных работ в округе. Его письмо И.В. Сталину имело очень значительные последствия, сред них:

1. В декабре 1950 г. на имя Малиновского, месяц спустя после его обращения на имя И.В. Сталина, поступило письмо от ВрИО председателя Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР академика В.С. Немчинова «Об итогах геологоразведочных работ Урало-Печоры за 1950 г. и о плане работ на 1951 г.»;

2. Руководство ЯННО информировалось, что «СОПС АН СССР совместно с отделением геолого-географических наук АН СССР наметили провести закрытое заседание комплексной Урало-Печорской комиссии АН СССР, на котором должны быть рассмотрены и обсуждены итоги поисковых и разведочных работ в 1950 г. по району «Урало-Печорь». Сообщалось, что заседание назначено на 5 февраля 1951 г. под председательством академика АН СССР Д.С. Белянкина, с приглашением представителей Института геологических наук, СОПС, филиалов Уральского и Коми АССР АН СССР, Министерства геологии и Министерства внутренних дел СССР. Приглашали принять участие представителя от окружкома партии ЯННО [6. Д. 573. Л. 16].

Был выслан план заседания Комплексной Урало-Печорской комиссии по вопросу геологоразведочных работ в районе Урало-Печоры. Планировались выступления: академика В.С. Немчинова с докладом «О проблемах развития Урало-Печоры»; доктора геолого-минералогических наук Института геологических наук Н.А. Сирина по проблеме «О геологическом строении восточного склона Приполярного и Полярного Урала, перспективах наличия месторождений и плане работ на 1951 г.»; представителей Министерства геологии К.Е. Кожевникова, М.И. Меркулова с докладом «Итоги работ на Северном, Полярном и Приполярном Урале в 1950 г. и плане работ в 1951 г.»; сотрудников Горно-геологического управления МВД СССР «Итоги поисковых и геологоразведочных работ в районе железной линии «Воркута–Салехард» в 1950 и планах на 1951 г.» [6. Д. 573. Л. 15]. Документы имели гриф «Секретно». На приглашение принять участие в запланированном заседании, за подписью Малиновского, последовала телеграмма в Москву, что представителей ЯННО на заседании не будет [6. Д. 573. Л. 16]. Возможно, это было связано с принятием решения о направлении Малиновского на учебу в Высшую партийную школу ЦК партии

в Москву и поиском новой кандидатуры на должность первого секретаря окружкома партии.

3–4 декабря 1950 г. из Госплана СССР за № 6296с в ЯННО пришел ответ «О промышленном и транспортном строительстве в ЯННО», подписанный заместителем председателя Госплана СССР А. Дегтярем. В ответе говорилось, что «на обращение окружкома партии ЯННО с письмом в Совет Министров СССР о рассмотрении вопроса об изучении ископаемых богатств восточного склона Приполярного и Полярного Урала, о создании Урало-Печорской угольно-металлургической базы, строительстве Урало-Печорской железной дороги» **последовало распоряжение Совета министров СССР от 14 июля 1950 г.** Госплану поручено совместно с Академией наук СССР, министерствами металлургической промышленности, внутренних дел СССР, угольной промышленности, путей сообщения, разработать и представить в Совет министров СССР комплексный план мероприятий, связанных с решением задач развития Урало-Печорской угольно-металлургической базы. Сообщалось, что Госплан уже начал работать над указанным планом мероприятий [6. Д. 573. Л. 24];

4. На состоявшемся при окружкоме партии 7 декабря 1952 г. совещании начальников и главных геологов всех экспедиций, работавших на территории Ямало-Ненецкого округа, обсуждался вопрос «недостаточной координации действий и отсутствии обмена материалами между экспедициями различных ведомств, приводивших к перекрытию и дублированию работ, нерациональной трате средств и времени» [6. Д. 649. Л. 60]. Высказано было мнение, что «в связи с проектированием железной дороги на восточном склоне Урала, строительством железной дороги “Салехард–Игарка” назрела необходимость более быстрого проведения в крупных масштабах геологических работ на всей территории Ямало-Ненецкого округа, и особенно на Полярном Урале» [6. Д. 649. Л. 60].

Совещание обратилось к Тюменскому обкому партии с просьбой поставить перед ЦК КПСС и Советом министров СССР следующие задачи: обязать Полярно-Уральское геологическое управление Комбината «Воркутауголь» МВД СССР провести в более крупных масштабах поисково-разведочные работы не только на редкие металлы, но и «другие полезные ископаемые» Полярного Урала, обязать разведать в 1953 г. месторождение железных руд «Рудная горка № 1»; расширить работы Уральского геологического управления Министерства геологии СССР, покрыть геологической съемкой масштаба 1: 300 000 весь Полярный Урал; усилить на Полярном Урале научно-исследовательские работы силами геологических организаций АН СССР.

Особое внимание обращает на себя следующая постановка вопроса: Просили «обязать АН СССР и Мингео СССР провести геологические и геофизические исследования правобережья р. Оби, Обь-Енисейского водораздела, и в первую очередь вдоль трассы железной дороги “Салехард–Игарка”, провести поисковые работы на нефть, бурый уголь, марганцы в северной части Полярного Урала, пробурить ряд опорных скважин в низовьях Оби, по побережьям Обской и Тазовской

губ, и вдоль железной дороги «Салехард–Игарка». Выдвигалась идея сделать основной организацией, ведущей работы на Полярном Урале, Полярно-Уральское геологическое управление «Воркутакомбинат» МВД СССР, с сосредоточением в нем всех геологических фондов по Полярному Уралу. Предлагалось поставить задачу перед всеми организациями, проводящими геологические и геофизические работы по Полярному Уралу, один экземпляр отчета передавать в Полярно-Уральское геологическое управление. Предлагали выделить Геологическое управление из состава Воркутакомбината МВД, подчинить его непосредственно главку» (геологическому) [6. Д. 649. Л. 61].

Таким образом, геологоразведочные работы по Полярному и Приполярному Уралу развивались, они давали результаты, к ним был проявлен интерес руководства страны, ряда министерств, крупных научных организаций.

Однако после прекращения работ на строительстве Трансполярной магистрали, ликвидации ГУЛАГа, работы на Полярном Урале сначала были переданы в Министерство угольной промышленности, затем – Уральское геологическое управление Министерства геологии и охраны недр СССР. Материальное положение организаций ухудшилось, снабжение техникой стало сокращаться. С началом закупки молибдена у Китая работы стали переводить в консервацию [12].

В 1957–1958 гг., с образованием Тюменского геологического управления, созданием Ямальской ГРЭ, работы по Полярному и Приполярному Уралу были возобновлены, партии стали базироваться на Ангальском мысу и ст. Обской. Работы расширялись в 1960–1980-е гг. К настоящему времени на территории округа выявлены месторождения металлических и неметаллических ископаемых. Среди металлических ископаемых есть месторождения черных металлов (железной руды, хромовых руд), цветных металлов (свинца, олова), три редкометальных месторождения, а также месторождения золота, в том числе с запасами серебра. Из неметаллических полезных ископаемых, выявленных в округе, найдены месторождения баритовых руд, запасы дунита, брусита, лунита и т.д.

Углеводородные ресурсы. Наибольшую значимость в современной экономике страны имеют углеводородные ресурсы (УВР) ЯНАО, где сложилась их уникальная ресурсная база. Доля округа в общемировых доказанных запасах газа – 18%, в общероссийских – 65%, в запасах нефти и конденсата – 2% и 18% соответственно, имеется 236 месторождений углеводородов (УВ), из которых 89 разрабатывается, 147 месторождений находятся в доразведке. В ЯНАО добывается более 80% российского газа, около 8% общероссийской нефти. Добыча углеводородного сырья в основном осуществляется в Надым-Пур-Тазовской нефтегазоносной области [1].

Истоки поисковых работ с целью выявления запасов нефти относятся также к рассматриваемому в статье периоду. В 1940–1950-е гг., в непосредственной увязке с временем железнодорожного строительства,

появлялась информация о поисковых работах «на нефть», которые привели к определению нефтегазовых перспектив, а в последующем – к работам «на газ». Самой ранней и широко известной в ученых кругах поисковой экспедицией «на нефть» являлась «экспедиция В.Н. Сакса» (1943 г.), хотя это была геологоразведочная партия в составе экспедиции М.Ф. Данилова. Кто-то может задать вопрос, как это связано со строительством железной дороги, было ли в это время строительство? Ответ на него сложный.

Первый вариант строительства железной дороги по территории ЯННО, как и первые поисковые работы на «нефть», относится к 1943 г. Дорогу называли «Воркута–Салехард». Ее идея возникла в условиях завершения строительства железной дороги «Котлас–Воркута». В рамках планов строительства дороги появилась информация о поисковых работах «на нефть». Это был самый разгар Великой Отечественной войны, период очень сложный в военном отношении для Арктики. Как в этот период возникла идея строительства железной дороги?

1. Дорога «Воркута–Салехард» и Пур-Тазовский район. С завершением сооружения дороги «Котлас–Воркута» начинается планирование дороги «Воркута–Салехард». Проектно-изыскательские работы по предполагаемой дороге были возложены на Уральскую экспедицию Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД, под руководством Н.Д. Михеева [5. С. 136–137]. Летом 1944 г. в Надымском, Пуровском районах проводились изыскания Норильской комплексной экспедиции Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД [5. С. 136–137]. Они включали аэросъемочные, геодезические, геологоразведочные работы. Исходя из названия трассы «Воркута–Салехард» трудно связать с ней с работы в Надымском и Пуровском районах, в том числе «на нефть». От Салехарда до реки Пур 480 км. Найденный в ГАСПИТО документ заседания исполкома Пуровского райсовета, при участии представителей районного комитета ВКП(б), проходившего 23 марта 1944 г., отразил обсуждение вопроса «Об оказании помощи в работе Норильской комплексной экспедиции Желдорпроекта ГУЛЖДС НКВД СССР». Давалась отсылка к решению исполкома Омского областного совета от 6 декабря 1943 г. «Об оказании повседневной практической помощи экспедиции». Из документа следует, что «экспедиция на территории Пуровского района должна была заниматься аэросъемочными, геодезическими, геологическими и обследовательскими работами», «работы нужно было начать немедленно и их форсировать на территории Пуровского района». А в качестве базовой точки экспедиции в документе названа фактория Уренгой. Расстояние от Салехарда до этой фактории превышало 500 км. Согласно вышеуказанному заседанию, выделялось жилье (помещения) для членов экспедиции в фактории Уренгой, в единственном доме фактории: одна комната для рабочих, складские помещения – под продукты и снаряжение, помещение, оставшееся после засолки рыбы на Пуровском рыбозаводе участка Уренгой передавалось во временное пользование начальнику экспедиции Желдорпроекта Домра-

чеву [9. Д. 53. Л. 13–13 об.]. Таким образом, в строительстве дороги особое место отводилось Пуровскому району и фактории Уренгой. Исходя из этого можно сделать вывод, что дорога вовсе и не была дорогой «Воркута–Салехард», а как минимум должна была пойти в сторону фактории Уренгой, которая стояла на правом берегу Пура. А зачем?

2. Проблема морского порта в Карском море. Вопросы железнодорожного строительства в арктических широтах со времен XIX в. ориентировались на строительство морских портов. Согласно данным М.И. Белова, перед войной рассматривалось проведение дороги от Воркуты до Югорского шара [15. С. 36]. В информации о железной дороге «Воркута–Салехард» на территории ЯННО о порте нет никаких упоминаний. Знаем, что по итогам исследования Обской губы и Енисея, в 1921–1923 гг. в одной из бухт западного побережья Обской губы был создан порт, получивший название «Новый порт», но он не обладал необходимыми глубинами для захода морского транспорта [16. С. 31, 75, 102, 105–106]. В период строительства Нового порта строился Усть-Порт на Енисее. Вопрос о крупном морском порте в Карском море или в его заливах на Северном морском пути сохранялся.

3. Бухта Находка. «Пуровские вехи». Со времен Карских экспедиций (1919–1939 гг.) в работе по доставке грузов называлась бухта Находка на восточном берегу Тазовской губы. Значимость бухты Находка подчеркивало размещение там радиостанции, наряду с селом Обдорским (будущий Салехард). Тазовская губа в целом активно использовалась для завоза грузов и в начале 1950-х гг. Грузы везли до «Пуровских вех», так называлось устье Пура [17. Д. 17. Л. 21]. Сюда в период строительства Трансполярной магистрали доходили суда с грузами для Тазовского, Пуровского, Красноселькупского районов. Использовалась и Тазовская пристань для перевалки грузов с рейдовых судов на Тазовский причал [17. Д. 17. Л. 21].

4. Великая Отечественная война. Немецкие подводные лодки в Карском море. Перевод советских подводных лодок в Карское море. Встает вопрос, с какой целью в такую удаленную точку ЯННО, как фактория «Уренгой», тянуть железную дорогу. А если и порт строить – с какой целью, да еще в столь тяжелейший для страны период времени? Почему именно здесь стала действовать экспедиция М.Ф. Данилова, а начальник одной из партий экспедиции В.Н. Сакс определил перспективы нефтеносности территории? Обращает на себя внимание ситуация, изложенная в томе 4 «Истории открытия и освоения Северного морского пути», что в 1943 г. в Карское море «вошло большее число, чем в 1942 г., немецких подводных лодок». Военные события в Арктике в целом обострились, было потоплено несколько советских кораблей. Советские ледоколы из Белого моря и подводные лодки с запада были переведены в Карское море» [15. С. 470, 473]. Интерес немецкого командования к Арктике был связан и со стремлением не дать возможности продвигаться караванам судов с поставками по ленд-лизу.

5. Потребность в топливе. Учитывая рост числа военных кораблей в Карском море, топливная проблема стояла остро. М.И. Белов отмечал, что уголь был «приготовлен на Енисее», а также то, что угля не хватало; третье – это то, что из Печоры в Обь был осуществлен перегон (в Новый порт) еще и речных судов [15. С. 472]. В 1943 г. в Арктике, произошло увеличение советских подводных лодок и ледоколов в Карском море, а речных судов – в Новом порту.

6. Потребность в угле. В 1943 г. был поставлен вопрос о строительстве дороги «Воркута–Салехард». При определении цели строительства, в частности, выдвигаем предположение о необходимости переброски воркутинского угля для решения части топливной проблемы в Ямало-Ненецком округе. Для этого требовалось срочное строительство дороги.

7. Потребность в нефти. А вот подводные лодки работали на дизельном топливе, а значит, требовалась нефть. Нефть нужна была и речным судам. Практическая необходимость в нефти была высокой, могла быть связана и с возможным использованием бухты Находка, в том числе и в военных целях. Бухта находилась в Тазовской губе и использовалась в период проведения Карских экспедиций, да и после завершения строительства Трансполярной магистрали часто упоминалась в телеграммах по приему грузов в 1950-е гг. [6. Д. 715. Л. 160, 161, 162].

8. Дефицит топлива для Тазовского района, в котором и проводились поисковые работы «на нефть» в 1943 г., обсуждался на заседании бюро Тазовского райкома партии 4 февраля 1944 г. Обращаясь к дефициту топлива, как угля, так и нефти, на заседании райкома партии говорили, что нефть можно «завести с первым караваном». Подчеркивалось: «нефть отсутствует совсем», «завоз дров с верховьев Таза представляет трудности», «не хватает горючего для самоходного и не самоходного флота» [17. Д. 17. Л. 31]. Авторы работы «Энергия высоких широт» В.С. Вовк и Ю.В. Евдошенко пишут, что в период Великой Отечественной войны «северная нефть нужна была как никогда». Исследователи приводят телеграмму И.Д. Папанина о нехватке бензина в Архангельском порту в условиях подошедшего «каравана» с грузами» [4. С. 115], говорят о том, что вопросы поисков нефти в Арктике курировал ГКО, в СНК – заместитель председателя Л.П. Берия [4. С. 120]. Поисковые работы в Арктике «экономически обосновывались ростом потребностей в нефтепродуктах для предприятий и организаций, расположенных в районах Крайнего Севера, тяготеющих к СМП» [4. С. 120–121]. С этой потребностью в нефти, по данным выше названных авторов, «4 февраля 1943 г. Горно-Геологическое управление приняло решение об организации на базе Усть-Енисейской экспедиции Северной Тазовской экспедиции для маршрутных исследований геологии района, тяготеющего к Тазовской губе» [4. С. 134]. В апреле 1943 г. два отряда Тазовской экспедиции были переброшены из Дудинки в центр Тазовского района в пос. Хальмер-Седе [4. С. 135].

Таким образом, приходим к выводу, что практическая необходимость в топливе стала диктовать строительство дороги, с возможной доставкой угля из Воркуты, а также и поиски нефти в районе Пура и Таза в соответствии с научными идеями, но под влиянием необходимости снабжения топливом военных и гражданских судов в Тазовской губе. Вопрос о поисках нефти в Западной Сибири не был неожиданным. Этот вопрос в 1930–1940-е гг. ставили начальник Главгеологии В.М. Сеньюков (сентябрь 1939 г.), Государственный геофизический трест (октябрь–ноябрь 1939 г.), Наркомат нефтяной промышленности СССР (ноябрь 1939 г.), бюро «Сибнефти» Главгеологии (август 1941 г.), Главнефтегазразведка (июнь 1942 г.) [16. С. 48–55]. Однако ни в одном из документов о перспективах поиска нефти в Западной Сибири, в северных районах ЯННО, не говорилось, тем более на территории Пура, Надыма, Таза. Практическая потребность соединялась с научным прогнозом по более восточным районам СССР и опиралась на него. Проблемы с топливом в ЯННО возросли при переброске ледоколов, подводных лодок, катеров в заливы Карского моря [6. Д. 715. Л. 92] в условиях усиления военной активности в Арктике. Трудности доставки топлива и его необходимость совпадают по времени с постановкой вопроса о строительстве дороги «Воркута–Салехард», с началом работы проектно-изыскательских экспедиций, геологической экспедиции в районе рек Пур, Таз.

Экспедиция М.Ф. Данилова. Документ «Отчет начальника геологической партии Тазовской экспедиции Главсевморпути В.Н. Сакса “О маршрутных геологических исследованиях в бассейнах Мессо, Пура и низовьев Таза в 1943 г.”» написан был в 1945 г. в Ленинграде [18. С. 60–63]. Экспедиция работала в мае–августе 1943 г., ее возглавлял М.Ф. Данилов, а В.Н. Сакс и И.П. Лугинец были руководителями геологических партий. Данных о М.Ф. Данилове найти не удалось, о В.Н. Саксе информация есть: 33 года, геологическое образование получил в Ленинградском горном институте, в 1935–1940-х гг. работал в Арктическом институте, реорганизованном в Институт геологии Арктики (1948–1958). В момент проведения экспедиции работал в Горно-геологическом управлении Главсевморпути (ГГУ ГУСМП) [19]. И.П. Лугинец (1911 года рождения) был выходцем из Полтавской губернии, имел высшее геологическое образование, прошел в 1941–1942 гг. арест (19 декабря 1941 г., ст. 58 УК РСФСР. п. 10, 11), осуждение, реабилитацию (12 февраля 1942 г. ст. 4 п. 5, ст. 204 УПК РСФСР). Проживал в пос. Кожевниково Хатангского района Красноярского края, Таймырского АО, работал главным геологом Нордвикской нефтегазразведочной экспедиции ГУСМП [20].

Геологические партии Сакса и Лугинца в 1943 г. работали по левому и правому берегам р. Таз, брали пробы в озере у реки Харвута, ручье, впадающем в реку Сенеби-яху. Вода в этих водоемах определялась как «первой солености», присущей морской воде, тогда как пробы в нижнем течении р. Таз, р. Мерома, низовьях р. Пур характеризовались «второй соленостью», с большей долей опресненности. Сравнение с

водой района Усть-Енисейского порта «с высокой первой соленостью», с учетом «обильных признаков нефти на Енисее» позволили сделать вывод о предпосылках поиска нефти в низовьях Таза. В.Н. Сакс считал, что «нефтепоисковые работы на севере Западно-Сибирской низменности» нужно «направить в пределы Мессо и Таза, и Нижне-Обской впадины, захватывающей и бассейн Надыма», также писал, что «выделение Пуровского хребта и соседних с ним впадин еще нуждается в подтверждении» [18. С. 62–63].

В последующем биографии В.Н. Сакса и И.П. Лугинца были связаны с геологией страны, прежде всего Западной Сибири. Каждый внес важный вклад в геологию: В.Н. Сакс с 1958 г., когда он уже был доктором наук, членом-корреспондентом АН СССР, начал работу в Новосибирском Институте геологии и геофизики СО АН СССР в качестве заведующего лабораторией стратиграфии и палеонтологии мезозоя и кайнозоя. Он последовательно отстаивал представления о высокой перспективности нефти и газа из мезозойских отложений в Западной Сибири [21]. Жизнь И.П. Лугинца, ставшего кандидатом геолого-минералогических наук, участвовавшего во многих экспедициях на Востоке страны, на завершающем этапе была связана с поисками и открытиями первой нефти в Томской области, в том числе в 1962 г. Соснинского нефтяного месторождения [20].

Сведения о проведенных в 1943 г. геологических поисках нефти имеют отголосок в 1944 г. На заседании Тазовского райкома партии 16 февраля 1944 г., при слушании вопроса «О работе геологоразведочной экспедиции» выступил руководитель экспедиции Горно-геологического управления ГУСМП СНК СССР М.Ф. Данилов. Он сообщил, что экспедиция работала на территории Тазовского района в 1943 г. с мая по ноябрь, провела «исследования источников нефти, каменной соды по берегам Тазовской губы, рек Таз, Пур, Мессо, прошла маршрут в 2 170 км», обнаружила «места, сложенные плотными породами, дающими возможность предположить нефтеносность и наличие каменной соды» (в документе то соды, то соли) у пос. Находка и в районе Тибейсале. У берега р. Еремки открыла месторождения торфа [17. Д. 1. Л. 2–2 об.]. Данилов сообщил, что работы завершились, 22 сентября 1943 г. экспедиция выехала. Бюро райкома поставило вопрос о продлении работы экспедиции, продолжении исследовательских, поисковых, геологических, научных работ. Наметили сбор краеведческих данных по источникам выходов нефти, поставили задачу «через мастерские лесоучастка и другие хозяйственные органы организовать добычу торфа для нужд района» [17. Д. 1. Л. 2–2 об.]. Но далее в материалах райкома партии сведений о каких-либо геологических исследованиях нет [17. Д. 100, 17, 21, 13]. Единичные найденные в ГАСПИТО документы, касающиеся проблем геологического поиска, имели отметку «Секретно», «Строго секретно», в настоящее время стоит штамп «Рассекречено». **Конечно, остается вопрос, все ли подобного рода документы рассекречены.**

В этом же районе, рядом с Тазовским, в Пуровском районе ЯННО, проводились исследовательские работы,

связанные с железнодорожным строительством, о чем свидетельствует документ за 1944 г., обнаруженный в фонде Пуровского райкома партии [22. Д. 53. Л. 13–13 об.]. Документ, датированный 23 марта 1944 г., отражает заседание Пуровского райсовета и Пуровского райкома партии, на котором были рассмотрены вопросы о работе Норильской экспедиции Желдорпроекта ГУЖДС НКВД СССР, задачи проведения аэросъемочных, геологических, геофизических «обследовательских» работ на территории Пуровского района. Несомненно, это свидетельствует о том, что дорогу, определяемую как «Воркута–Салехард», предполагали вести далее Салехарда, но неизвестно, что должно было стать ее конечной точкой в силу отсутствия документов. Территория рек Пур и Таз была в числе территорий планируемого строительства. О маршруте экспедиции из заседания ничего не ясно, но однозначно, что было рекомендовано окружкомом партии осуществить помощь в работе экспедиции: транспортом (110 оленей), нартами, упряжью, лодками, продуктами питания – сахаром, мукой, маслом, ягодами брусники (1 000 кг), мясом (4 500 кг), 40 парами валенок, 50 парами ботинок [22. Д. 53. Л. 13–13 об.]. Определялись рамки работы экспедиции: 25 июля по 30 октября 1944 г. Особо выделяемой точкой экспедиции определена фактория Уренгой. Документ позволяет утверждать, что дорога «Воркута–Салехард» должна была быть продолжена как минимум до Уренгоя, который был отражен только как пункт для базирования экспедиции.

Все планируемые работы по строительству дороги и геологического поиску – в условиях успешных действий в Арктике советских Вооруженных сил в 1944 г. – были отложены. Некоторое время сведений в документах о железнодорожном строительстве нет.

Однако с окончанием Великой Отечественной войны, к 1946 г., оформилась *идея строительства морского порта в устье Оби* [5. С. 137], соединенная с идеей дороги к нему от Воркуты. Для выбора места порта и прокладки направления трассы создана «Северная проектно-изыскательская экспедиция МВД СССР и ГУСМП», во главе с П.К. Татаринцевым [23. Д. 1. Л. 234 об.]. В экспедицию вошли геодезисты, геофизики, гидрологи, геологов, картографы, топографы, буровые мастера [23. Д. 1. Л. 238 об.]. Работа экспедиции, как и развертывание и проведение строительства, сопровождалась деятельностью по изучению территории. Только для выбора порта экспедиция работала на западном и восточном побережьях Обской губы, на «устьевой площадке», реках Собь, Се-Яга [24. Д. 3. Л. 1, 2, 4, 7]. Из пяти вариантов мест порта остановились на мысе Каменном. Геологи проводили и самостоятельные геологические исследования. 12 октября 1950 г. руководитель Полярно-Уральской комплексной экспедиции, профессор Н.А. Сирин, отмечал, что «в связи с проведением Обь-Печорской железной дороги значительно активизировались геологические и поисковые исследования на полезных ископаемые» [6. Д. 515. Л. 18]. Подтверждение встречается в письме А.Я. Малиновского председателю Совета министров СССР И.В. Сталину от 5 ноября 1950 г. [6. Д. 515. Л. 2]. Но в рамках периода 1946–1949 гг. сведений о поисках «на нефть» нет.

При этом дорога активно строилась. В начале декабря 1948 г. в поселок Лабытнанги, на левом берегу

Оби, пришел первый железнодорожный состав [5. С. 139]. В августе 1949 г. трасса дошла до Салехарда. В то же время в 1949 г. было решено порт по сложным гидрологическим условиям в районе Мыса Каменного не строить, дорогу к нему не вести. Утвердили новое направление железнодорожной магистрали от ст. Чум Печорской железной дороги до г. Игарка [6. Д. 515. Л. 26–28]. Конечной точкой должен был стать пос. Ермаково на левом берегу Енисея, с Игарским портом на противоположном берегу. Общая протяженность дороги должна была составить 1 263 км, 3/4 приходилось на территорию ЯННО. Дорога должна была проходить через Салехард, а далее вблизи основных районных центров – Надым, Пур, Таз. У дороги появилось название «Чум–Салехард–Игарка». Она делилась на западное и восточное крыло. Западное крыло: участок «Чум–Салехард–р. Пур», длиной 900 км, восточное – «Пур–Таз–Ермаково–Игарка» (300–400 км) [25. С. 13, 14, 16]. Участки дороги должны были соединиться на р. Пур [25. С. 13, 14, 16]. Северная проектно-изыскательская экспедиция была преобразована в «Объединенную Северную экспедицию», включала три подразделения: Обский (участок: Салехард–р. Надым – 360 км), Надымский (участок: р. Надым – р. Таз – 500 км), Енисейский. Надымская экспедиция, с местом базирования в фактории Уренгой получила самый трудный участок работ, ее возглавил А.А. Побожий. Перспективы дороги казались вполне реальными. В 1950 г. полностью было завершено строительство участка «Чум–Салехард», начали курсировать прямые вагоны «Москва–Лабытнанги», прикреплявшиеся к котласскому или воркутинскому составам [5. С. 139–140]. Первый секретарь Тюменского обкома партии И.И. Афоннов считал, что «строительство дороги идет успешно, железная дорога ...резко изменила жизнь на Обском Севере» [6. Д. 515. Л. 26 об.]. Дорога осознавалась как важная, она строилась, ей осталось преодолеть Надым–Пур–Тазовское междуречье, пройти через территорию Пуровского и Тазовского районов, которые готовились оказаться активно включенными в процессы строительства. В Тазовскую губу, на реки Пур и Таз шли суда Минречфлота, с людьми и грузами для строительства № 501. Открыть сквозное движение поездов по трассе планировалось в 1952 г., а сроком сдачи дороги был намечен 1955 г. Начали преодолевать соединяющий западное и восточное крыло участок. В августе 1952 г. было открыто рабочее движение поездов от Салехарда до Надыма. Через р. Надым построили деревянный мост, протяженностью 560 м. Дорога двинулась к реке Большая Хетта. Проектно-изыскательские работы на участке Надым–Таз вела Надымская экспедиция силами шести партий [26. С. 122, 138].

Проектно-изыскательские работы в Пуровском районе начались с 1949 г. Руководство района – председатель Пуровского райисполкома Марамыгин, секретарь РК ВКП(б) Филков организовали помощь экспедиции – оленьим транспортом, рабочей силой, продуктами, снаряжением, привлечением местного населения на строительство аэродрома в районе фактории Уренгой на реке Пур. Природно-климатические условия Пур-Тазовского района были сложные: 40% территории составляли болота, 6,15% – тундра, 28% – лес,

плотность населения составляла 0,039 чел на 1 кв. км, т.е. 1 чел на 25 км. Районный центр – пос. Тарко-Сале расположился на берегу реки Пяку-Пур, в 372 км от устья Пура. В поселке было 44 постройки, в том числе школа, интернат, больница [22. Д. 144. Л. 1, 7 об., 8]. Уренгой – место базирования экспедиции – стоял на правом берегу реки Пур, на расстоянии 128 км от Тарко-Сале, в нем имелась хлебопекарня, 1 жилой дом, магазин, склад, контора колхоза, контора рыбопромыслового пункта. В Пуrowsкий район поступали грузы через реку Таз и Обскую губу, в поселение Ивай-Сеале, затем местным пароходом развозились по всему району. На 1949 г. ни почтовой, ни регулярной пассажирской связи у района не было, но почтовое отделение располагалось в пос. Тарко-Сале [22. Д. 144. Л. 8].

В рамках строительства третьего варианта дороги [6. Д. 545. Л. 31] возникла проблема: *трудности прокладки трассы на участке Надым–Пур–Таз*, где дорога должна была пройти через «болота с бугристой тундрой», трассу нужно было прокладывать через местность, не изрытую «буграми пучения» [26. С. 146, 148]. Вопрос о прокладке трассы на завершающем этапе требовал решения. Было ли следующее событие связано с «буграми пучения», либо с широкомасштабной реакцией Сталина на обращение Малиновского, но 12 мая 1951 г. директор Горно-геологического института (ГГИ) ЗСФ АН СССР Н.А. Чиникал письмом сообщил в Тюменский облисполком, что «в 1951 г. на территории Ямало-Ненецкого национального округа будут производиться по правительственному заданию геологические исследования Северной экспедицией Горно-геологического института ЗСФ АН СССР, под руководством В.А. Николаева в составе трех отрядов: Пуrowsкого (В.А. Николаев), Нижне-Тазовского (В.В. Вдовин), Верхне-Тазовского (Б.В. Мизеров)» [18. С. 79]. 2 июня 1951 г. Научно-техническое совещание НИИ Геологии Арктики приняло постановление о проекте пятилетнего перспективного плана геолого-съемочных, поисковых, геофизических, буровых и научно-исследовательских работ по проблеме нефтеносности северной части Западно-Сибирской низменности, подчеркивая, что «постановку вопроса об изучении геологии и перспектив нефтеносности расположенной к северу от Полярного круга части Западно-Сибирской низменности надо считать своевременной и актуальной» [18. С. 79–80]. Говорилось о необходимости на 1951–1955 гг. просить Министерство геологии СССР форсировать проведение сейсморазведки и бурения опорных скважин вдоль линии строящейся железной дороги Салехард–Игарка. С 1952 г. считали «необходимым развертывание научно-исследовательских работ» в системе Главсевморпути по проблеме «Изучение геологии и перспектив нефтеносности севера Западной Сибири». Пункт 9 итогового документа совещания ставил вопрос о «предоставлении ГУСМП геологических материалов по северу Западной Сибири от Желдорпроекта, треста “Воркутауголь”, Норильского комбината». Постановление подписали члены комиссии Н. Гедройц, Н. Ростовцев, В. Сакс. Упоминание распоряжения правительства, в силу которого формировалась Северная экспедиция ГГИ ЗСФ АН СССР, как и текст постановления совещания НИИ ГА, с одобрением «своевременности постановки вопроса об изучении геологии и

перспектив нефтеносности территории севернее Полярного круга в части Западно-Сибирской низменности» [18. С. 80] отражает реакцию на некое внешнее воздействие, которое вполне могло быть связано как с обращением Татаринова по проблеме бугров пучения, так и с письмом ноября 1950 г. Малиновского Сталину, и решительными мерами главы правительства по инициированию работ по организации геологических поисков на территории ЯННО, о которых мы знаем из сообщений в окружном партийном ЯННО от 4, 5 декабря 1950 г. из СОПС АН СССР, Госплана СССР [6. Д. 573. Л. 16, 24]. Нельзя исключать, что организация Северной экспедиции Горно-геологического института была обусловлена проблемой, перед которой оказалась Надымская экспедиция А.А. Побожия.

Так или иначе, в 1950 г. правительство СССР поручило ГГИ ЗСФ АН СССР совместно с Западно-Сибирским геологическим управлением, Запсибнефтегеологией, трестом «Аэрогеология», НИИ Геологии Арктики начать исследования по геологии, нефтегазоносности севера Западной Сибири на территории ЯННО. В рамках этого поручения была организована *Северная экспедиция под руководством В.А. Николаева* [27]. В задачи экспедиции входило выполнение геологических исследований в пределах северо-западной части Западно-Сибирской низменности с целью изучения геологического строения указанной территории и решения вопроса перспектив нефтеносности [27]. Конкретизация маршрута экспедиции дается в отчете о результатах работы экспедиции В.А. Николаева, написанном (ориентировочно) в декабре 1952 г. Из отчета ясно, что «полевые работы проводились в 1952 г.», что касались они Надым-Пур-Тазовского междуречья, по итогам работ рекомендовались *«комплексные геофизические исследования вдоль строящейся железной дороги “Салехард–Игарка”*», такие же исследования – «по долинам рек Таза, Пура и Надыма»; «для правильной интерпретации геофизических данных и изучения фаций» указывалось на «необходимость постановки колонкового и роторного бурения, постановки опорного бурения в районах пос. Надым, с. Тарко-Сале, пос. Седельниково, глубоких скважин по линии пос. Салемал, пос. Ныда, пос. Новый порт, фактория Самбург, фактории Тибейсале». Давались рекомендации «по геологической съемке трестом “Аэрогеология” в пределах бассейна Пура и Надыма в 1953 г., с особым вниманием к северо-восточным районам Нижне-Обской впадины, как участков вполне благоприятных для образования и сохранения... залежей нефти и газа». Особенно внимание было обращено «на северную часть Пур-Тазовского водораздела» [18. С. 91–92]. Результаты работы экспедиции академик С.И. Миронов оценил как «выдающееся достижение в геологии Западно-Сибирской низменности» [18. С. 92–93].

Работа экспедиции Николаева, Вдовина, Мизерова по беспрецедентной сложности условий ее проведения, кратковременности проведения работ и гениальности выводов представляет ярчайшую страницу геологических работ в ЯННО. Имена руководителей экспедиции и ее партий нельзя

назвать популярными, известными. Владимир Александрович Николаев родился 22 июня 1911 г., ушел из жизни 26 октября 2000 г. Он являлся учеником М.К. Коровина, с 1938 г. работал геологом Западно-Сибирского геологического управления; с июля 1941 г. по апрель 1942 г. был начальником геолого-поисковой партии, приисковым геологом треста «Дальстрой» НКВД СССР. Занимался поисками и разведкой полезных ископаемых на Востоке страны. С июля 1942 г. работал начальником Туркестано-Чимкентской, а затем Чакпакской партии Казгеолуправления. С июня 1946 г. – младший, затем старший научный сотрудник Горно-геологического института ЗСФ АН СССР. В Горно-геологическом институте СО АН СССР с апреля 1958 г. он заведовал лабораторией, защитил докторскую диссертацию, был удостоен Государственной премии СССР (1978 г.), получил звание «заслуженный деятель науки РСФСР» [27]. После участия в экспедиции В.А. Николаев обосновывает нефтегазовые перспективы севера Западной Сибири [28]. В лаборатории геоморфологии и неотектоники Горно-геологического института работали не уступающие в талантливости Николаеву участники Северной экспедиции – Виктор Васильевич Вдовин и Борис Вадимович Мизеров.

Со времени этой экспедиции работы по поискам углеводородных ресурсов в ЯННО стали расширяться. В начале 1952 г. трест «Арктикнефтегазразведка» Главного геологического управления ГУСМП приступил к геолого-поисковым работами на Ямале, Тазовском и Гыданском полуостровах. В 1953 г. ВАГТ, ВСЕГЕИ, НИИГА приступили к геологической съемке на севере Западной Сибири. ВНИГРИ начинает работы на полуострове Ямал силами сотрудников В.Н. Хлебникова, М.Н. Бойцова, С.Г. Максимоенко, Ю.Н. Кулакова [29. С. 311]. «Геолого-поисковые и разведочные работы в арктических районах, перспективных на нефть и газ, были прекращены в 1953–1954 гг., – отмечалось на секции нефти и газа Экспертно-геологического совета Министерства геологии и охраны недр СССР 5–6 мая 1958 г., – и не были возобновлены, несмотря на решение геологического совещания 1955 г. об их восстановлении» [18. С. 151]. Однако на территории ЯННО небольшими силами, в том числе ВНИГРИ, исследования проводились на протяжении 1950-х гг. В 1954 г. ВНИГРИ приказом № 120 от 5 мая, в соответствии с приказом Министерства нефтяной промышленности за № 939 от 7 августа 1954 г., объявил об организации Салехардской нефтеразведочной экспедиции № 5, с базой в Салехарде. Ее цель – проведение нефтегазопроисковых и тематических работ [18. С. 101]. С 1956 г. ВНИГРИ начал активизировать работы на севере Западной Сибири, территория стала рассматриваться как одна из самых перспективных. Составлялась карта дочетвертичного периода севера Западной Сибири. Были выявлены Полуйская, Казымская, Салехардская свиты, прослежена сходность

фаун в средней части полуострова Ямал, на севере Тазовского полуострова, в низовьях Пура и Таза. Проводилось сравнение полуостровов Ямал и Тазовского [30. С. 109, 111], отмечалась их схожесть, а также северной части Пур-Тазовского междуречья, Байдарацкой и Тазовской губ [31. С. 330–339]. В 1957 г. была составлена геологическая карта Ямала. С 1952 г. работы на полуострове Ямал стал проводить НИИГ [32. С. 42–43; 33. С. 77–76].

Новый этап в развитии работ на территории ЯННО обозначили решения: геолого-технического совещания при начальнике Главнефтегазразведки Г.Л. Гришине от 11 сентября 1957 г., предусмотревшее в 1958 г. колонковое бурение по линии Салехард – Полуй [18. С. 144]; Главгеологии РСФСР от 12 сентября 1957 г. о передаче Полярно-Уральской комплексной экспедиции в Тюменский геологоразведочный трест [18. С. 145]; секции нефти и газа Экспертно-геологического совета Министерства геологии и охраны недр СССР от 5–6 мая 1958 г. о возобновлении разведочных работ на нефть и газ в арктических районах Сибири; приказ № 258 от 4 июля 1958 г. Главгеологии РСФСР об организации в составе Тюменского геологического управления, созданного на базе Тюменского геологоразведочного треста 30 декабря 1957 г., Салехардской комплексной геологоразведочной экспедиции (с местонахождением в пос. Лабытнанги) и Тазовской геологоразведочной партии [18. С. 147, 155].

Подводя итог рассмотрению поставленной проблемы, выдвигаем утверждение, что строительство разных вариантов Трансполярной магистрали, осуществляемое в период 1943–1953 гг., стало важнейшим толчком в развертывании геологоразведочных работ на территории ЯННО. Важное место в этом процессе заняли такие обстоятельства:

- военная обусловленность строительства железной дороги и поиска минерально-сырьевых и топливных ресурсов в период Великой Отечественной войны;
- в послевоенный период – необходимость дальнейшего развития Северного морского пути, необходимость создания морского порта в Карском море с железной дорогой к нему;
- проблемность прокладки трассы на участке Надым-Пур-Тазовского междуречья при обилии «бугров пучения», потребовавшая дополнительных исследований территории;
- инициативность геолога Н.А. Сирина, талантливого ученого, который обозначил задачи по геологическому исследованию территории;
- решительность и оперативность в действиях первого секретаря Ямало-Ненецкого окружкома партии Я.А. Малиновского, имевшего смелость напрямую обратиться к главе правительства И.В. Сталину по расширению геолого-поисковых работ в округе;
- незамедлительная реакция И.В. Сталина, давшего распоряжения по активизации геолого-поисковых работ в округе.

Список источников

1. Состояние и перспективы использования минерально-сырьевой базы Ямало-Ненецкого автономного округа на 15.03.2021. Справка подготовлена ФГБУ «ВСЕГЕИ» в рамках выполнения Государственного задания Федерального агентства по недропользованию от 14.01.2021 г. № 049-00016-21-00. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/ad829a8fefe9fc69a4502beec2eb711.pdf>. (дата обращения: 26.08.2023).

2. Изучение природных ресурсов Ямального Севера // История Ямала. Т. 2: Ямал современный. Кн. 1: У истоков модернизации / под ред. К.И. Зубкова и др. Екатеринбург : Изд-во «Баско», 2010. С. 295–296.
3. История Ямала : в 2 т. Т. 2. Ямал современный. Кн. 1: У истоков модернизации. Кн. 2: Индустриальное развитие / гл. ред. В.В. Алексеев; ред. В.П. Тимошенко. Екатеринбург : Баско, 2010.
4. Вовк В.С., Евдощенко Ю.В. Энергия высоких широт. Очерки по истории освоения месторождений нефти и газа в Российской Арктике. М. : Издательский дом «Недра», 2023. 320 с.
5. Колева Г.Ю. Транспольная магистраль в освоении северо-западной части Западной Сибири (к 75-летию с начала строительства) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 135–148. doi: 10.17223/15617793/482/14
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 135 (Ямало-Ненецкий окружной комитет партии). Оп. 1.
7. Труды ВНИГРИ (Всесоюзный научно-исследовательский геологоразведочный институт). 1963. Вып. № 225. 550 с.
8. Горный хрусталь и жильный кварц: История открытия и освоения месторождений на Приполярном Урале / сост. С.И. Комарицкий. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2020. 404 с.
9. ГАСПИТО. Ф. 748 (Березовский райком партии). Оп. 1.
10. ГАСПИТО. Ф. 2454 (Партийная организация Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции). Оп. 1.
11. Перминов И. Геологи на Полярном Урале. URL: <https://goarctic.ru/politics/geologi-na-polyarnom-urale-chast-i-chelovek-kotorogo-zatyanul-sever/> (дата обращения: 04.08.2023).
12. Перминов И. История дизельной. URL: <http://polyarny.net/category/letopis/> (дата обращения: 04.07.2023).
13. 120 лет со дня рождения Сирина Николая Андреевича, доктора геолого-минералогических наук, исследователя Приполярного Урала. URL: <https://okrlib.ru/history-events/2713> (дата обращения: 30.06.2023).
14. ГАСПИТО. Ф. 124 (Тюменский областной комитет партии). Оп. 1.
15. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. Т. 4: Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1935–1945 гг. / М.И. Белов. Л. : Гидрометеорологическое изд-во, 1959 г. 612 с.
16. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. Т. 3: Советское арктическое мореплавание в 1917–1932 гг. / М.И. Белов; под ред. Я.С. Гаккеля, М.Б. Черненко. Л. : Морской транспорт, 1959. 508 с.
17. ГАСПИТО. Фонд 717 (Тазовский районный комитет партии). Оп. 14.
18. Нефть и газ Тюмени в документах : в 3 т. Т. 1. (1901–1965 гг.). Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1971. 479 с.
19. Сакс, Владимир Николаевич // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сакс,_Владимир_Николаевич (дата обращения: 04.07.2023).
20. Лугинец Иван Петрович (1911). URL: [https://ru.openlist.wiki/Лугинец_Иван_Петрович_\(1911\)](https://ru.openlist.wiki/Лугинец_Иван_Петрович_(1911)) (дата обращения: 04.07.2023).
21. Сакс, Владимир Николаевич // Историческая энциклопедия Сибири. 2009. URL: http://irkipedia.ru/content/saks_vladimir_nikolaevich_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 04.07.2023).
22. ГАСПИТО. Ф. 1481 (Пуровский райком партии). Оп. 1.
23. ГАСПИТО. Ф. 124 (Тюменский обком партии). Оп. 2.
24. ГАСПИТО. Ф. 1560 (Северная проектно-изыскательская экспедиция). Оп. 1.
25. Пиманов А.С. История строительства железной дороги «Чум–Салехард–Игарка» (1947–1955 гг.). Тюмень : Тюменский курьер, 2020. 288 с.
26. Побожий А.А. Мертвая дорога (из записок инженера-изыскателя) // Новый мир. 1964. № 8. С. 89–182.
27. Нефтегазовая и угольная геология. Трудный к нефтегазовым месторождениям Сибири. URL: https://www.igm.nsc.ru/images/history/book/20_igig_total_223-244.pdf (дата обращения: 04.08.2023).
28. Коровин М.К., Николаев В.А. О перспективах нефтегазоносности северной части Западно-Сибирской низменности // Проблемы создания и развития Урало-Печорской угольно-металлургической базы. Вып. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 67–73.
29. Герман Е.В., Кисляков В.Н., Рейнин И.В. Геология и геоморфология полуострова Ямал – нового района перспективного для поисков нефти и газа // Труды Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института (далее ВНИГРИ). 1963. Вып. 225. С. 311–325.
30. Рейман И.В., Лазуков Г.И., Левковская Г.М. // Итоги изучения четвертичных отложений севера Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // Труды ВНИГРИ. 1963. Вып. 225. С. 102–120.
31. Кузин И.Л. Геоморфологические уровни севера Западной Сибири // Труды ВНИГРИ. 1963. Вып. 225. С. 330–339.
32. Геологическая карта Ямала / сост. Ю.Н. Кулаков, Г.А. Значка-Яворский; ред. В.Н. Соколов // Государственная геологическая карта СССР. Масштаб 1 : 1 000 000 (полистная). М. : Госгеолтехиздат, 1959. 60 с.
33. Государственная геологическая карта РФ. Масштаб 1 : 200 000. Серия Западно-Сибирская. Объяснительная записка. СПб. : АООЗТ «Гео-текс», 2000. 103 с.

References

1. VSEGEI. (2021) *Sostoyaniye i perspektivy ispol'zovaniya mineral'no-syr'evoy bazy Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga na 15.03.2021* [State and prospects for the use of the mineral resource base of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug as of March 15, 2021]. The paper was prepared by the Federal State Budgetary Institution “VSEGEI” as part of the implementation of the State Assignment of the Federal Agency for Subsoil Use dated January 14, 2021, No. 049-00016-21-00. [Online] Available from: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/ad829a8fefe9fc69a4502becc2eb711.pdf>. (Accessed: 26.08.2023).
2. Zubkov, K.I. et al. (eds) (2010) *Istoriya Yamala. Yamal sovremennyy* [History of Yamal. Modern Yamal]. Vol. 2. Book 1. Yekaterinburg: Izd-vo “Basko”. pp. 295–296.
3. Alekseev, V.V. (ed.) (2010) *Istoriya Yamala: v 2 t.* [History of Yamal: in 2 volumes]. Vol. 2. Yekaterinburg: Izd-vo: “Basko”.
4. Vovk, V.S. & Evdoshenko, Yu.V. (2023) *Energiya vysokikh shirot. Ocherki po istorii osvoeniya mestorozhdeniy nefi i gaza v Rossiyskoy Arktike* [Energy of high latitudes. Essays on the history of the development of oil and gas fields in the Russian Arctic]. Moscow: OOO Izdatel'skiy dom “Nedra”.
5. Koleva, G.Yu. (2022) The Transpolar Railway in the development of the north-western part of Western Siberia (to the 75th anniversary of the beginning of construction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 135–148. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/14
6. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 135 (*Yamalo-Nenetskiy okruzhkom partii* [Yamalo-Nenets Okrug party committee]). List 1.
7. *Trudy VNIIGRI*. (1963) 225.
8. Komaritskiy, S.I. (2020) *Gornyy khrustal' i zhil'nyy kvarts: Istoriya otkrytiya i osvoeniya mestorozhdeniy na Pripolyarnom Urale* [Rock crystal and vein quartz: History of the discovery and development of deposits in the Subpolar Urals]. Tyumen: Tyumen State University.
9. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 748 (*Berezovskiy raykom partii* [Berezovsky district party committee]). List 1.
10. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 2454 (*Partiynaya organizatsiya Polyarno-Ural'skoy geologorazvednoy ekspeditsii* [Party organization of the Polar-Ural Geological Exploration Expedition]). List 1.

11. Perminov, I. (2023) *Geologi na Polyarnom Urale* [Geologists in the Polar Urals]. [Online] Available from: <https://goarctic.ru/politics/geologi-na-polyarnom-urale-chast-i-chelovek-kotorogo-zatyanul-sever/> (Accessed: 04.08.2023).
12. Perminov, I. (2023) *Istoriya dizel'noy* [History of the diesel station]. [Online] Available from: <http://polyarny.net/category/letopis/> (Accessed: 04.07.2023)
13. Okrlib.ru. (2023) *120 let so dnya rozhdeniya Sirina Nikolaya Andreevich, doktora geologo-mineralogicheskikh nauk, issledovatelya Pripolyarnogo Urala* [120 years since the birth of Sirin Nikolai Andreevich, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, researcher of the Subpolar Urals]. [Online] Available from: <https://okrlib.ru/history-events/2713> (Accessed: 30.06.2023).
14. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124 (*Tyumenskiy oblastnoy komitet partii* [Tyumen regional party committee]). List 1.
15. Belov, M.I. (1959) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti: v 4 t.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 volumes]. Vol. 4. Leningrad: Gidrometeorologicheskoe izdatel'stvo.
16. Belov, M.I. (1959) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti. V 4 t.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 volumes]. Vol. 3. Leningrad: Morskoy transport.
17. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fond 717 (*Tazovskiy rayonnyy komitet partii* [Tazovsky district party committee]). List 14.
18. Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, (1971) *Neft' i gaz Tyumeni v dokumentakh. V 3 t.* [Oil and gas of Tyumen in documents. In 3 volumes]. Vol. 1. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.
19. Wikipedia. (2023) *Saks, Vladimir Nikolaevich*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Saks,_Vladimir_Nikolaevich (Accessed: 04.07.2023). (In Russian).
20. Openlist. (2023) *Luginets, Ivan Petrovich (1911)*. [Online] Available from: [https://ru.openlist.wiki/Luginets_Ivan_Petrovich_\(1911\)](https://ru.openlist.wiki/Luginets_Ivan_Petrovich_(1911)) (Accessed: 04.07.2023). ((In Russian).)
21. Irkipedia.ru. (2023) *Saks, Vladimir Nikolaevich (2009)*. [Online] Available from: http://irkipedia.ru/content/saks_vladimir_nikolaevich_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (Accessed: 04.07.2023)
22. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1481 (*Purovskiy raykom partii* [Purovsky district party committee]). List 1.
23. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124 (*Tyumenskiy obkom partii* [Tyumen regional party committee]). List 2.
24. State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1560 (*Severnaya proektno-izyskatel'skaya ekspeditsiya* [Northern design and survey expedition]). List 1.
25. Pimanov, A.S. (2020) *Istoriya stroitel'stva zheleznoy dorogi "Chum-Salekhard-Igarka" (1947–1955 gg.)* [History of the construction of the Chum–Salekhard–Igarka railway (1947–1955)]. Tyumen: Tyumenskiy kur'er.
26. Pobozhiy, A.A. (1964) Mertvaya doroga (iz zapisok inzhenera-izyskatel'ya) [Dead Road (from the notes of a survey engineer)]. *Novyy mir*. 8. pp. 89–182.
27. Igm.nsc.ru. (2023) *Neftegazovaya i ugol'naya geologiya. Trudnyy k neftegazovym mestorozhdeniyam Sibiri* [Oil and gas and coal geology. Difficult to oil and gas fields of Siberia]. [Online] Available from: https://www.igm.nsc.ru/images/history/book/20_igig_total_223-244.pdf (Accessed: 04.08.2023).
28. Korovin, M.K. & Nikolaev, V.A. (1956) O perspektivakh neftegazonosnosti severnoy chasti Zapadno-Sibirskoy nizmennosti [On the prospects for oil and gas potential in the northern part of the West Siberian Lowland]. In: *Problemy sozdaniya i razvitiya Uralo-Pechorskoy ugol'no-metallurgicheskoy bazy* [Problems of creation and development of the Ural-Pechora coal and metallurgical base]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 67–73.
29. German, E.V., Kislyakov, V.N. & Reynin, I.V. (1963) Geologiya i geomorfologiya poluostrova Yamal – novogo rayona perspektivnogo dlya poiskov nefti i gaza [Geology and geomorphology of the Yamal Peninsula - a new area promising for oil and gas exploration]. *Trudy VNIGRI*. 225. pp. 311–325.
30. Reyman, I.V., Lazukov, G.I. & Levskovskaya, G.M. (1963) Itogi izucheniya chetvertichnykh otlozheniy severa Zapadno-Sibirskoy neftegazonosnoy provintsii [Results of the study of quaternary deposits in the north of the West Siberian oil and gas province]. *Trudy VNIGRI*. 225. pp. 102–120.
31. Kuzin, I.L. (1963) Geomorfologicheskie urovni severa Zapadnoy Sibiri [Geomorphological levels of the north of Western Siberia]. *Trudy VNIGRI*. 225. pp. 330–339.
32. Sokolov, V.N. (ed.) (1959) *Geologicheskaya karta Yamala* [Geological map of Yamal]. In: *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta SSSR. Masshtab 1: 1 000 000 (polistnaya)* [State Geological Map of the USSR. Scale 1: 1 000 000 (sheet by sheet)]. Moscow: Gosgeoltekhizdat.
33. Geoteks. (2000) *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta RF. Masshtab 1: 200 000. Seriya Zapadno-Sibirskaya. Ob'yasnitel'naya zapiska* [State geological map of the Russian Federation. Scale 1: 200,000. West Siberian series. Explanatory letter]. St. Petersburg: AOOZT "Geoteks".

Информация об авторе:

Колева Г.Ю. – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: gukoleva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.Yu. Koleva, Dr. Sci. (History), professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023;
одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 08.09.2023;
approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Научная статья
УДК 94(37); 82-941
doi: 10.17223/15617793/495/10

Губка монастыря: роль календарной и люстрационной обрядности в формировании образа юродивой в «Лавсаике» Палладия

Дмитрий Сергеевич Коньков^{1,2}, Оксана Петровна Шевцова^{1,3}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² dkonkov@mail.ru

³ oshevtsova1977@gmail.com

Аннотация. Работа является продолжением статьи «О деве, представлявшей безумной: фольклорные истоки формирования образа юродивой в Лавсаике Палладия» и посвящена истокам образа юродивой в дохристианской обрядности. Авторы опираются на принципы ритуально-мифологической школы фольклористики. В образе юродивой сочетаются элементы календарного божества в фазе смерти, предшествующей рождению, и фармака – ритуального козла отпущения для общины. Необходимым дополнением этого образа является метафорический двойник юродивой – святой Питирум.

Ключевые слова: юродство Христа ради, Исидора Тавеннийская, календарная обрядность, Сатурналии, козел отпущения, Лавсаик Палладия, египетское монашество

Для цитирования: Коньков Д.С., Шевцова О.П. Губка монастыря: роль календарной и люстрационной обрядности в формировании образа юродивой в «Лавсаике» Палладия // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 106–116. doi: 10.17223/15617793/495/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/10

Sponge of the monastery: Calendar and lustration rites in shaping the holy fool image in Palladius' *Lausiaca History*

Dmitriy S. Konkov^{1,2}, Oksana P. Shevtsova^{1,3}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² dkonkov@mail.ru

³ oshevtsova1977@gmail.com

Abstract. The article continues the previously published article by the same authors “About a Virgin Who Appeared to Be Insane: The Origins of the Holy Fool Image in Palladius' *Lausiaca History*”. Both articles aim to reconstruct the origins of the holy fool image, relying on Palladius' *Lausiaca History* as the earliest source. The authors use approaches of historical anthropology, the ritual-mythological school of folklore, and theories and concepts of O.M. Freidenberg. In this article, the authors focus on the connection between the elements of the holy fool story and pre-Christian ritual customs and festivities. The holy fool image is characterized by a humiliated position and treatment, persecution and bullying. The revelation of her holiness is a climax and completion of the story. This structure of the plot is based on the archaic calendar festivities of the rebirth of the deity which also means the renewal of the collective and the cosmos. The phase of death, which is semantically presented in narration by a slave position and insanity, is demanding for a calendar deity to be reborn. The same structure of ritual revealed during Roman Saturnalia, when social roles and statuses were inverted, and a king of fools was chosen. This pattern is also clearly expressed in the life of St. Dasius (5th c.): the ritual king is sacrificed for the sake of the salvation and prosperity of the collective. The holy fool in humiliation and madness is a metaphor for a deity in the phase of death awaiting rebirth (which occurs in the finale as recognition and revelation) and thus the salvation of the collective of the nuns of the monastery (previously polluted by sins and suicides). The epithet that describes the holy fool – the sponge of the monastery – refers to the semantics of the scapegoat, or pharmakos (a person expelled from a settlement for the sake of its purification). Having taken upon herself the past and present sins of the collective, the holy fool goes into the desert, outside, taking sins with her, like a pharmakos. This explains the need for her departure after revelation and the uncertainty (and unimportance for the story) of her fate. The figure of St. Pitirum in the story about the holy fool raises questions. Nevertheless, Pitirum is an essential part of the holy fool's image because he represents the pattern of the sacred couple in calendar festivals. His coming to the monastery creates a situation for the recognition and manifestation of the deity, which forms conditions for the metaphorical sacred marriage that gives rise to a new beginning of existence for the community. It seems that the nuns who ask Pitirum (but not the holy fool) for forgiveness do not correlate with the pattern of the holy fool as

deity. A probable explanation for this is the requirement of the charter of the Pahomian monasteries, which supposes the repentance of nuns only before a male mentor.

Keywords: holy fool, Saint Isidora of Tabennesi, calendar rituals, Saturnalia, *Lausiac History*, scapegoat, Egyptian monasticism

For citation: Konkov, D.S. & Shevtsova, O.P. (2023) Sponge of the monastery: Calendar and lustration rites in shaping the holy fool image in Palladius' *Lausiac History*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 106–116. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/10

Введение

Тема, на которой сфокусирована данная статья, – проблема генезиса образа юродства на материале описания юродивой в «Лавсаике» Палладия. Эта работа является продолжением вышедшей ранее статьи «О деве, представлявшейся безумной: фольклорные истоки формирования образа юродивой в Лавсаике Палладия», в которой был сформулирован методологический базис исследования, а также выявлены мировоззренческие основания сходства нарратива о юродивой с фольклорным сюжетом о Золушке. Суммируем ее результаты, чтобы затем перейти к их развитию в настоящей статье. Для раскрытия оснований образа юродства мы использовали историко-антропологический подход, предполагающий анализ обычаев и мировоззрения той социальной группы, в которой сформировался этот образ. В данном случае это раннее верхнеегипетское монашество. Большую его часть составляли выходцы из социальных низов. «Лавсаик», по словам самого Палладия, представляет собой пересказ историй, которые бытовали в этой среде. Мировоззрение этой социальной группы являлось глубоко традиционным, архаичным, и в этом смысле близким, если не идентичным, тому, что обобщенно называется народной культурой. Соответственно, рассказы, рождающиеся и передающиеся в рамках народной культуры, формируют фольклор, отражающий принципы и механизмы мировоззрения его носителей – в нашем случае это монашество как часть низовой культуры поздней античности. Мы исходим из понимания этой культуры как комплекса верований и мировоззренческих паттернов, базирующегося на земледельческой солярной и календарной обрядности. В этом комплексе распространяющийся христианский дискурс очень медленно и поверхностно придает новые формы устойчивому архаическому содержанию.

В контексте поставленной проблематики и ракурса ее рассмотрения мы опираемся на такие методологические подходы, как ритуально-мифологическую школу фольклористики, структуралистский анализ фольклора В.Я. Проппа, а в первую очередь на историко-генетическую феноменологию античной культуры О.М. Фрейденберг. Кроме того, в статье при рассмотрении образа юродства использованы концептуальные идеи А.М. Панченко о юродстве как системы взаимодействий юродивого и коллектива, Б.А. Успенского об анти-поведении юродивого как знака сакральной связи с потусторонним.

Многими исследователями повествования о юродивой в «Лавсаике» отмечено сходство этого сюжета со сказкой о Золушке. Однако это сходство не получило

развернутого объяснения. Нам представляется, что в контексте народной культуры сюжет о Золушке является отражением архаического паттерна календарного празднества, возрождающегося из фазы тьмы, сокрытия, солярного божества. Благодаря подобной структуре повествования низкий статус и безумие юродивой для человека поздней античности семантически связаны с нахождением в фазе смерти, потусторонности – что, в свою очередь, является указанием на обретение юродивой высшего, истинного знания и мудрости, поскольку такое предельное знание возможно только в потустороннем, сакральном мире. Священное безумие в случае юродства трансформируется по аналогии с народным фольклорным образом дурака и шута в юродивое поведение, за которым современникам видится высшее истинное понимание мироустройства, по контрасту с профанной бытовой рациональностью. Усиливает эту семантическую связь повязка на голове юродивой, которая выступает как ее отличительный признак. Она соотносится с соответствующими элементами в фольклорных нарративах, скрывающими сияние солярного знака. Таким образом, в образе юродивой гармонично сочетаются, усиливая референцию на сакральность и священную мудрость, элементы архаических сюжетов о Золушке и Дураке.

Целью исследования, представленного в настоящей статье (как и в предыдущей), является реконструкция фундаментальных мировоззренческих оснований, на которых базировался образ юродства в «Лавсаике», как комплекс символических смыслов и посланий, культурный код, разделяемый Палладием и его предполагаемыми читателями-реципиентами, но нуждающийся в дешифровке для современного современного мышления. В данной статье мы переходим от рассмотрения фольклорных параллелей в повествовании о юродивой к анализу тех его элементов, которые находят свое объяснение в обрядовой традиции.

Умереть, чтобы родиться

Природа и происхождение Золушки (и других типологически близких фольклорных персонажей) были тщательно исследованы П. Сентивом в работе *Les Contes de Perrault et les récits parallèles* (1923). Придерживаясь традиции ритуально-мифологической школы, трактующей сказки как сопровождение и толкование ритуала, он предположил происхождение персонажей типа Золушки и Ослиной Шкуры от общего прообраза – фигуры царицы пепла, майской королевы, воплощения нового года, непременно участницы весенних карнавалов празднеств [1. Р. 123–124, 137, 194]. Более того, эта фигура – невеста Солнца, необходимая

часть ритуальной брачной пары, обозначающей пере-рождение года и космоса. Однако перед кульминацией карнавала – торжественным явлением королевы – она должна пройти через образы, олицетворяющие старый год: нищенки, старухи, служанки, подвергаемой побоям и осмеянию [1. Р. 199]. Пребывание в сниженном статусе является обязательным условием для последующего проявления божества, иерофании нового начала. Метафорическая смерть (на что указывают унижения в облике, деятельности и отношении окружающих) необходимо предшествует метафорическому рождению/браку (переодеванию, распознаванию, свету, возвышению статуса) – и именно этот сценарий воспроизводится в повествовании о юродивой. Очевидно, что это сходство не случайно, оно проистекает из устойчивых мировоззренческих паттернов, обуславливающих как специфику календарной обрядности, так и особенности понимания и восприятия юродства. Поскольку следующий необходимый в контексте нашего исследования шаг к анализу механизмов и принципов архаического мировоззрения сделала О.М. Фрейденберг, обратимся к ее концепции.

Опираясь на идеи П. Сентива и в целом ритуально-мифологической школы, исследовательница выстраивает модель происхождения календарных празднований от обрядов смерти-рождения тотема как света (Солнца) в борьбе с тьмой. В этой модели уходящий, старый год, умирающая природа ассоциированы со смертью и мраком, приход же нового года представлен как победа солнца. В условиях аграрного общества эта победа сопровождается воцарением светоносной мифологической брачной пары как воплощением жизни (плодородия) [2. С. 69–73]. Персонаж Золушки, таким образом, является не просто невестой Солнца, но, собственно, самим Солнцем, умершим и явившимся вновь. Но для явления (вы-явления) ему необходимо стать частью брачной пары, т.е. встретиться с принцем. Когда-то единый герой-тотем трансформируется в земледельческой традиции в двойную и одновременно сохраняющую целостность фигуру солярной царицы-и-царя (при этом с акцентом именно на женскую ипостась).

Кроме того, и это существенно для генезиса семантики юродства, в ходе обряда солярный герой непременно проходит через фазу унижения, чтобы проявить свою солярность. О.М. Фрейденберг выстраивает схему подобной обрядности на материале римских Сатурналий, как наиболее ярком примере ритуальной травестики, что позволяет нам понять представления античного общества о связях образа Золушки с ее обрядовыми аналогами.

Сатурналии являются празднованием окончания сельскохозяйственного сезона, ухода старого года и прихода нового. Это, помимо официальных храмовых обрядов, еще и семейное коллективное торжество, сопровождающееся застольями, вечеринками, подарками и свадьбами, в значительной степени определившее более поздние традиции празднования Рождества и Нового года [3. Р. 124]. В ходе Сатурналий, по свидетельству Макробия, благочестивые хозяева почитают своих слуг, организуя для них трапезу [Mac. Sat.

1, 24, 23] [4. С. 122]; Лукиан же добавляет, что при этом сами хозяева пьют допьяна, шутят, поют, раздеваются, играют в кости [Luc. Cron. 2] [5. С. 405] – все это и является праздничной травестией, переворачиванием статусов и социальных ролей, выходом за пределы устоявшейся нормы. Очень характерна в этом смысле фигура царя Сатурналий – шутовского короля, предводителя застолья, распорядителя вечеринки, организующего всеобщее веселье своими нарочито гротескными и фарсовыми распоряжениями [Tac. Ann. XIII, 15] [6. С. 219]. Он выбирается броском игральными костями – жребием – и на время получает право приказывать участникам праздника выглядеть и вести себя максимально противоположно норме. Все это сопровождается песнями, плясками и всеобщим смехом [Luc. Cron. 4] [5. С. 406], что подчеркивает карнавальность (а следовательно, и ритуальность) происходящего. Инверсия нормы, акцентированное антиповедение, формирует пространство сакрального, потустороннего. В нем пребывает царь веселья, являясь, таким образом, воплощением (метафорой) календарного божества уходящего года, героем в фазе смерти. Однако при этом в образе шутовского царя присутствует и непереносная отсылка к Сатурну как манифестации спасителя и хранителя человечества, к Saturnia regna как всеобщей утопии и золотому веку. На эту амбивалентность восприятия Сатурна обращает внимание Х.С. Версел, однако объясняет ее идеологическими манипуляциями в социальном контексте становления Римской империи [7. Р. 209]. В рамках концепции О.М. Фрейденберг этот дуализм Сатурна, как и других календарных божеств, является вполне естественным. Фаза смерти необходима для последующего возрождения. Схема празднования Сатурналий аналогична многим календарным обрядам и производящих их мифам – «герой умерщвляется, проходит фазу смерти, преодолевает ее и выходит в жизнь победителем» [2. С. 82–83].

В мировой обрядовой практике не редкость, когда олицетворяющий год царь проходит фазу «смерти», сменяя свой статус на рабский. Раб же, семантически являясь умершим, занимает его место, являясь воплощением смерти старого царя-года. По прошествии некоторого времени раб убивается, а царь, «обновленный», вступает на трон. Часть ритуала Сатурналий, связанную со смертью раба-заместителя, приводит в доказательство своей теории жертвенного царя Дж. Фрэзер, опираясь при этом на повествование о мученичестве Дасия [8. С. 612–614]. При этом он сам колеблется в отношении подлинности этого свидетельства. Это связано с тем, что текст относит проведение ритуала к 303 году. В это время человеческие жертвоприношения в Римской империи выглядят явным анахронизмом. Часть исследователей просто отрицает достоверность источника, другие авторы, склонные признавать его аутентичность, объясняют проведение ритуала восточным или пуническим влиянием [7. Р. 216]. Сам же Дж. Фрэзер считает его архаическим пережитком. Х.С. Версел предлагает свою версию объяснения, указывая на то, что в определенных исторических условиях ритуалы могут возрождаться без всякой прямой связи с предшествующей традицией. Он

ассоциирует этот случай с эпохой раннего принцепата, когда солдаты приносили себя в жертву ради жизни и благополучия императора (*devotio*) [7. Р. 217–218]. Нам же представляется, что данный случай связан не с реактуализацией императорского культа, а со спецификой среды, способствовавшей архаизации общественного сознания.

В источнике идет речь о календарном праздновании, осуществлявшемся в Дуростоле (Дуросторуме), дунайском пограничном военном городе, легионерами расквартированного там XI Клавдиева легиона. В ходе этого праздника один из жителей (вероятно, легионеров) избирался по жребию на роль царя-Сатурна; по прошествии тридцати дней он должен был заколоть себя мечом в качестве жертвоприношения богам [9. Р. 272]. В этом обряде четко прослеживается схема календарного обновления коллектива через перерождение тотема, типологически идентичная шутовскому царю Сатурналий, однако более архаичная по своей форме. Эта архаичность, приводящая в недоумение исследователей, вероятно, является, во-первых, следствием периферийного и относительно изолированного положения Дуросторума, ориентированного больше на варварское порубежье, чем на собственно римскую традицию; во-вторых, солдатского образа жизни легионеров, формирующих вынужденно закрытое мужское милитаризованное сообщество, что само по себе является стимулом для архаизации социальных практик и выработки соответствующих ритуалов.

Механизм подобных ритуалов являлся вполне понятным и очевидным и для христианской культуры, что следует из того же текста о мученичестве Дасия. Фактически рассуждение Дасия о своей судьбе, являющееся примером дискуссивной апологетики, демонстрирует, что агиограф, осознанно или нет, воспроизводит семантику обряда обновления и перерождения. Устами Дасия говорится о том, что при выборе между добровольным жертвоприношением себя во имя языческих богов или во имя христианского бога (т.е. мученичества) последнее рациональнее, поскольку обеспечивает жизнь вечную в компании всех святых, первое же – только вечное проклятие [9. Р. 274–275]. Однако типологически обе ситуации воспринимаются как однопорядковые. Мученичество показывается агиографом как аналог, параллель языческого календарного ритуала, как бы его истинная версия, обеспечивающая искомый результат действительного перерождения – с тем, однако, отличием, что обновление здесь касается индивидуума, а не коллектива.

Этот семантический сдвиг, произошедший в христианстве, создал напряженную амбивалентность индивидуального и коллективного начал. Царь дураков обновляет весь коллектив (семью и близких в случае Сатурналий), христианский мученик – в первую очередь самого себя. Повествование о Дасии интересно в контексте нашего исследования в частности тем, что хорошо демонстрирует механизм трансформации традиционных ритуалов и семантических паттернов в ходе становления христианской религии. Это касается не столько истории о самом Дасии, сколько позиции

агиографа, которую можно реконструировать из структуры изложения. Сразу после описания сатурнального ритуала в Дуросторуме он актуализирует проблему сохранения языческих традиций в христианстве ссылкой на современную ему практику январских празднеств ряженных христиан, одетых в том числе в козлиные шкуры и другие животные обличья. К сожалению, затруднительно точно установить место и время проведения ритуалов, на которые ссылается агиограф (поскольку о нем самом ничего не известно), но можно предположить, что имеется в виду византийская территория на нижнем Дунае в период IV–VI вв. (поскольку в VI в. мощи Дасия были перемещены в Италию, и его почитание на Востоке прекратилось). Как мы видим, архаичность и синкретизм (или точнее метаморфоза) ритуалов в условиях раннего христианства с сохранением календарной тотемной сущности были характерны для периферийных, пограничных частей империи. Это в полной мере может быть отнесено и к Верхнему Египту, и тавеннийскому монашеству. Именно в этом контексте воспринимается юродство Исидоры.

Губка монастыря, или козел отпущения

В житии, помимо структуры самого сюжета, о связях образа юродивой с календарной люстрационной обрядностью, направленной на очищение коллектива от грехов, всего старого, отжившего и приуроченное к обновлению, красноречиво говорит уподобление Исидоры «губке монастыря» (*σπόγγος τῆς μονῆς*), наряду с описанием отношения к ней в монастыре: ею брезговали, гнушались, били, злились на нее и проклинали. Именование юродивой «губкой» явно создало трудности для понимания этого фрагмента текста современными исследователями. Так, С.В. Полякова в своем переводе «Лавсаика» вообще избегает этого оборота, предлагая читать текст как «была, по пословице, посмешищем всего монастыря», при этом оговариваясь, что такой пословицы нет, и это ее собственная догадка [10. С. 15]. Действительно, вряд ли здесь идет речь о пословице или крылатом выражении, скорее губка здесь – это метафора, смысл которой сейчас неясен. Упоминание о губке смущало не только современных авторов, но и некоторых агиографов – в варианте жития Исидоры, включенном в корпус сочинений Ефрема Сирина, этого уподобления уже нет [11. С. 374]. Впрочем, в латинском житии Исидоры сравнение с губкой сохранено, что предполагает относительно раннее его происхождение [12. Р. 49]. Нам представляется, что метафора губки возникла в повествовании о юродивой в «Лавсаике» вполне целенаправленно. Она находится в контексте характеристики статуса, места и роли Исидоры в монастыре: место – кухня, статус – прислуга, роль – губка как сущность, собирающая на себя грязь, очищая окружающих. Губка – метафора очищающей коллектив персоны, что указывает читателю «Лавсаика» на значимость юродивой для коллектива монастыря как принимающей на себя его скверну. По сути, здесь устанавливается параллель Исидоры и обрядовой фигуры козла отпущения. Недаром В. Буркерт в своем

ставшем уже классическим исследованием греческой мифологии и ритуала также приводит образ губки в качестве обобщения функции козла отпущения (или фармака) в ритуале, где в различных вариациях в этой роли могут выступать как люди, так и животные, растения, еда или камни [13. Р. 67–68].

Для того чтобы прояснить механизм возникновения представления о юродивой как о козле отпущения, необходимо остановиться подробнее на структуре и современном понимании природы данного обряда. Главными примерами люстрационных ритуалов в средиземноморском регионе являются иудейский очистительный обряд в ходе празднования Йом-Кипура, описанный в Левите (Лев. 16), предполагающий изгнание козла отпущения, и Таргелии, афинский праздник, в ходе которого из города изгоняли заранее выбранных жертв – фармаков (подобные примеры также упоминаются в других ионийских полисах) [14. Р. 300–301]. В историографии сложилось две точки зрения на природу и происхождение этих ритуалов. Первая, представленная В. Маннхардтом и Дж. Фрээрером, трактует козла отпущения как календарную жертву – имперсонацию растительного божества, обязанного умереть, чтобы дать начало новому циклу плодородия [8. С. 538–539]; вторая, отстаиваемая В. Буркертом, предполагает, что козел отпущения призван спасти коллектив в ситуации экстраординарной тревожности и угрозы [13. Р. 67, 71–72]. Б. Хадсон Маклин, обобщая и развивая эти направления исследований, предлагает вместо парадигмы козла отпущения более широкое понятие апотропеического ритуала – обряда восстановления космического порядка после его нарушения или осквернения [15. Р. 70–71]. В этом контексте ритуал может иметь место и регулярно, как календарное обновление космоса и коллектива, и экстраординарно, в случае засух или наводнений, вражеских нашествий, чумы и прочих бедствий [2. С. 154; 14. Р. 320; 16. Р. 257; 17. С. 78]. Хотя Таргелии имеют явную растительную семантику (использование фиг и морского лука), и элементы люстрационной природы можно наблюдать в майской обрядности, апотропеические ритуалы не сводятся к заклинанию плодородия. Начало аграрного цикла органически встроено в необходимое регулярное обновление космоса и коллектива – этим восстанавливается и укрепляется естественный порядок мироздания, включая и плодородие.

В апотропеическом ритуале большинством исследователей выделяется устойчивая последовательность этапов: 1) выбор субъектов для ролей в ритуале; 2) освящение этих субъектов; 3) обозначение их особыми знаками – украшениями, одеждами и т.д. (инвеститура); 4) символический перенос скверны, старого, отжившего, в поздние периоды – грехов коллектива на избранных субъектов (часто в виде обхода территории общины, что понято в свете традиционных представлений о единстве социума, пространства его проживания и поддержания этической нормы как условия выживания); 5) изгнание субъектов за пределы пространства общины [15. Р. 73]. В повествовании об Исидоре эти этапы четко прослеживаются.

Юродивая обособлена от всего коллектива монастыря и одновременно находится в самом его центре (живет на кухне, связана с едой), обозначена особыми знаками (одеждой, головной повязкой). Роль «губки монастыря» (что подразумевает выполнение ею этой функции не только для коллектива [множества] монахинь, но и для всей территории их проживания) предполагает собирание на себя скверны – злости, проклятий, побоев и безгласности этого множества. Впоследствии юродивая вынуждена покинуть монастырь после узнавания Питирумом и признаний монахинь, что соотносится с добровольной жертвой, угодной богу, или являющейся самим древним богом-годом. В очистительных (люстрационных) обрядах эта жертва предстает в качестве козлов отпущения, фармаков и т.д., которые, по мнению О.М.Фрейденберг, являются более ранней формой, метафорой реализуемых в юродстве древнейших представлений [18. С. 124].

В люстрационной обрядности, кроме ее структуры, есть еще несколько аспектов, которые, на наш взгляд, следует рассмотреть, чтобы прояснить мировоззренческое понимание юродства Исидоры. Речь идет об особенностях фигур самих козлов отпущения. Итак, первый аспект. Й. Бреммер обращает внимание на различие между мифами о козлах отпущения и соответствующими ритуалами. В мифах жертвами во имя коллектива часто выступают цари или представители царских родов; в известных нам сведениях о фармаках ими являются преступники, нищие, бродяги. Общее между этими статусами – маргинальность, исключительность по отношению к основной массе коллектива. Й. Бреммер предполагает, что такая инверсия статусов при переходе от мифа к ритуалу происходила из прагматических соображений необходимости сохранения наиболее ценных представителей социума живыми и активными [14. Р. 307]. Р. Паркер выдвигает другую версию; по его мнению, произошла исторически ранняя семантическая контаминация двух принципиально различных обрядов – жертвы царя и изгнания козла отпущения, что породило отождествление и взаимозаменяемость царя и фармака [16. Р. 259]. Нам представляется, что фармак, будучи метафорой – олицетворением смерти, является генетическим развитием представлений об умирающем, чтобы родиться вновь, тотеме. Его низкий социальный статус (раб, преступник, странник) – указание на фазу смерти тотема. Аналогично царь может играть эту роль как воплощение всего коллектива, что сопровождается социальной травестией – относительно поздним ее вариантом является древнегреческий остракизм. Структуры этих представлений прослеживаются в повествовании об Исидоре – мы выше уже рассматривали, с одной стороны, причастность юродивой к потустороннему миру, ее пребывание в фазе смерти, а с другой – ее солярную, световую природу.

Говоря о жертве царя (или заменяющей его фигуры), следует упомянуть о частой характеристике этой жертвы – добровольности, что особенно подчеркнуто в период античности, например, в трагедиях Еврипида. Й. Бреммер указывает на подобные случаи

и в отношении фармаков – так, в Массилии человек вы­звался быть козлом отпущения. Несмотря на много­численные свидетельства того, что на практике в роли фармака оказывались и по совсем иным причинам – за вознаграждение или в качестве наказания за преступ­ление, Й. Бреммер отмечает устойчивую установку античной мифологии и идеологии на добровольность жертвы во имя выживания коллектива [14. Р. 307–308]. Эта установка сохраняется и в ранних христианских текстах – так, Ориген (текст около 248 г.) прямо срав­нивает Христа с фармаками, делая особый акцент на сходстве в добровольности их жертвы для освобожде­ния общины от бедствий (Против Цельса 1.31). Пред­ставляется, что истоки описания Палладием Исидоры как сознательно представлявшейся юродивой и бесно­ватой и намеренно избравшей этот путь находятся именно в этой мировоззренческой установке. Проис­хождение самого убеждения о добровольности жертвы объясняется исследователями как некая социально­психологическая самоочевидность позитивного значе­ния для общины именно такого поведения жертвы [13. Р. 71; 19. Р. 147]. Однако нам представляется, что, по­мимо социальных аспектов, в этом случае имеет место установление новых внутренних связей между элемен­тами традиционного ритуала. Акцент на добровольно­сти жертвы проявляется относительно поздно, в кон­тексте развитой городской культуры, он связан с уси­лением личностного начала и тенденцией имперсона­ции божества коллектива в конкретной личности. Можно предположить, что происходит постепенная трансформация представления о жертве как тотемном божестве или демоне, воплощенном в объекте ритуала, в образ человека и в конечном итоге – в богочеловека.

Второй существенный аспект, связанный с козлом отпущения: в тексте Левита в обряде упоминаются не одна, а две фигуры – козел очищения, который прино­сится в жертву для переосвящения храма, и собственно козел отпущения, который принимает на себя грехи коллектива и затем изгоняется в пустынь. Я. Милгром на основании сравнения ритуала празднования нового года в Вавилоне и иудейского обряда делает вывод, что первоначально имели место две разные религиозные практики: 1) очищение храма в ходе календарного праздника пришествия нового года, сопровождаемое всеобщим безграничным весельем и ликованием, где центральной фигурой являлся царь как персонализа­ция всей общины-коллектива; 2) ритуал исповедания грехов общины в экстремальных ситуациях божьей кары, проводимый первосвященником, предполагаю­щий смиренность, раскаяние и самоуничтожение. В ка­кой-то момент после возвращения из вавилонского пленения именно грехи всех членов общины стали вос­приниматься как главная причина всех актуальных и потенциальных бед, нарушения вселенского, боже­ственного порядка, что дало основание для слияния двух ритуалов в единую новогоднюю люстрационную обрядность [20. Р. 1069–1070]. Необходимо подчерк­нуть, что здесь появляется важный концепт грехов как скверны, требующей очищения. Апотропеиче­ские ритуалы, включая изгнания фармаков, предпола­

гали скверну как нечто внешнее по отношению к лю­дям (духов, демонов, проклятие, гнев богов). В иудей­ской же обрядности зафиксировался образ козла от­пущения как имперсонации всех индивидуальных грехов членов общины. Именно этот образ сыграл ве­дущую роль в формировании христианской люстра­ционной парадигмы – жертва Христа во искупление как Агнца Божьего, взявшего на Себя грех мира (Ин. 1:29).

При этом козел отпущения Йом-Кипура несет черты и календарной обрядности – в описании Посла­ния апостола Варнавы (текст рубежа I и II вв. н.э., до IV в. рассматривавшийся как полуканонический) пе­ред изгнанием в пустыню козлу на голову повязыва­лась алая лента, которую затем уже в пустыне снимали и перевязывали на куст шиповника, чьи плоды съе­добны и сладки [21]. Эти элементы ритуала могут быть интерпретированы как метафоры солярного цикла – ухода и перерождения солнца и космоса, о чем говорит О.М. Фрейденберг: различные козлы отпущения были метафорическими разновидностями одного и того же образа смерти как оживания. Очищение – это действо, дублирующее возрождение светила от смерти [2. С. 154]. Кроме того, упоминание плодов шиповника указывает на растительную, аграрную семантику рас­сматриваемого обряда.

Все упомянутые элементы люстрационной обряд­ности представляются последовательными историче­скими этапами развития метафоры смерти/рождения божества-тотема и выстраиваются в семантический комплекс обновления космоса-коллектива, конца и начала годичного солярного цикла, увядания и плодо­родия земли, изгнания смерти и мрака и призвания света и блага на общину в целом и, наконец, индиви­дуального очищения от грехов для каждого отдель­ного члена общины. Этот семантический комплекс в рамках христианского мировоззрения во всей пол­ноте воплотился в фигуре Христа. Прямое сравнение Христа с обоими жертвенными животными Йом-Ки­пура – козлом очищения и козлом отпущения, жерт­вой и фармаком – появляется уже в первые века су­ществования христианства. Его проводит автор уже упомянутого Послания апостола Варнавы, а также Тертуллиан в начале III в. (Adv. Marc. 7.7). Впрочем, Дж.Б. Беренсон Маклин доказывает, что в начальных вариантах христологической догматики внимание христиан было сосредоточено на очищении храма (Второй Иерусалимский храм, который как раз в это время строился), и Иисус рассматривался только как священная жертва, роль же козла отпущения выпол­нял Варавва. Однако после 70 года, когда в ходе Иудейской войны храм был разрушен войсками им­ператора Тита, фокус христологических нарративов сместился на грехи и общину верующих в целом [22. Р. 333–334]. Это сделало фигуру Иисуса более уни­версальной, синкретичной, способной представать в разных ипостасях – и как священной жертвы, и как искупителя грехов. В рамках христианского мировоз­зрения святость и подвижничество предполагают естественное христоподобие, и Исидора воспринима­

ется как святая благодаря – в числе прочего – реминисценциям на козла отпущения и священную жертву в ее образе.

Следует заметить, что очищение от грехов общины женского Тавеннийского монастыря происходит с участием двух персонажей – Исидоры и Питирума. Если Исидора является козлом отпущения, фармаком – маргинальным субъектом, терзаемым, подвергающимся издевательствам и в итоге уходящим в пустынь, то роль Питирума в этой эволюционирующей метафоре люстрационного ритуала заключается в очищении храма – он оказывается одновременно первосвященником и козлом очищения, он исповедует грехи коллектива и молится за него, вновь делая чистым и сакральным пространство (монастырь) и общину. Необходимость же такого очищения выстраивается через последовательность изложения историй о Тавеннийском монастыре в «Лавсаике». Аспект значимости юродства Исидоры как инструмента спасения конкретного коллектива неочевиден при рассмотрении отдельно взятого повествования о юродивой (и, вероятно, поэтому не освещен в исследовательской литературе), но хорошо прослеживается в рамках повествовательной структуры «Лавсаика» в целом. В тексте, предшествующем рассказу об Исидоре, речь идет о нарушении правильного порядка коллективного существования – одна из монахинь оклеветала другую. Последняя утопилась, не снеся клеветы, после чего и виновница наложила на себя руки (33.3–4) [23. С. 79]. Следующее затем описание подвижничества Исидоры, подобно масленичной обрядности и следующим за ней Прощеным воскресеньем, очищает монастырь не только от совершаемых в отношении юродивой грехов, но и от совершенных в нем ранее, обновляя это пространство и людей, и возвращая космический порядок. Действие обрядов очищения с фармаками, козлами отпущения распространялось на весь коллектив и его территорию. Уподобляемая им Исидора своим подвижничеством очищала и спасала весь коллектив и монастырь, а не только себя – в отличие от Питирума. Именно этот аспект ставит ее юродство выше отшельничества Питирума, на что старцу и указывает в видении ангел.

Священная пара

При том что значимость юродивой несомненно выше, Исидора и Питирум семантически и функционально дополняют друг друга, и достижение развязки всего повествования невозможно без их взаимодействия. Подобная женско-мужская пара в финале сюжета является прямой реминисценцией на брак. Так же, как другие особенности повествования, отмеченные выше, эта отсылка основывается на традиционных, архаичных и, вероятно, уже не рефлекслируемых на тот момент представлениях, при этом встроенных в динамично формирующуюся христианскую картину мира. Волшебные сказки связаны с поиском невесты и заканчиваются свадебным торжеством [24. С. 59]. Структура повествования об Исидоре вполне соответствует этой схеме (и в этом также коррелирует с сюжетом о Золушке). Авва Питирум по совету ангела идет в

Тавеннийский монастырь в поисках святой девы – подобно тому, как сказочный принц по совету волшебного помощника отправляется на поиски невесты.

В повествовании Питирум представлен зеркальным отражением Исидоры – его собственная святость оказывается под вопросом, когда ангел говорит ему, что, живя отшельником, мыслями он блуждает в городах (34.4) [23. С. 80]. Встреча с Исидорой должна стать для Питирума иерофанией, священным откровением, необходимым испытанием и подтверждением его собственного статуса. Это часть его индивидуального пути к Богу. По сути, в повествование об Исидоре вложено повествование о Питируме. Это объяснимо в логике христианского вероучения как сфокусированного на индивидуальном переживании сакрального опыта, в отличие от классических античных языческих практик, ориентированных на коллектив. В то же время именно коллектив здесь является принципиально важной частью нарратива. Встреча Исидоры и Питирума, момент узнавания и явления святости (метафора рождения божества), создает катарсическое откровение и очищение для коллектива женского Тавеннийского монастыря, для четырехсот сестер-монашек. При этом сюжет об Исидоре завершает метасюжет о Тавеннийском монастыре вообще.

Христианская религиозность смещает семантику статусов персонажей в духовную плоскость, изменяет каузальность поиска, предполагает иной результат – но при этом очертания сказочного сюжета о браке как кульминационном завершении повествования сохраняются. Как можно предположить, в основе этой устойчивости лежит изначальная природа данного сюжета, которая способствует восприятию читателем повествования об Исидоре как рассказа о священном событии, иерофании. Исидора и Питирум предстают как сакральная пара, чей брак семантически приводит к плодородию, началу нового природного аграрного цикла, обновлению космоса и самого коллектива – и, таким образом, устанавливает параллель с майской обрядностью [2. С. 68–69; 8. С. 131–134]. В свете интерпретации Питирума и Исидоры как сакральной пары получает объяснение загадочный эпизод в тексте «Лавсаика», на который обратил внимание М. Серто: при встрече с Питирумом юродивая называет его Кῳρίε, господин, в то время как все остальные обращаются к Питируму ἄββα, отец, что подчеркивает его статус. М. Серто рассматривает эту ситуацию как прием, с помощью которого Исидора стремится сохранить свое положение «другого», свою инаковость, неузнанность, нахождение вне любых рамок и институций [25. Р. 37]. Не отрицая эту позицию, которая вполне сочетается с предлагаемым нами взглядом, отметим, что, как указывает сам М. Серто [25. Р. 310], в том же «Лавсаике» есть пример использования термина кирие для обращения к супругу-молодожену со стороны его жены (8.3) [23. С. 40]. Таким образом, аллюзия на брак во встрече Питирума и юродивой становится явной – текст прямо делает на этом акцент через использование на современный взгляд странно и неуместно выглядящего обращения.

Собственно, эта метафора брака связана с узнаванием, увидением, распознаванием искомой фигуры, и здесь трактовка М. Серто о стремлении юродивой

остаться вне любых категорий представляется вполне уместной. Мотив узнавания, обнаружения героем истинной деви среди других женщин достаточно часто встречается в волшебных сказках, как, например, в чешской Златовласке (сюжет 310 по указателю Аарне-Томпсона – принцесса в башне, с мотивом H75.4 – узнавание по золотым волосам). Герой должен обнаружить Златовласку среди двенадцати красавиц, чьи головы скрыты под покрывалами. Так же и Питирум ищет среди монахинь деву, о которой ему сказал ангел, и, не увидев ее, требует привести всех, потому что уверен, что осталась еще одна, та самая. Он узнает ее по повязке (покрывало, покров, скрывающий, как отмечалось выше, золотой элемент, например, золотые волосы – метафору солнца). Узнавание в данном случае означает видение – Питирум видит истинную священную деву, и делает ее видимой для всего остального коллектива, инвертируя ее статус из низшего в высший, из отверженной в святую мать. Этот эпизод является генетической параллелью священного брака и образования сакральной пары, с чего в календарной обрядности начинается очередной цикл возрождения природы, космоса и коллектива.

Почему Питирум?

Момент «узнавания» в сказке является кульминационным. Он тождественен новому «рождению» Исидоры и с ней – обновленного космоса и коллектива. Уход со сцены короля карнавала и возвращение/рождение «нового, обновленного» царя завершает календарную обрядность и обновление космоса и коллектива. За масленицей следует Прощеное воскресенье, Золушка становится невестой и новой царицей. Но текст Палладия ломает эту схему. Питирум, придя в монастырь и узнав юродивую, открывает ее святость монахиням – а далее происходит странный с точки зрения логики сюжета разворот: монахини просят прощения за то, что обижали Исидору, у *Питирума*, а не у *самой Исидоры*. Монахини «упали ему в ноги, выражая раскаяние, каждая различным образом. Одна, что выливалась на нее остатки из сосуда, другая – что колотила ее кулаками, иная – что мазала ей горчицей нос. И просто все сообщали о различных оскорблениях» (34.7). Таким образом, Исидора остается неузнанной, неувиденной монахинями и после встречи с Питирумом. Принимая покаяние монахинь как должное, Питирум молится о них и покидает монастырь, а через несколько дней уходит и бывшая юродивая, не вынеся славы, чести и тяготясь оправданиями. В более позднем, житийном варианте, приписываемом Ефрему Сирину, в этот эпизод были внесены коррективы – монахини каялись уже перед самой юродивой, и благодаря этому повествование выглядит более гладким. Возникает вопрос, почему же Палладий выстроил свое повествование именно таким образом, что монахини просят прощения у отшельника, – ведь автор сам устами Питирума недвусмысленно обозначает статус юродивой как более высокий по сравнению с отшельником, и оскорбляли монахини именно ее, а не Питирума.

Нам представляется, что эта кажущаяся непоследовательность Палладия указывает на значимый комплекс культурных факторов разного уровня. Ранее мы фокусировались на фольклорных и мифологических аспектах «Лавсаика», однако, в данном случае, вероятно, можно найти ответ в его историчности. Палладий, в силу своего жизненного опыта и принципов (неукоснительная поддержка Иоанна Златоуста свидетельствует о строгости и ригористичности его позиции в отношении церковной и религиозной дисциплины), в ситуации выбора между следованием принятому в женском Тавеннийском монастыре уставу и логикой сюжета выбирает первое. Правила монастырского общежития (тем более, что это, по сути, первые, образцовые правила для только зарождающегося общежитийного монашества) для него являются более важными, чем соблюдение структуры повествования. В соответствии с этими правилами монахини должны исповедоваться и искать совета по поводу всех смущающих вопросов и конфликтов у мужчины-пресвитера, священника, приплывавшего по воскресеньям, вероятно, из соседнего мужского монастыря для служения литургии [23. С. 79; 26. С. 114]. Питирум, хотя и не принадлежит к монахам, но является известным святым старцем, что приравнивает его к монастырскому пресвитеру и дает право войти в женский монастырь. Так решают тавеннийские мужчины-наставники, которые должны допускать и сопровождать подобных пришельцев (34.4) [27. С. 418]. Вероятно, и монахини воспринимали его как пресвитера-наставника, о чем свидетельствует то, с какой готовностью они слушаются Питирума и каются именно ему, как только он указывает на их ошибку в отношении Исидоры. Кроме того, в пахомианских монастырях высшим и непререкаемым авторитетом пользовался глава всей этой конгрегации, который регулярно посещал отдельные общины также с целью наставничества [28. С. 115]. Общепринятым обращением к нему, в отсутствие формализованного титула, было «авва», отец, и именно так обращаются монахини к Питируму.

В дальнейшем, в ходе формирования житийной литературы и собственно жития Исидоры исторический контекст пахомианского монашества исчезает как утративший актуальность. Это сосредотачивает внимание агиографов на Исидоре, которые корректируют текст в пользу его соответствия сказочному сюжету.

Помимо значения исторического контекста, поведение монахинь по отношению к Исидоре и Питируму указывает на важные особенности общественного сознания рассматриваемой эпохи. В «Лавсаике» встречаются две «стадиально» разные мировоззренческие системы понятия греха и избавления от него. Первая – старая, теряющая свою сакральность, но еще существующая в обрядовой практике, распространяется на коллектив и его территорию и предполагает грех как нарушение космического порядка, причину рассогласования его элементов, нарушения целостности. Вторая – более молодая, очень индивидуализированная, с личным обращением к Богу. Грехи в этой системе происходят из взаимоотношений человека с человеком, а

не человека с божеством-тотемом или космосом. Главные инструменты очищения в ней – раскаяние и молитва святого о раскаявшихся. Озвучивая свои грехи (оскорбления Исидоры), монахини каются. Однако Исидора не молится за оскорблявших ее – хотя в рамках христианской мировоззренческой системы она должна это делать для очищения и спасения общины. Молитва юродивого (чаще всего скрытая, тайная) за других, в том числе за обидчиков, будет впоследствии служить агиографам для объяснения его святости и спасительной функции для общества [29. С. 117]. Отсутствие такого объяснения в «Лавсаике» обнажает иной механизм возникновения образа юродивого и его сакральности, связанный с архаичными представлениями и традициями. Этот образ описывается метафорой губки монастыря, т.е. фармака, выполняющего очищающую функцию для всего коллектива и места его проживания через свой низкий статус, подчеркнутый оскорблениями, с необходимым разрывом всех отношений перед исполнением обряда и уходом за границы поселения на завершающем этапе ритуала.

Параллель с фармаком и в более общем смысле с календарными ритуалами старого уходящего года объясняет необходимость ухода юродивой из монастыря. Юродивая, чей образ в традиционном мировоззрении генетически восходит к тотемному божеству в фазе смерти, после узнавания ее Птириумом и соответствующего изменения статуса, возвышения, перехода в фазу жизни, уже не могла оставаться губкой монастыря. Фактически на этом история Исидоры как юродивой, Золушки, заканчивается, и начинается новая история Исидоры-святой. Для последующей агиографической традиции, в которой анонимная юродивая получает имя и биографию, где именно Исидора находится в центре повествования, важна ее дальнейшая судьба, и отсутствие сведений о ней воспринимается как досадное упущение. Но для Палладия рассказ об Исидоре является законченным сюжетом о скрытой святости, грехах, покаянии и очищении женской тавеннийской общины. Золушка, став «царицей», перестает быть Золушкой и уходит из хижины во дворец, в случае Исидоры – в абстрактный внешний по отношению к монастырю мир. Впрочем, следует отметить, что уже в V в., времени создания «Лавсаика», появляется житие святой Нисимы, созданное на основе контаминации нескольких сюжетов, включая и историю тавеннийской юродивой. Оно демонстрирует последовательное развитие логики подвижничества как метафоры календарного обряда – после ухода из Тавеннисис Нисима основывает собственный монастырь и возглавляет его, переодевшись в мужскую одежду (новое начало, рождение коллектива и брачная пара, метафорически выраженная в травестии) [30. С. 67].

Заключение

Итак, в нашем исследовании мы предприняли попытку реконструировать мировоззренческие основания формирования нарратива о юродстве, проанализировав наиболее ранний пример подобных нарративов – повествование о юродивой в «Лавсаике» Палладия.

Опираясь на существующие исследования, в первую очередь на работы О.М. Фрейденберг и А.М. Панченко, можно с уверенностью утверждать, что семантика юродства раскрывается наиболее полно при рассмотрении этого явления как элемента целостной системы соотношений коллектива, юродивого и потустороннего мира. Эта система, в свою очередь, имеет чрезвычайно архаические корни, проявляясь в наиболее консервативной, народной низовой культуре – сказочном фольклоре и народных календарных празднествах.

Одним из важнейших элементов мировоззренческого комплекса, лежащего в основе образа юродивой, являются представления о календарном празднестве смерти и рождения, обновления годового цикла. В соответствии с концепцией О.М. Фрейденберг, униженное, рабское положение является необходимым условием для перерождения божества-тотема. Для того чтобы переродиться, необходимо пройти фазу смерти, а низкий социальный статус семантически означает пребывание именно в этой фазе. Таким образом, унижение является непрямым предварительным этапом воцарения, раскрытия истинной природы божества. Этот культурный паттерн находит отражение в римских Сатурналиях, календарном новогоднем празднестве, характеризующемся инверсией социальных ролей, назначением шутовского царя, нарочитым карнавальным антиповедением участников – все это представляет собой метафоры пребывания в фазе смерти (или, что то же самое, в соотносимом с ней потустороннем мире). В позднеантичном повествовании о мученике Дасии агиограф прямо говорит о ритуале жертвоприношения карнавального царя как кульминационном завершении праздника. Однако уже в этом нарративе проявляется особенность, характерная для периода становления христианства в целом и для образа юродивых в частности, – параллельное сосуществование и взаимодействие мотивов смерти/рождения, с одной стороны, как коллективного, а с другой – как индивидуального спасения. В случае юродивой в «Лавсаике» ее роль связана с женским Тавеннийским монастырем и коллективом монахинь, именно его она спасает своим подвижничеством, пребыванием в фазе смерти.

Функция спасения, очищения коллектива с особенной силой проявляется в традициях люстрационной обрядности. И здесь мы видим соответствующие коннотации в повествовании о юродивой. Образ Исидоры включает в себя семантику фигуры козла отпущения, что объясняет загадочное именование ее губкой монастыря. Подобно фармакам, юродивая одновременно маргинальна и причастна общине, что позволяет переложить на нее грехи коллектива. Она добровольно принимает на себя эту роль (что соответствует сложившимся в средиземноморской культуре в этот период представлениям). Выступая в качестве козла отпущения, унося старые грехи, она также представляется и сакральной очистительной жертвой, создающей возможность нового начала – в этом проявляются уже результаты развития христологических взглядов на святость, и выстраивается христоподобие юродивой как необходимая основа ее сакральности в христианском сознании.

Сюжет о Питируме дополняет повествование о юродивой. Образ святого отшельника Питирума также восходит к календарному божеству и в сакральном смысле дублирует Исидору. В то же время Питирум как воплощение мужского начала составляет с Исидорой священную пару, находящуюся в основе годового цикла рождения и плодородия. Встреча Питирума и Исидоры и момент узнавания являются метафорой священного брака, генетической параллелью майской обрядности, с которой начинается новый цикл жизни коллектива – в

данном случае тавеннийской женской общины. Однако из этой семиологической системы выбивается один элемент – покаяние монахинь не перед Исидорой, как наиболее священной фигурой, а перед Питирумом. Данный аспект можно объяснить спецификой устава женского Тавеннийского монастыря, в котором исповедь и покаяние могли производиться только перед пришедшим извне мужчиной-наставником. Исидора же следует образу козла отпущения – уходит из общины, унося с собой ее грехи.

Список источников

1. Saintyves P. Les Contes des Perrault et les recits paralleles: leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires). Geneve ; Paris : Slatkine Reprints, 1990. 646 p.
2. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 449 с.
3. Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Vol. II. A Sourcebook. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 428 p.
4. Макробий Феодосий. Сатурналии. М. : Кругъ, 2013. 810 с.
5. Лукиан Самосатский. Сочинения в 2 т. Т. 1. СПб. : Алетейя, 2001. 479 с.
6. Тацит К. Сочинения в двух томах. СПб. : Наука, 1993. 735 с.
7. Versnel H.S. Inconsistencies in Greek and Roman religion. V. 2. Transition and reversal in Myth and Ritual. Brill Academic Publishing, 1992. 372 p.
8. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М. : АСТ, 1998. 784 с.
9. The Martyrdom of the Saintly Dasius // The Acts of the Christian Martyrs. Oxford University Press, 1972. P. 272–279.
10. Палладий. Лавсаик // Византийские легенды. Л. : Наука, 1972. С. 10–17.
11. Сказание о юродивой. // Св. Ефрем Сирин. Творения. Т. II. М. : Русский издательский центр им. Святого Василия Великого, 2014. С. 374–375.
12. De Sancta Isidora // Acta Sanctorum Maii. Vol. I. Bruxelles : Impression Anastaltique Culture et Civilisation, 1968. P. 49–50.
13. Burkert W. Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley : University of California Press, 1979. 248 p.
14. Bremmer J. Scapegoat Rituals in Ancient Greece // Harvard Studies in Classical Philology. 1983. Vol. 87. P. 299–320.
15. Hudson Mclean B. The Cursed Christ: Mediterranean Expulsion Rituals and Pauline Soteriology. Sheffield : Sheffield Academic Press, 1996. 312 p.
16. Parker R. Miasma: Pollution and Purification in early Greek Religion. Oxford : Clarendon Press, 1996. 432 p.
17. Жирар Р. Насилие и священное. М. : НЛО, 2010. 448 с.
18. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература, 1998. 800 с.
19. Versnel H.S. Self-Sacrifice, Compensation, Anonymous Gods // Entretiens Fondation Hardt. 1981. Vol. 27. P. 135–194.
20. Milgrom J. Leviticus 1–16. New Haven : Yale University Press, 1998. 1184 p.
21. Письмо апостола Варнавы // Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Т. 2: Писания мужей апостольских. М. : Тип. Каткова и К°, 1860. С. 33–79.
22. Berenson Maclean J.K. Barabbas, the Scapegoat Ritual, and the Development of the Passion Narrative // The Harvard Theological Review. 2007. Vol. 100, № 3. P. 309–334.
23. Лавсаик Палладия // Иероним, или Новый Рай: Собрание текстов монашеской агиографии Палестины, Египта и Византии V–XV вв. Святая гора Афон : Пустынь Новая Фиваида Афонского Русского Пантелеймонова монастыря, 2010. 448 с.
24. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2001. 192 с.
25. Certeau M. The Mystic Fable. Vol. I. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago : The University of Chicago Press, 1992.
26. Войтенко А.А. Египетское монашество в IV в.: Житие преп. Антония Великого, Лавсаик, История монахов. М. : ЦЕИ РАН, 2012. 320 с.
27. «Правила» (Праесерта) // Хосроев А.Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб. : Нестор-история, 2004. С. 394–418.
28. Хосроев А.Л. Пахомий Великий. Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб. : Нестор-история, 2004. 505 с.
29. Панченко А.М. Смех как зрелище. // Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л. : Наука, 1976. С. 91–191.
30. Иванов С.А. Блаженные похабы. М. : Языки славянских культур, 2005. 448 с.

References

1. Saintyves, P. (1990) *Les Contes des Perrault et les recits paralleles: leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires)*. Geneve; Paris: Slatkine Reprints.
2. Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow: Labirint.
3. Beard, M., North, J. & Price, S. (1998) *Religions of Rome. Vol. II. A Sourcebook*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Macrobius Theodosius. (2013) *Saturnalii* [Saturnalia]. Moscow: Krug”.
5. Lucian of Samosata. (2001) *Sochineniya v 2 t.* [Writings in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteyya.
6. Cornelius Tacitus. (1993) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Writings in 2 vols]. St. Petersburg: Nauka.
7. Versnel, H.S. (1992) *Inconsistencies in Greek and Roman religion*. V. 2. Transition and reversal in Myth and Ritual. Brill Academic Publishing.
8. Frazer, J. (1998) *Zolotaya vetv’* [The Golden Bough]. Moscow: AST.
9. OUP. (1972) The Martyrdom of the Saintly Dasius. In: *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford University Press. pp. 272–279.
10. Palladius. (1972) *Lavsaik* [Lausiac History]. In: *Vizantiyskie legendy* [Byzantine legends]. Leningrad: Nauka. pp. 10–17.
11. St. Ephraim the Syrian. (2014) *Skazanie o yurodivoy* [The Tale of the Holy Fool]. In: *Tvoreniya* [Writings]. Vol. II. Moscow: Russkiy izdatel'skiy tsentr imeni Svyatogo Vasilija Velikogo. pp. 374–375.
12. Impression Anastaltique Culture et Civilisation. (1968) *De Sancta Isidora*. In: *Acta Sanctorum Maii*. Vol. I. Bruxelles: Impression Anastaltique Culture et Civilisation. pp. 49–50.
13. Burkert, W. (1979) *Structure and History in Greek Mythology and Ritual*. Berkeley: University of California Press.
14. Bremmer, J. (1983) Scapegoat Rituals in Ancient Greece. *Harvard Studies in Classical Philology*. 87. pp. 299–320.
15. Hudson Mclean, B. (1996) *The Cursed Christ: Mediterranean Expulsion Rituals and Pauline Soteriology*. Sheffield: Sheffield Academic Press.
16. Parker, R. (1996) *Miasma: Pollution and Purification in early Greek Religion*. Oxford: Clarendon Press.
17. Girard, R. (2010) *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the Sacred]. Moscow: NLO.
18. Freydenberg, O.M. (1998) *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow: Vostochnaya literatura.
19. Versnel, H.S. (1981) Self-Sacrifice, Compensation, Anonymous Gods. *Entretiens Fondation Hardt*. 27. pp. 135–194.
20. Milgrom, J. (1998) *Leviticus 1–16*. New Haven: Yale University Press.

21. Tip. Katkova i K°. (1860) Poslanie apostola Varnavy [Message of the Apostle Barnabas]. In: *Pamyatniki drevney khristianskoy pis'mennosti v russkom perevode* [Monuments of ancient Christian writing in Russian translation]. Vol. 2. Moscow: Tip. Katkova i K°. pp. 33–79.
22. Berenson Maclean, J.K. (2007) Barabbas, the Scapegoat Ritual, and the Development of the Passion Narrative. *The Harvard Theological Review*. 100 (3). pp. 309–334.
23. Biryukov, D.S. (ed.) (2010) Lavsaik Palladiya [Palladius' Lausiak History]. In: *Irosanfon, ili Novyy Ray: Sobranie tekstov monasheskoy agiografii Palestiny, Egipta i Vizantii V–XV vv.* [Irosanthion, or New Paradise: Collection of texts of monastic hagiography of Palestine, Egypt and Byzantium of the 5th–15th centuries]. Svyataya gora Afon: Pustyn' Novaya Fivaida Afonskogo Russkogo Panteleymonova monastyrya.
24. Propp, V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Labirint.
25. Certeau, M. (1992) *The Mystic Fable*. Vol. I. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago: The University of Chicago Press.
26. Voytenko, A.A. (2012) *Egipetskoe monashestvo v IV v.: Zhitie prep. Antoniya Velikogo, Lavsaik, Istoriya monakhov* [Egyptian monasticism in the 4th century: Life of St. Anthony the Great, Lausiak History, History of the Monks]. Moscow: TsEI RAN.
27. Anon. (2004) "Rules" (Praecepta). In: Khosroev, A.L. *Pakhomiy Velikiy. Iz ranney istorii obshchezhitel'nogo monashestva v Egipte* [Pachomius the Great. From the early history of cenobitic monasticism in Egypt]. St. Petersburg: Nestor-istoriya. pp. 394–418.
28. Khosroev A.L. (2004) *Pakhomiy Velikiy. Iz ranney istorii obshchezhitel'nogo monashestva v Egipte* [Pachomius the Great. From the early history of cenobitic monasticism in Egypt]. St. Petersburg: Nestor-istoriya.
29. Panchenko, A.M. (1976) *Smekh kak zrelishche*. [Laughter as a performance]. In: Likhachev, D.S. & Panchenko, A.M. *Smekhovoy mir Drevney Rusi* [The laughter world of Ancient Rus]. Leningrad: Nauka. pp. 91–191.
30. Ivanov, S.A. (2005) *Blazhennye pokhaby* [Blessed fools]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Информация об авторах:

Коньков Д.С. — канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dkonkov@mail.ru

Шевцова О.П. — магистрант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: oshevtsova1977@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.S. Konkov, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

O.P. Shevtsova, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: oshevtsova1977@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests

*Статья поступила в редакцию 05.09.2023;
одобрена после рецензирования 28.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 05.09.2023;
approved after reviewing 28.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.17223/15617793/495/11

К проблеме изучения казахов Оренбургской области

Любовь Алексеевна Моисеева^{1,2}, Маргарита Нугмановна Сулейманова^{1,3}

¹Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

²Tscherep96@mail.ru

³suleymanie@mail.ru

Аннотация. Представлены сведения об исследователях и научных трудах, которые способствовали историко-этнографическому изучению края и казахского населения Оренбуржья. Произведен анализ представленной информации и выявлены основные тенденции в изучении интересующей тематики по каждому из выделенных периодов (дореволюционный, советский, постсоветский).

Ключевые слова: казахи, Оренбургская область, изучение, этнография, история

Для цитирования: Моисеева Л.А., Сулейманова М.Н. К проблеме изучения казахов Оренбургской области // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 117–130. doi: 10.17223/15617793/495/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/11

To the problem of studying the Kazakhs of Orenburg Oblast

Lyubov A. Moiseeva^{1,2}, Margarita N. Suleymanova^{1,3}

¹ Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

² Tscherep96@mail.ru

³ suleymanie@mail.ru

Abstract. Kazakhs are one of the indigenous peoples of Orenburg Oblast. According to the 2021 census, it is the third largest, after Russians and Tatars. Starting from the accession of the horde of the Younger Zhuz in 1731 and the founding of Orenburg Oblast in 1744, the study of Kazakhs' culture and life remains a topical issue of ethnological research in the region. This article aims to get acquainted with the literature published for the entire period of study of the Kazakhs of Orenburg Oblast, to systematize it and produce its historiographic review. In their study, the authors used the following methods: the chronological method, comparative analysis, a systemic approach to the study. The comparative historical method and the periodization method were the most used. The source base of the study was monographs, periodicals, archival documents, textbooks and teaching aids published in the period from the 18th to the 21st centuries. In different periods of Russian history, the study of the Kazakhs of Orenburg Oblast was given unequal attention. The list of works covering the history and ethnographic descriptions of the Kazakhs is, in general, very extensive. Based on the literature and archival materials, separate periods (pre-revolutionary, Soviet, modern) of studying the culture and life of the Kazakhs of Orenburg Oblast were identified. The richest, from the point of view of ethnography, was the pre-revolutionary period, when academic expeditions, the activities of the Russian Geographical Society and the Orenburg Scientific Archival Commission played an important role. The Soviet period was characterized by greater interest in the history of the Kazakh people; special attention was paid to ancient history (before the Younger Zhuz's accession to the Russian Empire). The modern period is characterized by a plurality of topics and approaches in the study of the Kazakhs of Orenburg Oblast; studies of interethnic and intercultural interaction of peoples within a multinational region are most common. This article attempts to consider the history of the study of the Kazakhs of Orenburg Oblast, researchers and works presenting historical and ethnographic information about them.

Keywords: Kazakhs, Orenburg Oblast, study, ethnography, history

For citation: Moiseeva, L.A. & Suleymanova, M.N. (2023) To the problem of studying the Kazakhs of Orenburg Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 117–130. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/11

В современной Оренбургской области проживают многие народы, в том числе и казахи, численность которых согласно текущей статистике достигает 117 тыс. человек [1]. История их расселения в крае уходит вглубь

веков и связана с тюркоязычными племенами VIII–IX вв., кочевавшими на территории современного Казахстана и юга Европейской части России, где в конце XV в. возникло Казахское ханство [2]. С созданием

в 40-х гг. XVIII в. Оренбургской губернии немалая часть их оказалась в составе населения вновь образованной административной единицы Российской империи. Вплоть до начала XX в. казахов называли «киргиз-кайсаками». По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.), в Оренбургской губернии проживало 4,9 тыс. киргиз-кайсаков [3. С. 7]. Они занимались кочевым скотоводством, земледелием и торговлей. Это своеобразное в языковом и хозяйственно-культурном отношении население Оренбургского края вызывает интерес исследователей уже не одно столетие. В 1731 г. младший Жуз во главе с Абулхаир ханом, теснимые джунгарами, присягнули на верность Российской империи. Российское правительство в 1732 г. предприняло попытку строительства Ново-Закамской укрепленной линии, расположившейся на территории современной Самарской области и Республики Татарстан, которая должна была обезопасить от набегов башкир и киргиз-кайсаков. Но в 1734 г. Абулхаир хан подал прошение в Петербург о постройке города для меновой торговли и защиты от неприятелей. Следовательно, Ново-Закамская укрепленная линия теряла свое значение, в то время как строительство нового города открывало путь к изучению и освоению Средней Азии.

Освоение вновь присоединенных территорий поручили видному государственному деятелю и ученому Ивану Кирилловичу Кирилову (1689–1737), который разработал проект «Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах», в котором обосновал необходимость организации экспедиции по изучению особенностей края и строительству города в устье р. Орь. Согласно проекту И.К. Кирилова в 1734 г. организовывается «Известная» экспедиция, которая позже была переименована в Оренбургскую.

В ходе работы Оренбургской экспедиции в первой половине XVIII в. была создана Оренбургская пограничная линия, а в 1744 г. Оренбургская губерния, с центром в г. Оренбурге. Губерния приобрела статус приграничной. На севере она доходила до рек Исети и Камы, на юге – до Каспийского и Аральского морей, на востоке – до реки Тобол и восточных пределов киргиз-кайсацких кочевий, а на западе – до Волги, в районе города Самары [4. С. 54–66]. XVIII в. – это время больших преобразований в крае, что не могло не найти отражения и в изучении народов, обитавших в пределах вновь образованной Оренбургской губернии, большой процент населения которой, помимо русских, составляли башкиры, киргиз-кайсаки (казахи), калмыки, татары, мордва, чуваш и др. В отношении нерусских народов, подчиненных власти Оренбургского губернатора, проводилась политика, в основе которой лежал принцип «разделяй и властвуй». Администрация губернии сознательно натравливала ханов башкир, киргиз-кайсаков и калмыков друг на друга, извлекая из этой распри выгоду, преследуя свои имперские интересы. Осуществление колониальной политики в отношении местного нерусского населения требовало знания этих народов, их языков, социальных отношений, традиций и обычаев. Поэтому изучению народностей, населявших и окружавших Оренбургскую губернию,

отводилось немалое внимание. В этот период в изучение народов края, в том числе и киргиз-кайсаков, большой вклад внесли участники так называемой Оренбургской экспедиции (1734–1744). Их исследования носили практический характер, ими был оценен потенциал осваиваемых земель и возможные препятствия на пути продвижения империи на юго-восток.

В составе экспедиции был один из первых исследователей народов Оренбургского края, в том числе и казахов, Петр Иванович Рычков (1712–1777), географ, историк и краевед, позже ставший членом-корреспондентом Императорской академии наук, много лет обстоятельно изучавший край. Итогом многолетней работы в составе Оренбургской экспедиции стало издание П.И. Рычковым в 1759 г. «Истории Оренбургской по учреждении Оренбургской губернии». В ней значительное место занимает описание различных народов. Повествуя о киргиз-кайсаках Меньшей орды (как в те времена называли Младший жуз), он сообщает об их бедственном положении, условиях их вхождения в состав Российской империи, взаимоотношениях с российской администрацией в период организации Оренбургской губернии [5].

В труде под названием «Топография Оренбургской губернии: сочинения П.И. Рычкова 1762 года», П.И. Рычкова в большей степени интересует разделение киргиз-кайсаков на подгруппы и территории их проживания. «Все они, киргизцы, – писал он, – разделяются на три орды, кои именуются Большая, Средняя и Малая, которое разделение от чего происходит поныне еще неизвестно; но из оных первая, то есть Большая орда, в подданстве Российском не числится, того ради и описана она выше сего, обще с другими Оренбургской губернии смежными народами. Чего же до Меньшей и Средней принадлежит, то происходящая в Оренбургской губернии дела наипаче до сих обеих орд касаются; следственно и о состоянии оных обстоятельно знать всегда немалая будет потребность» [6. С. 93–113].

С решением первоочередных задач по организации новой губернии, строительству укреплений, обеспечению безопасности и т.п., возникает интерес к целостному научному изучению края и его населения. Исходя из этого одной из важнейших задач Петербургской академии наук стало изучение территорий, вошедших в состав империи, обследование их на предмет наличия полезных ископаемых, выяснение перспектив развития. В рамках этой программы в 1768–1774 гг. было проведено ряд экспедиций, маршрут которых пролегал и через Оренбургскую губернию [7. С. 37–38]. Помимо изучения климатического, географического, экономического и геологического потенциала губернии, возникает интерес и к народам, проживающим на данной территории, так как сотрудничество с местным населением становится необходимым фактором обеспечения безопасности и спокойствия присоединенных территорий. Исследователей интересует внешний вид народов, характер взаимоотношений с Российской империей, особенности внутреннего управления, сведения о духовенстве и статусе религии в обществе.

Одно из наиболее ярких описаний народонаселения империи того времени принадлежит перу известного ученого Иогана Готлиба Георги (1729–1802), возглавившего один из отрядов Физической академической экспедиции. Его главный труд «Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей», опубликованный в 1776 г., подробно знакомит читателей с жизнью многих народов, в том числе и киргиз-кайсаков. Им даны описания их жилищ, рода деятельности, норм обычного права и быта в целом. Также им представлено яркое описание похоронно-поминальных обрядов: «С покойниками своими поступают так же, как и прочие Магометане. Могилы роют не глубокие; напротив того многие набрасывают на них груды камней. Когда мужчина умрет, то самое лучшее его платье изъезывают в лоскутки, и разделяют для памяти по его приятелям...» [8. С. 119–180].

Значительный вклад в изучение народов края внес еще один член Физической экспедиции Николай Петрович Рычков (1746–1784), путешественник и географ, сын Петра Ивановича Рычкова. В составе экспедиции он посетил губернии Урала и Поволжья и в 1770 г. издал «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году», где описал напряженную обстановку в Оренбургской губернии, вызванную вооруженными столкновениями киргизов и калмыков [9]. В 1772 г. публикуется второй труд Н.П. Рычкова «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 г.». Путешествие, которое лежало через Киргиз-Кайсацкие степи, было инициировано военными нуждами, для усмирения калмыков. Ученый большее внимание уделил описанию полезных ископаемых Киргиз-Кайсацкой степи, сведения же о самих киргиз-кайсаках весьма отрывочны. В частности, он сообщает о состоянии военного дела киргиз-кайсаков, о нормах обычного права. Так, «изувечить человека почитается у них за половину убийства; а по тому половину должен платить изувеченному противу совершенного убийства». Описывая местность, по которой следовали члены экспедиции, ученый упоминает о киргиз-кайсацких захоронениях, осыпанных огромными кучами дикого камня (мрамора, агата). Н.П. Рычков отметил и широкое распространение языческих обрядов среди киргиз-кайсаков и номинальность магометанской веры [10. С. 10–34].

Пугачевское восстание вносит коррективы в ход работы научных экспедиций, деятельность их временно прекращается. Изучение губернии и ее народонаселения возобновляется лишь после подавления восстания.

Итак, в рассмотренный период огромный вклад в дело научного изучения народов края внесли члены академических экспедиций, организованных Российской академией наук. Результатами их многолетней исследовательской деятельности стали труды, изданные в конце XVIII в. Особую ценность в контексте нашей темы представляют наблюдения ученых, посвященные жизни киргиз-кайсаков.

В 1774 г. в Оренбург была направлена «Экспедиция иноверческих и приграничных дел». Задачами экспедиции стали разрешение земельного вопроса между казаками и пришлым населением губернии, исполнение судебных и розыскных функций, связанных с подавлением Пугачевского бунта.

В 1782 г. Экспедиция иноверческих и приграничных дел была преобразована в «Оренбургскую пограничную экспедицию», которая подчинялась через военного губернатора Азиатскому департаменту МИД. Ее основным занятием стало разрешение земельных споров между киргиз-кайсаками и населением приграничных территорий и осуществление судебных полномочий по делам участников Пугачевского восстания.

В 1799 г. Оренбургская пограничная экспедиция преобразована в «Оренбургскую пограничную комиссию», которая выполняла исполнительные и распорядительные функции, имела большой вес в управлении приграничного региона и вела обширную деятельность по изучению истории, этнографии, географии и экономики края [11. С. 51–55].

Оренбургская пограничная комиссия проработала в течение 60 лет и была расформирована в 1859 г.; именно с ее деятельностью был связан следующий этап в истории изучения киргиз-кайсаков. Он характеризуется появлением новых исследователей, которые в своих трудах значительное место уделили этнографии и истории киргиз-кайсаков Оренбургской губернии.

Наиболее значимыми стали исследования А.И. Левшина и В.В. Вельяминова-Зернова. Алексей Ираклиевич Левшин (1798–1879) – государственный деятель, историк и этнограф в составе комиссии работал в 1820–1823 гг. Итогом его научных изысканий стала изданная в 1832 г. работа «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей», ставшая первым в отечественной науке фундаментальным трудом по географии, этнографии и истории казахского народа с древнейших времен до XVIII в. В ней собраны обширные сведения о верованиях, обычном праве, быте, медицине, традициях, обрядах и культуре казахов [12].

Не менее значимым стал труд «Исторические известия о Киргиз-Кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абуль-Хайр Хана (1748–1765)» Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова (1830–1904) – востоковеда, лингвиста и историка, проработавшего в составе комиссии с 1851 по 1854 г. В ней автор представил историю казахского населения и его судьбу после присоединения к Российскому государству [13, 14].

Труды исследователей, работавших в рамках Оренбургской пограничной комиссии, содержат весьма ценные этнографические сведения о казахском населении Оренбургского края. Особое внимание уделено их истории. В целом этот период исследования характеризуется обстоятельным и всесторонним изучением народа губернии и сбором географических, исторических и этнографических сведений.

Следующим важным периодом в истории изучения края и населяющих его народов стала вторая половина

XIX в. В это время произошли серьезные изменения в административно-территориальном отношении: вследствие продвижения Российской империи на Восток Оренбургская губерния теряет свой приграничный статус и в 1867 г. входит во вновь образованное Туркестанское генерал-губернаторство на правах военного округа. Из ее состава тогда же выделилась Самарская и Уфимская губернии.

Исследования края продолжались под патронажем Русского географического общества (далее РГО). Отделение РГО открылось в Оренбурге в 1868 г., что стало частью программы РГО по изучению пограничных рубежей империи, задачей которой было собрать и направить лучшие молодые силы России на всестороннее изучение родной земли [15]. Отделение Русского географического общества в Оренбургском крае просуществовало вплоть до крушения Российской империи. Результаты своей деятельности РГО публиковало в регулярно выходившем сборнике «Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества» (далее «Записки...»).

В первом выпуске «Записок...», изданных в 1870 г., привлекают внимание статьи казахского писателя, просветителя, ученого-этнографа и фольклориста Ибрая Алтынсарина (1841–1889). Были опубликованы две его работы: «Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства» и «Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства». В них описаны народные обряды и дано разъяснение их практической необходимости и значимости. Рассматривая обычай левирата, автор писал следующее: «...при этом нередко случается, что десятилетнему мальчику достается женщина, имеющая уже детей, из которых старший и сам может быть лет 7, 8-ми. Это бывает обыкновенно при таком случае: когда в семействе старший брат умирает и у него остается жена, то она, как бы по наследству, выходит в замужество непременно за родного брата умершего ее мужа...».

В этом же выпуске «Записок...» результаты своих наблюдений религиозного обычая поминания умерших публикует художник-этнограф Владимир Николаевич Плотников (1832–1909) под заголовком «Поминки (Ас): Этнографический очерк из быта зауральских киргизов», где обстоятельно излагает все увиденное им в 1860 г. на урочище Кара-куль. Автор повествует, что похороны и поминание у киргизов не единообразны и зависят от материального благосостояния семьи покойного. Ввиду сложности выявления наиболее характерных черт, автор оговаривает возможную исключительность увиденных им обрядов. По свидетельству В.Н. Плотникова, поминки проводят преимущественно летом, главное застолье проходит в большом «Бухарском» шатре, специально для этого устанавливаемом [16. С. 101–151].

Во втором выпуске «Записок...» большой интерес вызывает статья «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона». Это была коллективная работа, выполненная под руководством Льва Федоровича Баллюэка – первого генерал-губернатора Тургайской

области, общественного и государственного деятеля. Статья написана больше юридическим языком, подразделена на части, каждая из которых освещает одну из отраслей обычного права киргизов Малой орды (казахов Младшего жуза) и дает ценный материал по истории казахского права [17. С. 69–98].

В последующем интерес к казахскому населению Оренбургской губернии несколько ослабевает. Хотя работы, посвященные этой теме, появлялись. Так, в 1899 г. в 13-м выпуске «Записок...» была опубликована статья «Киргизские изделия из шерсти и волоса. Армячина» [18. С. 95–103], а в 15-м выпуске (1900 г.) – «Салы у киргизов». Обе статьи принадлежали перу историка и этнографа Александра Ивановича Добросмыслова (1854–1915). Других сведений о казахах Оренбуржья в трудах Оренбургского отделения РГО, к сожалению, нет [19. С. 33–36].

Период 60–70-х гг. XIX в. ознаменовался преобразованиями в архивной сфере. Это затронуло и Оренбургскую губернию. По итогам второго Археологического съезда в 1871 г. была создана «Временная комиссия по устройству архивов», которая принялась осуществлять архивную реформу.

Непосредственно в Оренбурге в 1887 г. была организована Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК), которая занималась рассмотрением описей дел, разбором архивных дел, археологическими исследованиями, руководством работой музея и библиотеки, изданием трудов, организацией собраний членов комиссии. За период своего существования ОУАК было выпущено 35 томов трудов, в которые вошли многочисленные статьи по истории и этнографии народов края [20. С. 28–32].

Благодаря систематизированной деятельности этого учреждения сохранились многие труды и документы, содержащие материалы и по казахскому населению губернии. В первом выпуске «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии» (далее «Труды ОУАК») представлены наиболее важные указы и документы в истории основания Оренбургской области, в том числе указы императора Павла I на имя оренбургских военных губернаторов, координирующие взаимоотношения с казахами, чаще всего по земельному и военному вопросам: «О дружеских сношениях с киргизцами», «Об одобрении мер и распоряжений по управлению меньшей киргизкайсацкой орды», «Об отводе степей для кочевий меньшей киргизкайсацкой орды» [14].

В 9-м выпуске «Трудов ОУАК» в статье А.И. Добросмыслова «Заботы Екатерины II о просвещении киргизов» представлены любопытные сведения о казахах. Автор повествует о положении казахов в Оренбургской губернии в середине XVIII в., о строительстве первых мечетей и школ с целью просвещения и усмирения казахов, беспрестанно совершавших набеги на башкир [21. С. 51–65].

22-й выпуск «Трудов ОУАК» посвящен древностям Киргизской степи и Оренбургского края, представленным Жозеф-Антуаном Кастанье (1878–1958), известным российским археологом и историком-востоковедом, работавшим в 1901–1913 гг. в Оренбурге. В его

исследованиях мы находим общие сведения о казахском населении. Кроме того, им приводятся подробные описания могил, киргизских святынь и преданий [22].

В 23-м выпуске Ж.-А. Кастанье опубликовал статью «Киргизское предание о Хабардиин и о Токтамышхан» [23. С. 47–51].

26-й выпуск «Трудов ОУАК» называется «Надгробные сооружения Киргизских степей». И вновь Ж.-А. Кастанье возвращается к теме погребений казахов и их особенностей [24].

Ценное систематическое исследование по истории казахского права оставил подьесаул Оренбургского казачьего войска, фольклорист Александр Иванович Мякутин (1876–1918). В 25-м выпуске «Трудов ОУАК», изданном в 1911 г., он опубликовал большой труд «Юридический быт Киргизов». Автор подразделил свод обычного права казахов на три больших раздела – Вещное и Обязательственное право, Заключение. Раздел Вещное право состоит из двух глав: «Право собственности» и «Право на чужую вещь». Раздел Обязательственное право состоит из семи глав: «Сделки»; «Обязательства»; «Средства обеспечения обязательств»; «Сделки отчуждения и временного предоставления имущества»; «Обязательства, относящиеся к личным услугам»; «Союзы, товарищества (артели)»; «Обязательства, происходящие от нанесения ущерба» [25].

В 35-м выпуске содержится статья «Из киргизских поверий», автором которой является П.П. Ходырев, подробных сведений о котором не удалось найти. Из нее мы узнаем о поверьях и обрядах, связанных с лечением, воспитанием и рождением детей, поминанием усопших. Автор представил оригинальные и малоизвестные факты народной жизни. Например: «Для того, чтобы предохранить детей от болезни киргизки навешивают на шею детей лопатку овцы, рыбы зубы и черепаший щит» [26. С. 186–203]. Этот выпуск «Трудов ОУАК» был издан в 1917 г. и стал последним. В силу исторических событий Оренбургская ученая архивная комиссия прекратила свое существование, оставив заметный след в истории изучения Оренбургского края.

Необходимо отметить некоторые особенности в истории изучения казахов края во второй половине XIX в. В научных исследованиях, прежде всего, нашли отражение отдельные стороны жизни, традиционного мировоззрения и истории казахов. Наибольший интерес у ученых вызывали особенности погребально-поминальных и свадебных обрядов, обычного права, народной медицины казахов, а также археологические памятники. В этот период было создано меньше крупных трудов, результаты деятельности были представлены в основном в статьях. Изменился и состав исследователей. В ряды столичных ученых вошла местная интеллигенция, в том числе представители казахского народа.

Бурные политические события начала XX в., и особенно 1917 г., приводят к прекращению деятельности ранее организованных структур по изучению края. Но очень скоро на смену им приходят новые.

Свою работу в 1917–1920 гг. продолжало Оренбургское отделение Русского географического общества, которое, однако, из-за бедственного экономического положения не могло осуществлять издательскую деятельность [27].

В 1920 г. Оренбургская губерния была включена в Киргизскую республику в составе СССР. Город Оренбург становится столицей новой республики. В октябре того же года Оренбургское отделение Русского географического общества было преобразовано в «Общество изучения Киргизского края» (далее ОИКК), которое просуществовало до 1925 г. Председателем Общества изучения Киргизского края стал крупный специалист по истории Казахстана, Башкирии и Средней Азии Александр Петрович Чулошников (1891–1941). В своей деятельности новое общество успешно применяло методы и принципы исследований, выработанные в двух предыдущих организациях – Оренбургском отделении Русского географического общества и Оренбургской ученой архивной комиссии.

В 1924 г. А.П. Чулошниковым были опубликованы «Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен», повествующие историю казахов с древнейших времен до Средних веков [28. С. 42–45; 29], и это была первая в советской науке «история», посвященная казахам и Казахстану.

За недолгий срок существования «Общества изучения Киргизского края» (далее ОИКК) было выпущено 6 томов научных трудов, содержащих различные материалы по рассматриваемой нами теме. Так, в томе III была опубликована статья под названием «Ахмед Байтурсунович Байтурсунов (Биографический очерк)», посвященная видному политическому и культурному деятелю казахского народа начала XX в., деятельность которого была связана и г. Оренбургом. Автор статьи являлся Миржакип Дулатов (1885–1935) – соратник А.Б. Байтурсунова и один из лидеров «Алаш-Орды». В этом же сборнике имеются работы о казахском населении других областей и уездов Киргизской республики [30].

Пятый сборник «Трудов ОИКК», выпущенный в 1925 г., знакомит нас с Александром Федоровичем Рязановым (1879–1929), оренбургским историком, активно занимавшимся историей казахов Оренбуржья. Его статья «Хивинские набеги в киргизскую степь в 1818 г.» знакомит читателей с особенностями политической ситуации в Средней Азии в начале XIX в. В другой своей статье «Отголоски Пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-Кайсацкой малой орде и в Поволжье. (По материалам Централархива КССР)» он подробно рассматривает и анализирует побудительные мотивы и роль участия казахов в Пугачевском восстании [31, 32]. Данная его работа вышла в свет в том же 1925 г. в очередном шестом сборнике «Трудов...».

Из рассмотренного материала видно, что тематика историко-этнографических исследований в крае с установлением советской власти претерпела изменения. Наряду с интересом к древнейшей истории наро-

дов акцент уже делался на изучении народно-освободительного движения народов, в том числе и казахов, против царской России.

Дальнейшая судьба изучения казахов Оренбуржья развивалась в русле политических событий советского государства.

После выхода Оренбурга из состава Киргизской ССР и восстановления Оренбургской губернии в 1925 г. «Общество изучения Киргизского края» упраздняется, и дальнейшие исследования народонаселения губернии были связаны с другими научными организациями. Так, в 1925–1929 гг. свои двери вновь открывает Оренбургское отделение Государственного географического общества, которое стремится стать преемницей существовавшего отделения Императорского Географического общества. Это отразилось в тематике и содержании изучаемых вопросов. Возобновил свою работу и историко-этнографический отдел. В 1926 г. член Оренбургского отделения Государственного русского географического общества А.С. Бельянинов представил доклад «Очерк из прилинейной жизни Казакстана» [33]. Не менее интересной стала опубликованная в том же году статья А.Ф. Рязанова «Очерки национального движения киргиз: Восстание Каип-Галия Ишимова» [34].

Однако уже в следующем году направление исследований были скорректированы, о чем можно узнать из документа «Операционно-финансовый план работы, вместо объяснительной записки к расходной смете Оренбургского отдела ГОС. РУС. ГЕОГР. ОБ-ВА на 1927/28 операционный год». В ней сообщалось, что историко-этнографическая секция сменяет курс своего исследования в сторону истории, и определены наиболее актуальные «работы по истории колонизации Края и связанной с ней борьбы пришельцев с местным населением» [35].

В отчете о деятельности Оренбургского тдела Государственного географического общества за 1927–1928 гг. имеется информация о том, что А.Ф. Рязанов в «Обществе изучения Казакстана» издал книгу «Ися-тай Тайманов». Как сообщается в протоколе, им были подготовлены к публикации «некоторые моменты в развитии казакской оседлости», очерк 1832–1860 гг.; «Марал Ишанов», очерк из истории национального движения в Казакской орде; большой исторический труд «Восстание Кенисары Касымова» [33]. Работы этого автора мы находим и в изданном в 1928 г. первом (XXVII) выпуске «Трудов Оренбургского отдела Государственного географического общества» (двойная нумерация предполагала продолжение дореволюционных традиций Русского географического общества). В него вошел его доклад «На стыке борьбы за степь. 1835–1845 гг.: (Очерк по истории колонизации Новолинейного района)». В этой работе, как и в ранее опубликованных, А.Ф. Рязанов затрагивает проблемы истории и жизни казахского населения Оренбургского края.

О большом интересе к казахской теме говорит тот факт, что правление общества представило в 1928 г. пятилетний план развития Оренбургского отдела Государственного географического общества, согласно

которому интерес к казахскому фольклору и бытописанию возобновляется. Однако этим планам не суждено было сбыться: в конце того же года Оренбургский отдел Государственного географического общества был закрыт.

В 1929 г. было организовано «Общество изучения Оренбургского округа», которое, видимо, должно было продолжить научные изыскания, но сведений о его работе осталось крайне мало. Известно лишь, что новая организация порвала все связи с предшественником – Государственным географическим обществом. 31 января 1929 г. было образовано Краеведческое общество при окружном исполкоме [36], но уже к концу 1930-х гг. общество прекратит свое существование в результате репрессий.

Итак, можно отметить, что в исследованиях 1920-х гг. преобладало изучение исторического прошлого казахов. Особое внимание уделялось их национально-освободительной борьбе, освещению событий их истории начиная с древнейших времен. На это, безусловно, оказали влияние особенности национальной политики Советской страны, курс на коренизацию, и связанное с этим активное изучение истории народов и их борьбы за освобождение, их языка, культуры как в национальных республиках, так и в регионах РСФСР [37. С. 100–124].

В 30-х гг. XX в. тема казахов Чкаловской (так называлась Оренбургская область в 1938–1957 гг.) области в исторических исследованиях также нашла свое отражение. В 1939 г. вышла в свет работа «Из прошлого Оренбургского края» Владимира Ивановича Пистоленко (1908–1973) – советского прозаика и драматурга, преподававшего в 1930-х гг. в Чкаловском государственном педагогическом институте на кафедре русской литературы. Книга посвящена истории Оренбургского края с древнейших времен и до конца XIX в. Особое внимание им уделено вопросам вхождения казахов Малой и Средней орды в состав Российской империи. Он достаточно подробно описал это в главе «События Азии и их влияние на политику царского правительства». При анализе автором дается негативная оценка тех исторических событий. Принятие российского подданства казахами интерпретируется как хищнический захват российским правительством их земель. Вот что он писал по этому поводу: «Содержание этой инструкции (инструкции Тевкелеву по поводу дипломатической поездки в казахские степи) не оставляет никаких сомнений относительно истинных целей посылки Тевкелева в Малую орду. Это была подготовка к тому, чтобы полностью прибрать к рукам казахский народ и его богатые земли, пользуясь тяжелым положением казахов» [38. С. 29]. В заключении книги, рассказывая о двойном бедствии казахов перед революцией – от собственных эксплуататоров и российского империализма, автор подчеркивает, какое положительное влияние оказала революция на положение казахского народа.

В конце 1930-х гг. в национальной политике происходят изменения. Развитие самосознания национальных меньшинств не поощряется, роль русского народа рассматривается в более положительном ключе, и, как

следствие, сменяется курс научных изысканий [37. С. 100–124].

Изменения во внутренней и национальной политике страны в конце 1930-х гг., направленные в том числе на русификацию и рассмотрение роли русского народа в более положительном ключе, не могли не повлиять на направления научных изысканий. Пожалуй, ярко это нашло отражение в работе историка Павла Евменовича Матвиевского (1904–1987) «Абулхаир, поборник единения казахского народа с русскими». В своей книге автор утверждал, что русское государство имело интерес к народам Азии, в свою очередь казахи также проявляли интерес к России. При освещении историографии вопроса П.Е. Матвиевский отмечает, что его предшественники заблуждались в своем негативном отношении относительно событий, связанных с принятием казахами русского подданства. Исходя из этого автор оценивает хана Абулхаира как малоизвестного героя, сыгравшего большую роль в соединении двух дружественных народов. По его мнению, вхождение Казахстана в состав России было стремлением «народного движения в Казахстане, выразителем которого и был хан Малого жуза Абулхаир» [39].

И, пожалуй, нет исторических исследований в конце 1940-х гг., где нашла бы отражение наша тема. Известно, что в 1945 г., согласно архивным документам, на базе кафедры истории народов СССР был открыт исторический кружок, деятельность которого удалось проследить до 1946 г. Однако, судя по нашим данным, исследованиями краеведческого характера, сбором материалов по истории и этнографии Оренбуржья кружок не занимался. Основная тематика исследований была связана с отечественной историей [40].

Возобновившее в 1947 г. свою деятельность Чкаловское отделение Всесоюзного географического общества (ВГО) также не ставило задачу изучения проблем истории края, сосредоточив свое внимание на популяризации экономической географии края. Известия Чкаловского отделения ВГО, выпускавшиеся с 1948 по 1949 г., в основном сообщают о геологических исследованиях края на предмет полезных ископаемых.

В целом можно сказать, что 1930–1940-е гг. стали сложным периодом в истории изучения проблем истории и этнографии Оренбуржья и его населения. Впрочем, это было характерно и для страны в целом. Направление научных изысканий сменялись в соответствии с политикой государства.

В послевоенный период эта тенденция сохранялась и ознаменовалась выходом в свет новых публикаций по истории края и народов, населяющих ее.

В 1964 г. было выпущено учебное пособие «География Оренбургской области», автором которой являлись члены Оренбургского отделения ВГО, географы Александр Степанович Ветров (1899–1979) и Николай Васильевич Попов. В русле нашей темы данная работа интересна сведениями, представленными в разделе «Население», о казахах как одной из национальностей Оренбургской области. Кроме того, в приложении приведены данные по численности казахов области. Опи-

раясь на данные переписи 1959 г., сообщается, что казахи составляли 77 тыс. человек и занимали 5-е место по численности среди народов Оренбуржья [41].

В 1970-е гг. круг исследований и исследователей заметно расширился. Активное участие в изучении проблем истории и этнографии казахского населения Оренбургской области приняли исследователи Казахской ССР. Одно из крупных исследований по истории кочевых обществ Казахстана принадлежит перу доктора экономических наук Сергали Еспембетовича Толыбекова (род. 1907 г.). Его монография под названием «Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века» была издана в 1971 г. Основываясь на большом количестве источников, в ней рассмотрено экономическое положение казахов, в том числе оренбургских, освещена проблема смены традиционного кочевого их образа жизни на оседлый и постепенное освоение казахами нового типа хозяйствования – земледелия в конце XIX – начале XX в. [42. С. 375–378].

В учебном пособии для школьников «История родного края» (1976) под редакцией Н.П. Семькина содержится важная информация о роли и участии казахского населения в освоении края, образовании города (позже области) и его преобразовании, связанном с образованием Тургайской области. Упоминается также о присвоении городу Оренбургу статуса столицы Казахстана в 1920 г. [43].

Конец 1970-х гг. ознаменовался ростом интереса к краеведению, о чем свидетельствует появление к началу 1981 г. значительного числа краеведческих секций во многих райцентрах Оренбургской области и в г. Оренбурге. Например, в одном из отчетов Оренбургского отделения ВГО за 1979 г. упоминается о деятельности секции краеведения села Подольское колхоза им. К. Маркса Красногвардейского района. О проявлении в области первых тенденций возврата исторического краеведения отмечал член Оренбургского отделения ВГО О.Ф. Балыков [44].

Популяризации и развитию краеведения и исторической науки в крае способствовало проведение ряда научно-практических конференций Оренбургским отделением ВГО: «Изучение истории, природы и экономики района – средство комплексного повышения культуры населения (к 150-летию п. Новоорск)» (1982); «Южный Урал: история, природа, экономика, литература и топонимика» (1982); «Исследования и исследователи Оренбургского края в XVIII–XIX вв.». В опубликованных статьях в сборниках материалов вышеуказанных конференций были затронуты отдельные вопросы истории и культуры, в том числе казахов Оренбуржья. Например, в статье Т.Н. Пузанова «Восточные мотивы в фольклоре Оренбуржья», автор рассматривая русский казачий фольклор, прослеживает восточные мотивы и связывает их с проживающими здесь народами – татарами, башкирами, казахами и киргизами [45. Л. 108]. Исследования проблем принятия местными народами русского подданства рассмотрены были в статьях Ю.С. Зобова «Казахи, калмыки, башкиры XVII и XVIII веков. Добровольное присоединение Казахстана и России» и П.Е. Матвиевского

«Добровольное вхождение Казахстана в Россию» [46. Л. 119].

Большое число исследований о казахах Оренбуржья было представлено на конференции «Исследования и исследователи Оренбургского края в XVIII–XIX веках», проведенной на базе Оренбургского отдела ВГО: «Труды Оренбургских исследователей как источник при изучении вопроса формирования национальной структуры населения дореволюционного Казахстана (до 1867 г.)» Ф.Н. Базановой, «Газета “Уральские войсковые ведомости” историко-этнографический источник народов Западного Казахстана и Южного Урала в XVIII–XIX веках» А.И. Белого; «Дореволюционные исследователи о развитии Оренбурга как центра торговли с казахами и со среднеазиатскими владениями (первая половина XIX в.)» Ж.К. Касымбаева; «А.И. Левшин – исследователь жизни и быта казахов» Б.С. Сулейманова и И.В. Ерофеевой; «Вопросы культуры Казахстана в трудах Ибрая Алтынсарина» Ш.Р. Кутлумбаевой и др. [47].

В конце 1980-х гг. Оренбургским филиалом Географического общества СССР (бывший Оренбургский отдел ВГО) были проведены две значимые научные конференции. Одна из них, посвященная 80-летию со дня рождения члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Степановича Хоментовского (1908–1986), прошла в 1988 г. В опубликованном сборнике материалов вызывает интерес статья Т.Н. Пузановой «Своеобразие фольклора Оренбуржья», в которой рассматриваются особенности восточного, казахского фольклора и его влияние на фольклор русского населения Оренбургской области [48].

С 1989 г. при содействии Оренбургского филиала Географического общества СССР в г. Оренбурге стали проводить «Рычковские чтения», по итогам был издан сборник тезисов и материалов «Социальное, экономическое и экологическое развитие Южного Урала в XIX–XX вв. (тезисы и материалы)» (1991). В статье Ю.А. Зобова «Численность и состав населения и их влияние на социально-экономическое развитие Оренбургской губернии в первой половине XIX в.» представлены редкие сведения о численности казахов Оренбуржья в конце XVIII и начале XIX вв., кроме того, рассмотрены особенности государственной политики в отношении национальных меньшинств [49].

Конец Советского Союза – время пробудившегося интереса к научным изысканиям локального характера, краеведение приобретает небывалую популярность. Сборники научно-практических конференций дают нам обширный материал по истории и фольклору казахов Оренбургской области. Политические события конца XX в. – распад СССР в 1991 г., образование национальных государств, снятие запретов на свободу вероисповедания – стали новым импульсом для изучения национальных меньшинств, в том числе казахов Оренбургской области.

Первыми инициативу проявили местные СМИ. На страницах районных газет стали подробно освещать культуру и традиционные обряды, обычаи казахов и других народов Оренбуржья.

Ценные сведения о современных свадебных обрядах казахов были опубликованы А. Ротмистровым на страницах газеты «Илецкая защита» от 30 сентября 1993 г. По его наблюдениям, многие традиционные обычаи казахской свадьбы сохранились до наших дней. Например, «бет-ашар» (открывание лица невесты) по сей день является ключевым моментом свадьбы и практически претерпел мало изменений [50. С. 8].

На страницах «Новоорской газеты» в разные годы печаталось много материалов о казахах области. Так, в номере от 23 марта 1995 г. в статье У. Нурмухамбетова – председателя Орского отделения ОО Казахского общества «Казах-тиле» «Родина Естекбай-батыра» – освещается биография легендарного воина Естекбая, прославившегося в войне против жонгар (джунгар, 1723–1758 гг.) [51. С. 2]. Интересно, что Естекбай-батыр среди казахов Оренбуржья, как и Казахстана, по сей день почитается святым, а место его предполагаемого погребения является поклонным. В статье «Для возрождения национальной культуры», напечатанной 1 апреля 1997 г., освещается культурная политика по сохранению казахского языка и национальных традиций. Автором является М. Монаков – председатель казахского культурно-просветительского общества «Достык» [52. С. 3]. Далее в заметке М. Несмияна «Курбан-байрам – праздник дружбы» от 21 апреля 1998 г. дается описание празднования Курбан-байрам казахами г. Орска, которое они традиционно начали с обряда «Той-бастер» [53. С. 4].

В других печатных изданиях Оренбургской области в эти годы было опубликовано немало ценных материалов. Среди них следует выделить статьи о деятельности национально-культурных центров казахов Оренбуржья. Одна из них принадлежит перу краеведа С. Давлетова и посвящена деятельности Акбулакского культурно-просветительского общества «Достык». Статья была напечатана в районной газете городского округа Акбулак «Степные зори» 12 марта 1999 г. В этой большой статье автор также подробно описал особенности традиций и обычаев казахов края в XVIII–XIX вв. [54. С. 3].

Заслуживает внимания статья члена правления национального общественного объединения казахов Оренбургской области М. Тасмурзина «Жагалбайлы – род Младшего Жуза», напечатанная в газете «Восход» Домбаровского района, и освещающая историю и особенности родового и племенного деления казахов Оренбуржья [55. С. 2].

Важные проблемы древней и современной истории казахов региона были подняты на страницах журнала «Этнопанорама», издававшегося с 1998 по 2016 г. Обратимся к некоторым из работ, в которых говорится о казахском населении. Во втором номере журнала в 2001 г. была опубликована статья Л.И. Футорянского «Оренбург и становление государственности Казахского народа». В ней уделено внимание, в частности, такой важной проблеме, как патриархально-родовые отношения казахов в дореволюционный период [56. С. 51–57]. Несколько иной аспект затронут в исследовании Н.Е. Бекмахановой и А.М. Нургалиевой «К вопросу о различиях в методах управления казахами в

XIX веке администрациями Оренбургского и Сибирского ведомств (социально-экономический и конфессиональный аспект)», опубликованной в третьем–четвертом номерах «Этнопанорамы» [57].

Динамика изменения численности казахов области проанализирована в работе А.П. Мартынова «Национальный состав Оренбургской области», вышедшей в первом–втором номере «Этнопанорамы» (2012). Согласно выводам автора, число казахов Оренбургской области между переписями с 2002 г. по 2010 г. увеличилось на 0,2%, тогда как численность других национальных меньшинств области снизилась [58].

Весьма ценную информацию о музыкальной культуре казахов Оренбуржья XIX в. можно найти в статье искусствоведа и краеведа Б.П. Хавторина «Оренбуржье в межкультурном диалоге России и Казахстана», вышедшей в первом–втором номере 2016 г. «Этнопанорамы». В ней также сообщается о влиянии музыки оренбургских казахов на композитора А.В. Затаевича, в 1920-х гг. жившего в Оренбурге [59].

В том же номере журнала в статье историка К.А. Моргунова «Становление системы казахского образования в Оренбургской губернии и на территории Оренбургских казахов» представлен материал об этапах становления казахского образования и связанных с этим трудностях. Здесь же даны сведения о выдающихся казахских деятелях – воспитанниках оренбургских учебных заведений [59].

К 10-летию юбилею научно-публицистического журнала «Этнопанорама» в 2009 г. в г. Оренбурге состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Государственная национальная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье: проблемы формирования установок толерантного сознания», по материалам которой был издан сборник. В него вошли доклады и выступления ученых и специалистов, посвященные анализу исторического опыта и позитивных практик реализации государственной национальной политики в Оренбуржье, по проблемам и изучению этнополитических процессов в многонациональном регионе и различных аспектов воспитания толерантности как действенного средства предупреждения этнических конфликтов. Представленные статьи отличает обстоятельный анализ многих аспектов и проблем народонаселения региона, его истории, а также введены в оборот новые исторические источники и результаты социологических исследований [60]. Материалы о казахском населении области изложены во многих статьях, авторы которых так или иначе затронули различные исторические и современные аспекты их развития. Так, привлекают внимание работы историка К.Н. Балтабаевой «Диалог культур: тюркоязычное мусульманское население Оренбуржья на современном этапе», В.М. Навальнева, О.М. Рощенко, Т.Н. Филипповой, В.В. Чернухи «Молодые медики студенты-казахи о себе и других (региональный аспект в социологических исследованиях в Оренбургской области)», Ю.Ф. Сулеймановой «Политика российских властей по отношению к мусульманам на Южном Урале в 30-е–50-е годы XVIII в.», К.А. Моргунова

«Конфессиональное пространство Оренбургского края в XX – нач. XXI вв.».

По материалам научно-практической конференции «Казахи Оренбуржья: история и современность», комитетом администрации области по делам национальностей и связям с религиозными организациями в 2006 г. был издан сборник статей «Вместе на одной земле. Этническая история и культура казахов Оренбуржья». Представленные в нем материалы отражают в основном вопросы приграничного сотрудничества, политические аспекты истории казахов Оренбуржья, а также их национального образования и художественной культуры [61].

Последние десятилетия исследования истории, этнологии и культуры народов региона связаны с деятельностью Научно-исследовательского института истории Южного Урала и казачества России, созданного в 1999 г. в структуре Оренбургского государственного университета по инициативе историка Л.И. Футорянского. В 2010 г. НИИ был преобразован в Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала, который возглавил известный российский этнолог, президент Ассамблеи народов Оренбуржья В.В. Амелин. Главной его задачей было и остается объединение и координация усилий ученых для проведения фундаментальных исследований по актуальным вопросам этнографии, этнологии, религиоведения Южного Урала, истории региона и казачества как социокультурного явления общероссийского масштаба.

Результатом широких научных исследований НИИ истории и этнографии Южного Урала стала публикация сборников материалов научных форумов, монографических изданий; проведены крупные научно-практические конференции. В их числе особое место занимает конференция «Этническая культура казахов Оренбуржья: история, современное состояние и перспективы развития», проведенная в 2010 г., значимость которой для казахской диаспоры Оренбуржья очевидна. На научном форуме был представлен широкий круг вопросов – эволюция административного управления на территории Казахстана в имперской России; роль Оренбурга в процессе формирования казахской интеллигенции и ее участие в работе органов власти Казахской ССР; развитие казахского образования в Оренбуржье в первые десятилетия советской власти; проведение в казахских аулах политики коллективизации и др. Особое внимание было уделено проблемам сохранения языка и культуры казахского населения Оренбургской области [62].

Результатом дальнейших исследований ученых и краеведов Оренбургской области стало проведение Научно-исследовательским институтом истории Южного Урала и казачества России совместно с Ассамблеей народов Оренбургской области и другими организациями двух всероссийских конференций под общим названием «Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность». Первая из них прошла в декабре 2011 г., на ней рассматривались этнополитические и этнокультурные процессы в Урало-Поволжском регионе,

этническая структура населения и ее изменения, а также исторический опыт государственного регулирования национальных и этноконфессиональных отношений, проблемы изучения и сохранения общего этнокультурного пространства Урало-Поволжья. Особое внимание докладчики отводили прогнозированию и предупреждению конфликтов в полиэтническом регионе [63].

При проведении второй из вышеуказанных конференций в декабре 2012 г. рассматривались практические аспекты межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, этапы формирования этнокультурного и конфессионального пространства Урало-Поволжья и др. Непосредственно «казахской» теме посвящены статьи А.М. Дубовиковой «Этнические контакты уральских (яицких) казаков с казахами в XVIII – начале XX вв.», Г.С. Султангалиевой «К проблеме изучения общего этнокультурного пространства Урало-Поволжья и западного региона Казахстана в XVIII–XIX вв.» [64], а также И.В. Люкшиной «К вопросу о подготовке казахских механизаторских кадров в условиях военного времени», О.Г. Муканова «Казахи Оренбургской области в 30-х годах XX века» [64. С. 101–108, 172–177].

Одним из наиболее значимых событий в истории изучения народов Оренбуржья, в том числе и казахов, стала научная конференция, проведенная в 2013 г., «Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России». В центре внимания исследователей оказались, прежде всего, проблемы складывания и развития среднеазиатских общин в Оренбургском крае, их материальная и духовная культура, вклад этнографической науки советского и современного периодов в их изучение, история дипломатических и торговых связей в России с Востоком, а также проблемы современной трудовой миграции из стран Центральной Азии, положение переселенцев и их самоорганизация в рамках национально-культурных объединений. В контексте нашей темы интерес представляет исследование Н.М. Тукешевой «Оренбургский Меновой двор как центр пограничной торговли с казахами Младшего Жуза в работах российских исследователей XVIII–XIX вв.», в котором автор попыталась рассмотреть некоторые аспекты торговли с казахами и среднеазиатскими государствами обозначенного периода [65].

Ряд работ, опубликованных за последнее десятилетие, также посвящены вопросам истории казахов Оренбургского края. Большой интерес вызывает работа В.В. Амелина «Этносоциальные процессы в Оренбуржье» (2007), в которой дан анализ этнодемографической и этносоциальной ситуации, межнациональной напряженности и этнической политики в начале 2000-х гг. в Оренбургской области. Рассмотрен также значительный рост численности казахского населения в постсоветский период, связанный с миграцией из Республики Казахстан. Основной причиной этого является значительное ухудшение их социально-экономического положения у себя на родине. Интерес представляют сведения о мерах по сохранению национального языка и культуры казахов и других народов области. Для решения этих проблем в

Оренбургской области были открыты школы с преподаванием национальных языков. Значительную роль в этом играют национально-культурные общества. На 2006 г. в области насчитывалось 12 объединений, в деятельности которых приоритетными традиционно являлись задачи сохранения языка и национальной культуры [66. С. 9–24].

Проблемам изменения этнокультурного пространства Оренбургско-Казахстанского трансграничного региона посвящена монография Т.И. Герасименко «Оренбургско-Казахстанское порубежье: историко-этнографический и этногеографические аспекты» (2009). В данной работе затронуты важные вопросы, а именно демографическая динамика населения, особенности экономических связей русского и казахского народов, изменения политических институтов казахского народа, связанные с вхождением в состав Российской империи, образованием Казахской ССР, а также в настоящий период [67].

В исследовании В.В. Амелина, Д.Н. Денисова, К.А. Моргунова «Этноконфессиональные отношения в Оренбуржье» (2014) представлен исторический обзор этноконфессионального пространства Оренбуржья, ежеквартальный мониторинг состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в области, проанализированы гражданские инициативы и миротворческий потенциал институтов гражданского общества в предупреждении межэтнических конфликтов и обеспечении гражданского согласия. В главе под названием «Этнокультурное развитие казахского населения Оренбуржья» дана краткая история формирования казахского населения, а также современное положение: демографические сведения, районы компактного проживания казахов, деятельность казахских национально-культурных общественных организаций, школ с казахским этнокультурным компонентом, казахских национальных творческих коллективов [68. С. 120–126].

В статье К.А. Моргунова «Социально-экономическое положение и правовой режим землепользования оренбургских казахов, опубликованной в сборнике «Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона» (2015), обсуждается один из самых щепетильных вопросов социально-экономической истории края дореволюционного периода – проблема землепользования, которая не раз приводила к недовольству и столкновениям казахов с русскими переселенцами, претендовавшими на одни и те же участки. Многократные попытки урегулирования этого вопроса предпринимались царским правительством. Более узкий аспект данной темы рассматривается в этом же сборнике, в статье К.А. Проходцева «К вопросу о проекте земельного и административного устройства казахского населения Новолинейного района в 1860-х гг.» [69. С. 104–172].

Одним из направлений деятельности автономной некоммерческой организации по содействию в развитии сотрудничества стран СНГ «Содружество народов Евразии», созданной 2014 г., является проведение и издание сборников материалов научно-практических мероприятий «Евразийский перекресток». Среди разнообразных

по тематике научных трудов содержатся статьи и о казахах Оренбуржья. Так, в первом выпуске (2015) представлены статьи историков Ж.С. Бегимбаевой «Становление казахстанской науки в 1920-е годы: оренбургский этап деятельности Общества изучения Казахов» и К.А. Моргунова «Развитие казахского этнокультурного образования в Оренбуржье (1918–2015 гг.)» [70. С. 21–34, 34–47]; во втором (2015) – Д.А. Мацюка «Исторические аспекты культурного взаимодействия западноказахстанского региона и Оренбуржья» [71. С. 52–58]; в шестом (2017) – К.А. Моргунова «Этапы этнокультурного развития казахского населения Оренбуржья в послевоенный период» [72. С. 234–248]; в девятом выпуске (2018) – К.А. Моргунова «Начальный период перехода оренбургских казахов к земледелию (середина XIX – начало XX века)» и «Роль Оренбургского рабфака в подготовке казахских управленческих кадров и формировании советской интеллигенции Казахстана» [73]; в четырнадцатом выпуске (2021) опубликованы статьи С.А. Четверикова «Киргизские (казахские) пословицы, песни и сказки в документах Государственного архива Оренбургской области» и «Оренбург – центр консолидации казахской демократической общественности» [74]. Как видно из перечислен-

ных работ, исследователями были затронуты многие аспекты истории и этнографии казахов, проживающих на Оренбургской земле.

Таким образом, проделанный нами историографический обзор показывает, что история изучения казахского населения Оренбуржья берет свое начало в XVIII столетии и продолжается по сегодняшний день. Это насыщенное политическими и культурными событиями время мы условно разделили на три крупных периода – дореволюционный, советский и постсоветский, в каждом из них можно выделить более короткие временные отрезки, ярко обозначающие специфику научных изысканий.

Освещая историографию казахов Оренбуржья, мы затронули роль научных организаций, занимавшихся развитием истории и этнологии края, показав, как менялась сфера научных интересов, территориальный охват научных изысканий.

В статье показано, как изменялось направление научных изысканий, какие темы были наиболее популярны в каждый отдельно взятый период. Прделанная работа помогает выявить наиболее актуальные и неизученные стороны истории и этнологии казахов Оренбуржья для дальнейшего научного исследования.

Список источников

1. Численность населения Оренбургской области. URL: [https://bdeu.ru/naselenie/orenburgskaya-oblast/#:~:text=Национальный%20состав%20населения%20Оренбургской%20области%2C,каждая%20—%2074%20555%20\(3.81%25\)](https://bdeu.ru/naselenie/orenburgskaya-oblast/#:~:text=Национальный%20состав%20населения%20Оренбургской%20области%2C,каждая%20—%2074%20555%20(3.81%25))
2. Абрамзон С.М. Казахи // Советская историческая энциклопедия. М.: Индра-каракас, 1965. Т. 6.
3. Сафронов А.А. Особенности национального состава населения Урала в конце XIX в.: по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г // Научный вестник Крыма. 2019. № 4. URL: <https://nvk-journal.ru>
4. Злобин Ю.П., Поляков А.Н. История Оренбургская. Оренбург: Оренб. лит. агентство «ОРЛИТ-А», 2008. Ч. 1.
5. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2001.
6. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1887.
7. Матвеевская Г.М. Оренбургская Академия наук и изучение Оренбургского края в XVIII в. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 1997. Ч. 2. С. 37–38.
8. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. Ч. 2.
9. Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1770.
10. Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи, 1771 году. СПб.: Изд-во при Императорской Академии наук, 1772.
11. Кудрявцева Е.П. Деятельность Оренбургской пограничной Комиссии в качестве подразделения российского МИД // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. № 3-1. С. 51–55.
12. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. Ч. 3.
13. Вильяминов-Зернов В.В. Исторические известия киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абуль-Хайр Хана (1748–1765). Уфа: Губ. тип., 1855. Т. 2.
14. Указы оренбургским военным губернаторам Императрицы Екатерины II (1764 г.) и Императора Павла I (1797–1800) // Архив бывшего Оренбургского генерал-губернаторского управления. Вып. 1. Издание Оренбургской ученой архивной комиссии. - Оренбург: Типография Б.А. Бреслина, 1889. [4], LXX, XXX, VI с.
15. История РГО // Русское географическое общество. URL: <https://www.rgo.ru/ru/obshchestvo/istoriya>
16. Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Казань: Университетская типография, 1870. Вып. 1.
17. Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Казань: Университетская типография, 1871. Вып. 2.
18. Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Оренбург: Типография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1899. Вып. 13.
19. Записки Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Оренбург: Типография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1900. Вып. 15.
20. Закирова (Гареева) Ф.Г. Теоретики и практики архивного дела в дореволюционной России и Башкирском крае // История и архивы. 2016 № 4. С. 28–35.
21. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типо-лит. Губ. правления, 1902. Вып. 9.
22. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типо-лит. Губ. правления, 1910. Вып. 22.
23. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типо-лит. Губ. правления, 1911. Вып. 23.
24. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типография Тургайского областного правления, 1911. Вып. 26.
25. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типо-лит. Губ. правления, 1911. Вып. 25.
26. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типография Тургайского областного правления, 1917. Вып. 35.
27. Чибилев А.А. Деятельность отдела после падения самодержавия // Русское географическое общество. URL: <https://www.rgo.ru/ru/orenburgskoe-regionalnoe-otdelenie/ob-otdelenii/istoriya/deyatelnost-otdela-posle-padeniya>
28. Тугай Т.И. Оренбургские краеведы в сохранении памятников истории и культуры (1917–1930 гг.). Оренбург: Университет, 2016.
29. Чулошников А. Очерки по истории казак-киргизского народа. Оренбург: Киргиз. гос. изд-во, 1924.
30. Труды общества изучения Киргизского края. Оренбург: Киргиз. гос. изд-во, 1922. Вып. III.

31. Труды Общества изучения Киргизского края. Оренбург : Киргиз. гос. изд-во, 1925 г. Вып. V.
32. Труды Общества изучения Киргизского края. Оренбург : Киргиз. гос. изд-во, 1926 г. Вып. VI.
33. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф8324. Оп. 1. Ед. X. 43. Л. 63–64.
34. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф8324. Оп. 1. Ед. X. 13. Л. 2–5.
35. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф8324. Оп. 1. Ед. X. 8. Л. 68–71.
36. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф8324. Оп. 1. Ед. X. 17. Л. 4.
37. Щербак А.Н. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–124.
38. Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов : Областное изд-во, 1939.
39. Ученые записки Чкаловского госпединститута. Чкалов : Областное изд-во, 1945. Вып. 1.
40. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф. 371. Оп. 10. Д. 606. Л. 158–159.
41. Ветров А.С., Попов Н.В. География Оренбургской области. Оренбург : Оренбургское книжное изд-во, 1964.
42. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата : «НАУКА» Казахской ССР, 1971.
43. История родного края. Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 1976.
44. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф8324. Оп. 1. Ед. X. 25. Л. 31.
45. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф8324. Оп. 1. Ед. X. 43. Л. 108, 119.
46. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф8324. Оп. 1. Ед. X. 7 Л. 9.
47. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Ф8324. Оп. 1. Ед. X. 3. Л. 2–5.
48. Рычковские чтения. Оренбург : ОКМР Оренбургского облисполкома, 1989.
49. Сборник материалов научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А.С. Хоментовского. Оренбург, 1988.
50. Ротмистров А. «Бет-ашар» // Илецкая защита. 1993. 30 сентября. С. 8.
51. Монаков М.А. Для возрождения национальной культуры // Новоорская газета. 1997. 1 апреля. С. 3.
52. Нурмухамбетов У. Родина Естекбай-батыра // Новоорская газета. 1995. 23 марта. С. 2.
53. Несмиян М. «Курбан-байрам» – праздник дружбы // Новоорская газета. 1998. 21 апреля. С. 4.
54. Давлетов С. Достык // Степные зори. 1999. 12 марта. С. 3.
55. Тасмурзин М. Жагалбайлы – род Младшего Жуза // Восход. 1995. 23 декабря. С. 2.
56. Этнопанорама. Оренбург, 2001. № 2.
57. Этнопанорама. Оренбург, 2006. № 3–4.
58. Этнопанорама. Оренбург, 2012. № 1–2.
59. Этнопанорама. Оренбург, 2016. № 1–2.
60. Государственная национальная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье: проблемы формирования установок толерантного сознания. Оренбург : Бузулукская типография, 2011.
61. Казахи Оренбуржья: история и современность. Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2005.
62. Этническая культура казахов Оренбуржья: история, современное состояние и перспективы развития. Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2010.
63. Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2012.
64. Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург : Университет, 2013.
65. Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России : материалы междунар. науч.-практ. конф. Оренбург : Университет, 2013.
66. Амелин В.В. Этносоциальные процессы в Оренбуржье (постсоветский период). Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2007.
67. Герасименко Т.И. Оренбургско-Казахстанское порубежье: историко-этнографический и этногеографические аспекты. Тольятти, 2009.
68. Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Этноконфессиональные отношения в Оренбуржье. Оренбург : Университет, 2014.
69. Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона : материалы всерос. науч.-практ. конф. Оренбург : Университет, 2015.
70. Евразийский перекресток. Оренбург : Университет, 2015. Вып. 1.
71. Евразийский перекресток. Оренбург : Университет, 2015. Вып. 2.
72. Евразийский перекресток. Оренбург : Университет, 2017. Вып. 6.
73. Евразийский перекресток. Оренбург : Университет, 2018. Вып. 9.
74. Евразийский перекресток. Оренбург : Университет, 2021. Вып. 14.

References

1. Bdex.ru. (2021) *Chislennost' naseleniya Orenburgskoy oblasti* [Population of Orenburg Oblast]. 04 November 2021. [Online] Available from: [https://bdex.ru/naselenie/orenburgskaya-oblast/#:~:text=Natsional'nyy%20sostav%20naseleniya%20Orenburgskoy%20oblasti%2C,kazhdaya%20—%2074%2055%20\(3.81%25\)](https://bdex.ru/naselenie/orenburgskaya-oblast/#:~:text=Natsional'nyy%20sostav%20naseleniya%20Orenburgskoy%20oblasti%2C,kazhdaya%20—%2074%2055%20(3.81%25))
2. Abramzon, S.M. (1965) *Kazakhii. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Kazakhs. Soviet historical encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Indra-karakas.
3. Safronov, A.A. (2019) *Osobennosti natsional'nogo sostava naseleniya Urala v kontse XIX v.: po materialam pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [Features of the national composition of the population of the Ural at the end of the 19th century.: based on materials from the first general census of the Russian Empire in 1897]. *Nauchnyy vestnik Kryma*. 4.
4. Zlobin, Yu.P. & Polyakov, A.N. (2008) *Istoriya Orenburgskaya* [History of Orenburg]. Part 1. Orenburg: Orenb. lit. agentstvo "ORLIT-A".
5. Rychkov, P.I. (2001) *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy gubernii* [History of Orenburg on the establishment of Orenburg Province]. Ufa: TsEI UNTs RAN.
6. Rychkov, P.I. (1887) *Topografiya Orenburgskoy gubernii* [Topography of Orenburg Province]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina.
7. Matvievskaya, G.M. (1997) *Peterburgskaya Akademiya nauk i izuchenie Orenburgskogo kraja v XVIII v.* [St. Petersburg Academy of Sciences and the study of the Orenburg region in the 18th century]. *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya* [Institute of History of Natural Science and Technology named after. S.I. Vavilova. Annual scientific conference]. Part 2. pp. 37–38. (In Russian).
8. Georgi, I.G. (1799) *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov i ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, veroispovedaniy i prochikh dostopamyatnostey* [Description of all the peoples living in the Russian state and their everyday rituals, customs, clothes, homes, religions and other monuments]. Part 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Rychkov, N.P. (1770) *Zhurnal, ili Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1769 i 1770 godu* [Journal, or Day Notes of Captain Rychkov's travels through different provinces of the Russian state, 1769 and 1770]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

10. Rychkov, N.P. (1772) *Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Rychkova v Kirgis-Kaysatskoy stepi, 1771 godu* [Day notes from the journey of Captain Nikolai Rychkov in the Kirghiz-Kaisatskaya steppe]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
11. Kudryavtseva, E.P. (2018) Deyatel'nost' Orenburgskoy pogranichnoy Komissii v kachestve podrazdeleniya rossiyskogo MID [Activities of the Orenburg Border Commission as a division of the Russian Ministry of Foreign Affairs]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 3-1. pp. 51–55
12. Levshin, A.I. (1832) *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey* [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes]. Part 3. St. Petersburg: Tip. Karla Krayya.
13. Vil'yaminov-Zernov, V.V. (1855) *Istoricheskie izvestiya Kirgiz-Kaysakakh i snosheniyakh Rossii s Sredney Aziei so vremeni konchiny Abul'-Khayr Khana (1748–1765)* [Historical news of Kirghiz-Kaisak and relations between Russia and Central Asia since the death of Abul-Khair Khan (1748–1765)]. Vol. 2. Ufa: Gub. tip.
14. Archive of the Former Orenburg Governor-General's Office. (1889) Vol. 1. *Ukazy orenburgskim voennym gubernatoram Imperatritsy Ekateriny II (1764 g.) i Imperatora Pavla I (1797–1800)* [Decrees to the Orenburg military governors of Empress Catherine II (1764) and Emperor Paul I (1797–1800)]. Orenburg: Tipografiya B.A. Breslina.
15. Russian Geographical Society. (2021) *Istoriya RGO* [History of the Russian Geographical Society]. 10 September 2021. [Online] Available from: <https://www.rgo.ru/ru/obshchestvo/istoriya>
16. Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society. (1870) *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 1. Kazan: Universitetskaya tipografiya.
17. Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society. (1871) *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 2. Kazan: Universitetskaya tipografiya.
18. Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society. (1899) *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 3. Orenburg: Tipografiya I.I. Evfimovskogo-Mirovitskogo.
19. Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society. (1900) *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 15. Orenburg: Tipografiya I.I. Evfimovskogo-Mirovitskogo.
20. Zakirova (Gareeva), F.G. (2016) Teoretiki i praktiki arkhivnogo dela v dorevolutsionnoy Rossii i Bashkirskom krae [Theorists and practitioners of archival work in pre-revolutionary Russia and the Bashkir region]. *Istoriya i arkhivy*. 4. pp. 28–35.
21. Orenburg Scientific Archival Commission. (1902) *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Vol. 9. Orenburg: Tipo-lit. Gub. pravleniya.
22. Orenburg Scientific Archival Commission. (1910) *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Vol. 22. Orenburg: Tipo-lit. Gub. pravleniya.
23. Orenburg Scientific Archival Commission. (1911) *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Vol. 23. Orenburg: Tipo-lit. Gub. pravleniya.
24. Orenburg Scientific Archival Commission. (1911) *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Vol. 26. Orenburg: Tipografiya Turgayskogo Oblastnogo Pravleniya.
25. Orenburg Scientific Archival Commission. (1911) *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Vol. 25. Orenburg: Tipo-lit. Gub. Pravleniya.
26. Orenburg Scientific Archival Commission. (1917) *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Vol. 35. Orenburg: Tipografiya Turgayskogo Oblastnogo Pravleniya.
27. Chibilev, A.A. (2021) *Deyatel'nost' otdela posle padeniya samoderzhaviya* [Activities of the department after the fall of the autocracy]. 25 February 2021. [Online] Available from: <https://www.rgo.ru/ru/orenburgskoe-regionalnoe-otdelenie/ob-otdelenii/istoriya/deyatelnost-otdela-posle-padeniya>
28. Tugay, T.I. (2016) *Orenburgskie kraevedy v sokhraneni pamyatnikov istorii i kul'tury (1917–1930 gg.)* [Orenburg local historians in the preservation of historical and cultural monuments (1917–1930)]. Orenburg: OOO IPK “Universitet”.
29. Chuloshnikov, A. (1924) *Ocherki po istorii Kazak-Kirgizskogo naroda* [Essays on the history of the Cossack-Kyrgyz people]. Orenburg: Kirgiz. gos. izd-vo.
30. Society for the Study of the Kyrgyz Region. (1922) *Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Region]. Vol. 3. Orenburg: Kirgiz. gos. izd-vo.
31. Society for the Study of the Kyrgyz Region. (1925) *Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Region]. Vol. 5. Orenburg: Kirgiz. gos. izd-vo.
32. Society for the Study of the Kyrgyz Region. (1926) *Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraya* [Proceedings of the Society for the Study of the Kyrgyz Region]. Vol. 6. Orenburg: Kirgiz. gos. izd-vo.
33. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F8324. List 1. Item 43. Pages 63–64.
34. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F8324. List 1. Item 13. Pages 2–5.
35. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F8324. List 1. Item 8. Pages 68–71.
36. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F8324. List 1. Item 17. Page 4.
37. Shcherbak, A.N. (2016) *Istoriya sovetskoy natsional'noy politiki: kolebaniya mayatnika?* [History of Soviet national policy: pendulum swings?]. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 100–124.
38. Pistolenko, V. (1939) *Iz proshlogo Orenburgskogo kraya* [From the past of the Orenburg region]. Chkalov: Oblastnoe Izdatel'stvo.
39. Chkalov State Pedagogical Institute. (1945) *Uchenye zapiski Chkalovskogo gospedinstituta* [Scientific notes of the Chkalov State Pedagogical Institute]. Vol. 1. Chkalov: Oblastnoe Izdatel'stvo.
40. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F. 371. List 10. Item 606. Pages 158–159.
41. Vetrov, A.S. & Popov, N.V. (1964) *Geografiya Orenburgskoy oblasti* [Geography of Orenburg Oblast]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo.
42. Tolybekov, S.E. (1971) *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka* [Nomadic society of the Kazakhs in the 17th – early 20th centuries]. Alma-Ata: “NAUKA” Kazakhskoy SSR.
43. Aleksandrov, A.I. (1976) *Istoriya rodnogo kraya* [History of the native land]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe kn. izd-vo.
44. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F8324. List 1. Item 25. Page 31.
45. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F8324. List 1. Item 43. Page 108, 119.
46. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F8324. List 1. Item 7 Page 9.
47. Orenburg State Archive of Socio-Political History. F8324. List 1. Item X. 3. Pages 2–5.
48. Anon. (1989) *Rychkovskie chteniya* [Rychkov readings]. Orenburg: OKMR Orenburgskogo oblispolkoma.
49. Kuksanov, V.F. et al. (eds) (1988) *Sbornik materialov nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR A.S. Khomentovskogo* [Proceedings of the conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences A.S. Khomentovskiy]. Orenburg: Dimur.
50. Rotmistrov, A. (1993) “Bet-ashar”. *Iletskaya zashchita*. 30 September. p. 8.
51. Monakov, M.A. (1997) *Dlya vozrozhdeniya natsional'noy kul'tury* [For the revival of national culture]. *Novoorskaya gazeta*. 01 April 1997. p. 3.

52. Nurmukhambetov, U. (1995) Rodina Estekbay-batyra [Motherland of Estekbai-batyr]. *Novoorskaya gazeta*. 23 March 1995. p. 2.
53. Nesmiyan, M. (1998) "Kurban-bayram" – prazdnik družby ["Kurban Bayram" – a holiday of friendship]. *Novoorskaya gazeta*. 21 April 1998. p. 4.
54. Davletov, S. (1999) Dostyk. *Stepnye zori*. 12 March 1999. p. 3.
55. Tasmurzin, M. (1995) Zhagalbayly – rod Mladshogo Zhuzza [Zhagalbayly – a clan of the Younger Zhuz]. *Voskhod*. 23 December. p. 2.
56. Elekta. (2001) *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. Vol. 2. Orenburg: OOO MP "Elekta".
57. Elekta. (2006) *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. Vol. 3–4. Orenburg: OOO MP "Elekta".
58. Elekta. (2012) *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. Vol. 1–2. Orenburg: OOO MP "Elekta".
59. Tipografiya Dlya Vas. (2016) *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. Vol. 1–2. Orenburg: OOO "Tipografiya Dlya Vas".
60. Buzulukskaya tipografiya. (2011) *Gosudarstvennaya natsional'naya politika, mezhetnicheskie i etnokonfessional'nye otnosheniya v Orenburzh'e: problemy formirovaniya ustanovok tolerantnogo soznaniya* [State national policy, interethnic and ethno-confessional relations in Orenburg Oblast: problems of forming attitudes of tolerant consciousness]. Orenburg: GUP Orenburgskoy oblasti "Buzulukskaya tipografiya".
61. OGAU. (2005) *Kazakhi Orenburzh'ya: istoriya i sovremennost'* [Kazakhs of Orenburg Oblast: history and modernity]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU, 2005.
62. OGAU. (2010) *Etnicheskaya kul'tura kazakhov Orenburzh'ya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Ethnic culture of the Kazakhs of Orenburg Oblast: history, current state and development prospects]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU.
63. OGAU. (2012) *Etnokul'turnyy i mezhekfessional'nyy dialog v Uralo-Povolzhskom polietnichnom prostranstve: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Ethnocultural and interfaith dialogue in the Ural-Volga region multiethnic space: historical experience and modernity]. Conference Proceedings. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU.
64. Universitet. (2013) *Etnokul'turnyy i mezhekfessional'nyy dialog v Uralo-Povolzhskom polietnichnom prostranstve: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Ethnocultural and interfaith dialogue in the Ural-Volga region multiethnic space: historical experience and modernity]. Conference Proceedings. Orenburg: OOO IPK "Universitet".
65. Universitet. (2013) *Formirovaniye i sovremennoye polozheniye sredneaziatskikh diaspor v Rossii* [Formation and current situation of Central Asian diasporas in Russia]. Proceedings of the International Conference. Orenburg: OOO IPK "Universitet".
66. Amelin, V.V. (2007) *Etnosotsial'nye protsessy v Orenburzh'e (postsovetskiy period)* [Ethnosocial processes in Orenburg Oblast (post-Soviet period)]. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU.
67. Gerasimenko, T.I. (2009) *Orenburgsko-Kazakhstanskoe porubezh'e: istoriko-etnograficheskiy i etnogeograficheskie aspekty* [Orenburg-Kazakhstan border: historical, ethnographic and ethnogeographical aspects]. Togliatti.
68. Amelin, V.V., Denisov, D.N. & Morgunov, K.A. (2014) *Etnokonfessional'nye otnosheniya v Orenburzh'e* [Ethnoconfessional relations in Orenburg Oblast]. Orenburg: OOO IPK "Universitet".
69. Universitet. (2015) *Etnokul'turnoe i religioznoye mnogoobrazie Uralo-Povolzhskogo regiona* [Ethnocultural and religious diversity of the Ural-Volga region]. Conference Proceedings. Orenburg: OOO IPK "Universitet".
70. Commonwealth of Eurasian Peoples. (2015) *Evrasiyskiy perekrestok* [Eurasian crossroads]. Vol. 1. Orenburg: OOO IPK "Universitet".
71. Commonwealth of Eurasian Peoples. (2015) *Evrasiyskiy perekrestok* [Eurasian crossroads]. Vol. 2. Orenburg: OOO IPK "Universitet".
72. Commonwealth of Eurasian Peoples. (2017) *Evrasiyskiy perekrestok* [Eurasian crossroads]. Vol. 6. Orenburg: OOO IPK "Universitet".
73. Commonwealth of Eurasian Peoples. (2018) *Evrasiyskiy perekrestok* [Eurasian crossroads]. Vol. 9. Orenburg: OOO IPK "Universitet".
74. Commonwealth of Eurasian Peoples. (2021) *Evrasiyskiy perekrestok* [Eurasian crossroads]. Vol. 14. Orenburg: OOO IPK "Universitet".

Информация об авторах:

Моисеева Л.А. – аспирант кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского государственного университета (Уфа, Россия). E-mail: Tscherep96@mail.ru

Сулейманова М.Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии Башкирского государственного университета (Уфа, Россия). E-mail: suleymanie@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.A. Moiseeva, postgraduate student, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: Tscherep96@mail.ru

M.N. Suleymanova, Cand. Sci. (History), associate professor, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation). E-mail: suleymanie@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.11.2022;
одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 09.11.2022;
approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 947.084.6:622.33(571.6)
doi: 10.17223/15617793/495/12

Мобилизационная модель развития угольной отрасли Дальнего Востока (1928–1941 гг.)

Олег Константинович Павленко¹

¹ *Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук, Владивосток, Россия
pav181096@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются условия и особенности модернизации угольной промышленности Дальнего Востока в годы реализации в СССР мобилизационной модели развития. На основе неопубликованных материалов проанализированы вопросы финансового обеспечения региональной угледобычи, проведения технической реконструкции и кадровой политики. Показано, что, несмотря на невыполнение плановых задач и недостатки в проведении намеченных мероприятий, угольная отрасль сохранила определяющую роль в обеспечении жизнедеятельности экономики Дальнего Востока.

Ключевые слова: угольная промышленность, планирование, модернизация, индустриализация, мобилизационная модель, Дальний Восток, СССР

Для цитирования: Павленко О.К. Мобилизационная модель развития угольной отрасли Дальнего Востока (1928–1941 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 131–139. doi: 10.17223/15617793/495/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/12

Mobilization model of the Far East coal industry development (1928–1941)

Oleg K. Pavlenko¹

¹ *Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far East Branch
of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, pav181096@mail.ru*

Abstract. The article aims to analyze the set of measures taken to modernize the coal industry of the Far East during the implementation of the mobilization model of development in the USSR. Despite the fact that Soviet and modern historians have repeatedly addressed the problems of the functioning of the industry in this period, a number of aspects still remain uncovered. In addition, the actual data, as well as the provisions and conclusions presented earlier, need to be corrected and revised. To reach the aim, the author, on the basis of unpublished documents from federal and regional archives, considers the technical reconstruction of mines, the support of their financial activities, and the solution of personnel issues. The author notes that, within the framework of the chosen economic course, as well as due to the prior importance of resource industries for the potential of the region, coal mining occupied one of the central places in the policy of the USSR authorities. Such aspects of the mobilization economy (finally formed in the late 1920s) as directive planning, centralized allocation of funds, and an absolute state monopoly ensured the allocation of significant financial and material resources to coal enterprises in the region. Nevertheless, in the years of the first five-year plan, due to the underestimation of the role of the Far Eastern industry, as well as the search for an optimal management structure, the modernization of the coal industry was limited. The temporary stabilization of the organizational system and the sharply increased allocations in the mid-1930s made it possible to accelerate the pace of coal production, increase the level of mechanization, expand the geography of production, and make the transition to a new production level in the Far East. To reduce the shortage of personnel in the industry at some enterprises, it was decided to use one of the most characteristic mobilization mechanisms – forced labor. Despite the achieved results in the modernization of the industry, the study shows the factors that caused the failure to fulfill the main task of the pre-war period – the region's fuel self-sufficiency. During the period under study, the management structure of coal mining was not finalized, the problem of the energy supply of mines was not resolved, and the construction of new facilities that were assigned the task of eliminating the fuel shortage was not completed. Nevertheless, in 1940, the coal industry of the Far East produced a tenth of the total coal of the RSFSR and retained a decisive role in ensuring the local economy's viability.

Keywords: coal industry, planning, modernization, industrialization, mobilization model, Far East, USSR

For citation: Pavlenko, O.K. (2023) Mobilization model of the Far East coal industry development (1928–1941). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 131–139. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/12

Выдвинутая в СССР в конце 1920-х гг. программа масштабного индустриального строительства, требовавшая реализации в предельно сжатые сроки и в условиях растущей внешнеполитической угрозы, неизбежно повлекла осуществление комплекса чрезвычайных мер, которые большинством современных исследователей определены как «мобилизационная модель» экономического развития [1–5]. Несмотря на наличие острых дискуссий по вопросам генезиса, эффективности и последствий проведения мероприятий мобилизационной модели, можно отметить наличие консенсуса в установлении ее базовых характеристик, таких как концентрация основных ресурсов страны в сфере тяжелого промышленного производства, наличие целенаправленной программы развития, широкое применение внеэкономических методов принуждения, а также отсутствие независимых от государства субъектов легальной экономики [1. С. 33]. Разделяя представленную позицию, в данной статье мы исходим из понимания мобилизационной модели как совокупности вышеперечисленных факторов.

На Дальнем Востоке практическое воплощение выбранного пути развития обуславливалось также рядом особенностей, не свойственных западным районам СССР. Малонаселенность, крайне низкий уровень промышленного производства и транспортной доступности предопределили основную черту, характерную для народно-хозяйственного комплекса региона, – первоочередное развитие ресурсных отраслей, важнейшее место среди которых занимала угольная. В конечном счете именно результаты работы угольдобычи определяли как темпы индустриализации, так и решение военно-стратегических задач на Дальнем Востоке.

Индустриальное развитие Дальнего Востока в 1930-е гг. подробно рассматривалось и советскими, и современными авторами. В работах Г.А. Унпелева, Г.А. Докучаева, И.И. Глушенко, В.Ф. Третьякова [6–10] вопросы модернизации угольной промышленности были фрагментарно затронуты в контексте индустриализации региона в целом. В постсоветской историографии история угольдобычи стала объектом отдельного изучения [11–17]. Несмотря на накопленный фактический материал, стоит сказать, что ряд аспектов функционирования отрасли так и не получил должного рассмотрения, а некоторые положения и выводы требуют значительного пересмотра. Кроме того, в большинстве современных исследований территориальные рамки ограничивались одним из районов Дальневосточного края (ДВК). На наш взгляд, выделить общие проблемы и особенности модернизации угольной промышленности на Дальнем Востоке возможно только при анализе проведенных мероприятий во всех основных центрах добычи: в Приморье, Приамурье и на Сахалине. В рассматриваемый период предприятия названных угольных районов не только располагались на территории одного административного субъекта, но также находились в ведении одной хозяйственной единицы, что определяло общность проводимой в отношении них политики.

В данной статье автор ставит цель проанализировать основной комплекс мероприятий, направленный на проведение модернизации угольдобычи Дальнего Востока в рамках осуществления мобилизационной модели. Достижение поставленной цели предполагает рассмотрение условий и особенностей технического переоснащения шахт региона, обеспечение их финансовой деятельности, кадровой политики. Источниками данной работы являются выявленные в фондах федеральных (ГА РФ, РГАЭ, РГАСПИ, РГИА ДВ) и региональных архивов (ГАПК, ГАХК).

Переход к мобилизационной модели экономического развития и выстраивание структуры управления угольной промышленностью на основе единоначалия (на территории крупнейших центров добычи в стране были образованы тресты, объединившие более мелкие предприятия на правах рудоправлений) обеспечили резкий рост капиталовложений в отрасль. Уже в 1928/1929 г. трест «Дальуголь», сосредоточивший 98,2% добычи угля на Дальнем Востоке, получил в рамках централизованного финансирования 9 млн 692 тыс. руб., что было в 1,8 раза больше, чем в предыдущем году, в последующем объем инвестиций продолжал неуклонно увеличиваться. Растущие энергетические потребности народного хозяйства (необходимость их обеспечения) позволили угольдобыче сразу занять одну из приоритетных позиций в вопросах выделения средств: на нее пришлось 35,8% от общей суммы, отпущенной на развитие тяжелой промышленности ДВК [18. С. 154]. Всего угольдобывающие предприятия региона с 1 октября 1928 г. по 1 января 1933 г. получили 65 млн 744 тыс. руб. вместо изначально планируемых 35 млн руб. Данное обстоятельство впервые позволило тресту сделать массовые заказы нового оборудования и техники в центральных регионах страны, отойдя от проводимой на предыдущем этапе политики частичного ремонта своими силами [19. Л. 172].

Осуществление первого пятилетнего плана вскоре выявило ряд серьезных проблем в проведении технической реконструкции предприятий. Основным препятствием являлось периферийное положение региональной отрасли. Отдаленность от основных промышленных центров страны, а также малый удельный вес добычи угля на Дальнем Востоке от общей в СССР (3,04% в 1927/1928 г.) привели к фактическому игнорированию интересов шахт ДВК в пользу крупнейших центров Урала и Сибири. Наиболее остро данная ситуация проявилась в 1930–1931 гг., когда в рамках реформы управления угольной промышленностью был расформирован трест «Дальуголь», и рудники края перешли в непосредственное подчинение всесоюзного объединения «Востуголь». В новой организации, координировавшей деятельность всех угольных предприятий СССР к востоку от Волги, шахты бывшего треста снабжались по остаточному принципу – изношенным оборудованием с Донбасса и Кузбасса; представленные в «Востуглеснаб» заявки на получение фондов подвергались значительным урезкам и выполнялись позже установленных сроков [20. Л. 51].

Уже через год партийно-хозяйственным руководством была осознана необходимость восстановления организации, ответственной за развитие углепромышленности в ДВК, в связи с чем 1 июня 1931 г. был воссоздан трест «Дальуголь». Возвращение к прежней системе управления отраслью послужило началом наиболее масштабных преобразований на предприятиях. В 1931 и 1932 гг. трестом в общей сложности было получено 280 отбойных молотков, 11 электро-сверл, 36 конвейерных приводов, 5 компрессов, 8 центробежных насосов, 3 вентилятора. Началась модернизация паросилового хозяйства рудников, которое еще с периода нэпа являлось одним из лимитирующих добычу факторов: заменено 15 из 87 котлов. Для обеспечения транспортных потребностей выделены 31 автомобиль и 23 трактора. Всего в ценностном выражении прирост оборудования за два года составил 2 млн 967 тыс. руб. По таким направлениям работ, как новое шахтное строительство и реконструкция действующих шахт, размер ассигнований достиг около 15 млн руб. [20. Л. 23; 21. Л. 56, 61, 81; 22. Л. 33, 34].

Шахтерский труд в крае в указанный период значительно изменился: подвергся механизации ряд производственных процессов, был получен опыт работы с ранее не применявшейся техникой, началось освоение новых угольных районов, производительность труда в 1932 г. по отношению к 1927/1928 г. составила 135%. Однако достигнутые успехи, несмотря на их значимость, так и не способствовали полному обеспечению дальневосточной промышленности местным углем, регион по-прежнему был вынужден ввозить топливо из Черемховского бассейна, до 40% которого сгорало в топках паровозов в пути следования [6. С. 73]. Фактически невыполненными оказались плановые задания по механизации поверхностных работ, навалки, закладки, крепления; программы по общей добыче достигли лишь половины намеченного уровня [23. Л. 14, 18, 20].

В начале 1930-х гг. предприятия треста только встали на путь технической реконструкции. Ежегодный рост объемов финансирования не приводил к решению проблемы дефицита ряда материалов и оборудования, что было главным условием перехода на новый производственный уровень. В 1931 г. «Дальуголь» смог освоить только 68,5% средств, отпущенных на капитальное строительство [21. Л. 61]. Отсутствие в крае собственной базы для изготовления востребованных механизмов ставило шахты в полную зависимость от поставок из центра, при этом по причине загруженности и отдаленности главных поставщиков приходилось по-прежнему эксплуатировать изношенные фонды. Немалую роль в плохом обеспечении потребностей сыграли также неоднократные перестройки системы управления отраслью и недостаточно отлаженное взаимодействие административного персонала треста с высшими хозяйственными органами.

Важно также, что сохранялась (как и ранее) диспропорция в развитии угольных районов Дальнего Востока. Процессы механизации и электрификации охватили исключительно шахты Приморья, которые и в предшествующее время располагали более развитой

производственной базой. На Кивдинских коях Приамурья и шахтах северного Сахалина весь цикл добычи угля по-прежнему оставался ручным с использованием конной тяги для откатки. Приобретенное оборудование простаивало по причине острого дефицита электроэнергии. Фактически в данных районах в начале 1930-х гг. основная работа была сведена к геологическим разведкам и решению транспортно-логистических вопросов, в то время как применение новой техники в эксплуатационных целях носило эпизодический характер [17. С. 133, 135; 21. Л. 90].

Таким образом, к началу реализации второго пятилетнего плана отрасль приступила с грузом нерешенных проблем. Именно на период 1933–1937 гг. намечались наиболее широкомасштабные преобразования. В общей сложности объем финансирования региональной угледобычи на данном этапе составил, по данным Г.А. Унпелева, 211 млн руб., что в 3,2 раза превышало вложения первой пятилетки. Основной задачей при этом оставалась ликвидация топливного дефицита на Дальнем Востоке, для чего требовалось нарастить валовую добычу угля в 4–5 раз [24. Л. 4в]. Несмотря на более чем амбициозные задачи, подходы и методы к решению текущих проблем оставались прежние. Так, были продолжены реорганизационные изменения, целью которых был поиск оптимального пути управления, однако отсутствие четкой программы привело на практике к управленческому хаосу и параличу работы угольных предприятий.

Уже в начале 1933 г. единый трест был разделен на два: «Дальуголь» и «Трансуголь», которые в октябре 1933 г. снова были объединены в трест «Дальтрансуголь» наркомата путей сообщений. Изменение ведомственной подчиненности, а также двукратная перестройка структуры самой хозяйственной организации дезорганизовали работу по вербовке рабочей силы и техническое переоснащение рудников. В отсутствие «хозяина», ответственного за решение текущих вопросов, руководство Сучана позже намеченного перечислило необходимые суммы для проведения промпереселения, оставив шахты в первом полугодии без необходимой рабочей силы. Также осталось невыполненным Постановление Совета труда и обороны (СТО) от 15 ноября 1933 г., которое предусматривало обеспечение угледобычи на Сучане электроэнергией. Несмотря на то что оборудование для электрификации поступило вовремя, оно в течение всего года лежало без использования, так как ни один из сменявших друг друга подрядчиков не приступил к работе. В итоге в апреле 1934 г. вместо планируемого строительства наркомат был вынужден поднять вопрос только об ускорении проектирования [25. Л. 2, 2 об; 26. Л. 17, 18].

Достаточно острым оставался вопрос о сроках поступления нового оборудования на шахты ДВК. В письме на имя И.В. Сталина от 25 ноября 1934 г. начальник треста «Дальтрансуголь» И.Н. Котин указывал на задержки в изготовлении и отгрузке требуемой техники как одну из основных причин срыва плановых заданий [27. Л. 19]. При этом и после обращения к высшему руководству страны решение данной

проблемы было осуществлено не в полном объеме. В ходе проверки в декабре 1934 г. выявлено, что указ наркома тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе о поставке оборудования тресту выполнен только по шести статьям из 26. Компрессоры и подъемные машины, о нехватке которых сообщалось в письме И.В. Сталину, так и не были отгружены: Уралмаштрест вопреки Постановлению СНК СССР перенес сроки их изготовления с ноября 1934 г. на март 1935 г.; недостаточным оставался также уровень отгрузки техники, необходимой для электрификации производства [28. Л. 3; 29. Л. 37].

Несмотря на сохранявшиеся проблемы, стабилизация в системе управления отраслью позволила осуществить в 1934–1936 гг. коренное переустройство шахтерского труда. Именно к указанному периоду относится массовое внедрение отбойных молотков, врубовых машин, конвейеров, ленточных транспортеров, электровозов, электросверл. В результате применения новой техники и оборудования на приморских шахтах были механизированы процессы зарубки, отбойки, выемки, доставки, откатки [29. Л. 14 об.]. В 1935 г. механизированная добыча с использованием врубовых машин по отношению к предыдущему году выросла на Сучане в четыре раза, в Артеме в десять раз. Наиболее выразительным показателем эффективности проведенных мероприятий стало перевыполнение в 1936 г. трестом «Дальтрансуголь» планов по общей и механизированной добыче – 101,3% и 101,5% соответственно [30. Л. 5, 6, 6 об; 31. Л. 2, 21].

Достигнутый успех во многом объяснялся созданием собственной рудоремонтной базы в ДВК, позволившей снизить зависимость от поставок из центральных регионов. В 1935 г. завод «Металлист» во Владивостоке был переведен на производство оборудования, необходимого для угольной промышленности. В первый год деятельности по новой программе на предприятии изготовили 250 шахтных вагонеток, приступили к производству клетей, скипов, копровых шкипов. В 1936 г. освоен выпуск более сложной техники: вентиляторов «Сирокко», конвейерных приводов «ДК-15» и «ДК-5», грохотов Баумана, шлюзов, ленточных транспортеров, в общей сложности номенклатура изделий в довоенные годы составила более 100 наименований. К концу 1930-х гг. завод включал уже пять цехов: модельный, литейный, котельный, кузнечный, механический и обеспечивал большую часть потребностей угольных предприятий. Выпуск валовой продукции в 1936 г. в ценовом выражении составил 4 млн 432 тыс. руб. или 100,8% от планового задания [30. Л. 50а, 95 об; 31. Л. 128].

Помимо реконструкции действующего шахтного фонда в годы второй пятилетки значительное внимание было уделено новому капитальному строительству. До 1934 г. возведение производственных объектов продвигалось крайне медленно, всего за 1931–1934 гг. было израсходовано только 5,32% от общей стоимости новостроек. Во многом такое положение объяснялось, помимо недостаточного финансирования, частыми реорганизационными изменениями, не позволявшими создать отлаженную структуру управления отраслью и

обеспечить нужды строительства. Благодаря стабилизации положения в данных вопросах было обеспечено выделение колоссальных средств: в 1935 г. тресту на строительство промышленных объектов выделено 42 млн 900 тыс. руб., в 1936 г. – 37 млн 600 тыс. руб. Несмотря на беспрецедентный рост в сфере нового капитального строительства, в целом возведение новостроек испытывало те же проблемы, что и работа действующих шахт: позднее поступление оборудования и нехватка стройматериалов, в первую очередь крепежного леса [32. Л. 9, 136; 33. Л. 14].

На Сахалине угледобыча была распродолжена между пятью предприятиями, производительность каждого из которых уступала отдельным шахтам Сучана и Артема. Несмотря на высокое качество запасов, реконструкция угольной отрасли на острове продвигалась медленными темпами. К середине 1934 г. механизация частично охватила только Октябрьский рудник, на котором в наличии имелось 12 отбойных молотков и электросверл, на остальных предприятиях все производственные процессы выполнялись исключительно вручную. Низкий уровень механизации во многом стал следствием отсутствия необходимой энергетической базы на Макарьевском и Арковском рудниках. Кроме того, общей чертой всех сахалинских месторождений являлась сложность тектоники, тормозившая подготовительные работы и ограничивающая возможность использования ряда оборудования [34. Л. 22; 35. Л. 4].

По данным М.В. Тетюевой, за две первые пятилетки на промышленное строительство в угольной отрасли Сахалину было отпущено около 13 млн руб [17. С. 132]. Так же как и в Приморье, именно в 1934–1936 гг. в сахалинской угледобыче начался процесс форсированного переоснащения шахт. На ведущем Октябрьском руднике удалось механизировать доставку угля, сделать искусственную вентиляцию, начать широкое применение отбойных молотков, а также электросверл. Если в 1933 г. с использованием механизмов на острове было добыто 9,4% всего угля, то уже в 1934 г. этот показатель утроился, достигнув 28,5%. В 1936 г. механизирована отбойка на Медвежском руднике, с использованием врубовых машин достигнута стопроцентная механизация на Мгачи, несмотря на то, что по причине крутого залегания пластов машины работали только пять месяцев в году, их производительность выросла с 2 800 т в апреле до 6 307 т в октябре. Итогом данных мероприятий стало перевыполнение плана по механизации 1936 г. на 27,2%, удельный вес механизированной добычи от общей на предприятиях треста «Сахалинуголь» составил 56,5% [35. Л. 3, 17, 18; 36. Л. 29, 30].

Тем не менее перестройка сахалинской угольной промышленности так и не была осуществлена в полной мере. По-прежнему отсутствовала система централизованного энергоснабжения, что вело к повышению себестоимости угля и усложнению эксплуатации оборудования. На Октябрьском руднике электростанция, пущенная еще в 1932 г., работала, не имея резервного агрегата, дымогарные трубы были развальцованы и систематически давали течь, вырабатываемой энергии не хватало для покрытия потребностей

производства. В период остановки электростанции шахтеры либо частично прекращали работы, либо полностью возвращались к ручному труду. В Арково и Макарьевке силовое хозяйство было исключительно паровым, отсутствие промышленной энергетики вынуждало содержать штат кочегаров, что увеличивало затраты [35. Л. 37, 38].

Развитие угледобычи на Сахалине находилось в прямой зависимости от возможности вывоза топлива с острова, однако к 1936 г., согласно докладу управляющего трестом «Сахалинуголь», береговые склады не имели достаточной емкости, а попытки механизировать погрузку провалились по причине дефицита электроэнергии. Уголь, который невозможно было вывезти, хранился в ненадлежащих условиях и терял в качестве. Процесс его транспортировки с шахты к месту погрузки имел ряд проблем: часть подъездных путей не ремонтировалась с 1925 г., а паровозный парк на рудниках имел различную колею (Мгачи – 500 мм, Арково – 600 мм, Медвежка – 750 мм).

Обеспечение сахалинских шахт необходимыми фондами, зависевшее от работы морского флота, также имело проблемный характер. Так, в течение трех месяцев 1936 г. по вине перевозчиков трест «Сахалинуголь» не имел взрывчатых материалов, при их наличии в требуемом объеме на складах во Владивостоке. В итоге предприятия не смогли выполнить плановые задания, не додав 20–25 тыс. т [35. Л. 12, 41, 42].

Одним из важнейших направлений развития угольной промышленности Дальнего Востока в середине 1930-х гг. стала организация новых крупномасштабных предприятий. Уже в 1934 г. СНК СССР в Постановлении от 11 июня обращал внимание на необходимость развития угольных районов Приамурья, что в перспективе должно было снизить нагрузку на транспортно-логистическую систему ДВК, не справлявшуюся с вывозом приморских и сахалинских углей. К 1 июня 1934 г. остатки угля на шахтах составили 52 тыс. т [37. Л. 1].

Для развития приамурских угольных районов из резервного фонда СНК СССР было выделено 1 млн 620 тыс. руб. В 1935 г. за счет Бирского, Кивдинского, Райчихинского, Толбузинского месторождений планировалось добыть около 1 млн 245 тыс. т, из них 60% приходилось на Райчихинский разрез. Для обеспечения нужд строительства по всем действующим объектам треста было намечено выделить 30 грузовых и 10 легковых машин, 20 тракторов, около 1 400 т разных сортов железа, 33 т стали, 252 тыс. т гвоздей, 3 тыс. т листовой меди, 40 тыс. т крепежного и строевого леса, 18 км рельс [37. Л. 2, 3, 4, 10].

Из приамурских месторождений наиболее успешно продвигалось освоение Райчихи, где геологическая разведка была проведена еще в 1931 г. В 1933 г. на разрезе началась добыча открытым способом, наиболее трудоемким процессом стали вскрышные работы. Изначально для их проведения предполагалось задействовать экскаваторы, однако в отдельные периоды большая часть из них находилась в ре-

монте или не могла быть задействована из-за недостатка вскрытых запасов: в 1937 г. из 19 экскаваторов на добыче использовали четыре. Неудовлетворительно обстояло дело также и с транспортом: самый новый паровоз на предприятии был 1915 г. выпуска, самый старый – 1897 г., локомотивы, получаемые с Кузбасса, приходили с уже предельным прокатом и износом запчастей до 40%. Мощностей райчихинской электростанции не хватало для обеспечения всех потребностей предприятия, агрегаты прибывали некомплектно и затягивали сроки модернизации электроэнергетического хозяйства. Дополнительным фактором, осложнившим освоение данного месторождения, стала чрезвычайная зависимость от погодных условий: по причине частых дождей и оползней приходилось регулярно останавливать работу [31. Л. 2, 20, 20 об; 38. Л. 13 об, 14, 15].

Разработка нового и достаточно масштабного месторождения на Дальнем Востоке обострила проблему нехватки рабочих рук в отрасли. До середины 1930-х гг. основной формой пополнения контингента угольных предприятий на юге Дальнего Востока оставалось промышленное переселение из центральных областей РСФСР. С 1931 по 1938 г. рудники пополнились рабочими – около 35 тыс. только по указанной линии. Несмотря на это, по причине острого дефицита жилплощади, окончательно разрешить кадровый вопрос не удавалось, высокая текучесть сводила на нет результаты вербовки. В 1932 г. количество убитых превысило количество прибывших на 8 003 чел. [39. Л. 2 об].

В итоге для обеспечения рабочей силой райчихинского разреза было решено обратиться к использованию принудительного труда. Уже с 1933 г. подрядчиком работ на карьере выступало 6-е отделение Дальлага. В 1938 г. приамурские копи (Кивдинские и Райчихинские) переданы в непосредственное подчинение ГУЛАГ НКВД, на их базе был основан Райчихинский исправительно-трудовой лагерь [40. Л. 2].

Обращение к мобилизационным методам и механизмам в решении кадрового вопроса, несмотря на низкую производительность и трудовую дисциплину среди заключенных, в 1930-е гг. оказалось весьма востребованным. Данная практика была распространена также на шахту № 6-бис артемовского рудника. Использование принудительного труда позволило снять остроту проблемы дефицита рабочих рук, а также обеспечить значительное снижение себестоимости угля. Так, согласно договору Дальневосточных лагерей ОГПУ с трестом «Дальтрансуголь», за каждую выданную заключенными тонну угля в 1933 г. трест обязывался выплатить лагерям 7 руб. 75 коп., в то время как плата вольнонаемным за тонну составляла 14 руб. 65 коп. Возможность значительной экономии средств в сложившейся ситуации побудила весной 1934 г. первого зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоду обратиться к председателю СНК СССР В.М. Молотову с ходатайством о ненужности намечавшегося распространения на труд заключенных дальневосточных прибавок к заработной плате. В таком случае, по мнению автора записки,

стало бы возможным еще сильнее сократить объем ассигнований угольному тресту [41. Л. 6].

В конце 1930-х гг. проблемы развития дальневосточной отрасли получили беспрецедентное внимание со стороны центра. Согласно резолюции XVIII съезда ВКП(б), общая добыча угля в регионе должна была вырасти в 2,7 раза, что обеспечило бы не только текущие потребности, но и позволило бы создать топливные запасы. Для выполнения производственной программы третьего пятилетнего плана, с 1938 по 1940 г. в Приморском и Хабаровском краях была заложена 21 шахта, 14 из них приходилось на новые районы. Масштабность намеченных целей наглядно отражают возросшие объемы финансирования, в 1938 и 1939 гг. только на проведение строительных работ предприятия получили 151,3 млн руб., в случае полной реализации плана объем вложений к 1942 г. превысил бы 1 млрд руб. [42. Л. 20; 43. Л. 2, 215].

Несмотря на рост валовых объемов добычи, а также прогресс в технической реконструкции угольных предприятий, за предвоенные годы так и не удалось решить основную проблему – топливный дефицит в регионе. Можно выделить сразу несколько причин этого. Во-первых, в 1938–1939 гг. проведены очередные изменения в структуре управления отраслью, итогом которых было создание специального наркомата угольной промышленности СССР, предприятия региона перешли в подчинение Управления уполномоченного наркомата угольной промышленности на Дальнем Востоке. Реорганизация, как и ранее, сопровождалась административной неразберихой и обострением межведомственных противоречий, препятствующих нормализации работы. Во-вторых, в катастрофическом состоянии находилось энергоснабжение дальневосточных предприятий: турбогенераторы работали без резерва, потребление электроэнергии жестко лимитировалось, на Сахалине в целом отсутствовала единая система энергообеспечения шахт. В-третьих, требовалось расширение местной рудоремонтной базы, производственные мощности владивостокского завода «Металлист» были недостаточны для организации бесперебойного производства, простой предприятия в 1939 г. достиг 365 ча-

сов, так и не были включены в работы компрессор, мостовой кран, 37 электросварок, часть крупных станков механического цеха. Наконец, в-четвертых, до 1941 г. не удалось освоить проектные мощности шахт в старых угольных районах, а также начать добычу в большинстве новых. Из 14 новостроек были сданы только две [42. Л. 20; 44. Л. 13, 70, 108; 45. Л. 1, 48].

Согласно имеющимся данным, если в последнем квартале 1938 г. Экономический совет при СНК СССР намечал к ввозу на Дальний Восток 50 тыс. т черемховского угля, то уже в следующем квартале требовалось 70 тыс. т [46. Л. 3, 4, 6]. Безусловно, что в дальнейшем разрыв между требуемым объемом угля и выдаваемым шахтами продолжал неуклонно расти, достигнув колоссальных значений в период войны.

Кроме того, не удалось осуществить наиболее амбициозный проект третьей пятилетки: освоение крупнейшего на Дальнем Востоке Буреинского каменноугольного бассейна, на который предполагалось возложить обеспечение топливом завода «Амурсталь» и строящийся БАМ. К маю 1941 г. капитальные работы были выполнены только на 54,8%, из намеченных 28 млн 23 тыс. руб. освоено 5 млн 862 тыс. руб. Помимо упомянутых объективных факторов, таких как недостаточная обеспеченность рабочей силой и отсутствие подъездных путей, сыграла свою роль бесхозяйственность руководства треста «Бурейстрой» и проектных органов в Кузбассе. В течение года строительство велось без смет, по типовым проектам, когда же была получена необходимая документация, то выявилось ее несоответствие техническим требованиям [47. Л., 85, 87–89, 134].

Подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на имевшиеся проблемы и по-прежнему актуальный топливный дефицит в регионе, за годы трех довоенных пятилеток угольная промышленность Дальнего Востока претерпела кардинальные изменения и вышла на более высокий производственный уровень, и это обеспечило ей сохранение ведущей роли в обеспечении жизнеспособности региональной экономики. Общая добыча выросла с 1927/1928 г. по 1940 г. в 6,7 раза (таблица), Дальний Восток к началу войны выдавал десятую часть всего угля РСФСР.

Темпы роста угледобычи Дальнего Востока в 1928–1940 гг.

Угледобывающие регионы	Ед. изм.	1927/1928 г.	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Добыча на Дальнем Востоке	млн т	1,07	1,97	4,9	7,2
Добыча в РСФСР	млн т	10,3	23,5	52,9	72,5
Удельный вес ДВ в общей добыче по РСФСР	%	10,4	8,4	9,4	9,9
Добыча в СССР	млн т	35,5	64,4	127,96	165,8
Удельный вес ДВ в общей добыче по СССР	%	3,04	3,08	3,91	4,3

Составлено по: [9. С. 211; 48. С. 70; 49. Л. 1; 2]

Значительно изменился шахтерский труд: большинство процессов выполнялось с использованием новейшей техники и оборудования, при том что в начале индустриализации уровень механизации предприятий являлся нулевым. В указанные годы впервые с дореволюционного периода началось активное

освоение новых угольных месторождений, расширилась география добычи на уже эксплуатировавшихся участках.

Проведение модернизации отрасли, направленной в первую очередь на техническую реконструкцию, оказалось возможным лишь в рамках выбранной советским

руководством в конце 1920-х гг. мобилизационной модели экономики. Основными факторами, определявшими развитие угледобычи и в общесоюзном масштабе, и в региональном, стали долгосрочное планирование, централизованное распределение средств и абсолютная государственная монополия. Практическая реализация выбранной стратегии позволила в кратчайшие сроки определить основные направления перестройки работы отрасли, обеспечить угольные предприятия необходимым объемом финансирования, принять соответствующие меры по обеспечению требуемыми ресурсами. В решении остро стоящего кадрового вопроса в наибольшей степени проявилось использование мобилизацион-

ных механизмов: в условиях дефицита численности рабочих на Дальнем Востоке и непривлекательности шахтерского труда, активное применение получила практика принудительного труда.

Кроме того, выстраивание в 1928–1941 гг. системы управления промышленным комплексом, нацеленной на решение чрезвычайных задач, на первоначальном этапе не могло не сопровождаться организационными проблемами вследствие недостаточности опыта руководящих кадров и в центре, и на местах. Естественным следствием реорганизаций и переподчинений в системе наркоматов стало расхождение между намеченным и сделанным.

Список источников

1. Гончаров Г.А., Баканов С.А., Гришина Н.В., Пасс А.А., Фокин А.А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск : Энциклопедия, 2013. 128 с.
2. Побережников И.В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 95–101.
3. Седов В.В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 7–9.
4. Сениявский А.С. Советская мобилизационная модель экономического развития: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 22–31.
5. Ткачева Г.А. Мобилизационная модель модернизации Дальнего Востока СССР в 1920–1930-е гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. С. 63–82.
6. Унпелев Г.А. Завершение социалистической реконструкции промышленности Дальнего Востока (1933–1937). О деятельности Коммунистической партии по социальной индустриализации Дальневосточного края. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1975. 254 с.
7. Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. О деятельности Коммунистической партии по индустриализации Дальневосточного края (1928–1832). Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1972. 296 с.
8. Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны (1937 – июнь 1941 гг.). М., 1973. 423 с.
9. Глущенко И.И. Рабочий класс советского Дальнего Востока в переходный к социализму период (1922–1937). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 220 с.
10. Третьяков В.Ф. Тяжелая и оборонная промышленность Дальнего Востока в третьей пятилетке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1977. 27 с.
11. Быструшкин А.Ю. Государственная политика и частный капитал в сфере развития угольной промышленности на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. – 20-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2010. 198 с.
12. Деревянко А.П. Угольная промышленность Приморья. Страницы истории // Уголь Приморья : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию промышленной разработки угля в Приморском крае. Владивосток, 1993. С. 20–71.
13. Ермакова Э.В. Репрессии в угольной промышленности Приморья в 30-е годы // Уголь Приморья : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию промышленной разработки угля в Приморском крае. Владивосток, 1993. С. 80–90.
14. Ермакова Э.В. Угольщики Приморья (1920-е – начало 30-х годов) // Угольная промышленность Приморья (история, состояние и перспективы развития). Владивосток, 1994. С. 80–92.
15. Маклюков А.В. Топливо-энергетическая база Дальнего Востока СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и развития // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2020. Т. 19, № 1. С. 84–96.
16. Маклюков А.В. Электрификация угольной промышленности Дальнего Востока России (1904–1941 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3 (42). С. 95–107.
17. Тетюева М.В. История формирования и развития угольной промышленности на Сахалине: середина XIX в. – 1945 г. : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 216 с.
18. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 656 с. (История Дальнего Востока. Т.3. Кн. 2)
19. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-1197. Оп. 1. Д. 11.
20. ГАПК. Ф. Р-1197. Оп. 1. Д. 4.
21. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 29. Д. 292.
22. ГАПК. Ф. Р-1197. Оп. 1. Д. 8.
23. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 901.
24. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 3.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 596.
26. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 16.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 4076.
28. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 29. Д. 606.
29. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 22.
30. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 64.
31. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 83.
32. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 42.
33. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 86.
34. РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 706.
35. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-719. Оп. 2. Д. 3.
36. РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 1418.
37. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 210.
38. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 135.
39. РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 20.

40. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 170.
41. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 463.
42. РГАЭ. Ф. 8225. Оп. 1. Д. 341.
43. РГАЭ. Ф. 8225. Оп. 1. Д. 1650.
44. РГАЭ. Ф. 8225. Оп. 1. Д. 3069.
45. ГАХК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 20.
46. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 1662.
47. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 139.
48. Народное хозяйство РСФСР (1956 год) : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1957. 364 с.
49. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 254.

References

1. Goncharov, G.A. et al. (2013) *Mobilizatsionnaya model' razvitiya rossiyskogo obshchestva v XX veke* [Mobilization model of the development of Russian society in the 20th century]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
2. Poberezhnikov, I.V. (2009) Mobilizatsionnye mekhanizmy v kontekste modernizatsii (teoreticheskie aspekty) [Mobilization mechanisms in the context of modernization (theoretical aspects)]. In: *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization model of the economy: historical experience of Russia in the 20th century]. Chelyabinsk. pp. 95–101.
3. Sedov, V.V. (2009) Mobilizatsionnaya ekonomika: ot praktiki k teorii [Mobilization economics: from practice to theory]. In: *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization model of economics: historical experience of Russia in the 20th century]. Chelyabinsk. pp. 7–9.
4. Senyavskiy, A.S. (2009) Sovetskaya mobilizatsionnaya model' ekonomicheskogo razvitiya: istoriko-teoreticheskie problemy [Soviet mobilization model of economic development: historical and theoretical problems]. In: *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization model of economics: historical experience of Russia in the 20th century]. Chelyabinsk. pp. 22–31.
5. Tkacheva, G.A. (2022) Mobilizatsionnaya model' modernizatsii Dal'nego Vostoka SSSR v 1920–1930-e gg. [Mobilization model of modernization of the USSR Far East in the 1920s–1930s]. *Trudy instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*. 37. pp. 63–82.
6. Unpelev, G.A. (1975) *Zavershenie sotsialisticheskoy rekonstruktsii promyshlennosti Dal'nego Vostoka (1933–1937). O deyatel'nosti Kommunisticheskoy partii po sotsial'noy industrializatsii Dal'nevostochnogo kraia* [Completion of the socialist reconstruction of industry in the Far East (1933–1937). On the activities of the Communist Party for the social industrialization of Far Eastern Krai]. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo.
7. Unpelev, G.A. (1972) *Sotsialisticheskaya industrializatsiya Dal'nego Vostoka. O deyatel'nosti Kommunisticheskoy partii po industrializatsii Dal'nevostochnogo kraia (1928–1832)* [Socialist industrialization of the Far East. On the activities of the Communist Party for the industrialization of Far Eastern Krai (1928–1832)]. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo.
8. Dokuchaev, G.A. (1973) *Rabochiy klass Sibiri i Dal'nego Vostoka nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny (1937 – iyun' 1941 gg.)* [The working class of Siberia and the Far East on the eve of the Great Patriotic War (1937 - June 1941)]. Moscow.
9. Glushchenko, I.I. (1986) *Rabochiy klass sovetskogo Dal'nego Vostoka v perekhodnyy k sotsializmu period (1922–1937)* [The working class of the Soviet Far East in the transition to socialism (1922–1937)]. Vladivostok: FEPU.
10. Tret'yakov, V.F. (1977) *Tyazhelaya i oboronnaya promyshlennost' Dal'nego Vostoka v tret'ey pyatiletke* [Heavy and defense industry of the Far East in the third five-year plan]. Abstract of History Cand. Diss. Vladivostok.
11. Bystrushkin, A.Yu. (2010) *Gosudarstvennaya politika i chastnyy kapital v sfere razvitiya ugol'noy promyshlennosti na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX v. – 20-e gg. XX v.* [State policy and private capital in the development of the coal industry in the Far East in the second half of the 19th c. – 1920s]. History Cand. Diss. Komsomolsk-on-Amur.
12. Derevyanko, A.P. (1993) Ugol'naya promyshlennost' Primor'ya. Stranitsy istorii [Coal industry of Primorye. Pages of history]. *Ugol' Primor'ya* [Coal of Primorye]. Conference Proceedings. Vladivostok. pp. 20–71. (In Russian).
13. Ermakova, E.V. (1993) Repressii v ugol'noy promyshlennosti Primor'ya v 30-e gody [Repressions in the coal industry of Primorye in the '30s]. *Ugol' Primor'ya* [Coal of Primorye]. Conference Proceedings. Vladivostok. pp. 80–90. (In Russian).
14. Ermakova, E.V. (1994) Ugol'shchiki Primor'ya (1920-e – nachalo 30-kh godov) [Coal miners of Primorye (1920s – early 1930s)]. In: *Ugol'naya promyshlennost' Primor'ya (istoriya, sostoyanie i perspektivy razvitiya)* [Coal industry of Primorye (history, status and development prospects)]. Vladivostok. pp. 80–92.
15. Maklyukov, A.V. (2020) Toplivno-energeticheskaya baza Dal'nego Vostoka SSSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: problemy formirovaniya i razvitiya [Fuel and energy base of the Far East of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War: problems of formation and development]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya*. 19 (1). pp. 84–96.
16. Maklyukov, A.V. (2017) Elektrifikatsiya ugol'noy promyshlennosti Dal'nego Vostoka Rossii (1904–1941 gg.) [Electrification of the coal industry of the Russian Far East (1904–1941)]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 3 (42). pp. 95–107.
17. Tetyueva, M.V. (2003) *Istoriya formirovaniya i razvitiya ugol'noy promyshlennosti na Sakhaline: seredina XIX v. – 1945 g.* [History of the formation and development of the coal industry on Sakhalin: mid-19th century – 1945]. History Cand. Diss. Vladivostok.
18. Larin, V.L. (ed.) (2018) *Dal'niy Vostok Rossii v epokhu sovetskoy modernizatsii: 1922 – nachalo 1941 goda* [The Russian Far East in the era of Soviet modernization: 1922 – early 1941]. Vol. 3 (2). Vladivostok: IIAE DVO RAN.
19. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1197. List 1. File 11.
20. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1197. List 1. File 4.
21. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4373. List 29. File 292.
22. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1197. List 1. File 8.
23. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 30. File 901.
24. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV) Fund R-2848. List 1. File 3.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 15a. File 596.
26. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-498. List 2. File 16.
27. Russian State Archive of Socio-Political History. (RGASPI). Fund 558. List 1. File 4076.
28. Russian State Archive of Socio-Political History. (RGASPI). Fund 85. List 29. File 606.
29. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-498. List 2. File 22.
30. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-498. List 2. File 64.
31. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-498. List 2. File 83.
32. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-498. List 2. File 42.
33. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-498. List 2. File 86.
34. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7566. List 1. File 706.
35. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-719. List 2. File 3.
36. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7566. List 1. File 1418.
37. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 15a. File 210.

38. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-498. List 2. File 135.
39. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 7566. List 1. File 20.
40. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-498. List 2. File 170.
41. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 15a. File 463.
42. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 8225. List 1. File 341.
43. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 8225. List 1. File 1650.
44. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 8225. List 1. File 3069.
45. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund R-1619. List 1. File 20.
46. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 23a. File 1662.
47. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund P-35. List 3. File 139.
48. Gosstatistdat. (1957) *Narodnoe hozyajstvo RSFSR (1956 god). Stat. sb.* [The National Economy of the RSFSR (1956). Stat. sat.]. Moscow: Gosstatistdat.
49. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 38. File 254.

Информация об авторе:

Павленко О.К. – старший лаборант отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: pav181096@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.K. Pavlenko, senior laboratory assistant, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: pav181096@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.10.2023;
одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 30.10.2023;
approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья

УДК 378

doi: 10.17223/15617793/495/13

Организация профессионально ориентированной практической подготовки специалистов по межкультурной коммуникации и переводу: опыт идейного сотрудничества белорусского и российского вузов

Елена Вадимовна Аликина¹, Татьяна Викторовна Починок²

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия, elenaalikina@yandex.ru

²Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Беларусь, pochinok@list.ru

Аннотация. Рассматривается образовательная деятельность двух региональных многопрофильных вузов, направленная на разностороннюю профессиональную подготовку специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода. Приводятся механизмы интеграции межкультурного содержания во внеучебную и научно-исследовательскую деятельность студентов, а также в учебную и производственную практики. Представлены результаты опроса, в ходе которого выявлены наиболее ценные для приобретения профессионального опыта формы организации внеаудиторной работы. Установлено, что образовательные программы разных вузов характеризуются «идейной совместимостью», что создает значимые предпосылки для развития академического сотрудничества.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, перевод, профессиональная языковая личность, внеаудиторная работа, межкультурная практика, межкультурный проект

Для цитирования: Аликина Е.В., Починок Т.В. Организация профессионально ориентированной практической подготовки специалистов по межкультурной коммуникации и переводу: опыт идейного сотрудничества белорусского и российского вузов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 140–147. doi: 10.17223/15617793/495/13

Original article

doi: 10.17223/15617793/495/13

Organization of professionally oriented practical training of specialists for intercultural communication and translation: Experience of ideological cooperation between Belarusian and Russian universities

Elena V. Alikina¹, Tatiana V. Pochinok²

¹ Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation, elenaalikina@yandex.ru

² Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus, pochinok@list.ru

Abstract. The authors substantiate the concept of cooperation between two regional multidisciplinary universities aimed at versatile training of specialists in the field of intercultural communication and translation. The relevance of the study is due to the need to create mechanisms for the integration of intercultural content of curriculum in extracurricular and research activities of students, as well as in educational and industrial practices. In the course of the study, it was found that students' educational activities in the classroom, performed in an educational institution under the direct guidance of a teacher, are not enough to achieve the goals of the pedagogical process in its full sense related to the formation of a professional language personality. In this regard, the formation of a harmonious language personality, correlated with a more large-scale pedagogical orientation towards the professional development of future specialists, is put forward as the purpose of teaching intercultural interaction and translation. The results of a survey conducted among students confirmed the special value of extracurricular activities to gain professional experience. The analysis of pedagogical literature showed that multidisciplinary universities that implement educational programs in linguistic areas accumulated rich experience in the introduction of various forms of extracurricular work. The article provides examples of integration of students' educational and extracurricular activities. In Francisk Skorina Gomel State University during the implementation of the program of linguistic support for intercultural communications (international tourism), students are trained to organize effective communication in various fields of international cooperation. In order to master students' knowledge about the ethnopsychological characteristics of foreign-language cultures, respect for intercultural uniqueness, deeper understanding of their native culture, extracurricular events are organized, e.g., Culture Is the Fifth Skill, an international thematic discussion; academic seminars about the ethnocultural features of representatives of different cultural communities; educational investigation on intercultural

communication aimed at deepening knowledge in the field of intercultural communications and the acquisition of research skills. At Perm National Research Polytechnic University, linguistic preparation is being performed at the Translation and Translation Studies profile. The context of a polytechnic university determines the objective orientation of the content of students' learning and research activities to the advanced spheres of science, technology, and business. The experience of conducting such career guidance measures as the Interpreter Club contest with invited speakers, a student conference, a course on intercultural communication and intercultural practice. As a result of the study, the authors found that educational programs of various universities are characterized by "ideological compatibility", which creates a significant basis for the development of academic cooperation.

Keywords: intercultural communication, translation, professional language personality, extracurricular work, intercultural practice, intercultural project

For citation: Alikina, E.V. & Pochinok, T.V. (2023) Organization of professionally oriented practical training of specialists for intercultural communication and translation: Experience of ideological cooperation between Belarusian and Russian universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 140–147. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/13

Введение

Важнейшим направлением высшего лингвистического образования на современном этапе является формирование поликультурной многоязычной личности [1, 2], способной эффективно и стратегически успешно осуществлять межкультурное общение с представителями разных языков и культур. Для студентов языковых направлений подготовки (будущих лингвистов, переводчиков, референтов, гидов, медiateоров, специалистов по международному туризму и др.) такие качества, как высокий культурный интеллект [1, 3], межличностная эмпатия [4], межкультурная чуткость [5], широкая эрудиция [6], развитая интуиция и догадка [7], социокультурная вежливость [8], представляются особо значимыми, но при этом намного более сложно формируемыми, нежели, например, лингвистическая и даже полилингвистическая грамотность.

В развиваемой нами концепции педагогики перевода [9], одним из методологических оснований которой избрана людическая теория Е.Ю. Куницыной [10], мы выделяем два «лика» переводчика: *метаязыковая профессиональная личность* («профессиональная маска», надеваемая как актером при выполнении профессиональных обязанностей) и *языковая профессиональная личность* (жизненное или «социокультурное кредо» [11. С. 34], определяющее профессиональное поведение не только в переводческой ситуации, но и за ее пределами) [9. С. 92]. В связи с этим формирование метаязыковой личности мы рассматриваем как дидактическую цель обучения видам межкультурного взаимодействия и переводческой деятельности (собственно обучение технике переговоров, ремеслу перевода), тогда как формирование гармоничной языковой личности соотносим с более масштабной педагогической целью профессионального развития будущих переводчиков. В рамках данной статьи обратимся именно к педагогическому аспекту профессиональной подготовки переводчиков, охватывающей не только учебную, но и внеаудиторную работу.

На примере партнерской деятельности региональных многопрофильных вузов двух стран – Гомель-

ского государственного университета имени Франциска Скорины, кафедры межкультурных коммуникаций и международного туризма (Республика Беларусь), и Пермского национального исследовательского политехнического университета, кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода (Российская Федерация), – опишем возможные формы организации профессионально ориентированной практической подготовки специалистов по межкультурной коммуникации и переводу.

Междисциплинарные основания взаимодействия

Подготовка студентов языковых направлений к эффективному межкультурному общению направлена на формирование способности сопоставлять, интерпретировать, оценивать межкультурные различия и адекватно реагировать на культурно значимые события в аутентичных условиях межкультурного общения, выбирая приемлемый стиль речевого и невербального поведения. Обучение эффективному межкультурному общению предполагает необходимость формирования умения учитывать этнопсихологические особенности носителя лингвокультуры, которые обуславливают этнокультурную специфику системы отношений к окружающей действительности. Этнопсихологические особенности включают этнический менталитет и проявляются в процессе межкультурного общения в восприятии, понимании и оценке действительности, в национальных ценностных ориентациях, в стратегиях поведения [12].

Овладение иноязычной культурой представляет единый процесс формирования и становления личности обучающегося. Для этого необходимо развивать социокультурные способности и воспитывать социокультурные качества, которые формируют психологическую готовность к взаимодействию и сотрудничеству, обогащают и развивают духовную, нравственную культуру личности. Способности социокультурной наблюдательности, социокультурной непредвзятости, эмпатии, коммуникативной гибкости, а также качества социокультурной восприимчивости, социокультурной вежливости помогают понимать и учитывать в процессе взаимодействия особенности восприятия и оценки окружающей действительности носителя

изучаемого языка, национальные ценностные ориентации, языковые и неязыковые средства, которые используются иноязычным собеседником в тех или иных ситуациях взаимодействия для выражения своих намерений. Важно отметить, что обучение межкультурному общению предполагает и более глубокое изучение родной культуры. В результате признания этнопсихологической специфики иноязычного коммуниканта и выработки собственной оценки взаимодействия с явлениями иноязычной культуры сравниваются с явлениями родной культуры. Такое сопоставление предполагает выявление культурно значимой информации, ее соотнесение с образом своей культуры и имеющимся опытом. Это приводит к взаимообогащению культур, приращению «новых смыслов, приемлемых для реципиентов принимающей культуры» [11. С. 28].

В образовательных программах языковых направлений подготовки формирование профессионально компетентного уровня межкультурного общения происходит, прежде всего, в рамках специального курса (например, «Введение в теорию межкультурной коммуникации»), изучаемыми объектами которого являются принципы культурного релятивизма, основные парадигмы в исследовании феноменов культуры и коммуникации, понятия языковой картины мира, этические и нравственные нормы поведения в инокультурной среде, стереотипы и способы их преодоления и т.д. На занятиях по практике иностранного языка и переводу анализируются и проигрываются различные сценарии и ситуации межкультурной коммуникации, ведется работа с дидактически отобранными, организованными, в том числе аутентичными учебными текстовыми, аудио- и видеоматериалами, предметное содержание которых иллюстрирует те или иные особенности межкультурного общения. Так, например, в рамках темы «Письменный перевод официально-деловых документов» внимание акцентируется на особенностях официально-делового стиля, свойственных принимающей лингвокультуре, которые не могут не отличаться от формул, используемых при переводе инструкций. Ситуации устного перевода в административных учреждениях предполагают наличие представлений о приемлемом уровне медиации со стороны переводчика в зависимости от культурных особенностей коммуникантов. При переводе с листа надписей, пояснений, объявлений, анонсов, характерных для городской среды и туристической инфраструктуры стран изучаемого языка, часто от переводчика ожидается расширенный лингвокультурный комментарий, допускается большая или меньшая степень обобщенности и т.д.

Безусловно, каждая учебная дисциплина вносит свой уникальный и весомый вклад в формирование знаний, представлений, умений межкультурной коммуникации и развитие востребованных профессиональных личностных качеств. Однако исключительно аудиторной работы, выполняемой в учебном заведении под непосредственным руководством преподавателя [13], недостаточно для полноценного достижения целей педагогического процесса, связанного с формированием профессиональной языковой личности. В

связи этим представляется необходимым выстроить образовательную деятельность таким образом, чтобы создать целостную систему профессионально направленной подготовки будущих специалистов.

Как элитарные лингвистические, так и многопрофильные вузы, реализующие образовательные программы по языковым направлениям, активно внедряют разнообразные формы внеаудиторной работы [14–16]. Проведенный нами в 2022/2023 учебном году опрос студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика» (всего в опросе участвовало 119 студентов 3–4-х курсов трех вузов Перми), позволил выявить наиболее ценные для приобретения профессионального опыта примеры такого рода деятельности. Среди них респонденты указали встречи с носителями языка (82%), стажировки и образовательный туризм (66%), социальные волонтерские проекты (58%), кружки и клубы о разных культурах (53%). Необходимо отметить, что 63% опрошенных выделили дисциплину «Введение в теорию межкультурной коммуникации» как одну из самых интересных в учебном плане. Около 35% студентов выпускного курса защищают дипломные работы, связанные с различными аспектами межкультурной коммуникации и лингвокультурной локализации.

Определив высокий уровень интереса к заявленной проблематике, опишем образовательное пространство двух сотрудничающих университетов, каждый из которых предлагает оригинальные решения, способствующие профессионально ориентированной практической подготовке специалистов по межкультурной коммуникации и переводу.

Опыт Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

В Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины (ГГУ им. Ф. Скорины) подготовка по специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (международный туризм)» с присвоением квалификации «специалист по межкультурным коммуникациям, переводчик-референт (со знанием двух иностранных языков)» началась в 2020 г. В соответствии с Образовательным стандартом высшего образования по данной специальности выпускник должен быть компетентен в таких видах деятельности, как производственно-практическая (переводческая), коммуникативная, информационно-аналитическая, организационно-управленческая и инновационная. В процессе обучения осуществляется подготовка к организации эффективного коммуникативного процесса в различных сферах международного сотрудничества, к разработке стратегий коммуникативного поведения в ситуациях политического, юридического, делового общения, в международных организациях, в средствах массовой информации, к осуществлению всех видов переводческих услуг, к составлению договоров, меморандумов, коммюнике, речей в соответствии с международными стандартами, нормами официально-делового стиля и правилами риторики того или иного языка и культуры. Обучение эффективному межкультурному общению в контексте

различных дисциплин учебной программы является стратегической линией образовательного процесса.

Помимо академической учебной деятельности в процессе подготовки специалистов по межкультурным коммуникациям проводится ряд разнообразных образовательных мероприятий межкультурной направленности с целью овладения знаниями об этнопсихологических особенностях иноязычных культур; для более глубокого понимания родной культуры, развития навыков межкультурной коммуникации, воспитания уважения и терпимости к межкультурному своеобразию и уникальности организуются круглые столы, научные конференции, дискуссии и семинары.

В 2021 г. университет выступил организатором проведения международной тематической дискуссии «Culture is the fifth skill» («Культура – это пятый навык»), посвященной культурным особенностям стран и народов мира и инспирированной методикой Барри Томалина [17]. В мероприятии в формате видеоконференции приняли участие одиннадцать команд языковых направлений, представляющих белорусские и российские университеты. Каждому университету-участнику необходимо было выбрать одну из иноязычных культур и представить ее уникальные, этнокультурные особенности в виде мультимедийной презентации на английском языке. Участниками были выбраны для сообщений разные иноязычные культуры, что позволило обеспечить максимально широкий охват межкультурного разнообразия стран и народов мира.

В презентациях участников нашли отражение особенности этнического менталитета, ценностные ориентации, национально-специфические черты вербального и невербального поведения, национальный этикет, традиции и обычаи. были рассмотрены культуры народов Австралии, Великобритании, Израиля, Китая, Норвегии, России, Таиланда, Южной Кореи и Японии. После выступления каждая команда задавала по два вопроса по презентуемой культуре для обсуждения всеми участниками дискуссии. Вопросы носили преимущественно эвристический характер, предполагали возможность рассуждений и догадок.

Другим примером образовательного мероприятия межкультурной направленности является проведение обучающихся англоязычных семинаров об этнокультурных особенностях представителей разных культурных сообществ. Одной из тем семинара, организованного совместно с Белорусским государственным экономическим университетом, стало обсуждение особенностей проведения деловых переговоров в разных странах мира. Результатом совместной поисково-информационной и презентационной деятельности студентов явилась подготовка рекомендаций об учете особенностей делового взаимодействия с представителями Китая, США, Германии и ОАЭ. Следует подчеркнуть, что подобные мероприятия несут не только образовательную ценность, но и способствуют развитию академической мобильности.

В научно-исследовательской деятельности студентов также предусмотрены профессионально ориенти-

рованные мероприятия. Так, в рамках Дней студенческой науки в ГГУ им. Ф. Скорины ежегодно проводится студенческая научно-практическая конференция. Для студентов специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (международный туризм)» работает секция «Культурно-историческое наследие народов мира». Результаты публикуются в виде научных статей в ежегодном научном студенческом сборнике.

Что касается практической подготовки, то в соответствии с учебным планом студенты 1-го курса проходят учебную ознакомительную практику по межкультурной коммуникации. Данная практика способствует углублению знаний в области межкультурных коммуникаций, а также приобретению умений и навыков поисковой научной деятельности. Задачами практики являются изучение особенностей вербального и невербального поведения, речевого этикета, традиций представителей различных культур, культурно-исторического наследия народов мира и их представление на иностранном языке.

Одним из заданий практики является подготовка и защита реферата, в котором необходимо проанализировать и систематизировать национальные особенности одной из иноязычных культур по следующим аспектам:

- 1) краткий экскурс этнической истории;
- 2) основные черты национального характера и коммуникативного поведения по параметрам: индивидуализм/коллективизм; иерархичность/демократичность; высококонтекстность/низкоконтекстность; отношение к традиции; невербальное поведение.

В связи с тем что основным направлением специальности является международный туризм, другим заданием учебной ознакомительной практики по межкультурной коммуникации является представление экскурсии для иностранных туристов об истории и культурной уникальности одного из памятников Гомельского региона Республики Беларусь на английском языке.

Таким образом, подготовка специалистов по межкультурной коммуникации в ГГУ им. Ф. Скорины реализуется через комплекс внеучебных и научных мероприятий, а также межкультурную направленность учебной практики. Этой же логике следует профессионально ориентированная образовательная деятельность, организованная на кафедре иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ).

Опыт Пермского национального исследовательского политехнического университета

ПНИПУ, изначально являясь техническим вузом, в настоящее время характеризуется многопрофильностью. Лингвистическая подготовка по специальности и профилю «Перевод и переводоведение» реализуется с 1993 и 2011 гг. соответственно. Образовательная деятельность регламентируется самостоятельно устанавливаемым образовательным стандартом, учитываю-

щим основные положения Федерального государственного образовательного стандарта по направлению «Лингвистика» и требования, представленные в Профессиональном стандарте «Специалист в области перевода». Для уровня бакалавриата выбран один вид профессиональной деятельности – переводческий, что формирует перечень основных профессиональных задач, среди которых обеспечение межкультурного общения в различных профессиональных сферах; выполнение функций посредника в сфере межкультурной коммуникации; использование видов, приемов и технологий перевода (письменного и устного последовательного) с учетом характера переводимого текста и условий перевода для достижения максимального коммуникативного эффекта; проведение информационно-поисковой деятельности, направленной на совершенствование профессиональных умений в области перевода; составление словариков, методических рекомендаций в профессионально ориентированных областях перевода. Контекст многопрофильного политехнического вуза определяет предметную направленность содержания обучения переводу и научно-исследовательской деятельности студентов на передовые сферы науки, техники, технологии и бизнеса.

Многие годы в ПНИПУ под руководством доц. Е.Ю. Мощанской [15] реализуется проект «Клуб переводчиков». На заседаниях клуба, проводимых как очно, так и в онлайн-формате, приглашаются в качестве спикеров носители разных языков и культур. Регулярными стали встречи на английском, немецком, французском, испанском и китайском языках. Спикеры выступают с публичными сообщениями, сопровождаемыми презентациями, на заранее объявленную тему, как правило, межкультурного характера. Среди тем прошлых лет «Система образования Норвегии и США», «Пандемия COVID-19 в Германии», «Здоровый образ жизни глазами китайцев», «Современная Африка на примере Гвинеи». Перевод осуществляется как на родной, так и на иностранный языки. Для ознакомления с тематикой выступлений и подготовки к ситуации перевода участники заранее получают информационные сопроводительные и вспомогательные материалы и презентации. Во время заседаний клуба студенты-лингвисты выполняют роль устных переводчиков, при этом экспертное жюри оценивает их работу в формате конкурса. Отметим, что конкурсы перевода, которые набирают все большую популярность и масштабность, представляют собой «эффективный инструмент подготовки, развития, мотивации студентов – будущих переводчиков в процессе обучения и профессиональной деятельности» [18. С. 111]. Согласимся с мнением коллег о том, что «участие в конкурсе устного перевода может стать важной ступенью в профессиональном развитии переводчика, поскольку такой конкурс представляет возможность практического вхождения в специальность в полугригровом формате, помогает получить опыт перевода в максимально приближенных к реальности условиях. Кроме того, участие в конкурсе устного перевода положительно влияет на фор-

мирование адекватной профессиональной самооценки студента на пути становления переводчика-профессионала» [19. С. 109].

Значимым событием в научно-исследовательской деятельности является всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Перевод, реклама и PR в современной межкультурной коммуникации», организуемая в ПНИПУ. Тематика докладов студентов отражает вопросы теории и практики перевода, локализации, межкультурной коммуникации, региональные особенности рекламных коммуникаций и др. Материалы конференции публикуются в сборнике, включенном в систему РИНЦ. Важно подчеркнуть, что в рамках программы конференции молодые исследователи не только представляют свои доклады, но и принимают участие в открытых лекциях, мастер-классах и тренингах ведущих специалистов, руководителей переводческих и маркетинговых компаний. В качестве примера приведем такие темы выступлений приглашенных спикеров, как «Межкультурные технологии продвижения бренда», «Устный переводчик в современном мире: как изменились требования к профессии и чего ожидают клиенты», «Что не надо писать в резюме на английском языке».

В программу учебной дисциплины «Введение в теорию межкультурной коммуникации» включен курсовой проект, подготовка к которому ведется во внеаудиторное время. Предметом исследования студентов 2-го курса является специфика межкультурной коммуникации с иностранными студентами и абитуриентами многопрофильного политехнического вуза. Цель проекта заключается в разработке сценария межкультурного внеучебного или профориентационного мероприятия либо концепции лингвокультурного продукта (сайта, ролика, буклета). В качестве адресатов разработок выступают иностранные студенты и абитуриенты ПНИПУ. Чаще всего ими являются представители стран Ближнего Востока, Китая, Центральной Азии и Африки.

Каждый курсовой проект выполняется командой из 3–4 человек и включает следующие этапы: изучение этнокультурных особенностей целевой аудитории; выдвижение цели и определение задач; распределение задач между командой исполнителей; подбор информационных материалов по теме проекта; создание и тестирование проектного продукта; подведение и представление результатов. Тестирование разработанного проектного продукта проводится на основе опроса иностранных студентов, преподавателей РКИ, сотрудников отдела международных связей и факультета иностранных студентов. Далее в рамках производственной межкультурной практики, целью которой является формирование умений, навыков и компетенций, связанных с информационно-лингвистическим сопровождением для решения профессиональных задач в сфере межкультурной коммуникации, студенты воплощают свои разработки в виде апробации мероприятий или готовых продуктов [20]. Критериями оценки служат такие параметры, как оригинальность, соответствие целевой аудитории, мотива-

ционный потенциал, ясность и доступность изложения, качество технического исполнения. Ниже представлены примеры наиболее успешных межкультурных проектов, разработанных студентами-переводчиками:

- видеозапись по Пермскому Политеху на английском, французском, испанском языках;
- сайт «С-путник» для планирования туристических маршрутов по Перми и Пермскому краю;
- инструкция пребывающим в общежитие кампуса ПНИПУ;
- настольная игра «Пермская кухня»;
- интерактивный буклет «Компас российской системы образования»;
- интеллектуальная игра «Праздники весны России и Китая».

Как видно из названий проектов, они расширяют представления студентов о своей собственной культуре, ее понятиях и уникальности, что способствует становлению культурной самоидентичности [21]. Лучшие проекты рекомендуются экспертной комиссией к внедрению в последующем учебном году. Главный результат представленной модели организации производственной межкультурной практики заключается, по нашему мнению, в том, что благодаря активному взаимодействию студентов-переводчиков с иностранными студентами создается значимый синергетический эффект для многих субъектов образовательного

пространства вуза. Он проявляется не только в получении будущими переводчиками опыта проектной деятельности в условиях реальной межкультурной коммуникации, но и в благоприятной социокультурной адаптации студентов из зарубежных стран, в формировании поликультурной образовательной среды [22].

Заключение

Представленные варианты организации внеаудиторной работы, способствующие разносторонней профессионально ориентированной практической подготовке специалистов по межкультурной коммуникации и переводу, а также формированию качеств гармонично развитой профессиональной языковой личности, свидетельствуют об «идейной совместимости» образовательных программ разных вузов, в том числе находящихся в разных странах, что открывает большие перспективы для продуктивного взаимодействия не только в академической сфере, но и в рамках культурно-просветительских, творческих, научно-исследовательских проектов. В связи с этим представляется необходимым внедрение цифровых платформ для размещения актуальной информации о предстоящих мероприятиях межкультурной направленности и предоставления возможности преподавателям и студентам подавать заявки на участие в них, присоединяясь к межуниверситетским проектным командам.

Список источников

1. Гураль С.К., Павленко Е.И. Формирование поликультурной многоязычной личности нового типа посредством третьего иностранного языка // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 115–120.
2. Прохорова А.А. Мультилингвальная компетентность и уровень владения иностранными языками: анализ зависимости // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 6. С. 62–69.
3. Ang S., Dyne L. van, Koh. C. Personality correlates of the four-factor model of cultural intelligence // Group and Organization Management. 2006. Vol. 31 (1). P. 100–123.
4. Карпова Ю.А. Содержание и функции эмотивно-эмпатийного взаимодействия при обучении устных переводчиков иноязычному диалогическому речевому общению // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 1. С. 144–158.
5. Bennett M.J. A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10 (2). P. 179–196.
6. Швецова Ю.О. Когнитивный подход как теоретическая основа методики формирования переводческой эрудиции // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2012. № 133. С. 277–283.
7. Аликина Е.В. Интуиция в переводческой деятельности: переводческий аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 11-1 (29). С. 13–15.
8. Починок Т.В. Развитие личности студента в процессе обучения межкультурному общению // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2016. № 5 (98). С. 25–29.
9. Аликина Е.В. Педагогика перевода. Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2017. 109 с.
10. Куницына Е.Ю. Переводческий дискурс как пространство игры и метаигры переводчика // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы II Междунар. научно-практ. конф. 2018. С. 293–298.
11. Кушникова Л.В., Аликина Е.В. Социокультурное кредо современного переводчика в цифровой коммуникативной среде // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2021. Т. 7, № 3 (27). С. 23–38.
12. Починок Т.В. Формирование у студентов языкового вуза социокультурной компетенции : дис. ... канд. пед. наук. Гомель, 2012. 300 с.
13. Берденникова Н.Г., Меденцев В.И. Организационно-методическое обеспечение учебного процесса в вузе. СПб. : БАТИП, 2006. 196 с.
14. Вычужанина А.Ю., Дороднева Н.В. Особенности организации образовательного туризма в рамках межкультурной коммуникации // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 1-1. С. 83–87.
15. Мощанская Е.Ю. Деловая игра как средство формирования социокультурной и дискурсивной компетенции специалиста и переводчика // Педагогическое образование в России. 2014. № 7. С. 30–33.
16. Чам М.Ф., Минакова Л.Ю. Межкультурный коммуникативный тренинг и его роль в формировании межкультурной компетенции обучающихся иностранному языку // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 208–219. doi: 10.17223/15617793/476/23
17. Tomalin B. Let's talk: how English conversation works (a review) // Training, Language and Culture. 2020. Vol. 4, № 1. P. 75–77.
18. Степанова М.М. Межвузовские конкурсы устного перевода как эффективное средство профессиональной подготовки переводчика // Иностранные языки в высшей школе. 2019. № 3 (50). С. 105–112.
19. Лукьянова В.С., Степанова М.М. Конкурс устного перевода: активная форма обучения студентов и средство развития их профессионального потенциала // Вопросы методики преподавания в вузе. 2022. Т. 11, № 3. С. 99–111.

20. Аликина Е.В., Клейман Э.И. Организация межкультурной практики студентов-переводчиков во взаимодействии с иностранными студентами многопрофильного вуза // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 9 (162). С. 61–64.
21. Оберемко О.Г., Малютин Е.А. Специфика оценки иноязычной подготовки взрослых к межкультурной и межнациональной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/478/21
22. Ерёмин Ю.В., Алмазова Н.И., Рубцова А.В., Крылова Е.А., Смольская Н.Б. Обучение иностранному языку в смешанном формате в условиях поликультурной образовательной среды // Письма в Эмиссия. Офлайн. 2021. № 2. С. 2932.

References

1. Gural', S.K. & Pavlenko, E.I. (2011) Formirovanie polikul'turnoy mnogoyazychnoy lichnosti novogo tipa posredstvom tret'ego inostrannogo yazyka [Formation of a new type of multicultural, multilingual person through a third foreign language]. *Yazyk i kul'tura*. 2 (14). pp. 115–120.
2. Prokhorova, A.A. (2021) Multilingual competence and level of foreign language proficiency: analysis of dependence. *Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psikhologiya*. 6. pp. 62–69.
3. Ang, S., van Dyne, L. & Koh, C. (2006) Personality correlates of the four-factor model of cultural intelligence. *Group and Organization Management*. 31 (1). pp. 100–123.
4. Karpova, Yu.A. (2021) Soderzhanie i funktsii emotivno-empativnogo vzaimodeystviya pri obuchenii ustnykh perevodchikov inoyazychnomu dialogicheskomu rechevomu obshcheniyu [Content and functions of emotive-empathic interaction when training interpreters in foreign language dialogic speech communication]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 1. pp. 144–158.
5. Bennett, M.J. (1986) A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*. 10 (2). pp. 179–196.
6. Shvetsova, Yu.O. (2012) Kognitivnyy podkhod kak teoreticheskaya osnova metodiki formirovaniya perevodcheskoy eruditsii [Cognitive approach as a theoretical basis for the methodology of developing translation erudition]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena*. 133. pp. 277–283.
7. Alikina, E.V. (2013) Intuitsiya v perevodcheskoy deyatel'nosti: perevodcheskiy aspekt [Intuition in translation activity: translation aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 11-1 (29). pp. 13–15.
8. Pochinok, T.V. (2016) Razvitiye lichnosti studenta v protsesse obucheniya mezhkul'turnomu obshcheniyu [Development of a student's personality when teaching intercultural communication]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*. 5 (98). pp. 25–29.
9. Alikina, E.V. (2017) *Pedagogika perevoda* [Pedagogy of translation]. Perm: Izd-vo PNIPU.
10. Kunitsyna, E.Yu. (2018) [Translation discourse as a space of game and meta-games of the translator]. *Perevodcheskiy diskurs: mezhdisziplinarnyy podkhod* [Translation discourse: an interdisciplinary approach]. Proceedings of the International Conference. pp. 293–298. (In Russian).
11. Kushnina, L.V. & Alikina, E.V. (2021) Sotsiokul'turnoe kredo sovremennogo perevodchika v tsifrovoy kommunikativnoy srede [Sociocultural credo of a modern translator in a digital communication environment]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 7:3 (27). pp. 23–38.
12. Pochinok, T.V. (2012) *Formirovanie u studentov yazykovogo vuza sotsiokul'turnoy kompetentsii* [Formation of sociocultural competence among linguistic university students]. Pedagogics Cand. Diss. Gomel.
13. Berdennikova, N.G. & Medentsev, V.I. (2006) *Organizatsionno-metodicheskoe obespechenie uchebnogo protsessa v vuze* [Organizational and methodological support of the educational process at the university]. St. Petersburg: BATIP.
14. Vychuzhanina, A.Yu. & Dorodnina, N.V. (2016) Osobennosti organizatsii obrazovatel'nogo turizma v ramkakh mezhkul'turnoy kommunikatsii [Features of the organization of educational tourism within the framework of intercultural communication]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 1-1. pp. 83–87.
15. Moshchanskaya, E.Yu. (2014) Delovaya igra kak sredstvo formirovaniya sotsiokul'turnoy i diskursivnoy kompetentsii spetsialista i perevodchika [Business game as a means of developing sociocultural and discursive competence of a specialist and translator]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 7. pp. 30–33.
16. Cham, M.F. & Minakova, L.Yu. (2022) Intercultural Communications Training and Its Role in the Formation of Cross-Cultural Competence of Foreign Language Learners. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 208–219. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/23
17. Tomalin, B. (2020) Let's talk: how English conversation works (a review). *Training, Language and Culture*. 4 (1). pp. 75–77.
18. Stepanova, M.M. (2019) Mezhvuzovskie konkursy ustnogo perevoda kak effektivnoe sredstvo professional'noy podgotovki perevodchika [Inter-university interpreting competitions as an effective means of professional training for translators]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole*. 3 (50). pp. 105–112
19. Luk'yanova, V.S. & Stepanova, M.M. (2022) Konkurs ustnogo perevoda: aktivnaya forma obucheniya studentov i sredstvo razvitiya ikh professional'nogo potentsiala [Interpretation competition: an active form of teaching students and a means of developing their professional potential]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*. 11 (3). pp. 99–111.
20. Alikina, E.V. & Kleyman, E.I. (2021) Organizatsiya mezhkul'turnoy praktiki studentov-perevodchikov vo vzaimodeystvii s inostrannymi studentami mnogoprofil'nogo vuza [Organization of intercultural practice of translation students in interaction with foreign students of a multidisciplinary university]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9 (162). pp. 61–64.
21. Oberemko, O.G. & Malyutina, E.A. (2022) Specifics of Assessing Adult Foreign Language Training for Intercultural and Interethnic Communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/21
22. Eremin, Yu.V. et al. (2021) Obuchenie inostrannomu yazyku v smeshannom формате v usloviyakh polikul'turnoy obrazovatel'noy sredy [Teaching a foreign language in a mixed format in a multicultural educational environment]. *Pis'ma v Emissiya. Offlayn*. 2. p. 2932.

Информация об авторах:

Аликина Е.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: elenaalikina@yandex.ru

Починок Т.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и международного туризма Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Гомель, Беларусь). E-mail: pochinok@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Alikina, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation). E-mail: elenaalikina@yandex.ru

T.V. Pochinok, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Intercultural Communications and International Tourism, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, The Republic of Belarus). E-mail: pochinok@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2022;
одобрена после рецензирования 04.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 01.12.2022;
approved after reviewing 04.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 37.02
doi: 10.17223/15617793/495/14

Университет как значимый актор реализации предметных олимпиад: опыт МГИМО

Петр Игоревич Касаткин^{1,2}, Артем Петрович Гулов^{1,3}

¹ *Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия*
² *pkas@mail.ru*
³ *gulov@tea4er.org*

Аннотация. Уточнена роль высшей школы в реализации предметных олимпиад. Вскрыты направления взаимодействия школы и вуза, где университет выступает значимым актором: разработка теоретических основ олимпиадного движения, просветительская деятельность, разработка олимпиадных комплектов и критерийно-оценочного аппарата, экспертная деятельность в жюри, довузовская подготовка, реализация вузовских олимпиад для школьников и студентов.

Ключевые слова: олимпиада, интеллектуальное соревнование, олимпиадное движение, университет, академический конкурс

Источник финансирования: публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030».

Для цитирования: Касаткин П.И., Гулов А.П. Университет как значимый актор реализации предметных олимпиад: опыт МГИМО // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 148–159. doi: 10.17223/15617793/495/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/14

University as a significant actor in the implementation of subject olympiads: MGIMO experience

Petr I. Kasatkin^{1,2}, Artem P. Gulov^{1,3}

¹ *MGIMO University, Moscow, Russian Federation*
² *pkas@mail.ru*
³ *gulov@tea4er.org*

Abstract. The Russian domestic olympiad movement historically exists in the relationship between the activities of the university and the school: sets of tasks and procedures for assessing answers are developed by the faculty of universities, while the training of participants is largely carried out by schools teachers. The last decade recorded the peak of young people's mass participation in intellectual competitions, including in university subject olympiads and creative competitions – more than seven million schoolchildren annually. The significance of the university as an active actor in the olympiad movement is changing: in addition to the authorship of olympiad tasks, university lecturers assume the role of jury experts, educators, and olympiad coaches. The problem of our research is to study the pedagogical means of young people's creative development: the modern world changes more often than scientists manage to adapt and assimilate scientific knowledge into school and student programs, respectively, therefore, the appeal to the values and canons of the olympiad movement seems expedient and humanized – participation in olympiads not only contributes to the formation and development of creative competencies, but also forces students to function in conditions of uncertainty, solving not only tasks, but also problems. The aim of this study is to clarify the role of higher education in the implementation of subject olympiads, using the example of MGIMO's activities. We rely on the principles of cultural, axiological, systemic and activity approaches. Among theoretical methods are the study and analysis of scientific and methodological literature on the topic, categorization, generalization, deduction and induction; the empirical methods are conversations with lecturers and teachers, interviewing schoolchildren and students, own observations during the preparation of high school students for olympiads, statistical monitoring, site analysis. The results obtained indicate the versatile participation of the university in the olympiad movement. The following areas of interaction between the school and the university, where MGIMO acts as a significant actor, were revealed: the development of the theoretical foundations of the olympiad movement, educational activities, the development of olympiad kits and the criterion and evaluation apparatus, expert activities in the jury, pre-university training, the implementation of university olympiads for schoolchildren and students, also at the international level. Negative aspects of increasing the mass

character of subject olympiads are indicated, including a decrease in budget places available for the traditional state exams points competition. The theoretical significance of the work lies in the enrichment of pedagogical science in the field of studying the olympiad movement, the practical significance lies in the possibility of using the results of research by educational organizations for reflection and more active participation in the implementation of intellectual competitions.

Keywords: olympiad, intellectual competition, olympiad movement, university, academic competition

Financial support: The publication was supported by MGIMO University “Priority-2030” programme.

For citation: Kasatkin, P.I. & Gulov, A.P. (2023) University as a significant actor in the implementation of subject olympiads: MGIMO experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 148–159. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/14

Введение

Российское высшее образование находится в очередной фазе вынужденного реформирования, обусловленного в том числе и внешнеполитическими факторами. Гибридные войны с США и Европой, а также коллективные попытки Запада повлиять на развитие отечественной государственности привели к осознанию экзистенциальной потребности формировать суверенную образовательную систему, устойчивую к внешним воздействиям и привлекательную для международного сотрудничества. В 2022–2023 гг. стало окончательно понятно, что Россия более не может безальтернативно оглядываться на другие страны в поисках своего пути. Отвергнув модель Болонского соглашения и постепенно возвращаясь к исконному пути обучения и воспитания *специалистов*, отечественное высшее профессиональное образование анализирует собственные достижения и удачные практики, возрождая культуру творчества и формируя интеллектуальный потенциал нации. *Проблема* нашего исследования заключается в изучении педагогических средств творческого развития молодежи: современный мир меняется чаще, чем ученые успевают адаптировать и ассимилировать научные знания в школьные и студенческие программы соответственно, поэтому обращение к ценностям и канонам олимпиадного движения видится целесообразным и человекообразным – участие в олимпиадах не только способствует формированию и развитию творческих компетенций, но и заставляет учащихся функционировать в условиях неопределенности, решая не только задачи, но и проблемы. Олимпиады имеют правовой статус в российском образовательном пространстве, так как ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в статье 77 гласит, что «олимпиады проводятся с целью выявления и развития у обучающихся творческих способностей и интереса к научной (научно-исследовательской) деятельности, пропаганды научных знаний, отбора лиц, проявивших выдающиеся способности, в составы сборных команд Российской Федерации для участия в международных олимпиадах по общеобразовательным предметам»¹.

Системность и систематичность универсального знания, которое проверяется в олимпиадных комплексах заданий, позволяют овладеть предметными компетенциями, а также умениями решать прикладные задачи с незадаанным контекстом, как научные уравнения

с большим числом неизвестных. Россия находится на пороге создания новой парадигмы суверенного образовательного пространства, где человек-творец находится в центре модели, что и обуславливает *актуальность* нашего исследования. Уже запущены экспериментальные программы возрождения специалитета в некоторых российских вузах, что говорит о переосмыслении проверенных временем отечественных концептуальных образовательных систем. Однако все чаще российские ученые критикуют современную школу, отмечая низкий уровень метапредметных компетенций потенциальных абитуриентов. Подводя итоги внедрения тестов в отечественную систему государственной итоговой аттестации, академик Г.А. Бордовский отмечает следующее: «система ЕГЭ практически сделала бессмысленной профориентационную работу со школьниками, благодаря которой вузы не просто делали набор первокурсников, а старались найти “своего” абитуриента, который осознанно выбирал тот или иной вуз, ту или иную специальность» [1. С. 16].

Исторически сложилось, что связующим звеном между университетом и массовой школой выступали предметные олимпиады. В советском образовании осознанное обращение к олимпиадам как к соревновательным практикам интеллектуального характера происходило в период 1930-х гг. Столичные городские конкурсы и математические олимпиады дали толчок конкурсному движению, первые ростки которого мы можем наблюдать еще в царской России XIX в. – уже тогда проводились академические испытания, которые предполагали выявление победителей. Размышляя о судьбе высшего образования, хочется отметить переплетенность *идеи университета* (Ньюмен, Ясперс) и конкурсного движения. Поступить в учреждение высшей школы, стать студентом – автоматически означает выдержать конкурс, набрать нужное количество баллов при отборе. Концепт любых академических испытаний предполагает, что будут победители и проигравшие – первые смогут решить задачи, последние не справятся со стрессовой ситуацией или просто не будут обладать нужными знаниями и компетенциями. Олимпиаду от экзамена отличает творческая направленность заданий и отсутствие заранее четко определенного формата и структуры измерительных материалов. Таким образом, конкурсанты вынуждены действовать в условиях, максимально приближенных к жизненным, пробираясь наощупь, адаптируя усвоенные

знания и применяя подходящие методы из различных дисциплин, демонстрируя метапредметные навыки. Можно утверждать, что участие в предметных олимпиадах закаляет характер, прививает стрессоустойчивость к интеллектуальным нагрузкам, помогает формировать латеральное мышление (Эдвард де Боно). Победы и поражения чередуют друг друга, нерешенные задачи и рефлексия позволяют наметить пути совершенствования, понять лакуны, выработать стратегию дальнейшей подготовки.

Вернемся к мысли о взаимосвязи предметных олимпиад и деятельности университета. Ученые Н.Х. Агаханов и О.Г. Марчукова, рассуждая о вовлеченности школьников в олимпиадное движение, утверждают: «Результаты истекшего десятилетия убедительно показали, что ни мастерство учителя, ни методическая поддержка (большой по объему и вариативности тем материал, представленный на различных интернет-платформах) не привели и не могут привести к требуемому результату (успешности занятий с одаренным ребенком в условиях общеобразовательного класса на уроке), поскольку сама форма классно-урочной системы массовой школы не адекватна содержанию адресной подготовки способного ученика» [2. С. 10]. Таким образом, становится понятным, что именно вузы играют роль значимых акторов, двигающих олимпиадное движение вперед, обеспечивая переход обучающихся от школьного кабинета к вузовской лаборатории.

В мировой педагогике принято выделять школьные и студенческие олимпиады, уже из их названия мы понимаем целевую аудиторию конкурсов. Однако будет неверным считать школьные предметные олимпиады педагогическим феноменом, который функционирует исключительно на уровне средней школы. Данное заблуждение приводит к непониманию исключительной значимости университета в концептуальной разработке и реализации отечественного олимпиадного движения, что и обуславливает цель нашего исследования – уточнить роль высшей школы как одного из акторов реализации олимпиадных практик на примере деятельности МГИМО.

Материалы и методы

В данном исследовании предметные олимпиады рассматриваются как полифункциональное педагогическое средство реализации творческого потенциала обучающихся с точки зрения культурологического подхода. Образование понимается как освоение культуры и социального опыта, при этом высшей целью развития человека является как раз продуцирование собственного творчества, которое может принимать формы научного или научно-технического характера в академической среде.

Опытно-экспериментальная работа была организована с опорой на авторскую педагогическую концепцию реализации предметных олимпиад [3]. В исследовании использовались теоретические методы, такие как изучение и анализ научно-методической литературы по теме, категоризация, обобщение, дедукция и

индукция. Среди эмпирических методов – статистический мониторинг, анализ сайтов.

Обзор литературы

Культурологический смысл исторического значения школьных предметных олимпиад видится в следующем: «Переход к информационному обществу требует... интенсификации усвоения новых знаний, здоровой интеллектуальной конкуренции между школьниками. Решить эти задачи позволяет проверенное историческим опытом олимпиадное движение, которое обеспечивает особую творческую атмосферу в детско-юношеской и молодежной среде, создает условия для дальнейшего профессионального роста школьников, их перехода от обучения к научной деятельности» [4. С. 56]. Интеллектуальные состязания рассматриваются в современной отечественной педагогике с различных точек зрения. Так, указывается их значимость как средство поиска талантливой молодежи [5], равно как и воспитания личности [6]. Некоторые ученые говорят о функционировании системы олимпиад в качестве альтернативы школьным экзаменам [7], с целью самоактуализации субъекта обучения [8] и развития их творческого потенциала [9]. Определенный пласт исследований посвящен роли олимпиад в практиках улучшения качества образования [10]. Позитивное влияние школьных предметных олимпиад на развитие образования и системы обучения в стране выразилось: 1) в интенсивном расширении их функций: от узкой предметности к укреплению функциональной целостности процесса обучения (обеспечение взаимосвязи функций – образовательной, воспитательной, развивающей); 2) в масштабе их проведения – от школьных предметных к вузовским профессиональным олимпиадам; 3) в этапах (от муниципальных олимпиад к региональным и всероссийским); 4) в распространении школьных предметных олимпиад в геополитических границах (от всероссийских к международным).

В настоящее время система международных олимпиад школьников включает более 20 видов олимпиад по различным предметам, при этом существуют отдельные межгосударственные конкурсы, например Азиатские, Нордические, Пан-Африканские, Иbero-американские, Североамериканские олимпиады и т.д. Различные международные олимпиады независимы друг от друга. Отбор на каждую из них в странах тоже проходит без вмешательства оргкомитетов интернациональных состязаний. Несмотря на то, что олимпиада проводится для школьников, уровень задач на всех международных конкурсах очень высокий. Многие страны проводят у себя национальные олимпиады [11, 12], которые обычно являются самыми массовыми академическими конкурсами в национальной образовательной системе. Олимпиады функционируют как для увлечения школьников занятиями наукой на базе государственных учреждений [13–15], так и для отбора команды на международную олимпиаду, которая служит мерилем национального успеха в науке и образовании [16–18].

Изучение вопросов проведения предметных олимпиад показало определенные тенденции в их освещении. Следует отметить попытки концептуально-методических решений, направленных на совершенствование школьных предметных олимпиад, например: концептуальные основы проведения всероссийской олимпиады школьников по культуре и искусству в рамках учебного предмета «мировая художественная культура» [19], принципы создания творческих заданий по литературе [20], критерии оценки олимпиадных заданий [21], методологические основы и практические аспекты организации олимпиадных проектов [22].

Следует выделить общую предметно-методическую направленность в исследованиях, посвященных предметным олимпиадам [23]. Так, изучаются современные тенденции в подготовке школьников к математическим олимпиадам [24]; методика и специфика составления заданий очного этапа олимпиад по биологии и химии для школьников [25, 26], по физике [27]; эта же особенность характерна для предметных олимпиад по иностранному языку [28–30], по русскому языку [31–33], информатике [34], технологии [35], ОБЖ [36], МХК [37] – для разных этапов проводимых олимпиад.

Отмечено влияние предметных олимпиад на успешность освоения современных информационных и цифровых технологий в области инженерных специальностей и техники [38]. Ряд работ посвящены исследованию возможностей олимпиад в развитии одаренности [39], творческого потенциала личности, критического мышления [40]. Интенсивность и разносторонность публикаций о школьных олимпиадах в журналах – федеральных и региональных, в сборниках материалов научно-практических конференций, в методических разработках отражает массовость и популярность творческих конкурсов и олимпиад.

Анализ публикаций о предметных олимпиадах привел нас к выводу о том, что при тщательном и разностороннем освещении содержания, результатов и проблем остаются вопросы, не получившие системного решения, среди которых остро на повестке дня стоит уточнение *значимости роли университета* в реализации предметных олимпиад. Также отметим, что большинство ученых, пишущих на тему олимпиадного движения, являются представителями российских университетов, а не школ. Нами осуществлен анализ данного педагогического феномена, и была опубликована серия статей на тему функционирования олимпиадного движения, в том числе уточнялись точки соприкосновения школы и вуза [41] при реализации предметных олимпиад. В данном исследовании мы уточняем роль высшей школы, затрагивая аспекты проведения студенческих олимпиад, при этом демонстрируя практическую деятельность отдельного взятого университета.

Олимпиады как фактор развития творческого потенциала

Возрождение российской науки и технологий справедливо связывают с необходимостью повышения

уровня образования как школьного, так и высшего. Гуманизация и гуманитаризация ставят человека в центр обучения и воспитания, воспринимая его как творца и потребителя культуры в единой парадигме. Однако вызовы современного глобального общества несут в себе угрозы отечественным традициям – деструктивное влияние цифрового сознания и клипового мышления подростков, разлагающие личность, чуждые ценности и морально-нравственные установки разрушают целостность образования, – осваивая предметные знания, школьники и студенты не всегда выходят за границы репродуктивного знания. Исследовательская грамотность и функциональная с трудом прививаются в общеобразовательной школе, даже в продвинутых регионах успешная сдача ЕГЭ может стать невыполнимой задачей для некоторых ребят. Отчасти среди причин спада успеваемости отдельно взятых школ можно винить и саму систему государственной аттестации – тесты, по сравнению с развернутыми ответами, не заставляют учащихся излагать свои мысли на бумаге или вслух в нужном объеме, а школьные учителя не уделяют должного внимания развитию креативного мышления, концентрируясь на подготовке к ЕГЭ, ОГЭ, ВПР путем «натаскивания» на формат. Из экзаменов уходит творческий компонент – и если раньше вузы могли напрямую формировать портрет абитуриента через систему вступительных испытаний, на современном этапе баллы ЕГЭ являются определяющим фактором в борьбе за места на образовательные программы в высшей школе. Альтернативой становится совокупность предметных олимпиад, которые проводятся для школьников под патронажем профильных министерств. Положительные стороны данного феномена налицо: во-первых, олимпиадное движение является социальным лифтом поступления в лучшие вузы страны, во-вторых – творческая направленность олимпиадных заданий, рассматриваемая через призму массовости и популярности интеллектуальных состязаний, позволяет говорить о компенсации недостатка творческих компетенций, которые формируются именно в школе. Олимпиады выполняют оценочные функции контроля знаний, умений, компетенций школьников, позволяя дипломантам занимать заслуженные места в университете. Исследователи студенческих олимпиад и творческих конкурсов нередко отмечают преемственность в системе соревнований – школьники, попавшие в академическую атмосферу вуза при помощи диплома интеллектуального состязания, не прекращают принимать участие в олимпиадном движении, равно как и погружаясь в научную и исследовательскую деятельность на самом серьезном уровне [4, 6].

Обращаясь к истории олимпиадного движения в Российской Федерации как независимом государстве, правопреемнике СССР, отметим сложившийся плюрализм направлений и многовекторность олимпиадного движения. В советские годы точные и естественнонаучные дисциплины превалировали среди программы конкурсных мероприятий, однако с 1991 г. и гуманитарное направление получает заслуженное

внимание государства. Такие предметы, как литература, родной и иностранные языки, мировая художественная культура, история, обществознание, право и др., входят в число предметов всероссийской олимпиады школьников.

В 2007 г. начинает функционировать система государственной аттестации школьников по единой технологии тестирования – на арене российского образования появляются ЕГЭ. И при запуске системы, и в последующие годы многие университеты заявляли о своих сомнениях о пригодности и целесообразности подобного унифицированного тестирования для отбора абитуриентов, которые могли бы обучаться в селективных вузах, со своими традициями, атмосферой академического соперничества и повышенными требованиями к студентам. Так, существует точка зрения: «накопленные за время существования ЕГЭ эмпирические данные позволяют утверждать, что экзаменационные задания в формате ЕГЭ (особенно его тестовая часть) эф-

фективно выделяют только ту группу школьников, которые не готовы к решению сложных... задач. То есть, отсекая абитуриентов, неготовых к обучению в статусном вузе, ЕГЭ, тем не менее, не выделяет искомую группу школьников, способных к творческим преобразованиям в решениях и могущих успешно учиться в таком университете» [2. С. 10].

Олимпиадное движение в стенах МГИМО

В МГИМО многие годы проводились дополнительные вступительные испытания (ДВИ), уровень которых позволял ставить высокую планку, в особенности по иностранному языку. Альтернативой ДВИ выступают олимпиады и творческие конкурсы – как ВСОШ, так и «перечневые» проекты, которые получают одобрение Российского совета олимпиад школьников.

Рассмотрим более детально участие МГИМО в отечественном олимпиадном движении (рис. 1).

Рис. 1. Участие МГИМО в олимпиадном движении школьников и студентов

1. Разработка теоретических основ проведения состязаний, заданий и критериев; рефлексия, участие в проверке работ конкурсантов ВСОШ, организация курсов повышения квалификации для школьных учителей.

Профессорско-преподавательский состав университета привлекается к реализации всероссийской олимпиады школьников по различным дисциплинам как в качестве авторов заданий и критериального аппарата, так и экспертов жюри. В партнерстве с Центром педагогического мастерства проводятся курсы для педагогов, которые работают в российских школах (история, право, обществознание). На базе МГИМО организуются семинары, вебинары, конференции, посвященные сотрудничеству школы и университета. Так, в 2022 г. прошла Первая всероссийская конференция «Образовательная инициатива: школа будущего»

schooloffuture. education, на различных секциях которой обсуждались вопросы развития отечественного олимпиадного движения, с участием представителей МГУ, ВШЭ, других крупных вузов. На пленарном заседании, где обсуждались в целом вопросы интеграции общего и профессионального образования, выступали ректор МГИМО академик А.В. Торкунов и министр просвещения России С.С. Кравцов, представитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки А.А. Музаев, представители Министерства образования Московской области и Департамента образования и науки города Москвы.

2. Разработка и реализация вузовских перечневых олимпиад.

На базе университета проходят вузовские творческие конкурсы и олимпиады, например Олимпиада МГИМО МИД России для школьников проводится в

партнерстве с изданием Правительства РФ – ФГБУ «Редакция “Российской газеты”» и является междисциплинарным проектом по профилю «Гуманитарные и социальные науки» (olymp.mgimo.ru). За годы существования проекта более 30 тысяч школьников попробовали свои силы в данном интеллектуальном испытании. Телевизионная гуманитарная олимпиада школьников «Умницы и умники» проводится с 1991 г., в 2022/2023 учебном году проходит ее XXXI сезон. Гостями редакции были знаковые личности для нашей страны – политики, ученые; передача выходит в эфире Первого канала. Совместно с МГУ также проводится олимпиада школьников «Ломоносов» по географии. Данные проекты входят в Перечень РСОШ, поэтому дипломанты имеют определенные академические льготы.

3. Довузовская подготовка школьников: олимпиадные курсы.

Помимо организации конкурсных практик, преподаватели университета активно участвуют и в подготовке школьников в роли олимпиадных тренеров – существуют курсы олимпиадной направленности как на базе МГИМО, так и в партнерстве с другими образовательными организациями.

4. Организация международных олимпиад для абитуриентов.

Международная школьная олимпиада МГИМО для иностранных граждан является творческим конкурсом, который проводится для абитуриентов из зарубежных стран (int-olymp-mgimo.ru). Целевая аудитория проекта – выпускники школ из таких государств, как Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан. Победители олимпиады имеют право льготного зачисления на образовательные программы бакалавриата в университете.

5. Организация олимпиад для студентов.

На базе университета проводятся академические конкурсы для студентов различных вузов, например, – Московская межвузовская студенческая олимпиада по испанскому языку в МГИМО, Олимпиада по английскому языку имени А.С. Грибоедова для студентов четвертых курсов бакалавриата. Данные проекты привлекают внимание студенческой молодежи из разных регионов России, помимо сертификатов и памятных призов дипломанты получают баллы в портфолио для поступления в МГИМО на программы магистратуры.

6. Подготовка студентов к межвузовским студенческим олимпиадам.

В России уже несколько лет проводится студенческая олимпиада «Я – профессионал» по различным дисциплинам, заключительный этап которой в 2022 г. собрал более 39 тыс. участников (yandex.ru/profi). Дипломанты данного интеллектуального испытания, помимо академических льгот, могут рассчитывать на денежные премии до 300 тысяч рублей и стажировки в крупных российских компаниях по выбранному треку. Среди организаторов олимпиады – крупнейшие вузы России, такие как ВШЭ, ИТМО, ДВФУ, МФТИ, КФУ, ТГУ и др. Ключевые партнеры мероприятия – представители российских бизнес-структур, среди которых Росатом, ВТБ, Яндекс, Сбербанк, Норникель и др. В

МГИМО зарождается традиция подготовки студентов к участию в данной олимпиаде (завоеваны 4 золотые медали в 2022 г.), хотя многое еще предстоит осмыслить и сделать в данном направлении для успешной конкуренции.

Студенческое олимпиадное движение

Рассмотрим более подробно особенности данного академического состязания. Ежегодная Всероссийская олимпиада для студентов разных направлений подготовки (технических, гуманитарных, естественно-научных, педагогических, аграрных и медицинских) «Я – профессионал» была проведена в 2022/2023 учебном году в шестой раз, с общим количеством регистраций более 650 тыс. Данное интеллектуальное состязание привлекает внимание студентов из всех регионов России, его результаты учитываются вузами для поступления на программы магистратуры, ординатуры, и аспирантуры. Только в Москве приемные комиссии более 20 университетов принимают во внимание дипломы успешных участников. Статистические данные, которые мы анализируем ниже, были размещены на официальном сайте олимпиады (<https://yandex.ru/profi/>).

По итогам медального рейтинга вузов по завершению 2022/2023 учебного года первые 3 позиции занимают московские университеты, в совокупности ими завоевано более 100 медалей. Тем не менее другие регионы также ярко показывают себя в итоговом общем зачете.

Таблица 1

Распределение медалей и дипломов по регионам

Позиция	Регион	Медали	Дипломы
1	Москва	278	1 616
2	Санкт-Петербург	104	669
3	Новосибирская область	20	150
4	Свердловская область	20	135
5	Республика Татарстан	19	120
6	Приморский край	17	108
7	Томская область	16	141
8	Тюменская область	7	62
9	Красноярский край	7	54
10	Республика Башкортостан	7	36

Безусловно, данная таблица показывает явное лидерство академических кластеров Москвы и Санкт-Петербурга в абсолютных цифрах. Тем не менее ряд региональных вузов также отличились, так, Дальневосточный федеральный университет и Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина подготовили каждый по 16 медалистов и оказались в десятке лучших в стране.

Однако, обращаясь к конкретным результатам по отдельным направлениям, мы увидим многочисленные примеры личных побед региональных студентов. Например, по «Лингвистике» золотой медалист категории «Бакалавриат» – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; по «Дизайну» – Воронежский

государственный технический университет; по «Журналистике» – Дальневосточный федеральный университет;

по «Менеджменту» – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Таблица 2

Медальный рейтинг вузов

Позиция	Вуз	Золото	Всего медалей
1	Московский физико-технический институт	17	41
2	Высшая школа экономики	11	58
3	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	10	43
4	Национальный исследовательский университет ИТМО	8	22
5	Дальневосточный федеральный университет	8	16
6	Санкт-Петербургский государственный университет	7	26
7	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	6	28
8	Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина	5	16
9	Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана	4	14
10	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	4	14

Таким образом, несмотря на явное количественное преимущество представителей студенчества Москвы и Санкт-Петербурга, в личном зачете наблюдается широкая география победителей, что говорит о популярности олимпиадного движения во всей стране.

Негативные стороны массовости школьных интеллектуальных состязаний

Несмотря на все плюсы развития системы творческих конкурсов в отечественном образовании, следует подчеркнуть и негативные аспекты существования данного педагогического феномена. В фокусе нашего внимания оказались следующие из них:

1. *Однбокость научных и исследовательских интересов.*

Университет, реализуя программы подготовки по гуманитарным и социальным наукам, не может оставаться в рамках одной дисциплины, что часто вызывает у олимпиадников проблемы успеваемости. Например, в МГИМО большое внимание уделяется иностранным языкам, в частности, английскому. Первокурсники, которые знают язык на уровне 60–80 баллов ЕГЭ, с большим трудом справляются с нагрузкой.

2. *Коммерциализация подготовки.* В образовательной сфере появляются многочисленные учреждения

дополнительного образования, которые стремятся извлечь финансовую выгоду из олимпиадного марафона, размещая недобросовестную рекламу. Качественные образовательные продукты нередко оказываются дорогими, что обуславливает преимущество школьников из обеспеченных семей. Денежные поощрения отдельных регионов также являются причинами социальной напряженности между командами школьников.

3. *Академическая нечестность.* Желание победить любой ценой и получить диплом олимпиады провоцирует участников олимпиадного движения на нечестные практики, которые могут быть остановлены только обеспечением строгого контроля как за секретностью материалов, так и за прозрачностью проведения конкурсных этапов.

4. *Снижение количества бюджетных мест, доступных для абитуриентов на конкурсной основе.* Призеры и победители Всероссийской олимпиады школьников, равно как дипломанты перечневых олимпиад и творческих конкурсов, имеют право на академические льготы, соответственно, их зачисление на профильные факультеты происходит вне конкурса. Обратимся к статистике деятельности приемных комиссий МГИМО за 2019–2023 гг. с целью проследить количество бюджетных мест, которые занимают победители и призеры ВСОШ. Данная информация доступна на официальном сайте приемной комиссии университета <https://abiturient.mgimo.ru/>.

Таблица 3

Конкурсная ситуация в МГИМО (бюджет)

Год приема	Всего заявлений	Количество мест	ВСОШ	Конкурс (человек на место)
2019	12 100	436	106	36,35
2020	13 900	450	132	43,3
2021	12 753	440	106	37,87
2022	8 967	456	90	24,25
2023	11 706	468	212	44,90

Отметим, что при подсчете конкурса из количества мест вычитается количество абитуриентов, поступающих без экзаменов (дипломанты Всероссийской олимпиады школьников). Несмотря на то что данная статистика достаточно красноречива, еще ярче проявляется несовершенство системы при точечном анализе. Так, в 2023 г. на факультете управления и политики было выделено 25 бюджетных мест, на которые претендовали 32 абитуриента. Вуз не вправе отказать школьникам с дипломом олимпиады, поэтому квота расширилась, но

конкурс как таковой в итоге не состоялся. Выпускники, поступающие с сертификатами ЕГЭ, по сути не были допущены к бюджетным местам. Данная статистика показывает только призеров и победителей ВСОШ, которые поступают по профилю. Глубинный анализ портфолио абитуриентов, которые принимают участие в конкурсе на общих основаниях, показывает среди зачисленных школьников дипломантов перечневых олимпиад, а также дипломантов ВСОШ, которые поступают не по профильному предмету.

Таблица 4

Количество бюджетных мест, которые заняли дипломанты ВСОШ

Год	Факультет международных отношений, «Зарубежное регионоведение»	Факультет международной журналистики, «Международная журналистика»	Международно-правовой факультет, «Международно-правовая» программа
2019	14 из 84	2 из 29	24 из 62
2020	25 из 89	16 из 29	30 из 73
2021	14 из 90	8 из 29	15 из 79
2022	17 из 84	4 из 29	17 из 79
2023	42 из 84	9 из 29	25 из 78

Учитывая определенное квотирование (целевой набор, социальные и иные льготы), количество мест для традиционного конкурса уменьшается кратно. Настоящая система допуска абитуриентов-олимпиадников нуждается в переосмыслении и реформировании, о чем уже громко заявляют представители родительской общественности. Вузы также оказываются в невыгодной позиции, не имея возможности определять портрет абитуриента, будучи обязанными доверять оценочным процедурам предметных олимпиад. Немаловажно, что отсутствие каких-либо лимитов мест для олимпиадников не позволяет высшей школе планировать распределение потоков конкурсных мест.

Заключение

Отечественное олимпиадное движение функционирует на нескольких уровнях, реализуя практики интеллектуальных соревнований для школьников и студентов, при этом основным актором в сфере разработки заданий и критериально-оценочного аппарата является университет. Цель олимпиадного движения – поиск талантов по всей стране, с предоставлением социального лифта особо отличившимся. Лучшие школьники получают право на бюджетное место в топовых университетах, лучшие студенты – стажировки в крупных компаниях и академические льготы для дальнейшего обучения.

Школьные предметные олимпиады создаются для старшеклассников на базе адаптированных материалов, связанных с современными научными достижениями. Студенческие олимпиады в основном носят прикладной характер, – решая такие задания, конкурсанты погружаются в специфику выбранной ими профессии, оттачивают навыки и умения решения конкретных задач бизнеса, управления, научных структур. Среди особенностей олимпиадных комплектов – творческая направленность и неопределенность условий, новизна форматов и межпредметный характер поставленных

вопросов, что и обуславливает востребованность подобных академических мероприятий для становления специалиста и профессионала. Таким образом, *школьные* олимпиады готовят молодежь к обучению в университете, а *студенческие* интеллектуальные состязания актуализируют предметные и творческие компетенции молодых специалистов, которым предстоит создавать будущее нашей страны.

Отметим, что острая конкурентная среда олимпиадного движения помогает мотивировать участников развиваться и двигаться дальше, несмотря на локальные неудачи и поражения. Рефлексия и самоанализ являются обязательными атрибутами олимпиадной подготовки как в школе, так и в вузе. Современные олимпиады постоянно усложняются, часто принимают формы междисциплинарных конкурсов, воспитывая не только эрудитов-теоретиков, но и практиков, которые способны производить авторские продукты научного и научно-технического творчества. Профилем МГИМО как академической площадки являются социальные и гуманитарные науки, однако университет постоянно развивается, совершенствуя уже действующие образовательные программы и запуская принципиально новые, и активное участие в олимпиадном движении является важным фактором роста научной мысли университета. Тем не менее выявлены и негативные аспекты повышения массовости и популярности интеллектуальных состязаний, среди которых выделим ярко выраженную тенденцию снижения традиционного конкурса баллов ЕГЭ – таким образом, дискредитируется система государственной аттестации, школьники не могут полагаться на выпускные экзамены как надежный инструмент поступления в вузы.

В данном исследовании выявлена активная роль МГИМО в становлении и развитии отечественного олимпиадного движения. На площадке вуза ведется работа по созданию олимпиадных комплектов заданий и подготовке школьников и студентов к участию в конкурсах, профессорско-преподавательский состав принимает деятельное участие в проверке работ

конкурсантов, делится методическим опытом со школьными учителями. Теоретическая значимость преломляется в уточнении комплексного характера участия университета в олимпиадном движении. На практическом уровне результаты исследования могут

применяться различными образовательными учреждениями в осмыслении и анализе их собственной модели, а также для дальнейших теоретических исследований феномена реализации предметных олимпиад во взаимосвязи вуза и школы.

Примечание

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz3e4G1AQGt> (дата обращения: 22.07.2023).

Список источников

1. Бордовский Г.А. Проблемы и задачи высшего педагогического образования на современном этапе развития страны // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 6. С. 9–18. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-9-18
2. Агаханов Н.Х., Марчукова О.Г. О модели работы с математически одаренными школьниками // Continuum. Математика. Информатика. Образование. 2022. № 2 (26). С. 8–21. doi: 10.24888/2500-1957-2022-2-8-21. EDN: OTTNVT
3. Гулов А.П. Предметные олимпиады в России и за рубежом: культурологический подход. М. : КДУ; Добросвет, 2023. 122 с. doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1299-0-2023-122
4. Абдусамедов Г.А. Олимпиадное движение школьников в России: достижения и проблемы (конец XX – начало XXI вв.) // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 5 (35). С. 55–57. EDN: SEPKNJ
5. Уцын Г.Е., Гришаева Н.Ю. Олимпиада для школьников – основа выявления талантов // Современное образование: интеграция образования, науки, бизнеса и власти : материалы междунар. науч.-методич. конф. : в 2 ч. Томск, 27–28 января 2022 г. Ч. 2. Томск : Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2022. С. 67–70. EDN: DJGYES
6. Гревцева Г.Я., Циулина М.В. Педагогическая олимпиада как средство развития творческого потенциала личности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 33–39. EDN: UKKSER
7. Карпов В.Г., Каракулев Ю.А. Методические проблемы современного образовательного процесса предметные олимпиады как альтернативный вариант вступительных испытаний // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного института точной механики и оптики (технического университета). 2003. № 11. С. 201–204. EDN: PAENHF
8. Зайцева С.А., Смирнов В.А. Олимпиадное движение как средство профессиональной самоактуализации студентов // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Педагогические и психологические науки. 2021. № 47 (66). С. 84–96. EDN: IUZFNC
9. Алексашина И.Ю., Муштавинская И.В. Инновации в системе оценки качества образования: от метапредметных результатов образовательной деятельности к функциональности грамотности школьников // Педагогическая наука и практика. 2021. № 3 (33). С. 64–70. EDN: APDPYU
10. Никитин Д.И., Николаева В.В., Соколова Е.И. Актуальные проблемы объективности оценивания олимпиадных работ участников Всероссийской олимпиады школьников и пути их преодоления // Эффективные практики оценки качества образования. 2020. № 1 (9). С. 18–23. EDN: FDLBAU
11. Calonge A., Fesharaki O., Carrillo López M.D. Spanish geology olympiad winners: What they think about their geology learning and the olympics experience? A prospective study // Episodes. 2022. Vol. 45, № 3. P. 299–308. doi: 10.18814/epiugs/2021/021027
12. Elgrably H., Leikin R. Creativity as a function of problem-solving expertise: Posing new problems through investigations // ZDM Mathematics Education. 2021. Vol. 53, № 4. P. 891–904. doi: 10.1007/s11858-021-01228-3
13. Love T.S., Hughes A.J. Engineering pedagogical content knowledge: examining correlations with formal and informal preparation experiences // IJ STEM Ed. 2022. Vol. 9, № 29. P. 132–137. doi: 10.1186/s40594-022-00345-z
14. Nieto-Said J.H., Sánchez-Lamonedá R. A curriculum for mathematical competitions // ZDM Mathematics Education. 2022. Vol. 54, № 5. P. 1043–1057. doi: 10.1007/s11858-022-01389-9
15. Saul M. Russian influences on American mathematics education after 1991: historical roots of changes in extracurricular programs // ZDM Mathematics Education. 2021. Vol. 53, № 7. P. 1605–1616. doi: 10.1007/s11858-021-01293-8
16. Soifer A. The Soifer (formerly Colorado) Mathematical Olympiad, why it was founded, bridge between its problems and mathematics, and lives of its winners: an essay // ZDM Mathematics Education. 2022. Vol. 54, № 7. P. 1115–1130. doi: 10.1007/s11858-021-01320-8
17. Shulruf B. Do extra-curricular activities in schools improve educational outcomes? A critical review and meta-analysis of the literature // International Review of Education. 2010. Vol. 56, № 5–6. P. 591–612. doi: 10.1007/s11159-010-9180-x
18. Hallström J. Embodying the past, designing the future: Technological determinism reconsidered in technology education // International Journal of Technology and Design Education. 2020. Vol. 28, № 1. P. 1–15. doi: 10.1007/s10798-020-09600-2
19. Рябова С.В., Искужина Н.Г. Проблема повышения эффективности подготовки одаренных школьников к всероссийской олимпиаде по искусству (МХК) на примере республики Башкортостан // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 2. С. 45–61. doi: 10.21510/1817-3292-2021-92-2-45-61. EDN: EPIZOW
20. Иванова Т.А. Из опыта проведения региональной олимпиады школьников по родным языкам и литературе коренных малочисленных народов севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Нижневартовский филологический вестник. 2022. № 1. С. 30–42. doi: 10.36906/2500-1795/22-1/03. EDN: WQEASM
21. Сказочкина Т.В. Принципы и методы выявления одаренности детей (в области иностранных языков) // Тестология. 2022. № 4 (16). С. 131–147. EDN: EFOHPD
22. Максимчик О.А. Практические рекомендации по составлению заданий Всероссийской олимпиады школьников по английскому языку (на примере муниципального этапа в Самарской области) // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 2 (31). С. 258–265. doi: 10.17816/snv202308
23. Макарова О.В., Бекиш О.С. Конкурсный урок на олимпиаде как средство совершенствования методической компетентности будущего учителя начальных классов // Герценовские чтения. Начальное образование. 2022. Т. 13, № 2. С. 122–131. EDN: ZUUSZA
24. Агаханов Н.Х., Марчукова О.Г., Подлипский О.К. О современных тенденциях в подготовке школьников к математическим олимпиадам // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 266–284. doi: 10.17323/1814-9545-2021-4-266-284. EDN: SKAUXH
25. Астанин С.С., Звонарева Е.А., Корецкая И.И. Методика и специфика составления заданий очного этапа олимпиад по биологии и химии для школьников // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 428–433. doi: 10.25683/VOLBI.2022.60.366. EDN: TAWGFX
26. Полупаненко Е.Г. Развитие содержательного компонента школьных химических олимпиад в советский период // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 4. Биология. Медицина. Химия. 2022. № 1 (75). С. 81–89. EDN: GISUIF

27. Нестеров В.П. Диагностика способностей обучающихся, одаренных в области физики, для построения индивидуальных образовательных траекторий // Физика в школе. 2022. № 7. С. 14–18. doi: 10.47639/0130-5522_2022_7_14. EDN: LRSMVM
28. Бажанов А.Е. Готовимся к олимпиадам по немецкому языку // Иностранные языки в школе. 2020. № 1. С. 64–70. EDN: QYGZQQ
29. Пянова М.В., Золотухина И.Г., Григорян Р.А. Эволюция тестовых заданий для Олимпиады по английскому языку и базовые критерии оценки работ // Педагогическое мастерство и педагогические технологии. 2016. № 4 (10). С. 89–94. EDN: XDZUKD
30. Канунникова Н.В., Лебеденко О.Н. Технология подготовки обучающихся к разделу «Говорение» студенческой межвузовской олимпиады по английскому языку // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2022. № 2 (29). С. 78–82. EDN: TJKVVV
31. Волкова Н.А., Орехова Т.И., Драчева С.И. Анализ результатов регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в Республике Алтай в 2022 году // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 408–411. doi: 10.24412/1991-5497-2022-394-408-411. EDN: MXYEYLE
32. Гребенщиков Ю.Ю., Захарова М.В. Готовимся к олимпиаде по русскому языку: задания лингвистического конкурса // Русский язык и литература. 2022. № 4 (271). С. 45–51. EDN: MDEMAM
33. Гребенщиков Ю.Ю. Использование ресурсов международной цифровой олимпиады по русскому языку «homo dicens» для продвижения культурно-исторического наследия Москвы // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 7. С. 183–187. EDN: WAJJYQ
34. Цветкова М.С., Кирюхин В.М. Модель региональной Сетевой школы олимпийского резерва по информатике // Профильная школа. 2018. Т. 6, № 6. С. 3–24. doi: 10.12737/article_5c07c586f29ba2.89289911. EDN: YROTOX
35. Ершова Е.С., Мартыненко Ю.В. Из опыта подготовки к участию школьников Подмоскovie в региональном и заключительном этапах предметной олимпиады по технологии // Актуальные вопросы и тенденции развития предметной области «Технология»: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 19 ноября 2021 г. М.: ОнтоПринт, 2022. С. 57–63. EDN: KNHBBE
36. Дейкова Т.Н., Овчинникова А.В. Олимпиада по дисциплине безопасность жизнедеятельности как оценочное средство сформированности компетенции // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 11 (125). С. 25–28. doi: 10.23670/IRJ.2022.125.98. EDN: ZWSRFY
37. Наконечная А.Д. Организация и проведение предметных олимпиад как форма воспитания // Будущее науки - 2022 : сб. науч. ст. 10-й Междунар. молодеж. науч. конф., Курск, 21–22 апреля 2022 г. Т. 3. Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2022. С. 146–148. EDN: PHQAQQ
38. Муравьев С.Е., Шишкина А.Ф. Олимпиады технической направленности: мотивация школьников к выбору инженерных образовательных траекторий // Физическое образование в вузах. 2022. Т. 28, № 3. С. 130–147. doi: 10.54965/16093143_2022_28_3_130. EDN: ZZXMJQ
39. Габдулхаков В.Ф. Одаренный школьник и современный учитель: технологии и модели взаимодействия // Народное образование. 2018. № 1–2 (1466). С. 71–75. EDN: YSTFWF
40. Богатырева Е.Н., Лигновская Е.В. Применение технологии развития критического мышления при подготовке курсантов высших военных образовательных организаций высшего образования к олимпиадам по иностранному языку // Педагогическое образование. 2022. Т. 3, № 6. С. 74–77. EDN: EXJFLI
41. Гулов А.П. Роль университета в олимпиадном движении школьников // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 208–223. doi: 10.23859/1994-0637-2023-3-114-17. EDN: DMMRNP

References

1. Bordovsky, G.A. (2023) Problems and Tasks of Higher Pedagogical Education at the Present Stage of Country's Development. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 32 (6). pp. 9–18. (In Russian). doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-9-18
2. Agakhanov, N.Kh. & Marchukova, O.G. (2022) On the model of working with mathematically gifted schoolchildren. *Continuum. Matematika. Informatika. Obrazovanie = Continuum. Maths. Informatics. Education*. 2 (26). pp. 8–21. (In Russian). doi: 10.24888/2500-1957-2022-2-8-21. EDN OTTNVT.
3. Gulov, A.P. (2023) *Predmetnye olimpiady v Rossii i za rubezhom: kul'turologicheskii podkhod* [Subject Olympiads in Russia and abroad: cultural approach]. Moscow: KDU, Dobrosvet. doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1299-0-2023-122
4. Abdusamedov, G.A. (2014) Olympic movement of schoolchildren in Russia: achievements and problems (end of XX-beginning of XXI centuries). *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and business: ways of development*. 35 (5). pp. 55–57. EDN SEPKNJ. (In Russian).
5. Utsyn, G.E. & Grishaeva, N.Yu. (2022) [Olympiad for schoolchildren – the basis for identifying talents]. *Sovremennoe obrazovanie: integratsiya obrazovaniya, nauki, biznesa i vlasti* [Modern education: integration of education, science, business and power]. Tomsk. January 27–28, 2022. Vol. 2. Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics. pp. 67–70. EDN DJGYES. (In Russian).
6. Grevtseva, G.Ya. & Tsiulina, M.V. (2015) Pedagogical Olympiad as a means of developing the creative potential of the individual. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 6. pp. 33–39. EDN UKKSER. (In Russian).
7. Karpov, V.G. & Karakulev, Yu.A. (2003) Methodical problems of the modern educational process subject Olympiads as an alternative version of entrance tests. *Nauchno-tehnicheskii vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta tochnoi mekhaniki i optiki (tekhnicheskogo universiteta)*. 11. pp. 201–204. EDN PAENHF. (In Russian).
8. Zaitseva, S.A. & Smirnov, V.A. (2021) The Olympic movement as a means of professional self-actualization of students. *Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.G. i N.G.Stoletov. Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki = Bulletin of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov. Pedagogical and psychological sciences*. 47 (66). pp. 84–96. EDN IUZFNC. (In Russian).
9. Aleksashina, I.Yu. & Mushtavinskaya, I.V. (2021) Innovations in the system of assessing the quality of education: from meta-subject results of educational activities to the functionality of literacy of schoolchildren. *Pedagogicheskaya nauka i praktika = Pedagogical science and practice*. 33 (3). pp. 64–70. EDN APDPEY. (In Russian).
10. Nikitin, D.I., Nikolaeva, V.V. & Sokolova, E.I. (2020) Topical problems of objectivity of assessment of Olympiad works of participants of the All-Russian Olympiad of schoolchildren and ways to overcome them. *Effektivnye praktiki otsenki kachestva obrazovaniya*. 9 (1). pp. 18–23. EDN FDLBAU. (In Russian).
11. Calonge, A., Fesharaki, O. & Carrillo López, M.D. (2022) Spanish geology olympiad winners: What they think about their geology learning and the olympics experience? A prospective study. *Episodes*. 45 (3). pp. 299–308. doi: 10.18814/epiugs/2021/021027
12. Elgrably, H. & Leikin, R. (2021) Creativity as a function of problem-solving expertise: Posing new problems through investigations. *ZDM - Mathematics Education*. 53 (4). pp. 891–904. doi: 10.1007/s11858-021-01228-3
13. Love, T.S. & Hughes, A.J. (2022) Engineering pedagogical content knowledge: examining correlations with formal and informal preparation experiences. *IJ STEM Ed*. 9 (29). pp. 132–137. doi: 10.1186/s40594-022-00345-z
14. Nieto-Said, J.H. & Sánchez-Lamonedá, R. (2022) A curriculum for mathematical competitions. *ZDM - Mathematics Education*. 54 (5). pp. 1043–1057. doi: 10.1007/s11858-022-01389-9
15. Saul, M. (2021) Russian influences on American mathematics education after 1991: historical roots of changes in extracurricular programs. *ZDM Mathematics Education*. 53 (7). pp. 1605–1616. doi: 10.1007/s11858-021-01293-8
16. Soifer, A. (2022) The Soifer (formerly Colorado) Mathematical Olympiad, why it was founded, bridge between its problems and mathematics, and lives of its winners: an essay. *ZDM Mathematics Education*. 54 (7). pp. 1115–1130. doi: 10.1007/s11858-021-01320-8

17. Shulruf, B. (2010) Do extra-curricular activities in schools improve educational outcomes? A critical review and meta-analysis of the literature. *International Review of Education*. 56 (5–6). pp. 591–612. doi: 10.1007/s11159-010-9180-x
18. Hallström, J. (2020) Embodying the past, designing the future: Technological determinism reconsidered in technology education. *International Journal of Technology and Design Education*. 28 (1). pp. 1–15. doi: 10.1007/s10798-020-09600-2
19. Ryabova, S.V. & Iskuzhina, N.G. (2021) The problem of increasing the efficiency of training gifted schoolchildren for the All-Russian Olympiad in Art on the example of the Republic of Bashkortostan. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana = Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2. pp. 45–61. (In Russian). doi: 10.21510/1817-3292-2021-92-2-45-61. EDN EPIZOW.
20. Ivanova, T.A. (2022) From the experience of holding a regional Olympiad of schoolchildren in the native languages and literature of the indigenous peoples of the north in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra. *Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik. = Nizhnevartovsky Philological Bulletin*. 1. pp. 30–42. (In Russian). doi: 10.36906/2500-1795/22-1/03. EDN WQEASM.
21. Shvazochkina, T.V. (2022) Principles and methods of identifying the giftedness of children (in the field of foreign languages). *Testologiya = Testology*. 16 (4). pp. 131–147. EDN EFOHPD. (In Russian).
22. Maksimchik, O.A. (2020) Practical recommendations for compiling the tasks of the All-Russian Olympiad of schoolchildren in English (using the example of the municipal stage in the Samara region). *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Scientific Bulletin*. 9 (2). pp. 258–265. (In Russian). doi: 10.17816/snv202308
23. Makarova, O.V. & Bekish, O.S. (2022) Competitive lesson at the Olympiad as a means of improving the methodological competence of the future primary school teacher. *Gertsenovskie chteniya. Nachal'noe obrazovanie*. 13 (2). pp. 122–131. EDN ZUUSZA. (In Russian).
24. Agakhanov, N.Kh., Marchukova, O.G. & Podlipsky, O.K. (2021) On modern trends in preparing schoolchildren for mathematical olympiads. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 4. pp. 266–284. (In Russian). doi: 10.17323/1814-9545-2021-4-266-284. EDN SKAUXH.
25. Astanin, S.S., Zvonareva, E.A. & Koretskaya, I.I. (2022) Methodology and specifics of compiling tasks of the full-time stage of Olympiads in biology and chemistry for schoolchildren. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. = Business. Education. Law*. 60 (3). pp. 428–433. (In Russian). doi: 10.25683/VOLBI.2022.60.366. EDN TAWGFX.
26. Polupanenko, E.G. (2022) Development of the substantive component of school chemical Olympiads in the Soviet period. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 4. Biologiya. Meditsina. Khimiya. = Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. Series 4. Biology. Medicine. Chemistry*. 75 (1). pp. 81–89. EDN GISUIF. (In Russian).
27. Nesterov, V.P. (2022) Diagnostics of the abilities of students gifted in the field of physics to build individual educational trajectories. *Fizika v shkole. = Physics at school*. No. 7. pp. 14–18. (In Russian). doi: 10.47639/0130-5522_2022_7_14. EDN LRSMVM.
28. Bazhanov, A.E. (2020) Preparing for Olympiads in German. *Inostrannyye yazyki v shkole. = Foreign languages at school*. 1. pp. 64–70. EDN QYGZQQ. (In Russian).
29. Pyanova, M.V., Zolotukhina, I.G. & Grigoryan, R.A. (2016) Evolution of test tasks for the English Language Olympiad and basic criteria for evaluating works. *Pedagogicheskoe masterstvo i pedagogicheskie tekhnologii*. 10 (4). pp. 89–94. EDN XDZUKD. (In Russian).
30. Kanunnikova, N.V. & Lebedenko, O.N. (2022) Technology for preparing students for the “Speaking” section of the student intercollegiate Olympiad in English. *Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU = Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State University*. 29 (2). pp. 78–82. EDN TJKVVY. (In Russian).
31. Volkova, N.A., Orekhova, T.I. & Dracheva, S.I. (2022) Analysis of the results of the regional stage of the All-Russian Olympiad of schoolchildren in the Russian language in the Altai Republic in 2022. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. = World of Science, Culture, Education*. 94 (3). pp. 408–411. (In Russian). doi: 10.24412/1991-5497-2022-394-408-411. EDN MXYELE.
32. Grebenshchikov, Yu.Yu. & Zakharova, M.V. (2022) Preparing for the Olympiad in the Russian language: tasks of the linguistic competition. *Russkii yazyk i literatura = Russian language and literature*. 4. pp. 45–51. EDN MDEMAM. (In Russian).
33. Grebenshchikov, Yu.Yu. (2022) Using the resources of the international digital Olympiad in the Russian language “homo dicens” to promote the cultural and historical heritage of Moscow. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*. 7. pp. 183–187. EDN WAJJYQ. (In Russian).
34. Tsvetkova, M.S. & Kiryukhin, V.M. (2018) Model of the regional Network School of the Olympic Reserve in Informatics. *Profil'naya shkola = Profile School*. 6 (6). pp. 3–24. (In Russian). doi: 10.12737/article_5c07c586f29ba2.89289911. EDN YROTOX.
35. Ershova, E. S., Martynenko, Yu. V. (2022). [From the experience of preparing for the participation of schoolchildren of the Moscow region in the regional and final stages of the subject Olympiad on technology]. *Aktual'nye voprosy i tendentsii razvitiya predmetnoi oblasti “Tekhnologiya” [Topical issues and trends in the development of the subject area “Technology”]*. Conference Proceedings. Moscow: OntoPrint Limited Liability Company. pp. 57–63. EDN KNHBBE. (In Russian).
36. Deikova, T.N. & Ovchinnikova, A.V. (2022) Olympiad in the discipline of life safety as an evaluation tool for the formation of competence. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. Vol. 125, no. 11. pp. 25–28. doi: 10.23670/IRJ.2022.125.98. EDN ZWSRFY. (In Russian).
37. Nakonechnaya, A.D. (2022) [Organization and holding of subject olympiads as a form of education]. *Budushchee nauki–2022 [The future of science–2022]*. Proceedings of the International Conference. Kursk. 21–22 April 2022. Vol. 3. Kursk: Southwestern State University. pp. 146–148. EDN PHQAQQ. (In Russian).
38. Muravyov, S.E. & Shishkina, A.F. (2022) Technical Olympiad: motivation of schoolchildren to choose engineering educational trajectories. *Fizicheskoe obrazovanie v VUZakh = Physical education in universities*. 28 (3). pp. 130–147. doi: 10.54965/16093143_2022_28_3_130. EDN ZZXMJQ. (In Russian).
39. Gabdulkhakov, V.F. (2018) Gifted schoolboy and modern teacher: technologies and models of interaction. *Narodnoe obrazovanie = Public Education*. 1466 (1–2). pp. 71–75. EDN YSTFWF. (In Russian).
40. Bogatyreva, E.N. & Lignovskaya, E.V. (2022) Application of technology for the development of critical thinking in the preparation of cadets of higher military educational organizations of higher education for Olympiads in a foreign language. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical education*. 3 (6). pp. 74–77. EDN EXJFLI. (In Russian).
41. Gulov, A.P. (2023) The university role in the Olympiad movement of schoolchildren. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University Bulletin*. 3 (114). pp. 208–223. (In Russian). doi: 10.23859/1994-0637-2023-3-114-17

Информация об авторах:

Касаткин П.И. – д-р филос. наук, начальник управления научной политики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: pkas@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1361-6747; Researcher ID: AАН-6819-2019

Гулов А.П. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка № 6 Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: gulov@tea4er.org
ORCID: 0000-0001-7192-5316; Researcher ID: AЕМ-0663-2022

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.I. Kasatkin, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Research Policy Department, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pkas@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1361-6747; Researcher ID: AAH-6819-2019

A.P. Gulov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gulov@tea4er.org

ORCID: 0000-0001-7192-5316; Researcher ID: AEM-0663-2022

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.09.2023;
одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 27.09.2023;
approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 159:378
doi: 10.17223/15617793/495/15

Профессиональная креативность преподавателя иностранного языка и результативность иноязычной подготовки студентов технического вуза

Ирина Владимировна Леушина^{1, 2}, Любовь Игоревна Леушина^{1, 3}

¹ Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

² leushinaiv@yandex.ru

³ kafmto@mail.ru

Аннотация. Выполнена опытно-экспериментальная работа по исследованию креативной компетентности преподавателя иностранного языка технического вуза и ее связи с результатами иноязычной подготовки студентов. Экспериментально установлена устойчивая прямая связь креативной компетентности преподавателя с успешностью обучения студентов. Сформулированы практические рекомендации по формированию и развитию креативной компетентности преподавателя иностранного языка в образовательном пространстве технического вуза.

Ключевые слова: креативность, креативная компетентность, профессиональная креативность, результативность, преподаватель иностранного языка, технический вуз

Для цитирования: Леушина И.В., Леушина Л.И. Профессиональная креативность преподавателя иностранного языка и результативность иноязычной подготовки студентов технического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 160–170. doi: 10.17223/15617793/495/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/15

Professional creativity of a foreign language teacher and the effectiveness of foreign language training for students of a technical university

Irina V. Leushina^{1, 2}, Lubov I. Leushina^{1, 3}

¹ Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev, Nizhny Novgorod, Russian Federation

² leushinaiv@yandex.ru

³ kafmto@mail.ru

Abstract. Modern society places a “social order” on the creative personality of a teacher, who is capable of not only independently setting objectively significant goals and objectives, offering non-standard and effective solutions, but also teaching students how to do this. It is incorrect to discuss the topic of developing a teacher’s creative competence outside the context of developing students’ creative abilities, taking this issue out of the sphere of interests of all participants in the educational process. As a result, it is impossible to talk about a strict algorithm for the formation of a teacher’s creative competence as a sequence of acquisition of professionally important qualities. In this regard, in the context of modern challenges, the presented work examines the problem of developing teacher creativity using the example of a foreign language teacher at a technical university. The basis for the work was the educational and scientific institutes of physical and chemical technologies and materials science, industrial technologies of mechanical engineering and electrical power engineering of Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alexeev (a core federal university). Six teachers of English and German languages and a total of 83 master’s students from various areas of training participated in the work. During the study, the authors searched for information on the topic of work from open sources and carried out experimental work, including planning and performing a series of experiments. In this case, theoretical methods were used (critical analysis, comparison and generalization), empirical methods of collecting and accumulating data (observation, survey), control and measurement (scaling), evaluation (expert assessment), data processing (mathematical, statistical, graphical, tabular MS Excel), as well as studying, summarizing teaching experience and implementing research results into practice. It is shown that creativity is a vital component of the spectrum of professionally important qualities of a modern higher school teacher. The fundamental possibility of a teacher achieving the highest level of creative competence (professional creativity) in the conditions of a “live” educational process has been proven. A stable direct connection between the creative competence of a teacher and the effectiveness of student learning has been experimentally established. The creative competence of a foreign language teacher at a technical university is directly related to the success of students’ foreign language training and changes dynamically under the influence of a number of external and internal, objective and subjective factors. The authors of this article formulated

practical recommendations for the formation and development of the creative competence of a foreign language teacher in the educational space of a technical university.

Keywords: creativity, creative competence, professional creativity, performance, foreign language teacher, technical university

For citation: Leushina, I.V. & Leushina, L.I. (2023) Professional creativity of a foreign language teacher and the effectiveness of foreign language training for students of a technical university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 160–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/15

Введение

В последние несколько десятилетий исследованиям креативности как умения человека отступать от установившихся правил, догм и шаблонов посвящено множество работ. Очевидно, это объясняется всеобщим трендом перехода от рутины к практической реализации творческих способностей конкретного человека в самостоятельном или коллективном «живом» поиске нестандартных, неожиданных, красивых, оригинальных, прогрессивных и эффективных решений проблем во всех отраслях науки, техники и аспектах жизни людей. Важнейшие предпосылки проявления такого тренда обусловлены неумолимым переходом общества к очередному, уже шестому, технологическому укладу и назревшим технологическим прорывом в ключевых направлениях экономики. В меняющихся условиях жизни социума категория «креативность» неизбежно получает новое звучание, новые оттенки, новое содержание и, как следствие, подлежит новому осмыслению.

В этом контексте проблема формирования креативности преподавателя вуза встает с новой силой, приобретает остроту и актуальность. Нет сомнения в том, что креативного выпускника может подготовить только креативный наставник, преподаватель. Поэтому сегодня уже никто не отрицает, что креативность является необходимой составляющей спектра профессионально важных качеств современного преподавателя высшей школы. Только такой преподаватель способен сформировать креативную личность выпускника вуза, максимально готовую к самообразованию, саморазвитию и к эффективной практической реализации полученных знаний, умений, навыков и компетенций [1, 2].

Цель и задачи исследования

Целью исследования стало выявление специфики категории «креативность», а также особенностей формирования креативной компетенции преподавателя и ее практической реализации в образовательном пространстве технического вуза (на примере преподавателя иностранного языка).

Для достижения поставленной цели в работе решались задачи:

- провести информационно-аналитический обзор открытых источников по проблеме;
- выполнить опытно-экспериментальную работу по исследованию креативной компетентности преподавателя иностранного языка технического вуза и ее связи с результатами иноязычной подготовки студентов;

– сформулировать практические рекомендации по формированию креативной компетентности преподавателя иностранного языка в образовательном пространстве технического вуза.

Методология исследования

В ходе исследования авторы провели поиск информации по теме работы из открытых источников и экспериментально-опытную работу, включающую планирование и выполнение серии экспериментов. При этом использовались теоретические методы (критический анализ, сравнение и обобщение), эмпирические методы сбора и накопления данных (наблюдение, опрос), контроля и измерения (шкалирование), оценивания (экспертная оценка), обработки данных (математические, статистические, графические, табличные с использованием программы MS Excel), а также изучение, обобщение педагогического опыта и внедрение результатов исследования в практику [3].

Результаты исследования и их обсуждение

История вопроса и феномен креативности

В Большой психологической энциклопедии креативность (от англ. *creativity*) определяется как уровень творческой одаренности, способности к творчеству, и составляет относительно устойчивую характеристику личности.

Исследованиями креативности занимался Зигмунд Фрейд, который предполагал, что креативность возникает при условии возникновения в психике человека противоречий между его осознанными и неосознанными побуждениями, что, в свою очередь, дает ему возможности для реализации своих скрытых желаний.

Термин «креативность» впервые встречается в еще 1875 г. в работах Джорджа Симпсона, который понимал под ней способность человека отказаться от стандартных способов мышления и принимать нетривиальные решения. Последователь Симпсона, Джой Гилфорд, представил креативность как умение порождать новые идеи, а также навыки, способствующие быстрому решению проблемных ситуаций. Позднее Элис Пол Торренс сформулировал и охарактеризовал основные составляющие креативности [4].

В настоящее время под креативностью подразумевают умение человека отступать от стандартных идей и правил, сочетая интеллект и воображение. Интеллект позволяет человеку думать, анализировать информацию, выстраивать причинно-следственные связи, делать выводы, а воображение – выходить за рамки привычных шаблонов и определять инновационные пути решения проблем.

Формирование креативности неизбежно связано с вопросом о ее соотношении с творчеством. Основным отличием креативности от творчества выступает ее прагматическая компонента. При этом креативность является лишь частью творчества и не заменяет его в полном объеме.

Формирование креативной компетентности педагога

По мнению зарубежных авторов, термин «креативная компетентность педагога» означает в первую очередь его готовность адаптивно применять полученные знания, дополнять систему знаний самостоятельно и стремиться к самосовершенствованию [5–9]. Российские исследователи (Л.Л. Гурова, Е.П. Ильин, А.Н. Поддьяков, В.И. Степанский, С.Ю. Степанов, Е.В. Федосенко, Л.А. Халилова, Д.В. Чернилевский и др.) обоснованно относят креативность – способность к переосмыслению и генерированию новых идей (т.е. творчеству) – к профессионально важным компетенциям преподавателя.

Трансформация российской системы образования в целом и системы высшего образования в частности привела к тому, что педагогическим работникам приходится осуществлять свою педагогическую деятельность в условиях постоянной неопределенности и инновационности, а их креативная компетентность, очевидно, становится все более практически значимой [10, 11]. В этих условиях на первый план выходит вопрос о формировании креативной компетентности педагога.

В динамично меняющемся обществе главными профессиональными качествами, которые педагог должен постоянно демонстрировать обучающимся, становятся готовность к переменам, мобильность, умение учиться, развиваться, способность к нестандартным трудовым действиям, самостоятельность в принятии решений и ответственность. Именно они ассоциируются у авторов данной статьи с креативной компетентностью современного преподавателя.

По мнению ученых [1], креативность в структуре профессиональной компетентности отражает творческие достижения педагога на разных этапах профессиональной деятельности и понимается как способность к созданию новых профессиональных продуктов и высоких результатов деятельности за счет реализации креативных способностей личности.

Несмотря на большое количество работ по теме креативности, среди которых следует выделить труды таких исследователей, как Д.Б. Богоявленская, М. Воллах, Н.М. Гнатко, В.Н. Дружинин, В.И. Загвязинский, М.М. Кашапов, О.А. Козырева, Е.В. Коточигова, Н.В. Кузьмина, Ю.Н. Кулюткин, Л.М. Митина, Г.В. Ожиганова, В.И. Панов, Ю.П. Поваренков, Г.С. Сухобская, Н.Ф. Талызина, Н.В. Хазратова, В.Д. Шадриков и др., креативная компетентность педагога высшей школы, и в особенности процессы ее формирования, по-прежнему исследованы недостаточно глубоко. И все же представляется возможным выделить некоторые положения, не вызывающие споров в научной среде.

Практически все ученые – представители педагогической психологии указывают на творчество как сущность педагогической деятельности, а также констатируют, что

обсуждение темы формирования креативной компетентности педагога некорректно вести вне контекста формирования творческих способностей обучающихся, вырывая этот вопрос из сферы интересов всех участников образовательного процесса. Априори ими признается и тезис о связи механизмов формирования креативной компетентности преподавателя со спецификой уровня образования (общее, среднее, высшее) и статуса образовательного учреждения. Тем не менее все они оставляют открытым важнейший вопрос об алгоритме, технологии формирования креативной компетентности педагога в условиях «живого» образовательного процесса.

Интересна точка зрения авторов [12], которые констатируют факт влияния образовательных парадигм на формирование креативной компетентности преподавателя и утверждают, что как минимум три из них (личностная, культурологическая и компетентностная) стимулируют рождение креатива. Профессиональный портрет преподавателя должен соответствовать ожиданиям обучающегося.

Для студента вуза преподаватель просто обязан быть творческой личностью, детерминантами которой, по мнению А.М. Матюшкина [13, 14], выступают познавательная мотивация, исследовательская творческая активность, возможности достижения оригинальных решений, способность к созданию идеальных эталонов и возможности прогнозирования и предвосхищения. Именно эти детерминанты являются наиболее показательными признаками креативной компетентности преподавателя.

Д.В. Иванов и В.А. Степашкина [15] представляют креативную компетентность как трехкомпонентную структуру, интегральное качество личности преподавателя, включающее систему компетенции учителя, креативность как личностную характеристику и мотивацию на творчество в педагогической деятельности.

Формирование профессиональной компетентности педагога – процесс циклический, он требует постоянного стремления к совершенствованию, приобретению все новых знаний и умений, обогащению деятельности, к профессиональному развитию, зависит от индивидуальных особенностей личности преподавателя, а основной ее источник – обучение и приобретенный опыт [16].

Профессор М.М. Кашапов с сотрудниками утверждает, что креативная компетентность педагога выступает в качестве надпрофессиональной компетентности, которая не может быть привязана узко к той или иной педагогической области, она необходима любому педагогу для обеспечения качества образования и достижения заявленных целей [1]. Высший уровень иерархической структуры профессиональной компетентности педагога – это профессиональное мышление, которое характеризуется способностью «выхода за пределы» ситуации, «открытостью к внешнему миру» и поисковой активностью, «видением непредвиденного», а также надситуативным уровнем обнаружения проблемности. Именно этот уровень соответствует креативной компетентности преподавателя, которая отражает творческие достижения его личности на разных этапах профессиональной (педагогической) деятельности.

В свою очередь Л.А. Халилова рассматривает креативность как структурный компонент педагогического мышления и в этой связи предлагает авторскую систему целенаправленного развития креативной компетентности преподавателей высшей школы [17].

По мнению авторов данной статьи, говорить о жестком алгоритме формирования креативной компетентности педагога как последовательности приобретения им профессионально важных качеств, не совсем корректно, прежде всего по причине очевидной вариативности этого процесса. Тем не менее логичным представляется рассмотрение его в контексте профессиональной деятельности преподавателя. В этой связи обращает на себя внимание структура педагогической деятельности, представленная академиком Б.Т. Лихачевым [18]. В ней выдающийся российский ученый выделяет несколько компонентов:

- знание педагогом потребностей, тенденций общественного развития, основных требований, предъявляемых к человеку (т.е. преподаватель должен ясно представлять, какого человека надо воспитывать для общества);

- знания, умения, навыки, накопленные человеком в области производства, культуры, общественных отношений, которые в обобщенном виде передаются подрастающим поколениям (в результате у преподавателя формируется осознанное отношение к жизни, т.е. мировоззрение);

- собственно педагогические знания, воспитательный опыт, мастерство, интуиция;

- высочайшая гражданская, нравственная, эстетическая, экологическая, технологическая культура ее носителя.

С позиций акмеологии стремление педагога к профессиональному росту и саморазвитию способствует самоактуализации его личности. При этом преподаватель совершенствует собственные гибкость мышления, абно-тивность (способность преподавателя к адекватному восприятию, осмыслению и пониманию креативного студента, способность заметить одаренного обучаемого и оказать необходимую психолого-педагогическую поддержку в процессе актуализации и реализации его творческого потенциала), социальный интеллект (способность понимать и прогнозировать поведение людей в различных жизненных ситуациях, распознавать чувства, намерения и эмоции как по вербальному, так и по невербальному выражению) и эмпатию (умение поставить себя на место другого человека и способность к эмоциональной отзывчивости на его переживания). Таким образом, личностно-профессиональное развитие педагога, под которым в акмеологии, как известно, понимается такой процесс саморазвития личности в профессиональной деятельности и профессиональных взаимодействиях, который ориентирован на высокие достижения и высокий уровень профессионализма [19], неразрывно связано с формированием его креативной компетентности.

Современное общество делает «социальный заказ» на креативную личность преподавателя, способную не только самостоятельно ставить перед собой объективно-значимые цели и задачи, предлагать нестандартные и эффективные решения, но и научить этому студента.

Специфика креативной компетентности преподавателя иностранного языка в техническом вузе

Для образовательного процесса технического вуза прежде всего характерны: четкая профессиональная направленность процесса в целом; субъект-субъектный характер взаимодействия, варьирование ролей и доминирование дивергентного мышления участников; сочетание личностно- и практикоориентированного подходов к подготовке выпускников. Каждый технический вуз предъявляет свои, свойственные именно ему, требования к преподавателю. Особенно рельефно они прослеживаются в ходе обучения студентов так называемым непрофильным учебным дисциплинам, к числу которых традиционно относят иностранный язык.

С одной стороны, иноязычная подготовка студентов технического вуза находится в общем тренде профессионализации образовательного процесса, а с другой стороны, несмотря на признаваемую важность, она существенно больше, чем блок специальных дисциплин, ограничена небольшим временем проведения аудиторных занятий.

На этом фоне особую важность приобретает креативная компетентность преподавателя иностранного языка. Она в первую очередь связана с ясным представлением о портрете выпускника технического вуза, в подготовке которого преподаватель принимает непосредственное участие. В контексте нынешней социально-экономической ситуации с полным основанием можно констатировать: чтобы быть востребованным, выпускник технического вуза должен обладать высоким уровнем креативной компетентности как неотъемлемой черты портрета современного инженера. В этой связи преподаватель обязан знать, что, согласно Элису Полу Торренсу – разработчику одноименного Теста креативности, она складывается из пяти составляющих: беглость (способность генерировать в сжатые сроки большое количество идей и решений); гибкость (способность варьировать разные подходы к анализу и оценке проблемы, а также использовать широкую линейку инструментов для ее решения); оригинальность (умение грамотно формулировать уникальные, нестандартные или совершенно неожиданные идеи и смело отступать от общепринятых шаблонов и стереотипов); разработанность (умение дополнять и развивать сформулированные идеи); сопротивление замыканию, или открытость (готовность к восприятию новой информации). Преподаватель должен стараться соответствовать этим вызовам.

По мнению авторов данной статьи, только по-настоящему креативный преподаватель, пользующийся заслуженным авторитетом у студентов, может обеспечить высокое качество их иноязычной подготовки в частности и профессиональной подготовки в целом. Работа в техническом вузе накладывает на него повышенную ответственность, когда нужно не просто выполнять социальную функцию передачи информации от поколения к поколению, но и подниматься до высшего уровня педагогического мастерства и компетентности в области будущей профессиональной деятельности своих студентов. На первый план при этом выходят субъектность и поликомпетентность преподавателя как одного из ключевых

участников образовательного процесса и его умение выстроить образовательный процесс интересно и полезно для студента, тем самым создавая условия для мотивации к обучению.

Типовыми проблемами, с которыми преподаватель иностранного языка технического вуза вынужден сталкиваться почти постоянно, являются [20]:

- неравномерность уровня начальной языковой подготовки студентов «на входе»;
- низкая мотивация к изучению иностранного языка, обусловленная недостатком у студентов информации о необходимости иноязычной компетенции для дальнейшей профессиональной деятельности;
- сложившийся у студентов стереотип отношения к иностранному языку как второстепенной учебной дисциплине, преподаваемой «в нагрузку» к специальным предметам;
- установившееся мнение о достаточности для выпускников технического вуза пассивного уровня владения иностранным языком;
- повсеместное нарушение принципа непрерывности иноязычной подготовки в образовательном процессе;
- недостаточный объем аудиторных занятий на изучение иностранного языка;
- нехватка современных учебно-методических материалов, ориентированных на языковую подготовку студентов конкретных направлений.

Для их разрешения от преподавателя иностранного языка требуются немалые усилия, направленные на практическую реализацию собственной креативности. В различных ситуациях он должен и может: выступать в роли педагогического технолога, организатора инновационной деятельности студента, или менять ее на роль тьютора-консультанта; использовать доступный инструментарий формирования креативного мышления, в свою очередь, предписывающий высокий поисково-исследовательский уровень преподавания; способствовать не только и не столько партнерству, но и организации совместной творческой деятельности всех субъектов образовательного процесса, включая заинтересованного работодателя будущего выпускника.

Лишь эффективная реализация всего своего креативного потенциала позволит преподавателю иностранного языка уверенно говорить о переходе к высшему уровню профессиональной креативности. Задача современного преподавателя – стремиться к этому. В последнее время в практике работы технических вузов имеется целый ряд примеров такой реализации, связанных прежде всего с подготовкой студентов к решению важнейших для страны задач ресурсосбережения, цифровизации, экологизации, импортозамещения:

- стимулирование у студентов интереса к работе с аутентичными иноязычными источниками информации;
- привлечение квалифицированных специалистов для передачи студентам опыта критической оценки лучшего зарубежного опыта;
- обучение студентов восприятию, пониманию, трансляции и использованию иноязычной информации

в различных формах: текстовой, аудиовизуальной, мультимедийной.

Эмпирическая оценка креативной компетентности преподавателя технического вуза и обсуждение результатов

Подавляющее большинство известных валидизированных (многократно проверенных) методик оценки уровня креативной компетентности педагога предполагает самодиагностику. Доказательством этого утверждения могут служить такие методики, как «профессиональный дифференциал», тест дивергентного (творческого) мышления Вильямса, тест РАТ (отдаленные ассоциации) Медника, «многозначные слова», опросники «самодиагностика креативной компетентности педагога», «абнотивность преподавателя высшей школы» и др. [1].

Опытно-экспериментальная работа, направленная на исследование креативной компетентности преподавателя иностранного языка технического вуза, авторами данной статьи планировалась и выполнялась иначе – к экспертной оценке привлекались не только преподаватели, но и студенты, а также представители заинтересованного работодателя.

Базой для проведения работы послужили образовательно-научные институты физико-химических технологий и материаловедения, промышленных технологий машиностроения и электроэнергетики Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (опорный федеральный университет). В работе участвовали шесть преподавателей английского и немецкого языков и в общей сложности 83 студента магистратуры различных направлений подготовки.

На первом этапе студентам было предложено из 15 предварительно подготовленных формулировок показателей креативной компетентности преподавателя иностранного языка выбрать пять, в наибольшей степени соответствующих их ожиданиям. Результаты выбора приведены в таблице.

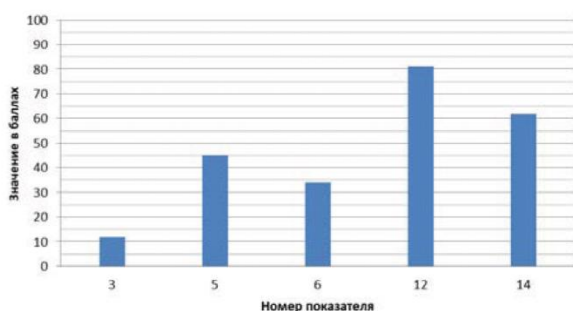
В качестве предпочтительных студенты выбрали следующие показатели (в таблице выделены жирным шрифтом):

- 3 – компетентность в области будущей профессиональной деятельности студентов;
- 5 – готовность и умение выслушать студентов;
- 6 – готовность к восприятию новой информации и самообразованию;
- 12 – гибкость (готовность к переформатированию образовательного процесса с учетом интересов всех его участников: студент, преподаватель, работодатель);
- 14 – готовность отступать от сложившихся шаблонов и стереотипов.

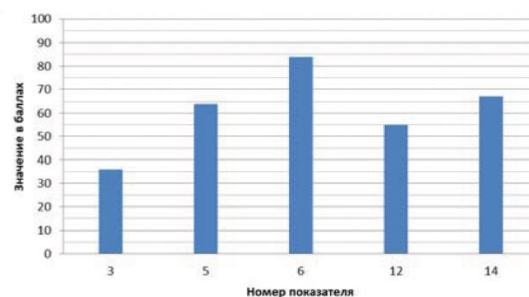
На втором этапе студенты шести групп оценивали креативную компетентность своих преподавателей иностранного языка по выбранным ими ранее показателям, используя 100-балльную шкалу. Авторами данной статьи велась обработка статистических данных, в рамках которой рассчитывались средние значения по выборкам для каждой из групп. Результаты оценивания представлены на рис. 1.

Показатели креативной компетентности преподавателя иностранного языка технического вуза
(расширенный список для выбора студентами)

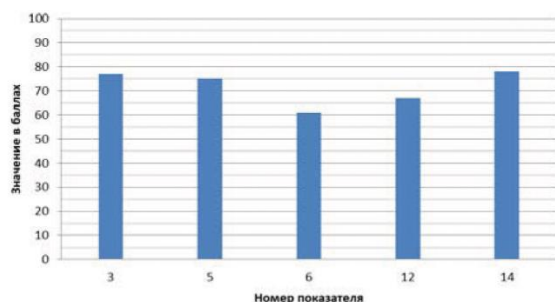
№ п/п	Показатель	Число студентов, выбравших показатель, чел.
1	Эмоциональность, развитое воображение	31
2	Интуиция, склонность к аналитическому мышлению и формулировке задач	43
3	Компетентность в области будущей профессиональной деятельности студентов	76
4	Владение навыками иноязычного общения	48
5	Готовность и умение выслушать студентов	74
6	Готовность к восприятию новой информации и самообразованию	60
7	Склонность к риску, умение прогнозировать, развитие ситуации	22
8	Владение навыками общения, коммуникабельность, умение привлечь внимание и управлять аудиторией	39
9	Владение информационно-коммуникационными и мультимедийными технологиями	38
10	Внимание к способностям студентов, умение мотивировать	24
11	Индивидуальный подход	19
12	Гибкость (готовность к перестроению образовательного процесса с учетом интересов всех его участников: студент, преподаватель, работодатель)	54
13	Умение доходчиво и терпеливо объяснять учебный материал	34
14	Готовность отступать от сложившихся шаблонов и стереотипов	50
15	Пунктуальность, точность, обязательность	20

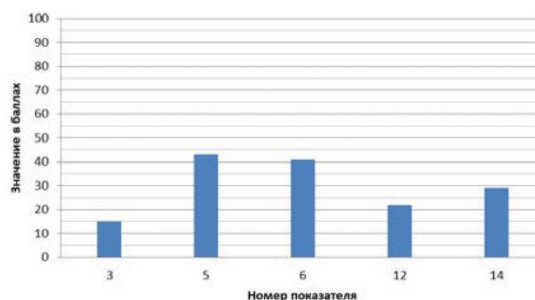
а) группа № 1 (12 студентов)

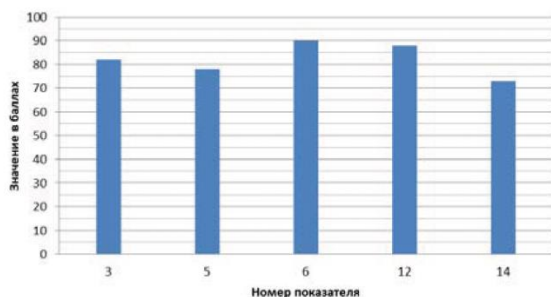
г) группа № 4 (14 студентов)

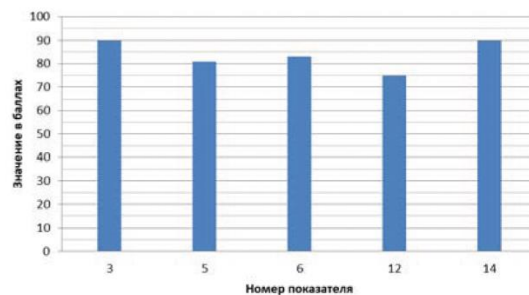
б) группа № 2 (15 студентов)

д) группа № 5 (11 студентов)

в) группа № 3 (17 студентов)

е) группа № 6 (14 студентов)

Рис. 1. Креативная компетентность преподавателей, ведущих занятия в группах, по показателям, выбранным студентами

По рисунку видно, что распределение оценок значений показателей во 2-й, 3-й и 6-й группах практически равномерно, в 1-й и 4-й группах амплитуда колебаний оценок достаточно велика, а в 5-й группе оценки очень низки.

На третьем этапе проводилось ранжирование преподавателей, участвующих в эксперименте, по уровням их креативной компетентности. Для этого рассчитывался интегральный показатель креативной компетентности каждого преподавателя как сумма

средних значений показателей по выборкам, полученных на втором этапе, отнесенная к числу показателей (пять) креативной компетентности, выбранных студентами на первом этапе работы. Элементарному уровню креативной компетентности соответствовали значения интегральных показателей до 30 баллов, базовому – от 31 до 60 баллов, продвинутому – от 61 до 80 баллов, высшему (профессиональная креативность) – более 81 балла. Результаты ранжирования представлены на рис. 2.

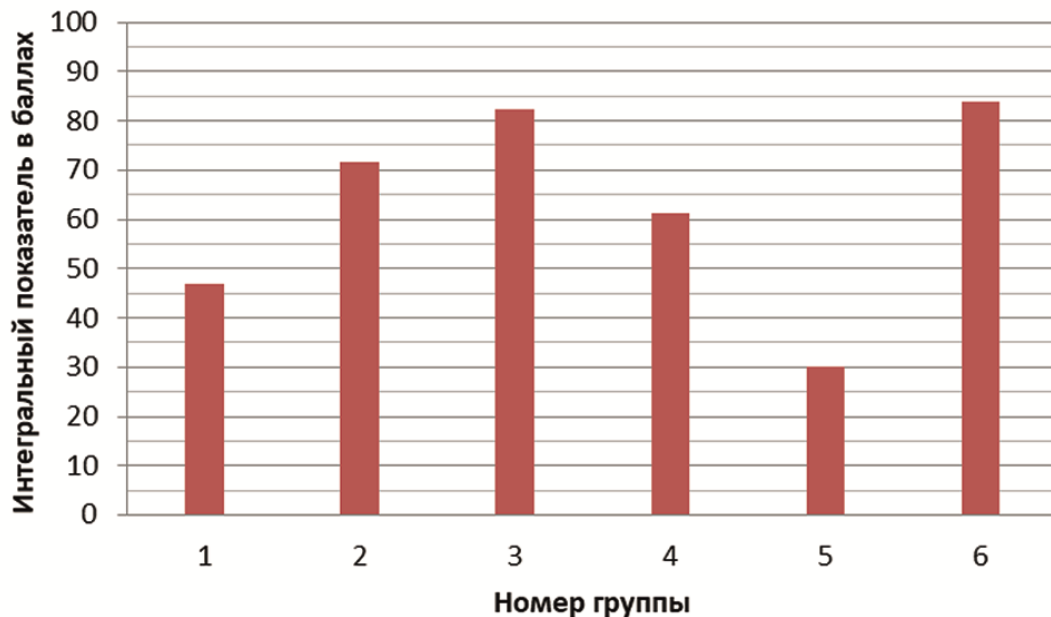

Рис. 2. Креативная компетентность преподавателей по группам

По рисунку видно, что креативная компетентность преподавателя 5-й группы оказалась соответствующей элементарному уровню, 1-й группы – базовому, 2-й и 4-й групп – продвинутому, а 3-й и 6-й групп – высшему уровню креативной компетентности.

Дополнительно проведенный опрос студентов показал, что преподаватели с элементарным уровнем креативной компетентности используют устоявшийся методический инструментарий, не проявляют явного интереса к инновационным образовательным технологиям и слабо разбираются в специфике области будущей профессиональной деятельности своих студентов; базовый уровень креативной компетентности имеют преподаватели, демонстрирующие стремление к адаптации образовательных технологий к индивидуальным особенностям студентов; для преподавателей с продвинутым уровнем креативной компетентности характерны отличное владение предметом, педагогический профессионализм и повышенное внимание к запросам студентов. При этом преподаватели, достигшие уровня профессиональной креативности, высоко оценивались студентами практически по всем выбранным пяти показателям.

Четвертый этап был полностью нацелен на количественную оценку достижений студентов каждой из ше-

сти групп в решении задач из области будущей профессиональной деятельности, требующих применения навыков и умений иноязычной подготовки.

Среди задач, предлагаемых студентам, были:

- проведение патентного поиска информации из иностранных баз данных по выбранной тематике, соответствующей направлениям их подготовки в магистратуре;

- подготовка резюме по иноязычному образцу нормативно-технической информации (технические условия, регламент, стандарт, инструкция и т.п.);

- выполнение перевода научно-технической статьи, опубликованной в профильном иноязычном журнале или интернет-ресурсе;

- подготовка презентации на иностранном языке возможного решения профильного кейса из числа представленных заинтересованными предприятиями.

Из состава студентов формировались команды по 3–5 человек. Время выполнения задания ограничивалось одним аудиторным занятием. Оценивание успешности и полноты решения задач проводилось по 100-балльной шкале с привлечением специалистов профильных выпускающих кафедр вуза и представителей заинтересованных работодателей. Итоговая оценка получалась усреднением по группе. Результаты представлены на рис. 3.

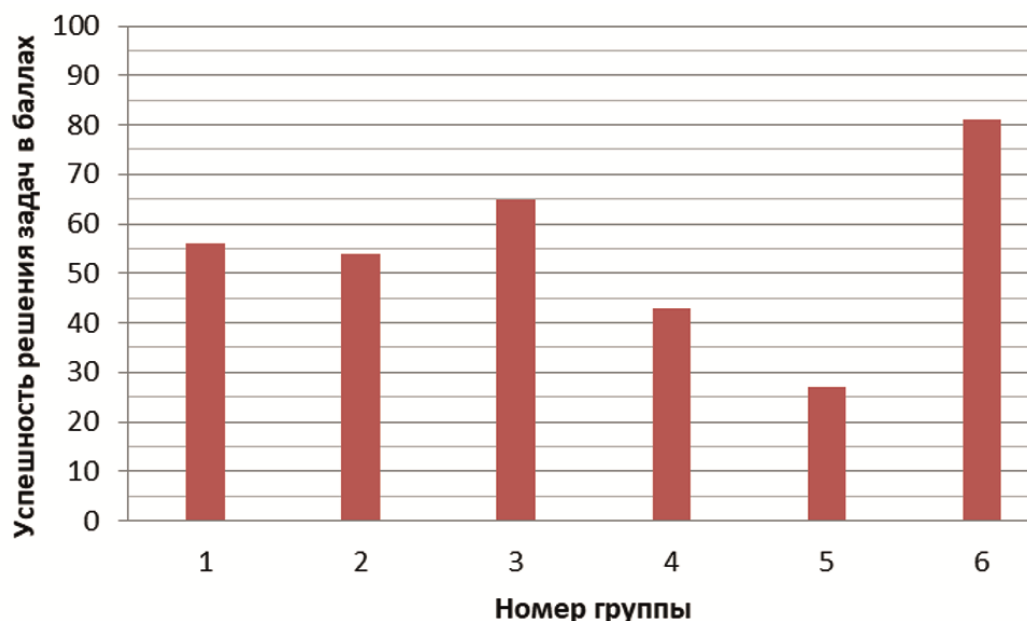

Рис. 3. Успешность решения студентами задач будущей профессиональной деятельности

Следует отметить, что успешность решения задач студентами из групп, в которых работали преподаватели иностранного языка с высшим уровнем креативной компетентности (профессиональная креативность), оказалась максимальной.

На заключительном этапе опытно-экспериментальной работы количественно оценивали корреляционную связь между ранее установленными уровнями креативной компетентности преподавателей шести студенческих групп и достижениями студентов этих групп, зафиксированными на четвертом этапе работы. Проведенный с помощью программы MS Excel расчет коэффициента парной корреляции двух статистических выборок – уровня креативной компетентности преподавателя, сформированного на третьем этапе, и успешности решения студентами задач из области будущей профессиональной деятельности, требующих применения навыков и умений иноязычной подготовки, сформированной на четвертом этапе, – показал результат 0,8478, что подтвердило исходную гипотезу авторов об устойчивости прямой связи креативной компетентности преподавателя с успешностью обучения студентов.

Практические рекомендации

Авторами данной статьи были сформулированы положения и практические рекомендации по формированию и развитию креативной компетентности преподавателя иностранного языка в образовательном пространстве технического вуза.

1. Формирование и развитие профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка в техническом вузе неотрывно связано с принципиально новым типом его педагогического мышления, когда изменения, происходящие как в системе образования, так и в стране в целом, воспринимаются как новые возможности для самовыражения и выработки инновационных

альтернативных вариантов решения задач, а не как препятствия к достижению профессионально значимых целей. В этой связи от преподавателя требуются позитивный психологический настрой, чувство сопричастности к решению важнейшей государственной задачи обучения и воспитания нового поколения технической интеллигенции, самодисциплина, высокая ответственность за результаты своей работы, стремление к совершенствованию собственного потенциала, открытость к новой информации, готовность адаптироваться к объективным реалиям образовательной среды конкретного вуза, определенная смелость в преодолении шаблонов и выходе за сложившиеся рамки стереотипов.

2. Формирование креативной компетентности преподавателя невозможно без его развития как творческой, инициативной, самостоятельной личности, активно взаимодействующей со всеми участниками образовательного процесса, принимающей во внимание их интересы и потребности и содействующей укреплению не только собственной, но и их субъектности. Как показали результаты проведенной опытно-экспериментальной работы, на уровне магистратуры технического вуза наибольшего эффекта следует ждать от взаимодействия по схеме «участники образовательного процесса (преподаватель, студент, работодатель) – равные партнеры».

3. Формированию и развитию креативной компетентности преподавателя иностранного языка способствуют вариативность применения им педагогических технологий обучения, а также расширение линейки методического инструментария, обеспечивающие условия для решения типовых проблем иноязычной подготовки в техническом вузе, дифференциации, индивидуализации и профессионализации образовательного процесса. Примером такого подхода может служить поэтапный план обучения, базирующийся на лич-

ностно ориентированной лингводидактической концепции обучения активному владению иностранным языком и предусматривающий перераспределение часов аудиторной и самостоятельной работы в зависимости от начального уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентов, который позволяет выровнять его внутри академической группы уже после первого года обучения в вузе [21]. Другой пример – схема «транситуационного» обучения, при которой процесс обучения строится циклично, по спирали снизу вверх с элементами повторения, посредством выполнения усложняющихся задач и видов деятельности в конкретных ситуациях общения. При этом на первый план выходит комплементарность языковой подготовки студентов, понимаемая как гибкость и оперативность в выборе технологий обучения и методических приемов при формировании всех компонентов коммуникативной языковой способности.

4. Для того, чтобы обладать высшим уровнем креативной компетенции – профессиональной креативностью, преподаватель иностранного языка должен стремиться к поликомпетентности. Владение знаниями, умениями, навыками и компетенциями из различных областей науки и техники будет способствовать укреплению его авторитета в глазах студентов. Это необходимо, чтобы помочь каждому конкретному студенту технического вуза проявить интересы и мотивы, стать полноценным субъектом образовательного процесса, выбрать алгоритм, выстроить индивидуальную образовательную траекторию и даже пространство иноязычной подготовки.

5. В аудиторной, внеаудиторной работе и общении со студентами преподавателю иностранного языка технического вуза следует проводить тезис о том, что иноязычная компетенция является важнейшей и неотъемлемой составляющей компетентностного портрета выпускника, подкреплять его справедливость не только примерами практических задач, требующих применения навыков и умений иноязычной подготовки, но и демонстрировать личный интерес к области их будущей профессиональной деятельности и по возможности вовлекать в образовательный процесс признанных специалистов – представителей этой области. Будущая сфера профессиональной деятельности выпускника технического вуза может быть самой разнообразной

(технолог, конструктор, исследователь, руководитель производственного подразделения или менеджер), но она неизбежно будет связана с необходимостью восприятия, понимания, трансляции и использования иноязычной информации в различных формах: текстовой, аудиовизуальной, мультимедийной. На практике это может быть реализовано в форме контекстного обучения, которое позволяет в образовательном пространстве моделировать реальное содержание будущей профессиональной деятельности выпускника.

Заключение

По итогам проведенного исследования можно заключить следующее.

Современное общество делает «социальный заказ» на креативную личность преподавателя, способную не только самостоятельно ставить перед собой объективно значимые цели и задачи, предлагать нестандартные и эффективные решения, но и научить этому студента.

Обсуждение темы формирования креативной компетентности педагога некорректно вести вне контекста формирования творческих способностей обучающихся, вырывая этот вопрос из сферы интересов всех участников образовательного процесса. В этой связи нельзя говорить о жестком алгоритме формирования креативной компетентности педагога как последовательности приобретения им профессионально важных качеств.

Креативная компетентность преподавателя иностранного языка технического вуза – это практически значимая характеристика личности, во многом определяющая его профессиональный статус. Она напрямую связана с результативностью иноязычной подготовки студентов и динамично изменяется под воздействием целого ряда внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов. Достижение преподавателем высшего уровня креативной компетентности (профессиональная креативность) вполне возможно в условиях «живого» образовательного процесса при условии ориентации на эффективное разрешение проблем, типичных для иноязычной подготовки в конкретном техническом вузе, и принятия во внимание практических рекомендаций, сформулированных авторами данной статьи.

Список источников

1. Кашапов М.М., Киселева Т.Г., Огородова Т.В. Креативность как ключевая компетентность педагога. Ярославль : Индиго, 2013. 392 с.
2. Рудеева О.А., Егорова Н.А. Креативность преподавателя высшей школы в формировании инновационного мышления студента // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 11-6. С. 930–931.
3. Вайндорф-Сысоева М.Е., Крившенко Л.П., Юркина Л.В. Методы исследования в психологии и педагогике // Школьные технологии. 2012. № 1. С. 36–47.
4. Торренс Э.П. Теоретические основы психологической диагностики креативности. М., 1998. 120 с.
5. Epstein R., Phan V. Which competencies are most important for creative expression? Creativity // Research Journal. 2012. № 24 (4). P. 278–282.
6. Epstein R., Kaminaka K., Phan V., Uda R. How is creativity best managed? Some empirical and theoretical guidelines // Creativity and Innovation Management. 2013. № 22 (4). P. 359–374.
7. Anderson R.C., Katz-Buonincontro J., Bousselot T., Land J., Livie M., Beard N. Space that was safe to explore and learn: Stretching the affordances for networked professional learning in creativity for educators // Australasian Journal of Educational Technology. 2022. № 38 (4). P. 55–75.
8. Szabo T.P., Burnard P., Harris A., Fenyvesi K., Soundararaj G., Kangasvieri T. Multiple Creativities Put to Work for Creative Ecologies in Teacher Professional Learning: A Vision and Practice of Everyday Creativity // Lemmetty S., Collin K., Glăveanu V.P., Forsman P. (Eds.) Creativity and Learning : Contexts, Processes and Support. Palgrave Macmillan, 2021. P. 115–143. doi: 10.1007/978-3-030-77066-2_6
9. Kurok V., Tkachenko N., Burchak S., Kurok R., Burchak L. Developing Intending Teachers' Creativity in the Process of Their Professional Training in the Context of Educational Transformations // Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala. 2022. № 14 (1). P. 246–262.

10. Мунгиева Н.З., Магомедова Р.Г., Шихамирова Б.А. Креативная компетентность преподавателя высшей школы // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-3. С. 353–356.
11. Углов В.В. Профессиональная креативность преподавателя иностранного языка в условиях высшего образования // Профессиональное образование и общество. 2019. № 4 (32). С. 92–100.
12. Усольцева В.В., Шейхова М.С. Креативность, как составляющая часть подготовки конкурентоспособного педагога в системе высшего профессионального образования // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 6. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2018/06/86946> (дата обращения: 18.06.2023).
13. Матюшкин А.М. Мышление, обучение, творчество. Москва : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2003. 720 с.
14. Щебланова Е.И. Концепция А.М. Матюшкина о творческой одаренности как предпосылке развития творческой личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 1 (25). С. 26–29.
15. Иванов Д.В., Степашкина В.А. Креативная компетентность педагога, учителя, преподавателя: сущность, структура, значимость в общепрофессиональной компетентности // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2022. № 10. С. 57–69.
16. Креативность как один из компонентов профессиональной компетентности современного педагога // Инфоурок. URL: <https://infourok.ru/statya-kreativnost-kak-odin-iz-komponentov-professionalnoj-kompetentnosti-sovremennogo-pedagoga-5102464.html> (дата обращения: 18.06.2023).
17. Халилова Л.А. Психологическая сущность и характеристика интеллектуальной креативности // Вестник университета. 2009. № 14. С. 124–125.
18. Лихачев Б.Т. Педагогика. Курс лекций. М. : Юрайт-М, 2001. 607 с.
19. Деркач А.А. Личностно–профессиональное развитие человека – ключевая проблема акмеологического исследования // Акмеология. 2012. С. 16–18.
20. Леушина И.В., Леушина Л.И. Логические приемы и образовательные технологии иноязычной подготовки студентов технического вуза // Язык и культура. 2022. № 58. С. 203–223.
21. Леушин И.О., Леушина И.В. Иностранный язык и индивидуализация подготовки студентов: реалии, тренды, варианты // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 3. С. 147–154.

References

1. Kashapov, M.M., Kiseleva, T.G. & Ogorodova, T.V. (2013) *Kreativnost' kak klyuchevaya kompetentnost' pedagoga* [Creativity as a key competence of a teacher]. Yaroslavl: Indigo.
2. Rudeeva, O.A. & Egorova, N.A. (2015) *Kreativnost' prepodavatelya vysshey shkoly v formirovaniy innovatsionnogo myshleniya studenta* [Creativity of a higher school teacher in the formation of innovative thinking of a student]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 11-6. pp. 930–931.
3. Vayndorf-Sysoeva, M.E., Krivshenko, L.P. & Yurkina, L.V. (2012) *Metody issledovaniya v psikhologii i pedagogike* [Research methods in psychology and pedagogy]. *Shkol'nye tekhnologii*. 1. pp. 36–47.
4. Torrens, E.P. (1998) *Teoreticheskie osnovy psikhologicheskoy diagnostiki kreativnosti* [Theoretical foundations of psychological diagnostics of creativity]. Moscow.
5. Epstein, R. & Phan, V. (2012) Which competencies are most important for creative expression? *Creativity. Research Journal*. 24 (4). pp. 278–282.
6. Epstein, R. et al. (2013) How is creativity best managed? Some empirical and theoretical guidelines. *Creativity and Innovation Management*. 22 (4). pp. 359–374.
7. Anderson, R.C. et al. (2022) Space that was safe to explore and learn: Stretching the affordances for networked professional learning in creativity for educators. *Australasian Journal of Educational Technology*. 38 (4). pp. 55–75.
8. Szabo, T.R. et al. (2021) Multiple Creativities Put to Work for Creative Ecologies in Teacher Professional Learning: A Vision and Practice of Everyday Creativity. In: Lemmetty, S. et al. (eds) *Creativity and Learning: Contexts, Processes and Support*. Palgrave Macmillan. pp. 115–143. doi: 10.1007/978-3-030-77066-2_6
9. Kurok, V. et al. (2022) Developing Intending Teachers' Creativity in the Process of Their Professional Training in the Context of Educational Transformations. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*. 14 (1). pp. 246–262.
10. Mungieva, N.Z., Magomedova, R.G. & Shikhamirova, B.A. (2021) *Kreativnaya kompetentnost' prepodavatelya vysshey shkoly* [Creative competence of a higher school teacher]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 71-3. pp. 353–356.
11. Uglov, V.V. (2019) Professional'naya kreativnost' prepodavatelya inostrannogo yazyka v usloviyakh vysshego obrazovaniya [Professional creativity of a foreign language teacher in higher education]. *Professional'noye obrazovanie i obshchestvo*. 4 (32). pp. 92–100.
12. Usol'tseva, V.V. & Sheykova, M.S. (2018) *Kreativnost', kak sostavlyayushchaya chast' podgotovki konkurentosposobnogo pedagoga v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Creativity as an integral part of training a competitive teacher in higher vocational education]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 6. [Online] Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2018/06/86946> (Accessed: 18.06.2023).
13. Matyushkin, A.M. (2003) *Myshlenie, obuchenie, tvorchestvo* [Thinking, learning, creativity]. Moscow: Moscow Psychological and Social institute; Voronezh: MODEK.
14. Shcheblanova, E.I. (2018) *Kontseptsiya A.M. Matyushkina o tvorcheskoy odarennosti kak predposylke razvitiya tvorcheskoy lichnosti* [A.M. Matyushkina's conception about creative talent as a prerequisite for the development of a creative person]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. 7:1 (25). pp. 26–29.
15. Ivanov, D.V. & Stepashkina, V.A. (2022) *Kreativnaya kompetentnost' pedagoga, uchitelya, prepodavatelya: sushchnost', struktura, znachimost' v obshcheprofessional'noy kompetentnosti* [Creative competence of a pedagogue, teacher, lecturer: essence, structure, significance in general professional competence]. *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal*. 10. pp. 57–69.
16. Infourok. (2023) *Kreativnost' kak odin iz komponentov professional'noy kompetentnosti sovremennogo pedagoga* [Creativity as one of the components of the professional competence of a modern teacher]. [Online] Available from: <https://infourok.ru/statya-kreativnost-kak-odin-iz-komponentov-professionalnoj-kompetentnosti-sovremennogo-pedagoga-5102464.html> (Accessed: 18.06.2023).
17. Khalilova, L.A. (2009) *Psikhologicheskaya sushchnost' i kharakteristika intellektual'noy kreativnosti* [Psychological essence and characteristics of intellectual creativity]. *Vestnik universiteta*. 14. pp. 124–125.
18. Likhachev, B.T. (2001) *Pedagogika. Kurs lektiy* [Pedagogy. Lecture course]. Moscow: Yurayt-M.
19. Derkach, A.A. (2012) *Lichnostno–professional'noye razvitiye cheloveka – klyuchevaya problema akmeologicheskogo issledovaniya* [Personal and professional development of a person as a key problem of acmeological research]. *Akmeologiya*. 9 (65). pp. 16–18.
20. Leushina, I.V. & Leushina, L.I. (2022) *Logicheskie priemy i obrazovatel'nye tekhnologii inoyazychnoy podgotovki studentov tekhnicheskogo vuza* [Logical techniques and educational technologies for foreign language training of technical university students]. *Yazyk i kul'tura*. 58. pp. 203–223.
21. Leushin, I.O. & Leushina, I.V. (2019) *Inostrannyi yazyk i individualizatsiya podgotovki studentov: realii, trendy, varianty* [Foreign language and individualization of student training: realities, trends, options]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 28 (3). pp. 147–154.

Информация об авторах:

Леушина И.В. – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия). E-mail: leushinaiv@yandex.ru

Леушина Л.И. – канд. техн. наук, доцент кафедры металлургических технологий и оборудования Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия). E-mail: kafmto@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Leushina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: leushinaiv@yandex.ru.

L.I. Leushina, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kafmto@mail.ru.

The authors declare no conflicts of interests.

.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2023;
одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 20.06.2023;
approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 355.233.11
doi: 10.17223/15617793/495/16

Организационно-педагогические условия допризывной подготовки в городе Симферополе в период Первой мировой войны

Андрей Викторович Мутьев¹

¹ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
dsport76@mail.ru

Аннотация. На основе анализа архивных документов рассматривается становление военно-физической подготовки к службе в армии в мужских учебных заведениях и спортивных обществах г. Симферополя в период с 1916 по 1917 г. Исследована деятельность Симферопольского военно-спортивного комитета, охватившего допризывной подготовкой учащихся двух старших классов всех учебных заведений Симферополя. Комитет достаточно эффективно решал вопросы организационно-педагогического и материального обеспечения системы допризывной подготовки, подготовив значительное количество инструкторов и молодых людей к службе в армии.

Ключевые слова: допризывная подготовка, Симферополь, учебные заведения, военно-спортивный комитет, Первая мировая война

Для цитирования: Мутьев А.В. Организационно-педагогические условия допризывной подготовки в городе Симферополе в период Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 171–178. doi: 10.17223/15617793/495/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/16

Organizational and pedagogical conditions of pre-conscription training in Simferopol during World War I

Andrey V. Mutiyev¹

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation,
dsport76@mail.ru

Abstract. The article examines the formation of military-physical training for military service in men's educational institutions and sports societies in Simferopol in the period from 1916 to 1917. General theoretical and general historical research methods were used. The database of research sources was made up of office documentation of male gymnasiums of the Crimea from the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. It was revealed that the active introduction of pre-conscription training in the peninsula is connected with the formation and activities of the Simferopol Military Sports Committee. The director of a private men's gymnasium, E.I. Svishchev, was elected head of the Simferopol Military Sports Committee. The Committee included representatives of educational institutions, local administrative authorities, sports societies, the military department, city and zemstvo institutions. The Simferopol Military Sports Committee covered pre-conscription training of students of two senior classes of all educational institutions of Simferopol and of a great number of young people in detachments under the Society for the Promotion of Physical Development and Sports. The Committee effectively solved the issues of organizational, pedagogical and material support of the pre-conscription training system. Despite of the short time of the Simferopol Military Sports Committee's existence, it prepared and certified a significant number of instructors of pre-conscription training and young people for service in the army. Experienced officers who carried out pre-conscription training in accordance with a single program approved by the Ministry of War were involved in conducting classes. During the training period, young people mastered gymnastic exercises, climbing, walking and running, field gymnastics, drill and shooting training, theoretical information required for ordinary soldiers, and a number of applied sports. In addition to physical and military training, they actively participated in patriotic education with pre-conscripts, in shows, parades, charity gatherings, concerts, and other events held by the Simferopol Military Sports Committee. The February Revolution of 1917, due to the subsequent financial difficulties, stopped the activities of the Simferopol Military Sports Committee. It can be stated that the activities of the Simferopol Military Sports Committee led to a thorough training of recruits, teaching them tactical literacy, raising patriotic feelings and readiness to perform military service, has also become an example of cooperation between the military and educational spheres.

Keywords: pre-conscription training, Simferopol, educational institutions, Military Sports Committee, World War I

For citation: Mutiyev, A.V. (2023) Organizational and pedagogical conditions of pre-conscription training in Simferopol during World War I. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 171–178. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/16

Актуальность

Создание эффективной системы допризывной подготовки молодежи к службе в армии и защите отечества являлось чрезвычайно важной проблемой во все времена, представляя как научный, так и практический интерес. Весьма актуальными остаются вопросы исследования исторических аспектов возникновения и становления процесса военно-физической подготовки лиц допризывного возраста в нашей стране. Наиболее эффективным путем внедрения такой системы, несомненно, было введение элементов допризывной подготовки в процесс работы учебных заведений. Уже с 60-х гг. XIX в. в гражданских учебных заведениях Российской империи вводятся элементы подготовки к службе в армии в виде преподавания военизированной гимнастики под руководством отставных офицеров, однако к концу 90-х гг. XIX в. – началу XX в. она была вытеснена или дополнена более прогрессивными шведской и чешской (сокольской) системами гимнастики. После трагических поражений в войне 1904–1905 гг. Николай II высказал Высочайшее пожелание о введении в народных школах обучения военному строю и гимнастике в целях физического развития молодежи и подготовки ее к военной службе. Это отразилось в появлении с 1909 г. в ученической среде «потешных» отрядов, которые занимались военным строем, хоровым пением военных песен, военной гимнастикой, ружейными приемами и другими специальными военными дисциплинами под руководством отставных, а иногда и действующих офицеров [1. С. 430]. Крымские учебные заведения в гг. Симферополе, Евпатории, Феодосии, Севастополе активно присоединились к этому движению. В частности, в Симферопольской частной гимназии, учрежденной М. А. Свищевым, гимназисты под руководством отставного офицера изучали строевые, боевые, снарядовые, групповые и массовые упражнения. Они приняли участие в Высочайшем смотре «потешных» 1912 г., а император Николай II, осматривая гимназию еще в июле 1911 г., отмечал «блестящие результаты обучения детей военному строю и гимнастическим занятиям... бодрый и здоровый вид юных отрядов, вполне усвоивших военную дисциплину». На смотрах в Одессе и Москве принимали участие ученики Евпаторийской мужской гимназии, а осенью 1912 г. гимназия получила информацию, что государь император благодарил участников «за образцовую организацию команд «потешных»» [2. С. 82].

Следующим мощным толчком к созданию эффективной системы допризывной подготовки послужило начало Первой мировой войны и связанные с ней мобилизации в армию, проводимые в Российской империи. Массовые потери на фронтах в 1914 и 1915 гг.,

остро поставили вопрос о допризывной подготовке населения и пополнении войск подготовленными кадрами. Значительное количество призывников поступало прямо из гимназической среды, часто не имея представления о военном деле. Такое положение дел ставило перед военным командованием задачи допризывной подготовки учащейся молодежи и лиц, подлежащих призыву в армию [3. С. 7].

В последнее время организация допризывной подготовки в учебных заведениях Российской империи в период Первой мировой войны все чаще становится предметом изучения в работах современных исследователей. Так, в ряде научных статей, посвященных «мобилизации спорта» и деятельности военно-спортивных комитетов в 1915–1917 гг., достаточно подробно исследовано введение допризывной подготовки в ряде губерний Российской империи: Псковской [4], Вятской [5], Томской [6], Тобольской [7], южных губерний Украины [8] и др. В то же время информация о военно-физической подготовке в источниках, исследующих организацию учебного процесса в крымских учебных заведениях, представлена лишь фрагментарно в работах Л.Л. Никифоровой [9], Е.В. Новиковой [10], А.А. Шеляговой [11].

Необходимость восполнения сведений о подготовке военно-физической подготовки к службе в армии на территории Крыма определила основную **цель** данной работы: рассмотреть организационные особенности реализации и эффективность допризывной подготовки молодежи г. Симферополя в период Первой мировой войны. Были использованы общетеоретические и общесторические **методы исследования**. Базу источников исследования составила делопроизводственная документация мужских гимназий Крыма из фондов Государственного архива Республики Крым (ГАРК).

Результаты и обсуждение

С самого начала Первой мировой войны царское правительство озабочилось подготовкой молодых людей допризывного и призывного возраста к службе в армии, что выражалось в рекомендациях учебным заведениям всячески поощрять патриотические настроения учащихся, вводить занятия по военному строю и стрельбе. Летом 1914 г. крымские учебные заведения получили циркуляр попечителя Одесского учебного округа от 25.07.1914 за № 24532/5700 на имя начальствующих в учебных заведениях Одесского учебного округа, директоров и инспекторов народных училищ, где среди прочего значилось: «...VII. Начальствующие и учащие должны всячески поддерживать среди учащихся, особенно старших классов, бодрость и мужество, возбуждая в них самые пламенные чувства преданности государю, любви к родине и армии; о мерах

для чего предпринятых, мне сообщается. VIII. К желанию учащихся поступать, в силу Высочайше утвержденных 12 июля 1914 года правил, охотниками и вольноопределяющимися на военную службу относится полной серьезностью и особой отзывчивостью, сообщая мне фамилии таковых добровольцев. Занятия в мужских учебных заведениях военным строем и, где возможно, учебною стрельбою должны проводиться усиленным образом, при максимальном числе недельных часов» [12. Л. 193–194].

В соответствии с письмом главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения России генерала-майора В.Н. Воейкова за № 2691 от 25.12.1915 г. на имя министра народного просвещения Графа Павла Николаевича Игнатьева, где была изложена просьба о предоставлении представителей учебных округов от каждого города для участия в работе военно-спортивных комитетов, Министерство народного просвещения издало соответствующее распоряжение за № 1289/224 от 14.01.1916 г. с пометкой «срочно», разослав его по учебным округам. Попечитель Одесского учебного округа во исполнении данного распоряжения назначил председателя Комитета начальников средних учебных заведений г. Симферополя, директора Симферопольской казенной мужской гимназии Семена Федоровича Коропачинского представителем в местный военно-спортивный комитет и просил его об этом поставить в известность начальников местных учебных заведений, а также о проделанной работе доложить в управление учебного округа. Вместе с этим Попечитель Одесского учебного округа просил «начальников мужских учебных заведений (образовательных и специальных) принять все меры к тому, чтобы при существующих условиях занятия спортом и военной гимнастикой (строем), особенно в двух старших классах, поставлены были с надлежащим вниманием и продуктивностью, для чего рекомендую начальникам этих учебных заведений объединиться в отношении приглашения инструкторов, установки общих занятий (особенно при наступлении хорошей погоды) и других мер, могущих улучшить занятия по этим предметам...» [13. Л. 3].

Циркуляр попечителя Одесского учебного округа за № 1523 от 18.01.1916 г., опираясь на «Положение о мобилизации спорта», утвержденное 8 декабря 1915 г. императором Николаем II, предписывал начальникам учебных заведений незамедлительно озаботиться устройством не местах военно-спортивных комитетов, в «коих они должны принять непосредственное участие с приглашением преподавателей военного строя». Вместе с этим Министерство народного просвещения входило во взаимодействие с Военным министерством по командированию лиц военного звания для преподавания военного строя в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Также было решено учредить в военном округе краткосрочные курсы для подготовки преподавателей военного строя, с тем чтобы окончившие эти курсы лица могли быть командированы в качестве учителей военного строя в учебные заведения Министерства народного просвещения.

Этим документом вводились изменения в учебный процесс второго полугодия 1915/1916 учебного года. В

двух старших классах надлежало ввести преподавание военного строя по программе, утвержденной Военным министерством. Для этого выделялось 3 недельных учебных часа, отведенных на гимнастику, разбив их на 2 занятия в неделю, и отдельно проводить занятия по воскресеньям. В течение зимы рекомендовалось проводить лишь те занятия, которые не требовали большого помещения, отложив остальные до весны, когда можно будет заниматься на воздухе.

Выпуски старших классов средних учебных заведений (8-х классов гимназий и 7-х классов реальных училищ) освобождались от выпускных экзаменов. Означенные экзамены в этих классах были заменены ежемесячными репетициями в течение остающегося полугодия. Этим ученикам следовало выдать аттестаты на основании годовых отметок. Учебные занятия должны были быть закончены как обычно, в конце апреля, а время, предназначенное для экзаменов, до 1 июня отводилось исключительно на занятия военным строем с установлением количества занятий, необходимого для выполнения прилагаемой программы. Занятия военным строем в 7-м классе гимназий и 6-м классе реальных училищ не должны были нарушить привычного хода учебных занятий во все время второго учебного полугодия, поскольку учащиеся этих классов должны были продолжить выполнение программы в течение будущего учебного года [13. Л. 8].

21 января 1916 г. С.Ф. Коропачинский уведомил об этих предписаниях руководителей учебных заведений Симферополя [13. Л. 9] и пригласил их 26 января 1916 г. на заседание Комитета начальников средних учебных заведений г. Симферополя для создания Симферопольского военно-спортивного комитета. В этот день, под председательством директора Симферопольской гимназии Александра I Благословенного С.Ф. Коропачинского и в присутствии директора народных училищ Таврической губернии С.Д. Маргаритова, директора реального училища императора Николая II В.Д. Георгиева, директоров частных мужских гимназий М.А. Волощенко и Е.И. Свищева, инспектора народных училищ симферопольского района И.И. Федорова, инспектора татарской учительской школы В.О. Филоненко, инспектора высшего начального училища Г.С. Узуна, врача И.И. Казаса при участии коменданта г. Симферополя и командиров 32, 33 и 34 пехотных запасных батальонов [13. Л. 45], было решено организовать Симферопольский военно-спортивный комитет и немедленно во всех средних учебных заведениях Симферополя начать допризывную подготовку воспитанников двух старших классов. Для этого приглашались преподаватели военного строя из числа офицеров местного гарнизона, рекомендованные комендантом города. Планировалось также привлечь к делу допризывного обучения учащихся учебных заведений других ведомств [13. Л. 45 об.]. В состав Симферопольского военно-спортивного комитета решили включить представителей от Таврического губернатора и Симферопольского гарнизона.

В течение марта и апреля 1916 г. происходит формирование состава Симферопольского военно-спортивного комитета. В итоге в члены Симферопольского

военно-спортивного комитета были делегированы: от Таврического губернатора – симферопольский полицмейстер ротмистр Г.И. Соколов, от Министерства торговли и промышленности – директор Симферопольского коммерческого училища Н.Г. Мутафи, от симферопольского гарнизона – подполковник 43-й пехотной запасной батареи П.С. Якубович [13. Л. 21а, 22, 24]. От Общества содействия физическому развитию и спорту при Симферопольской гимназии, учрежденной Е.И. Свищевым, были делегированы четыре представителя: председатель общества, коллежский советник Е.И. Свищев, член правления полковник П.П. Нечегин, учитель гимназии А.М. Лабунский и гражданин Н. Лебедев [13. Л. 23, 29]. От Крымского отделения Императорского общества охоты в комитет вошел Э.В. Вагнер [12. Л. 33].

Учредительное собрание военно-спортивного комитета в Симферополе состоялось 1 мая 1916 г. В его протоколе значилось, что члены Симферопольского военно-спортивного комитета под председательством члена комитета действительного статского советника С.Ф. Коропачинского путем закрытой баллотировки избрали председателем Симферопольского военно-спортивного комитета коллежского советника Е.И. Свищева, председателя «Общества содействия физическому развитию и спорту при гимназии, учрежденной Е.И. Свищевым». За его кандидатуру было подано 6 голосов, при одном голосе против. В товариществе председателя избраны большинством голосов (семью) ротмистр Георгий Иванович Соколов и подполковник Петр Сергеевич Якубович [13. Л. 67].

Первое заседание Симферопольского военно-спортивного комитета состоялось 13 мая 1916 г. Оно началось с выражения признательности директору Симферопольской гимназии Александра I Благословенного С.Ф. Коропачинскому за «понесенный им подготовительный труд по организации комитета». Также там обсуждалось создание испытательных комиссий комитета для проведения экзаменов по допризывной подготовке. Было решено от Симферопольского военно-спортивного комитета делегировать в испытательную комиссию П.С. Якубовича.

Для нужд допризывной подготовки еще в конце января 1916 г. было отправлено ходатайство попечителю Одесского учебного округа об отпуске в распоряжение симферопольских средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения 215 шт. 4,2-мм винтовок системы «Бердана» пехотного образца для обучения военному строю и 8-мм и 3-мм драгунских винтовок для стрельбы дробинами [13. Л. 45 об.]. В ответ на него был получен ответ из Одесского учебного округа о том, что Одесское артиллерийское управление сделало распоряжение о высылке Симферопольской гимназии имени Александра I – 115 винтовок «Бердана» и 5- и 3-линейных винтовок для обучения молодых людей при Симферопольском военно-спортивном комитете. За неимением свободных ружей большего числа выслать не представлялось возможным. При этом рассматривалась возможность еще «доотпустить» необходимое

оружие в будущем. Артиллерийское управление просило сообщить о количестве учащихся в Симферополе при военно-спортивном комитете для правильного распределения винтовок и необходимого количества патронов для практики [13. Л. 35]. Такие данные были собраны и отправлены в Одесское окружное артиллерийское управление. Согласно поданным сведениям на 21 апреля 1916 г. в Симферопольском военно-спортивном комитете обучались 130 учеников местных средних учебных заведений:

- в Симферопольской гимназии Александра I Благословенного – 45 чел.;
- Симферопольском реальном училище им. Николая II – 27 чел.;
- Симферопольской частной гимназии, учрежденной М.А. Волощенко, – 16 чел.;
- Симферопольской частной гимназии, учрежденной Е.И. Свищевым, – 19 чел.;
- Симферопольском коммерческом училище – 13 чел.;
- Симферопольской татарской учительской школе – 10 чел.

Для практической стрельбы было запрошено 500 патронов к винтовке «Бердана», 6 000 патронов к 3-линейной винтовке. Для учебной стрельбы – 10 000 патронов с уменьшенным зарядом [13. Л. 52].

В итоге запрос не был удовлетворен полностью и было выслано 500 патронов 4,2-мм к винтовке «Бердана», 1 200 патронов к 3-линейной винтовке. Для учебной стрельбы – 2 600 патронов с уменьшенным зарядом [13. Л. 54]. Полученное оружие и боеприпасы были получены и распределены среди учебных заведений города по 28 патронов на каждого ученика с уменьшенным зарядом и по 13 боевых, 500 патронов для берданок переданы гимназии Е. Свищева. Для успешного обучения воспитанников выпускных классов стрельбе на заседании Симферопольского военно-спортивного комитета было решено обратиться к начальнику бригады с просьбой в установленные дни стрельбы обеспечить надлежащее оцепление [14. Л. 27, 28]. В дальнейшей работе комитет регулярно обращался в Одесское артиллерийское управление с просьбами о выделении винтовок и боеприпасов к ним. Так, 28 ноября 1916 г. было запрошено 4 трехлинейных винтовки, 20 винтовок «Бердана», 4 000 патронов с уменьшенным зарядом и 400 боевых [14. Л. 52]. Однако из-за отсутствия на военных складах достаточного количества боеприпасов такие запросы не удовлетворялись в полной мере. Последний ответ из Одесского артиллерийского управления последовал в начале 1917 г., в нем предлагалось 10 000 капсюлей для стрельбы дробинами для винтовок и 4 500 патронов к револьверу Нагана (уже за деньги) [14. Л. 123].

3 апреля 1916 г. в 8 часов вечера состоялось собрание учителей военного строя средних учебных заведений г. Симферополя для совместного обсуждения вопросов о программе занятий строем в связи с предстоящими в конце мая испытаниями для выпускников старших классов [13. Л. 48]. Выработанная программа курса допризывной подготовки, которая была «во всем

согласна» с Руководством, изданным главнаблюдающим за физическим развитием народонаселения России, была одобрена на заседании Симферопольского военно-спортивного комитета 20 мая 1916 г. [14. Л. 29]. В программу занятий были включены такие разделы Руководства о «Мобилизации спорта», как гимнастика, лазание, ходьба и бег, полевая гимнастика, строевая подготовка, теоретические сведения, обязательные для рядовых, и стрелковая подготовка.

На имя С.Ф. Коропачинского регулярно поступали запросы из других учебных заведений Одесского учебного округа с просьбами дать информацию о том, создан ли военно-спортивный комитет в Симферополе, где он находится, из кого состоит и возможностях приписки этих заведений к нему. Такие письма были получены из Керченской Александровской мужской гимназии, Армяно-Базарской протогимназии, Карасубазарской мужской гимназии, Мелитопольского реального училища, Старо-Крымского высшего начального училища [13. Л. 12, 20, 21, 25]. В результате к Симферопольскому военно-спортивному комитету были приписаны Армяно-Базарская протогимназия, Карасубазарская мужская гимназия и Мелитопольское реальное училище (до создания военно-спортивного комитета в г. Мелитополе). Остальным учебным заведениям было рекомендовано приписаться к другим ближайшим комитетам.

Циркуляр попечителя Одесского учебного округа П. Соковнина от 11 мая 1916 г. за № 13205 «О допризывной подготовке» разъяснял, что допризывную подготовку должны пройти все ученики старших классов старше 16 лет. Иностранные подданные невоюющих с Россией стран также могли быть допущены к допризывной подготовке, с разрешения их родителей. Имеющие физические недостатки или иные весьма уважительные причины и лишённые возможности заниматься допризывной подготовкой могли быть освобождены от физических упражнений полностью или от части программы, смотря «по свойству недостатка», на основании заключения гимназического врача. Но желательно было полностью пройти теоретическую подготовку. Выдача аттестатов и выходных свидетельств должна быть приурочена ко времени выдачи удостоверений и установлена ст. 4 положения о «Мобилизации спорта» после испытаний в комиссии военно-спортивного комитета. Вознаграждение за допризывную подготовку через организации получали через военно-спортивные комитеты. За каждого успешно сдавшего испытания в комиссии организация, готовившая допризывников, получала 20 руб., за получившего наименование инструктора – 50 руб. Работа инструкторов вознаграждалась за счет источников, из которых обычно оплачивались уроки гимнастики [13. Л. 62].

С 24-го, 26-го и 27-го мая 1916 г. прошли первые экзаменационные испытания в «Особой испытательной комиссии Симферопольского военно-спортивного комитета» под председательством подполковника П.С. Якубовича, в которую вошли от военного ведомства капитан Г.М. Косаговский и поручик К.Ф. Олейников, в присутствии председателя Симферопольского

военно-спортивного комитета Е.И. Свищева и секретаря Н. Лебедева. В итоге успешно выдержали испытание 106 юношей, которые, согласно докладу испытательной комиссии, произвели отличное впечатление и показали как прекрасную военную выправку, так и знания гарнизонной и военной службы. Результаты были представлены в Канцелярию главнаблюдающего за физическим развитием в России генерала-майора Воейкова вместе с просьбой «ассигновать 2 120 руб. для окончательного расчета за успешно выдержавших экзамены» с организациями, которые обеспечили подготовку учащихся [14. Л. 30].

Летом 1916 г. на заседаниях Симферопольского военно-спортивного комитета обсуждались организационные вопросы допризывной подготовки в Симферополе. В первую очередь это были вопросы увеличения числа занимающихся допризывной подготовкой. В летний период, в связи с отъездом молодежи из города на полевые работы, подготовку проходили всего 5 человек [14. Л. 34]. К 1 сентября 1916 г. на курсах допризывных, согласно докладу Е.И. Свищева, было уже свыше 100 человек. В целях улучшения подготовки учащихся и воспитания в них патриотических чувств преподавателю А.А. Преображенскому было поручено провести лекции по истории, а врачу Г.И. Русину – занятия по оказанию первой помощи. Для проходящих курс допризывной подготовки было решено заказать единообразную форму: малинового цвета гимнастерку, синие шаровары с малиновым кантом, синие гетры и шапочку древнерусского образца из синего сукна с малиновым верхом и таким же кантом. В целях дальнейшего привлечения молодежи к занятиям в отрядах допризывников было решено, кроме помещения в местных газетах и журналах, расклеить воззвания на окраинах Симферополя и в вагонах электрического трамвая, в праздничные и воскресные дни на базарах и на городских площадях раздавать народу «летучки» с воззванием комитета, просить симферопольского исправника оповестить о задачах мобилизации спорта население уезда путем чтения на сходах обращений комитета и расклейки их на видных местах в деревнях и селах. Предлагалось выставить художественные плакаты, нарисованные преподавателями рисования П.И. Крестианополем и А.О. Федоровым, в витринах магазинов и в окнах учреждений, просить начальников правительственных и общественных учреждений рекомендовать служащим допризывного возраста записываться в отряды комитета. Согласно статье 16 «Положения о мобилизации спорта» и в целях объединения действий всех организаций Симферополя, ведущих допризывную подготовку, было решено 11 сентября 1916 г. провести общий молебен на соборной площади, после чего устроить парад в присутствии Таврического губернатора Н.А. Княжевича, командира городского полка Шварцмана, начальника гарнизона генерала-майора Радовского, вице-губернатора С.В. Горчакова, командиров запасных батальонов и отставных генералов, проживающих в Симферополе. Однако ввиду плохой погоды мероприятия были перенесены на 18 сентября [14. Л. 35–39].

Несмотря на некоторые трудности, связанные с недостаточной подготовленностью ряда средних учебных заведений [14. Л. 36], 18 сентября 1916 г. в кафедральном Александро-Невском соборе в Симферополе состоялось молебствие, после чего был устроен на площади парад-смотр учащейся молодежи под командованием капитана Козинцева. Таврический губернатор генерал Княжевич выразил благодарность Е.И. Свищеву и капитану Козинцеву [15. С. 3]. В этот же день была проведена лотерея-аллеги, спектакль и концерт, чистый доход от которых составил 1 155 руб. 22 коп. На вырученные деньги было решено построить гимнастический городок, оплатить счета на обмундирование допризывников, приобрести подметный материал и бесплатно раздать допризывникам, устроить электрическое освещение во дворах для занятий допризывной подготовкой в вечернее время [14. Л. 40]. Кроме этого, 26 ноября 1916 г. более 150 учащихся военно-спортивного комитета под командованием инструктора Ф.В. Суржко приняли участие в параде и кружечном сборе в пользу Георгиевских кавалеров в г. Симферополе [14. Л. 50].

Циркуляр попечителя Одесского учебного округа от 10.10.1916 г. за № 37133 отмечал успешность занятий по допризывной подготовке учеников старших классов средних учебных заведений в 1915/1916 учеб-

ном году. Отмечалось, что занятия «имели своим результатом более или менее значительное удовлетворение назревшей общегосударственной потребности. Оказали, по отзывам начальников учебных заведений, весьма благотворительное влияние как на физическое, так и на нравственное воспитание молодежи, увеличив собою число факторов, способствующих формированию личности ученика, и усилив и закрепив в окончивших курсы средней школы сознание лежащего в них гражданского долга вообще и воинского в частности» [14. Л. 81]. Было предписано продолжить занятия по допризывной подготовке в текущем 1916/1917 учебном году в соответствии со следующими указаниями: в мужских гимназиях и реальных училищах занятия по допризывной подготовке должны вестись с учениками выпускных классов (7-х и 8-х) без нарушения основного учебного плана в этих классах. Количество занятий определялось педсоветом не менее 3-х часов 2 раза в неделю, однако не рекомендовалось вести занятия в выходные и праздничные дни. Курс должен был завершиться к концу учебного года. Учительские институты и семинарии также должны были пройти курс и экзамен. Количество необходимых часов на допризывную подготовку выделяли, на свое усмотрение, педсоветы. Ученики с 16 лет могли проходить подготовку не в учебном заведении, а на специальных курсах военно-спортивных комитетов [14. Л. 81].

Таблица

Сведения о количестве лиц, прошедших полный курс допризывной подготовки и испытания в «Особой испытательной комиссии Симферопольского военно-спортивного комитета» в 1916–1917 гг.

№	Организация	Количество подготовленных лиц	
		1916 г.	1917 г.
1	Симферопольское реальное училище им. Николая II	27	26
2	Симферопольское высшее начальное училище	–	19
3	Симферопольская татарская учительская школа	–	18
4	Симферопольская казенная гимназия Александра I Благословенного	36 и 3 инструктора	17
5	Приют Фабра	–	5
6	Симферопольская частная мужская гимназия, учрежденная Е.И. Свищевым	18	19
7	Симферопольская частная мужская гимназия, учрежденная М.А. Волощенко	17	19
8	Общество содействия физическому развитию и спорту при гимназии, учрежденной Е.И. Свищевым	128 и 2 инструктора	15 и 3 инструктора
9	Симферопольское коммерческое училище	11	38
10	Карасубазарская мужская гимназия	–	10
11	Карасубазарская протогимназия	–	19
12	Армяно-Базарская протогимназия	–	3
13	Мелитопольское реальное училище	2 и 1 инструктор	–
Всего		239	208
		447	

Составлено по архивным данным [14. Л. 19–26, 83–96]

Активная деятельность Симферопольского военно-спортивного комитета привлекла в ряды отрядов допризывников значительное количество молодых людей. Так, в октябре-ноябре 1916 г. под наблюдением комитета занимались 465 лиц [14. Л. 52]. В качестве инструкторов в г. Симферополе работали отставные и действующие офицеры: капитаны Козинцев, Косаговский, Суржко, Ковалев, поручики Олейников, Баев, Харитонов. Им в помощь выделялись помощники из нижних чинов. Для проведения занятий в приписанных к Симферопольскому военно-

спортивному комитету учебных заведений было решено направить в г. Карасубазар старшего унтер-офицера 35-го пехотного запасного полка Константина Кильдюшкина, в с. Армянский-Базар – старшего унтер-офицера Шевченко и ефрейтора Петра Жетовкина [14. Л. 43, 45, 55].

На основе анализа протоколов заседания Особой испытательной комиссии и списков лиц, прошедших допризывную подготовку в Симферопольском военно-спортивном комитете, можно заключить, что за период работы комитета с января 1916 по июнь 1917 г. было

успешно подготовлено и аттестовано 447 допризывников. Звание инструктора получили 9 человек (см. таблицу). Подготовку прошли практически все учащиеся выпускных классов средних учебных заведений г. Симферополя.

После Февральской революции 1917 г. Канцелярия главнонаблюдающего за физическим развитием в Российской империи была упразднена, а вопросами допризывной подготовки занялся уполномоченный Временного правительства по делам допризывной подготовки и физического развития населения России В. Срезневский. Согласно постановлению комиссаров Исполнительного комитета Государственной Думы от 3 марта 1917 г. и по распоряжению министра народного просвещения от 7 марта 1917 г. допризывную подготовку было решено продолжать, а ее программа была ограничена определенными прикладными разделами руководства «Мобилизация спорта» [16. Л. 49, 54]. До официального издания военного устава были исключены разделы, связанные с военной присягой и устройством войск [17].

Военно-спортивным комитетам было рекомендовано действовать в прежнем составе до вступления в него новых лиц. Рассматривались возможности готовить в военно-спортивных комитетах кадры для создания народной милиции [14. Л. 126–127]. Согласно отношению от 12.04.1917 г. № 979 таврического губернского комиссара, в Симферопольский военно-спортивный комитет от новой власти был назначен начальник симферопольской городской милиции И.В. Никольский вместо полицмейстера Соколова и ряд других лиц [14. Л. 68].

30 июня 1917 г. Симферопольский военно-спортивный комитет получил циркуляр № 1616 от 15.06.1917 г., который предписывал остановить новые выпуски в от-

рядах допризывной подготовки в связи с материальными трудностями. Надлежало завершить уже начатые курсы и выслать списки окончивших их лиц для окончательного расчета, что было сделано Симферопольским комитетом в июле 1917 г. В отношениях № 709, 715–717 содержались просьбы об срочном ассигновании должных сумм за подготовку допризывников. Эти отношения не были удовлетворены и деятельность комитета была полностью прекращена [14. Л. 129, 132].

Заключение

Таким образом, рассмотренные вопросы по организации допризывной подготовки в г. Симферополе в период Первой мировой войны показали достаточно высокую ее эффективность. Основная заслуга в этом принадлежала Симферопольскому военно-спортивному комитету, в состав которого входили представители учебных заведений, местной административной власти, спортивных обществ, военного ведомства, городских и земских учреждений. Симферопольский военно-спортивный комитет в 1916 и 1917 гг. охватил допризывной подготовкой учащихся двух старших классов всех учебных заведений Симферополя, а также значительное количество молодежи допризывного возраста в отрядах при Обществе содействия физическому развитию и спорту. Комитет достаточно эффективно решал вопросы организационно-педагогического и материального обеспечения системы допризывной подготовки и, несмотря на непродолжительное время своего существования, подготовил и аттестовал значительное количество инструкторов допризывной подготовки и молодых людей к службе в армии.

Список источников

1. Симонов К.В. К вопросу об организации военной подготовки Российской молодежи накануне Первой мировой войны // Медико-биологические и педагогические основы адаптации, спортивной деятельности и здорового образа жизни : сб. науч. тр. Воронеж : Научная книга, 2018. С. 430–436.
2. Мутьев А.В. Становление и развитие гимнастики в образовательных учреждениях Крыма с середины XIX до начала XX столетия // Наука и спорт : современные тенденции. 2019. Т. 7, № 3. С. 80–87.
3. Алексеев К.А. «Мобилизация спорта» и ее освещение в прессе 1914–1915 гг. // Век информации. 2015. № 2. С. 7–18.
4. Белоков Д.А. Подготовка допризывников Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Воинское обучение и воспитание. 2010. № 3. С. 21–25.
5. Смирнов М.А. Роль физического воспитания и организация подготовки молодежи к военной службе в Вятской губернии в период Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 3–1. С. 63–66.
6. Никулин Д.О. Деятельность Новониколаевского военно-спортивного комитета по допризывной подготовке в 1916–1917 годах // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 180. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-15.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).
7. Сулимов В.С. К вопросу об организации военно-спортивного комитета в Кургане в период Первой мировой войны // История и археология. 2015. № 3 (23). С. 8–10.
8. Буценко А.В. Значение «Мобилизации спорта» в процессе развития физического воспитания молодежи юга Украины // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2015. № 7 (109). С. 74–76.
9. Никифорова Л.Л. Евпаторийская казенная мужская гимназия в преддверии Октябрьской революции // XX Таврические научные чтения : сб. материалов. Симферополь : АРИАЛ, 2020. 280 с.
10. Новикова Е.В. Константиновское реальное училище в г. Севастополе (Из истории народного образования в Крыму) // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52, Т. 2. С. 217–223.
11. Шелягова А.А. Симферопольская частная мужская гимназия Е.И. Свищева : ретроспективный анализ // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52–1. С. 367–373.
12. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 154 (Симферопольская мужская гимназия, учрежденная Свищевым Евгением Ивановичем). Оп. 2. Д. 10.
13. ГАРК. Ф. 104 (Симферопольская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 1068.
14. ГАРК. Ф. 154. Оп.1. Д. 15.
15. Хроника // Крымский вестник. 1916. 21 сент. № 243. С. 3.
16. ГАРК. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1110.
17. Мобилизация спорта. Петроград : Тип. железнод. изд., 1916. 317 с.

References

1. Simonov, K.V. (2018) K voprosu ob organizatsii voennoy podgotovki Rossiyskoy molodezhi nakanune Pervoy mirovoy voyny [On organizing military training of Russian youth on the eve of the First World War]. In: *Mediko-biologicheskie i pedagogicheskie osnovy adaptatsii, sportivnoy deyatel'nosti i zdorovogo obraza zhizni* [Medical-biological and pedagogical foundations of adaptation, sports activities and a healthy lifestyle]. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 430–436.
2. Mut'ev, A.V. (2019) Stanovlenie i razvitiye gimnastiki v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Kryma s serediny XIX do nachala XX stoletiya [Formation and development of gymnastics in educational institutions of Crimea from the mid-19th c. to the beginning of the 20th c.]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii*. 7 (3). pp. 80–87.
3. Alekseev, K.A. (2015) "Mobilizatsiya sporta" i ee osveshchenie v presse 1914–1915 gg. ["Mobilization of sport" and its coverage in the press in 1914–1915]. *Vek informatsii*. 2. pp. 7–18.
4. Belyukov, D.A. (2010) Podgotovka doprizyvnikov Pskovskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Training of pre-conscripts of the Pskov province during the First World War]. *Voinskoe obucheniye i vospitaniye*. 3. pp. 21–25.
5. Smirnov, M.A. (2013) Rol' fizicheskogo vospitaniya i organizatsiya podgotovki molodezhi k voennoy sluzhbe v Vyatskoy gubernii v period Pervoy mirovoy voyny [The role of physical education and the organization of training youth for military service in the Vyatka province during the First World War]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 3–1. pp. 63–66.
6. Nikulin, D.O. (2021) Deyatel'nost' Novonikolaevskogo voenno-sportivnogo komiteta po doprizyvnoy podgotovke v 1916–1917 godakh [Activities of the Novonikolaevsk Military Sports Committee for pre-conscription training in 1916–1917]. *Istoricheskiy kur'er*. 5 (19). [Online] Available from: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-15.pdf> (Accessed: 14.05.2023).
7. Sulimov, V.S. (2015) K voprosu ob organizatsii voenno-sportivnogo komiteta v Kurgane v period Pervoy mirovoy voyny [On organizing a military sports committee in Kurgan during the First World War]. *Istoriya i arkhologiya*. 3 (23). pp. 8–10.
8. Butsenko, A.V. (2015) Znachenie "Mobilizatsii sporta" v protsesse razvitiya fizicheskogo vospitaniya molodezhi yuga Ukrainy [The importance of "mobilization of sports" in the development of physical education of youth in the south of Ukraine]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov*. 7 (109). pp. 74–76.
9. Nikiforova, L.L. (2020) [Evpatoria State Men's Gymnasium on the eve of the October Revolution]. *XX Tavricheskie nauchnye chteniya* [20th Tauride Scientific Readings]. Conference Proceedings. Simferopol: ARIAL.
10. Novikova, E.V. (2004) Konstantinovskoe real'noye uchilishche v g. Sevastopole (Iz istorii narodnogo obrazovaniya v Krymu) [Konstantinovskiy real school in Sevastopol (From the history of public education in Crimea)]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2 (52). pp. 217–223.
11. Shelyagova, A.A. (2016) Simferopol'skaya chastnaya muzhskaya gimnaziya E.I. Svishcheva: retrospektivnyy analiz [Simferopol private men's gymnasium of E.I. Svishchev: retrospective analysis]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 52–1. pp. 367–373.
12. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund 154 *Simferopol'skaya muzhskaya gimnaziya, uchrezhdeniya Svishchevym Evgeniem Ivanovichem* [Simferopol men's gymnasium established by Evgeniy Ivanovich Svishchev]. List 2. File 10.
13. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund 104. List 1. File 1068.
14. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund 154. List 1. File 15.
15. *Krymskiy vestnik*. (1916) Khronika [Chronicle]. 21 September. 243. p. 3.
16. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund 104. List 1. File 1110.
17. Anon. (1916) *Mobilizatsiya sporta* [Mobilization of sports]. Petrograd: Tip. zheleznod. izd.

Информация об авторе:

Мут'ев А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dsport76@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Mutiyeu, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dsport76@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 343.98 (075.8)
doi: 10.17223/15617793/495/17

Развитие иноязычной научно-коммуникативной компетенции как функция городского университета

Ирина Александровна Савченко^{1, 2}

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

²Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

^{1, 2}savchenko-514@mgpu.ru / teosmaco@rambler.ru

Аннотация. Введено понятие *иноязычной научно-коммуникативной компетенции* как способа интеграции (в процессе изучения и использования иностранного языка) социальной коммуникации и научного познания, которая возможна в условиях городского университета. Рассматривается специфика развития целевой компетенции в условиях функционала городского университета. Применяется методика описания феноменов межкультурного дискурса посредством «системы координат», включающей две оси: интеллектуально-когнитивную и коммуникативную. На примере различных обществ и государств показана динамика развития иноязычной научно-коммуникативной компетенции в комплексной взаимосвязи со становлением городов и развитием грамотности.

Ключевые слова: иноязычное образование, языковая компетенция, иноязычная научно-коммуникативная компетенция, городской университет, система координат, право на свой город, дихотомия, дискурсивное поле, метанарратив и фразовый режим, когнитивно-коммуникативное и пространственно-временное измерения, «вектор Штера» и «вектор Лумана», грамотность, урбанизация

Источник финансирования: исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Для цитирования: Савченко И.А. Развитие иноязычной научно-коммуникативной компетенции как функция городского университета // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 179–188. doi: 10.17223/15617793/495/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/17

Development of foreign language scientific and communicative competence as a function of a city university

Irina A. Savchenko^{1, 2}

¹ Moscow City University, Moscow, Russian Federation

² Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

^{1, 2} savchenko-514@mgpu.ru / teosmaco@rambler.ru

Abstract. The aim of the article is to determine the integral role of a city university in the formation of a special form of foreign language proficiency – foreign language scientific and communicative competence. The author's method of describing the phenomena of intercultural foreign language discourse is used by means of a “coordinate system” that includes two axes: intellectual-cognitive (“Stehr vector”) and communicative (“Luhmann vector”). The vectors received their names in honor of two of the most famous sociologists of our time – Nico Stehr, who developed the concept “knowledge society”, and Niklas Luhmann, who proposed the theory of “autotopoiesis of communication”. Referring to the three-stage modernization model (Daniel Lerner), the author comes to the conclusion that foreign-language scientific and communicative competence accompanies the processes of literacy growth, urbanization and media development (their sequence may vary depending on certain socio-historical conditions) and is formed in the conditions of a “city university”. Using the example of various societies, the dynamics of urban universities in a complex relationship with the development of cities, literacy, media and the formation of foreign-language scientific and communicative competence is shown. It was found that in European countries with a very long (almost a thousand-year) university tradition, literacy, universities, foreign language proficiency, and, as a result, the formation of foreign-language scientific and communicative competence preceded the growth of cities. In the countries where the first universities appeared in Modern Times (Russia, USA),

there is a classic Lerner model: the growth of cities precedes all other processes. In developing (for example, African) countries with a young university tradition, the formation of a media system is ahead of the formation of universities and, as a result, precedes large-scale urbanization, the growth of literacy, and the level of formation of foreign-language scientific and communicative competence. In relation to modern Russia, attention is drawn to the decrease in the number of dissertation councils, where scientific works on the methodology of teaching a foreign language (the level of higher education) are evaluated. It is emphasized that in an innovation-oriented society, increased attention to the formation of foreign-language scientific and communicative competence is necessary. The preservation and development of continuity from the basic level (foreign-language communicative competence) to the advanced level (foreign-language scientific and communicative competence) are extremely relevant today.

Keywords: foreign language scientific and communicative competence, city university, coordinate system, right to your city, dichotomy, discursive field, metanarrative and phrasal mode, cognitive-communicative and spatial-temporal dimensions, “Stehr vector” and “Luhmann vector”, literacy, urbanization

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288: Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

For citation: Savchenko, I.A. (2023) Development of foreign language scientific and communicative competence as a function of a city university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 179–188. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/17

Введение

Развитие иноязычной коммуникативной компетенции, урбанизации и грамотности – понятия, тесно связанные с университетским движением. Между тем до сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной науке нет работ, где в комплексе были бы установлены причинно-следственные связи между всеми этими процессами.

Начнем с того, что понятия грамотности и иноязычной коммуникативной компетенции в педагогической науке соотносятся достаточно редко. Действительно, человек может «владеть» несколькими языками, но быть неграмотным (читать с трудом, говорить и писать с ошибками) в родном и неродном языках. Так происходит в случае, когда в жизни индивида коммуникативные аспекты деятельности преобладают над когнитивными. На фоне общего недостатка образованности этому способствуют рынок и миграции: для того чтобы вступить в отношения торгового обмена, индивидам бывает достаточно крайне ограниченного уровня владения языком (родным или иностранным).

Между тем в учебных заведениях преподают и родной, и иностранный языки именно для того, чтобы обучающиеся стали грамотными, а не остались на уровне профанного языкового сознания [1. Р. 67]. Уже в 1994 г. американский социолингвист Б.Ф. Фердман показал, что качественные показатели грамотности «в родном и втором языках» будут иметь приоритетную значимость в компьютерную эпоху [2]. Вот почему сегодня следует говорить о грамотности как о системной категории, характеризующей владение как родным, так и иностранным языком. Именно такое понимание грамотности проходит красной линией через размышления, представленные в настоящей статье.

В науке об образовании взаимосвязь концептов грамотности и урбанизации также не получила достаточного обоснования. В 1958 г. американский публицист Дэниел Лернер представил трехэтапную модель модернизации. В этой модели урбанизация была на первом месте, грамотность – на втором, а медиа –

на третьем [3]. Уже в наши дни немецкий социолог Нико Штер применяет данную модель для характеристики динамики обществ, основанных на участии и социальном активизме [4. Р. 94–95].

Системным понятием, интегрирующим грамотность, урбанизацию и иноязычную коммуникативную компетенцию, является «городской университет». Именно университет, а не завод, транспортная сеть или торговый центр является «градообразующим предприятием», формирующим интеллектуально-коммуникативную среду урбанизированного пространства, аккумулирующего человеческий, или так называемый креативный капитал. Городской университет развивает дискурсивную среду для реализации творческими людьми их склонности к инновациям и «права на свой город» [5]. В дискурсивном поле городского университета иноязычная коммуникативная компетенция становится инструментом научной коммуникации и научного познания и обретает свойства *иноязычной научно-коммуникативной компетенции*.

Постановка проблемы

Для того, чтобы в контексте становления городских университетов осознать взаимовлияние трех переменных (урбанизации, грамотности и владения иностранным языком), недостаточно простого сопоставления данных, иллюстрирующих современную ситуацию. Нужно проследить, как эти процессы влияли друг на друга в пространственно-временном контексте, «пересекая» разные эпохи и континенты. Лишь после этого станет возможным решение *магистральной задачи*, поставленной в данной статье, – определение интегральной роли университета в формировании особой формы владения иностранным языком – иноязычной научно-коммуникативной компетенции.

Методология

В основу исследования легли теоретические основы когнитивно-дискурсивных технологий обучения иностранному языку [6]. В данном контексте иноязычная коммуникативная компетенция трактуется как дискурсивный

феномен [7], проявляющий себя в коммуникации, но имеющий когнитивную основу.

Теоретико-методологическим ядром исследования стали концепции «общества знаний» немецкого социолога Нико Штера [8] и теория социальной коммуникации Никласа Лумана [9]. Основная идея Н. Штера – в том, что знание бесценно (не имеет цены) и является общественным достоянием. Особенно важно, что в «векторе Штера» знание (в том числе грамматика, лексика, стилистика иностранного языка и общая грамотность) в образовательном процессе первично по отношению к коммуникации. Коммуникация беспредметная или коммуникация «неграмотная» непродуктивны. В данном случае мнение Штера расходится с позицией его знаменитого соотечественника – Никласа Лумана, который обосновывал примат коммуникации применительно к любым сферам жизнедеятельности человека, в том числе интеллектуальной. Наше исследование, применительно к формированию иноязычной научно-коммуникативной компетенции, направлено на интеграцию обеих концепций. Однако мы, как и Штер, полагаем, что увлечение коммуникациями в ущерб познанию чревато эффектом поверхностности в обучении иностранному языку.

Получает методологическое обоснование авторская исследовательская модель, в которой пересекаются «вектор Штера» и «вектор Лумана»: применяется методика описания феноменов межкультурного иноязычного дискурса посредством «системы координат», включающей две оси: вертикальную интеллектуально-когнитивную и горизонтальную коммуникативную. Эта методология позволяет интерпретировать различные стороны овладения иноязычной коммуникативной компетенцией посредством соотнесения их интеллектуального и коммуникационного содержания.

В методологический инструментарий нашей работы вошли исследования, в которых так или иначе соотносятся иноязычная коммуникативная компетенция, грамотность, урбанизация. До сих пор системного соотнесения всех этих категорий не проводилось, анализировались исключительно взаимосвязи двух (а не трех) феноменов. Методологически значимыми стали для нас расставленные Б.М. Фердманом акценты в понимании грамотности применительно к вопросам совершенствования обучения «первому» и «второму» языкам в условиях культурной гетерогенности [2]. Основное внимание Б.Ф. Фердман (с акцентом на ситуацию в Северной Америке) уделил социокультурным контекстам, в которых развивается и внедряется грамотность, и показал, что когнитивные подходы к формированию навыков иноязычной коммуникативной компетенции могут доказать свою ценность только в междисциплинарном формате, особенно в совокупности с методами социально-гуманитарных наук [2. Р. 33–34]. Фердман установил, что грамотность «в родном языке» и «во втором языке» имеет разную социокультурную мотивацию, но общую когнитивную природу [2. Р. 33–34]. Наблюдения Бернардо Фердмана обрели актуальность сегодня, когда социальные сети перенасыщены контентом, чьи авторы демонстрируют неграмотность как в родном, так и иностранном языках [10].

Что касается взаимосвязей трех переменных – урбанизации, грамотности и медиакоммуникативной системы, здесь мы неоднократно обращаемся к уже упоминавшейся трехэтапной модели модернизации (Д. Лернер [3]) и показываем, каким образом данная модель модифицируется в зависимости от определенных социально-исторических условий. Определенные взаимосвязи между указанными переменными будут наблюдаться везде и всегда, однако их характер и последовательность далеко не универсальны.

Исследование и результаты

Университеты, с одной стороны, можно рассматривать в качестве социальных индикаторов сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, поскольку иностранные языки в той или иной степени присутствуют в дискурсе любого университета. С другой стороны, именно университеты выполняют социальную функцию развития иноязычной научно-коммуникативной компетенции как фактора научного познания и научного обмена.

В средневековой европейской университетской традиции формирование иноязычной научно-коммуникативной компетенции и развитие грамотности являлись собой синхронный процесс: образование велось на латыни, и студентам, чтобы обучаться, следовало выучить латынь. Таким образом, грамотность вкупе с иноязычной научно-коммуникативной компетенцией, как правило, предшествовала росту городов: в лернеровской модели первые две позиции менялись местами. Благодаря университету город становился городом, и происходило это достаточно давно – в XII–XIV вв.

«Средневековая урбанизация», последовавшая за ростом грамотности, прежде всего во «втором языке», и выражавшаяся в росте комплекса университетских городов, а не какого-то одного главного города, подтверждается еще и тем, что в европейских культурах образовательный стоице-центризм представлен весьма незначительно. Такому университетскому «контр-стоице-центризму» способствовала феодальная раздробленность, подкрепленная всесторонним влиянием католической церкви (для создания университета приоритетным основанием являлась папская булла, а не королевский указ).

Так, в Германии образовательного стоице-центризма не было никогда. Политическая раздробленность обеспечивала научно-образовательную автономию, а культурная близость – социальную коммуникацию между интеллектуальными институтами. Все это способствовало формированию некой средневековой демократии, по крайней мере в сфере образования и науки. В современной единой Германии – свыше 380 вузов, они рассредоточены по разным городам. В столице Германии их немногим более 30.

В Великобритании, безусловно, грамотность и развитие иноязычной научно-коммуникативной компетенции также предшествовали масштабному

градостроительству. Первые два английских университета превратили населенные пункты Оксфорд и Кембридж в города. В современной Британии насчитывается сегодня более 180 университетов, из них 40 – в Лондоне, два ведущих университета, по-прежнему, за его пределами. Тем не менее о «средневековой демократии» применительно к Англии говорить не приходится: образовательная монополия Оксфорда и Кембриджа была преодолена лишь во второй половине XIX в. в период промышленной революции.

Что касается Франции, то история заселения ее столицы и парижского университета наглядно показывает французскую специфику соотношения роста грамотности и роста городов. Так, несмотря на то что Париж был основан в античности и начиная с X в. неизменно оставался столицей государства, активное его заселение началось в XII в. – именно тогда, когда здесь появился первый университет. Схожие процессы происходили в Тулузе и Монпелье, где в XII столетии также были созданы университеты (с той лишь поправкой, что первые упоминания о Монпелье датируются X в.). Век спустя были созданы еще шесть: в Авиньоне, Орлеане, Каоре, Перпиньяне, Оранже и Анжу; в XV в. открылись еще восемь университетов. Местности, где создавались университеты, превращались в города. И хотя роль, статус и престижность различных университетов были неодинаковы [11. Р. 12], центробежные тенденции доминировали в исторической традиции развития французских университетов.

Статус «свободного городского университета» несколько изменился сначала на фоне абсолютизма, затем – в условиях наполеоновского правления и последовавшей за ним насильственной франкофонизации прежде культурно и лингвистически гетерогенной Франции, и после – в ситуации крайней бюрократизации, коснувшейся и образования. Тем не менее в Парижском регионе сегодня – 25 университетов (16 государственных), включая два частных католических и два – зарубежных, в то время как во всей Франции – 725 высших учебных заведений, из которых 70 – государственные университеты. Именно за счет частных высших образовательных институций была во многом преодолена наметившаяся тенденция к научно-образовательному центрizmu.

Отсутствие столице-центризма – положительный маркер в образовании: образованные эрудированные люди рассредоточены по разным городам страны, а не собраны в одном-двух. Применительно к иноязычной научно-коммуникативной компетенции такая ситуация также благоприятна. Университетские города становятся центрами международной коммуникации, обмена и производства знаний интернациональными научными коллективами.

Становление университетов в средневековой Европе опередило развитие школьного образования. Молодые люди из разных уголков поликультурной многоязычной Европы приходили в университет в очень мо-

лодом возрасте (в 14–15 лет) весьма малообразованными, а выходили оттуда высокоэрудированными людьми, свободно говорившими на латыни (*lingua franca* в среде студентов и в интеллектуальном сообществе) и читающими на греческом. Именно в этот период появились первые методики по обучению неродному языку. В многоязычном интернациональном студенческом коллективе познание второго языка осуществлялось путем «глубокого погружения»: лиотаровского «фразового режима» или «языковой игры» [12. Р. 84]. Метанарративный подход [12. Р. 44], которому свойственно усвоение одного языка через другой, применяться не мог: в большинстве случаев преподаватель не владел языками, которые для студентов были родными. Учебные пособия, помимо прочего, содержали систематизированные по научным отраслям тексты и перечни слов [13. С. 270].

Города росли синхронно с университетами, во многом за счет прибывающих туда студентов, которые, как правило, приезжали из других земель. Студенческие землячества именовались нациями. В Болонском университете, например, таких «наций» было девять: тосканская, ломбардская, римская, кампанская, каталонская, гасконская (баскская), венгерская, польская, германская (включала, помимо жителей немецких земель, датчан, фламандцев, литовцев и чехов) [14].

Преподавание на латыни преобладало в европейских университетах вплоть до середины XVIII в. [15. С. 161]. И дело здесь было уже не в «диктате католицизма», а в том, что Европа была слишком разнородна культурно и лингвистически. Лишь с началом строительства национальных государств, когда диалектные группы начали притесняться, а в государстве начал преобладать язык доминирующей этнокультурной группы, начинается преподавание на национальных языках (английском, французском, немецком), но по тем же методикам, что были разработаны в Средние века. Университеты по-прежнему были культурно-гетерогенными и продолжали быть авангардом роста городов, но теперь студентам приходилось изучать национальный язык того государства, где этот университет находился.

Так или иначе, но начиная с XVIII в. место университета в формировании иноязычной научно-коммуникативной компетенции меняется. К XIX в. формируется система классических гимназий, где преподавались латынь, греческий и два иностранных языка. Студенты приходили в университет с уже сформированной базовой иноязычной коммуникативной компетенцией. В самих же университетах преподавание иностранных языков сохранилось лишь на филологических отделениях. Таким образом, иноязычная компетенция, как и общий уровень грамотности, стали условием поступления в университет. Но если до промышленной революции социальная функция университета объединяла в себе развитие и городов, и грамотности, и языковой компетенции, то в XIX в. университет стал элементом инфраструктуры города, а знание, грамотность и языковая компетенция – функциональными элементами индустриального общества. Между тем в

настоящее время во многих университетах Европы образование полностью или частично осуществляется на английском языке, который сегодня стал таким же *lingua franca*, как латынь многие столетия назад. Таким образом, иноязычная научно-коммуникативная компетенция стала, как и в средневековом городском университете, основным элементом образовательной среды.

Что касается Соединенных Штатов, то они являются идеальной иллюстрацией лернеровской модели. Здесь, как мы знаем, не было Средневековья, но был образец, по которому хотела развиваться молодая демократия, однако, как и в любой бывшей колонии, события развивались по измененному, «сжатому» и ускоренному сценарию. Вместе с тем даже в период, предшествующий Войне за независимость, США мыслились не как обычная колония, а как «новый европейский свет». Так сложилось, вероятно, потому, что коренное население (индейцы) по разным причинам не составило здесь основной трудовой ресурс (в отличие, скажем, от индейцев во времена британского владычества [16]), рабский труд использовался ограниченно, и сами бывшие европейцы и их потомки своими руками создавали для себя новую родину. Сначала буквально на пустом месте возникали города, и их нужно было по европейской аналогии сделать «похожими на города»: построить ратушу, церковь, школу и университет. Последний становился выгодным бизнес-проектом, поскольку разбогатевшие вчерашние грабители и головорезы готовы были платить, чтобы их дети стали более-менее благовоспитанными людьми, а не проводили жизнь в салунах и потасовках. И лишь некоторое время спустя, в период промышленной революции, на выпускников университета появился реальный спрос. И спустя еще столетие, на фоне общего мирового экономического превосходства Соединенных Штатов, это привело к тому, что сегодня в мировых рейтингах американские университеты (Гарвард, Стэнфорд, Принстон и др.) держат монопольное лидерство [17. С. 41]. Современная американская система образования целиком основана на масштабной (не замыкающейся на одном-двух городах) урбанизации и не связана с феноменом столичности: лучшие учебные заведения разбросаны по стране, и находятся они не обязательно в Вашингтоне или Нью-Йорке.

В XVIII в., когда создавались старейшие и самые престижные на сегодня американские университеты, входящие в так называемую Лигу плюща (исключениями являются Гарвардский университет, созданный в 1736 г., и Корнеллский, созданный в 1865 г.), была попытка уподобить американское университетское образование европейскому. Поэтому первое время в американских университетах преподавались латынь, греческий и/или французский. Однако ближе к XIX в., практически синхронно с аналогичной тенденцией в Европе, преподавание иностранных языков окончательно перешло в сферу среднего образования. Выработалась важная связь между уровнем сформированности языковой компетенции и престижностью университета. В «элитные» американские колледжи (при университетах) поступают молодые люди, закончившие частные школы, где на высоком уровне ведется преподавание

нескольких иностранных языков. Сегодня в США эта компетенция является «входным билетом» для молодых людей с разных уголков земли, для которых английский не является родным, желающих получить образование в университетских городах США.

Существует мнение, что между США и Россией много общего, и некие «консервативные ценности» являются основанием для «моста» между сообществами двух стран [18]. В США первые высшие учебные заведения создавались менеджерами в Новое Время, в России – также в Новое Время – монархами, в Европе же – в далекие Средние века – философами. Тем не менее лернеровская модель (с поправкой на то, что создание городов-острогов мы не можем с уверенностью называть урбанизацией) все же применима к России: сначала возникали города, а потом в них приходило знание, нередко из далеких земель. Возможно, некоторым исключением здесь является Санкт-Петербург, где первый университет возник вскоре после основания города.

Динамика же языковой компетенции в российских университетах по ряду параметров напоминала европейскую: многие предметы в первых университетах преподавались на латыни. Однако причины преподавания на неродном для обучающихся языке были специфическими. М.В. Ломоносов искренне стремился к тому, чтобы в университете преподавание велось на русском языке. Тем не менее, в первом российском университете было только два профессора, способных преподавать на родном для студентов языке: Н.Н. Поповский и А.А. Барсов. Остальное педагоги были иностранцами, потому, лекции читались либо на латыни, либо – немецком языке [19]. Поскольку в Российской империи XVIII в. школьное образование, как и средневековой Европе, не было институализировано, в университет приходила весьма разнообразная публика, в лингвистическом плане, как правило, неподготовленная. Именно для того, чтобы студенты могли понимать иностранных преподавателей, в российских университетах постепенно стали создаваться условия обучения студентов латыни, немецкому, позже – французскому и английскому языкам. В XIX в. институализировалась система классических гимназий, где также преподавались как древние, так и современные языки. Однако в отличие от Европы и США в России сформировалась уникальная система непрерывного развития языковой компетенции: через школу – в вуз, от базовой иноязычной коммуникативной компетенции к иноязычной научно-коммуникативной компетенции. Иностранный язык, укоренившись в среднем образовании, не ушел из нелингвистического высшего образования. Более того, получило развитие целое направление в методике преподавания иностранных языков, ориентированное на развитие иноязычной коммуникативной компетенции в неязыковом вузе.

Между тем в пространственно-географическом отношении формирование иноязычной научно-коммуникативной компетенции в российских университетах было и остается непропорциональным: знание имеет столице-центричный характер. Так, в современной России при населении 145,5 млн человек городскими

жителями являются 75%. По 266 городам страны рас-средоточены 1 024 российских вуза (853 государ-ственных и 171 частный). Примерно 11-я часть рос-сийян проживает в столице (13,1 млн человек), но при этом в Москве расположена четвертая часть всех ву-зов (266). Если к московским университетам добавить 45 университетов современного Санкт-Петербурга, то окажется, что треть всех вузов России сосредоточена в двух столицах.

В странах бывшего СССР образовательный сто-лице-центризм проявляет себя еще ярче. В советское время в бывших советских республиках «по инициа-тиве Москвы» создавались многочисленные универси-теты, но в основном в столицах этих республик. Такая установка сохранилась и после распада СССР, потому сегодня образовательный центростризм в республи-ках ближнего зарубежья выражен еще более ярко, чем в советский период. Так, например, в современной Ар-мении количество университетов продолжает расти, однако по-прежнему они сосредоточены в столице. В Армении – стране с населением менее трех миллионов человек – число городских жителей 64%, при этом население Еревана составляет 37% населения всей Ар-мении. Из 54 вузов Армении – 81% (44 вуза) находятся в Ереване (23 государственных и 21 частный). Знание концентрируется не в разных городах, а в одном цен-тре. Очевидно, предполагается, что, овладев знанием, люди понесут его на периферию. Так, конечно, и про-исходит, но далеко не всегда. В нынешнем веке, чтобы создать общество участия, странам ближнего зарубе-жья придется пройти долгий путь. Представляется, что городская динамика здесь все же предшествует обра-зовательской. Это относится и к овладению языковыми компетенциями. В той же Армении (похожая ситуация наблюдается во многих странах Евразийского содру-жества) изучение русского языка в школах и вузах яв-ляется обязательным (изучается со второго класса об-щеобразовательной школы), как и второго иностран-ного, как правило, английского (изучается со второго класса). «Однако по сравнению с советским периодом, количество часов, отводимых на русский язык, значи-тельно сократилось: в начальной и основной школах уроки по русскому языку проводятся два – три раза в неделю, в 10–11–12 классах старшей школы – уже по 3 часа в неделю, в классах с профильным обучением: 5–8 часов в неделю. В вузах в рамках непрофильных (не-языковых) направлений подготовки на обучение рус-скому языку отводится не более двух часов в неделю и только в первые три семестра обучения» [20].

Мы увидели, что в странах с очень продолжитель-ной (почти тысячелетней) университетской традицией грамотность, университеты, владение иностранными языками, следовательно и формирование иноязычной научно-коммуникативной компетенции, предшество-вали росту городов. В странах, где первые универси-теты появились в Новое Время (Россия, США), налицо классическая лернеровская модель: рост городов пред-шествует всем остальным процессам. В любом случае и в России, и в США, и в Европе развитие медиа сле-дует за развитием городов, грамотности и иноязычной научно-коммуникативной компетенции. Между тем в

странах с очень молодой университетской традицией развитие СМИ опережает становление университетов и, как следствие, рост городов, грамотность и форми-рование иноязычной научно-коммуникативной компе-тенции.

Так, в Уганде почти 50 млн жителей (80% – селяне), но лишь 34 университета, при этом 44% из них (15 уни-верситетов) находятся в Кампале – главном городе страны, где проживают полтора миллиона человек. В этой африканской стране повышение уровня грамотно-сти населения и урбанизация – симультантные про-цессы, а в университетском движении доминирует сто-лице-центризм. В то же время почти половина жителей Уганды уже в 2015 г. были активными пользователями домашнего и мобильного интернета [21]. Бывшие ко-лонии формируют свою интеллектуально-коммуника-тивную инфраструктуру сначала по образу и подобию метрополии, но затем сценарий модифицируется, и мо-дернизация происходит в ускоренной и измененной форме. Города, университеты, культурная жизнь раз-виваются здесь не так быстро, как медиа.

Примечательно, что 23% (около 11,5 млн) угандий-цев имеют высшее образование (то количество прак-тически совпадает с числом горожан в Уганде). Однако угандийские вузы ежегодно выпускают немногим бо-лее 60 тыс. человек. Нетрудно понять, что лишь незна-чительная часть угандийцев получила высшее образо-вание на родине. Базовая иноязычная коммуникатив-ная компетенция (в основном в области английского языка) жителей Уганды формируется в средней школе и зачастую становится «пропуском» в зарубежный университет, где она может, при благоприятных усло-виях, трансформироваться в иноязычную научно-ком-муникативную компетенцию.

Между тем сегодня ситуация меняется. Отраднo, что меняется она применительно к русскому языку. В уган-дийских учебных заведениях (основная площадка – сто-личный Университет Макерере) под патронажем Мини-стерства просвещения Российской Федерации дей-ствуют центры открытого образования на русском языке и обучения русскому языку. Студентов обучают преподаватели Оренбургского государственного педа-гогического университета [22]. Трактория обучения: от иноязычной коммуникативной компетенции к иноязыч-ной научно-коммуникативной компетенции.

Возвращаясь в Россию, отметим, что сегодня как в научной, так и в административной среде задача обра-зовательной децентрализации уже поставлена. Стано-вится понятным, что университетских центров должно быть больше: знание и грамотность обозначается как приоритет, за которым должны последовать урбани-стические процессы. Так, например, в Княгинино Ни-жегородской области (городом с населением немногим больше шести тысяч человек) действует университет, где обучаются почти пять тысяч человек. Или, напри-мер, на острове Русский (Приморский край) с насе-лением десять с половиной тысяч человек функциони-рует большой кампус Дальневосточного федерального университета, в котором обучаются шесть с половиной тысяч студентов. Цель в данном случае – превращение

этих муниципальных образований в центры и трансляторы знания (подобные Оксфорду или Кембриджу), но не в мегаполисы. Успешность подобных инициатив будет, мы полагаем, оценена в недалеком будущем. Чем больше будет подобных городов-университетов – а в каждом из них работает кафедра или департамент иностранных языков, – тем больше будет оснований для полноценной работы дискурсивной образовательной системы координат, где и коммуникативный, и когнитивный векторы будут реализовывать себя одинаково эффективно.

Магистральная направленность формирования и совершенствования научно-коммуникативной компетенции как функционала городского университета обусловлена новыми подходами в лингводидактике [23] и тенденциями модернизации иноязычного образования [24], предусматривающими широкое использование методов интегративно-развивающего обучения [25], личностно-деятельностного подхода [26], разнообразных форматов совместной работы [27], в том числе интерактивных [28] и коворкинг-технологий [29].

Необходимым элементом продуктивного развития научно-коммуникативной компетенции на базе городского университета становится высокий уровень развития коммуникативной культуры и критического мышления [30], обеспечиваемый технологиями коммуникативного тренинга [31] и коммуникативно-проектными технологиями [32]. В современных условиях развития городской образовательной среды практический аспект последовательного развития иноязычной научно-коммуникативной компетенции реализуется одновременно в нескольких плоскостях.

Первая плоскость – это первично формируемая у обучающихся в городском университете иноязычная научно-коммуникативная компетенция. Начальный этап формирования указанной компетенции, на наш взгляд, присутствует в тех случаях, когда обучающийся в городском университете попадает в абсолютно новую для него иноязычную научно-коммуникативную среду, в пределах которой перед ним стоят задачи формирования соответствующих компетенций – от коммуникации в новом для него научном дискурсивном поле до развития иноязычных компетенций по вновь изучаемым иностранным языкам либо по тем иностранным языкам, овладение которыми осуществлялось в школе, но по абсолютно новым для обучающегося лексическим и лексико-коммуникативным платформам знаний иностранных языков.

Вторая плоскость – совершенствование на более высоком уровне у обучающихся в городском университете первоначально сформированной в общеобразовательном учреждении иноязычной научно-коммуникативной компетенции. В данной плоскости речь может идти о реализации городским университетом зафиксированной в ФЗ «Об образовании в РФ» модели непрерывного воспитательно-обучающего воздействия на обучающегося. В соответствии с научно-философскими положениями третьего закона диалектики развитие иноязычной научно-коммуникативной компетенции у студента реализуется посредством «отрицания» – углубления, расширения, совершенствования

первоначально сформированных в школе компетенций. В случае когда не требуется значительного временного промежутка для создания базы формирования научно-коммуникативной компетенции, ее развитие вполне может реализовываться не только в ускоренном темпе, но и воплощать идею генерирования «штучного продукта» – малых групп (отдельных выпускников), обладающих уникальными иноязычными научно-коммуникативными компетенциями: синхронных переводчиков с двух и более языков, технических специалистов с высоким уровнем знания специальной лексики по строго определенному направлению бизнеса и др.

Ко второй плоскости относятся трансформация и «переналадка» имеющейся у индивида иноязычной научно-коммуникативной компетенции в рамках получения им дополнительного профессионального образования, реализуемого в парадигме «образование через всю жизнь». Обозначенное ДПО может реализовываться городским университетом как посредством иноязычной профессиональной переподготовки, так и (что встречается гораздо чаще и демонстрирует большую результативность) повышение их квалификации.

Поскольку речь идет именно о целенаправленном процессе формирования и совершенствования в городском университете иноязычной научно-коммуникативной компетенции, мы указываем на такой неочевидно значимый аспект воздействия внешней среды, как закрепление полученных знаний, совершенствование умений и наработку иноязычных коммуникативных навыков в ходе прохождения обучающимся различных видов практик. От того, насколько качественно городским университетом организовано взаимодействие с местами прохождения обучающимися практики, насколько менеджмент «принимающей стороны» заинтересован в получении «высококачественного образовательного продукта», напрямую зависит степень итоговой сформированности у выпускника университета иноязычной научно-коммуникативной компетенции, которая одновременно становится органичной частью городской культуры.

Заключение

Языковые компетенции формируются в спектре пересечения «вектора Лумана» (интегрированного вектора социальных коммуникаций) и «вектора Штера», представленного научным знанием. Вместе с тем в пределах базовой иноязычной коммуникативной компетенции (характерной для средней школы) доминирует «вектор Лумана», поскольку такая степень владения иностранным языком обеспечивает межкультурное взаимодействие на уровне повседневного общения и дает возможность «изъясниться», понять и быть понятым. Углубленная и специализированная форма владения иностранным языком, развиваемая в городской университетской среде, соответствует иноязычной научно-коммуникативной компетенции: здесь лидирует «вектор Штера».

Пользуясь терминологией самого Штера, школьный уровень иноязычной компетенции – это поверхностное «знание-знакомство» («knowledge of acquaintance»), в то время как университетский уровень – это понимание сути вещей, «знание-что» («knowledge-about, in theory») [33. Р. 90]. Формирование иноязычной научно-коммуникативной компетенции формируется вкупе с овладением научным знанием. Вместе они позволяют понять «асимметричную дихотомию», доступную во многих языках, между *connaître* и *savoir* во французском, *kennen* и *wissen* в немецком или *noscere* и *scire* в латыни [33. Р. 90].

Формирование иноязычной научно-коммуникативной компетенции предъявляет особые требования к преподавателю иностранного языка, работающему в городском университете. Для работы с будущим «креативным классом» [34] такие преподаватели проводят колоссальную исследовательскую работу и получают ученые степени кандидатов и докторов педагогических наук по научной специальности 5.8.2 «Теория и методика обучения и воспитания (уровень высшего образования)».

Между тем количество диссертационных советов, где оцениваются научные работы, направленные на внедрение в высшей школе, неуклонно снижается. Переориентирование ряда диссертационных советов (например, в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова, в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена) на научно-методическое обеспечение формирования иноязычной коммуникативной компетенции на уровне среднего общего и среднего профессионального образования в определенной степени оправдано. Действительно, средняя школа и средние профессиональные учебные заведения испытывают острую потребность в кадрах, доказавших свою высокую квалификацию перед научным сообществом. Более того, сформировать иноязычную научно-коммуникативную компетенцию весьма сложно, если у обучающихся не сформирована базовая иноязычная коммуникативная компетенция. Вместе с тем в обществе, ориентированном на инновации,

повышенное внимание к формированию иноязычной научно-коммуникативной компетенции также жизненно необходимо. Сохранение и развитие преемственности (как практической, так и теоретико-методологической) от базового уровня (иноязычной коммуникативной компетенции) к продвинутому (иноязычной научно-коммуникативной компетенции) сегодня крайне актуально. Представляется, что такая преемственность могла бы поддерживаться и диссертационными советами, крайняя специализация которых, возможно, через какое-то время будет пересмотрена.

Городской университет является ключевым звеном в триаде грамотность, урбанизация, иноязычная научно-коммуникативная компетенция. Социальная миссия городского университета, таким образом, включает в себя подготовку, аккумуляцию и самоопределение «креативного класса» [34] – лингвокультурного гетерогенного сообщества способных к инновациям людей, сосредоточенных в университетских городах, где есть возможности для реализации творческим человеком «права на свой город» – права на личностную и профессиональную самоактуализацию.

Динамика иноязычной научно-коммуникативной компетенции как функции городского университета в новых социально-детерминированных условиях напрямую соотносится с условиями взаимодействия широкой городской социокультурной среды (как области мотивации развития и непосредственной реализации целевой компетенции) и городской образовательной среды, внутри которой созданы специальные инструменты формирования данной компетенции. В фокусе взаимодействия этих сред создается трансструктурный (динамичный многоукладный) фундамент комплексного иноязычного научно-коммуникативного обучения, которое интегрирует в себе три плоскости: плоскость «вхождения в компетенцию», плоскость «углубления и расширения» компетенции, плоскость «трансформации и развития».

Список источников

1. Adams M. In Praise of Profanity. Oxford : Oxford University Press. 2016. 272 p.
2. Ferdman B.M. Literacy Across Languages and Cultures (Sunny Series, Literacy, Culture, and Learning: Theory and Practice). N.Y. : State University of New York Press. 1994. 356 p.
3. Lerner D. The Passing of Tradition Society. Modernizing The Middle East. N.Y. : The Free Press, 1964 (Copyright 1958). URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.118860/2015.118860.The-Passing-Of-Traditional-Society_djvu.txt (дата обращения: 15.06.2023).
4. Stehr N. Information, Power and Democracy. Liberty is a Daughter of Knowledge. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 418 p.
5. Савченко И.А., Козлова Ю.В. «Право на свой город»: проект эпистемологической урбанистики // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 185–201.
6. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305. doi: 10.17223/19996195/44/18
7. Гураль С.К., Ким-Малони А.А. Дискурс-анализ и обучение межкультурной коммуникации // Антропоцентрические науки в образовании. Воронеж, 2019. С. 15–21.
8. Stehr N. Knowledge Societies. London : Sage Publications LTD, 1994. 304 p.
9. Луман Н. Медиа коммуникации. М. : Логос, 2005. 280 с.
10. Fingeret A. Social Network: A New Perspective on Independence and Illiterate Adults // Adult Education Quarterly. 1983. Vol. 33, Is. 3. P. 133–146.
11. Charle Ch., Verger J. Histoire des universités, XIIe – XXe siècle. Paris : Presses Universitaires de France, 2012. 352 p.
12. Lyotard J.F. Discourse, Figure. Minneapolis : University of Minnesota Press. 2011. 512 p.
13. Университетоведение / О.А. Яновский [и др.]. Минск : БГУ, 2011. 343 с.
14. Суворов Н.С. Устройство средневековых университетов // Развитие личности. 2007. № 1. С. 218–231 (опубликовано впервые в 1898 г.)
15. Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156–169.

16. Маркс К. Британское владычество в Индии. Будущие результаты британского господства в Индии. М. : Прогресс, 1982. 21 с.
17. Касавин И.Т. Университет Гумбольдта и его альтернативы в условиях рыночной науки // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 41–46.
18. Moiseev D.S., Kharin A.N., Sigachev M.I., Arteev S.P. Conservative Values as a Bridge between Russia and the West // *Russia in Global Affairs*. 2023. № 21(3). P. 38–60.
19. Русский язык и культура речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. Ростов н/Д : Феникс, 2002 (Курск : ФГУИПП Курск). 383 с.
20. Савченко И.А., Алоян Ж.Л., Барсегян С.С. Русский язык в современной армении: элементы компаративного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 195–208. doi: 10.17223/15617793/483/22
21. Uganda: Communications: Telephone System // Central Intelligence Agency. Washington, DC: The World Factbook. URL: <https://web.archive.org/web/20151018002856/https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ug.html> (дата обращения: 15.06.2023).
22. Суворова Л. В образовательном центре Уганды русский язык изучают более 200 студентов // Учительская газета. Сетевое издание. 2023. 11 августа. URL: <https://ug.ru/v-obrazovatelnom-centre-ugandy-russkij-yazyk-izuchayut-bolee-200-studentov/?ysclid=llnvtorsxm14804030> (дата обращения: 15.06.2023).
23. Новые подходы в лингводидактике и педагогическом образовании / К.Э. Безукладников, Е.К. Гитман, Е.П. Глумова [и др.]. Н. Новгород : Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2022. 312 с.
24. Обдалова О.А., Соболева А.В., Минакова Л.Ю. Модернизация иноязычного образования в эпоху социальных вызовов и технологических трансформаций: кейс-исследование трансформации образовательной программы магистратуры // Перспективы науки и образования. 2023. № 2 (62). С. 102–124. doi: 10.32744/pse.2023.2.6
25. Обдалова О.А., Жарова Ю.В. Интегративно-развивающее обучение будущих инженеров иноязычной публичной речи на основе технологии междисциплинарного ассемблирования // Философия образования. 2023. Т. 23, № 2. С. 158–177. doi: 10.15372/PHE20230210
26. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Личностно-деятельностный подход как основа совершенствования иноязычной профессиональной компетенции студентов магистратуры // Система непрерывного филологического образования: школа–колледж–вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования : сб. науч. тр. по материалам XXII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., Уфа, 14–15 апреля 2022 г. / под ред. В.Ф. Аитова, Х.Х. Галимовой, Н.У. Халиулловой, Ю.А. Шаниной. Уфа : Башкирский гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2022. С. 286–288. EDN: GMAPBX.
27. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 37–47. doi: 10.17223/15617793/488/4
28. Obdalova O.A., Kharapudchenko O.V., Soboleva A.V., Minakova L.Y. Interactive Technology in Teaching English Oral Academic Discourse to Master Students // Anikina Z. (ed.) *Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives*. IEEEHIP 2022. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 499. Springer, Cham, 2022. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_6
29. Харапудченко О.В., Обдалова О.А. Коворкинг как инновационная педагогическая технология совершенствования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции студентов магистратуры // Развитие инноваций и инновационное развитие науки и общества : сб. материалов всерос. науч.-методич. конф. 2020. С. 208–211.
30. Обдалова О.А., Зелichenko Ю.Л. Критическое мышление как компонент научно-исследовательской компетенции аспирантов // Актуальные проблемы гуманитарных наук : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Нижневартовск, 22 марта 2022 года / отв. ред. Д.А. Погонышев. Нижневартовск : Нижневарт. гос. ун-т, 2022. С. 533–537. doi: 10.36906/NVSU-2022/88
31. Cam M.F., Obdalova O.A. The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
32. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Модель интеграции коммуникативно-проектной технологии в обучение иноязычной публичной речи будущих инженеров // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. № 61. С. 175–190. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-175-190
33. Stehr N. *Knowledge Capitalism*. New York : Routledge, 2022. 410 p.
34. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.

References

1. Adams, M. (2016) *In Praise of Profanity*. Oxford: Oxford University Press.
2. Ferdman, B.M. (1994) *Literacy Across Languages and Cultures (Sunny Series, Literacy, Culture, and Learning: Theory and Practice)*. N.Y.: State University of New York Press.
3. Lerner, D. (1964) *The Passing of Tradition Society. Modernizing The Middle East*. N.Y.: The Free Press. (Copyright 1958). [Online] Available from: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.118860/2015.118860.The-Passing-Of-Traditional-Society_djvu.txt (Accessed: 15.06.2023).
4. Stehr, N. (2016) *Information, Power and Democracy. Liberty is a Daughter of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Savchenko, I.A. & Kozlova, Yu.V. (2022) “Pravo na svoj gorod”: projekt epistemologicheskoy urbanistiki [“The right to your city”: a project of epistemological urbanism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 59 (3). pp. 185–201.
6. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-discursive technology in teaching foreign language intercultural communication. *Yazyk i kul'tura*. 44. pp. 279–305. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/44/18
7. Gural', S.K. & Kim-Maloni, A.A. (2019) Diskurs-analiz i obuchenie mezhkul'turnoy kommunikatsii [Discourse analysis and teaching intercultural communication]. In: *Antropotsentricheskie nauki v obrazovanii* [Anthropocentric sciences in education]. Voronezh. pp. 15–21.
8. Stehr, N. (1994) *Knowledge Societies*. London: Sage Publications LTD.
9. Luhmann, N. (2005) *The reality of the mass media*. Moscow: Logos. (In Russian).
10. Fingeret, A. (1983) Social Network: A New Perspective on Independence and Illiterate Adults. *Adult Education Quarterly*. 33 (3). pp. 133–146.
11. Charle, Ch. & Verger, J. (2012) *Histoire des universités, XIIe – XXIe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France.
12. Lyotard, J.F. (2011) *Discourse, Figure*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
13. Yanovskiy, O.A. et al. (2011) *Universitetovedenie* [University studies]. Minsk: BNU.
14. Suvorov, N.S. (2007) Ustroystvo srednevekovykh universitetov [The structure of medieval universities]. *Razvitie lichnosti*. 1. pp. 218–231 (First published in 1898).
15. Andreev, A.Yu. (2005) “Natsional'naya model'” universitetskogo obrazovaniya: vozniknovenie i razvitie [“National model” of university education: emergence and development]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 1. pp. 156–169.
16. Marx, K. (1982) *Britanskoe vladychestvo v Indii. Budushchie rezul'taty britanskogo gosподства v Indii* [The Future Results of British Rule in India]. Moscow: Progress.
17. Kasavin, I.T. (2021) Universitet Gumbol'dta i ego al'ternativy v usloviyakh rynochnoy nauki [Humboldt University and its alternatives in the conditions of market science]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 41–46.
18. Moiseev, D.S. et al. (2023) Conservative Values as a Bridge between Russia and the West. *Russia in Global Affairs*. 21 (3). pp. 38–60.
19. Vvedenskaya, L.A., Pavlova, L.G. & Kashaeva, E.Yu. (2002) *Russkiy yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and speech culture]. Rostov-on-Don: Feniks; Kursk: FGUIPP Kursk.

20. Savchenko, I.A., Aloyan, Zh.L. & Barseganyan, S.S. (2022) The Russian Language in Modern Armenia: Elements of Comparative Learning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 195–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/22
21. Central Intelligence Agency. (2015) *Uganda: Communications: Telephone System*. Washington, DC: The World Factbook. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20151018002856/https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ug.html> (Accessed: 15.06.2023).
22. Suvorova, L. (2023) V obrazovatel'nom tsentre Ugandy russkiy yazyk izuchayut bolee 200 studentov [More than 200 students study Russian in the educational center of Uganda]. *Uchitel'skaya gazeta*. 11 August. [Online] Available from: <https://ug.ru/v-obrazovatelnom-tsentre-ugandy-russkiy-yazyk-izuchayut-bolee-200-studentov/?ysclid=llnvtorsxm14804030> (Accessed: 15.06.2023).
23. Bezukladnikov, K.E. et al. (2022) *Novye podkhody v lingvodidaktike i pedagogicheskoy obrazovanii* [New approaches in linguistics and pedagogical education]. N. Novgorod: Linguistic University of Nizhny Novgorod.
24. Obdalova, O.A., Soboleva, A.V. & Minakova, L.Yu. (2023) Modernizatsiya inoyazychnoy obrazovaniya v epokhu sotsial'nykh vyzovov i tekhnologicheskikh transformatsiy: keys-issledovanie transformatsii obrazovatel'noy programmy magistratury [Modernization of foreign language education in the era of social challenges and technological transformations: a case study of the transformation of a master's degree program]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2 (62). pp. 102–124. doi: 10.32744/pse.2023.2.6
25. Obdalova, O.A. & Zharova, Yu.V. (2023) Integrative and developmental training of future engineers in foreign language public speech based on interdisciplinary assembly technology. *Filosofiya obrazovaniya*. 23 (2). pp. 158–177. (In Russian). doi: 10.15372/PHE20230210
26. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2022) [Person- and activity-based approach as the basis for improving foreign language professional competence of master's students]. *Sistema nepreryvnogo filologicheskogo obrazovaniya: shkola–kolledzh–vuz. Sovremennye podkhody k prepodavaniiyu distsiplin filologicheskogo tsikla v usloviyakh polilingval'nogo obrazovaniya* [System of continuous philological education: school–college–university. Modern approaches to teaching philological disciplines in the context of multilingual education]. Conference Proceedings. Ufa. 14–15 April 2022. Ufa: Bashkir State University. pp. 286–288. EDN: GMAPBX.
27. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) System-forming results of integrative formats of collaboration in foreign-language training of engineering and technical majors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 37–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/4
28. Obdalova, O.A. et al. (2022) Interactive Technology in Teaching English Oral Academic Discourse to Master Students. Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEEHP 2022. *Lecture Notes in Networks and Systems*, Vol. 499. Cham: Springer. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_6
29. Kharapudchenko, O.V. & Obdalova, O.A. (2020) [Coworking as an innovative pedagogical technology for improving foreign language professional communicative competence of master's students]. *Razvitie innovatsiy i innovatsionnoye razvitie nauki i obshchestva* [Development of innovations and innovative development of science and society]. Conference Proceedings. pp. 208–211. (In Russian).
30. Obdalova, O.A. & Zelichenko, Yu.L. (2022) [Critical thinking as a component of research competence of graduate students]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk* [Current problems of the humanities]. Conference Proceedings. Nizhnevartovsk. 22 March 2022. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 533–537. (In Russian). doi: 10.36906/NVSU-2022/88
31. Cam, M.F. & Obdalova, O.A. (2023) The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/1
32. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) Model' integratsii kommunikativno-proektnoy tekhnologii v obucheniye inoyazychnoy publichnoy rechi budushchikh inzhenerov [Model of integration of communication and design technology in teaching foreign language public speech to future engineers]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 61. pp. 175–190. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-175-190
33. Stehr, N. (2022) *Knowledge Capitalism*. New York: Routledge.
34. Florida, R. (2016) *Kreativnyy klass. Lyudi, kotorye sozdadyut budushchee* [Creative class. People who create the future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

Информация об авторе:

Савченко И.А. – д-р социол. наук, руководитель проектного офиса гуманитарной аналитики, профессор департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); начальник Международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижегород, Россия). E-mail: savchenko-514@mgpu.ru / teosmaco@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Savchenko, Dr. Sci. (Sociology), professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); head of the International Interdisciplinary Research Laboratory “Technologies for Social and Humanitarian Research”, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: savchenko-514@mgpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2023;
одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 25.08.2023;
approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.

ПРАВО

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.17223/15617793/495/18

Корректировка типовых поисковых профилей российских и зарубежных серийных убийц

Рамиль Линарович Ахмедшин¹, Наталия Владимировна Ахмедшина²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ramil_ahmedshin@mail.ru

² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, dana74@mail.ru

Аннотация. Обосновывается тезис о необходимости актуализации типовых поисковых профилей серийных преступников. Социально-экономические отношения, трансформируя реальность, предопределяют изменения и в *modus vivendi* преступников, в том числе серийных. Модернизированные поисковые профили выступают практикоориентированным инструментом, способствующим эффективному расследованию группы многоэпизодных преступлений. Основной акцент в работе сделан на корректировке поисковых профилей отечественных серийных преступников.

Ключевые слова: профайлинг, профилирование, поисковый профиль, серийный убийца, организованность/дезорганизованность, мотивация

Для цитирования: Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Корректировка типовых поисковых профилей российских и зарубежных серийных убийц // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 189–195. doi: 10.17223/15617793/495/18

Original article

doi: 10.17223/15617793/495/18

Correction of typical search profiles of Russian and foreign serial killers

Ramil L. Akhmedshin¹, Natliya V. Akhmedshina²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ramil_ahmedshin@mail.ru

² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, dana74@mail.ru

Abstract. The article substantiates the thesis about the need to update the typical search profiles of serial criminals, primarily serial killers, rapists and kidnappers. The range of problems affects the methodological, historical, forensic and psychological aspects. The subject of the study was a complex of personal characteristics of domestic serial criminals, which are stably reflected in the traces of the crimes they commit. In the study, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural method. The main special scientific method of research is the method of peer review. The information was obtained from the media using OSINT (open-source intelligence) technique for obtaining reliable classified information through the search, systematization and analysis of publicly available sources. The article received a number of the following conclusions. Socio-economic relations that transform the reality predetermine changes in the *modus vivendi* of criminals, including serial ones. Modernized search profiles act as a practice-oriented tool that contributes to the effective investigation of a group of multi-episode crimes. Vidonov's research on correlations between elements of forensic characteristics of certain groups of crimes could lead to the transition of forensic science from the practice of "conceptual fantasy" to the practice of developing specific, statistically sound algorithms for investigating certain groups of crimes. Unfortunately, this did not happen, and the domestic science of crime investigation has not developed algorithms for updating statistical data on the elements of a criminal event. However, any statistical data in a changing society are losing relevance, which in principle leads to the degradation of forensic science as a field of practical knowledge. In general, the result of the study was the corrected typical search profiles of domestic serial criminals. The search features for each type of serial criminal (Visionary, Organized/Disorganized Missionary, Organized/Disorganized Hedonist, and Organized/Disorganized Tyrant) have been updated with the following structure: personal characteristics of a particular type of serial offender; elements of forensic characteristics of episodes committed by a serial criminal of a particular type; typical search profile of a specific type of serial offender.

Keywords: profiling, search profile, serial killer, organization/disorganization, motivation

For citation: Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2023) Correction of typical search profiles of Russian and foreign serial killers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 189–195. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/18

Реальность динамична. Это не означает, что мы живем в кэрролловском хаосе Алисы. Нет. Общие закономерности, в том числе социопсихологических аспектов существования человека, малоизменяемы. Не константны, но малоизменяемы. Проявления же этих аспектов могут варьироваться на протяжении конкретных временных промежутков. В нашей работе 2020 г. «Криминалистическое профилирование» [1] давалось описание психологических профилей лиц, совершающих серийные преступления (серийные убийства, изнасилования, поджоги, взрывы). В силу значительного различия в *modus operandi* различных серийных преступников последние были сгруппированы в рамках уникальных типологических поведенческих моделей.

Основанием типологии была дуалистическая составляющая организованности и доминантной мотивации.

Идея организованности/дезорганизованности серийного преступника как базовая его характеристика была принята научным сообществом в конце 1980-х гг. [2. Р. 145]. Изначально организованность воспринималась исследователями через призму таких криминалистически значимых элементов, как планирование преступления, стабильность выбора жертвы и способа совершения преступления, а также выраженность стадии

сокрытия следов преступления. Впоследствии организованность/дезорганизованность серийного преступника стала также отождествляться с такой особенностью его личности, как психопатичность и психотичность соответственно. Вскоре стало общепризнанным, что умение просчитать вероятностные элементы предстоящего или текущего криминального события, оптимизировать свой физический и психический потенциал, способность предотвратить наступление негативных последствий для себя, доминанта интеллектуальной и волевой составляющей над эмоциональной – это те характеристики, которые относят серийного убийцу к группе организованных серийных [3. Р. 9; 4. Р. 81]. Соответственно, если системообразующей характеристикой выступает доминанта эмоционального начала над волевым, то речь идет о дезорганизованном серийном преступнике.

В основе организованности/дезорганизованности серийного преступника лежит детальность его мира фантазий, их интенсивность и высокая степень сформированности в виде сценария действий [1. С. 192].

Идея мотивации серийного преступника как базовой его характеристики была принята научным сообществом в 1990-х гг. [5. Р. 417–437]. Серийные преступники, прежде всего серийные убийцы, были разделены на визионеров, миссионеров, гедонистов и тиранов.

Основные характеристики типов серийных преступников [1. С. 214]

	Визионер	Миссионер	Гедонист	Тиран
Цель	Деятельность	Идея	Удовольствие	Компенсация
Отклонение	Психотик	Психотик	Психопат	Психопат
Направленность	Внутренняя	Внешняя	Внешняя	Внутренняя
Установка	Неадекватная	Сверхценная	Социопатическая	Ретротравматичная
Генезис	Болезнь	Контркультура	Эгоцентризм	Тяжелое детство
Акцент	Результат	Сталкинг	Сталкинг и насилие	Насилие и пытки
С жертвой	Не мучает	Жестоко убивает	Мучает	Истязает

Как мы говорили вначале, в работе 2020 г. «Криминалистическое профилирование» было дано описание типовых поведенческих профилей серийных убийц. Основанием для их обобщения в рамках конкретных профилей являлись статистические данные, собранные с середины прошлого века до наших дней. Описывались серийные преступники из различных государств, которые уже тогда характеризовались рядом особенностей, малораспространенных в одних культурах и являющихся базовыми в других. Таким образом, был создан максимально усредненный типологический профиль серийных преступников. Усредненный типологический профиль серийных преступников, без сомнения, необходим, особенно на начальных этапах исследования феномена серийной преступности. Однако необходимо всегда помнить, что сформированный усредненный профиль серийных преступников объективно влечет актуальность разработки типовых поисковых профилей применительно или к конкретной культуре, или

к конкретному временному периоду, или в идеале и к тому и другому.

В свое время Л.Г. Видонов провел исследование корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики некоторых групп преступлений [6], что могло привести к переходу криминалистической науки от практики «понятийного фантазирования» к практике разработки конкретных, статистически обоснованных алгоритмов расследования отдельных групп преступлений. Впоследствии результаты исследований Л.Г. Видонова были подвергнуты критике за периодически обнаруживаемую нерепрезентативность данных [7. С. 116–126]. Мало кто отметил несправедливость подобной критики, так как статистический материал, полученный два десятка лет назад, не может полностью соответствовать текущим реалиям, и нужно не критиковать этот материал, а, несмотря на трудоемкость сбора данных, обновлять его. Повторим тезис об актуальности разработки типовых поисковых профилей применительно или к конкретной

культуре, или к конкретному временному периоду, актуальности идеи корректировки поисковых профилей в контексте происходящих в обществе изменений. Без сомнения поисковый профиль как основанный на статистических данных, которые объективно меняются, всегда будет *post factum*, однако степень *post factum* всегда необходимо сводить к минимуму.

Оговоримся сразу, что количество психологических отклонений недиагностического характера (ЛПБТ-тенденции) как норма для существования современного индустриального государства рыночного типа, без сомнения, еще ждет своих исследователей феномена серийных преступников. Однако на данный момент исследования между перверсиями, массово признанными как нормальное поведение, и феноменом серийных преступников находятся еще в стадии постановки научной задачи.

В наше время фактической мультикультурности (за исключением феномена массового распространения перверсий в ряде стран), когда о существовании самобытных и самодостаточных культур мы можем говорить только ретроспективно, что, без сомнения, вызывает сожаление, нецелесообразно говорить отдельно об американских (англосаксонских), европейских, российских, паназиатских серийных преступниках. Конечно, различия по географическому признаку между ними имеются, однако системными они не являются. Правильнее говорить о единстве типовых поисковых профилей применительно к определенному временному периоду.

Практической значимостью характеризуются профили серийных преступников, сформированные на основе анализа статистических данных не более чем за пару десятков лет. В данной работе мы подвергнем модификации типовые поисковые профили серийных преступников, актуализируя их для нашего хронокультурного пространства. Модификация строится на базе исследования уголовных дел о преступлениях против личности, по результатам рассмотрения которых был вынесен обвинительный приговор суда. Указанные исследования были проведены на базе Психологического клуба Юридического факультета ТУСУР.

Традиционно поисковые признаки для каждого типа серийных преступников (визионер, организованный/дезорганизованный миссионер, организованный/дезорганизованный гедонист и организованный/дезорганизованный тиран) будут структурно включать в себя информацию:

- о личностных характеристиках серийного преступника конкретного типа;
- об элементах криминалистической характеристики эпизодов, совершаемых серийным преступником конкретного типа;
- о типовом профиле серийного преступника конкретного типа.

В идеале, конечно, было бы целесообразно привести в этой статье полностью скорректированные профили серийных преступников, однако требования к научным публикациям в отношении доли нового контента препятствуют изложению полностью скорректированных поисковых профилей рассматриваемых преступников.

Типовой профиль серийного преступника типа «визионер». Напомним, что движущая сила для совершения преступлений этим типом – галлюцинаторные явления. Таким образом, как такового сценария преступного эпизода, возникшего как результат фантазий у рассматриваемого типа, нет. Он совершает преступления, когда находится не в состоянии психологической готовности, а в период обострения у него бреда-галлюцинаторных состояний. Визионеров не следует относить ни к организованному, ни к дезорганизованному типу. Визионеры – представители третьей группы – неадекватных серийных преступников [1. С. 220].

Асистемность *modus operandi* серийных преступников рассматриваемого типа неизменна на фоне происходящих социальных, экономических и политических трансформаций общества. Визионеры середины XX в. малоотличимы от визионеров начала XXI в., что подтверждается сравнением поисковых профилей Э.В. Шемякова, С.И. Жуковой, В.А. Усова. Таким образом, поисковый профиль современных серийных преступников типа «визионер» малоотличим от типового поискового профиля данной группы серийных преступников [1. С. 222–223].

Корректировка типового профиля серийного преступника типа «организованный миссионер». Ярким представителем серийных преступников данного типа можно назвать А.Ю. Пичушкина.

Личностные характеристики современного преступника типа «организованный миссионер» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- выраженная психотическая составляющая личности [8. С. 94].

Элементы криминалистической характеристики эпизодов, совершаемых современным преступником типа «организованный миссионер», отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- преступление обычно совершается далеко от места проживания или работы, но для отечественных серийных преступников рассматриваемого типа возможны случаи совершения непосредственно по месту проживания [8. С. 93];
- нападение, совершение преступления и сокрытие трупа происходит в нескольких местах, но для отечественных серийных преступников рассматриваемого типа часты случаи нападения и сокрытия трупа в одном месте либо на незначительном удалении [8. С. 93];
- тело часто удаляется с места преступления, за исключением случаев, когда преступление происходит в месте проживания преступника, тогда они скрываются во дворе дома [8. С. 93];
- уничтожает следы преступления, но изредка, если труп не скрывается, следы преступления не уничтожаются [8. С. 93].

Поисковые характеристики современного преступника типа организованный миссионер отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- не имеет постоянного партнера или жены [8. С. 93];
- не имеет постоянной работы [8. С. 93–94];
- не служил в армии, но мог предпринимать попытки прохождения службы в ней [8. С. 92].

Корректировка типового профиля серийного преступника типа «дезорганизованный миссионер». Современными представителями серийных преступников данного типа можно назвать П. Войтова и Е. Лобачёву.

Личностные характеристики современного преступника типа «дезорганизованный миссионер» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- родился в благополучной семье – больше чем в половине случаев [9. С. 101];
- в детстве не подвергался жестокому обращению [9. С. 101];
- социально адаптирован или отчужден [9. С. 101];
- поддерживает ровные отношения со своим социальным окружением или сводит их к минимуму, средняя маска нормальности [9. С. 101].

Элементы криминалистической характеристики эпизодов, совершаемых современным преступником типа «дезорганизованный миссионер», отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- преступление в более чем половине случаев совершается недалеко от места проживания [9. С. 101];
- стоит поставить под сомнение распространенность контроля над жертвами при помощи силового удержания [9. С. 101];
- стоит поставить под сомнение распространенность практики постмортального манипулирования трупом (форма регрессивной некрофилии и сексуальной замены) [9. С. 101];
- не бросает использованное орудие на месте преступления [9. С. 101].

Поисковые характеристики современного преступника типа «дезорганизованный миссионер» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- в большинстве случаев не состоит на учете у психиатров [9. С. 102];
- совершенно не склонен вести дневник [9. С. 102].

Пусть и не бесспорно, но продолжает оставаться актуальным утверждение о том, что в отличие от зарубежных серийных преступников типа «миссионер», как правило, принадлежащих к дезорганизованному типу, отечественные серийные преступники типа «миссионер» ближе к типу организованному, во всяком случае уровень их социализации намного выше, чем у их зарубежных «коллег».

Корректировка типового профиля серийного преступника типа «организованный тиран». Ярким представителем серийных преступников данного типа можно назвать В. Мохова.

Личностные характеристики современного преступника типа «организованный тиран» отличаются от

типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- трое из четверых осознают, что неспособны противодействовать усилиям правоохранительных органов [10. С. 85].

Элементы криминалистической характеристики эпизодов, совершаемых современным преступником типа «организованный тиран», отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- в половине случаев знакомство с жертвой происходит недалеко от места проживания преступника [10. С. 85];
- в половине случаев выбор жертвы осуществляется случайно, предопределяя значительную вариативность образа жертвы в различных эпизодах [10. С. 85];
- тело редко удаляется с места преступления, целостность тела сохраняется в трех из четырех случаев [10. С. 85].

Поисковые характеристики современного преступника типа «организованный тиран» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- в половине случаев имеются дети – свои или приемные [10. С. 84];
- трое из четырех не были судимы [10. С. 85].

Корректировка типового профиля серийного преступника типа «дезорганизованный тиран». Ярким представителем серийных преступников данного типа можно назвать Н.А. Дудина.

Личностные характеристики современного преступника типа «дезорганизованный тиран» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- родился в неблагополучной семье – более чем в половине случаев [11. С. 96];
- в детстве подвергался жестокому обращению – более чем в половине случаев [11. С. 97].

Элементы криминалистической характеристики эпизодов, совершаемых современным преступником типа «дезорганизованный тиран», отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- в более чем половине случаев нападение, совершение преступления и сокрытие трупа происходит в одном месте [11. С. 97];
- в более чем половине случаев способом убийства является удушение, в остальных наблюдаются множественные нанесения телесных повреждений с последующим обезображиванием трупа [11. С. 97];
- только каждый пятый сохраняет части тел жертвы в качестве трофеев, используемых для повторных переживаний обстоятельств эпизода [11. С. 97];
- в более чем половине случаев характеризуется регрессирующими навыками совершения преступления в каждом эпизоде [11. С. 97].

Поисковые характеристики современного преступника типа «дезорганизованный тиран» отличаются от

типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- образование среднее специальное в более чем половине случаев [11. С. 96];
- следит за собой, за своим внешним видом, за жильем [11. С. 96];
- не имеет собственного автомобиля в более чем половине случаев [11. С. 96];
- злоупотребляет алкоголем, возможно, алкоголик в более чем половине случаев [11. С. 96].

В завершение отметим, что в отличие от зарубежных серийных преступников типа «тиран», принадлежащих к организованному типу, отечественные серийные преступники типа «тиран» ближе к типу дезорганизованному, во всяком случае уровень их социализации намного ниже, чем у их заграничных «коллег».

Корректировка типового профиля серийного преступника типа «организованный гедонист». Ярким представителем серийных преступников данного типа можно назвать С.Ф. Ткача, В.П. Тушинского.

Личностные характеристики современного преступника типа «организованный гедонист» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- каждый третий гордится тем, что способен противодействовать усилиям правоохранительных органов [12. С. 81].

Элементы криминалистической характеристики эпизодов, совершаемых современным преступником типа «организованный гедонист», отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- в двух из трех случаев узкий диапазон объектов, используемых в качестве оружия [12. С. 82].

Поисковые характеристики современного преступника типа «организованный гедонист» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- в двух из трех случаев имеет детей или воспитывает приемных [12. С. 82];
- имеет собственный или служебный автомобиль (60%) или велосипед, если жертвы – дети, убитые в малолюдных местах [12. С. 81];
- в двух из трех случаев ранее не судим [12. С. 81];
- в двух из трех случаев как добровольный помощник способен вступать в контакты с полицией, давать показания в качестве свидетеля [12. С. 82].

Корректировка типового профиля серийного преступника типа «дезорганизованный гедонист». Ярким представителем серийных преступников данного типа можно назвать Д.П. Вороненко.

Личностные характеристики современного преступника типа «дезорганизованный гедонист» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- средняя социальная адаптация [13. С. 88].

Элементы криминалистической характеристики эпизодов, совершаемых современным преступником типа «дезорганизованный гедонист», отличающиеся от типового поискового профиля данной группы серийных преступников, не выявлены.

Поисковые характеристики современного преступника типа «дезорганизованный гедонист» отличаются от типового поискового профиля данной группы серийных преступников следующим:

- мобилен и путешествует намного больше, чем средний человек [13. С. 86].

Отдельно обратим внимание на очень интересную тенденцию: поисковый профиль серийных преступников разных типов трансформируется со временем совершенно различно. Также различна трансформация в соотношении систем «личностные свойства» – «элементы криминалистической характеристики» – «поисковые признаки».

Суммарно в поисковом профиле максимальное количество изменений у таких типов серийных преступников, как «дезорганизованный миссионер» и «дезорганизованный тиран» (по 10 измененных элементов профиля).

Суммарно в поисковом профиле медиальное количество изменений у таких типов серийных преступников, как «организованный тиран» и «организованный миссионер» (по 6 и 8 измененных элементов профиля соответственно).

Суммарно в поисковом профиле минимальное количество изменений у таких типов серийных преступников, как «организованный гедонист» и «дезорганизованный гедонист» (по 5 и 2 измененных элементов профиля соответственно).

Почти каждый тип серийного преступника несколько трансформировался, причем во все трех системах сразу («личностные свойства» – «элементы криминалистической характеристики» – «поисковые признаки»). Однако даже поверхностный анализ демонстрирует незначительность изменений в системе «личностные свойства» серийного преступника, что в очередной раз показывает слабое влияние культурного, национального и хронологического подтекста на системообразующее начало серийного преступника – его психологическую основу.

Системой же, в наибольшей степени подверженной изменениям, оказалась (что, впрочем, достаточно ожидаемо) «криминалистическая характеристика преступления». Последнее, правда, может оказаться следствием существующей в современных индустриальных государствах рыночного типа тенденции к фактической борьбе за снижение количества регистрируемых, а не расследуемых преступлений, что постоянно актуализирует фактор латентности, который необходимо учитывать исследователю.

Список источников

1. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020. 514 с.
2. Turvey B.E. Criminal profiling: an introduction to behavioral evidence analysis. Academic Press, 2011.

3. Godwin G.M. Hunting serial predators: a multivariate classification approach to profiling violent behavior. Boca Raton : CRC Press, 2000.
4. Godwin G.M. Reliability, validity and utility of extant serial murderer classifications // *Criminologist*. 1998. Vol. 22, Is. 4.
5. Keppel R., Walter R. Profiling killers: a revised classification model for understanding sexual murder // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 1999. № 43 (4). P. 417–437.
6. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Методические рекомендации к использованию систем типовых версий. Горький : Прокуратура Горьк. обл., 1978. 122 с.
7. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика : научно-практическое и учебное пособие. М. : БЕК, 1996. 192 с.
8. Иванова К.С. «Организованный миссионер»: сравнительная характеристика серийных преступников // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР, Томск, 18–20 мая 2022 г. : в 3 ч. Томск : В-Спектр, 2022. Ч. 3. С. 91–94.
9. Лобанов С.С. Типовой профиль «дезорганизованного миссионера» и профиль отечественных серийных убийц этого типа: поиск различий // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР, Томск, 18–20 мая 2022 г. : в 3 ч. Томск : В-Спектр, 2022. Ч. 3. С. 100–103.
10. Егорова И.Е. О степени тождественности типового профиля «организованного тирана» профилю современных серийных убийц данного типа // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР, Томск, 18–20 мая 2022 г. : в 3 ч. Томск : В-Спектр, 2022. Ч. 3. С. 83–85.
11. Карепин В.С. О совпадениях и расхождениях профиля «дезорганизованного тирана» в практике расследования серийных преступлений // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР, Томск, 18–20 мая 2022 г. : в 3 ч. Томск : В-Спектр, 2022. Ч. 3. С. 95–97.
12. Бачурина Д.А. О соответствии типового профиля «организованного гедониста» профилю отечественных серийных убийц данного типа // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР, Томск, 18–20 мая 2022 г. : в 3 ч. Томск : В-Спектр, 2022. Ч. 3. С. 80–83.
13. Галинов К.А. «Дезорганизованный гедонист»: российский и зарубежный типовой профиль // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР, Томск, 18–20 мая 2022 г. : в 3 ч. Томск : В-Спектр, 2022. Ч. 3. С. 86–88.

References

1. Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2020) *Kriminalisticheskoe profilirovanie: uchebnik dlya vuzov* [Forensic profiling: textbook for universities]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
2. Turvey, B.E. (2011) *Criminal profiling: an introduction to behavioral evidence analysis*. Academic Press.
3. Godwin, G.M. (2000) *Hunting serial predators: a multivariate classification approach to profiling violent behavior*. Boca Raton: CRC Press.
4. Godwin, G.M. (1998) Reliability, validity and utility of extant serial murderer classifications. *Criminologist*. 22 (4).
5. Keppel, R. & Walter, R. (1999) Profiling killers: a revised classification model for understanding sexual murder. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 43 (4). pp. 417–437.
6. Vidonov, L.G. (1978) *Kriminalisticheskie kharakteristiki ubiystv i sistemy tipovykh versiy o litsakh, sovershivshikh ubiystva bez ochevidtsev. Metodicheskie rekomendatsii k ispol'zovaniyu sistem tipovykh versiy* [Forensic characteristics of murders and systems of typical versions of persons who committed murders without eyewitnesses. Guidelines for using standard version systems]. Gorky: Prokuratura Gor'k. obl.
7. Larin, A.M. (1996) *Kriminalistika i parakriminalistika. Nauchno-prakticheskoe i uchebnoe posobie* [Forensics and paracriminology. Scientific, practical and educational manual]. Moscow: izdatel'stvo BEK.
8. Ivanova, K.S. (2022) «Organizovannyi missioner»: sravnitel'naya kharakteristika seriynykh prestupnikov [“Organized missionary”: comparative characteristics of serial criminals]. In: *Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR* [Collection of selected articles from the scientific session of TUSUR]. Tomsk. 18–20 May 2022. In 3 parts. Part 3. Tomsk: V-Spektr. pp. 91–94.
9. Lobanov, S.S. (2022) Tipovoy profil' «dezorganizovannogo missionera» i profil' otechestvennykh seriynykh ubiyts etogo tipa: poisk razlichiy [Typical profile of a “disorganized missionary” and the profile of domestic serial killers of this type: searching for differences]. In: *Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR* [Collection of selected articles from the scientific session of TUSUR]. Tomsk. 18–20 May 2022. In 3 parts. Part 3. Tomsk: V-Spektr. pp. 100–103.
10. Egorova, I.E. (2022) O stepeni tozhdestvennosti tipovogo profilya «organizovannogo tirana» profilyu sovremennykh seriynykh ubiyts dannogo tipa [On the degree of identity of the typical profile of an “organized tyrant” with the profile of modern serial killers of this type]. In: *Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR* [Collection of selected articles of the scientific session of TUSU]. Tomsk. 18–20 May 2022. In 3 parts. Part 3. Tomsk: V-Spektr. pp. 83–85.
11. Karepin, V.S. (2022) O sovpadeniyakh i raskhozhdeniyakh profilya «dezorganizovannogo tirana» v praktike rassledovaniya seriynykh prestupleniy [On the coincidences and discrepancies of the profile of a “disorganized tyrant” in the practice of investigating serial crimes]. In: *Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR* [Collection of selected articles of the scientific session of TUSU]. Tomsk. 18–20 May 2022. In 3 parts. Part 3. Tomsk: V-Spektr. pp. 95–97.
12. Bachurina, D.A. (2022) O sootvetstvii tipovogo profilya «organizovannogo gedomista» profilyu otechestvennykh seriynykh ubiyts dannogo tipa [On the correspondence of the typical profile of an “organized hedonist” to the profile of domestic serial killers of this type]. In: *Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR* [Collection of selected articles of the scientific session of TUSU]. Tomsk. 18–20 May 2022. In 3 parts. Part 3. Tomsk: V-Spektr. pp. 80–83.
13. Galinov, K.A. (2022) «Dezorganizovannyi gedomist»: rossiyskiy i zarubezhnyy tipovoy profil' [“Disorganized hedonist”: Russian and foreign typical profile]. In: *Sbornik izbrannykh statey nauchnoy sessii TUSUR* [Collection of selected articles of the scientific session of TUSU]. Tomsk. 18–20 May 2022. In 3 parts. Part 3. Tomsk: V-Spektr. pp. 86–88.

Информация об авторах:

Ахмедшин Р.Л. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

Ахмедшина Н.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: dana74@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.L. Akhmedshin, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

N.V. Akhmedshina, Cand. Sci. (Law), associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.09.2023;
одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 27.09.2023;
approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 349.6
doi: 10.17223/15617793/495/19

Требования в области охраны окружающей среды при цифровизации

Надежда Михайловна Заславская¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
zaslavskaya-n@ya.ru

Аннотация. Поднимается проблема негативного воздействия цифровизации на окружающую природную среду. Отмечается, что в условиях глобального распространения и внедрения во все отрасли экономики цифрового оборудования и технологий актуальность разработки мер правовой охраны окружающей среды приобретает особое значение. Специалисты подчеркивают, что отсутствие экологических требований к цифровым объектам может нивелировать все усилия по климатической повестке.

Ключевые слова: государственное экологическое управление, экологические требования, требования в области охраны окружающей среды, цифровое общество, цифровизация, цифровое оборудование и технологии

Для цитирования: Заславская Н.М. Требования в области охраны окружающей среды при цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 196–204. doi: 10.17223/15617793/495/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/19

Requirements in the field of environmental protection during digitalization

Nadezhda M. Zaslavskaya¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, zaslavskaya-n@ya.ru

Abstract. The article raises the problem of the negative impact of digitalization on the environment. In the context of the global spread and introduction of digital equipment and technologies into all sectors of the economy, the relevance of the development of legal environmental protection measures in this area is of particular importance. Experts emphasize that the lack of environmental requirements for digital objects can neutralize all efforts on the climate agenda. The article aims to analyze the current environmental legislation in terms of the possibility of using existing legal instruments to regulate public environmental relations in the context of digitalization. The methods are search and collection of single data; processing of primary data: their description, generalization, classification, search for patterns; analysis of the results of primary data processing. The article proposes to consolidate the concept and define the content of the term “digital equipment and technologies that have a negative impact on the environment” in the current environmental legislation. The expediency of the legal regulation of requirements in the field of environmental protection in relation to each stage of the “life cycle” of such equipment and technologies is also justified: development, creation, operation, disposal. Environmental requirements for the stage of operation are proposed to vary depending on the scope of application of such equipment and technologies. Special attention in the article is paid to the final stage of the life cycle of digital equipment. Due to the constant increase in the amount of waste from the disposal of such equipment, the specifics of regulating this process (which is determined, among other things, by the degree of danger of such waste, the need for their processing, etc.), it is proposed to unify the appropriate terminology (currently it is not universal) and to use the term “digital waste” for their designation. Despite the development of the Digital Code of the Russian Federation, these changes and additions, according to the author of the article, should be introduced into the Federal Law “On Environmental Protection” as a special normative legal act regulating relations in the interaction between society and nature arising from the implementation of economic and other activities related to the impact on the natural environment. The current legal regulation of relations in the field of environmental protection has certain tools that can be applied in the digitalization of the economy, but it seems insufficient, which requires further improvement of environmental legislation in order to achieve sustainable development goals in a digital society.

Keywords: state environmental government, environmental requirements, environmental protection requirements, digital society, digitalization

For citation: Zaslavskaya, N.M. (2023) Requirements in the field of environmental protection during digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 196–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/19

В одном из недавних обращений к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций Генераль-

ный секретарь ООН назвал «экзистенциальный климатический кризис» и «темную сторону цифрового

мира» двумя из «четырех всадников среди нас», «которые ставят под угрозу наше общее будущее» [1]. Если экологические проблемы осознаны относительно давно, то масштабность цифровых преобразований возведена в ранг угроз сравнительно недавно. И еще менее уяснено их влияние друг на друга.

В настоящее время современное общество претерпевает глобальные преобразования, связанные с внедрением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности. *Де-факто* информация и данные в цифровой форме становятся основным средством производства. Субъекты уже вступают во многие общественные отношения без непосредственного взаимодействия. Технологии и уровень их применения начинают определять экономические, социальные и все иные условия жизни. Период глобальной изоляции, связанный с преодолением распространения пандемии, наглядно продемонстрировал, что описанная общественная коммуникация без преувеличения объективная реальность, и, более того, ускорил эти процессы.

Характер и масштаб происходящего в научной литературе, в том числе правовой, пока оценивается по-разному: от отрицания значительности роли цифровых преобразований в сравнении с изобретениями предыдущих революций [2. С. 13–21] до диаметрально противоположного взгляда – признания всеохватывающего характера цифровизации, подвергающего изменению саму природу человеческого существования [3. С. 39, 53–54].

Несмотря на «научную неопределенность», необходимость упорядочения происходящих изменений общественных отношений в Российской Федерации (далее РФ) была признана *де-юре* – на ближайшую перспективу определено, что «эффективным механизмом достижения национальных целей должно стать внедрение инструментов цифровой экономики» [4]. Такие инструменты должны быть внедрены и в область охраны окружающей среды: «экология» [5], «создание комфортной и безопасной среды для жизни» [6] – это также легальные национальные цели. Цифровая трансформация в указанной сфере должна позволить не только задать вектор развития будущих отношений¹, но и решить существующие проблемы [7]. Государственному экологическому управлению как инструменту наиболее оперативного реагирования в такой переходный период отведена ключевая роль «формирования благоприятных условий цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования» [8]. При этом также определено, что «достижение цифровой зрелости» государственного экологического управления должно иметь «институциональное обеспечение... отрасли по вопросам правового... характера» [6].

Влиянию цифровизации на правовую модернизацию государственного управления уже посвящен ряд научных исследований, в большинстве из которых описывается та или иная технология и положительный эффект от ее внедрения. В основе современных исследований воздействия цифровизации заложено исходное предположение, что расширение доступа к циф-

ровым технологиям и умение их использовать неизбежно ведут к повышению благополучия как отдельного человека, так и общества в целом [9], что, безусловно, полезно и необходимо делать, но недостаточно, например, для отрасли экологического права и законодательства.

В отличие от многих других сфер жизнедеятельности, повсеместное использование цифровых технологий оказывает не только положительное воздействие на состояние окружающей природной среды. В то время как научное сообщество в основном обеспокоено потенциальными негативными последствиями развития и внедрения новых технологий (как истинными, так и мнимыми или как минимум отдаленными – от массовой безработицы до восстания машин, которые могут как наступить, так и не наступить или наступить в далеком будущем), экологические последствия процесса цифровизации уже действительность.

Перемещая угол зрения от цифровых возможностей к цифровой реальности в сфере охраны окружающей среды, специалисты отмечают, что «цифровая индустрия не является нематериальной» – от создания до утилизации, т.е. на всех этапах существования, цифровое оборудование воздействует на окружающую нас природную среду (от изъятия компонентов окружающей среды при создании такого оборудования до размещения оборудования, утратившего свои потребительские свойства, в окружающей среде) [10].

Не все знают, например, что запуск и обучение одной модели искусственного интеллекта приводит к выбросу углекислого газа в количестве, превышающем в пять раз выбросы от среднего американского автомобиля за весь срок его службы, цифровое облако имеет больший углеродный след, чем вся авиационная отрасль, а один центр обработки данных может потреблять количество электроэнергии, эквивалентное расходу энергии 50 тыс. домов. [11].

В условиях только увеличивающегося количества цифровых устройств, а следовательно, и усиливающегося негативного воздействия на природную среду актуальной задачей науки экологического права является разработка мер правовой охраны окружающей среды при цифровизации экономики, которые должны быть реализованы и в процессе государственного экологического управления.

В одних правовых исследованиях уже высказаны предложения о необходимости закрепления принципов, на основании которых следует в дальнейшем восполнять пробелы экологического законодательства в части внедрения правовых механизмов обеспечения рационального природопользования в условиях цифрового общества [12. С. 14–16]. В других работах озвучены идеи целесообразности программного подхода к решению вопроса цифровых возможностей (преимуществ) в различных отраслях природопользования [10]. Ряд исследований посвящен вопросам совершенствования экологического законодательства Российской Федерации в сфере обращения отходов электрического и элект-

тронного оборудования [13. С. 34–37]. Не умаляя значения проведенных работ и изучения отдельных правовых вопросов цифровизации в природоресурсных отраслях, представляется необходимым в первоочередном порядке обратиться к рассмотрению и решению природоохранных проблем в связи с рассматриваемым воздействием. Для этих целей предлагается сформулировать и установить *требования в области охраны окружающей среды при разработке, производстве, эксплуатации и утилизации цифрового оборудования и технологий*.

Необходимо определиться с терминологией. В действующем законодательстве употребляются разные термины для обозначения объекта, по поводу которого должно осуществляться предлагаемое правовое регулирование. Так, термин «*информационно-коммуникационные технологии*» (ИКТ) встречается в 5 275 документах, размещенных в СПС «КонсультантПлюс», из них 2 867 размещены в рубрике «Законодательство», среди которых 22 федеральных закона, его легального определения нет. Документов, в содержании которых встречается термин «*компьютерные технологии*», – 6 430 (2 592 документа в рубрике «Законодательство», 10 в рубрике «Федеральные законы»). Несмотря на то, что ежегодно на разработку «стратегических компьютерных технологий» выделялись значительные средства (см., напр.: [14]), определение этого термина отсутствует. Термин «*цифровые технологии*» также не имеет легального определения, но он присутствует в 29 297 документах (рубрика «Законодательство» – 12 134, 12 – федеральных законов). «*Информационные технологии*» – термин, употребленный в 126 917 документах, 52 860 из них помещены в раздел «Законодательство», 457 – в федеральных законах. Согласно ст. 2 Федерального закона (далее ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [15]² под информационными технологиями понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Для целей ФЗ «Об охране окружающей среды» ни один из названных терминов не является подходящим, а точнее достаточным, для охвата всех аспектов воздействия цифровизации на окружающую среду. В качестве термина, подлежащего употреблению и включению в экологическое законодательство, наиболее полно отвечающего названному критерию – «охват всех аспектов воздействия цифровизации на окружающую среду», предлагается для целей названного федерального закона **термин «цифровое оборудование и технологии (цифровая экосистема), оказывающие негативное воздействие на окружающую среду»**. Под ним следует понимать каждое в отдельности, а также совокупность электронных устройств или систем, способных автоматически выполнять заданную, изменяемую последовательность операций, а также программное обеспечение, облачные сервисы, системы хранения и обработки данных, электронные коммуникации и другие цифровые инструменты, оказывающие или способные оказать негативное воздействие на окружающую среду.

Экологические требования к цифровому оборудованию следует устанавливать применительно к каждой стадии «жизненного цикла» такого оборудования: *разработка, создание, эксплуатация и утилизация*. Экологические требования к цифровым технологиям являются самостоятельными на стадии эксплуатации цифрового оборудования и должны варьироваться в зависимости от сферы применения такого оборудования. Для разработки этих требований (для их определения) нужно понимать, какие последствия, негативные воздействия на окружающую среду могут возникнуть от такого оборудования и от таких технологий.

Стадия разработки цифрового оборудования и технологий³ является хронологически первой стадией в их жизненном цикле. Именно на этой стадии разработчикам необходимо провести комплексную *оценку воздействия на окружающую среду* предлагаемого к производству оборудования, его потенциального влияния на окружающую среду применительно к каждому последующему этапу функционирования. Отдельному исследованию подлежит вопрос возможности использования на таком оборудовании цифровых технологий и их воздействие на окружающую среду. Результаты проведенной оценки (разработанная документация) должны быть представлены на *государственную экологическую экспертизу*. Обязательным условием реализации и финансирования проекта должно являться положительное заключение экологической экспертизы, в основе принятия которого соотношение положительных эффектов (последствий) от предлагаемых к разработке цифрового оборудования и технологий (решение определенной экологической проблемы, например) и тех негативных воздействий, которые предлагаемые оборудование и технологии окажут на окружающую среду.

Действующее экологическое законодательство исходит из «презумпции экологической опасности *планируемой хозяйственной и иной деятельности* (здесь и далее курсив мой. – Н.З.) и *обязательности оценки воздействия* на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности», как это указано в ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды», или «презумпции потенциальной экологической опасности *любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности* и *комплексности оценки воздействия* на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и его последствий», как это указано в ст. 3 ФЗ «Об экологической экспертизе». Также названным федеральным законом закреплена обязательность проведения государственной экологической экспертизы *до* принятия решений о реализации объекта экологической экспертизы.

Объекты государственной экологической экспертизы перечислены в ст. 11 и 12 ФЗ «Об экологической экспертизе». Пункт 5 ст. 11 содержит положения, позволяющие уже сейчас в соответствии с действующим законодательством проводить экологическую экспертизу в отношении проектной документации на новые цифровое оборудование и технологию. Но содержащаяся в указанном пункте формулировка сложно юридически определяется, поэтому для ее единообразного

понимания требуются дополнительные разъяснения. Однако ни названный закон, ни иные нормативные правовые акты не раскрывают содержащегося там понятия – «новые техника, технология, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду». Более того, не содержат ответа на вопрос – относятся ли цифровое оборудование и технологии к таким объектам государственной экологической экспертизы.

Правоприменительная практика по этому поводу противоречива – в основе абсолютно противоположных решений одна и та же ссылка на позицию Минприроды России, изложенную еще в письме от 13 мая 2011 г. № 05-12-44/7250, согласно которой «новой⁴ является впервые предлагаемая к использованию на территории Российской Федерации и прошедшая апробацию техника и технология». Предложенный федеральным органом исполнительной власти комментарий законодательства не только не решил проблем с тем, что относится к «технике, технологии, использование которых может оказать воздействие на окружающую среду» [16], но и не внес ясности в понимание слова «новая» в рассматриваемом словосочетании.

Следует отметить, что даже при буквальном толковании (не говоря уже о системном) п. 5 ст. 11 ФЗ «Об экологической экспертизе», безусловно, проекты технической документации и на цифровое оборудование, и на цифровые технологии должны являться объектом государственной экологической экспертизы, что полностью соответствует современному уровню развитию общественных экологических отношений. Аналогичный вывод следует и из озвученной презумпции – «потенциальной опасности любой планируемой деятельности». Однако этот подход пока не подтверждается практикой работы органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение государственной экологической экспертизы федерального уровня.

Стадия создания цифрового оборудования и технологий. Согласно расчетам, произведенным Организацией Объединенных Наций, на создание среднестатистического компьютера уходит более полутора тонн воды, двухсот килограммов ископаемого топлива и более двадцати килограмм химикатов [10]. Кроме изъятия собственно компонентов природной среды и колоссального расхода электроэнергии, создание цифрового оборудования и технологий сопряжено с выбросами и сбросами в окружающую среду загрязняющих веществ, образуемых при их производстве, а также непосредственным негативным воздействием на здоровье человека [17. С. 679–693].

На этой стадии жизненного цикла цифрового оборудования и технологий основными правовыми инструментами должны выступать нормативы *качества окружающей среды, нормативы допустимого воздействия и санитарно-эпидемиологические требования*. Также данная область должна являться сферой внедрения и применения наилучших доступных технологий.

В связи с тем что в процессе цифровизации оказывает различное воздействие на различные природные объекты, при определении меры этого воздействия следует исходить из показателя совокупного эффекта

от выбросов, сбросов и иных цифровых воздействий на окружающую среду. В ФЗ «Об охране окружающей среды» такой комплексный показатель именуется *нормативом допустимой антропогенной нагрузки* (ст. 1 и 27). В настоящее время, несмотря на «высокий природоохранный потенциал», такой норматив (в том числе в связи с неполнотой правового регулирования и сложностью расчета) установлен только для экологической системы озера Байкал [18].

О.Л. Дубовик, комментируя рассматриваемую норму (ст. 27 ФЗ «Об охране окружающей среды»), писала следующее: «установившаяся в РФ система экологического нормирования базируется на методической и эколого-экономической основе, сформированной в 1980-х гг., которая остается практически неизменной до настоящего времени. Кроме того, система экологического нормирования не подкреплена эффективными экономическими методами стимулирования субъектов хозяйственной и иной деятельности в целях снижения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду» [19]. Не требует дополнительного обоснования то, что произошедшие за указанный период времени изменения требуют новых правовых подходов с учетом современных тенденций развития, накопленного опыта и технических открытий. В настоящее время использование методик и расчетов, которые были разработаны более 40 лет назад, не может служить эффективным механизмом решения злободневных экологических проблем.

Следующей стадией жизненного цикла цифрового оборудования и технологий является стадия их эксплуатации. Негативное воздействие на окружающую среду в этой стадии оказывается не меньшее, а в целом ряде случаев – и более значительное, чем на стадии создания. По данным исследовательского центра The Shift Project, в 2019 г. выброс мировых парниковых газов от цифровых технологий составляет 4%, энергопотребление цифрового воздействия в среднем увеличивается на 9% ежегодно, из которых 55% расходуется для использования цифровых технологий и 45% – для производства оборудования. По самым оптимистичным прогнозам в ближайшей перспективе цифровой сектор будет увеличивать свои выбросы CO₂ на 8% в год (в то время как он должен сокращать их на 5% в год, чтобы оставаться ниже повышения планетарных температур на 1,5°C), и, например, в 2025 г. будет выбрасывать столько же, сколько весь автомобильный сектор отрасли [20].

На этом этапе представляется целесообразным требования в области охраны окружающей среды варьировать в зависимости от сферы деятельности, отрасли экономики, в которых применяются цифровое оборудование и технологии. Также необходимо установление экологических требований к продолжительности жизненного цикла цифрового оборудования и технологий, требований к возможности их модернизации (что должно увеличить срок эксплуатации и позволить сократить постоянные замены стремительно устаревающих оборудования и технологий), требований к их переработке и последующему использованию для создания новых объектов⁵.

Завершающей стадией негативного воздействия цифрового оборудования и технологий на окружающую среду является стадия их утилизации. Аналитики посчитали, что «каждый год образуется примерно 50 миллионов тонн электронных отходов, эквивалентных по массе всем когда-либо построенным коммерческим самолетам, при этом только 20% официально перерабатываются». Несмотря на то что электронные отходы составляют всего около 2% потоков твердых отходов, 70% из них являются опасными, а при сохранении темпа накопления таких отходов к 2050 г. их количество увеличится в мире до 120 млн т в год [10]. Также следует отметить, что значительная часть «цифровых отходов» образуется от производственной деятельности (промышленные отходы) и в меньшей степени такие отходы являются твердыми коммунальными отходами.

Термин «цифровые отходы» не является ни легальным, ни даже доктринальным (хотя, учитывая специфику этого вида отходов, такой термин должен быть введен). В настоящее время для обозначения отходов цифрового оборудования и технологий употребляют термин «электронные отходы», встречается также и использование термина «отходы электронного и электрического оборудования» [13. С. 34–37]. Так, в «Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г.» говорится об «отходах электротехнического и электронного оборудования», количество и ассортимент которых ежегодно увеличивается и которые содержат значительные объемы токсичных материалов, также отмечается недостаточный уровень их переработки, связанный со многими факторами.

В Российской Федерации специальное комплексное правовое регулирование общественных отношений в сфере утилизации цифровых отходов отсутствует – не предусмотрен особый порядок сбора таких отходов, транспортировки, переработки (извлечения вторичных ресурсов) и размещения. Принятые отдельные правовые нормы не разрешают существующие в данной области проблемы. Так, например, нормативно установленный с 1 января 2021 г. запрет на захоронение электронных отходов [21] абсолютно нивелирован отсутствием обязанности раздельного сбора таких отходов и контроля за их обращением. Как правило, в числе источников, регулирующих отношения в сфере обращения с отходами цифрового оборудования и технологий, называют Национальный стандарт РФ «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Руководство по безопасному сбору, хранению, транспортированию и разборке отработавшего электротехнического и электронного оборудования, за исключением ртуть-содержащих устройств и приборов» [22], применение которого носит добровольный характер.

В научной отечественной правовой литературе активно изучается зарубежная практика (Соединенные Штаты Америки, Европейский Союз и др.) в целях выработки предложений по совершенствованию правового механизма охраны окружающей среды в рассматриваемой сфере. В качестве действенных мер, приме-

няемых в иностранных государствах, например, называют: создание стимулирующих инструментов для бизнеса и населения для реализации принципа раздельного сбора отходов; предусмотренные на стадии проектирования повторное использование, вторичная переработка и увеличение жизненного цикла электронного оборудования; организация циркулярного обращения с информационно-коммуникационными технологиями [10].

Специалисты указывают, что минимизировать воздействие IT-оборудования на окружающую среду в настоящее время могут практики ESG – достижение ESG-показателей связано с внедрением методов устойчивой экономики замкнутого цикла [23]. Не вдаваясь в технологические аспекты работы хозяйствующих субъектов в режиме «замкнутого цикла», следует отметить, что представляется характерным: решение цифровых экологических проблем видится, во-первых, в деятельности негосударственных субъектов, которая, во-вторых, во многом также связана с использованием цифрового оборудования и технологий.

Появление концепции ESG (аббревиатура от англ. «Environment, Social, Governance» – «окружающая среда, общество, управление») принято связывать с докладом Генерального секретаря ООН «Неравнодушный побеждает», сделанном в 2004 г. для руководителей крупных международных компаний. Согласно официальной позиции идея ESG – это реализация концепции устойчивого развития в сфере бизнеса. В научной литературе встречаются различные позиции по вопросу оценки этой концепции, точнее способов ее воплощения, – от весьма скептических до восторженных. В качестве примера последних можно привести такое мнение: «концепция устойчивого развития захватила мир и видоизменяет социум, порождает новые социальные паттерны, перестраивает бизнес- и управленческие модели, свидетельствует о предельной связанности мира и, как следствие, побуждает переосмысливать правовую надстройку, адаптировать сверхновые нормативные массивы к актуальной правовой таксономии, что не всегда удается с учетом позитивистского подхода к праву» [24. С. 185–198].

Изучение инструментов ESG у юристов вызывает особый интерес. Это заслуживающий внимания пример действия во времени и в пространстве так называемого «мягкого права» – совокупности правил поведения (принципов, критериев, стандартов) рекомендательного характера, не санкционированных государством, но действующих в силу их принятия авторитетными в определенной сфере субъектами [25. С. 4]. Имея изначально в своей основе исключительно финансовые рычаги воздействия, концепция в дальнейшем получила общемировое распространение и закрепление. За сравнительно небольшой период времени рекомендации достижения ESG-показателей и публикации этой информации (отчетности) превратились в обязанности, невыполнение которых будет сопряжено с целым рядом негативных последствий. При этом разработка критериев (индексов), условий распределения и получения (привлечения) инвестиций,

т.е. ключевых элементов ESG-архитектуры, – все в руках негосударственных субъектов.

Согласно отчету Rate the Raters Report 2023, опубликованному Институтом устойчивого развития (The Sustainability Institute by ERM – исследовательский центр консалтинговой группы ERM), с одной стороны, происходит стремительный рост восприимчивости ESG-продуктов: 43% респондентов-инвесторов заявили, что интегрируют их в инвестиционные стратегии, в то время как в предыдущем опросе, проведенном в 2018–2019 гг., об этом говорили лишь 12% инвесторов; с другой стороны, в то время, как специалисты по ESG-оценке стали ключевыми игроками в экосистеме устойчивого финансирования, среди инвесторов, компаний и других заинтересованных сторон растет недовольство тем, как работают рейтинги. Почти треть корпоративных респондентов оценили уровень доверия к рейтингам как очень низкий и низкий (на 1 и 2 по пятибалльной шкале), а сами рейтинги несопоставимыми между собой [26]. Ситуация кажется парадоксальной – за исследуемый период на фоне возрастания недовольства участников ESG-процесса отмечается значительное увеличение (почти в четыре раза) количества вовлеченных в этот процесс лиц. Иначе говоря, управляемым субъектам действия управляющих не нравятся, но они подчиняются их требованиям. Более того, даже те страны, которые официально не присоединились к ESG-движению, осознают актуальность рассматриваемых вопросов и понимают значение адаптации к этим процессам.

Так, например, информационным письмом Банка России от 12 июля 2021 г. № ИН-06-28/49 публичными акционерными обществами даны рекомендации по раскрытию нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ, а также указано, что «оценка рисков и возможностей, связанных с изменениями климата, отношением к окружающей среде, взаимоотношениями с обществом в целом и локальными сообществами, соблюдением прав человека и другими вопросами устойчивого развития, становится актуальной глобальной тенденцией и будет определять направления экономической и финансовой повестки в ближайшем будущем». По мнению Регулятора к моменту издания рекомендаций уже была создана юридическая и идеологическая основа для нового глобального перераспределения потоков капитала в пользу рынков, обеспечивающих продвижение целей устойчивого развития [27].

В еще одном социологическом исследовании, проведенном в Российской Федерации, респонденты, отвечая на вопрос о ключевых аспектах в ESG-

трансформации, указали, что «осуществить ее без применения цифровых решений невозможно» [28].

Сопоставление фактических данных позволяет заключить, что на современном этапе методы экономического воздействия имеют в целом ряде случаев значительно больший потенциал с точки зрения эффективности влияния, чем императивные правила поведения, функционирующие без рычагов стимулирования. Негосударственные регуляторы, в том числе за счет гибкости, оперативности реагирования на происходящие общественные изменения, использования исключительно инструментов стимулирования, достигают более значимых управленческих результатов. При этом как государственные регуляторы, так и частные игроки имеют общую цель – устойчивое развитие, отвечающее потребностям настоящего времени без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [29].

Необходимость разработки и внедрения цифрового оборудования и технологий, с одной стороны, является обязательным условием достижения заявленной цели, и, с другой стороны, одновременно оборудование и технологии – источник негативного воздействия на окружающую среду. Отмечается, что экспоненциальный рост объема данных и увеличение спроса на энергию, связанные с ними процессы, могут фактически противодействовать глобальному прогрессу в области изменения климата и даже препятствовать ему [11].

Предлагаемые к внедрению требования в области охраны окружающей среды при разработке, производстве, эксплуатации и утилизации цифрового оборудования и технологий представляются целесообразным закрепить в федеральном экологическом законодательстве в качестве самостоятельного структурного элемента. Несмотря на ведущуюся разработку Цифрового кодекса Российской Федерации⁶, которая должна завершиться в течение года [30], описанные выше изменения и дополнения следует вносить именно в ФЗ «Об охране окружающей среды» как специальный закон⁷, регулирующий отношения «в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием, в том числе цифровым (дополнение мое. – Н.З.), на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле». Также представляется необходимым сделать легальными для целей названного закона такие термины, как «цифровое оборудование и технологии, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду», «цифровые отходы» и определить их содержание.

Примечания

¹ Формирование эффективной системы управления в сфере охраны окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, предусматривающей взаимодействие и координацию деятельности органов государственной власти, на протяжении уже многих лет является целью (или задачей), переходящей из одного официального документа в другой.

² См., также региональное законодательство: напр., Закон Республики Татарстан от 13.11.2007 № 58-ЗРТ «Об информационных системах и информатизации Республики Татарстан». URL: <https://digital.tatarstan.ru/zakon-rt-ob-informatsionnih-sistemah-i.htm>

³ Следует отметить, что и сам процесс разработки цифрового оборудования или технологий в подавляющем большинстве случаев сопряжен с использованием аналогового оборудования и технологий, которые, соответственно, также оказывают негативное воздействие на окружающую среду.

⁴ На современном уровне развития новое цифровое оборудование и технологии, как правило, это не то, что сделано впервые, а что-то ранее существовавшее, но пересмотренное, доработанное, переосмысленное и т.д.

⁵ При этом нужно учитывать, что реализация названных предложений приведет к значительному увеличению стоимости цифрового оборудования и технологий, в связи с чем должны быть разработаны и внедрены меры экономического и экологического стимулирования.

⁶ Ответственные за его разработку отмечают, что «создание цифрового кодекса соответствует общемировому тренду на появление глобальных документов, охватывающих все аспекты функционирования современного цифрового общества. Этот тренд появился много лет назад и сегодня набирает обороты. Так, в Европе уже приняты Акт о цифровых услугах и Акт о цифровых рынках, эти документы уже включены в процессы законотворчества в области «цифры»».

⁷ Так, например, Гражданский кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 141.1 «Цифровые права».

Список источников

1. Secretary-General's address to the Opening of the General Debate of the 75th Session of the General Assembly // United Nations. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-09-22/secretary-generals-address-the-opening-of-the-general-debate-of-the-75th-session-of-the-general-assembly>
2. Чернышев А.Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. 2018. № 26 (5). С. 13–21.
3. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., 2019. 304 с.
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
5. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
6. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
7. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Утв. Президентом РФ 30.04.2012 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2021 № 3496-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования». URL: pravo.gov.ru
9. Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека // Научный дайджест. 2022. № 7 (12). URL: https://www.hse.ru/data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Didgest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf
10. Абанина Е.Н., Сухова Е.А. Правовое обеспечение экологической безопасности РФ: состояние и перспективы развития. М.: Юстицинформ, 2022. 222 с.
11. Marr B. Green Intelligence: Why Data And AI Must Become More Sustainable // Forbes. 22.03.2023. URL: www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/03/22/green-intelligence-why-data-and-ai-must-become-more-sustainable/?sh=45fe403a7658
12. Купрюшина А.П., Луговойской А.М. Рациональное природопользование в контексте цифровой экономики // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 1. С. 14–16.
13. Нагайцева Д.А. Отходы электрического и электронного оборудования: актуальные проблемы текущего правового регулирования и перспективы развития // Экологическое право. 2022. № 5. С. 34–37.
14. Федеральный закон РФ от 30.11.2011 № 371-ФЗ «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7049.
15. Федеральный закон РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
16. Хлуденева Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2014. 172 с.
17. Патрушева Т.Н., Барашков В.А., Чурбакова О.В., Петрова С.К. Экологические проблемы производства и утилизации электронных средств // Journal of Siberian Federal University. Engineering & Technologies. 2018. № 11 (6). С. 679–693.
18. Приказ Минприроды РФ от 05.03.2010 № 63 «Об утверждении нормативов предельно допустимых воздействий на уникальную экологическую систему озера Байкал и перечня вредных веществ, в том числе веществ, относящихся к категориям особо опасных, высокоопасных, опасных и умеренно опасных для уникальной экологической системы озера Байкал». Зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 07.06.2010 № 17490.
19. Комментарий к Федеральному закону РФ от 10.10.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) / под ред. О.Л. Дубовик. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2015. Комментарий к ст. 27 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Каков экологический след цифровых технологий? URL: <https://themoney.co/ru/empreinte-ecologique-du-numerique/>
21. Распоряжение Правительства РФ от 25.07.2017 № 1589-р «Об утверждении перечня видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5107.
22. Национальный стандарт РФ «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Руководство по безопасному сбору, хранению, транспортированию и разборке отработавшего электротехнического и электронного оборудования, за исключением ртутьсодержащих устройств и приборов». Утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 14.11.2012 № 803-ст. М.: Стандартинформ, 2014.
23. Парфенкова М. Практики ESG минимизируют воздействие IT-оборудования на окружающую среду // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/esg/articles/2022/09/13/940577-praktiki-esg-minimiziruyut-vozddeistvie-it-oborudovaniya-na-okruzhayushchuyu-sredu>
24. Мажорина М.В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 185–198.
25. Демин А.В. К вопросу о переносе концепции «мягкого права» на уровень национальных правовых систем // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 4–7.
26. Отчет основан на результатах опроса инвесторов и корпораций об их отношении к ESG-рейтингам и поставщикам. URL: https://mfc-moscow.com/assets/files/analytics/ESG%20MONITORING/monitoring_ESG_April_2023.pdf
27. Рекомендации по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ // ЦБ РФ. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf
28. Как цифровизация помогает ESG-трансформации бизнеса // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/63512ca29a79477492c63be0>
29. Brief for GSDR 2015. The Concept of Sustainable Development: Definition and Defining Principles. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5839GSDR%202015_SD_concept_definition_rev.pdf
30. Капранов О. В России появится цифровой кодекс // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/04/09/elektronnoe-pravo.html>

References

1. United Nations. (2020) *Secretary-General's address to the Opening of the General Debate of the 75th Session of the General Assembly*. [Online] Available from: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-09-22/secretary-generals-address-the-opening-of-the-general-debate-of-the-75th-session-of-the-general-assembly>
2. Chernyshev, A.G. (2018) Strategiya i filosofiya tsifrovizatsii [Strategy and philosophy of digitalization]. *Vlast'*. 26 (5). pp. 13–21.
3. Skinner, K. (2019) *Tsifrovoy chelovek. Chetvertaya revolyutsiya v istorii chelovechestva, kotoraya zatront kazhdogo* [Digital Man. The fourth revolution in human history that will affect everyone]. Moscow.
4. Russian Federation. (2017) Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 “O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody” [Decree of the President of the Russian Federation dated 09 May 2017 No. 203: On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 20. Art. 2901.
5. Russian Federation. (2018) Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204 “O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda” [Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018, No. 204: On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period until 2024]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 20. Art. 2817.
6. Russian Federation. (2020) Ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 № 474 “O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda” [Decree of the President of the Russian Federation dated 07 May 2018 No. 204: On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 30. Art. 4884.
7. Consultant Plus. (2012) *Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period until 2030. Approved by the President of the Russian Federation dated 30 April 2012*. (In Russian).
8. Pravo.gov.ru. (2021) *Order of the Government of the Russian Federation dated December 8, 2021, No. 3496-r: On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the ecology and environmental management industry*. (In Russian).
9. Nauchnyy daydzhest. (2022) Tsifrovye tekhnologii i obshchestvo: vliyaniye na blagopoluchie i kachestvo zhizni cheloveka [Digital technologies and society: impact on human well-being and quality of life]. 7 (12). [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/2022/07/22/1614459848/Human_Capital_NCMU_Digest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf
10. Abanina, E.N. & Sukhova, E.A. (2022) *Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti RF: sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Legal support of environmental safety of the Russian Federation: status and development prospects]. Moscow: Yustitsinform.
11. Marr, B. (2023) *Green Intelligence: Why Data And AI Must Become More Sustainable*. Forbes. 22 March 2023. [Online] Available from: www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/03/22/green-intelligence-why-data-and-ai-must-become-more-sustainable/?sh=45fe403a7658
12. Kupryushina, A.P. & Lugovskoy, A.M. (2019) Ratsional'noe prirodopol'zovanie v kontekste tsifrovoy ekonomiki [Rational environmental management in the context of the digital economy]. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya*. 1. pp. 14–16.
13. Nagaytseva, D.A. (2022) Otkhody elektricheskogo i elektronnoho oborudovaniya: aktual'nye problemy tekushchego pravovogo regulirovaniya i perspektivy razvitiya [Waste of electrical and electronic equipment: current problems of current legal regulation and development prospects]. *Ekologicheskoe pravo*. 5. pp. 34–37.
14. Russian Federation. (2011) FZ ot 30.11.2011 № 371-FZ “O federal'nom byudzhete na 2012 god i na planovyy period 2013 i 2014 godov” [Federal Law of November 30, 2011, No. 371-FZ: On the federal budget for 2012 and for the planning period of 2013 and 2014]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 49 (1). Art. 7049.
15. Russian Federation. (2006) FZ ot 27.07.2006 № 149-FZ “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii” [Federal Law of July 27, 2006, No. 149-FZ: On information, information technologies and information protection]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 31 (1). Art. 3448.
16. Khludeneva, N.I. (2014) *Defekty pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchey sredy* [Defects in legal regulation of environmental protection]. Moscow: IZiSP, INFRA-M.
17. Patrusheva, T.N. et al. (2018) Ekologicheskie problemy proizvodstva i utilizatsii elektronnykh sredstv [Environmental problems of production and disposal of electronic devices]. *Journal of Siberian Federal University. Engineering & Technologies*. 11(6). pp. 679–693.
18. Russian Federation. (2010) *Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation dated 05 March 2010 No. 63: On approval of standards for maximum permissible impacts on the unique ecological system of Lake Baikal and a list of harmful substances, including substances belonging to the categories of especially dangerous, highly dangerous, dangerous and moderately dangerous for a unique ecological system Lake Baikal. Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on June 07, 2010, No. 17490*. (In Russian).
19. Dubovik, O.L. (ed.) (2015) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 10.10.2002 № 7-FZ “Ob okhrane okruzhayushchey sredy” (postateyny)* [Commentary on the Federal Law of October 10, 2002, No. 7-FZ: On Environmental Protection (article-by-article)]. Commentary to Art. 27.
20. The Money. (n.d.) *Kakoy ekologicheskiy sled tsifrovyykh tekhnologiy?* [What is the environmental footprint of digital technologies?]. [Online] Available from: <https://themoney.co/ru/empreinte-ecologique-du-numerique/>
21. Russian Federation. (2017) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.07.2017 № 1589-r “Ob utverzhdenii perechnya vidov otkhodov proizvodstva i potrebleniya, v sostav kotorykh vkhodyat poleznye komponenty, zakhoroneniye kotorykh zapreshchaetsya” [Order of the Government of the Russian Federation dated July 25, 2017, No. 1589-r: On approval of the list of types of production and consumption waste, which includes useful components, the disposal of which is prohibited]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32. Art. 5107.
22. Standartinform. (2014) *Natsional'nyy standart RF “Resursobezrezheniye. Obrashcheniye s otkhodami. Rukovodstvo po bezopasnomu sboru, khraneniyu, transportirovaniyu i razborke otrabotavshago elektrotekhnicheskogo i elektronnoho oborudovaniya, za isklucheniem rtut' soderzhashchikh ustroystv i priborov”*. Utv. i vveden v deystvie Prikazom Rosstandarta ot 14.11.2012 № 803-st. [National standard of the Russian Federation: Resource conservation. Waste management. Guidelines for the safe collection, storage, transportation and dismantling of waste electrical and electronic equipment, with the exception of mercury-containing devices and instruments. Approved and put into effect by Order of Rosstandart dated November 14, 2012, No. 803-st]. Moscow: Standartinform.
23. Parfenkova, M. (2022) *Praktiki ESG minimiziruyut vozdeystviye IT-oborudovaniya na okruzhayushchuyu sredu* [ESG practices minimize the impact of IT equipment on the environment]. *Vedomosti*. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/ecology/esg/articles/2022/09/13/940577-praktiki-esg-minimiziruyut-vozdeystviye-it-oborudovaniya-na-okruzhayushchuyu-sredu>
24. Mazhorina, M.V. (2021) ESG-printsipy v mezhdunarodnom biznese i “ustoychivye kontrakty” [ESG principles in international business and “sustainable contracts”]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 12. pp. 185–198.
25. Demin, A.V. (2016) K voprosu o perenosе kontseptsii “myagkogo prava” na uroven' natsional'nykh pravovykh sistem [On transferring the concept of “soft law” to the level of national legal systems]. *Administrativnoye pravo i protsess*. 3. pp. 4–7.
26. Mfc-moscow.com. (2023) *Otchet osnovan na rezul'tatakh oprosa investorov i korporatsiy ob ikh otnoshenii k ESG-reytingam i postavshchikam* [The report based on the results of a survey of investors and corporations about their attitudes towards ESG ratings and suppliers]. [Online] Available from: https://mfc-moscow.com/assets/files/analytics/ESG%20MONITORING/monitoring_ESG_April_2023.pdf
27. CB RF. (2021) *Rekomendatsii po raskryitiyu publichnymi aktsionernymi obshchestvami nefinansovoy informatsii, svyazannoy s deyatelnost'yu takikh obshchestv* [Recommendations for the disclosure by public joint-stock companies of non-financial information related to the activities of such companies]. [Online] Available from: https://cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf
28. RBC. (n.d.) *Kak tsifrovizatsiya pomogaet ESG-transformatsii biznesa* [How digitalization helps ESG business transformation]. [Online] Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/green/63512ca29a79477492c63be0>

29. UN. (2015) *Brief for GSDR 2015. The Concept of Sustainable Development: Definition and Defining Principles*. [Online] Available from: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5839GSDR%202015_SD_concept_definiton_rev.pdf
30. Kapranov, O. (2023) V Rossii poyavitsya tsifrovoy kodeks [A digital code will appear in Russia]. *Rossiyskaya gazeta*. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/04/09/elektronnoe-pravo.html>

Информация об авторе:

Заславская Н.М. — канд. юрид. наук, доцент кафедры экологического и земельного права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: zaslavskaya-n@ya.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.M. Zaslavskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: zaslavskaya-n@ya.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.07.2023;
одобрена после рецензирования 04.11.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 16.07.2023;
approved after reviewing 04.11.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.17223/15617793/495/20

Особенности организации судебно-экспертной профилактической деятельности пожарно-технического эксперта

Сергей Юрьевич Карпов^{1, 2}, Алексей Яковлевич Понимаскин^{1, 3}

¹ Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт противопожарной обороны МЧС России, Балашиха, Россия

² kafedrandagps@mail.ru

³ ponimaskin81@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с особенностями организации экспертно-профилактической деятельности в СЭУ ФПС МЧС России, дан анализ показателей деятельностной нагрузки экспертов СЭУ ФПС МЧС России, обозначен ряд проблемных вопросов, которые препятствуют полноценной экспертно-профилактической деятельности. Анализируется современное состояние экспертной профилактики, кадрового ресурсообеспечения, численности экспертов с большим стажем работы, и в качестве примеров экспертной профилактики эксперта СЭУ ФПС МЧС России представлены три наиболее часто встречаемые ситуации.

Ключевые слова: эксперт, пожар, пожарно-техническая экспертиза, расследование пожаров, экспертная профилактика, экспертиза пожаров, профилактические мероприятия, профилактика пожаров, пожарная безопасность, профилактическая деятельность судебного эксперта

Для цитирования: Карпов С.Ю., Понимаскин А.Я. Особенности организации судебно-экспертной профилактической деятельности пожарно-технического эксперта // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 205–214. doi: 10.17223/15617793/495/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/20

Features of the organization of forensic preventive activities of a fire-technical expert

Sergey Yu. Karpov^{1, 2}, Aleksey Ya. Ponimaskin^{1, 3}

¹ All-Russian Research Institute for Fire Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Balashikha, Russian Federation

² kafedrandagps@mail.ru

³ ponimaskin81@mail.ru

Abstract. This article discusses issues related to the specifics of the organization of expert and preventive activities in the SEU FPS of the EMERCOM of Russia, analyzes the indicators of the activity load of the experts of the SEU FPS of the EMERCOM of Russia, identifies a number of problematic issues that hinder full-fledged expert and preventive activities in the SEU FPS of the EMERCOM of Russia. Also, in the course of the study, the current state of expert prevention, human resource provision, the number of experts with extensive work experience is analyzed, and three most common situations are presented as examples of expert prevention of the expert of the SEU FPS of the EMERCOM of Russia. The following provisions are noted as a problem in the work: to date, issues related to the effectiveness of certain requirements of regulatory documents remain relevant; a lack of tools (norms, methods, definitions) that allow for an accessible and understandable determination of the obligation (necessity) and effectiveness of the application of specific fire safety requirements aimed at the safety of people in case of fire is observed; based on the study, a number of measures are proposed to improve the expert preventive activities of a fire technical expert.

Keywords: expert, fire, fire technical expertise, fire investigation, expert prevention, fire expertise, preventive measures, fire prevention, fire safety

For citation: Karpov, S.Yu. & Ponimaskin, A.Ya. (2023) Features of the organization of forensic preventive activities of a fire-technical expert. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 205–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/20

Введение

Законодательство в области пожарной безопасности предусматривает риск-ориентированный подход с учетом обеспечения необходимого уровня защиты объекта.

Современная модель обеспечения пожарной безопасности отличается от «советской» тем, что с учетом положений законодательства о допустимости предпринимательских рисков в большей степени «бизнес-ориентирована». В данной парадигме профилактика правонарушений в

области пожарной безопасности должна иметь экспертную поддержку. Актуальность в реконструкции модели обеспечения профилактических мер обусловлена запросом общества с учетом роста крупных (резонансных) пожаров с большими материальными ущербами и массовостью гибели людей. По мнению авторов, развитие экспертной профилактики в деятельности судебно-экспертных учреждений ФПС МЧС России (далее – СЭУ ФПС МЧС России) способствовало бы выработке действенных мер по снижению преступлений, сопряженных с пожарами, и формированию конкретных рекомендаций (мероприятий) по обеспечению пожарной безопасности.

При производстве «классической» пожарно-технической экспертизы эксперт устанавливает причину пожара и обстоятельства, способствующие возникновению и распространению горения. Исследования пожаров пожарно-техническим экспертом позволяют определять причинно-следственные связи, в том числе между нарушениями требований пожарной безопасности и наступившими последствиями, а в некоторых случаях эффективность нормативных требований.

Выявленные обстоятельства причины пожара в процессе производства экспертизы и в ходе обобщения экспертной практики служат основой для формирования рекомендаций по мерам, направленным на обеспечение пожарной безопасности.

В системе предупреждения преступлений, сопряженных с пожарами, уделяется недостаточно внимания использованию результатов судебных пожарно-технических экспертиз (далее – СПТЭ) в профилактике пожаров. Развитие деятельности, связанной с экспертной профилактикой в СЭУ ФПС МЧС России в условиях продления моратория на проведение проверок государственным пожарным надзором, приобретает важное значение и может выступать «альтернативой» мероприятиям по контролю (надзору).

Особенности организации экспертно-профилактической деятельности в СЭУ ФПС МЧС России

Совершенствование судебно-экспертной деятельности в МЧС России является приоритетной задачей развития системы обеспечения пожарной безопасности на период до 2030 г. [1].

Для руководителей органов исполнительной власти и специалистов остаются актуальными вопросы, связанные с внедрением новых способов и методов борьбы с пожарами. Знаменитая фраза «пожар легче предотвратить, чем потушить» говорит о значимости профилактических мер в обеспечении пожарной безопасности¹. Как правило, когда идет речь о профилактике пожаров, многие понимают это исключительно как деятельность, связанную с обучением населения мерам пожарной безопасности и выполнением требований норм. Но прежде чем предлагать действенные меры профилактики, необходимо квалифицированно разобраться в причинах и обстоятельствах возникнове-

ния пожаров и нарушений требований пожарной безопасности. Поэтому экспертная поддержка² в большинстве случаев является ключевым звеном в системе доказывания по делам о пожарах и выработке предложений профилактического характера.

В системе СЭУ ФПС МЧС России в настоящее время недостаточно уделяется внимание судебно-экспертной профилактике по делам о пожарах и нарушениям требований пожарной безопасности – научному и практико-ориентированному инструменту при выработке действенных мер профилактического характера по обеспечению пожарной безопасности. Результаты судебных пожарно-технических экспертиз при предупреждении преступлений, сопряженных с пожарами, и выработке мер пожарной безопасности на практике применяются крайне редко. Причиной данного состояния дел является то, что в ведомственных регламентирующих документах не определен порядок деятельности, связанной с экспертной профилактикой [2]. Кроме того, стоит отметить и ряд других обстоятельств, которые не позволяют в полной мере заниматься вопросами экспертной профилактики в СЭУ ФПС МЧС России, например:

- высокая деятельностная нагрузка сотрудников СЭУ (рис. 1) и, как следствие, предпосылки для снижения качества пожарно-технических экспертиз.

Деятельностная нагрузка экспертов СЭУ МЧС России в среднем может составлять около 100 экспертиз и технических заключений (исследований) в год. Это очень большая нагрузка на одного эксперта, даже с учетом разных по сложности экспертиз и исследований. Например, нагрузка на одного пожарно-технического эксперта ЭКЦ МВД России определяется из расчета 30 экспертиз и исследований в год³. В Минюсте России при определении нагрузки на одного эксперта учитываются сложность экспертиз и затраты времени на их производство⁴. В среднем из расчета бюджета времени эксперта, составляющего 1 500 часов в год, и различной сложности экспертиз на одного эксперта приходится 27–30 экспертиз;

- недостаточное количество высококвалифицированных кадров с большим практическим опытом, которые могут эффективно работать в области экспертной профилактики (рис. 2, 3).

В настоящее время в системе МЧС России существуют 78 экспертных учреждений (СЭУ) и одно головное экспертное подразделение (Исследовательский центр экспертизы пожаров, далее – ИЦЭП). Из статистических данных (рис. 2) видно, что доля экспертов, имеющих большой экспертный стаж, не превышает в среднем 5–7% от общего количества аттестованных экспертов, при отсутствии таких сотрудников более чем в 70% СЭУ;

- отсутствие стандартизированных экспертных методик в области ПТЭ [5].

С учетом данных ТК 134 (Технический комитет по стандартизации 134 «Судебная экспертиза») в программу национальной стандартизации на 2022–2023 гг. в повестку рассмотрения включен ГОСТ Р «Судебная пожарно-техническая экспертиза». Термины и

определения» – это первый утвержденный стандарт в области судебной пожарно-технической экспертизы⁵;

– из-за перегрузки эксперта увеличиваются сроки производства экспертиз и снижается их качество, что не позволяет в дальнейшем провести полноценный анализ для выработки профилактических рекомендаций и мер их реализации;

– неверное распределение приоритетов при производстве СПТЭ, которое заключается в большей степени в формализации результатов исследования (по поставленным перед экспертом вопросам) в ущерб объективности, всесторонности и отсутствия применения экспертной инициативы для более глубокой проработки причин и обстоятельств пожара.

Рис. 1. Показатели деятельностной нагрузки экспертов СЭУ ФПС МЧС России

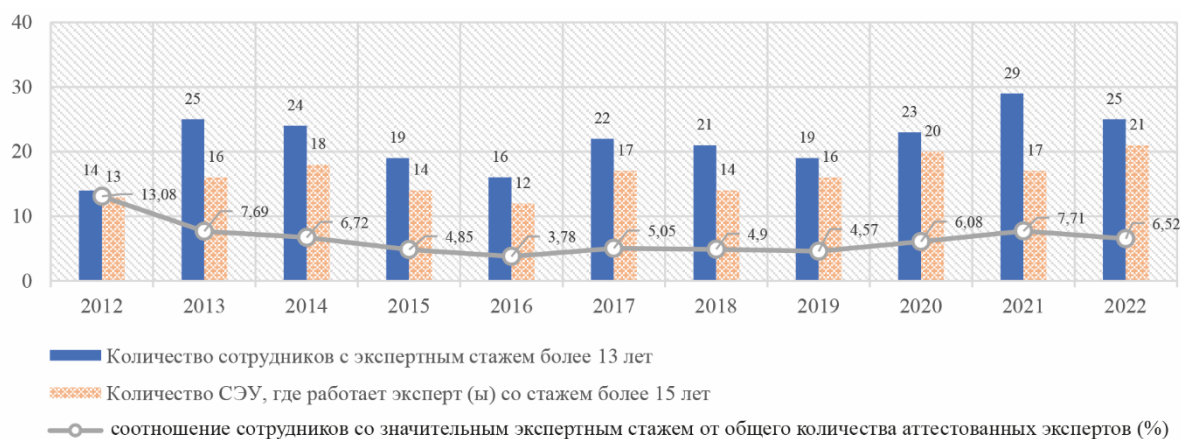

Рис. 2. Динамика показателей количества экспертов СЭУ МЧС России с большим стажем работы

Анализ многих технических заключений и экспертиз показал, что в основном на разрешение эксперта ставятся два «классических» вопроса: какова причина пожара и где находится очаг пожара. При этом стоит отметить, что другие более глубокие формулировки (вопросы), позволяющие разобраться в причинно-следственной связи, редко ставятся перед экспертом, а сам эксперт в таких случаях не проявляет в этом инициативы. Например, вопросы, связанные с первопричиной возникновения горения

(что повлияло, привело к аварийному режиму работы, нарушению правил пожарной безопасности и т.п.), что повлияло на быстрое распространение пожара, какие нарушения пожарной безопасности способствовали возникновению и распространению пожара, могли ли обеспечить не распространение пожара принятые меры пожарной безопасности в рамках обеспечения огневых работ на объекте и т.п. В большей части заключений (экспертиз) выводы относительно причины пожара эксперт дает в вероят-

ностной форме (например, вероятная причина пожара – аварийный режим работы электрооборудования), что не позволяет использовать заключение эксперта как доказательство по делу. В части определения очага пожара часто встречаются выводы о предположительном месте первоначального горения – эксперт указывает зону (помещение, часть здания), а не конкретное место. Вероятностные выводы эксперта не могут быть положены в основу обвинения, поэтому множество таких экспертиз, на которые возлагались надежды при установлении истины, являются формальными по многим причинам, в том числе по причине их неудовлетворительного качества. В большинстве случаев именно эти обстоятельства не позволяют в полной мере добиться целей расследования;

– использование приборов и оборудования с существенными погрешностями, в том числе из-за отсутствия практически ориентированных методик (методов) их применения [3, 4].

Использование некоторых полевых приборов для работы на месте пожара (МС-2500 – комплект оборудования для анализа отложений копоти, приборный комплекс «Пресс» – комплект оборудования для исследования обугленных остатков древесины и т.п.) не обеспечивает однозначные выводы с учетом существующих методических рекомендаций [5, 6]. Ряд других полевых приборов используется только при положительных температурах (например, ультразвуковой дефектоскоп DIO 562 имеет диапазон использования от 0 до +40°C), что затрудняет их применение при расследовании пожаров в различных климатических поясах России в разное время года;

Рис. 3. Диаграмма показателей кадрового ресурсообеспечения СЭУ МЧС России

– использование в рамках исследования нестандартизированных методик, в том числе имеющих вероятностный контекст предполагаемых результатов (например, методика вероятности эвакуации людей⁶);

– установление госзаданием определенного объема работ для каждого конкретного СЭУ, к выполнению которого стремится в течение года все подразделение (государственное задание для СЭУ формируется ежегодно с учетом определенного объема работ, которое увязывается с финансовым обеспечением по численности сотрудников конкретного экспертного учреждения⁷);

– недостаточность инициативы, исходящей от эксперта, отсутствие в нормативных документах положений, регламентирующих пределы экспертной инициативы в части экспертной профилактики и вменение эксперту данного вида деятельность в функциональную обязанность;

– отсутствие организационных и методических решений в деятельности экспертной профилактики в СЭУ ФПС МЧС России;

– недостаточный объем предоставляемой дознавателем или иным лицом, назначившим экспертизу (исследование), информации по делам о пожарах или нарушении требований пожарной безопасности для последующей постановки вопросов, затрагивающих область экспертной профилактики (т.е. отсутствие в материалах дела достаточных данных для исследовательской деятельности эксперта в рамках экспертной

профилактики, так как основной решаемой задачей в рамках расследования (проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях) является установление причины и виновного лица). Должностное лицо рассматривает материалы в контексте признаков преступления (правонарушения) и упрощения своей работы при выяснении «непосредственной» причины пожара или нарушения требований пожарной безопасности, т.е. собирается достаточный минимум для вынесения процессуального решения. Поэтому сотрудник при расследовании, как правило, оптимизирует свою работу, а также время и ресурсы и не заинтересован собирать дополнительную информацию и анализировать весь комплекс обстоятельств для того, чтобы предоставить эксперту достаточные материалы для исследования в рамках экспертной профилактики. Отсутствуют требования, четко регламентирующие действия сотрудника в ведомственных инструкциях⁸, например, его действия по установлению очага, причины пожара, а также иных обстоятельств и первопричин, способствовавших совершению противоправных действий и нарушений);

– ограничение УПК РФ времени на проведение проверочных действий по сообщению о пожаре⁹;

– отсутствие обобщения практики расследования (проверок) по пожарам в деятельности органов предварительного расследования дознавателей (следователей) и параллельно пожарно-технических экспертов – не осуществляется анализ для выявления типичных

причин, определенных закономерностей по ситуациям, типам объектов и т.д.

Это говорит о необходимости разработки концепции деятельности экспертов по вопросам экспертной профилактики (использования результатов СПТЭ, исследований и т.д.) для целей повышения эффективности в предупреждении пожаров и нарушений требований пожарной безопасности. Важно сформировать у общества и лиц, принимающих управленческие решения, понимание о том, что профилактические рекомендации по итогам экспертно-профилактической деятельности пожарно-технического эксперта служат важным механизмом в обеспечении пожарной безопасности и предупреждения правонарушений.

В экспертной профилактике разделяют профилактическую деятельность эксперта и экспертного учреждения, а также *процессуальную* и *непроцессуальную* формы экспертно-профилактической деятельности [7, 8].

Вопросам экспертной профилактики были посвящены работы таких ученых, как И.А. Алиев, В.П. Колмаков, Ю.Г. Корухов, И.Я. Фридман, В.Ф. Зудин, Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская и др. Инициатором и разработчиком теории экспертной профилактики многие специалисты считают И.А. Алиева, который определил экспертную профилактику как «сложное системное образование, основу которой составляет деятельность экспертов, на базе своих специальных познаний выявляющих обстоятельства, способствовавшие или могущие способствовать совершению преступлений» [8–10]. Вопросы экспертной профилактики в деятельности пожарно-технического эксперта были отражены в работах С.И. Зернова, С.А. Назарова, И.С. Таубкина, И.Д. Чешко и др.

Рассматривая вопросы экспертной профилактики в рамках организации и производства пожарно-технических экспертиз, нужно конкретизировать функции и задачи процессуальной и непроцессуальной формы экспертно-профилактической деятельности.

Например, эксперт свою профилактическую функцию в процессуальной форме (участие в производстве экспертиз или следственных действиях) может реализовать:

- в ходе осмотра места пожара (при осмотре важно собрать информацию, которая будет необходима эксперту для решения вопросов об обстоятельствах, способствующих совершению правонарушений, например, отвечающую на вопросы: что способствовало возникновению и распространению пожара, наступлению тяжких последствий для людей, каковы причины неэффективных действий персонала объекта, пожарных подразделений и т.п.);

- в ходе производства эксперимента (например, при моделировании динамики распространения пожара в зависимости от места первоначального горения или подтверждения версии о механизме возникновения горения и т.д.);

- в ходе производства экспертизы, в том числе с применением лабораторных методов исследования (например, по результатам исследования: веществен-

ных доказательств, свойств веществ, материалов, закономерностей и причастности термических повреждений к возникновению пожара и т.д.);

- в рамках привлечения сотрудников СЭУ ФПС МЧС России к контрольно-надзорным мероприятиям, а также при производстве административных дел о нарушениях требований пожарной безопасности.

В качестве примеров экспертной профилактики эксперта СЭУ ФПС МЧС России можно представить три наиболее часто встречаемые ситуации. Первый пример – работа эксперта в рамках расследования причин возникновения пожара, второй – работа эксперта по делам о нарушениях требований пожарной безопасности, а третий – работа специалиста в рамках контрольно-надзорных мероприятий.

Пример 1 (после пожара). Одна из частых причин возникновения пожара связана с объектами электро-технического назначения, например с аварийным режимом работы бытового прибора (электрооборудования). В ходе производства пожарно-технической экспертизы эксперт устанавливает причастность аварийного режима работы электрооборудования к возникновению пожара, но не всегда углубленно проводит исследование обстоятельств, способствующих возникновению аварийного режима в электрооборудовании, т.е. не исследует первопричину возникновения аварийного режима. А причина может быть разной: брак отдельных элементов, несоблюдение условий эксплуатации, технологическая (техническая) недоработка прибора и т.п. Если от бракованного электроприбора многократно случаются пожары, то деятельность по экспертной профилактике сотрудника заключается в следующем:

- информирование надзорных органов, в первую очередь органов прокуратуры, для принятия ими соответствующих мер;

- информирование потребителей электрооборудования об опасности использования конкретного электроприбора;

- уведомление завода-изготовителя о выявленном в электрооборудовании браке и необходимости его устранения в кратчайшие сроки;

- осуществление совместного с надзорным органом контроля устранения брака (причины пожара от использования некачественного электрооборудования) заводом-изготовителем;

- проверка устранения брака электрооборудования заводом-изготовителем.

Пример 2 (до пожара). В рамках привлечения эксперта по делам об административных правонарушениях очень часто должностные лица ставят перед экспертом вопросы, связанные с обеспечением безопасности людей на объекте. Суть вопросов сводится к риску причинения вреда здоровью человека с учетом нарушений некоторых нормативных требований пожарной безопасности на объекте надзора. В рамках исследования обстоятельств нарушений требований пожарной безопасности эксперт анализирует действующее законодательство в области обеспечения пожарной безопасности, а также использует расчетные методики,

определяющие вероятность безопасной эвакуации людей при пожаре. При производстве пожарно-технической экспертизы эксперт также может применять инструментальные методы исследования по вопросам устойчивости зданий (сооружения) при пожаре, эффективности работоспособности систем противопожарной защиты, несоответствия (соответствия) строительных материалов, используемых на путях эвакуации людей, и т.д. Эта деятельность требует больших затрат времени, поэтому для снижения нагрузки на сотрудника необходимо проработать вопрос об автоматизации некоторых процессов (действий), а также о создании электронных баз данных и других инновационных технологий, обеспечивающих хранение, обработку и, возможно, анализ экспертной информации.

На сегодняшний день актуальными остаются вопросы, связанные с эффективностью отдельных требований нормативных документов, а также отсутствия инструментов (норм, методик, определений), позволяющих доступно и понятно определять обязательность (необходимость) и эффективность применения конкретных требований пожарной безопасности, направленных на безопасность людей при пожаре. Федеральное законодательство по вопросам обеспечения безопасности людей при пожаре дает общие положения и обтекаемые формулировки, которые не позволяют в полной мере однозначно сказать, какие требования пожарной безопасности или их комбинации позволят обеспечить безопасность людей при пожаре [11. Ст. 5, 51–56, 89; 12. Ст. 8]. Отсылка на нормативные документы, которые должны конкретизировать общие требования федерального законодательства, не раскрывает в полной мере механизм определения обязательных требований, направленных (обеспечивающих) на безопасную эвакуацию людей при пожаре. В связи с этим возникают вопросы в рамках назначения и производства пожарно-технической экспертизы, например, связанные с определением причинно-следственных связей невыполненных требований норм с возможным риском угрозы жизни и здоровью людей. Исследование пожарно-техническим экспертом такого рода вопросов требует от него глубоких познаний в различных направлениях пожарной безопасности и знания механизма определения эффективности требований пожарной безопасности. В процессе производства пожарно-технической экспертизы эксперт может выявить нормативно-правовые коллизии, неэффективность отдельных требований нормативных документов или отсутствие требований вообще. Решение такого рода вопросов требует очень высокой квалификации от эксперта, поэтому необходимо организовать на базе ведущих учебных заведений МЧС России курсы повышения квалификации и разработать соответствующую программу подготовки специалистов.

Эксперт по итогам исследования в рамках экспертной профилактики обязан:

- направить обоснованные предложения в орган исполнительной власти, в зоне ответственности которого находится нормативный документ;
- проинформировать надзорный орган (прокуратуру) об имеющихся нормативно-правовых коллизиях

и неэффективности отдельных требований пожарной безопасности;

- вынести проблемные вопросы на обсуждение, например, на конференции или расширенном совещании (семинаре) со специалистами предметной темы;

- направить в компетентные органы рекомендации с мерами устранения выявленных проблемных вопросов, связанных с требованиями пожарной безопасности.

В настоящее время экспертно-профилактическая деятельность в СЭУ ФПС МЧС России находится на начальной стадии своего формирования, на которой очень важной задачей является регламентирование механизма профилактической деятельности пожарно-технического эксперта. Особое внимание в данной деятельности нужно обратить на внедрение высоких технологий, компьютеризации и автоматизации деятельности пожарно-технического эксперта. Внедрение в практику неопробованных методов и методик, а также компьютерных программ напрямую влияет на возможность допущения экспертных ошибок, связанных с использованием новых технологий [13]. Экспертные ошибки могут возникать по разным причинам, например, при использовании измерительного прибора без подтверждения его соответствия (точности) свидетельством о поверке, из-за недостаточного изучения экспертом применяемой им экспертной методики или разработанной на ее основе компьютерной программы. Отдельно можно отметить в экспертных ошибках такое понятие, как добросовестное заблуждение эксперта, когда он в силу психологического, а в некоторых случаях и профессионального заблуждения не осознает неправильности своих суждений или действий и искренне полагает, что действует и мыслит правильно [14].

Пример 3 (до пожара). Наиболее частое вовлечение экспертов СЭУ в рамках осуществления контроля (надзора) противопожарного состояния объекта происходит при проверке (исследовании) систем противопожарной защиты (СПЗ) – при определении их работоспособности и эффективности в случае возникновения пожара. Системы противопожарной защиты, например, такие как автоматическая пожарная сигнализация (АПС), система оповещения и управление эвакуацией людей при пожаре (СОУЭ), система автоматического пожаротушения (АУПТ), противодымная система (ПДЗ), являются сложными инженерными системами со своей спецификой проектирования, монтажа и эксплуатации. От работы СПЗ на объекте при возникновении пожара зависит в первую очередь жизнь и здоровье людей, а также нераспространение опасных факторов.

Особое внимание при проверке отводится системе АПС, которая является пусковым элементом для работы других СПЗ, например СОУЭ и ПДЗ. На практике бывает много случаев, когда отдельные элементы системы не соответствуют предъявляемым требованиям пожарной безопасности или функционируют нестабильно, обеспечивая ложные срабатывания [15]. В связи с этими обстоятельствами у инспектора (проверяющего лица) возникает потребность в

эксперте (специальных знаниях) для получения ответов на следующие вопросы:

– Какие действенные меры помогут обеспечить работоспособность системы?

– В чем заключается истинная причина, которая не позволяет стабильно работать системе?

Сложность при определении неисправности или иной первопричины неработоспособности системы заключается в том числе в недостаточной апробации внедряемых отдельных элементов системы или комплекса в целом. Опосредованно к вопросу нестабильной работы или несовершенства системы можно отнести фактор постоянного изменения (усложнения) систем и их программного обеспечения. Как правило, новые системы или их составляющие элементы перед внедрением в практику не проходят необходимого эксплуатационного испытания, поэтому возникает масса недоработанных решений. Получается так, что законодательство¹¹ предусматривает сертификацию (проверку качества) отдельных элементов (оборудования), например пожарных извещателей, спринклеров, но не системы в целом. Кроме этого, отсутствие статистической информации по отказам отдельных элементов системы, а также причинам неисправностей не позволяет сформировать базу данных по отказам и, соответственно, проводить дальнейшую работу по достижению необходимого уровня надежности систем, обеспечивающих безопасность на объекте. Для потребителя и проверяющего очень важно знать, что СПЗ находится в работоспособном состоянии и сможет выполнить свои функции в случае возникновения пожара. На этапе эксплуатации систем СПЗ аналитическим и инструментальными методами исследования экспертом могут быть обнаружены следующие неисправности:

– отсутствие регламента обслуживания всей системы с учетом ее специфики и характеристик объекта (регламент обслуживания должен быть ориентирован на конкретный объект);

– нестабильность работы системы по причине некачественного монтажа, а именно «слабых» контактов при подключении проводов;

– использование некачественного оборудования, например пожарных извещателей, которые могут иметь брак или не соответствовать условиям эксплуатации в помещении (влияние агрессивной среды), заявленным заводом-изготовителем;

– невыполнение требований нормативных документов при проектировании СПЗ, без детализации решений (без учета особенностей объемно-планировочных решений, горючей нагрузки и т.п.);

– несоблюдение норм (регламентаций завода-изготовителя) и проектных решений при монтаже оборудования на объекте;

– слабый мониторинг работоспособности системы специалистом обслуживающей организации, а также отсутствие контроля над сотрудником со стороны руководства организации (проверка качества обслуживания другим специалистом);

– модернизация системы без учета максимальной выходной мощности, например прибора питания,

или увеличения линейного сопротивления при прокладке шлейфов (кабеля, провода) на большие расстояния.

По итогам исследования систем противопожарной защиты эксперт обязан подготовить и сопроводить информационные письма с предложениями об устранении нарушений в различные инстанции (в зависимости от характера нарушений), например:

– направить соответствующую информацию в органы прокуратуры;

– проинформировать орган сертификации о некачественном оборудовании;

– уведомить завод-изготовитель о браке или нарушении при производстве оборудования;

– сообщить в Федеральную службу по аккредитации о фактах несоответствия оборудования (продукции) сертификату пожарной безопасности (при обнаружении признаков нарушений органом по сертификации);

– предоставить информацию в соответствующие базы данных;

– предоставить в надзорные органы информацию о систематическом нарушении монтажными организациями требований пожарной безопасности при монтаже систем противопожарной защиты;

– предоставить в надзорные органы и национальное объединение изыскателей и проектировщиков (НОПРИЗ) информацию о систематическом нарушении проектными организациями требований пожарной безопасности при проектировании систем противопожарной защиты;

– предоставить в надзорные органы информацию о неоднократном нарушении регламента обслуживания систем противопожарной защиты организацией, обслуживающей системы противопожарной защиты;

– вынести на публичное обсуждение проблемные вопросы по пожарной безопасности, например на конференцию или иные специализированные площадки.

В рамках реализации профилактических функций эксперта необходимо обратить внимание на организационно-правовое и методическое сопровождение его деятельности, а также на повышение уровня профессиональной подготовки.

Одним из актуальных вопросов в сфере развития экспертно-профилактической деятельности является формирование баз данных и внедрение компьютерных технологий в деятельность эксперта. Внедрение компьютерных технологий в различные направления экспертной деятельности направлено на повышение эффективности, сокращение временных затрат и снижение ошибок «человеческого фактора». Но это приводит к положительным результатам только в том случае, когда при разработке компьютерных программ используются выверенные (проверенные) методики и алгоритмы, в противном случае можно ожидать лишь неверные результаты (результаты с большими погрешностями).

Также стоит обратить внимание на технические ошибки в рамках производства пожарно-технической экспертизы, к которым можно отнести:

- недостаточную компетенцию специалиста при использовании в рамках пожарно-технических исследований информационных технологий;
- использование несертифицированных и нелегальных компьютерных программ для измерительных приборов, расчетных методик и т.п.;
- применение приборов и оборудования в неисправном состоянии или не прошедших метрологическую поверку;
- некорректность выводов эксперта и возможность фальсификации материалов, предоставленных в электронном виде.

Квалифицированный подход, исключаящий различного рода ошибки, позволит пожарно-техническому эксперту успешно решать идентификационные, диагностические и профилактические задачи. При осуществлении профилактической деятельности в области пожарно-технических экспертиз могут решаться многие задачи по предупреждению преступлений (правонарушений) по делам о пожарах и нарушениях требований пожарной безопасности с установлением условий и причин, способствующих их совершению. Поэтому авторы предлагают разделить круг решаемых задач в рамках экспертной профилактики на несколько направлений:

1. Исследование практики с применением инструментальных методов исследования и с обобщением полученных результатов.
2. Мониторинг нормативно-правовых актов и нормативных документов в области обеспечения пожарной безопасности.
3. Анализ и обобщение экспертной практики применяемых при производстве пожарно-технических экспертиз экспертных методов, методик, методологий.
4. Обобщение результатов экспертной профилактики по уголовным делам о пожарах, а также результатов проверки сообщений о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ.
5. Обобщение результатов экспертной профилактики по нарушениям требований пожарной безопасности в рамках административных дел.
6. Обобщение результатов пожарно-технических экспертиз по гражданским делам.
7. Работа с электронными базами данных, экспертными ошибками, организационными и методическими основами.

В части совершенствования деятельности СЭУ ФПС МЧС России в области экспертной профилактики у авторов статьи имеются следующие предложения.

1. В приложении к приказу МЧС России от № 640 от 19.08.2005 г. «Инструкция по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» дополнить раздел «Общие положения» следующей формулировкой: «организация экспертно-профилактической деятельности осуществляется в научно-исследовательских отделах (секторах) судебно-экспертных учреждений и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы 1-го, 2-го разряда».
2. Пункт 15 приложения к приказу МЧС России от 19.08.2005 г. № 640 дополнить следующими словами:

«в рамках производства исследований и пожарно-технических экспертиз осуществлять деятельность по экспертной профилактике».

3. Предусмотреть соответствующую должность в штатном расписании СЭУ, например заместителя начальника СЭУ или заместителя начальника сектора (с функциями контрольно-методического и научно-технического сопровождения экспертно-исследовательской деятельности).

4. Определить квалификационные требования к эксперту, деятельность которого будет связана с экспертной профилактикой. Данная работа является интеллектуальной и требует от сотрудника высокой теоретической и практической подготовки, поэтому назначаться на такую должность должен наиболее опытный сотрудник, имеющий стаж работы экспертом не менее 10 лет.

5. Предпринять меры по увеличению обнаружения и изъятия качественных объектов материального мира (в состоянии, подлежащем экспертным действиям и с признаками криминалистически важных следов), предоставляемых эксперту на исследование.

6. Необходимо определить порядок экспертно-профилактической деятельности – разработать концептуальный алгоритм с методическими рекомендациями (с учетом специфики деятельности пожарно-технического эксперта) по решаемым задачам СЭУ ФПС МЧС России.

7. Подготовить кадровое ресурсообеспечение научно-исследовательского сектора организационно-методического обеспечения деятельности испытательных пожарных лабораторий ФГБУ ВНИИПО МЧС России для реализации исследовательской и аналитической работы по экспертной профилактике.

8. В должностных инструкциях экспертов отразить обязанности по осуществлению экспертной профилактики.

9. Создать на базе ФГБУ ВНИИПО МЧС России научно-исследовательский сектор организационно-методического обеспечения деятельности органов дознания МЧС России, в том числе для решения задач в области экспертно-криминалистической профилактики.

10. На базе исследовательского центра экспертизы пожаров Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (головного экспертного подразделения) организовать курсы повышения квалификации экспертов, деятельность которых связана с экспертной профилактикой.

11. Организовать на постоянной основе проведение научных конференций, семинаров, лекций по темам экспертной профилактики с привлечением сотрудников экспертных подразделений и органов дознания МЧС России.

Заключение

В данном исследовании были рассмотрены вопросы, связанные с особенностями организации экспертно-профилактической деятельности в СЭУ ФПС

МЧС России, выявлены показатели деятельности нагрузки экспертов СЭУ ФПС МЧС России, обозначен ряд проблемных вопросов, которые препятствуют осуществлению полноценной экспертно-профилактической деятельности в СЭУ ФПС МЧС России.

Также в процессе исследования нами анализируется современное состояние экспертной профилактики, кадрового ресурсообеспечения и численности экспертов СЭУ МЧС России с большим стажем работы. Описаны три наиболее часто встречающиеся ситуации в качестве

примеров экспертной профилактики эксперта СЭУ ФПС МЧС России.

В работе сделан вывод об отсутствии на настоящий момент инструментов (норм, методик, определений), позволяющих доступно и понятно определять обязательность (необходимость) и эффективность применения конкретных требований пожарной безопасности, направленных на обеспечение безопасности людей в случае возникновения пожара. Авторы предлагают ряд мероприятий по совершенствованию экспертно-профилактической деятельности пожарно-технического эксперта.

Примечания

¹ Статья 1 «Основные понятия» (профилактика пожаров – совокупность превентивных мер, направленных на исключение возможности возникновения пожаров и ограничение их последствий) Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О пожарной безопасности».

² Статья 2 «Задача государственной судебно-экспертной деятельности» (задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла) Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

³ Приказ МВД России от 30 мая 2003 г. № 366 «О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел».

⁴ Приказ Минюста России от 15.09.2021 г. № 169 «Об утверждении размера затрат времени на производство судебных экспертиз и экспертных исследований в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации и Порядка применения размера затрат времени на производство судебных экспертиз и исследований в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации».

⁵ <http://www.sudexpert.ru/standards/>

⁶ Приказ МЧС России от 14 ноября 2022 г. № 1140 «Об утверждении методики определения расчетных величин пожарного риска в зданиях, сооружениях и пожарных отсеках различных классов функциональной пожарной опасности».

⁷ Приказ МЧС России от 16.03.2023 № 231 «Об организации работы в МЧС России по формированию и финансовому обеспечению выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) федеральными бюджетными и автономными учреждениями, функции и полномочия которых осуществляет МЧС России».

⁸ Приказ МЧС России от 02.05.2006 № 270 «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях в органах государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий».

⁹ Статья 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023).

¹⁰ Статья 5 Федерального закона Российской Федерации от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О техническом регулировании» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.12.2021), Постановление Правительства РФ от 23.12.2021 № 2425 «Об утверждении единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, и единого перечня продукции, подлежащей декларированию соответствия, внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2467 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

Список источников

1. Указ Президента РФ от 1 января 2018 г. № 2 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года».
2. Приказ МЧС России от 19.08.2005 № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделений федеральной противопожарной службы».
3. Карлин И.П., Зернов С.И., Статкус В.Ф. Регистрационная паспортизация методик экспертных исследований // Экспертная практика. 1999. № 46. С. 118.
4. Калач А.В., Сысоева Т.П., Лобова С.Ф. Испытание полевых приборов, применяемых при осмотре места пожара в условиях низких температур, на работоспособность с помощью климатической камеры // Актуальные проблемы безопасности в техносфере. 2022. № 3 (7). С. 25–30.
5. Чешко И.Д., Мокряк А.Ю. О критическом взгляде на инструментальные методики судебной пожарно-технической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 535–539.
6. Таубкин И.С. О повышении качества судебных пожарно-технических экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14, № 4. С. 98–116.
7. Алиев И.А. Проблемы экспертной профилактики. Баку : Азернешр, 1991. 311 с.
8. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник. М. : Норма; ИНФРА-М., 2013.
9. Антонов О.Ю., Устелемова Е.В. Теория экспертной профилактики: возникновение, современное состояние и перспективы развития // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2016. Т. 26, № 3. С. 66–69.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие. 3-е изд., доп. М., 2001.
11. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».
12. Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».
13. Майлис Н.П. О причинах технических ошибок при использовании инновационных технологий, влияющих на эффективное производство судебных экспертиз // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 18–19 октября 2022 года) М. : Моск. академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023.

14. Слабая Д.Н., Новиков А.В. К вопросу об экспертных ошибках (погрешностях) в гражданском и уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 4А. С. 274–282.
15. Сиксимов Д.А., Мереняшев В.Е. Опыт применения ГОСТ Р 59638-2021 для анализа статистики ложных срабатываний системы пожарной сигнализации на примере многофункционального торгово-развлекательного комплекса // Безопасность техногенных и природных систем. 2022. № 4. С. 30–41.

References

1. President of the Russian Federation. (2018) *Decree of the President of the Russian Federation of January 1, 2018, No. 2: On approval of the fundamentals of state policy of the Russian Federation in the field of fire safety for the period until 2030*. (In Russian).
2. Ministry of Emergency Situations of Russia. (2005) *Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated August 19, 2005, No. 640: On approval of the Instructions for organizing and conducting forensic examinations in forensic institutions and expert units of the federal fire service*. (In Russian).
3. Karlin, I.P., Zernov, S.I. & Statkus, V.F. (1999) Registratsionnaya pasportizatsiya metodik ekspertnykh issledovaniy [Registration certification of expert research methods]. *Ekspertnaya praktika*. 46.
4. Kalach, A.V., Sysyoeva, T.P. & Lobova, S.F. (2022) Ispytanie polevykh priborov, primenyaemykh pri osmotre mesta pozhara v usloviyakh nizkikh temperatur, na rabotosposobnost' s pomoshch'yu klimaticheskoy kamery [Testing field devices used when inspecting a fire site in low temperature conditions for performance using a climate chamber]. *Aktual'nye problemy bezopasnosti v tekhnosfere*. 3 (7). pp. 25–30.
5. Cheshko, I.D. & Mokryak, A.Yu. (2019) O kriticheskom vzglyade na instrumental'nye metodiki sudebnoy pozharo-tekhnicheskoy ekspertizy [On a critical look at instrumental methods of forensic fire-technical examination]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy v sovremennykh usloviyakh* [Theory and practice of forensic examination in modern conditions]. pp. 535–539. (In Russian).
6. Taubkin, I.S. (2019) O povyshenii kachestva sudebnykh pozharo-tekhnicheskikh ekspertiz [On improving the quality of forensic fire-technical examinations]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 14 (4). pp. 98–116.
7. Aliev, I.A. (1991) *Problemy ekspertnoy profilaktiki* [Problems of expert prevention]. Baku: Azerneshr.
8. Rossinskaya, E.R. (2013) *Teoriya sudebnoy ekspertizy: uchebnik* [Theory of forensic examination: textbook]. Moscow: Norma; INFRA-M.
9. Antonov, O.Yu. & Ustelembayeva, E.V. (2016) *Teoriya ekspertnoy profilaktiki: vzniknovenie, sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [The theory of expert prevention: emergence, current state and development prospects]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*. 26 (3). pp. 66–69.
10. Belkin, R.S. (2001) *Kurs kriminalistiki: ucheb. posobie v 3 t.* [Forensics course: textbook in 3 volumes]. 3rd ed. Moscow.
11. Russian Federation. (2008) *Federal Law of July 22, 2008, No. 123-FZ: Technical Regulations on Fire Safety Requirements*. (In Russian).
12. Russian Federation. (2009) *Federal Law of December 30, 2009, No. 384-FZ: Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures*. (In Russian).
13. Maylis, N.P. (2023) [On the causes of technical errors when using innovative technologies that affect the effective production of forensic examinations]. *Sudebnye ekspertizy v ugolovnom protsesse: teoriya i praktika* [Forensic examinations in criminal proceedings: theory and practice]. Conference Proceedings. Moscow. 18–19 October 2022. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. (In Russian).
14. Slabkaya, D.N. & Novikov, A.V. (2019) K voprosu ob ekspertnykh oshibkakh (pogreshnostyakh) v grazhdanskom i ugolovnom sudoproizvodstve [On expert errors in civil and criminal proceedings]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 9 (4A). pp. 274–282.
15. Siksimo, D.A. & Merenyashev, V.E. (2022) Opyt primeneniya GOST R 59638-2021 dlya analiza statistiki lozhnykh srbatyvaniy sistemy pozhar-noy signalizatsii na primere mnogofunktsional'nogo torgo-razvlekatel'nogo kompleksa [Experience in using GOST R 59638-2021 to analyze the statistics of false alarms of a fire alarm system using the example of a multifunctional shopping and entertainment complex]. *Bezopasnost' tekhnogennykh i prirodnykh sistem*. 4. pp. 30–41.

Информация об авторах:

Карпов С.Ю. – старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора организационно-методического обеспечения деятельности испытательных пожарных лабораторий отдела координации и планирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Всероссийского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института противопожарной обороны МЧС России (Балашиха, Россия). E-mail: kafedrandagps@mail.ru

Понимаскин А.Я. – начальник отдела координации и планирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Всероссийского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института противопожарной обороны МЧС России (Балашиха, Россия). E-mail: ponimaskin81@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.Yu. Karpov, senior research fellow, All-Russian Research Institute for Fire Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters (Balashikha, Russian Federation). E-mail: kafedrandagps@mail.ru

A.Ya. Ponomaskin, head of the Department for Coordination and Planning of Research and Development Works, All-Russian Research Institute for Fire Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters (Balashikha, Russian Federation). E-mail: ponimaskin81@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2023;
одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 25.05.2023;
approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 343.101
doi: 10.17223/15617793/495/21

Приоритетность избрания меры пресечения в отношении обвиняемого как деструктивный пережиток прошлого

Сергей Борисович Россинский¹

¹ *Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия
s.rossinskiy@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается одно из условий правомерности использования мер пресечения в уголовном судопроизводстве, предполагающее возможность их применения к обвиняемым и лишь в исключительных случаях – к подозреваемым. На основании проведенного исследования формулируется вывод, что такое условие – это подлежащий упразднению нормативный анахронизм. Предлагается не расценивать возможность применения меры пресечения к подозреваемому как нечто исключительное, подлежащее использованию лишь при наличии специфических обстоятельств, а использовать его в общем порядке, не принимая во внимание готовность к выдвижению уголовно-правовой претензии.

Ключевые слова: домашний арест, заключение под стражу, избрание меры пресечения, меры пресечения, обвинение, обвиняемый, подозреваемый, привлечение в качестве обвиняемого

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках выполнения Институтom государства и права РАН государственного задания. Тема НИР № FMUZ-2021-0043 «Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации».

Для цитирования: Россинский С.Б. Приоритетность избрания меры пресечения в отношении обвиняемого как деструктивный пережиток прошлого // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 215–221. doi: 10.17223/15617793/495/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/21

The priority of applying a measure of restraint against the accused as a destructive relic of the past

Sergey B. Rossinskiy¹

¹ *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
s.rossinskiy@gmail.com*

Abstract. The article examines one of the general conditions for the legality of the use of measures of restraint in criminal proceedings arguing the possibility of their application to the accused and, only in exceptional cases, to suspects. The author highlights a long-established attitude to this requirement as an immutable legal postulate, dwells on its obviousness for the vast majority of scholars and practitioners, and focuses on the lack of due attention to the concept under consideration in scholarship. At the same time, the author elucidates a serious flaw in the criminal procedural regulation expressed in the inconsistency of this requirement with the grounds for bringing a criminal charge and leading to the vicious practice of making premature and unfounded allegations. The article emphasizes that a criminal charge means an official criminal law claim of one party of the upcoming criminal trial brought against the other party. In this regard, the author argues that hasting and “pilot” accusations that, in fact, are representing typical suspicions, i.e., allegations about the commission of certain crimes by certain persons, are unnatural and unacceptable. At the same time, the author notes that for many years in investigative practice, a two-stage technology has been applied to charge the accused with the commission of a crime, which boils down to the urgent bringing against a person of two charges different in scope, degree of proof and content, namely, a “pilot” charge and a final charge. This technology is given a negative assessment. The author proves that this technology has no legal value. It leads to negative consequences expressed in the need to make unfounded and premature accusations and results in additional encumbrances for investigation. In order to understand the problem under consideration, the author explains historical reasons for the emergence of these contradictions. The author elucidates the phenomenon under consideration as the ill-considered transfer to the Soviet and post-Soviet legislation of a number of provisions of pre-revolutionary criminal procedural law without their proper adjustment to different mechanisms of criminal procedural activity. Based on the study, the author concludes that the legal condition linking the possibility of using the measures of restraint with bringing the criminal law claim against a person in the modern conditions of the development of the doctrine, legislation and law enforcement practice is an obvious normative anachronism to be abolished. The author proposes not to regard the possibility of applying a

measure of restraint to a suspect as something exceptional and applicable only under specific circumstances, but to use it in a general order, without taking into account the readiness to bring a criminal law claim.

Keywords: house arrest, detention, applying measure of restraint, measures of restraint, accusation, accused, suspect, charging with crime

Financial support: The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FMUZ-2021-0043.

For citation: Rossinskiy, S.B. (2023) The priority of applying a measure of restraint against the accused as a destructive relic of the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 215–221. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/21

Как известно, меры уголовно-процессуального пресечения – это особые государственно-принудительные приемы, подлежащие использованию в дознавательской, следственной и судебной практике в качестве инструментов внешнего воздействия на поведение представляющих опасность обвиняемых (подозреваемых), predisposed к ненадлежащему, в первую очередь препятствующему продуктивности предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, поведению, например, способных скрыться, продолжать криминальную деятельность, угрожать свидетелям, портить либо уничтожать потенциальные вещественные доказательства, документы и т.д. [1. С. 19–20; 2. С. 84]. Будучи четко предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством, они могут применяться лишь по возбужденным уголовным делам, при наличии определенных фактических оснований и посредством реализации соответствующих властных полномочий органов дознания, предварительного следствия, суда, а наиболее строгие, связанные с ограничением конституционных прав личности, – не иначе как путем принятия специальных судебных решений.

В жесткости мер уголовно-процессуального пресечения, в их явном превалировании по степени публичного давления над иными правоограничительными механизмами, в том числе над прочими предусмотренными УПК РФ способами принудительного воздействия на поведение участников судопроизводства, нет ничего странного и непонятного – ввиду как бы предсанкционного предназначения, потребности применения к лицам, подлежащим с высокой долей вероятности уголовной репрессии, такие механизмы обеспечения установленного порядка уголовно-процессуальной деятельности представляются вполне объяснимыми и разумными. Ведь в силу вполне очевидных причин грозящие обвиняемым и даже подозреваемым уголовно-правовые санкции просто не могут не обуславливать намерений некоторых из них уклониться от участия в досудебном или судебном производстве, помешать ведущемуся в отношении них уголовному преследованию, нарушить иные свойственные для процессуального права предписания либо запреты. Причем по сравнению с другими формами юрисдикционной деятельности (с гражданским либо арбитражным процессами, с производством по делам об административных правонарушениях) риски подобных намерений гораздо более высоки, а возможные средства и способы их реализации – гораздо более опасны.

Поэтому режим избрания и продления мер уголовно-процессуального пресечения, в особенности мер пресечения арестантского характера¹, требует обремененности рядом правовых гарантий, способных должным образом защитить людей от вполне возможных правоприменительных ошибок и тем более от злоупотреблений соответствующими государственно-властными полномочиями, еще наблюдаемых в практической деятельности органов предварительного расследования и судов. Особое значение в обеспечении подобной защищенности придается точному и неукоснительному выполнению дознавателями, следователями, руководителями следственных органов, прокурорами и судьями всех соответствующих процедурных требований, в том числе так называемых условий правомерности, позволяющих прибегнуть к потенциалу процессуально-пресекательных мер в целом и выбрать для использования одну из них в частности [3. С. 93; 4. С. 18]. Причем одним из таких условий является вытекающая из системного единства ч. 1 ст. 97 и ч. 1 ст. 100 УПК РФ известная правовая гипотеза, предполагающая возможность применения любой меры пресечения только к обвиняемому, и лишь в исключительных случаях – к подозреваемому.

По всей вероятности, это требование представляется подавляющему большинству ученых-процессуалистов и тем более практических работников настолько очевидным и непреложным, что уже много лет воспринимается как аксиоматическая данность, как не требующий никакого обоснования неопровержимый постулат. По крайней мере, оно никогда не привлекало особого внимания исследователей и обычно освещалось в научных и учебных публикациях посредством банального пересказа, а иногда и дословного переписывания вышеуказанных положений закона, а в более ранних источниках – соответствующих положений УПК РСФСР 1960 г. и уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик [5. С. 5; 6. С. 9; 7. С. 536].

С одной стороны, в отсутствии особого интереса к этому вопросу нет ничего необычного – указанное условие вроде бы вполне логично, непротиворечиво, пригодно к использованию и, на первый взгляд, является одной из тех самых требуемых гарантий защищенности от правоприменительных ошибок и судебно-следственного произвола, поскольку в подавляющем большинстве случаев предполагает возможность ограничения прав индивида лишь после его юридического признания обвиняемым, т.е. при

наличии достаточных доказательств, подтверждающих его виновность в совершении некоего преступления. Однако, с другой стороны, при более детальном осмыслении на поверхность всплывает достаточно серьезный изъян правового регулирования института мер уголовно-процессуального пресечения, приводящий к весьма порочной практике выдвижения преждевременных, скоропалительных и, как следствие, должным образом не обоснованных обвинений, т.е. к еще большим негативным последствиям, к еще большему правоприменительному произволу.

Ведь признание человека обвиняемым, т.е. выдвижение в отношении него публичного обвинения, – это не сугубо процедурный акт, тем более не «технический» прием следственной деятельности, предполагающий перевод данного субъекта в новое юридическое состояние, а самого предварительного расследования – в новую фазу развития уголовно-процессуальных правоотношений. В соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинением признается формулируемое следователем (вариативно – дознавателем) и в дальнейшем поддерживаемое прокурором в судебном заседании официальное утверждение о совершении определенным лицом определенного запрещенного уголовным законом деяния, т.е. подлежащая разрешению посредством правосудия уголовно-правовая претензия одной стороны судебного спора к другой, своеобразный «уголовный иск».

В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось, что само предназначение стадии предварительного расследования, состоящее в обеспечении возможности формирования обвинительной позиции (уголовно-правовой претензии) как предмета предстоящего судебного разбирательства, предопределяет кульминационный характер акта привлечения в качестве обвиняемого, превращает его в своего рода уникальную форму реализации следственных полномочий, в определенном смысле уподобляет его обвинительному приговору, тоже содержащему уголовно-правовую оценку содеянного и обуславливающему переход лица из одного юридического состояния в несколько иное: из положения подсудимого – в положение осужденного. Такой акт рассматривался как подводящий итоги всей предшествующей следственной работе, как базовое решение, по сути, выражающее смысл досудебного производства, потребность в существовании этого этапа уголовно-процессуальной деятельности. А его содержание отождествлялось с выводами следователя о реальности события преступления, о виновности подверженного уголовному преследованию человека, о доказанности других необходимых обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и обусловленных классической римской формулой судебного познания: «Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?» – «Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?» [8. С. 104; 9. С. 62].

Ранее схожие позиции высказывались и многими другими авторами. В частности, абсолютная убежденность следователя в истинности выдвигаемой уго-

ловно-правовой претензии и достаточности имеющихся доказательств для признания человека виновным в судебном заседании (для так называемой судебной перспективности уголовного дела) отмечалась как необходимое условие привлечения в качестве обвиняемого, а игнорирование такого условия признавалось нарушением принципа презумпции невиновности, предполагающего предписание о толковании всех неустранимых сомнений не иначе как в пользу подвергаемого уголовному преследованию лица. Поэтому любые следственные акты о привлечении в качестве обвиняемого, основанные на зыбких, неустойчивых, «натянутых» позициях, т.е. не предопределенные внутренней уверенностью и непоколебимостью авторов в доказанности и неоспоримости соответствующих обстоятельств, совершенно справедливо расценивались либо как преждевременные, либо как просто незаконные [10. С. 120; 11. С. 186; 12. С. 128; 13. С. 78].

В принципе такой же смысл вытекает из ч. 1 ст. 171 УПК РФ, уполномочивающей следователя выносить постановление о привлечении в качестве обвиняемого лишь при наличии достаточных (!) доказательств обвинения в совершении преступления (ранее – из аналогичной по содержанию ст. 143 УПК РСФСР 1960 г.). Подобные суждения неоднократно высказывались и Конституционным Судом РФ. Например, в Определении от 21 декабря 2006 г. № 589-О было четко указано о неприемлемости привлечения в качестве обвиняемого без подтверждения инкриминируемого лицу преступления достаточной совокупностью доказательств. И в этой связи автор настоящей статьи неоднократно настаивал на понимании постановления о привлечении в качестве обвиняемого исключительно как процессуального акта, логически завершающего основную, собственно «расследовательскую» часть предварительного следствия, сводящуюся к установлению входящих в предмет доказывания обстоятельств, подлежащего вынесению только в преддверии предусмотренной гл. 30-31 УПК РФ финальной фазы досудебного производства и с перспективой достаточно скорого направления уголовного дела в суд. Одновременно говорилось о противоестественности и неприемлемости скоротечного выдвижения основанных на результатах безотлагательных следственных (иных процессуальных) действий так называемых первоначальных, «пилотных» обвинений, на самом деле представляющих собой типичные подозрения, сводящиеся не более чем к версиям, предположениям о совершении определенными лицами определенных преступлений [14. С. 124, 127]. Ради справедливости, автором настоящей статьи, конечно, обращалось внимание на некоторую условность подобного суждения, выраженную в его полной приемлемости лишь к «классическим» досудебным производствам. Одновременно говорилось, что по сложным уголовным делам о групповых преступлениях, а также в случаях, предполагающих необходимость изменения либо дополнения обвинительного тезиса ввиду активной позиции обвиняемого, защитника, других невластных участников, за привлечением в качестве обвиняемого вполне могут следовать какие-либо еще процессуально-познавательные действия.

Вместе с тем такие ситуации оценивались и продолжают оцениваться как никоим образом не способные поколебать базовый постулат о недопустимости выдвижения «пилотных» обвинений.

В то же время практическая реализация подобного и, как представляется, единственно возможного подхода к признанию человека обвиняемым и выдвижению в отношении него соответствующей уголовно-правовой претензии невольно упирается в тупик – срывает опрометчиво установленный самим же законодателем нормативный капкан, состоящий в явной несогласованности положений, определяющих основания для привлечения в качестве обвиняемого и правовые условия использования механизмов процессуально-пресекательного воздействия. Осознавая целесообразность применения мер пресечения на первоначальном этапе уголовного преследования, располагая должными основаниями, органы предварительного следствия всякий раз оказываются перед непростым выбором: отказаться от использования объективно требуемой меры ввиду явной преждевременности выдвижения в отношении соответствующего лица обвинительного тезиса, т.е. его юридического признания обвиняемым, и принять на себя все возможные риски его неправомерного поведения либо пойти на «сделку с совестью» и буквально «на коленке» сформулировать не вполне созревшее, не подтвержденное достаточной совокупностью доказательств, но вынужденное обвинение, после чего избрать меру пресечения и спокойно продолжить расследование уголовного дела. Причем в силу вполне понятных причин обычно выбирается именно второй вариант – так поступать намного проще, безопаснее и, самое главное, разумнее и прагматичнее с точки зрения страхования от потенциальных упреков и взысканий со стороны вышестоящего начальства.

Особо чувствительно это противоречие ощущается в следственных ситуациях, связанных с необходимостью заключения человека под стражу или домашний арест, как процессуально-принудительных механизмов, обычно избираемых после задержаний соответствующих лиц в порядке гл. 12 УПК РФ. Предопределенный Конституцией РФ 48-часовой лимит ограничения свободы без судебного решения еще менее располагает к надлежащему формулированию и предъявлению необходимой для избрания меры пресечения уголовно-правовой претензии. К тому же ввиду объективной потери драгоценного времени, затраченного на доставку задержанного, и 8-часового темпорального резерва, предусмотрительно оставленного законодателем для самого судебного заседания, в фактическом распоряжении следователя остается немногим более суток, а иногда и того меньше. Ни о каком формулировании полноценной уголовно-правовой претензии в подобных условиях думать, конечно, не приходится – успеть бы выполнить минимальный объем самых безотлагательных следственных действий, накидать на «на скорую руку» заветное постановление о привлечении в качестве обвиняемого, предъявить его в установленном порядке и направить необходимые материалы в суд. И это в случае

задержания одного подозреваемого! А что, если их было двое, трое, четверо и т.д.?

Конечно, для возможности преодоления возникающих трудностей существует специальная норма, уполномочивающая следователя как бы превентивно избирать меру уголовно-процессуального пресечения, в первую очередь заключение под стражу, в отношении подозреваемого – такой алгоритм прямо установлен ст. 100 УПК РФ, а ранее предусматривался ст. 90 УПК РСФСР 1960 г. Вместе с тем подобное дозволение прямо определено как допускаемое только в исключительных случаях – по смыслу закона использование данного потенциала приемлемо лишь в явно выходящих за пределы «следственной обыденности» ситуациях, например, связанных с объективной невозможностью срочного проведения самых безотлагательных следственных действий, одновременным задержанием сразу нескольких подозреваемых и прочими нестандартными обстоятельствами. Поэтому, как справедливо отмечается в научных публикациях, такое исключение лишь подтверждает общее правило: в тривиальных случаях мера уголовно-процессуального пресечения, в частности арест либо домашний арест, может избираться после выдвижения в отношении лица официального обвинения [7. С. 536–537]. К тому же предусмотренный ст. 100 УПК РФ порядок тоже не предназначен для длительного использования – следователь, прибегая к подобному алгоритму, может рассчитывать только на 10- либо 45-суточную (а фактически – 8- либо 43-суточную) отсрочку, не исключающую обязанности привлечения в качестве обвиняемого.

В этой связи в реальной следственной практике уже много лет используется как бы двухэтапная прикладная технология привлечения в качестве обвиняемого. Она сводится к экстренному выдвижению в отношении подвергаемого уголовному преследованию лица двух различных по объему, степени доказанности и содержанию уголовно-правовых претензий: вначале, как правило, непосредственно перед избранием меры пресечения – того самого предопределенного итогами безотлагательных следственных (иных процессуальных) действий «пилотного» обвинения, а в дальнейшем, после максимально возможного установления входящих в предмет доказывания обстоятельств – окончательного обвинения (обвинения в окончательной редакции), обусловленного результатами всего предварительного расследования, подтвержденного совокупностью всех собранных, проверенных и должным образом оцененных доказательств и выражающего уверенность в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему деяния. Этот практический подход стал уже настолько привычным, что воспринимается подавляющим большинством следственных работников как само собой разумеющийся. А в качестве его нормативного обоснования используются положения ст. 175 УПК РФ, предполагающие возможность частичного изменения либо дополнения ранее выдвинутого обвинительного тезиса. По крайней мере, подобные данные были получены в ходе интервьюирования сотрудников ряда территориальных и линейных подразделений Следственного комитета

РФ и органов внутренних дел. На поставленный вопрос о причинах использования указанной практики 54% опрошенных респондентов ответили, что поступают таким образом по велению руководства; еще 32% поведали, что указанный алгоритм настоятельно рекомендуется прокуратурой; 11% опрошенных сообщили, что двухэтапный характер привлечения в качестве обвиняемого использовался всегда; остальные 3% просто затруднились дать какой-либо определенный ответ.

Имеет ли какую-нибудь практическую ценность требование, обязывающее использовать меры уголовно-процессуального пресечения только в отношении обвиняемых и лишь в исключительных случаях – в отношении подозреваемых? Предполагает ли оно какие-либо дополнительные процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов повергнутых уголовному преследованию лиц?

Положительно ответить на эти вопросы достаточно сложно. Никаких особых резонансов, некогда побудивших законодателя к введению данного требования в систему уголовно-процессуального регулирования, не усматривается. Тогда как фактически предопределенные им негативные последствия налицо – они выражены в необходимости выдвижения вынужденных, но при этом явно необоснованных и преждевременных обвинений, т.е. детерминируют гораздо более существенную несправедливость, превращая обвиняемого (читай, подозреваемого) в заложника непродуманной правотворческой политики и в какой-то степени извращая сам смысл, само предназначение уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, обусловленные этим требованием прикладные технологии сильно обременяют работу и без того перегруженных органов предварительного расследования – вынуждают практических работников проводить дополнительные действия и готовить дополнительные документы, приводят к новым очагам процессуальной бюрократии.

Хотя понять причины появления такого требования не так уж и сложно. Оно явилось очередным следствием не до конца продуманного переноса в советское и постсоветское законодательство целого ряда положений дореволюционного уголовно-процессуального права без их должной адаптации к несколько иным механизмам уголовно-процессуальной деятельности. Ведь предписание о применении процессуально-пресекательных приемов лишь в отношении обвиняемых было присуще национальному уголовному процессу еще со времен действия архаичного «Николаевского» Свода Законов; затем оно плавно перекочевало в Устав уголовного судопроизводства Российской империи, откуда было позаимствовано авторами первого советского УПК РСФСР 1922 г. и т.д. Однако при этом не было учтено, что в дореволюционной парадигме уголовного судопроизводства статус обвиняемого в принципе не подразумевал столь жесткой формализации, какая стала ему присуща в советский и постсоветский периоды развития уголовной юстиции. По смыслу Свода законов и Устава уголовного судопроизводства под обвиняемым понимался некий, не вполне определенный субъект, в отно-

шении которого проводилось следствие для установления его причастности к преступному деянию, поэтому его введение в данное состояние вовсе не связывалось с вынесением соответствующего постановления. Другими словами, такой участник, скорее, уподоблялся современному подозреваемому, тогда как положение самого дореволюционного подозреваемого имело следственный характер – касалось непроцессуального полицейского дознания.

На основании всего изложенного представляется, что правовое условие, увязывающее возможность использования процессуально-пресекательных механизмов с выдвижением в отношении лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска») в современных условиях развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики, – это подлежащий упразднению явный нормативный анахронизм! Обвинение лица в совершении некоего преступления и применение к нему одной из установленных УПК РФ мер пресечения являются достаточно самостоятельными, имеющими совершенно разную направленность формами реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования. Будучи тесно связанными, они предназначены для решения различных следственных задач: привлечение лица в качестве обвиняемого обуславливается стремлением подвергнуть лицо уголовной ответственности ввиду установления факта причастности к преступному деянию, а меры пресечения – намерением предупредить вероятность его противоправного поведения [1. С. 64].

Думается, что право следователя и дознавателя применить любую из предусмотренных законом мер уголовно-процессуального пресечения к подозреваемому (инициировать подобное решение перед судом) не следует расценивать как нечто исключительное, подлежащее использованию лишь при наличии каких-то специфических обстоятельств – такую возможность надлежит использовать в общем порядке, не принимая во внимание готовность или неготовность к выдвижению уголовно-правовой претензии (обвинения). В конце концов, ни в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, ни в существующих практических рекомендациях не усматривается никаких особых рисков ограничения, тем более нарушения прав подозреваемых ввиду уравнивания их положения с положением обвиняемых в части использования мер уголовно-процессуального пресечения. Ведь современные статусы подозреваемого и обвиняемого (если, конечно, не учитывать не свойственные подозреваемому «судебные» права обвиняемого) настолько схожи друг с другом, предполагают такую высокую степень идентичности, что некоторые прагматично настроенные ученые вообще предлагают исключить процедуру предъявления обвинения из системы уголовно-процессуального регулирования, т.е. фактически окончательно стереть какие бы-то ни было различия между дознанием и предварительным следствием как пока еще автономными формами предварительного расследования [15. С. 10]. К слову, весьма примечательно,

что, разъясняя вопросы, возникающие в практике избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, Пленум Верховного Суда РФ увязал правомерность подобного решения с обоснованностью подозрения (не обвинения, а именно подозрения!) в совершении преступления (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41).

Завершая настоящую статью, автору хотелось бы выразить надежду, что законодатель рано или поздно все-таки прислушается к высказанным пред-

ложениям и соответствующим образом откорректирует содержание Уголовно-процессуального кодекса РФ. Представляется, что подобные коррективы внесут некоторую лепту в совершенствование и оптимизацию механизмов досудебного производства по уголовному делу, в частности, позволят несколько повысить уровень защиты подвергаемых уголовному преследованию лиц от выдвижения в отношении них преждевременных и необоснованных обвинений.

Примечание

¹ Под мерами пресечения арестантского характера автор настоящей статьи понимает заключение под стражу и домашний арест.

Список источников

1. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 136 с.
2. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск : Омск. академия МВД России, 2017. 228 с.
3. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 175 с.
4. Михайлов В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1991. 189 с.
5. Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. : Высшая школа МООП РСФСР, 1963. 43 с.
6. Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. М. : Академия управления МВД России, 1998. 304 с.
7. Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1276 с.
8. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого: «реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия? // Юристы-Правоведы. 2021. № 4 (99). С. 100–105.
9. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3. С. 61–69.
10. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М.М. Гродзинский М. : Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.
11. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 271 с.
12. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юридическая литература, 1971. 131 с.
13. Еникеев З.Д. Уголовное преследование: учеб. пособие. Уфа : Изд-во БашГУ, 2000. 132 с.
14. Россинский С.Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 121–128.
15. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.

References

1. Kornukov, V.M. (1978) *Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Measures of procedural coercion in criminal proceedings]. Saratov: Saratov State University.
2. Murav'ev, K.V. (2017) *Mery protsessual'nogo prinuzhdeniya – osobye sredstva ugovolno-pravovogo vozdeystviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya* [Measures of procedural coercion as special means of criminal law enforcement: doctrine, application, optimization]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. Kovriga, Z.F. (1975) *Ugolovno-protsessual'noye prinuzhdeniye* [Criminal procedural coercion]. Voronezh: Voronezh State University.
4. Mikhaylov, V.A. (1991) *Mery presecheniya v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve: ucheb. posobie* [Preventive measures in Soviet criminal proceedings: textbook]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
5. Gutkin, I.M. (1963) *Mery presecheniya v sovetskom ugovnom protsesse* [Preventive measures in Soviet criminal proceedings]. Moscow: Vysshaya shkola MOOP RSFSR.
6. Mikhaylov, V.A. (1998) *Metodologicheskie osnovy mer presecheniya* [Methodological basis of preventive measures]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Course in criminal proceedings]. Moscow: Statut.
8. Rossinskiy, S.B. (2021) Privlecheniye v kachestve obvinayemogo: “repernaya tochka” ugovnogo presledovaniya ili itog predvaritel'nogo sledstviya? [Subjecting to accusation: the “reference point” of criminal prosecution or the result of the preliminary investigation]. *Yurist'-Pravoved*. 4 (99). pp. 100–105.
9. Rossinskiy, S.B. (2022) Privlecheniye v kachestve obvinayemogo kak avtonomnaya sledstvennaya protsedura: yavnyy perezhitok proshlogo ili zakononomerno sushchestvuyushchiy pravovoy instrument? [Subjecting to accusation as an autonomous investigative procedure: a clear relic of the past or a naturally existing legal instrument]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 61–69.
10. Strogovich, M.S. (1951) *Ugolovnoye presledovanie v sovetskom ugovnom protsesse* [Criminal prosecution in Soviet criminal procedure]. Moscow: USSR AS.
11. Polyanskiy, N.N. (1956) *Voprosy teorii sovetskogo ugovnogo protsessa* [Issues of the theory of Soviet criminal procedure]. Moscow: Moscow State University.
12. Karneeva, L.M. (1971) *Privlecheniye k ugovnoy otvetstvennosti. Zakonnost' i obosnovannost'* [Criminal prosecution. Legality and validity]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Enikeev, Z.D. (2000) *Ugolovnoye presledovanie: ucheb. posobie* [Criminal prosecution: textbook]. Ufa: Bashkir State University.
14. Rossinskiy, S.B. (2021) O nedopustimosti “pilotnykh” obvineniy v dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu [On the inadmissibility of “pilot” charges in pre-trial proceedings in a criminal case]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 4 (95). pp. 121–128.
15. Gavrilov, B.Ya. (2021) XX let rossiyskomu ugovno-protsessual'nomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimenitelya [20 years of the Russian criminal procedure law: does it correspond to scientific views and the requirements of the law enforcer?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 6. pp. 7–14.

Информация об авторе:

Россинский С.Б. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.B. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), chief research fellow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.07.2023;
одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 21.07.2023;
approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

Научная статья
УДК 343.242.4
doi: 10.17223/15617793/495/22

Общие виды освобождения от уголовного наказания: сравнительно-правовой анализ

Валерия Александровна Терентьева¹

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, terent@list.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу институтов освобождения от уголовного наказания в Российской Федерации и в странах ближнего зарубежья. Освобождение от уголовного наказания, как в УК РФ, так и в УК стран ближнего зарубежья, можно разделить на два вида. Общие основания освобождения от уголовного наказания – это те виды, что применяются к любым лицам, как к несовершеннолетним, так и ко взрослым, и специальные – те, что применяются исключительно к несовершеннолетним. Различия, выявленные в процессе исследования, свидетельствуют о наличии тенденции спецификации общих видов освобождения от наказания в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: освобождение от уголовного наказания, несовершеннолетние, Уголовный кодекс Российской Федерации, уголовное законодательство ближнего зарубежья, сравнительно-правовой анализ

Для цитирования: Терентьева В.А. Общие виды освобождения от уголовного наказания: сравнительно-правовой анализ // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 222–227. doi: 10.17223/15617793/495/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/22

General types of exemption from criminal punishment: A comparative legal analysis

Valeria A. Terentieva¹

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, terent@list.ru

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of the institutions of exemption from criminal punishment in the Russian Federation and in neighboring countries. Exemption from criminal punishment, both in the Criminal Code of the Russian Federation and in the criminal laws of neighboring countries, can be divided into two types: (1) general grounds for exemption from criminal punishment are those that apply to any person, both minors and adults, and (2) special grounds are those that apply exclusively to minors. The theoretical material for the research in this article was the Criminal Code of the Russian Federation, the criminal laws of eight neighboring countries: Armenia, Ukraine, the Republic of Belarus, Latvia, Lithuania, Kazakhstan, Uzbekistan, and Moldova. The practical material for the study was the practice of applying norms on exemption from criminal punishment in these countries in relation to minors. To obtain conclusions, statistical, system-structural and comparative legal methods were used. In the criminal laws of the countries analyzed, there are significant differences in the general types of exemption from criminal punishment. The most common types are conditional early release from serving a sentence and release from punishment due to illness. They are available in the criminal codes of Russia, Armenia, Uzbekistan, Kazakhstan, Moldova, Latvia, Lithuania, Belarus, and Ukraine. Release due to the expiration of the statute of limitations of a court conviction as a type of release from punishment is provided for by the criminal laws of almost all of the above countries, except for Latvia. The situation is the same with amnesty and pardon: they are not recognized as a type of release from punishment only in Armenia and Moldova, and the replacement of the unserved part of the sentence with a more lenient type of punishment exists in all criminal codes, except for the Criminal Code of Latvia. Conditional sentencing is provided for in the criminal codes of six countries, but it is absent in the legislation of Armenia, Lithuania, and Latvia. The differences identified during the research indicate a tendency to specify general types of release from punishment for minors. That is, if there is a general rule that includes a specific type of exemption from criminal punishment, there are additional conditions and restrictions on its application in relation to minors. Thus, in some cases, the implementation of the general grounds for exemption from criminal punishment is associated with the implementation of compulsory educational measures.

Keywords: exemption from criminal punishment, minors, Russian Criminal Code, criminal legislation of neighboring countries, comparative legal analysis

For citation: Terentieva, V.A. (2023) General types of exemption from criminal punishment: A comparative legal analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 222–227. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/22

В законодательстве ближнего зарубежья существует возможность применения как общих оснований освобождения от уголовного наказания (применяемых ко всем лицам), так и специальных (существующих только для несовершеннолетних). При рассмотрении материалов статьи было использовано уголовное законодательство следующих стран: России, Армении, Узбекистана, Казахстана, Молдовы, Латвии, Литвы, Беларуси и Украины. Отметим, что в уголовных законах анализируемых стран существуют отличия общих видов освобождения от уголовного наказания. Самыми распространенными видами, существующими во всех странах, являются условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и освобождение от наказания в связи с болезнью. Они имеются в УК России, Армении, Узбекистана, Казахстана, Молдовы, Латвии, Литвы, Беларуси и Украины.

Освобождение в связи с истечением срока давности обвинительного приговора суда в качестве вида освобождения от наказания предусматривают уголовные законы практически всех вышеперечисленных стран, кроме Уголовного кодекса Латвийской республики. Такая же ситуация с амнистией и помилованием: в качестве вида освобождения от наказания они не признаются лишь в Армении и Молдове, а замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания существует во всех УК, кроме УК Латвии.

Условное осуждение предусмотрено в шести странах, но оно отсутствует в законодательстве Армении, Литвы, Латвии. В Уголовном кодексе Украины условное осуждение называется «освобождение от уголовного наказания с испытанием». Более того, УК Украины содержит две разновидности условного осуждения для всех лиц и отдельно для беременных и женщин, имеющих детей в возрасте до семи лет. В УК Республики Беларусь тоже присутствует условное осуждение (ст. 78 – осуждение с условным неприменением наказания), однако оно не рассматривается как вид освобождения от уголовного наказания, а является мерой безопасности.

Отсрочка отбывания наказания в том или ином виде присутствует в УК всех стран, кроме Узбекистана и Латвийской республики. Однако различным является возраст ребенка, до достижения которого дается отсрочка отбывания наказания.

Условно-досрочное освобождение от наказания (УДО) предусмотрено законодательством всех девяти стран. Остановимся более подробно на тех различиях, которые присутствуют в указанном виде освобождения. Так, весьма различаются виды наказания, при которых виновного можно освободить условно-досрочно [1, 2]. В УК РФ к подобным наказаниям относятся содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы. Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает применение УДО при отбывании лишения права занимать определенной должностью, исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы или лишения свободы. УК Украины и УК Республики Узбекистан допускают применение УДО при отбывании исправительных работ, служебных ограничений для военнослужащих

(ограничение по службе), ограничения свободы, содержания в дисциплинарном батальоне военнослужащих или лишения свободы.

По УК Республики Армении применение УДО возможно при отбывании общественных работ, исправительных работ, лишения свободы или содержания в дисциплинарном батальоне. В Республике Казахстан УДО применяется лишь при отбывании двух видов наказаний – ограничение свободы или лишение свободы. Уголовные кодексы Молдовы и Литвы предусматривают возможность применения УДО только при отбывании лишения свободы, а УК Латвии – при лишении свободы и аресте. Практически все уголовные кодексы содержат указание на возможность применения указанного вида освобождения и к лицам, отбывающим пожизненное лишение свободы.

Условиями применения УДО являются: отбытие части срока, назначенного судом, а также иные обстоятельства (например возмещение ущерба виновным, на которое указывается в уголовных кодексах Российской Федерации, Армении, Молдовы, Литвы и Латвии). Срок, после которого лицо может претендовать на получение условно-досрочного освобождения, отличается во всех изученных уголовных законах. Отметим, что уголовные кодексы Молдовы, Казахстана и Беларуси, кроме общих сроков для применения УДО, предусматривают еще и сокращенные, которые применяются к особой категории лиц: «инвалидам, женщинам и одиноким мужчинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, а также лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста» – уголовные кодексы Беларуси и Казахстана и «несовершеннолетним, лицам, достигшим 18 лет, но не достигшим 21 года и лицам, достигшим 60 лет» – УК Молдовы.

Кроме условий, уголовное законодательство Российской Федерации, Армении, Казахстана и Молдовы предусматривает в качестве основания применения указанного вида освобождения от наказания убежденность суда в том, что «виновный не нуждается в полном отбывании наказания для своего исправления». УК Беларуси и УК Украины в качестве основания для освобождения предусматривают «примерное поведение виновного, доказывающее его исправление». Добросовестное отношение к труду предусмотрено в УК Узбекистана, однако оно не связывается с исправлением лица. УК Литвы формулирует основание условно-досрочного освобождения так: лицо «своим поведением и трудом во время отбывания срока наказания доказало, что его можно условно-досрочно освободить».

В законодательстве всех названных стран указанный вид освобождения является условным, т.е. подлежит отмене при определенных условиях. Но в большинстве случаев отмена УДО связана с совершением нового преступления или невыполнением возложенных обязанностей, которые предусмотрены во всех уголовных кодексах, кроме УК Узбекистана. Еще одной общей чертой, связывающей практически все уголовные кодексы этих стран в отношении регулирования УДО, является наличие категории лиц, к которым такой вид освобождения не применяется. Критерии, исключающие применение УДО, в странах различны.

Уголовные законы изученных стран, кроме Латвии и Молдовы, предусматривают особенности применения УДО по отношению к несовершеннолетним. Так, уголовные кодексы Российской Федерации, Узбекистана и Беларуси, Казахстана, Украины, Армении, Литвы содержат указание, что условно-досрочное освобождение несовершеннолетних может быть применено после отбытия меньших частей срока, чем у взрослых лиц. В уголовных кодексах Российской Федерации, Узбекистана и Беларуси, Казахстана содержится разный перечень наказаний, при назначении которых УДО может быть применено к несовершеннолетним (в УК Казахстана этот перечень шире, чем у взрослых). Уголовные кодексы Армении и Украины устанавливают возможность применения УДО при назначении несовершеннолетнему любого вида наказания. Самые существенные различия в применении условно-досрочного освобождения выявлены в УК Литвы. Ст. 94 УК Литвы указывает на возможность применения при данном виде освобождения любой обязанности или запрета из ст. 87 «Ограничение поведения», которая является ПМБВ (применение принудительных мер воспитательного воздействия). К ним относятся:

- «1) в установленное время находиться дома;
- 2) учиться, продолжать учебу или трудоустроиться;
- 3) приобрести определенные знания или выучить запрещения (безопасного движения, правила школьника и др.);
- 4) пройти весь курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерической болезни. Эта обязанность назначается по просьбе родителей или опекунов при согласии несовершеннолетнего;
- 5) принимать участие в мероприятиях социального воспитания или реабилитации, устраиваемых государственными либо негосударственными учреждениями и организациями.

Суд может несовершеннолетнему запретить:

- 1) играть в азартные игры;
- 2) заниматься определенным видом деятельности;
- 3) управлять моторным транспортным средством (мотоциклом, самоходной машиной и т.д.);
- 4) посещать места, где возможно негативное влияние на поведение несовершеннолетнего, или общаться с людьми, оказывающими на него негативное влияние;
- 5) менять место жительства без разрешения инстанций, осуществляющих контроль над выполнением этой меры».

Замена неотбытой части наказания более мягким видом. При применении указанного вида освобождения от наказания уголовные кодексы Армении, Казахстана и Молдовы ограничивают категорию тяжести преступлений, при совершении которых можно заменить неотбытую часть наказания более мягким его видом. Различен также перечень видов наказания, которые можно заменить: в УК РФ – это содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, в УК Беларуси можно применить указанный вид освобождения от наказания при отбывании содержания в дисциплинарной воинской части, принудительных работ или лишения свободы, в

УК Украины – при осуждении к исправительным работам, ограничению по военной службе, ограничению свободы или лишению свободы; в УК Узбекистана – тот же перечень наказаний, за исключением ограничения по военной службе. В УК Армении применение указанного вида освобождения от уголовного наказания возможно при осуждении к ограничению или лишению свободы, а в уголовных кодексах Армении, Казахстана, Молдовы и Литвы – исключительно при отбывании лишения свободы.

Уголовные кодексы названных стран допускают возможность применения замены неотбытой части наказания более мягким видом только после отбытия определенной части срока назначенного наказания. Однако такие сроки везде разные. Кроме срока, который необходимо отбыть при применении указанного вида освобождения от наказания, ряд уголовных кодексов (Российской Федерации, Армении, Литвы) учитывают в качестве условия замены неотбытой части наказания более мягким видом еще и возмещение вреда, причиненного преступлением.

Еще одной общей чертой замены неотбытой части наказания более мягким видом в анализируемых кодексах является то, что большинство из них связывают его применение с позитивным посткриминальным поведением лица. Так УК Украины и УК Беларуси предусматривают, что освобождению подлежит «лицо, твердо ставшее на путь исправления», а уголовные кодексы Российской Федерации, Молдовы, Литвы и Армении – что применение этого вида освобождения от наказания происходит «с учетом поведения лица в течение всего периода отбывания наказания». Уголовные кодексы Узбекистана и Казахстана условием применения данного вида освобождения предусматривают «позитивное поведение», т.е. соблюдение «установленного порядка отбывания наказания». Уголовные кодексы анализируемых стран, как и УК РФ, признают этот вид освобождения от наказания безусловным, т.е. не подлежащим отмене.

Замена неотбытой части наказания более мягким видом имеет особенности применения в отношении несовершеннолетних в уголовных кодексах Казахстана, Узбекистана и Беларуси. В ст. 87 УК Казахстана указывается, что применение данного вида освобождения от наказания не зависит от тяжести совершенного деяния, возможно при соучастии, в отличие от условий применения замены неотбытой части наказания ко взрослым, также закон определяет для несовершеннолетних иные сроки отбытой части, после которых возможно применение ст. 87 УК. Правила относительно сокращенных сроков отбытой части, необходимых при применении замены наказания более мягким видом, содержатся и в ст. 90 УК Узбекистана, и в ст. 120 УК Беларуси (в последнем еще имеется сокращенный перечень наказаний, при назначении которых может быть применен этот вид освобождения от наказания). Уголовные кодексы Латвии, Литвы, Армении, Молдовы и России не регулируют особенности применения к несовершеннолетним замены неотбытой части наказания более мягким видом, а УК Украины вовсе исключает возможность применения указанного вида освобождения к несовершеннолетним.

Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки присутствует в законодательстве трех стран – России, Узбекистана и Молдовы [3]. Конечно, уголовные кодексы двух последних стран содержат ряд отличий в содержании указанного вида освобождения от уголовного наказания. В соответствии с УК РФ освобождению от наказания в связи с изменением обстановки подлежит только лицо, которое совершило преступление впервые, а уголовные кодексы Узбекистана и Молдовы позволяют применять указанный вид освобождения вне зависимости от предшествующего преступного поведения. Уголовные кодексы Российской Федерации и Молдовы допускают освобождение в связи с изменением обстановки только при совершении преступлений небольшой и средней тяжести, в то время как УК Узбекистана не ограничивает степень тяжести совершенного преступления. Также различаются и основания применения указанного вида освобождения от уголовного наказания. По уголовным кодексам Российской Федерации и Молдовы освобождение наступает, если «вследствие изменения обстановки лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными», из-за безупречного поведения виновного или добросовестного отношения к труду или обучению. Еще одной отличительной чертой указанных видов освобождения в УК Молдовы является то, что применение освобождения от наказания в связи с изменением обстановки возможно в случае достижения целей исправления без отбывания наказания.

Вместе с тем уголовные кодексы всех трех стран не содержат специфических правил применения указанного вида освобождения от наказания к несовершеннолетним.

Освобождение от наказания в связи с болезнью в законодательстве всех рассматриваемых стран имеет одни и те же условия применения: наличие у лица либо «психического расстройства, лишающего его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими» или же «иной тяжелой болезни, препятствующей отбыванию наказания». Это условный вид освобождения, поскольку лицо при выздоровлении может быть привлечено к отбыванию реального наказания. Единственным уголовным кодексом, отличающимся в регулировании освобождения от наказания в связи с болезнью, является уголовный закон Узбекистана, который к указанному виду освобождения от наказания относит и иные случаи. Так, ст. 75 УК Узбекистана помимо освобождения от уголовного наказания в связи с болезнью включает также и освобождение от наказания вследствие утраты трудоспособности. Условием применения освобождения от наказания вследствие утраты трудоспособности является утрата трудоспособности либо достижение пенсионного возраста в период отбывания обязательных общественных или исправительных работ. Также освобождение в связи с утратой трудоспособности применяется к женщинам, которые в период отбывания указанных выше наказаний забеременели.

Однако все изученные нами уголовные кодексы не содержат специфических правил применения указанного вида освобождения от наказания к несовершеннолетним.

Отсрочка отбывания наказания как вид освобождения представлена в семи из изученных уголовных кодексов. Шесть из них включают отсрочку отбывания

наказания лицам, которые воспитывают малолетних детей, либо отсрочку, предоставляемую беременным. В то же время уголовные кодексы трех стран (России, Казахстана и Литвы) включают иные виды отсрочки отбывания наказания, никак не связанные с рождением и воспитанием детей. УК РФ предоставляет отсрочку отбывания наказания лицам, больным наркоманией, УК Казахстана – отсрочку вследствие чрезвычайных обстоятельств, а УК Литвы – отсрочку отбывания наказаний в виде штрафа, ареста или лишения свободы. Правом на отсрочку отбывания наказания в связи с рождением или воспитанием детей могут воспользоваться: в Беларуси и Украине – только женщины, в России, Армении, Казахстане – и женщины, и мужчины, при этом к последним не всегда предъявляется требование, чтобы они были единственными родителями в семье. Также разнятся и сроки предоставления указанного вида отсрочки отбывания наказания. Например, в уголовных кодексах Армении, Украины и Белоруссии существует возможность предоставления отсрочки отбывания наказания до достижения ребенком 3-летнего возраста, в УК Молдовы – до 8 лет. Возраст, до которого предоставляется отсрочка отбывания наказания в России и Казахстане, – 14 лет, он является самым высоким по сравнению с прочими странами ближнего зарубежья.

Исследуемый вид освобождения от уголовного наказания является условным и подлежит отмене в случае нарушения лицом своих родительских обязанностей. При анализе нормативно-правовых актов выявлено, что УК Молдовы включает возможность возложения на освобождаемого еще и дополнительных обязанностей, предусмотренных при назначении probation. А уголовные кодексы Украины и Беларуси дополняют перечень условий применения отсрочки отбывания наказания, включая в него требования к осужденной получить согласие родственников на совместное с нею проживание или самостоятельно обеспечить условия для воспитания ребенка. Безусловно, данные требования призваны обеспечить интересы ребенка и позволяют оценить возможность назначения указанного вида освобождения от наказания.

Разновидности отсрочки отбывания наказания, не связанные с рождением и воспитанием детей. УК РФ включает такой вид отсрочки, как *отсрочка отбывания наказания больным наркоманией*. Содержанием указанного вида освобождения от наказания является возложение обязанности пройти курс лечения на лицо, которое больно наркоманией и совершило преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков. УК Латвии также содержит разновидность освобождения больным различными зависимостями с принуждением пройти курс лечения, но указанный вид освобождения не обладает юридической природой отсрочки.

Остановимся подробнее на видах отсрочки, не включенных в УК РФ. УК Казахстана в ст. 76 содержит возможность применения *отсрочки к лицам, осужденным к лишению свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление, у которых возникли чрезвычайные обстоятельства* (пожар, смерть близкого родственника и т.д.). В этом случае исполнение наказания откладывается для решения вопросов, связанных с устранением последствий

чрезвычайных обстоятельств. Максимальный срок отсрочки отбывания наказания составляет 3 месяца, после чего возобновляется реальное исполнение наказания.

Отсрочка исполнения наказания в виде штрафа, ареста или лишения свободы предусматривается УК Литвы. В отличие от классической отсрочки исполнения наказания (известной большинству изученных уголовных кодексов), которая предусматривает наличие какого-либо обстоятельства, препятствующего немедленному исполнению наказания (или его нецелесообразность), например беременность, тяжелое заболевание, отсрочка исполнения наказания в Литве представляет собой отложение определенного наказания с возложением каких-либо обязанностей. Подобная же мера содержится и в УК Беларуси (ст. 77. Осуждение с отсрочкой исполнения наказания), однако нем она является не видом освобождения от наказания, а иной мерой уголовной ответственности, наряду с превентивным надзором, профилактическим наблюдением за осужденным, а также с осуждением без назначения наказания. Срок отсрочки в Республике Беларусь варьируется от одного до трех лет. Основанием применения указанного вида освобождения от наказания является возможность достижения целей наказания без его реального исполнения. УК Литвы предусматривает ряд обязанностей, которые могут быть назначены осужденному при отсрочке наказания: «возместить причиненный имущественный вред; принести извинения; предоставлять помощь потерпевшему на время его лечения; трудоустроиться или зарегистрироваться на бирже труда, не менять место работы без согласия суда; начать учиться, продолжить учебу или приобрести специальность; лечиться от алкоголизма, наркомании или токсикомании или венерического заболевания; не менять место жительства без согласия соответствующего органа; безвозмездно отработать до 300 часов принудительных работ...». Данный нормативно-правовой акт допускает возможность отмены отсрочки, ее досрочного прекращения, а также продления.

УК Литвы также содержит специфические правила применения отсрочки в виде штрафа, ареста или лишения свободы, предусмотренные для несовершеннолетних. Так, например, существенно разнятся условия применения отсрочки: она применяется за неосторожные преступления (с любым сроком наказания за них), а также за умышленные преступления, наказание за которые назначено, кроме штрафа, ареста, еще и в виде лишения свободы на срок до 4 лет. Кроме того, осужденному несовершеннолетнему назначаются не такие обязанности, как для взрослых при указанном виде освобождения от наказания, а применяется одна или несколько ПМБВ, кроме помещения в специальное учебное учреждение.

Освобождение от уголовного наказания в связи с истечением сроков давности известно семи уголовным кодексам из изученных. Этот вид освобождения от наказания имеет множество сходных черт во всех анализируемых нормативно-правовых актах [4]. Так, например, во всех странах он является безусловным, т.е. подразумевает окончательное освобождение от наказания, применяется по прошествии определенного времени после вынесения приговора. Таким образом, условием освобождения по указанному основанию будет являться неприменение наказания

в течение определенного времени после постановления обвинительного приговора суда. При этом рассматриваемые уголовные кодексы содержат различные сроки такого неприменения, связанные с тяжестью совершенного преступления. Во всех изученных нами уголовных кодексах существуют определенные преступления (чаще всего против мира и безопасности человечества), при совершении которых сроки давности не применяются.

Еще одной общей чертой освобождения в связи с истечением сроков давности является наличие в уголовных кодексах таких стран, как Россия, Украина, Беларусь, Армения, Казахстан, возможности приостановления течения сроков давности. Как правило, сроки давности приостанавливаются, если виновный уклоняется от отбывания наказания (скрывается, например). Соответственно, последствия приостановления разные. Так, УК РФ не содержит каких-либо ограничений для приостановления течения сроков давности. В остальных изученных уголовных кодексах приостановление срока давности ограничено определенным временным периодом: так, в УК Беларуси такой срок составляет 15 лет, после чего привлечение к отбыванию наказания невозможно, а УК Армении и Казахстана устанавливают 20-летний срок, после которого наказание не применяется. УК Украины же предусматривает удвоение сроков давности при их приостановлении.

В УК Узбекистана отсутствует приостановление течения срока давности, однако в ст. 69 установлено, что в случае уклонения осужденного от исполнения наказания «сроки давности удваиваются и исчисляются со дня уклонения от наказания, но не могут превышать двадцати пяти лет».

Существенным различием, определенно, является возможность прерывания течения сроков давности, содержащаяся во всех уголовных кодексах, кроме российского. В большинстве уголовных кодексов в качестве критерия для прерывания течения срока давности называется совершение виновным нового преступления. Уголовные кодексы Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Армении и Молдовы указывают, что преступлением, прерывающим течение срока давности, может быть любое умышленное преступление. А УК Украины связывает прерывание с категорией тяжести преступления (преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие). Уголовные кодексы Латвии и Молдовы определяют два критерия прерывания течения срока давности – это уклонение от уголовного наказания и совершение нового преступления. В УК Латвии предусмотрено, что «давность прерывается, если осужденный... совершает новое преступное деяние, за которое суд присудил лишение свободы на срок не менее одного года... Однако обвинительный приговор не подлежит исполнению, если со времени его вынесения прошли пятнадцать лет и давность не была прервана новым преступным деянием». Еще одним существенным отличием является порядок исчисления сроков давности. Так, УК Украины предусматривает зависимость срока давности дополнительного наказания от срока давности основного наказания, в то время как в УК РФ срок давности в таких случаях больше, чем суммарный срок основного и дополнительного наказания, отбываемого после основного.

В уголовных кодексах Российской Федерации, Армении и Казахстана отражены специфические условия

реализации указанного вида освобождения от наказания для несовершеннолетних. Так, законодательством этих стран предусмотрено сокращение сроков давности для несовершеннолетних наполовину.

В целом виды освобождения от уголовного наказания, указанные в гл. 12 УК РФ, совпадают с теми, что включены в уголовные кодексы Армении, Украины, Беларуси, Латвии и Литвы, Казахстана, Узбекистана и Молдовы, хотя имеются небольшие различия, которые позволяют говорить о наличии тенденции спецификации общих видов освобождения от наказания в отношении несовершеннолетних. То есть при наличии общей нормы, включающей в себя конкретный вид освобождения от уголовного наказания, существуют дополнительные условия и ограничения ее применения в отношении несовершеннолетних.

Полагаем, что дальнейшая спецификация видов освобождения от уголовного наказания в России должна строиться с учетом тех факторов, которые влияют на эффективность действующих норм и смогут обусловить эффективность тех норм, что будут приняты в будущем [5].

Основными векторами изменений УК РФ с учетом зарубежного опыта, на наш взгляд, являются:

1. Расширение видов наказаний, в отношении которых возможно применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания несовершеннолетних; такие нормы существуют, например, в уголовных кодексах Беларуси, Казахстана, Армении.

2. Рассмотрение возможности спецификации замены неотбытой части наказания более мягким видом в отношении несовершеннолетних. Такие нормы имеются, например, в уголовных кодексах Казахстана, Узбекистана и Беларуси.

3. Расширение применения освобождения от наказания в связи с изменением обстановки. Уголовные кодексы Узбекистана и Молдовы позволяют применять указанный вид освобождения вне зависимости от предшествующего преступного поведения.

4. Введение в УК РФ иных видов отсрочки отбывания наказания для несовершеннолетних, никак не связанных с рождением и воспитанием детей, такие нормы существуют, например, в УК Казахстана и УК Литвы.

Список источников

1. Гарибян К.К. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ норм Уголовного кодекса Республики Казахстан и Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XXII Всерос. науч.-практ. конфер. / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк, 2022. С. 23–25.
2. Василенко-Захарова О.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в России и Литве (сравнительно-правовой анализ) // Мир юридической науки. 2017. № 7. С. 47–54.
3. Кузнецов А.В. Изменение обстановки как уголовно-правовой способ защиты прав человека: сравнительно-правовой анализ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 3 (28). С. 176–181.
4. Хатеневич Т.Г., Василевич В.В. Институт давности по уголовному праву Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан: сравнительно-правовой анализ // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2015. № 5 (201). С. 72–86.
5. Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Институт освобождения от наказания в аспекте прогнозирования и рискологии // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 3. С. 329–341.

References

1. Garibyan, K.K. (2022) [Conditional early release from serving a sentence: comparative legal analysis of the norms of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystvie nauki i praktiki* [Penal system today: interaction of science and practice]. Conference Proceedings. Novokuznetsk. pp. 23–25. (In Russian).
2. Vasilenko-Zakharova, O.V. (2017) *Uslovno-dosrochnoe osvobodzhenie ot otyvaniya nakazaniya v Rossii i Litve (sravnitel'no-pravovoy analiz)* [Conditional early release from serving a sentence in Russia and Lithuania (comparative legal analysis)]. *Mir yuridicheskoy nauki*. 7. pp. 47–54.
3. Kuznetsov, A.V. (2011) *Izmenenie obstanovki kak ugolovno-pravovoy sposob zashchity prav cheloveka: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Changing the situation as a criminal legal method of protecting human rights: comparative legal analysis]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 3 (28). pp. 176–181.
4. Khatenevich, T.G. & Vasilevich, V.V. (2015) *Institut davnosti po ugolovnomu pravu Respubliki Belarus', Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Kazakhstan: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Limitation in criminal law of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie*. 5 (201). pp. 72–86.
5. Andrianov, V.K., Pudovochkin, Yu.E. & Tolkachenko, A.A. (2022) *Institut osvobodzheniya ot nakazaniya v aspekte prognozirovaniya i riskologii* [Release from Punishment in the Aspect of Forecasting and Riskology]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*. 16 (3). pp. 329–341.

Информация об авторе:

Терентьева В.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: terent@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Terentieva, Cand. Sci. (Law), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terent@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023;
одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 14.09.2023;
approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Научная статья
УДК 343.92
doi: 10.17223/15617793/495/23

Состояние рецидивной преступности и социально-экономическое положение региона

Ольга Валерьевна Филиппова¹

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия
ovalfilippova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению территориальной распространенности рецидивной преступности. Установлено, что показатели рецидива в регионах России существенно различаются. Наиболее высокие коэффициенты рецидива на 100 тыс. чел. регистрируются в субъектах РФ с низким уровнем социально-экономического развития (Республика Алтай, Республика Тыва, Забайкальский край). Показана взаимосвязь преступной активности населения и социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: рецидивная преступность, социально-экономическое положение региона, региональная преступность, уровень рецидива

Для цитирования: Филиппова О.В. Состояние рецидивной преступности и социально-экономическое положение региона // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 228–233. doi: 10.17223/15617793/495/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/495/23

The state of recidivism and the socio-economic situation of the region

Olga V. Filippova¹

¹ East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation,
ovalfilippova@yandex.ru

Abstract. Crime in different regions of Russia has its own peculiarities. In a number of Russian subjects, the criminal activity of the population is increased – the crime rate significantly exceeds the national average. These regions include the Altai Republic, the Republic of Buryatia and the Jewish Autonomous Oblast. In some regions (Republic of Ingushetia), crimes related to drug trafficking are much more common; in others (Chechen Republic), economic crimes. In some subjects, over 70% of the crimes under investigation were committed by persons who had previously committed crimes (Republic of Khakassia, Kemerovo Oblast, Amur Oblast). High rates of recidivism are observed mainly in Russia's subjects where an increased level of general crime is recorded. In the course of the study, the indicators of the socio-economic development of the regions disadvantaged in terms of the criminal situation were compared with the indicators of recidivism. There is a relationship between the level of recidivism and the socio-economic situation of the region: the worst recidivism rates are recorded in regions with low economic and social indicators – the Altai Republic, the Republic of Tyva, Zabaykalsky Krai. These same regions have the highest proportion of grave and especially grave crimes committed by repeat offenders. Recurrent crime in these regions is characterized by a greater degree of public danger, since in its structure a significant proportion is occupied by crimes against life and health. If the average share of crimes against life and health committed by recidivists in Russia is 15.0%, then it is 24.7% in the Altai Republic, 33.1% in the Republic of Tyva, and 20.2% in Zabaykalsky Krai. Thus, in these territories, an extremely dangerous criminological situation has developed with an ultra-high level of recidivism and a widespread crime against life and health. Regions with a high level of recidivism are characterized by the following problems of regional development: economic and infrastructural isolation from the rest of the country and the most developed Russian markets, subsidization; predominance of extractive, raw materials industries; high production costs due to increased transport and energy costs; specific agricultural conditions; low population density; high unemployment; extremely low incomes.

Keywords: recidivism, socio-economic situation of the region, regional crime, recidivism rate

For citation: Filippova, O.V. (2023) The state of recidivism and the socio-economic situation of the region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 228–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/23

Как известно, российская преступность характеризуется территориальной неоднородностью. Данные уголовной статистики показывают, что распределение преступности на всей территории страны неодинаково:

преступность в разных регионах отличается по объему и по содержанию. Наиболее высокий уровень преступности на 100 тыс. чел., по данным 2022 г., наблюдался в Амурской области (1618), Республике Алтай (1616),

Республике Бурятия (1560), Еврейской автономной области (1558); самый низкий – в Чеченской Республике (125), Республике Ингушетия (329), Республике Дагестан (366), Рязанской области (646) [1]. При этом среднероссийский коэффициент преступности составлял 1 029. Разница между максимальным и минимальным значением уровня преступности в российских субъектах достигает 1 300%.

Региональная преступность имеет серьезные отличия в структуре. Так, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составляют 2,3% в Чукотском автономном округе, 17,6% – в Республике Ингушетия; преступления экономической направленности занимают 2,3% в Амурской области и 17,6% – в Чеченской Республике. При этом весомая часть преступлений совершается лицами, ранее уже совершавшими преступления: в 2022 г. в среднем по России их удельный вес составлял 60,4% от расследованных, однако в отдельных регионах он превышал 70% (Республика Хакасия – 75,5%, Кемеровская область – 72,8, Амурская область – 71,8, Хабаровский край – 71,3%). Регистрируемая в этих регионах преступность представлена в основном рецидивными преступлениями¹; они во многом определяют состояние преступности в регионе.

Следует отметить, что уровень рецидива на всей территории страны также неодинаков: например, в Амурской области на 100 тыс. чел. в 2022 г. зарегистрировано 763,6 рецидивных преступлений, в г. Москве – 142,3, Московской области – 297,2 (в России в целом – 427,3). Высокие показатели рецидива наблюдаются преимущественно в тех субъектах России, в которых регистрируется повышенный уровень общей преступности [2. С. 53]. В частности, в Республике Алтай коэффициент рецидива составил 1 153,4, что выше среднего показателя по стране в 2,7 раз, в Республике Бурятия – 672,2 (выше в 1,6 раз), в Еврейской автономной области – 742,0 (выше в 1,75 раз).

Как известно, территориальные различия преступности определяются особенностями социальных процессов, происходящих в регионе. Региональная специфика социально-экономических, социокультурных, организационно-управленческих явлений, особенности их развития и взаимодействия в пределах региона обуславливают количественные и качественные различия преступности [3. С. 97].

Авторы отмечают, что региональная преступность зависит от многих факторов: социально-политической обстановки в регионе, состояния экономики, межнациональных и межконфессиональных отношений, эффективности работы органов государственной власти, национальной психологии, традиций и обычаев, менталитета народа, социальной ситуации, развитости и эффективности деятельности институтов гражданского общества и т.д. [4. С. 40]. Вместе с тем основными факторами, определяющими вектор и динамику развития преступности, являются социально-экономические. В криминологии признано, что экономическим процессам принадлежит определяющая роль, поскольку экономика в главном и основном обуславливает социальные, политические и духовные процессы в обществе [5. С. 150].

Социально-экономическое положение региона и уровень преступности – два взаимосвязанных явления, первое напрямую влияет на второе, и наоборот: низкий уровень жизни ведет к увеличению количества преступлений, что, в свою очередь, негативно воздействует на экономическую ситуацию. Ухудшение экономической ситуации отрицательно влияет на уровень социального благополучия, что вызывает рост преступности в целом и в экономике в частности [6. С. 81].

Кроме того, следует учитывать, что социально-экономические изменения влияют на преступность не сразу, а через определенный период, так как механизм этого влияния опосредуется характеристиками населения (субъективным фактором); кроме того, преступность порождают не сами по себе экономические процессы, а отрицательные последствия недостаточного учета или игнорирования этих процессов в управленческой деятельности, в том числе в предупреждении преступности [6. С. 81].

Социально-экономические факторы являются определяющими и среди детерминант рецидивной преступности. Исследователи к социально-экономическим факторам рецидивной преступности относят: поляризацию населения по уровню доходов; прекаризацию трудовой занятости населения (низкая заработная плата ранее судимых, случайная, неполная или временная трудовая занятость лиц, освобожденных из мест лишения свободы, нерегистрируемая трудовая занятость, распространенная среди судимых лиц); снижение уровня доходов населения [7].

М.В. Гончарова, исследуя генезис рецидива корыстных преступлений, преобладающего в структуре рецидивной преступности, справедливо указывает на то, что данное явление, прежде всего, обусловлено противоречиями социально-экономического развития общества. «Среди всех факторов экономический наиболее подвижный, изменчивый и больше других подвержен ежегодным колебаниям, он резко всего бросается в глаза, его связь с зависящими от него явлениями весьма очевидна. Другие факторы по своей природе мало подвержены ежегодным изменениям, совершаются медленно, происходящие в них перемены мало заметны» [8. С. 240].

По данным проведенного М.В. Гончаровой исследования, корыстные рецидивисты преимущественно являются представителями бедных слоев населения: до осуждения имели крайне низкие доходы, которых хватало на оплату минимального набора продуктов и услуг. К тому же после освобождения от наказания бывшие осужденные в большей степени, чем законопослушные граждане, испытывают негативное влияние трудностей экономической ситуации в стране. Осужденным и освобожденным намного труднее устроиться на работу. При этом работодатели неохотно принимают их на работу (недостаточная квалификация, злоупотребление алкоголем, наличие судимости и социально-бытовых проблем). «Еще до осуждения из-за низких образования и трудовой квалификации корыстные рецидивисты испытывали сложности в поиске работы. Низкая квалификация ранее судимых и, как следствие, низкая заработная плата, отпугивает их

от зарабатывания легальных средств к существованию; корыстные рецидивисты предпочитают более простой, выгодный и привычный способ самообеспечения – совершение краж, мошенничеств, гораздо реже присвоений или растрат» [8. С. 249].

Взаимосвязь социально-экономического положения региона и уровня преступности, в том числе рецидивной, прослеживается в том, что худшие показатели преступности регистрируются в регионах России с низкими показателями экономической и социальной сферы: в республиках Алтай и Тыва, Забайкальском крае уровень общей преступности на 100 тыс. человек превышает среднероссийский в 1,5 раза (в России – 1 377, в Республике Алтай – 2 075,1, Республике

Тыва – 1 990,1, Забайкальском крае – 2 080,5) (табл. 1). Уровень рецидивной преступности в указанных регионах превышает средний показатель по стране (427,3) в еще большей степени – в два раза в Республике Тыва (848,2) и Забайкальском крае (844,5), в три раза в Республике Алтай (1 153,4) (табл. 1).

В этих же субъектах России регистрируется наиболее высокий удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных рецидивистами: в Республике Алтай в 2022 г. доля тяжких преступлений составляла 63,7%, Республике Тыва – 64,0%, в Забайкальском крае – 67,7% (в РФ – 54,0%); доля особо тяжких в Республике Алтай – 52,4%, Республике Тыва – 73,8%, в Забайкальском крае – 53,9% (в РФ – 47,2%).

Таблица 1

Показатели рецидивной преступности в России и субъектах РФ в 2022 г.

Территория	Уровень общей преступности на 100 тыс. населения	Уровень рецидивной преступности (на 100 тыс. населения)	Доля рецидивных преступлений в расследованных, %	Доля тяжких преступлений, совершенных рецидивистами, %	Доля особо тяжких преступлений, совершенных рецидивистами, %
Российская Федерация	1 377	427,3	60,4	54,0	47,2
Республика Алтай	2 075,1	1 153,4	69,1	63,7	52,4
Республика Тыва	1 990,1	848,2	65,9	64,0	73,8
Забайкальский край	2 080,5	844,5	66,6	67,7	53,9

Рецидивная преступность в экономически неразвитых регионах характеризуется большей степенью общественной опасности: в ее структуре значительный удельный вес занимают преступления против жизни и здоровья. Так, средний удельный вес рецидивных преступлений против жизни и здоровья в России составляет 15,0%, в Республике Алтай – 24,7%, в Республике Тыва – 33,1%, в Забайкальском крае – 20,2%. Таким образом, в указанных субъектах РФ сложилась крайне опасная криминальная обстановка со сверхвысоким уровнем рецидива и широкой распространенностью преступлений против жизни и здоровья. Рассмотрим демографическую и экономическую ситуацию этих регионов.

Так, Республика Алтай – это субъект Российской Федерации, расположенный в центре Евразии, на юге Западной Сибири, входящий в состав Сибирского федерального округа. Численность населения Горного Алтая по состоянию на 01.01.2022 г. составляла 221 559 чел., доля городского населения занимала лишь 29,2% (существенно преобладает сельское население). Население республики многонационально: русские – 56,6%; алтайцы – 33,9%; казахи – 6,2%. В рейтинге российских регионов по качеству жизни в 2022 г. республика занимала 79-е место из 85. Рейтинг составлялся на основе таких данных, как уровень доходов населения, занятость и рынок труда, жилищные условия, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры [9].

При этом последнее место в данном рейтинге с наихудшими показателями заняла Республика Тыва, которая также располагается в центральной части Евро-Азиатского материка и входит в состав Сибирского федерального округа. Расположенность в отдалении от магистральных транспортных линий и крупных экономических центров, на границе с Монголией накладывает существенный отпечаток на освоении и экономическом развитии республики [10. С. 7]. Население Тывы на 01.01. 2022 г. составляло 337 271 чел. (городское – 54,6%). Территория республики очень слабо освоена. Средняя плотность населения составляет 2 чел. на квадратный километр.

Забайкальский край находится в восточной части Забайкалья на площади 431 892 км², что составляет 2,52% площади РФ (12-е место в стране). Численность населения – 1 000 520 чел. (01.01.2022 г.), входит в состав Дальневосточного федерального округа. Для Забайкальского края характерны типичные для большинства дальневосточных регионов проблемы регионального развития – экономическая и инфраструктурная изоляция от остальной части страны и наиболее развитых российских рынков, дотационность, преобладание добывающих, сырьевых отраслей промышленности, высокая себестоимость производимой продукции из-за повышенных транспортных и энергетических расходов, специфичность условий ведения сельского хозяйства и др. [11. С. 66].

О социально-экономической ситуации на той или иной территории можно судить на основе данных: о численности и плотности населения, его приросте, численности занятых, об объеме валового регионального продукта, о размерах инвестиций в основной капитал,

среднедушевого денежного дохода, об уровне безработицы, о доле населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Так, по официальным данным в регионах со сложной криминальной обстановкой весьма низкая плотность населения – если в среднем по стране она составляет 8,4 чел. на квадратный километр, то в Республике Алтай – 2,38, в Республике Тыва – 2,00, в Забайкальском крае – 2,4 (табл. 2). При этом в Забайкальском крае отмечается значительная убыль населения за счет естественного сокращения и миграционного оттока (убыль населения в 2021 г. составила 10 018 чел., миграционный отток – 5 490 чел.); доля естественной убыли населения в Забайкальском крае превышает аналогичный общероссийский показатель в 2,5 раза.

В национальных республиках (Алтай и Тыва) демографические процессы выглядят немного лучше: для них характерна высокая рождаемость и менее интенсивная миграция. В последние годы в этих республиках удавалось сохранить естественный прирост

населения. Между тем отрицательное сальдо миграции позволяет говорить об оттоке населения из этих регионов на другие территории, что свидетельствует об их низкой привлекательности с точки зрения развитости социально-экономических благ и рынка труда.

Как отмечают эксперты, сокращение численности населения порождает многочисленные внутрирегиональные проблемы: недостаток квалифицированных кадров, увеличение численности нетрудоспособного населения и трудности с обеспечением социальных гарантий (выплата пенсий и пособий, нагрузка на систему здравоохранения), увеличение нагрузки на трудоспособное население. С уменьшением плотности заселения снижаются перспективы дальнейшего освоения географического пространства региона. Сокращение численности детей и подростков снижает объемы и качество подготовки квалифицированных кадров в учебных заведениях, что ослабляет научный, инновационный и экономический потенциал региона [11. С. 65].

Таблица 2

Основные демографические показатели Российской Федерации и ее субъектов

Территория	Плотность населения, чел./кв. км.	Естественный прирост, чел.	Доля естественного прироста в численности населения, %	Миграционный прирост, чел.	Доля сальдо миграции в численности населения, %, человек
Российская Федерация	8,4	-1 043 341	-0,4	429 902	1,1
Республика Алтай	2,38	51	0,02	-554	-0,25
Республика Тыва	2,0	3 599	1,1	-1 358	-0,4
Забайкальский край	2,4	-10 018	-1,0	-5 490	-0,52

По экономическим показателям субъекты Российской Федерации со сверхвысоким уровнем рецидивной преступности также значительно отстают от средних значений по стране. При средних размерах валового регионального продукта на душу населения в стране 443 950,3 руб. в Республике Алтай этот размер составлял 283 451,4, в Республике Тыва – 251 799,9, в Забайкальском крае – 402 594,6 (табл. 3).

Об особо неблагоприятной социально-экономической обстановке в рецидивоопасных регионах страны

свидетельствуют данные о доходах населения и уровне безработицы (табл. 3). В частности, крайне низкими являются доходы населения в Республике Тыва – 20 652 руб.; в два раза ниже среднего по стране. При этом доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в данном регионе наиболее высокая – 28,2%.

В Республике Алтай средний доход составил 23 798 руб., в Забайкальском крае – 29 827 руб., доля населения с доходами, не превышающими прожиточный минимум 22,4 и 19,3% соответственно.

Таблица 3

Основные экономические показатели Российской Федерации и ее субъектов

Территория	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	Объем ВРП на душу населения, руб.	Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Уровень безработицы, %	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %
Российская Федерация	70817,9	443 950,2	22 945,4	40 272	3,9	11,0
Республика Алтай	82,4	283 451,4	15,2	23 798	12,0	22,4
Республика Тыва	103,7	251 799,9	14,8	20 652	15,0	28,2
Забайкальский край	456,8	402 594,6	161,5	29 827	8,7	19,3

Нельзя не обратить внимание на высокий уровень безработицы в рассматриваемых субъектах Российской Федерации: в Республике Алтай – 12,0%, в Республике Тыва – 15,0%, в Забайкальском крае – 8,7%, в среднем по стране – 3,9%. Если учесть

также наличие скрытой безработицы, то можно предположить, что доля населения, не имеющего источника дохода и составляющего резерв преступности, в данных регионах достигает значительной величины.

К основным проблемам регионов с низким уровнем экономического развития ученые относят [12. С. 318]:

- 1) неразвитое промышленное производство;
- 2) деградирующее сельскохозяйственное производство как в растениеводстве, так и в животноводстве;
- 3) низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, определяющей практическую «изолированность» территории от приграничных и соседних с ней регионов;
- 4) недостаточный уровень освоения богатых запасов природных ресурсов;
- 5) отсутствие собственных источников энергообеспечения;
- 6) полная зависимость регионального бюджета от дотаций федерального бюджета;
- 7) высокий уровень безработицы;
- 8) низкий уровень жизни населения.

Характерным для депрессивных регионов страны является дефицит бюджетных средств, который обуславливает недостаточное финансирование государственных целевых программ, в том числе принятых с целью обеспечения безопасности населения и противодействия преступности. Как показал анализ государственных программ профилактики, проведение ряда мероприятий запланировано без финансирования. Так, программа Забайкальского края «Комплексные меры по улучшению наркологической ситуации в Забайкальском крае» не предусматривает средств на проведение

мероприятий по профилактике наркомании и алкоголизма и пресечение незаконного оборота наркотиков в 2023 г. [13]. В государственной программе Еврейской автономной области «Профилактика правонарушений и преступлений в Еврейской автономной области» на 2023 г. не запланировано средств на повышение квалификации представителей аппарата антинаркотической комиссии; на развитие волонтерской деятельности по профилактике употребления наркотиков и пропаганде здорового образа жизни в подростковой и молодежной среде; на физкультурно-спортивные мероприятия, направленные на формирование здорового образа жизни среди несовершеннолетних и молодежи; на приобретение методических материалов и наглядных пособий по профилактике наркомании и алкоголизма и др. [14]. Представляется, что перечисленные мероприятия без финансирования вряд ли достигнут своей цели.

Таким образом, сравнительный анализ состояния общей и рецидивной преступности, а также уровня социально-экономического развития территорий показал, что в современный период худшие показатели рецидивной преступности наблюдаются в тех регионах, где регистрируются наиболее низкие показатели развития социальной и экономической сферы – в Республике Алтай, Республике Тыва, Забайкальском крае; уровень рецидивной преступности в них превышает средние значения по стране более чем в два раза.

Примечание

¹ Имеется в виду криминологический рецидив, т.е. совершение преступления лицом, ранее уже совершавшим преступление. В соответствии с п. 20 Приказа Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений», лицо считается ранее совершавшим преступление, если оно за ранее совершенное им преступление привлекалось к уголовной ответственности (уголовное дело направлялось в суд либо прекращалось по нереабилитирующим основаниям).

Список источников

1. Рейтинг регионов по преступности // РИА Рейтинг. 31.10.2022. URL: <https://riarating.ru/infografika/20221031/630231852.html>
2. Филиппова О.В. Криминологические особенности региональной рецидивной преступности // Российский следователь. 2023. № 1. С. 51–56.
3. Надбитов А.С. Региональная преступность и некоторые аспекты ее исследования // Актуальные вопросы юридических наук : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2012. С. 97–101.
4. Ефремова О.С. Криминологическое обеспечение предупреждения преступности в регионе : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2017. 250 с.
5. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. 284 с.
6. Территориальные различия преступности и их причины : сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Долгова и др. М., 1988. 104 с.
7. Рецидивная и профессиональная преступность // РАНХиГС. URL: <https://online-edu.ranepa.ru/mod/resource/view.php?id=17488>
8. Гончарова М.В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 457 с.
9. Рейтинг российских регионов по качеству жизни // РИА Новости. 13.02.2023. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html
10. Гончиков Ц.Д., Мандыт М.К. Региональные особенности социально-экономического развития республики Тыва // Вестник Бурятского государственного университета. Биология. География. 2014. № 4-1. С. 7–12.
11. Галсанов Б.Г., Арсентьева И.И. Проблемы социально-экономического развития Забайкальского края и перспективы их решения // Управление мегаполисом. 2010. № 6. С. 65–74.
12. Поподько Г.И. Пути преодоления неравенства социально-экономического развития отсталых регионов (на примере Республики Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 2 (437). С. 315–327.
13. Постановление Правительства Забайкальского края от 15.08.2014 № 467 «Об утверждении государственной программы Забайкальского края «Комплексные меры по улучшению наркологической ситуации в Забайкальском крае» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430608111>
14. Постановление Правительства Еврейской автономной области от 14 марта 2018 года № 82-пп «О государственной программе Еврейской автономной области «Профилактика правонарушений и преступлений в Еврейской автономной области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406699399?marker=64U0IK>

References

1. RIA Rating. (2022) *Reyting regionov po prestupnosti* [Rating of regions by crime]. 31 October 2022. [Online] Available from: <https://riarating.ru/in-fografika/20221031/630231852.html>
2. Filippova, O.V. (2023) *Kriminologicheskie osobennosti regional'noy retsidivnoy prestupnosti* [Criminological features of regional recidivism]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 1. pp. 51–56.
3. Nadbitov, A.S. (2012) [Regional crime and some aspects of its research]. *Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk* [Current issues of legal sciences]. Proceedings of the International Conference. Chelyabinsk. November 2012. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa. pp. 97–101. (In Russian).
4. Efremova, O.S. (2017) *Kriminologicheskoe obespechenie preduprezhdeniya prestupnosti v regione* [Criminological support for crime prevention in the region]. Law Cand. Diss. Ryazan.
5. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')*: *ucheb. posobie* [Criminology (General part): textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Dolgova, A.I. et al. (eds) (1988) *Territorial'nye razlichiya prestupnosti i ikh prichiny* [Territorial differences in crime and their causes] Moscow.
7. RANEPa. (n.d.) *Retsidivnaya i professional'naya prestupnost'* [Recidivism and professional crime]. [Online] Available from: <https://online-edu.ranepa.ru/mod/resource/view.php?id=17488>
8. Goncharova, M.V. (2014) *Retsidiv korystnykh prestupleniy i ego preduprezhdenie* [Recidivism of mercenary crimes and its prevention]. Law Dr. Diss. Moscow.
9. RIA Novosti. (2023) *Reyting rossiyskikh regionov po kachestvu zhizni* [Rating of Russian regions by quality of life]. 13 February 2023. [Online] Available from: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html
10. Gonchikov, Ts.D. & Mandyt, M.K. (2014) *Regional'nye osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya respubliky Tyva* [Regional features of socio-economic development of the Republic of Tyva]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya. Geografiya*. 4-1.
11. Galsanov, B.G. & Arsent'eva, I.I. (2010) *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Zabaykal'skogo kraia i perspektivy ikh reshenie* [Problems of socio-economic development of Zabaykalsky krai and prospects for their solution]. *Upravlenie megapolisom*. 6. pp. 65–74.
12. Popod'ko, G.I. (2017) *Puti preodoleniya neravenstva sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya otstalykh regionov (vozniknoveniya Respubliki Tyva)* [Ways to overcome inequality in the socio-economic development of backward regions (the emergence of the Republic of Tyva)]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 2 (437). pp. 315–327.
13. Docs.cntd.ru. (2014) *Decree of the Government of tZabaykalsky krai dated August 15, 2014, No. 467: On approval of the state program of Zabaykalsky krai "Comprehensive measures to improve the drug addiction situation in Zabaykalsky krai"*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/430608111> (In Russian).
14. Docs.cntd.ru. (2018) *Decree of the Government of the Jewish Autonomous Okrug of March 14, 2018, No. 82-pp: On the state program of the Jewish Autonomous Okrug "Prevention of offenses and crimes in the Jewish Autonomous Okrug"*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/406699399?marker=64U0IK> (In Russian).

Информация об авторе:

Филиппова О.В. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Улан-Удэ, Россия). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Filippova, Cand. Sci. (Law), head of the Criminal Law Disciplines Department, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 21.08.2023;
одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.*

*The article was submitted 21.08.2023;
approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 495. Октябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 06.11.2023 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 29,2. Усл. печ. л. 38,0. Тираж 50 экз.
Заказ № 5780. Цена свободная.

Дата выхода в свет 07.03.2024 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru